

Министерство
образования и науки
Российской Федерации

«ИНО-Центр
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени Кеннана
Центра Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).

Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Научный совет

Губин Сергей Александрович	— доктор физико-математических наук
Данилова Елена Николаевна	— кандидат социологических наук
Зверева Галина Ивановна	— доктор исторических наук, профессор
Каменский Александр Борисович	— доктор исторических наук, профессор
Кортунов Андрей Вадимович	— кандидат исторических наук
Юревич Андрей Владиславович	— доктор психологических наук, член-корреспондент РАН

С. В. КОРТУНОВ

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ**
ПОСТИЖЕНИЕ СМЫСЛА

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2009

УДК 323/324
ББК 66.5
К66

*Печатается по решению Научного совета программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»*

Научный рецензент:
профессор кафедры мировой политики ГУ-ВШЭ
М. З. Шкундин

Кортунов С. В.
К66 Национальная идентичность: Постижение смысла / С. В. Кортунов. — М.:
Аспект Пресс, 2009. — 589 с.

ISBN 978–5–7567–0551–5

В монографии исследуются проблемы кризиса национальной идентичности в условиях глобализации. Особое внимание в этом контексте уделяется процессам, размывающим национальную идентичность большинства государств мира, включая Россию. Анализируется взаимосвязь идентичности и модернизации при необходимости сохранения национального культурного ядра как важнейшего условия ее конкурентоспособности.

На основе анализа исторического опыта России, ее цивилизационных особенностей, в том числе специфики национального самосознания, рассматриваются роль и значение религиозного (православного) фактора в становлении российской государственности, советский исторический период, опыт либеральных реформ, культурологические и этнические аспекты идентичности, имперское и национальное в российском сознании, особенности технологической модернизации России с прицелом на переход к инновационному типу развития, трудности и преимущества сохранения европейского вектора российской внешней политики.

Книга адресована ученым, преподавателям, аспирантам и докторантам гуманитарных дисциплин, студентам гуманитарных вузов, представителям отечественного и зарубежного экспертного сообщества, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами национальной идентичности в условиях глобализации.

Книга распространяется бесплатно

УДК 323/324
ББК 66.5

ISBN 978–5–7567–0551–5

© Кортунов С. В., 2009
© АНО «ИНО-Центр (Информация.
Наука. Образование)», 2009

Научное издание

Кортунов Сергей Вадимович

Национальная идентичность.

Постижение смысла

Редактор *Е. Н. Ковалева*. Корректор *Ф. Ф. Аймалетдинова*.

Художник *Д. А. Сенчагов*. Компьютерная верстка *С. А. Артемьевой*

Подписано к печати 18.03.2009. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 37. Тираж 1000 экз. Заказ №

ЗАО Издательство «Аспект Пресс». 111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8
E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru. Тел. (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Оглавление

Введение: Общая постановка проблемы	8
<i>Примечания</i>	20
Глава 1. Россия в тисках глобализации	21
Западня глобального мира	21
Национальное и транснациональное в XXI веке	27
Мифологема национальной идеи	33
Россия как «слоеный пирог»	37
Ценности и императив модернизации	44
Соблазн особого пути	56
Европейский вектор: неизбежность и пределы	60
Традиция и современность: поиски синтеза	64
<i>Примечания</i>	66
Глава 2. Православный крест и державный орел	68
Святая Русь	69
Соблазн и грехопадение	76
«Симфония властей»	84
Церковь в государственном мундире?	93
Второе Крещение Руси	105
Новое христианство	116
<i>Примечания</i>	121
Глава 3. Судьба русского коммунизма	124
Новая религия	124
О частной собственности	130
Красная Россия	134
Коммунистическая вера и идеология	141
О коммунистическом труде	147
О международном значении советского опыта	151
Коммунизм и фашизм	155
Будущее русского коммунизма	163
Коммунизм в XXI веке	180
<i>Примечания</i>	188
Глава 4. Метаморфозы либеральной идеи	193
Феномен свободы	194
Либерализм как мировая идеология	199
Упадок либерализма	207
Нищета либеральной философии	214
Либерализм и русское общество	221
Постсоветский либерализм	226
Либеральный большевизм	238
Что думают о либерализме в Китае	246
Об управляемой демократии	248
Есть ли будущее у российского либерализма?	253

Способен ли российский либерализм к собственному эксперименту?	254
Приговор	258
<i>Примечания</i>	261
Глава 5. Евразийство: национальная идея или химера?	264
Русский народ в Евразии	264
Возникновение евразийства и его крушение	271
Идейный разгром евразийства	278
Россия и Евразия в XX веке	282
Что стоит за возрождением евразийства?	286
Национальная идея или очередная химера?	296
Конец идеологии евразийства	302
Европейская идентичность России	306
Евразийский проект для России	308
<i>Примечания</i>	311
Глава 6. Имперское и национальное	314
Империи – локомотивы истории	316
«Имперские амбиции»	318
Соотечественники без Отечества	323
Этнические аспекты имперской идентичности	330
К вопросу о «русской нации»	334
Почему Америка – не империя	337
Грядет ли Пятая Империя?	345
<i>Примечания</i>	350
Глава 7. Парадигма развития	351
Национальная идентичность в контексте стратегии развития	351
Об устойчивом демократическом развитии	352
Формирование открытого общества	358
Постиндустриальное (информационное) общество	362
Технологическая республика	365
<i>Примечания</i>	373
Глава 8. Модернизационный проект	375
Основные проблемы национальной модернизации	375
Понятие конкурентоспособности	380
Модернизация институтов	393
Инновационная модернизация как национальный проект	397
Неоэкономическая цивилизационная модель	402
На пути к постэкономической цивилизации	407
<i>Примечания</i>	414
Глава 9. Идентичность и правопреемство	415
1991 год: отказ от исторической преемственности	415
Российская политическая элита: болезнь дерусификации	419
Российская Федерация как правопреемница исторической России	429
Преодолеть советскую идентичность	433
Историческая Россия как субъект мировой политики	441
<i>Примечания</i>	444

Глава 10. Великая Победа как ресурс национальной идентичности	445
Смысл Великой Победы	446
О правопреемстве и покаянии	454
Надо ли нам каяться?	462
В чем же надо каяться?	464
Волна взаимного примирения	468
Осмыслить прошлое, чтобы двигаться в будущее	473
Примечания	476
Глава 11. Национальная идентичность: внешнеполитическое измерение	477
Общая характеристика внешней политики России	477
Внешнеполитические интересы России: глобальное измерение	483
Основные внешнеполитические интересы России	487
Союзники, партнеры, оппоненты	492
Россия в формирующемся новом мировом порядке	498
Ресурсы внешней политики	504
Стратегия избирательной вовлеченности	511
Внешняя политика в контексте инновационного проекта	514
Примечания	517
Глава 12. Какая Россия нужна миру?	518
Как к России относятся в США	518
Несостоявшийся союз	522
Причина недоверия	526
Как воспринимают нашу элиту	528
Почему пробуксовывает интеграция	531
Пора делать выбор	534
Евразийский геополитический балансир	537
Смысловое пространство	540
Россия и Запад	544
Русский народ и его миссия	547
Россия на пути к мировому лидерству	551
Примечания	560
Приложения	562
<i>Приложение 1.</i> Коммунизм и христианство	562
<i>Приложение 2.</i> Протестантская этика	566
<i>Приложение 3.</i> Либеральный манифест (двенадцать принципов современного либерализма)	573
<i>Приложение 4.</i> Как русские осваивали Евразию (из выступления В. Махнач в Клубе мировой политической экономики)	575
<i>Приложение 5.</i> Русский путь	582
<i>Приложение 6.</i> Территория исторической России	583
<i>Приложение 7.</i> Внешнеполитические интересы России	586

ОБЩАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Становление внутренней и внешней политики и системы национальной безопасности России, столь противоречиво и болезненно проходящее в последние почти двадцать лет, в первую очередь связано с нерешенной до сих пор проблемой национальной идентичности страны¹.

Кризис идентичности — это утрата Россией своего исторически сложившегося представления о самой себе. Что такое Российская Федерация как государство? Каково ее реальное положение в мире? Кто ее союзники и соперники? Где ее подлинные границы? Как они определяются? Как соотносится весь исторический опыт (как положительный, так и отрицательный) российской государственности с ее нынешним состоянием? Какова долгосрочная стратегия страны в XXI в.? Ни по одному из этих вопросов ни у власти, ни у общества ясных и единых позиций не было и нет.

Сегодня трудно найти другую страну, граждане которой столь расходились бы между собой в понимании своей геополитической, цивилизационной, социально-экономической и прочей специфики и роли. Отсюда и главная угроза национальной безопасности: она связана с неспособностью вернуться на исторически преемственный путь национально-государственного развития и соответственно самоопределиться в качестве современного субъекта в мировой политике, в системе международных отношений и международного экономического разделения труда. Дальнейшее затягивание процесса национального самоопределения чревато утратой Россией своих законных и естественных места и роли в мировой политике, а в более широком плане — в глобальном историческом процессе в целом. Как следствие, Россия может быть отодвинута на периферию мирового развития, что имело бы крайне негативные последствия не только для нее, но и для всего мира.

Несмотря на видимые успехи внутренней и внешней политики России в последние годы, рискуем заявить, что именно такая перспектива грозит России в случае, если в ближайшее время она не преодолет кризис национальной идентичности, т.е. не вернется к исторически сложившемуся представлению о самой себе.

Основные дискуссии и политическая борьба в России в последние двадцать лет шли вокруг экономических и политических вопросов: как должна быть устроена экономика, какую роль должно играть государство, как добиться того, чтобы народное хозяйство развивалось на благо всех граждан, каким образом создать политические и государственные институты, чтобы они выражали волю народа и действовали в соответствии с нею. Хотя в обществе еще нет полного единодушия вокруг фундаментальных, цивилизационных ценностей, по перечисленным вопросам все же достаточное согласие есть. Практически никем, кроме политических маргиналов, мечтающих о равенстве в нищете, не оспаривается необходимость различных форм собственности, включая частную, а также рыночной экономики, хотя и с твердыми социальными гарантиями со стороны государства. Несмотря на тоску еще многих по «сильной руке» и «железному порядку», можно говорить об общем признании необходимости сохранения и последовательного развития основных демократических институтов открытого общества: правового государства, гражданского общества, представительной демократии, свободы слова, средств массовой информации, творческой самореализации, совести, которые только и способны обеспечить достоинство человека и безопасность его семьи.

Однако по ряду важнейших перечисленных выше концептуальных вопросов, от понимания сути и способа решения которых зависит дальнейшая жизнь народа и государства, такого согласия нет.

К сожалению, и представления о новой России той части международного сообщества, которую принято называть Западом, в настоящий момент в основном по-прежнему окрашены в негативные тона. На Западе более или менее хорошо знают, чем она не должна быть, но не имеют конструктивных идей и соображений относительно того, чем Россия может и должна быть, вновь обретая свою национальную идентичность. Вряд ли, однако, было бы продуктивно обвинять в этом один лишь Запад. Ведь никто, конечно, «извне» не может объяснить нам наши место и роль в мировой политике. Россия должна сама осознать их, что позволит ей четко сформулировать свои национальные цели. Это в интересах всех, поскольку политика России станет более предсказуемой, что в свою очередь позволит выстроить жизнеспособную систему партнерских связей, материализованную в плодотворное и равноправное сотрудничество с Западом по широкому кругу фундаментальных проблем мировой политики.

Отсутствие стратегической самоопределенности, утрата государственной идентичности, чувства национального самосознания ведет, как показывает всемирная история, к неспособности четко формулировать (а следовательно, отстаивать) национальные интересы, к их неизбежной

подмене либо несбыточными, либо ущербными идеями и целями. В этом кардинальная причина того, что важнейшие внутри- и внешнеполитические решения принимаются в России не на основе таких интересов, а исключительно на базе прагматических (зачастую лишь интуитивно ощущаемых) соображений. Однако, как говорил один из героев О' Генри, «песок — плохая замена овсу». И решения, определяющие политику, а следовательно, и судьбу страны на десятилетия вперед, не могут быть основаны лишь на прагматизме, даже если сегодня он кажется единственно возможным и верным. Кроме того, есть прямая причинно-следственная связь между отсутствием качественного (инновационного) экономического роста и нерешенностью проблемы национальной идентичности.

Поиск Россией своей национальной идентичности и соответственно определение национальной стратегии развития связаны также с происходящими в мире весьма противоречивыми процессами глобализации. Эти процессы неизбежно наталкиваются на национальную идентичность как на препятствие своему естественному развитию. Возникает угроза поражения центрального идентификационного ядра, хранящего наиболее устоявшиеся, накапливающиеся порой тысячелетиями и потому наиболее прочные представления различных этнонациональных общностей о себе самих.

Сохранение и укрепление этого ядра, как представляется, и составляет важнейшую задачу национальной безопасности, поскольку национальная идентичность является ее сущностной основой и одновременно важнейшим ресурсом конкурентоспособности в условиях глобализации. Причем для многих стран это не только означает выбор адекватной конкурентоспособной стратегии развития, но и превращается в вопрос национального выживания. При этом развиваются многообразные конфликты, исход которых зависит от прочности или рыхлости сложившихся национальных идентичностей, их бескомпромиссности и жесткости, невосприимчивости к новому или, напротив, их гибкости, способности к адаптивному изменению, обновлению без утраты культурных идентификационных ядер. Глобализация, перемальвающая национальную идентичность, создает, таким образом, новое поле конкуренции для национальных государств. Происходит своего рода квалификационный турнир таких ядер.

Такие государства, как СССР, Югославия, Чехословакия, распались во многом именно потому, что оказались неконкурентоспособными (хотя в каждом из этих случаев были и другие, особые причины для дезинтеграции). В конце XX в. на грани распада оказалась Российская Федерация. Сегодня на прочность уже испытывается Китай. Завтра под ударом могут оказаться и другие внешне вполне успешные и устойчивые государственные образования.

Утрата национальной идентичности ведет, как показывает мировая практика, к потере не только национальных ценностных ориентиров, но и значительной части национального суверенитета государств. Это в свою очередь означает отказ от собственных национальных интересов, неспособность этих государств к самостоятельной как внутренней, так и внешней политике. И напротив, четкое самоопределение, твердая опора на национальные идентификационные коды открывает возможность проводить свой собственный внутри- и внешнеполитический курс, основанный на глубоко осознанных и четко сформулированных национальных интересах.

В условиях повсеместного и всеобъемлющего кризиса национальной идентичности каждое государство, даже из числа тех, которые добровольно и сознательно передают значительную часть своего национального суверенитета более мощным государствам и межгосударственным объединениям, делает все возможное для его преодоления. Поскольку идентичность является важным структурным компонентом конкурентоспособности национальных государств, она сама вовлекается в водоворот всемирной конкуренции. Идет «битва идентичностей». В этой конкурентной борьбе пощады нет никому. И выигрывают те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу. Государства, слабые в этом отношении, вынуждены лишь наблюдать, как их национальные идентичности стремительно и неизбежно растворяются в процессах глобализации.

С другой стороны, туго сопротивляться процессам глобализации не только невозможно, но и контрпродуктивно. Овладев ее «правилами игры», следует использовать те возможности, которые она предоставляет, а желательно — влиять на эти правила. Необходимо по возможности быть не только объектом, но и субъектом глобализации. Каждая без исключения страна является ее объектом. Но лишь немногие — субъектами. Например, Япония — это и объект, и субъект глобализации. Испытывая давление американизации, она является ее объектом. Но трансформируя заимствованные ценности, она выступает в роли субъекта глобализации, передавая их в адаптированном виде азиатским странам².

Исходя из этого, для преодоления кризиса национальной идентичности, на наш взгляд, мало заявить, что Российская Федерация является «продолжательницей СССР». Необходимо четко и недвусмысленно объявить права нынешней России на ее тысячелетнее историческое наследие, пока никем всерьез не оспариваемые. Ибо только такой шаг России позволит ей сохранить центральное идентификационное ядро, обеспечивающее ее субъектную устойчивость, государственную и цивилизационную жизнеспособность, а также конкурентные преимущества в современном мире.

Казалось бы, новая Россия это уже сделала. Еще в Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 13 июня 1996 г. (до сегодняшнего дня единственным посланием по этим вопросам) декларировано: «С точки зрения исторической Россия — наследница Древней Руси, Московского царства, Российской империи, продолжательница Союза ССР». В Послании также сказано, что Россия продолжает занимать уникальное положение в Евразии, которое испокон веков позволяло ей играть важную стабилизирующую роль в глобальном балансе сил и интересов. Она представляет собой сложнейшую этническую общность, сплоченную исторической судьбой русского народа, который взаимодействует на добровольной и равноправной основе с другими народами, выразившими желание жить в едином с ним государстве. Обилие природных богатств, экономический, оборонный и интеллектуальный потенциал может и должен обеспечить ей максимальную хозяйственную автономию при возникновении угроз национальной безопасности и развитию в качестве суверенного государства³.

Однако такая декларация не дает четкого представления о том, на какое, собственно, историческое наследство претендует Российская Федерация, что она принимает, а что отвергает из своего прошлого. С юридической точки зрения Российская Федерация не может быть правопреемницей одновременно Российской империи и СССР, который, как известно, был построен на принципах отрицания и отмены законов империи. Кроме того, с точки зрения исторической все эти этапы русской истории — периоды разной кратности (продолжительности), к которым неприменимы одинаковые критерии и оценки. Что такое 73 года? Это миг по сравнению с тысячелетней русской историей. А что такое тысяча лет? Тысяча лет — это период, который человек логически, эстетически и даже нравственно не в состоянии осмыслить. Это органика, почва, из которой мы выросли. Это то, что мы никакими силами не можем изменить. Это выше сил не только отдельного человека, но и поколения, даже, может быть, нескольких поколений людей. Необходимо четко понимать, что на протяжении этой тысячи лет также были разные периоды: и столетние, и десятилетние, у каждого из которых свое лицо. Например, мы можем определенным образом оценивать период Великой Смуты и самозванства, но это не значит, что мы переносим эту оценку на весь XVII век.

Слабую тень идеи о правопреемстве можно найти в преамбуле действующей Конституции РФ, в словах «возрождая суверенную государственность». Но это не ответ на главный вопрос, а именно — какую историческую правовую традицию продолжает наше государство?

Наконец, между декларацией и взвешенной, хорошо осмысленной и твердой политикой дистанция огромного размера. Мало сделать заяв-

ление, важно показать, что из него следует в плане принятия реальных политических мер, совершения практических шагов на уровне государства в области восстановления духовного, культурного, правового и исторического преемства с исторической Россией как единственно возможной основы ее возрождения. А затем принять эти меры и совершить эти шаги.

Для начала зададимся простым вопросом: почему проблема национальной идентичности, а соответственно и национальных интересов практически никогда не возникала в СССР?

Да потому, что советские интересы и интересы национальные — вещи не только совершенно разные, но и во многом диаметрально противоположные. Интересы СССР носили глобальный, а не национальный характер, поскольку были связаны с реализацией глобального всемирно-исторического проекта, альтернативного западному, впрочем, столь же глобальному — в пространстве и во времени — проекту. Советский эксперимент обошелся России в десятки миллионов жизней и еще в десятки миллионов неродившихся людей. Территория исторической России подверглась невиданной перекройке в пользу национальных республик. А национальный образ жизни, русская культурная идентичность утонули в глобальном коммунистическом проекте.

У любого государства, имеющего представление о себе самом, есть четкая иерархия национальных интересов. Они могут быть краткосрочными (3–5 лет), среднесрочными (10–20 лет) и долгосрочными (30–50 лет). Наконец, есть и «вечные» национальные интересы, связанные с защитой и развитием народа (этноса), территории, на которой он живет (если хотите, жизненного пространства), и образа его жизни (национальной и культурной идентичности). Ни одной из категорий этих интересов внутренняя и внешняя политика СССР не отвечала. Сегодняшняя Россия пытается сформулировать некоторые краткосрочные национальные интересы, однако представления о «вечных» национальных интересах у нее пока нет. А потому вновь и вновь встает вопрос о ее национальной идентичности.

Запрос на «национальное» (концепцию национальной безопасности) в свое время впервые сделал «поздний» СССР, когда партийная номенклатура от самостоятельного исторического проекта отказалась. Тогда моментально и возник вопрос о национальной идентичности: кто мы? откуда мы? куда идем?

К сожалению, на том этапе проблема решена не была (созданная М. Горбачевым и А. Яковлевым «комиссия Ю. Рыжова» по выработке концепции национальной безопасности бесславно провалилась). Тогда «прорабы перестройки» объявили целью «вхождение СССР в мировое цивилизованное сообщество», т.е. по существу объявили о своей неспо-

способности «тянуть» самостоятельный исторический проект и ввиду этого поставили новую задачу — войти в чужой, западный либеральный проект. И никто — ни М. Горбачев, ни А. Яковлев, ни Э. Шеварднадзе — не озаботился вопросом о том, на каких, собственно, условиях это произойдет. В результате была осуществлена попытка войти в чужой проект за счет отказа от своей субъектности, т.е. идентичности. Именно тогда высшее руководство СССР по существу выбросило на свалку истории советскую идентичность, не предложив вместо нее никакой другой.

Последствия не заставили себя долго ждать. Советская идентичность мгновенно раскололась на пятнадцать национальных идентичностей союзных республик, что неизбежно привело к обвальному распаду всего «советского мира». Сначала распалось контролируемое Москвой международное коммунистическое движение, потом — СЭВ и Организация Варшавского договора, а затем и сам СССР. И немудрено. Кто сказал, что «интегрироваться в мировое сообщество» следует одновременно и в качестве единого международного субъекта? А почему нельзя интегрироваться частями? И с разной скоростью?

Вот почему и в России (в той, что от нее осталась) вопрос о национальной идентичности стал вопросом выживания страны, ее территориальной, не говоря уже о культурной, целостности. Двадцать лет шел мучительный поиск такой идентичности. И, казалось бы, страна стала выходить на решение этого вопроса, что отражено в важнейших документах по национальной безопасности последних лет. Тем не менее и задачу «интеграции в мировое сообщество» никто не отменил, а главное — никто не сказал, на каких условиях мы готовы это сделать. Если на любых — будь то в качестве периферии мирового капитализма, сырьевого придатка постиндустриальных стран или кладбища радиоактивных отходов, — то тогда следует приготовиться к тому, что на повестке дня вновь встанет проблема территориальной целостности России. Почему «интегрироваться в мировое сообщество» Чечня, например, не может через Турцию; Калининград — через Германию; Курилы — через Японию; Сибирь — через Китай, а Татарстан, скажем, через Швейцарию?

Если своей политикой мы ежедневно подтверждаем, что у России нет собственного исторического проекта, нет собственной субъектности (идентичности), то как тогда можно возражать против того, что наши регионы будут говорить напрямую с США, т.е. со страной, где эта субъектность есть и которая является цитаделью именно того проекта, куда Россия сама страстно хочет «интегрироваться» по существу на любых условиях? Любой прагматически мыслящий региональный политик (Шаймиев, Рахимов или Кадыров) немедленно поедет — но не в Москву, а в Вашингтон — за инструкциями о том, как лучше «интегрироваться» в мировое сообщество.

Конечно, вероятность распада России сейчас гораздо меньше, чем это было в отношении СССР в 1991 г. Но зачем же наступать на те же грабли второй или третий раз? Ведь уже многократно доказано, что игра на чужом поле, в особенности если не очень хорошо знаешь и это поле, и правила игры, к добру не приводит. Но, похоже, грабли — это наш «национальный вид спорта».

В контексте всемирной истории советский и имперский периоды имеют немало схожего. Как и СССР, Российская империя опиралась на масштабную, универсальную и идеократическую парадигму развития, в известной мере опониравшую парадигме западного развития. Как и советская, имперская государственность России не была узконациональной, т.е. чисто русской. Вопреки известному клише, запущенному большевиками, Российскую империю, которая формировалась на протяжении целого тысячелетия, вряд ли безоговорочно можно назвать «тюрьмой народов».

Русскую историю, конечно, ни в коем случае нельзя идеализировать. В ней были периоды не только высочайших нравственных взлетов, но и глубоких моральных падений. Но ею, безусловно, можно и нужно гордиться. Это история не только завоеваний, но и во многом добровольного политического, хозяйственного и административного союза земель, этносов и культур, скрепляемого общегосударственными ценностями и интересами, идеей общего блага. Для многих народов вхождение в состав российского государства стало возможностью выживания и развития, сохранения культурной и конфессиональной идентичности и самобытности. Далеко не все народы были присоединены к нему путем военного насилия. Некоторые из них с оружием в руках боролись за присоединение к России, которая была им духовно близка, а в ряде случаев выполняла по отношению к ним освободительную и цивилизаторскую миссию. Малые народы, или субэтноты, в свое время предпочли существование в пределах русского этноса, сравнительно более терпимого к ним, из-за опасности уничтожения другими, менее терпимыми этносами. Принятые в лоно Большой России, они должны были быть не соперниками, а соратниками в исполнении Общего Дела и предназначения. В силу своей географии Россия стала естественным убежищем эмигрантов с Запада и с Юга. Взаимная открытость русских и тянувшихся в Россию инородцев, подвижников самых разных культур и религий, привела к созданию на огромной евразийской территории единой этнической общности — российского суперэтноса. Оказавшись центром этнического и культурного притяжения не только славян, но и других сопредельных народов, русский народ был в большей степени «российским», чем «русским», и в силу этого никогда не был «нацией» в западном смысле слова.

Никогда не была Россия и империей западного типа. История России — это история страны, которая осваивала новые территории, и история государства, которое стремилось подчинить себе изначально стихийный процесс монастырской и крестьянской «колонизации». Собственно, изначально, «малая» Россия не могла похвастаться по сравнению с «колониями» ни повышенным благосостоянием населения, ни сформировавшимся третьим сословием, ни активно развивающейся за счет колониальных инвестиций социальной инфраструктурой.

И в киевский, и в московский, и в петербургский периоды своей истории она формировалась именно как Большая Россия, замысленная не только как наследница вселенской идеи Первого, а затем и Второго Рима («Москва — Третий Рим»), но и как основной исторический субъект осуществления вековой мечты человечества — построения Царства Божиего на земле. Этот исторический путь, по которому шли поколения и поколения русских людей, во многом предопределил судьбу России в XX в., когда она, единственная из стран Европы, не оказала должного сопротивления коммунистической идее.

Однако российский имперский опыт и опыт советский, коммунистический — и по замыслу, и по историческим результатам — полярно противоположные и во многом взаимоисключающие. И сходство между ними чисто внешнее. Нельзя ставить знак равенства между большевистским государством «рабочих и крестьян» — СССР — и православной Российской империей, как нельзя ставить знак равенства между коммунизмом и христианством. Нельзя ставить знак равенства между *государством*, каким был Советский Союз, и *страной*, которой является историческая Россия. Между Российской империей и СССР имеется непримиримое противоречие, которое делает эти государства антагонистами и в правовом, и в историческом контексте. В октябре (а в более точном юридическом смысле уже в феврале—марте) 1917 г. была прервана преемственность российской государственности и российской истории в целом. Путь, по которому Россия шла почти тысячу лет, был внезапно прерван. Великая страна, органически сцементированная русским суперэтносом, русским духом, культурой и языком, была превращена в псевдопролетарское, псевдоинтернациональное государство, целостность и единство которого сохранялись насильем и ложью.

Кроме того, в отличие от монархической России СССР стал государством безбожным и антинациональным. Даже воинствующе атеистическим и космополитическим. Ведь субъектом Истории большевики объявили не православный русский народ, а безбожный пролетариат, который «не имеет своего отечества» и которому «нечего терять, кроме своих цепей». Большевики попытались использовать русских как материал для коммунистического эксперимента, а саму Россию — лишь как

плацдарм («вязанку хвороста») для мировой пролетарской революции. В отличие от русских самодержцев, которые расширяли Империю, сосуществуя с другими государствами и народами, они вознамерились поставить под коммунистические знамена весь мир. Герб СССР — это земной шар, а не двуглавый орел Евразии. Третий Интернационал никогда не мыслил ни имперски, ни национально. Большевики не только пели «отречемся от старого мира», но и действительно, причем официально, отреклись от всей российской истории, отведя ей роль лишь *предыстории*, объявив, что с 1917 г. начинается своя история государство нового типа — советское. Впервые в истории революций был одновременно отменен абсолютно весь корпус российских законодательных и иных правовых актов. Было заявлено и об отказе признать долги царской России как «чужого государства». Наконец, в 1922 г. страна получила название, никоим образом не связанное с ее исторической государственностью, — «Союз Советских Социалистических Республик». Само это наименование уникально. Например, США — полиэтничное образование, но по его названию хотя бы понятно, где находится страна. А на каком материке земного шара существовал СССР, из его названия неясно.

Таким образом, и юридически, и политически, и духовно Советское государство отказалось признать себя правопреемником исторической России. А так происходит лишь тогда, когда страну завоевывает внешняя сила, с презрением относящаяся к аборигенам. Но порой даже захватчики не делают с покоренными странами того, что духовно и физически сотворил коммунизм в России.

Альтернатива большевистской диктатуре в России конечно же была. Это развитие по пути буржуазно-демократической республики, скорее всего парламентского типа, возможно, с сохранением номинальной монархической верховной власти, как это произошло в Великобритании, Нидерландах, Испании и ряде других стран Европы. К 1917 году всем ходом своей мучительной истории Россия подошла к конституционному перерастанию в демократическое федеративное государство со своим достойным местом в сообществе цивилизованных стран, но была свергнута большевиками в пучину социальных, политических и национальных потрясений.

Может ли новая Россия с учетом сказанного предъявить права одновременно на историческое наследство СССР и Российской империи? Или это ложный выбор, который нам хотят навязать наши противники? Ведь, с одной стороны, если Россия делает выбор исключительно в пользу СССР, о *национальной* идентичности вряд ли вообще можно говорить, поскольку советский исторический проект по определению был антинациональным, отрицающим исторический опыт Российской империи, да и всю историю России до 1917 г. С другой стороны, если

Россия, отказавшись от коммунистической идеологии, будет строить свое дальнейшее историческое бытие на отрицании СССР, она не сможет принять на себя и советское наследство, составляющее не только отрицательный, но и положительный исторический опыт. В обоих случаях Россия теряет всякие ориентиры в историческом времени и пространстве, погружаясь в некую «черную дыру» всемирной истории и переставая быть историческим субъектом в целом.

Выход из этой дилеммы может быть лишь один: принять на себя и заслуги, и грехи как Российской империи, так и СССР. Для этого надо понять, что история страны непрерывна. Отношение к различным периодам и моментам национальной истории может быть разным. Следует понимать и признавать ошибки и заблуждения, которые приводили к поражениям и потерям. Но одновременно свою историю нужно уважать, какими бы трагическими ни были некоторые ее страницы. Ни одна часть национального исторического бытия не должна быть потеряна, и ни одна секунда ее исторического времени не может быть объявлена бессмысленной. Только так и можно «вернуться» в историю всемирную в качестве ее полноправного субъекта.

При этом, на наш взгляд, в отношении СССР, который отказался быть правопреемником Российской империи, должна быть применена не доктрина исторической и правовой преемственности, а доктрина континуитета, предполагающая, что новая Россия является не наследницей, а всего лишь продолжательницей того международного субъекта, каковым был Советский Союз.

В принципе эта идея и отражена в Послании по национальной безопасности от 13 июня 1996 г. и в последующих документах по вопросам национальной безопасности. Однако там не говорится, в чем разница между наследницей и продолжательницей и какие конкретные политические и правовые акты должны последовать после признания того обстоятельства (для нас бесспорного), что Россия является одновременно исторической и правовой наследницей Российской империи и международно-правовой продолжательницей СССР.

Внести ясность в этот вопрос — долг и обязанность не только политического руководства страны, но и российского политического класса в целом: ведь от этого зависят перспективы возрождения России как мощной и процветающей державы XXI в.

При этом следует искать такой путь ее развития, который основывался бы на преемственности российских исторических традиций и ценностей при одновременном их сочетании с основополагающими демократическими нормами и принципами, записанными в Конституции 1993 г. и в других основополагающих положениях и правовых документах уже новейшего периода российской истории. Не стоит опасаться,

что демократическая государственность и следование фундаментальным ценностям могут ущемлять самобытность России. Демократизация, становление правового государства не означают утраты самобытности. Наоборот, только правовое государство и является единственно надежным способом обеспечения действительно самостоятельного, самобытного развития. Демократическая ориентация, доверие к обществу и открытость — именно это и предполагает возможность «самому быть». Все остальное — не самобытность, а попытки навязать народу чьи-то сугубо личные или корпоративные представления о российской самобытности.

Методы и пути реформ (экономических, политических, социальных, правовых и т.д.) могут быть предметом дискуссий, но для национальной элиты любой страны необходимо наличие определенных ценностей и понятий общенационального значения, о которых не спорят. Вокруг этих фундаментальных ценностей, общего взгляда на определяющие вехи истории и должно сложиться национальное согласие, столь необходимое для устойчивого и демократического развития страны, а также для осторожной, взвешенной и тщательно просчитанной интеграции России в мировое сообщество, в мирохозяйственную транснациональную систему XXI в.

Объединяющим фактором российского общества, субъектом его развития на современном этапе национальной истории должны выступить отечественный капитал и отечественная элита, а их идеологией — демократический патриотизм, свободный от радикализма и изоляционизма национал-патриотов и реваншизма современных коммунистов. От скорейшего формирования и выступления на политической арене этой интеллектуальной, политической и финансовой силы будут зависеть безопасность и развитие России в XXI в., процветание ее народов.

После завершения коммунистического эксперимента Россия столкнулась с атомизацией общества, во многом объективной и неизбежной для любой исторической трансформации подобного масштаба, а во многом явившейся результатом плохо продуманных реформ 90-х годов прошлого века, когда каждого гражданина превратили в люмпена, поставив перед проблемой физического выживания. Страна должна найти способ соединиться в качественно новую консолидированную общность, что является непременным условием превращения люмпенов в граждан. Новая российская идентичность должна быть основана на сочетании русского и отчасти советского позитивного исторического опыта, дополненного теми демократическими механизмами, которые во всем мире уже доказали свою эффективность. Новая модель национального развития должна учесть весь опыт катастроф, сопровождавших российскую историю, и содержать эффективные механизмы их предотвращения в будущем.

Исходя из вышесказанного, в первой главе настоящей монографии дается общий анализ процессов глобализации, влияющих на нацио-

Введение

нальную идентичность вообще и на национальную идентичность России в частности; во второй главе исследуются конфессиональное измерение российской идентичности, роль и место православия в становлении, сохранении и укреплении национальной идентичности России; в третьей главе рассматриваются основные краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные последствия трансформации национальной идентичности в советский период развития России; в четвертой главе оцениваются современные либеральные ценности и основы традиционной национальной идентичности России в свете их исторического становления; в пятой главе рассматривается классическое и современное евразийство как попытки найти новую российскую идентичность; в шестой главе анализируются этнические аспекты российской идентичности, соотношение и сопоставимость имперских и национальных стереотипов; в седьмой и восьмой главах идентичность оценивается в контексте императивов национального развития и модернизации; в девятой главе анализируется национальная идентичность в свете проблемы правопреемства Российской Федерации в отношении исторической России; в десятой главе аргументируется точка зрения автора о том, что Великая Победа исторической России над немецким фашизмом является важнейшим ресурсом национальной идентичности; в одиннадцатой главе рассматривается внешнеполитическое измерение идентичности новой России; в заключительной, двенадцатой главе ставятся вопросы о том, как к России относятся в мире, как воспринимают нашу элиту, почему пробуксовывает интеграция России в евроатлантическое сообщество, какая Россия нужна современному миру, может ли она стать одним из мировых лидеров.

Примечания

¹ Современное понимание идентичности связано с работами Э. Эриксона и М. Кастельса. Эриксон выделяет три основных аспекта идентичности: 1) чувство идентичности; 2) процесс формирования идентичности и 3) идентичность как результат. (Эриксон Э. *Детство и общество*. СПб., 2000). Кастельс различает три формы построения идентичности: легитимизирующую идентичность, связанную с рационализацией социальным актором принадлежности к доминирующим социальным институтам; идентичность сопротивления, возникающую у тех социальных акторов, которые формируют механизмы сопротивления и выживания на основе принципов, отличающихся от распространенных в данном обществе или противостоящих им; наконец, проектирующую идентичность, когда социальные акторы конструируют новую идентичность, заново определяющую их положение в обществе, и пытаются изменить всю структуру социальных отношений (Castells M. *The Power of Identity*. 2nd ed. // *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 2. Malden—Oxford—Carlton, 2004. P. 6).

² Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. М., 2004. С. 118

³ Официальный сайт Совета Безопасности РФ.

Западня глобального мира

Никогда ранее в мировой истории проблема национальной идентичности не стояла столь судьбоносно, даже фатально. И никогда ранее она не охватывала практически все государства и народы мира. Связано это с нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации.

Целый ряд процессов глобализации — демократизация, экономизация, информатизация, культурная стандартизация, ценностная универсализация и др. — непосредственно влияют на обострение этой проблемы.

Так, **демократизация** современного мира властно диктует необходимость перехода к общим правилам игры как во внутренней, так и во внешней политике, необратимо меняя иерархию основных элементов социума. На первое место в этой иерархии объективно выходит личность, на второе — общество, оттесняя государство на третье место и делая его прежде всего инструментом защиты интересов личности и общества. Любая страна, претендующая на сколько-нибудь заметную роль в мировых делах, сегодня вынуждена строго соблюдать эту иерархию. Демократизация внешней среды, идущая пусть непоследовательно и противоречиво, никому не дает возможности безнаказанно попирать демократические нормы и процедуры, игнорировать интересы и права человека. Ни одно государство современного мира не может себе позволить одну политику внутри своих границ и принципиально другую — за ее пределами¹. С другой стороны, если не учитывается внешняя ситуация, то какие бы ни предпринимались усилия по формированию национальной стратегии развития, они легко опрокидываются всемирными глобальными потоками и процессами в финансовой, производственной, социальной, экономической, политической и других сферах. Глобализация, таким образом, стирает грани между внешней и внутренней политикой. Собственно, уже одним этим обстоятельством национальная идентичность в начале XXI в. серьезно ограничивается, попадая в зависимость от демократических механизмов и институтов, которые к тому же также имеют тенденцию к глобализации.

Одновременно национальная идентичность попадает в жесткие тиски **экономизации**, неуклонно ведущей к формированию единого мирового экономического пространства, что делает нежизнеспособными модели национальной безопасности и национального развития, основанные на изоляционизме, а интеграцию в это формирующееся пространство — единственно возможным способом эффективной защиты национальных интересов. Отказаться от интеграции — значит отказаться от полноценного развития. Ни одно общество не может быть конкурентоспособным, не став частью мирового экономического пространства. Однако такая интеграция в ряде случаев ведет к размыванию национальной идентичности, ее растворению в процессе экономизации. Этот фактор, помимо всего прочего, определяет приоритетность геоэкономических механизмов обеспечения национального развития по сравнению с геополитическими и геостратегическими, поскольку именно геоэкономика становится основной парадигмой развития мирового.

Информатизация, формирующая единое мировое информационное пространство, создавая глобальное сетевое общество, открывает гражданам охваченных ею стран доступ ко всем материальным и духовным благам, умножает интеллектуальный ресурс, а следовательно, и все другие ресурсы, способствуя устойчивому развитию, достижению благополучия и безопасности личности и общества. С другой стороны, информационные технологии не являются абсолютным благом: они создают новые возможности для контроля и манипуляции массовым сознанием во внутренней политике и новые эффективные средства воздействия на национальные сообщества со стороны наиболее оснащенных в этом отношении государств в рамках межгосударственного противоборства, а следовательно, создают и новые угрозы национальной идентичности. Кроме того, глобальные информационные потоки объективно ведут к размыванию идентичности. Как справедливо подчеркивает известный социолог И. С. Семенов:

«Как система социальных значимых ориентиров «узнавания» себя идентичность постоянно находится в процессе становления и переосмысления своих характеристик. Но в информационном обществе, в мире многоуровневой взаимозависимости социальных субъектов и индивидов сами референтные ориентиры становятся все более неопределенными, размытыми и изменчивыми. Они подвержены влиянию стремительно растущих потоков информации и сами формируют пространство информации и коммуникации»².

Культурная стандартизация, будучи в определенной степени следствием информационной открытости, взрывает некогда замкнутые культурные идентичности. При помощи сверхсовременных информационных технологий, сопротивление которым невозможно, глобализа-

ция взламывает казавшиеся ранее незыблемыми, как скала, барьеры между различными культурами³. При этом выживают лишь те культуры, которые оказываются способными адаптироваться к стремительно меняющемуся миру, воспринимать новейшие достижения мировой цивилизации, при этом не теряя своей самобытности. Яркий пример такой адаптации — японская культура. Впрочем, противоположных примеров гораздо больше. Менее устойчивыми в этом отношении оказались, например, испанская, турецкая, мексиканская, аргентинская и многие другие культуры, не выдержавшие столкновения с натиском культурной унификации, порожденной глобализацией. Массовая культура глобализации в этих случаях оказалась сильнее культурных ядер национальной идентичности, которые в условиях глобализации сохранились в значительной степени лишь как культуры фольклорные: испанская коррида, турецкий ислам, мексиканская кухня, аргентинское танго. Во всех этих случаях глобализация частично перемолола культурные ядра национальных идентичностей, сделав граждан этих стран «гражданами мира», и оставила от этих ядер видимый набор туристических курьезов. Очевидно, что вслед за этими странами уже идут все без исключения страны Восточной и Центральной Европы (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния), страны Балтии, в последнее время, похоже, Грузия, Украина и Молдавия (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан пока находятся в орбите геокультурного притяжения России). Глобализация подвергает испытанию даже такие страны, как Великобритания, Франция, Германия. Они сопротивляются всерьез, поскольку имеют большую историческую и культурную глубину. Сами США испытывают мощный «испанский вызов» со стороны мексиканских эмигрантов, которые не желают растворяться в американском «плавильном котле».

И, наконец, самые «крепкие орешки» в этом отношении — это Китай, Индия и Россия, имеющие более чем тысячелетнюю культурную историческую традицию. Однако слишком уповать на это обстоятельство не стоит: глобализация перемелет и их, если культурные ядра национальных идентичностей этих стран не окажутся достаточно адаптивными к происходящим стремительным переменам в экономике, технологиях и социальной жизни. До нынешнего момента эти три культуры — что признают все серьезные наблюдатели — демонстрируют свои высокие адаптационные способности. Именно эти три культуры (и только они!) рационализировали свою национальную, а затем и политическую идентификацию всегда, когда они сталкивались с чужеродными культурами, утверждающими иные культурные стандарты. Более того, вопрос об идентификации в этих трех культурах остро вставал именно

в условиях давления чужих культурных стандартов, попыток других культур навязать им эти чужие стандарты. Отторжение чужих стандартов, т.е. инородной ткани, «чужой группы крови», и стимулировало в этих трех культурах процесс собственной культурной идентификации. В то же время во всех трех случаях был продемонстрирован поразительно высокий адаптационный потенциал: Индия «переварила» британскую культуру; Россия «переварила» западный коммунистический проект и сейчас «переваривает» либеральный. Китай «переварил» коммунизм в его советской интерпретации, а сейчас, похоже, «переваривает» не только западный экономический либерализм, но и американский культурный глобализм.

Сказанное, однако, не означает, что эти три страны абсолютно обезопасили себя от угрозы культурной стандартизации и обладают стопроцентно надежными культурными иммунными системами, способны противостоять вызову культурной стандартизации. Решающая битва за национальную идентичность еще впереди. И ее исход главным образом зависит от того, смогут ли эти три культуры противопоставить глобализации более мощные и убедительные национальные проекты. Очевидно также, что на данном этапе исторического развития самым слабым и уязвимым звеном в этой тройке является Россия.

Наконец, глобализация настаивает на **универсализации ценностей ориентиров**. При помощи тех же массовых информационных технологий (в первую очередь телевидения и Интернета) она наглядно демонстрирует преимущества западной модели развития и соответственно западных ценностей: индивидуальная свобода, права человека, демократические механизмы, рыночная экономика, правовое государство, гражданское общество, нанимающее это государство. Как бы то ни было, но именно те страны, которые следовали этим ценностям, добились успеха, а те, которые им не следовали, оказались неудачниками. Это, однако, означает, что многие ценности, которым традиционно следовали, например, Китай, Индия и Россия, а именно коллективизм, государственный патернализм, авторитарные механизмы управления, государственный дирижизм в экономической жизни и т.п., в условиях глобализации как минимум поставлены под сомнение. С другой стороны, пока остается далеко не ясным, будут ли традиционные западные ценности «работать» в условиях быстро наступающей постэкономической эпохи. Вполне возможно, что в этой эпохе будут более востребованы ценности не западного типа. Так что России, Индии и Китаю, возможно, не следует окончательно и бесповоротно отказываться от своих традиционных ценностей, которые еще, быть может, пригодятся не только им, но и всему человечеству.

Интересно, что подобной точки зрения придерживаются некоторые японские ученые. Так, профессор Промышленного университета К. С. Ито утверждает, что мировая система все более удаляется от ценностей индивидуализма и приближается к универсальным ценностям. А поскольку американцы — крайние индивидуалисты, то последствия глобализации будут для них наиболее болезненными. В рамках этой теории провозглашается, что Япония как носитель универсалистских ценностей станет провозвестником новой универсалистской цивилизации⁴.

Представляется, что в этом контексте на роль «новой универсалистской цивилизации» у России или Китая прав претендовать никак не меньше, чем у Японии, которая в политическом плане продолжает оставаться страной, полностью зависимой от США.

На сегодняшний день, а также в обозримом будущем положение дел в мировой политике таково, что лидером глобализации являются США. Именно они оказывают наиболее сильное влияние на формирование нового мирового порядка. Какую бы проблему международной безопасности мы ни взяли, ее решение невозможно без активного участия США. Это обстоятельство делает для России сотрудничество с США жизненно необходимым, поскольку в условиях вышеупомянутой взаимозависимости международной и национальной безопасности обеспечить последнюю без тесного взаимодействия с лидером глобализации едва ли возможно. Однако и США в одиночку справиться с вызовами и угрозами глобализации не в состоянии и остро нуждаются в таких партнерах, как Россия.

Таким образом, последствия глобализации для национальной идентичности весьма противоречивы. Она создает как новые, невиданные ранее возможности для развития и процветания различных стран, так и новые крайне опасные вызовы и угрозы. Для России, находящейся в стадии социально-экономической трансформации и одновременно сохраняющей по объективным причинам преемственность своих не только региональных, но и глобальных интересов, все эти положения являются особенно важными и актуальными.

С одной стороны, глобализация делает прозрачными границы между народами и государствами, ставит под вопрос прежнюю роль национального государства и связанную с ним национальную составляющую идентичности. С другой стороны, та же самая глобализация, способствуя сближению и интеграции различных социальных и этнических общностей, усиливает потребность в определении своей культурной и цивилизационной идентичности. На это обстоятельство, в частности, указывал С. Хантингтон:

«Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации»⁵.

С одной стороны, экономизация международных отношений, демократизация современного мира, бурная информационная революция создают мощные предпосылки для процессов глобализации, т.е. создания единого экономического, правового и информационного пространства, составляющих важнейшие предпосылки формирования единой человеческой цивилизации. Это в свою очередь ведет к возникновению совершенно нового типа человека, человека мира, которого условно можно назвать «хомо глобалис».

С другой стороны, мы видим, что все нации и народы, в том числе и малые, отчаянно борются за свою национальную идентичность. Как следствие, это приводит к стремительному росту числа национальных государств. Если в начале XX в. их было около 50, то в начале XXI в. — уже 250, а к середине нашего столетия это число удвоится. Понятно, что стремительное увеличение национальных государств отражает понимание национальными элитами того, что глобальная культурная универсализация будет означать смерть национальных культур. Самоопределение малых народов — это своего рода протест против такой культурной глобализации, и в этом своем качестве он является позитивной тенденцией. Однако этот процесс порождает и национальный эгоизм, что создает новые проблемы для мира XXI в.

В условиях информационной открытости всего мира, повсеместной доступности СМИ, прежде всего телевизионных, появляется широкая возможность выбора, что бросает вызов как отдельным индивидам, так и целым национальным сообществам. В числе последних оказывается и национальное государство, культурное ядро которого размывается. Его подменяют глобально узнаваемые символы, которые рождает общее пространство информации и коммуникаций. Подъем национализма во всем мире, включая развитые страны Запада, оказывается одним из ответов на вызовы культурного глобализма через утверждение «осязаемых» этнокультурных ориентиров идентичности⁶.

Таким образом, глобализация стремится перемолоть национальную идентичность, она хочет ее растворить в глобальных процессах экономизации, демократизации, информатизации, культурной стандартизации и ценностной универсализации. Национальная идентичность отвечает на этот вызов глобализации усилением национализма в рамках национальных сообществ, а также дроблением этих сообществ на более мелкие, т.е. субнациональные. По мысли Р. Робертсона и Х. Хондкера, современная глобализация задает глобальную рамку, в которой цивилизации, регионы, национальные государства, этнические сообщества получают возможность реконструировать свою историю и идентичность⁷.

Следует также отметить, что национальная идентичность в современном мире размывается не только процессами глобализации, но и

мощнейшим натиском постмодернистской культуры. Утверждая «плюрализм смыслов», равнозначность (а следовательно, сомнительность) морально-нравственных ценностей, осмеивая национальные традиции, ставя под вопрос христианские и гуманистические идеи эпохи Просвещения, наконец, торжественно провозглашая конец проекта «Человек» и конец самой всемирной истории, постмодерн по существу пытается выхолостить национальную идентичность, убить ее содержание, вообще снять вопрос об идентичности с повестки дня. В этом смысле постмодерн — самый лютей враг национальной идентичности. При этом глобализация, будучи, как говорилось выше, противницей национального государства, борется против идентичности на стороне постмодерна. Пример того, как постмодерн разваливает национальную идентичность, приводит профессор итальянского университета К. Баймонте:

«Культура отечества, если брать ее не в узко идеологическом смысле, а как прагматическое желание соотнестись с некоей единой констелляцией интересов, в нашей стране находится в бегах. Итальянская идентичность может быть футбольной, туристической, пляжной, гастрономической, “плейбойной” и т.д., но она останется отсоединенной от защиты общих интересов, от возможности получить легитимацию через самоотнесение с национальным коллективом»⁸.

Будет ли найден баланс между глобализацией и национальной идентичностью, когда «расцветут все цветы»? Станет ли стабильной и бесконфликтной формирующаяся «цветущая сложность» современного мира? Как это повлияет на международные отношения? Как сложатся судьбы национального суверенитета? Будет ли он нуждаться в военной силе для своего существования, как это было в прошлом? Какие плюсы и минусы несет начавшаяся информационная революция?

Все эти вопросы пока остаются открытыми.

Национальное и транснациональное в XXI веке

В условиях глобализации ни одна страна не может жить не только без товарообмена с другими странами, в том числе принадлежащими к разным регионам и культурам, но и без работы на заказ с учетом стандартов потребления этих стран, без передвижения между странами значительных масс людей, без обмена интеллектуальными достижениями. В силу этого сохранение в длительной перспективе традиционных цивилизаций в их традиционных ареалах, их «возвращение к истокам» и восстановление традиционалистской «чистоты» представляется невероятным. В этой связи вызывает сомнение, в частности, тезис С. Хантингтона, согласно которому будущее планеты «будет определяться взаимодействием семи или восьми главных цивилизаций — западной,

конфуцианской, японской, исламской, индуистской, славяно-православной, латиноамериканской и, возможно, африканской»⁹. Скорее в будущем выделятся несколько специфических цивилизационных пространств, не столь жестко связанных с конкретными традиционными культурами, — атлантическое, тихоокеанское, евразийское, южное и особое — «транснациональное».

Одной из важнейших перемен последних десятилетий в западном мире, как подчеркивает российский исследователь В. Соколов, стала эрозия национального государства в том виде, в каком оно складывалось начиная с XV в. и достигло наивысшего развития к концу XIX в. С одной стороны, в ходе интеграционных процессов государства передают ряд своих функций наднациональным органам. С другой — эти процессы являются во многом отражением растущего могущества транснациональных экономических структур, влияние которых превосходит влияние любого отдельно взятого государственного ведомства. Регулирование деятельности таких структур в рамках отдельно взятого национального государства часто оказывается бессмысленным. Эрозия национального государства в ряде случаев оборачивается эрозией демократии, снижением способности общества воздействовать на условия своего развития. Сфера влияния выборных институтов власти сужается. Ограничиваются также и возможности взаимопонимания в обществе в условиях роста индивидуализации (которая ведет, например, к эрозии единой системы образования). Выработка форм демократии, соответствующих эпохе транснациональных структур, по-видимому, дело будущего. Если она не сложится, человек, включенный в такую структуру, окажется в гораздо большей зависимости от нее по сравнению с зависимостью от демократического государства XX в.

Конечно, вряд ли правильно предсказывать полное исчезновение национальных государств. Скорее следует ожидать, что они будут постепенно утрачивать функции носителей суверенитета и включаться в иерархическую вертикаль в качестве среднего звена (над ними — международные организации и наднациональные органы интеграционных группировок, под ними — органы регионального и муниципального управления с расширенными полномочиями)¹⁰. В этих условиях транснациональные корпорации, создавая собственные охранные и разведывательные службы, превращаются не просто в центры экономического влияния, но до известной степени в центры власти. Интересы связанных с ними социальных групп уже не совпадают более с интересами никакого государства вообще. При принципиально ином экономическом базисе политическая и социальная структура становится до некоторой степени сходной со средневековой Европой, объединенной авторитетом Папы, где

короли лишь до определенной степени могли контролировать своих вассалов, а монашеские ордена действовали по всему континенту.

Развитие транснациональных структур и рост их могущества продолжают. В то же время эти структуры распространяют свое влияние и на остальную часть мира — развивающееся и постсоциалистическое пространство. Идеологическим обоснованием этого процесса служит классический экономический либерализм, основные постулаты которого применяются в масштабах не только отдельного национального хозяйства, но и всей планеты. Благотворность конкуренции, нерациональность постороннего вмешательства в нее, создающего помехи для оптимальных экономических связей, считаются аксиомами. Между тем подобное утверждение о пользе глобального дерегулирования выглядит по меньшей мере некорректно, ибо структура современного мирового рынка создает ситуацию равной конкуренции. Речь идет не только об олигополии (ограниченное число продавцов), но и о сложной системе производственно-технологических связей, опосредованных рыночными отношениями. Предприятия, включенные в цепочки этих связей, не «борются за рынки» с помощью конкуренции цен и качества, а работают на том уровне и в том ритме, который задан требованиями всей цепочки. Изменить структуру этих связей может не конкуренция производителей сходного товара, а технологический прорыв, который позволит удовлетворять данную потребность на более высоком уровне и/или с меньшими издержками. Технологический уровень предприятий (включая способность работников соответствовать этому уровню), их научный потенциал — обязательные условия успешной конкуренции в современной системе мирохозяйственных связей.

Этим и определяется принципиальное различие между деятельностью транснациональных экономических структур в развитом мире и за его пределами. В развитых странах существуют тесные экономические взаимосвязи на соответствующем уровне, в которые вовлечена большая часть населения. Поэтому возможности маневра для отдельных лиц, предприятий, производственных комплексов достаточно широки. Связанная с конкуренцией и транснационализацией перестройка экономической и социальной структуры в этих странах, хотя и не обходится без известных издержек, как и любое крупное социально-экономическое преобразование, не ведет, однако, к разрушению самой этой структуры.

Иначе обстоит дело в развивающемся и постсоциалистическом мире. Здесь технологический уровень существенно ниже, а развитая система тесных и вместе с тем гибких рыночных связей пока отсутствует. В результате предприятия и их комплексы, способные к интеграции в международные производственные структуры, выделяются в относительно

обособленные анклавов. При этом в ареалах ТНК используемая рабочая сила подчиняется господствующему здесь типу отношений, т.е. «интернационализируется». За пределами же этих ареалов интернационализация отсутствует. А вместе с ней отсутствует и развитие вообще. Более того, исключение из сложившейся внутринациональной воспроизводственной структуры наиболее эффективных звеньев нередко приводит к полному или частичному распаду этой структуры, к сокращению производства и занятости, к понижению технологического уровня экономики и жизненного уровня населения. В результате страны, не сумевшие обеспечить свое развитие, образуют «глубокий Юг».

В сложившейся ситуации задачей национальной экономической политики стран среднего и низкого уровня развития является предотвращение распада наций на анклавов, интегрирующиеся в транснациональные структуры, и основную массу населения, выпадающую из всяких структур и переживающую стремительную маргинализацию. Главное оружие этих стран — национальное государство, которое может им помочь равноправно интегрироваться в мировое хозяйство, полноценно участвовать в процессе глобализации, но не сразу и не прямо, а через переходный период, в течение которого оно будет регулировать взаимосвязи с развитыми странами и ТНК, сдерживать негативные тенденции западного варианта глобализации.

Правомерен, однако, вопрос: возможна ли вообще в сегодняшних условиях национальная экономическая политика? Ведь ослабление национально-государственных институтов наряду с массовым тяготением к транснациональным структурам — объективная историческая закономерность. Производство товаров, услуг, информации уже не может ограничиваться пределами национальных государств. Страны и структуры, обеспечивающие высокие стандарты потребления, объективно превращаются в центр притяжения для людей, руководствующихся в своем поведении рыночными соображениями.

Рыночные стимулы объединяют людей различных наций и верований. По мере нарастания международных и межцивилизационных контактов усиливается критическое отношение к ценностям и стереотипу поведения традиционных цивилизаций, и универсальные рыночные стимулы постепенно вытесняют региональные. А потому можно сделать вывод, что действия, направленные на усиление регулирующей роли государства, на корректировку направлений развития, не только бесплодны, но и реакционны. Если мир стремится к транснационализации, то, препятствуя ей, можно только ухудшить условия будущего вступления в систему мирохозяйственных связей.

К настоящему времени в мире сложился «клуб» высокоразвитых государств, территория которых покрыта плотной сетью геоэкономических

связей, обеспечивающих производство товаров и услуг на современном уровне. В эту сеть включен и ряд экономических объектов, расположенных в менее развитых государствах. Однако большинство таких объектов занимает подчиненное положение в структуре сложившихся связей. В то же время большая часть населения данных стран выпадает из этой системы связей вообще. Она включена либо в традиционные общественные структуры, либо в структуры, соответствующие предыдущему этапу индустриализации, которые сегодня практически во всем мире находятся в состоянии кризиса. В этих условиях замена деления человечества на три «мира» делением на транснациональные геоэкономические структуры и выпадающий из них «внешний пролетариат» представляется вполне реальной. При этом границы «ядра» формирующейся высокотехнологичной цивилизации еще не вполне определились. Поэтому среди стран, не принадлежащих к числу наиболее развитых, идет конкурентная борьба за возможность включиться в это ядро. Выигрыш одной страны вовсе не означает здесь проигрыша другой — требуется лишь дополнительное усердие в поиске ниш мирового рынка, заполнение которых позволит построить новую геоэкономическую структуру.

Какую же роль в этой борьбе должна играть государственная политика? На этот вопрос обычно даются ответы в духе «или — или»: либо защищать экономические субъекты, страдающие от иностранной конкуренции (протекционизм), либо устранить препятствия на пути свободной торговли и ограничить госрегулирование контролем за соблюдением правил честной конкуренции (фритредерство). Неизбирательный протекционизм — простейшая, чисто «физиологическая» реакция недостаточно конкурентоспособного национального хозяйства на внешние раздражители. Это не ответ на вызов, а отказ от развития, стремление сохранить обособленность, которая все равно не может быть абсолютной и в итоге превращается в одностороннюю зависимость¹¹. «Нам не до развития — нам выжить надо» — обычный аргумент его приверженцев. Но в динамичной системе, какой является рыночная экономика, нельзя выживать, не развиваясь.

Фритредерская позиция, в отличие от протекционистской, учитывает перспективу развития. Успехи экономической политики она оценивает по степени либерализации внешнеторгового, валютного, инвестиционного режима. Предполагается, что экономическое и технологическое развитие, повышение жизненного уровня станут ее естественным следствием. При этом агенты такой политики не останавливаются перед радикальным разрушением существующих экономических структур. В результате фритредерская политика создает условия для интеграции в мирохозяйственные структуры лишь отдельных, наиболее конкурентоспособных в настоящий момент лиц, предприятий, производственных

комплексов. «Фавориты мирового рынка» заранее объявляются лучшими и достойнейшими, прошедшими проверку конкуренцией. Судьба остальных уже считается вопросом не экономики, а благотворительности.

Для России важно избежать обеих этих крайностей в сфере экономики. Оптимальным вариантом для нее, как считает известный российский исследователь А. Неклесса, является ориентация на включение национальной экономики в систему мирохозяйственных связей в качестве единого комплекса. Отличительная черта такого курса — органическая увязка структурного регулирования и внешнеэкономической политики.

1. На основе анализа национального потенциала и тенденций мирового рынка определяются место страны в мировом хозяйстве и отрасли, перспективные для экспорта.

2. Всеми возможными в данной конкретной ситуации средствами экономической политики создаются условия для развития таких отраслей.

3. Одновременно вырабатываются программы свертывания тех отраслей, которые оказались неспособными конкурировать с импортной продукцией.

4. Таможенная защита национальной экономики в рамках такого курса осуществляется выборочно: защищаются отрасли, которые имеют хорошие перспективы, но еще не набрали силу, либо отрасли, быстрый крах которых резко обострил бы социальную ситуацию.

5. В определенных случаях защита может потребоваться и тем отраслям, которые переживают интенсивную модернизацию. В других случаях, однако, конкуренция импорта может послужить стимулом для модернизации.

6. Развитие не получают рынки тех товаров, которые в стране не производятся и товаров, производство которых не имеет стратегической перспективы либо критически важного социального значения, а также тех товаров, производство которых не способно выдержать интенсивную иностранную конкуренцию.

7. «Зеленая улица» открывается импорту товаров, необходимых для развития важных отраслей производства.

8. При определении импортной политики в отношении каждого товара учитывается не только ситуация, сложившаяся в его производстве, но и место этого товара в структуре национальной экономики, его перспективы с точки зрения международного разделения труда.

9. Протекционистский режим в отношении определенных товаров преследует конкретную цель и по мере достижения этой цели ослабляется.

10. Инвестиционная политика государства поощряет развитие тех отраслей, которые способны стать «точками роста» и, в частности, локомотивами экспорта.

Подобная стратегия служит фундаментом успеха многих государств Восточной Азии. Предпосылками ее реализации стали общенациональная заинтересованность в повышении уровня экономического развития, способность государственных органов настойчиво осуществлять долгосрочные программы развития перспективных секторов и в то же время корректировать свои решения с учетом потребностей экономики, способность государства и бизнеса достигать взаимопонимания (хотя не обошлось и без конфликтов)¹².

Такая политика может встречать определенное противодействие со стороны «клуба» развитых государств, так как в ряде случаев затрагивает их конкретные экономические интересы. Чтобы преодолеть это сопротивление, необходимо иметь четкую стратегию развития, ориентированную на установление баланса интересов с этими странами, на достижение консенсуса путем взаимных уступок. Ведь, в конце концов, обе стороны заинтересованы в сохранении и развитии структуры мирохозяйственных связей и для обеих добрососедские (но не обязательно союзнические) отношения с относительно стабильным государством предпочтительнее, чем конфронтация или хаос. В то же время важно располагать набором вариантов для маневра, а также рычагами давления в виде эффективных ответных мер. Имея соответствующую стратегию и политическую волю к ее реализации, страна может постепенно менять конфигурацию геоэкономических связей, подключаясь к ней не в качестве сырьевого или экологического резерва, а на равноправной основе.

В перспективе снижение роли национально-государственных структур и возрастание роли транснациональных можно считать долговременной тенденцией. Соответственно поведение людей все в большей степени будет определяться стилем жизни, который складывается в формирующемся транснациональном мире. Вряд ли, однако, этот стиль жизни во всех структурах будет единым, а тем более будет отражать стандарты западной цивилизации. Для наступившей внутри самой этой цивилизации эпохи постмодерна характерно как раз смешение различных культур и стилей жизни — как старых, так и новых. В силу особенностей своего исторического развития, характеризующегося плюрализмом и сплавом практически всех существующих культур и стилей жизни, Россия, как представляется, как никакая другая страна мира, подготовлена к этой эпохе.

Мифологема национальной идеи

Двадцать лет, прошедших после завершения коммунистического эксперимента, — слишком небольшой срок для того, чтобы в духовно и физически изуродованной стране сложились национальное самосозна-

ние, государственность, понимание целей и перспектив развития. А это лишь немногие, но неперемные условия для формирования национальной идентичности. Пока же у нас не сложилось даже совместного, общепринятого понятия России как субъекта исторического развития.

Самоопределение страны должно отражать если не консенсус, то достаточно широкое общенациональное согласие (оно должно быть выше политической борьбы и интересов отдельных партий) по ряду ключевых вопросов, относящихся к оптимальной модели социально-экономического, общественно-политического и культурно-исторического развития страны на долгосрочную перспективу и как бы синтезировать политические предпочтения народа и элиты в отношении государственного строя, экономической системы и характера взаимоотношений с внешним миром. Это должна быть своего рода философия Общего Дела и одновременно технология необходимого и достаточного компромисса, в условиях которого только и возможно такое согласие. Такого рода деятельность обычно квалифицируется как интегрированная и долгосрочная государственная политика, как «Большая Стратегия».

Если исходить из этого подхода, то Россия должна иметь четко сформулированную перспективную цель, содержащую вечные национальные интересы, или, говоря иными словами, национальную сверхзадачу, национальную идею. Это своего рода код Большой Стратегии, та самая икринка, из которой вырастает огромная рыба.

Проблема состоит в том, что эта ключевая идея до сих пор не осознана, а потому и не сформулирована. Правда, в 1996 г. первый Президент РФ Б. Ельцин дал указание одному из своих помощников в течение одного года разработать «новую национальную идею» России. В соответствии с этим поручением была создана многочисленная группа историков, социологов и философов, которые за приличное вознаграждение и хорошие казенные харчи почти безвылазно заседали и совещались в одной из самых престижных резиденций президента (санаторий «Волыньское» — по иронии судьбы это так называемая ближняя дача Сталина). Эти эксперты перелопатили многотомную литературу, провели бесчисленные опросы общественного мнения, издали несколько брошюр. Однако тем дело и кончилось. Попытка разработать национальную идею «сверху», по политическому заказу государственной власти с треском провалилась. И неудивительно. С таким же успехом власть могла бы приказать экспертам сформулировать «общую теорию всего», смысл жизни человека или ответить на извечный вопрос «быть или не быть?». Впрочем, Б. Ельцин ни год спустя после создания экспертной группы, ни позже, да и вообще никогда не вспоминал об этом своем весьма странном поручении.

Тем не менее некоторая польза от него была: своим заказом Президент РФ стимулировал русскую мысль, и целый ряд маститых политологов изложил на страницах газет и журналов свои представления о возможной новой русской идее. Остановимся лишь на самом развернутом и завершенном обзоре, который сделал философ И. Чубайс в книге «От русской идеи — к идее новой России». Его книга интересна тем, что написана с позиций умеренных демократических убеждений, которые доминируют в российском обществе последние двадцать лет.

Суть его концепции состоит в том, что в истории нашей страны было три государства: Российская империя, СССР и постсоветская демократическая Россия. Национальная идея Российской империи включала три ключевые ценности: собирание земель, которое перешло затем в территориальную экспансию, православие и общинный коллективизм.

К концу XIX — началу XX в. все три ценности постиг кризис. Экспансия себя исчерпала, и расширение России прекратилось. В кризисном состоянии оказалось и православие, как и христианство в целом. В связи с развитием сельскохозяйственной техники и появлением химических удобрений и вообще новых агроприемов, значительно повысивших продуктивность сельского труда, устарела и община, которая ранее была способом выживания; А. Столыпин начинает расселение общин по хуторам, т.е. осуществляется переход на индивидуальные (семейные) хозяйства. Россия, однако, не пошла по пути реформы традиционной системы ценностей, а полностью отбросила ее, т.е. пошла революционным путем, взяв на вооружение новейшую на тот исторический момент коммунистическую идею. На этой идее был построен СССР, который просуществовал, однако, лишь 73 года.

Новая Россия, по мнению И. Чубайса, должна взять за основу своего существования новую национальную идею, базирующуюся, так же как и дооктябрьская идея, на трех ценностях: обустройство имеющейся территории (вместо экспансии); православие в новейшей версии — толерантное в отношении других конфессий и ведущее активный диалог с католическим Римом (в противовес православию как государственной идеологии, враждебной Ватикану и подавляющей другие конфессии на территории страны) и индивидуализм в профессионально-производственной деятельности при сохранении элементов коллективизма в бытовых повседневных вопросах¹³.

Идеи И. Чубайса представляются вполне разумными, однако для России, честно говоря, слабоватыми. По существу такая версия новой национальной идеи и в самом деле означает «конец истории»: ведь если история кончается в России, то, вполне вероятно, кончается и всемирная история. Это возможный, но маловероятный вариант, ибо трудно

поверить, что слово России в истории уже позади и отныне она будет довольствоваться лишь обустройством территории и экуменизмом, а русский человек перейдет на стандарты западного индивидуализма. В известном смысле это означало бы историческую капитуляцию России, признание ею, что всю свою историю (а не только в советский период) она шла по ложному пути и теперь готова смириться со своим не каким-то временным и частичным, но тотальным поражением.

Кроме того, И. Чубайс недооценивает, что все три упоминаемые им ценности русской идеи времен Российской империи (собрание земель, православие и соборность) органически спаяны намертво, сцементированы единым историческим замыслом, самым тысячелетним историческим развитием России.

В том-то и состоит задача, стоящая в современной национальной повестке дня, чтобы разгадать этот замысел, сформулировать русский исторический проект современным языком, языком XXI века. И. Чубайс же делает попытку расчленить русскую идею, ограничить ее неким набором прагматических задач. Но сама идея при этом ускользает. Расчленение идеи ни на сантиметр не приближает нас к ее осмыслению.

Здесь, вероятно, требуется иной подход. Вопрос о национальной идентичности России лежит не только и не столько в плоскости современной политики, сколько в плоскости ее истории и культуры. Возможно, только с этих позиций, т.е. с позиций вековых национальных интересов и задач, удастся ответить на кардинальные вопросы текущей внутренней жизни страны.

Применение такого подхода, возможно, внесло бы большую ясность в современную интерпретацию русской идеи, что в свою очередь позволило бы сформировать новейшую версию национальной общероссийской идеологии. Такой идеологии в России не было — ни до, ни после Октябрьской революции. Можно сказать, что до революции основные подходы к ней лишь начали нащупывать представители русского религиозно-философского ренессанса. Но задача эта по существу не только не была выполнена, она даже не была четко сформулирована.

Сейчас сложилась ситуация, когда новая интегральная идея способна стать средством преодоления общенационального кризиса. Да и для подлинного общенационального согласия необходима общенациональная мировоззренческая основа. Если это так и в национальной идеологии действительно имеется общественная потребность, то, несмотря ни на что, она будет создана. Никто, вероятно, не будет спорить, что ее основой могла бы стать идеология возрождения Великой России как процветающей и цивилизованной, свободной и ответственной мировой державы первого ранга, живущей в согласии с самой собой и с окружаю-

щим ее миром. Однако сегодня подобные формулировки воспринимаются обществом как общие слова, не решающие задачу национальной идентичности и даже не ставящие ее в национальную повестку дня.

Правда, в 2007 г. власти при горячем участии «Единой России» вновь принялись за формирование общероссийской идентичности (цивилизационной, политической, гражданской). Опорой здесь служили ключевые слова: сильная Россия, великая Россия, российская цивилизация, российская история, российские традиции, российское государство, российская нация, национальные ценности. Но на практике действия власти сводились и сводятся скорее не к поиску национальной идеи, а к созданию информационного продукта, адресованного обществу и способного обеспечить функционирование государственной власти в тех рамках, которые для нее являются оптимальными. Причем в представлении партийных идеологов реальность формируется словами говорящего. Стоит, к примеру, В. Путину или Д. Медведеву публично сказать: «Российская нация объединилась», как это тут же станет реальностью.

Между тем в программных документах «Единой России» в понятии идентичности существует немалая путаница. Используются термины «российская идентичность» и «российские идентичности», «русская нация» и «российская нация». О сплочении российского народа говорится то в прошедшем, то в будущем времени. Надо ли говорить, что к интересам и запросам самого российского общества все эти путанные документы и декларации имеют весьма отдаленное отношение?

Россия как «слоеный пирог»

Хотя кризис национальной идентичности в условиях глобализации, как было показано выше, коснулся практически всех крупных государств, особо острый и болезненный характер он приобрел в России. Дело в том, что именно в тот момент, когда глобализация начала свое триумфальное шествие по планете, беспощадно и безжалостно уничтожая основы национальной идентичности различных, казалось бы, состоявшихся на века стран мира, Россия сознательно отказалась от советской идентичности, с которой она жила на протяжении 73 лет, что, собственно, и разрушило СССР. Тем самым она сама себя поставила перед сложнейшим и мучительным выбором самоопределения.

Поначалу «демократы» первой волны вознамерились объявить *orbi et urbi*, что Российская Федерация, выломившаяся из СССР, является, мол, совершенно «новым демократическим государством», своего рода антиподом СССР («СССР наоборот»).

Такая позиция была унаследована от большевиков, которые Советскую Россию также в 1917 г. объявили «новым пролетарским государ-

ством», сбросившим с себя оковы не только Российской империи, но и тысячелетней русской истории и государственности. Но если большевики стояли на этой позиции 73 года, то наши «демократы» не удержались на своей и несколько месяцев. Очень скоро стало ясно, что начать историю «с чистого листа» Российская Федерация просто не может ввиду прежде всего полного отсутствия собственного нового исторического проекта. Ведь нельзя же было таковым считать «интеграцию в мировое сообщество». Кроме того, новые «друзья» (из этого же «мирового сообщества») демократической России поспешили ей напомнить о целом наборе исторических долгов, включая долги в прямом, т.е. материальном смысле этого слова. А долги эти касались как СССР, так и Российской империи.

Кроме того, Россия, унаследовав от бывшего СССР членство в «ядерном клубе», место в составе постоянных членов Совета Безопасности ООН, в ряде других международных организаций, а также обязательства по важнейшим международным договорам и соглашениям, была вынуждена признать себя международно-правовым субъектом, продолжающим СССР.

Наконец, высшему политическому руководству страны, равно как и политическому классу в целом, через некоторое время стало очевидно и следующее: если новая Россия отрекается от собственной истории (включая ее советский период), то она автоматически перестает быть субъектом мировой истории. Вообще. Навсегда! В строгом смысле слова в этом случае она теряет право называть себя Россией.

Думается, что это (осознанное или неосознанное) понимание правящей элиты привело к ряду решений, возрождающих государственную символику дооктябрьской России — российский герб с двуглавым орлом, Андреевский флаг (хотя, как известно, это был флаг русского торгового флота), гимн на музыку М. Глинки (на которую никто так и не смог написать слова), название парламента — Государственная Дума вместо Верховного Совета, институт губернаторов (который был почему-то совмещен с французским институтом мэров), городских управ, суда присяжных и т.д. и т.п. Что касается института президента, то он, как известно, был заимствован у США еще в период позднего СССР М. С. Горбачевым. Наряду с этими нововведениями у Вооруженных Сил новой России оставался советский красный флаг с серпом и молотом; пятиконечные звезды, введенные большевиками (в частности, Л. Троцким), оставались на погонах военнослужащих и на башнях Кремля, а второй Президент РФ В. Путин возродил советский гимн на музыку А. Александрова и слова С. Михалкова. Руководство спецслужб Российской Федерации продолжало чтить «славные чекистские традиции»,

а памятники большевикам продолжали «украшать» центральные улицы (названные также именами большевиков) российских городов.

В результате уже к середине 90-х годов XX в. Российская Федерация погрузилась в постмодернистскую эстетику. Ее идентичность оказалась не просто размытой, но пораженной эклектическим соединением трудносовместимых друг с другом идентичностей: дооктябрьской, советской и новой, «демократической». При этом российское общество оказалось полностью расколотым, что и проявлялось периодически с 1991 по 2008 г. в ходе всех выборных кампаний. Неудивительно и то, что российское руководство за эти годы не смогло четко сформулировать ни стратегию развития, ни концепцию безопасности, ни национальные интересы, ни приоритеты внутренней и внешней политики. Все попытки это сделать неизменно наталкивались на нерешенную задачу самоидентификации, неспособность ответить на важнейшие вопросы — «кто мы?», «откуда мы?», «куда мы идем?».

А коль скоро это так, то Россия по-прежнему не может сделать геополитический выбор во внешней политике: кто ее главный союзник и партнер? Является ли она частью Большой Европы, и тогда ее главный вектор движения — евроатлантические страны и структуры, или же она претендует стать самостоятельным центром силы, и тогда она следует «многовекторной» дипломатии и постулатам «многополюсного мира»? Такой выбор не только не сделан. Не просматривается никаких признаков серьезного поиска и даже размышления на эту тему. Объективному наблюдателю видно следующее.

Первое. Идентичность старой (дооктябрьской России) в общем-то умерла: она была сметена катком русской революции и русским коммунизмом; но эта идентичность сегодня «прорастает» в некоторых аспектах сквозь советский период истории — в виде русских архетипов, православных традиций, стереотипов внешнеполитического мышления, атрибутов российской государственности и т.д.

Второе. Советская идентичность еще далеко не утрачена, что проявляется и в ностальгии народа по советским временам, и в частичном возрождении советской государственной символики, в известном отторжении ценностей капитализма (особенно «дикого»), насаждаемых нашими либерал-реформаторами методами «шоковой терапии», и т.д.

Третье. Наряду с этим у российского общества имеется запрос на построение нового, современного государства и интеграцию страны в мировое сообщество в качестве равноправного партнера. В цивилизационном плане общество тянется к наиболее разви-

тым странам, имеющим высокий уровень жизни наряду с развитыми демократическими институтами и сильным государством, гарантирующим своим гражданам индивидуальные свободы и частную собственность. В обществе в целом — и это чрезвычайно важно — имеется понимание, что только этот путь дает возможность для успешной национальной модернизации.

Для того, чтобы такая модернизация состоялась, необходимо преодолеть кризис идентичности. А в России он носит неизмеримо более тяжелый характер, чем, например, в США, поскольку порожден неизмеримо более длительным сроком существования российской цивилизации. «Груз истории» у России на порядок тяжелее, чем у США.

Это, в частности, видно на примере идентификации национальных интересов. Исторически национальные интересы США, как и других стран Запада, были связаны с этническим основанием. Первоначально они формировались на национально-этнической базе. Но никогда не сводились к этому основанию, тем более не детерминировались им. Эта роль принадлежала социально-культурному фактору. В ходе исторического развития американского общества роль этого фактора в формировании национальных интересов возрастала, а роль этнического фактора во все большей степени отходила в тень. В современных развитых обществах (и особенно в США) этническое основание уже не играет сколько-нибудь значительной роли в определении национальных интересов. Эти общества становятся этнически смешанными, где национальная принадлежность деполитизируется и уже мало влияет на гражданское положение и, следовательно, на понимание национальных интересов¹⁴.

В отличие от США и других развитых стран, где сложились этнические нейтральные нации как совокупность всех граждан данного государства, в России дело обстоит сложнее. Такого целостного социально-политического организма здесь никогда не существовало и сейчас пока не существует. Национально-этнический фактор сохраняет самостоятельное значение и отчетливо проявляется в деятельности государства и в позициях региональных элит, особенно в местах компактного проживания национальных меньшинств. Поэтому национальные интересы России в полной мере пока не являются национально и этнически нейтральными.

С другой стороны, специфика национальных интересов России заключается в том, что они формировались на гетерогенной этнической основе как синтетическое выражение потребностей и устремлений многочисленных этносов, населявших обширное евразийское пространство, выполнявшее одновременно функции барьера и связующего звена между Европой и Азией. Поэтому нет ничего более нелепого, чем попытка выделить в российском этнокультурном сообществе некую «русскость»

и, отталкиваясь от нее, сформулировать особый «русский» национальный интерес в противовес другим этническим составляющим этого сообщества. Ведь никаких специальных «славянских», а тем более «русских» привилегий в Российской империи не существовало. Ни одна из составляющих государство национальностей не являлась ни господствующей, ни подчиненной. Но русский народ нес основную тяжесть держателя империи и был основным материалом ее строительства, укрепления и расширения.

Проблема России состоит в том, что ее идентичность никогда не была собственно национальной. Она была наднациональной — сначала имперской, а затем советской. Естественно, что после распада СССР РСФСР, и затем Российская Федерация не могли в одночасье сформировать национальную идентичность, поскольку население этого самого большого осколка СССР не представляло собой нацию в западном смысле этого слова.

В силу этого, как полагают В. Пантин и И. Семененко,

«...особое значение приобрело цивилизационное измерение идентичности, которое традиционно играло значительную роль в России и выражалось в ее особом позиционировании по отношению как к западной цивилизации, так и к восточным цивилизациям (Китаю, Индии, исламскому миру)...

...Вслед за распадом СССР неизбежно последовал и крах советской идентичности, которая на протяжении семи десятилетий определяла психологию и массовое сознание подавляющего большинства жителей России. В условиях постсоветской России с ее незавершенной модернизацией и несформированностью нации-государства проблема поиска новой — не чисто национальной и не чисто цивилизационной, а именно национально-цивилизационной — идентичности вышла на первый план. Россия после распада СССР фактически оказалась вынужденной самоопределяться одновременно и как национально-государственное образование (Россия как новое государственное образование, как одно из государств СНГ), и как цивилизационно-культурное образование (Россия как ядро постсоветского экономического и культурно-цивилизационного пространства и как часть Европы). Оба этих процесса протекают достаточно сложно, противоречиво и сопровождаются многочисленными политическими, социальными, этническими, культурными конфликтами как внутри самой России, так и за ее пределами...

...Очевидно, что в условиях современной России процессы глобализации существенно модифицируют формирование национально-цивилизационной идентичности, во многом направляя его в новое русло, сталкивая различные составляющие идентичности и создавая своеобразную « мозаичную » идентичность»¹⁵.

Россия всегда представляла «мир миров», цивилизационное единство культурного многообразия. Наполнение этого единства менялось,

но отечественная культура никогда не была ни мононациональной, ни этнически ориентированной. Интегрирующими факторами на разных этапах исторического развития выступали политический, религиозный и идеологический. Россия всегда была не только поликультурной, но и наднациональной по составу государственной общностью. И потому понятие «национального» остается неопределенным и многозначным. По мнению В. Лапкина, «Россия как социальная общность как бы “зависла”, пытаясь совершить исторический скачок от архаичной империи к современной нации-государству, уже не будучи первой, но еще не став вторым»¹³.

Обширные пространства страны, требующие значительных усилий для их освоения в сложных природных, географических и геополитических условиях, этническое многообразие, особенности национального характера — все это предопределяло в качестве национального интереса всемерное укрепление государства как организующего начала, призванного обеспечить территориальную целостность и внешнюю безопасность и выработать адекватные формы сосуществования различных национально-этнических, религиозных и культурных общностей. Вот почему исторически сложившиеся национальные интересы России стали преимущественно интересами государственными. Неслучайно Петр Великий, провозгласив создание Российской империи, объявил служение Отечеству смыслом жизни каждого ее подданного. В силу специфики исторического развития страны государственные интересы, таким образом, как правило, ставились выше интересов личности и общества, что и предопределило, помимо всего прочего, «имперский» характер российского государства.

Конечно, долгосрочные интересы России, как и США, да и любой страны, направлены на сохранение своей самобытности в мировом сообществе, обеспечение национальной безопасности, политического суверенитета, устойчивого демократического развития. Их суть сводится к трем содержательным блокам: процветание народа, защита и обустройство территории его проживания, сохранение и развитие национальной культуры. Но этим сходство и заканчивается. Если Америка могла себе позволить такую «роскошь», как определение идентичности через «американскую мечту», т.е. корпус либеральных ценностей, то Россия была вынуждена определять свою идентичность через «русскую идею», представляющую собой концепт **служения** — служения своей стране, народу, человечеству, Богу. Российская национальная идентичность имеет намного больше измерений, чем американская. Например, имперское, которое США и не снилось¹⁷.

Более того, если американская идентичность сложилась в течение первых 100 лет существования США и продолжает оставаться почти неизменной до сегодняшнего дня, то российская только на протяжении XX в. радикально менялась дважды. Если же взять всю историю России, то можно увидеть, как одна идентичность неоднократно наслаивалась на другую, при этом прорастая сквозь нее так, что новая идентичность «мутировала», испытывая к тому же воздействие других культур и цивилизаций в силу того, что Россия находилась с ними в непосредственном соседстве (в США проходил аналогичный процесс, но в гораздо менее болезненной форме — через иммиграцию).

В результате национальная идентичность России представляет собой не «плавильный котел» (как в США), а своего рода «слоеный пирог», ни один из слоев которого российской цивилизацией полностью не отторгнут. Это такие слои (они же измерения идентичности), как:

- православный (религиозный);
- коммунистический (идеологический);
- либеральный (аксиологический);
- евразийский (геополитический, или территориальный);
- культурный (европейский);
- национальный (этнический);
- имперский;
- технологический (модернизационный).

При этом, пытаясь самоопределиваться в начале XXI в., Россия, как представляется, делает сразу несколько выборов между:

- интеграцией в европейскую цивилизацию и стремлением сохранить собственную самобытную российскую цивилизацию;
- империей и национальным государством;
- относительной изоляцией и полной открытостью;
- экономическим и политическим либерализмом и ценностями патерналистского государства;
- индивидуализмом и коллективизмом (соборностью);
- мобилизационным и инновационным типом развития (модернизацией);
- построением политической («граждане РФ», или «россияне») и имперской нации.

В каждом из этих случаев выбор весьма непрост и не является делом нескольких лет, даже десятилетий. Сложность самоопределения по этим вопросам подтвердил, в частности, телевизионный проект РТР 2008 г. «Имя Россия», в котором наша власть предприняла очередную попытку

повлиять на формирование национальной идентичности или как минимум зафиксировать общественные настроения по этому вопросу.

Результаты всероссийского (телефонного, SMS, Интернет) голосования «Имя Россия. Исторический выбор 2008» по версии РТР оказались следующими:

- Александр Невский;
- Петр Столыпин;
- Иосиф Сталин;
- Александр Пушкин;
- Петр I;
- Владимир Ленин;
- Федор Достоевский;
- Александр Суворов;
- Дмитрий Менделеев;
- Иван IV Грозный;
- Екатерина II;
- Александр II.

Интересно, что опросы общественного мнения «Левады-центра» опровергают результаты голосования «Имя Россия». По данным «Левады-центра», в списке «Имен России» устойчиво лидируют Петр I и Александр Пушкин. После того как РТР во время проекта «раскрутил» Александра Невского, в опросах «Левады-центра» он попал на третье место. А Петр Столыпин никогда не входил, по опросам того же «Левады-центра», даже в первую десятку. Если же говорить об общих тенденциях, то социологи отметили понижение рейтингов советских символов (хотя позиции И. Сталина по-прежнему очень высоки) и подъем имперских символов. Но неизменно — по всем социологическим опросам — больше всего в России доверяют президенту, церкви и армии¹⁸.

Ценности и императив модернизации

В настоящий момент в стране вызревает — пусть пока и шаткое — согласие относительно необходимости сохранения российской национальной идентичности, в том числе и в ипостаси национальной государственности. С трудом, медленно, но неуклонно, словно цветок сквозь каменистую и безводную почву, пробивает себе путь национальное самосознание.

Национальная идентификация, как многократно показывала всемирная история, происходит тогда, когда народ начинает взаимодействовать с другими народами, обладающими иными ценностями («мы» — «другие»). Вопрос об идентичности встает именно тогда, когда

происходит давление «чужих» ценностей. Столкновение ценностей, как правило, и приводит к самоидентификации, и чем более оно интенсивно, тем более болезненно (но вместе с тем и более определенно) протекает этот процесс. При этом происходит то, что российский исследователь С. Чугров предлагает называть «ксенотрансплантацией» (в медицине — отторжение инородной ткани). Ценностные «трансплантаты с чужой «группой крови» отторгаются национальной ценностной системой. Как полагает С. Чугров, Россия и Япония относятся «к категории стран с высокими адаптационными способностями: они способны усваивать и приравнивать к своим ценностным системам заимствуемые ценности. В то же время японское общество демонстрирует органичное сочетание традиционализма и современности, чего нельзя сказать о российском обществе. Именно поэтому уроки Японии важны для постсоветской России»⁴⁹.

Традиционно Россия (как, впрочем, и многие другие крупные страны) самоопределялась в мировом политическом континууме (или подтверждала свою идентичность) в военном противоборстве с другими народами и государствами. Так было и в XIII, и XVII, и XVIII, и XIX, и XX веках. Отставание национальных ценностей во всех этих случаях было связано непосредственно с решением проблемы национального выживания. Сегодня ситуация кардинально иная. В мире у России нет явно выраженных врагов, способных угрожать самому существованию российского суперэтноса. «Битва народов» в масштабе Первой и Второй мировых войн, к счастью, практически исключена.

Это, однако, не означает прекращение «битвы идентичностей». Ослабив свое военное измерение, она перешла в более мягкие, но одновременно и более изощренные формы (*soft power*), а в ряде случаев и более опасные с точки зрения сохранения культурного ядра. Более того, можно сказать, что именно сфера культуры стала главной ареной «битвы национальных идентичностей» в XXI в. Культурная стандартизация в основном по американскому образцу — главный вызов для национальной идентичности большинства стран мира. Сопrotивление этой стандартизации, которая в ряде случаев проводится весьма агрессивно, и является главной причиной (а вовсе не какая-то «зависть» к американцам, как утверждают пропагандисты госдепартамента США) роста антиамериканских настроений повсюду в мире. Натиск западной массовой культуры порождает повсюду в мире естественную реакцию защиты культуры национальной. В России он к тому же оживляет интерес к российским традициям и обычаям. Тем более что западные либеральные ценности не во всем стыкуются как с советскими, так и с традиционными российскими ценностями.

Как уже отмечалось выше, несмотря на то что большевики сделали все для уничтожения дореволюционных традиций и обычаев и насаждения новых советских традиций и обычаев, традиционные — по большей части православные — российские ценности оказались весьма живучими. По существу они «проросли» сквозь советский идеологический монолит: произошла своего рода «русификация» насаждаемых советских ценностей. Это, в частности, касается многих положений «Морального кодекса строителя коммунизма»²⁰. В результате в массовом сознании советские ценности стали рассматриваться как русские. Эти ценности и являются хранителями русского культурного ядра, русских цивилизационных кодов, оказывая сопротивление культурной экспансии Запада.

В российском обществе, к сожалению, сегодня нет никаких признаков общенационального консенсуса по вопросам основополагающих ценностей — того, что в США называют «американским кредо». Такое положение дел не просто ненормально, но и крайне опасно. В своем Послании Федеральному Собранию РФ 2003 г. второй Президент РФ В. Путин подчеркнул, что без консолидации вокруг базовых общенациональных ценностей Россия не сможет противостоять основным вызовам и угрозам XXI в.²¹ А в ноябре 2008 г. в своем первом Послании Федеральному Собранию РФ третий Президент РФ Д. Медведев посвятил вопросу о значении таких ценностей специальный раздел. В частности, он говорил о них, как о вещах, «которыми нельзя поступиться, ради которых нужно бороться и побеждать». «Это то, что дорого вам, дорого мне, дорого нам всем. То, без чего мы не можем себе представить нашу страну».

Изложив свои представления о базовых национальных ценностях (об этом чуть позже), Д. Медведев подчеркнул, что «это устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А говоря проще, таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией. Это то, от чего мы не откажемся ни при каких обстоятельствах».

Эти весьма сильные тезисы, на наш взгляд, следует понимать таким образом, что Д. Медведев связывает базовые национальные ценности с национальной идентичностью России. Кроме того, он замечает, что они же «формируют и наше представление о будущем. Мы стремимся к справедливому обществу свободных людей. Мы знаем: Россия будет процветающей, демократической страной. Сильной и в то же время комфортной для жизни. Лучшей в мире для самых талантливых, требовательных, самостоятельных и критически настроенных граждан»²².

В этом высказывании просматривается связь ценностей со стратегией национального развития, немислимой без модернизации. Таким

образом, по мнению Президента РФ, имеющийся у России набор основополагающих ценностей не нуждается в исправлениях и дополнениях и формирует необходимые и достаточные условия для успешной национальной модернизации. Этот важнейший тезис можно сформулировать и так: России нет нужды кардинально менять корпус своих традиционных национальных ценностей и внедрять в него какие-либо новые и чужие ценности, поскольку они уже отвечают критерию их соответствия задачам современной национальной модернизации при сохранении культурного ядра российской цивилизации.

И здесь мы подходим к важнейшему моменту. Поиск национальной идентичности совпал в России с поиском модели национальной модернизации. По существу это одно и то же, поскольку субъектом модернизации в Европе всегда было национальное государство. Между тем в отличие от западных стран ни в Российской империи, ни в Советском Союзе процессы формирования нации-государства не получили достаточного развития и были замещены развитием имперской по своей сути политической структуры. В результате формирование российской нации оказалось чрезвычайно замедленным, и после распада СССР обнаружилось, что национальная идентичность в России не сложилась²³.

Без существенного обновления национально-цивилизационной идентичности российское общество не будет достаточно интегрированным и устойчивым, способным отвечать на современные угрозы и вызовы, не сможет осуществить полноценную экономическую, политическую и социальную модернизацию. Перспективы модернизации во многом зависят от того, какие образы идентичности будут доминировать в массовом сознании. Так, доминировавшая в массовом сознании граждан СССР советская идентичность порождала патерналистский характер их отношений с государством, т.е. лояльность и послушание по отношению к власти в обмен на минимальные социальные гарантии. Представления о принадлежности к «особой исторической общности» — советскому народу к тому же формировало гордость за свою страну, ощущение, что она идет «в ногу с историей», и даже устойчивое чувство превосходства над другими странами и народами («у советских собственная гордость — на буржуев смотрим свысока»). Стереотипы массового сознания, внедрявшиеся властью последовательно и методично, позволили ей на определенном этапе провести мобилизационный тип модернизации, превративший страну из аграрной в промышленную, построить инфраструктуру индустриального общества. Но эти же стереотипы, определившие ценностные ориентации и поведение большинства населения СССР, оказались негодными при переходе к постиндустриальной стадии развития, потребовавшей иных мотивов трудовой деятель-

ности и иных условий для нее. Именно это обстоятельство в конечном итоге привело к разложению советской идентичности — сначала в элитном, а затем и в массовом сознании. Массовая приверженность «смеховой культуре», разводившей власть и общество уже в 1980-х годах, стала зримым проявлением кризиса советской идентичности, сочетавшей вербальную поддержку общепринятых идеологем и их реальное отторжение на уровне повседневного опыта. Эта идентичность просто перестала отвечать новым задачам национальной повестки дня и потому утратила какие бы то ни было основания для социального доминирования. Вместе с тем советская идентичность полностью не исчезла: она обрела характер своего рода «фантомной боли» в сознании и поведении представителей ряда социально неблагополучных групп современного российского общества и в этом своем качестве продолжает оказывать определенное влияние на социально-политические процессы в стране.

Таким образом, советская идентичность оказалась ключевым ресурсом нового витка мобилизационного (индустриального) развития. Но именно исчерпание этого ресурса для консолидации идейно-цивилизационной общности на новом витке такого развития, потребовавшего перехода к инновационной модели, привело к распаду опиравшейся на такую консолидацию экономической и политической системы.

С утратой советской идентичности граждане России после 1991 г., однако, лишились возможности вернуться к идентичности дооктябрьской России, поскольку многие системообразующие элементы этой идентичности в течение советского периода были методично выкорчеваны большевиками. И уже в самом начале 1990-х годов стало ясно, что возрождение дореволюционных основ (православно-имперско-самодержавных) российской идентичности невозможно. Например, на протяжении сотен лет основой российской идентичности было православие. Однако к концу XIX — началу XX в. оно оказалось в серьезном кризисе и перестало быть таковой. И сколько бы мы сегодня ни говорили о возрождении православия в России, после 73 лет атеистического воспитания возврата к нему как к основе национальной идентичности быть не может. Кроме того, как справедливо отмечает И. Семенов, постмодернистская парадигма вообще развивается в рамках смысловой расплывчатости, несвойственной традициям русской культуры. Такие ее характерные черты, как «тоталитарность» (нерасчлененность целостного мировосприятия), максимализм устремлений (часто оборачивающийся социальным, религиозным, нравственным и эстетическим радикализмом), эсхатологизм и неизбывный утопизм социокультурных проектов противоположены постмодернистской эстетике²⁴.

Вернемся теперь в свете сказанного к разговору о ценностях.

Православные ценности, которые доминировали в Российской империи, а затем были либо уничтожены, либо (в большей степени) трансформированы большевиками в коммунистические, на наш взгляд, можно свести к пяти основным содержательным блокам.

- Первое.** Небесное выше земного.
- Второе.** Духовное (идеальное) выше материального.
- Третье.** Общее (коллективное) выше личного.
- Четвертое.** Будущее важнее настоящего.
- Пятое.** Справедливость выше закона.

Нетрудно видеть, что эти ценности, вдохновленные православием, кардинально отличаются от ценностей западной цивилизации. Они и составляют содержательную сущность *русского гуманизма*, отличающегося от гуманизма западного, который уже к концу XIX в. себя полностью исчерпал и потерпел моральное поражение, договорившись до того, что «Бог умер». Можно с уверенностью сказать, что именно на перечисленных ценностях основана вся русская культура. Не будь русского гуманизма — не состоялись бы такие явления национальной и мировой культуры, как А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский, П. Чайковский, А. Островский, Н. Бердяев, С. Рахманинов, В. Розанов, И. Бунин, А. Скрябин, А. Блок, В. Маяковский, М. Булгаков, В. Соловьев, И. Ильин, А. Солженицын. Этот список можно продолжить.

Русский гуманизм в трансформированном виде «пророс» и в советскую, первоначально каннибальскую («если враг не сдается — его уничтожают»), безбожную и даже богоборческую цивилизацию. Богоцентризм русской цивилизации был заменен, кстати говоря, в духе идеалов Просвещения антропоцентризмом, т.е. культом Человека, который наделялся не только планетарной, но и космической миссией. Без ценностей русского гуманизма не состоялись бы ни советская литература, ни советский кинематограф. И это касается не только первых четырех из перечисленных выше ценностей, но и, как ни странно, пятой — «справедливость выше закона». Вспомним хотя бы гениальный фильм Э. Рязанова «Берегись автомобиля». Там следователь М. Подберезовиков, выступая в суде в качестве свидетеля, говорит: «Товарищи судьи! Перед вами сложная задача. Деточкин нарушал закон. Он виноват. Но он... не виноват! Пожалейте его, товарищи судьи... Он очень хороший человек». Так что правовой нигилизм, о котором постоянно говорит наш президент Д. Медведев, искоренить в России будет очень непросто.

Все эти вышеперечисленные ценностные стереотипы и по сей день крепко сидят в нашем сознании (и даже, возможно, в подсознании). И хо-

тя они вряд ли способствуют конкурентоспособности России в современном мире, выкорчевать их из этого сознания, видимо, не удастся никогда. Ведь это уже органика, ставшая именно культурно-цивилизационным ядром нации. И не считаться с этим нельзя.

Главное в национальной идентичности — культурное измерение, цивилизационные коды, т.е. ценности. Причем ценности навязать сверху невозможно. Потому что они суть продукт национального культурного развития. Ценности живут в душах людей, которые добровольно себя с ними идентифицируют, что и определяет в конечном счете национальную идентичность. Так же как закона и порядка в обществе не будет, если этот закон, даже самый лучший, не живет в душах людей, идентичности не будет, если национальные ценности, ее определяющие, не живут в душах людей.

И это с сокрушительной убедительностью показало развитие уже постсоветской демократической России в 1990-е годы. С точки зрения православного христианина, в историческом плане мы пережили в эти годы по существу очередной этап процесса апостасии — отпадения от Бога, потому что отмена лжерелигии, т.е. коммунизма, не привела к возрождению в душах российских граждан православного христианства. В душах образовался религиозный вакуум, который и является важнейшей предпосылкой победы в России — впервые в ее истории — «общества практического атеизма» (Н. Бердяев). Все это не могло создать предпосылок для формирования в стране правового государства, а напротив, способствовало невиданному расцвету криминальных отношений.

Во многом это было обусловлено обстоятельствами распада СССР и формирования новой России.

Как бы мы ни относились к Советскому Союзу, он был легитимным и международно признанным государственным образованием. Его правосубъектность была подтверждена международным правом в межвоенный период, участием в антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны, решающим вкладом в разгром германского фашизма и немалым вкладом в разгром японского милитаризма, соответствующими документами послевоенного урегулирования, составляющими основы ялтинско-потсдамского мирового порядка, важнейшими многосторонними и двусторонними соглашениями периода 1945–1991 гг. и т.д. Следовательно, распад СССР, который был осуществлен без учета воли его народов, без соответствующих переговоров о границах новых независимых государств, легитимным назвать ни в коем случае нельзя. Соответственно и образовавшиеся после августовской (1991 г.) антиком-

мунистической революции и нелегитимных Беловежских соглашений постсоветские государства, включая Российскую Федерацию, нельзя было признать вполне законными. Попытка тогдашних «демократов» (Б. Ельцина, Г. Бурбулиса, А. Чубайса, Е. Гайдара, А. Козырева и др.) придать легитимность Российской Федерации на почве антикоммунизма полностью провалилась. Несмотря на все их усилия, к тому же поддержанные Западом, антикоммунизм не стал государственной идеологией новой России. Проблема лишь загоняется внутрь, и потому начинаются новые конфликты 1992 и 1993 гг. между исполнительной и законодательной властью. Всем памятен референдум «Да, да, нет, да». Следующий этап — октябрьская (1993 г.), по существу антисоветская революция, в ходе которой законный парламент безжалостно растреливается кумулятивными снарядами, т.е. используется большевистский метод в политической борьбе. «Демократы» действуют как большевики. Отечественная интеллигенция, равно как и Запад, их поддерживает, что, однако, не придает легитимности новому государству. И вместе с тем «черный Октябрь» демонстрирует, что путь принуждения, конфронтации и насилия уже заказаны для России. Противоречия вновь лишь загоняются вовнутрь.

Спешно подготовленная Конституция 1993 г., создающая пропрезидентскую республику, вновь не придает, однако, легитимности новому государству. Конституция принимается без общенародного обсуждения, в ситуации, когда народ, уставший от конфликтов между Кремлем и Белым домом, хватается за соломинку — лишь бы обеспечить хоть какую-то политическую стабильность. Однако на нелегитимные (а по существу криминальные) действия власти он отвечает разгулом преступности в стране. Этот разгул многократно усиливается после проведения «шоковой терапии» Е. Гайдаром и жульнической приватизации А. Чубайсом (разумеется, при поддержке Б. Ельцина). В этом, как представляется, состоит главная причина «великой криминальной революции» в России в 1990-е годы. Полный произвол самой власти исключал тогда возможность формирования какой бы то ни было правовой культуры в стране.

После прихода к власти В. Путина положение понемногу стало исправляться. Кремль частично восстановил субъектность государства, стал больше (по крайней мере публично) опираться на правовые нормы, наказал наиболее одиозных «приватизаторов». Одновременно был объявлен курс на защиту национальных интересов во внешней политике и национальную модернизацию — во внутренней — при опоре не только на либеральные, но и на традиционные российские ценности.

Но в этом контексте возник фундаментальный вопрос: совместимы ли традиционные национальные ценности России с задачей модернизации и перехода к инновационному типу развития?

Пришлось считаться с тем, что в сознании русского народа глубоко укоренен идеал сильного государства. И это объясняется не только ностальгией по бывшей сверхдержаве — СССР, хотя она, конечно, сохраняется²⁵. События 90-х годов XX в. и начала XXI в., особенно бомбардировки Югославии в 1999 г., оккупация Ирака, периодическое вмешательство западных стран в дела СНГ, затрагивающее жизненно важные интересы самой России, для многих стали свидетельством того, что Запад считается только с экономической и военной силой. В этих условиях возможная утрата Россией статуса великой державы воспринимается многими как потеря независимости, способности влиять не только на другие государства, но и на процессы внутри страны.

Кроме того, как уже говорилось выше, в условиях глобализации, размывающей основы национально-государственной идентичности, российское общество оказалось перед необходимостью решения задач модернизации, а известные донные модели модернизации строились на основе укрепления национального государства как целостной общности с устойчивыми национально-государственными характеристиками.

Положение осложняется тем, что Россия не знает другого опыта преодоления кризисов, кроме как через укрепление государства. Так было на всех переломных этапах русской истории, будь то принятие христианства или борьба против татаро-монгольского нашествия, объединение земель вокруг Москвы или реформы Ивана Грозного, преодоление Смутного времени или петровские, а затем и екатерининские реформы, либеральные реформы Александра II или советская мобилизационная модель развития.

При этом на всех этапах русской истории интерес национальный отождествлялся с государственным. Государство было главным критерием идейно-политической идентификации. Позиционирование по отношению к государству оказывалось важнейшей составляющей национальной идентичности, а государственное строительство — перманентным приоритетом национального развития. Процессы государственного строительства задавали параметры развития национального.

В силу этих и многих других причин позиционирование по отношению к государству и сегодня остается важным референтным ориентиром в системе самоидентификации граждан России. Уровень ожиданий, связанных с государством, по-прежнему высок, а глубокое недоверие по отношению к властным структурам объясняется во многом нереализованностью таких ожиданий. И потому любое унижение России, любая

попытка поставить под сомнение ее статус великой державы воспринимается российским обществом крайне болезненно. Идеал «величия России» остается одной из основополагающих национальных ценностей не только в политической риторике, но и в национальном самосознании.

Понятно, что с некоторых пор наша власть это стала учитывать. В 2000–2008 гг. мы были свидетелями того, как режим В. Путина, являющийся органической составной частью уже постсоветской демократической России, маневрировал в целях преодоления невиданного национального унижения могучей прежде державы, прежде всего, конечно, ради самосохранения. Однако мы видим и то, как декларируемая эволюция в направлении укрепления государственности пробуксовывает на месте. Режим, выполнивший функцию разрушения СССР, не может, конечно, в одночасье переродиться и стать вдруг созидательной силой. Дело, однако, не в этом. Маневрирование нынешнего режима, игры в «сильную власть» — верный признак пробуждения от спячки, предзнаменование национального возрождения, свидетельство того, что «низшую точку» разрушения и падения Россия прошла и дальше должно начаться движение вверх.

Вместе с тем, как полагают В. Пантин и В. Лапкин:

«...социокультурные процессы в российском обществе в определенном смысле развиваются в противофазе с общемировыми: если там параллельно с эрозией ценностей национального государства идет выработка основы жизненного мира для всемирного республиканства, то здесь общественное сознание старательно “освобождается” от характерных для минувшей, большевистской эпохи представлений о “всемирном интернационале”, о “единой республике трудящихся”, т.е. от прежней универсалистско-имперской идентичности. Восприняв ценность национального в период глобального кризиса национально-государственной парадигмы, российское общество, образно говоря, разрывается между потребностью модернизации (в ее традиционном понимании, делающем акцент на ценности и рамочные условия национальной государственности) и необходимостью адаптации к “постмодерным”, глобалистским тенденциям мирового развития»²⁶.

В то же время нельзя не видеть и другого: после распада СССР и избавления от коммунистических химер новая Россия стала намного более восприимчивой к ценностям даже не западным, а универсальным, касающимся не только доказавших свою успешность и эффективность экономических и политических институтов, но и стереотипов мышления и поведения. Серьезные коррективы были внесены в трудовую этику и мораль.

Ключевым элементом системы ценностей в Конституции Российской Федерации 1993 г. (как, впрочем, и в Конституции СССР 1973 г.)

провозглашен человек. Его права и свободы определены как высшая ценность. В числе национальных ценностей России, определенных Конституцией, находятся: утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия; равноправие народов; память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость; суверенная государственность России и незыблемость ее демократической основы; благополучие и процветание России; ответственность за свою Родину перед прошлыми, нынешними и будущими поколениями; осознание себя частью мирового сообщества. В Посланиях Президента России (первого и второго) Федеральному Собранию Российской Федерации подчеркивается важная роль таких ценностей, как безопасность, свобода, благосостояние, государственность, законность, человечность, гражданственность, достоинство, патриотизм, нравственность, равенство, справедливость.

В Послании Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. Д. Медведев расставил следующие ценностные приоритеты:

Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добиваемая достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации в системе международных отношений.

Свобода — личная, индивидуальная, свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий. И свобода общая, национальная. Самостоятельность и независимость Российского государства.

Жизнь человека, его благосостояние и достоинство. Межнациональный мир. Единство разнообразных культур. Защита малых народов.

Семейные традиции. Любовь и верность. Забота о младших и старших.

Патриотизм. При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее, в любых обстоятельствах, всегда — вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре²⁷.

Как видно, набор этих ценностей включает в себя не только ценности, заимствованные у Запада, но и взятые из исторически сложившегося культурно-цивилизационного ядра, которые, однако, вопреки ранее приведенным оценкам Д. Медведева, все же корректируются, причем в сторону индивидуализма, личной свободы, материального прагматиз-

ма, правовых норм и ориентаций на сегодняшний день, а не на утопические проекты будущего. Представляется, что эта система национальных ценностей, которая еще будет, конечно, уточняться, способна стать жизненным ориентиром граждан России, их современным миро-воззрением, не разрушая культурное ядро российской цивилизации.

Итак, с точки зрения универсальных ценностных ориентиров развития страна сделала стратегический выбор: гражданское общество, правовое государство и рыночная экономика. При этом, как представляется, нынешнее политическое руководство России понимает и то, что важнейшими критериями инновационного — как единственно возможного успешного — развития любой страны в XXI в. являются два фактора: свобода и технологии. И то, и другое у России есть. Технологии (инновационные продукты) — мозги нации, вернее, результат деятельности этих мозгов. Их сохранение — не только ключ к национальному выживанию, но и гарантия лидерской роли России в XXI в. В той же мере для обеспечения инновационного типа развития жизненно необходимо сохранить и свободу, хотя в историческом плане могут быть и остановки, и временные откаты назад. Однако Россия *выстрадала свободу* и некий свой, национальный вариант демократии, испробовав все мыслимые варианты развития и государственного устройства и отвергнув их. Именно выбор свободы дает надежду на то, что Россия в ближайшие десятилетия успешно проведет национальную модернизацию и обеспечит себе высокую конкурентоспособность в современном мире.

Все сказанное позволяет достаточно уверенно констатировать, что сегодня в стране зарождается новая идеология: условно — «идеология просвещенного демократического патриотизма», которая, возможно, и станет идеологией российского возрождения. Она будет сочетать в себе идеи открытого общества и личной свободы с сильной и ответственной государственной властью. Подспудно начинает формироваться и российский тип демократии, который представляет собой конституционное совмещение передовых социальных технологий Запада и тысячелетней русской исторической традиции. Путь России — не «суверенная» или «управляемая» псевдодемократия (против которой как раз и выступает третий Президент РФ), под вывеской которой скрывается авторитарная власть, а подлинно демократический и в то же время национальный тип государственности, как ее определял И. Ильин. Этот тип и есть путь к современной российской государственности, сильной государственной власти, действующей строго в рамках закона и, таким образом, находящей оптимальный баланс между идеей свободы и идеей справедливости. Если страна не свернет с этого пути, то впервые в истории будет достигнут компромисс между *свободой*, ведущей в своем аб-

солютном выражении к анархии и развалу государства, бунту и междоусобицам, и **справедливостью**, порождающей в своих крайних формах деспотию и тоталитаризм. Поиск этого баланса и есть стержень нынешней российской политики.

Соблазн особого пути

Составной частью российской национальной идентичности является «длинная» культурно-историческая память, представления о «великом прошлом» России. Эти представления актуализируют мифологемы о «великом народе» и «великой культуре», мессианские упования на историческую миссию России. С прошлым связываются представления о национальном достоинстве и национальной гордости, в то время как современная политическая история ассоциируется с кризисом, со сдачей позиций великой державы и забвением национальных интересов. Поэтому столь живучей оказывается идеологема «особого пути», противопоставляемая сегодняшней модернизации. Как полагает В. Пантин, «объявить представления об «особом пути» развития России только предрассудком, пережитком традиционализма или «артефактом» было бы не только большим упрощением, но и искажением реального содержания этих представлений». Он считает необходимым не отмахиваться от реально существующей сложной проблемы, а докопаться до ее более глубоких причин²⁸.

В каждом обществе в той или иной мере распространены представления о собственной исключительности, об уникальности своего пути развития, о своей культурной специфике и т.п. Подобные представления в разных формах существуют и в США, и в странах Западной Европы, и в Японии, и в Китае, и в Индии, и во многих других странах. Россия в этом плане, конечно, не является исключением. Но специфика современной России по сравнению с перечисленными странами состоит прежде всего в том, что в настоящее время российское общество находится на решающем, во многих отношениях критическом этапе модернизации и переживает не только социально-экономический и политический, но и глубочайший цивилизационный кризис. В результате этого последнего кризиса под сомнение ставятся все основы существования российского общества, российского государства, российской культуры.

Двадцать лет проб и ошибок во внутренней и внешней политике, завышенных и наивных ожиданий в отношении рыночной экономики, демократии западного типа, быстрой интеграции в мировое экономическое пространство, метаний от глобализма к изоляционизму лишь подтвердили, что путь России не имеет аналогов в мировой истории.

В России оказались одинаково неприемлемы ни псевдолиберальная, ни дооктябрьская консервативная модели развития. Произошла в общем-то закономерная и естественная вещь: очередная попытка «растворить» российскую идентичность в мировом культурно-цивилизационном пространстве вызвала мощное сопротивление. И раньше (со времен петровских реформ), и сейчас оно порождает следующие последствия:

- сопротивление плохо продуманным псевдолиберальным реформам на уровне как политического, так и общественного сознания;
- формирование самостоятельного типа поведения государства и во внутренней, и во внешней политике;
- соответственно — настороженность в отношении внешнего окружения;
- как следствие — отторжение в той или иной форме варианта неосмотрительной интеграции России в мировое сообщество.

Конечно, самобытность может быть как со знаком «минус», так и со знаком «плюс». Например, то, что в русской религиозной литературе принято называть духовностью — это, несомненно, позитивная часть самобытности. Именно духовность в конечном счете является гарантом российской самобытности, основным фактором невозможности привить России чужеродные ценности. При этом инструментом сохранения самобытности выступает мощное государство. И по этой причине идея мощного государства всегда была интегрирующей идеей российского общества. И сейчас в обществе в политическом отношении водораздел лежит не между левыми и правыми, а между теми, кто выступает за сильное государство как инструмент выхода из кризиса, и теми, кто против него.

Однако за этим противостоянием стоит и более глубокий раскол, касающийся вопроса о том, какой быть России и по какому пути модернизации пойти — по западному, эволюционному, моделирующему в текущем столетии положение «младшего партнера» и сырьевого придатка постиндустриальных стран, или своему, самобытному, дающему надежду на возрождение великой державы? Или тот же вопрос, но несколько в иной плоскости: пойдет ли страна по компрадорскому или национальному пути развития? Отсюда становятся ясными и корни охватившего российское общество кризиса: он связан с невозможностью перенести идеологию и практику западного либерализма на национальную российскую почву. Сейчас стало очевидно, как никогда с начала горбачевско-ельцинских реформ: рассчитывать на то, что русский народ безропотно воспримет и будет слепо воспроизводить идеалы, ценности и социальные формы западной цивилизации, — опасная утопия

не только для России, но и для всего мира. Реакция отторжения неизбежна, она, собственно, уже произошла.

Двадцать лет реформ показали, что либеральная демократия «в чистом виде» в России просто не работает. В историческом плане и на Западе она себя изжила. Эта модель, пусть прогрессивная для XX в., оказалась не вечной. Исторический опыт вообще показывает, что любые «идеальные» модели развития постепенно накапливают внутренние противоречия и превращаются в регрессивные. Кто может гарантировать, что то же самое в XXI в. не произойдет с западной цивилизацией? И не является ли неудачная попытка российских реформаторов привить стране элементы общества «всеобщего потребления» признаком того, что не «Россия плоха» для этого общества, а само это общество исчерпало себя в культурно-цивилизационном плане?

Те уродливые, безобразные формы, которые приобрели в России бездумно заимствованные западные ценности, являются как бы предупреждением всему человечеству. Обращаясь к текущей истории России, можно предположить, что именно с наличием национальной сверхзадачи связаны неудачи псевдолиберальных реформ. Ведь уже более двадцати лет в России пытаются насадить отнюдь не универсальные, а преимущественно «классические» западные ценности: индивидуализм, жажду наживы, рыночные отношения времен Чарльза Диккенса и Джека Лондона, заокеанскую модель государственного устройства, демократию англо-американского типа, психологию жизненного успеха любой ценой, поставив тем самым страну «в хвост» исторического развития западных стран. Пора признать, что эти попытки не увенчались сколько-нибудь серьезным успехом. Не приживаются заморские либеральные ценности на русской почве (во всяком случае, «в чистом виде»), да и только. Но не признак ли это порочности данного пути не только для России? И не играет ли здесь Россия вновь роль «удерживающего», которую она сыграла в XX в.?

Россия — впрочем, как и всегда в истории, — как бы сбросила все маски и покровы. Приватизация у нас родила не средний класс, а криминального нувориша. В итоге был создан не западный тип экономики, а неведомый истории феномен экономики уголовно-кланового типа. Хотели создать национальную буржуазию, а получили компрадорскую, не желающую вкладывать инвестиции в отечественную промышленность и вывозящую капиталы за рубеж, что показал и текущий финансовый кризис. Да и в деле демократии мы оказались отброшенными на двадцать лет назад, к началу перестройки. Вместо великой демократической реформы мы получили великую криминальную революцию. И сегодня России грозит не демократия или автократия, а олигархия криминально-мафиозного содержания.

В этом контексте, когда по существу решается вопрос «быть или не быть» российской цивилизации, представления об «особом пути» России начинают играть иную роль, чем в более благополучных странах Запада и Востока. В частности, они могут стать как основой сплочения общества и мобилизации его энергии для решения проблем экономической, социальной, политической и культурной модернизации, так и фактором архаизации общества, его деградации или отката к жесткому авторитаризму или тоталитаризму. В. Пантин выделяет следующие основные составляющие представлений массового сознания об «особом пути» развития России.

1. Оппозиция по отношению к радикальному либерализму, неприятие резкого имущественного расслоения, социальной несправедливости и произвола чиновников.
2. Потребность в патерналистском государстве, проводящем сильную социальную политику, заботящемся о наименее обеспеченных слоях населения и осуществляющем эффективное государственное регулирование экономики.
3. Ориентация на политический режим, сочетающий элементы авторитаризма и демократии, — прежде всего всеобщие выборы на федеральном и местном уровнях.
4. Идеал великой державы, с которой считались бы во всем мире; недоверие к США и их союзникам.
5. Сохранение и развитие российской культуры, традиций, обычаев и ценностей.

Как полагают В. Пантин и И. Семенов, «так или иначе, с широким представлением о необходимости «особого пути» развития России придется считаться любому политику, реально претендующему на власть. Представляется также, что игнорирование укорененности подобных представлений в современном российском обществе и причин, их порождающих, явилось одним из факторов (чуть ли не самым важным) поражения российских либеральных политических партий и их лидеров на выборах 2003–2004 гг. Если российские либералы будут и дальше высокомерно отмахиваться от представлений об «особом пути» как нелепых и утопических, они рискуют полностью отдать идеи своеобразия и самобытности культурного развития России на откуп националистическим и имперско-реваншистским силам. Последствия подобного развития идейно-политической ситуации в России, как нетрудно догадаться, могут оказаться весьма печальными»²⁹.

При ближайшем рассмотрении вышперечисленные представления, однако, по существу ничем не отличаются от тех, которые имеются и в

других странах, в том числе западных (например, во Франции). Однако в России благодаря титаническим усилиям наших «державников» они превратились в агрессивную антизападную идеологическую платформу, элементы которой стали частью не только элитного, но и массового сознания. И это, конечно, тормозит интеграцию России в трансатлантическое сообщество.

Как же совместить жизненно важную необходимость обновления российской идентичности, связанную с потребностью успешной национальной модернизации, с глубоко укорененными в российском обществе представлениями об «особом пути» и национальной самобытности?

На наш взгляд, следует искать такой путь возрождения страны, который основывался бы на преемственности российских исторических традиций и ценностей при одновременном их сочетании с основополагающими демократическими нормами и принципами. Еще раз подчеркнем: методы и пути реформ (экономических, политических, социальных, правовых и т.д.) могут быть предметом дискуссий, но для национальной элиты любой страны необходимо наличие определенных ценностей и понятий общенационального значения, о которых не спорят. Вокруг этих фундаментальных ценностей, общего взгляда на определяющие вехи истории и должно сложиться национальное согласие, столь необходимое для устойчивого и демократического развития страны, а также для интеграции России в мировое сообщество, в мирохозяйственную транснациональную систему XXI века.

Европейский вектор: неизбежность и пределы

Поиск цивилизационной идентичности неизбежно ставит перед Россией вопрос о том, является ли она самобытной цивилизацией, представляющей собой особый синтез Европы и Азии, или составной частью европейской цивилизации. И соответственно являются граждане России европейцами или нет. Этому спору уже не одна сотня лет, и порожден он стремлением политического класса сначала Российской империи, затем СССР, а теперь и Российской Федерации одновременно сохранить традиционные русские ценности, во многом не совпадающие с западными, и завершить модернизацию, что вряд ли возможно без взаимодействия с Европой, без заимствования ее экономической, политической и правовой практики, а следовательно, и без частичного, но хорошо осмысленного заимствования западных ценностей, включающих как демократические и социальные институты, так и либеральные модели в политике и экономике и нормы трудовой морали и повседневной жизни (т.е. по сути без частичной модернизации ее цивилизационного генетического кода).

Следует отметить, что попытки российской элиты найти эту тонкую грань между самобытностью и модернизацией с опорой на Европу до сегодняшнего дня терпели поражение. В результате Россия металась от одной крайности к другой: от резкого противопоставления себя Европе до попыток полной «вестернизации» и затем обратного попятного движения. При этом периодически возрождающиеся в той или иной форме представления о необходимости и желательности «особого пути» были и реакцией на неудачи и провалы модернизации, а в ряде случаев вели к усилению в массовом сознании антизападных настроений, традиционализма и даже архаики. На этот фактор накладывалась еще одна серьезнейшая трудность в преодолении кризиса национальной идентичности для России: глубокий традиционный разрыв в ценностях между элитными и массовыми группами.

Такой зигзагообразный путь развития периодически приводил к политической дестабилизации, а в ряде случаев — и к революции. В российском обществе — как в массовых, так и в элитных его слоях — нет консенсуса по этому вопросу и сегодня, что чревато очередной дестабилизацией если не через 1–2 года, то через 5–10 лет. Понятно, что это интеллектуальный вызов для российской элиты. Сразу хотелось бы отметить: мы придерживаемся той точки зрения, что сама история делает за Россию выбор в пользу европейского вектора развития, учитывая ее неблагоприятную демографическую ситуацию, геополитическую уязвимость, технологическое отставание, неспособность самостоятельно освоить свою территорию и природные ресурсы, натиск мирового ислама, грядущее давление растущего Китая и другие факторы.

Значимость «европейской самоидентификации» для формирования как внутри-, так и внешнеполитического курса страны год от года будет только возрастать. В то же время следует, конечно, учитывать и то, что Европа (по крайней мере в лице ЕС) отнюдь не торопится включить в свой состав Россию, и даже более того — весьма опасается. Это существенно ограничивает возможности «европейской самоидентификации» России, хотя и не исключает ее полностью. Наконец, чрезвычайно важно иметь в виду и то обстоятельство, что при наличии многих общих исторических корней и традиций культурная идентичность России системно отличается от культурной идентичности многих европейских стран. Это исключает ассимиляционный вариант — возможность «растворения» России в Европе. Его опасается и сама Европа, поскольку такой вариант несет в себе потенциальную угрозу ослабления степени интегрированности европейской культурной идентичности. Однако и отказ от культурного сближения с Европой был бы контрпродуктивен для развития как России, так и Европы: для России он означал бы кру-

шение надежды на завершение модернизации, а для Европы — на формирование самостоятельного «центра силы», на равных конкурирующего с Америкой и Китаем.

Поэтому при всей сложности и противоречивости этого процесса формирование и российской, и европейской идентичности должно идти (и, безусловно, идет) в направлении взаимного сближения и взаимодействия. Таким образом, по нашему мнению, формирование новой российской идентичности, которая не противостоит европейской, а сочетается с ней, возможно и необходимо. Для этого, однако, необходимы глубокие изменения в массовом и элитном сознании, которые еще не завершены. Россия является европейской страной в силу своей судьбы, культурных традиций, географического положения. Ее будущее неразрывно связано с Европой. Потенциал российской нации может раскрыться только через творческое освоение ценностей европейской цивилизации, в формировании которой внесла существенный вклад великая русская культура.

В массовом российском сознании, как констатируют многие российские социологи, идея цивилизационного и культурного (а следовательно, и ценностного) сближения с Европой значительно популярнее идеи сближения с США. Если США воспринимаются сегодня скорее отрицательно, то отношение к Европе выглядит устойчиво позитивно³⁰. Одновременно стратегии развития, демонстрируемые Китаем, Японией и другими странами Азии, являются привлекательными не более чем для нескольких процентов российских граждан³¹. Тем не менее ситуация в России существенно отличается от ситуации в Испании, Прибалтике, ряде стран ЦВЕ. В этих странах отношение к Европе было совершенно однозначным и непротиворечивым. Движение в Европу не раскалывало, а объединяло общество. В Испании оно знаменовало собой окончательное преодоление великодержавности, в малых странах — не только отход от России, но и их «возвеличивание» с вхождением в состав ЕС. Для России же такое вхождение было бы «умалением», превращением бывшей сверхдержавы в одну из многих стран. Это, конечно, весьма болезненно для национального самолюбия.

Таким образом, сближение с Европой сдерживается не только позицией ЕС, но и нежеланием самой России становиться *периферией Европы*, а также неготовностью российского общества к соответствующим институциональным реформам. Общеввропейская идентичность, как и идентичность различных европейских стран, проходит сегодня через тяжелый кризис с далеко не ясными результатами. Этот процесс связан не только с новым этапом объединения Европы (расширение ЕС), но и со стремлением прежде всего старейших членов «европейского клуба», таких как Германия и Франция, защитить традиционную европейскую модель соци-

ально-экономического развития в условиях агрессии неолиберальной корпоративной культуры американского образца.

Хотя у самого понятия «европейцы», отмечает И. Семененко, весьма солидный возраст (оно было впервые применено к войскам Карла Мартелла, остановившим наступление арабов в 732 г. в битве при Пуатье), уровень отождествления граждан европейских стран с Европой сильно отстает от темпов европейского строительства. Феномен «европейского» сознания остается размытым. Гражданская лояльность европейцев по-прежнему носит государственно-национальный характер, а в системе самоидентификации более значимыми оказываются региональные и локальные уровни. Процесс формирования общего поля европейской идентичности идет трудно и мучительно из-за наличия глубоких социокультурных разломов как между представителями различных эшелонов интеграции, так и внутри западных обществ. При этом многие активные сторонники евростроительства считают, что сила Европы — в ее разнообразии. В этих условиях Россия стоит перед необходимостью не отмены национальной системы ценностей, а формирования обновленной национальной идентичности, сочетающей ценностные традиции, обеспечивающие социальную интеграцию, и ценности современного либерального общества при сохранении основных культурно-цивилизационных кодов российской цивилизации.

Разница между вестернизацией и национальной модернизацией раскрывает российский историк В. Согрин:

«В связи с перипетиями современной модернизации в российском обществе не умолкают споры о ее оптимальном варианте. Среди многих точек зрения главными являются две. Первая, отстаиваемая сторонниками “чистых” радикально-либеральных реформ, доказывает, что исторические особенности России — это не более чем идеологема, что плодотворны только универсальные рыночные механизмы, которые и должны быть освоены. Радикал-либералы доказывают, что основы современного общества, как и соответствующие им ментальность, культура и социальные нормы, могут оформиться достаточно быстро, а болезненный этап будет пройден в течение жизни одного поколения. Любой же вариант реформ, альтернативный радикал-либеральному, вернет Россию на круги стагнирующего коллективистского общества. Другая точка зрения состоит в том, что Россия должна найти оптимальный национальный вариант российской модернизации, который определяется одними как “либерально-консервативный”, другими — как “консервативно-либеральный”, третьими — как “адекватный”, но который в любом случае должен учесть цивилизационные характеристики России и быть сплавленным с ними»³².

После реформ Петра Великого, а особенно Екатерины II, Россия заняла никем не оспариваемое место в «концерте» европейских держав. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом: имперская царская Россия вос-

принималась Европой в качестве своей составной органической части, а современная Россия, казалось бы, вставшая на путь демократии, покончившая с «имперским» прошлым, Европой отторгается. А еще Европа относится к России так, будто у нее за плечами не одиннадцать столетий государственности, а всего без малого два десятка лет... Это происходит потому, что Европа до сих пор не доверяет новой России, поскольку процесс дебольшевизации в ней не завершен. Расстрел Парламента в октябре 1993 г.; война в Чечне; нередко звучащая антизападная и антиамериканская риторика; провокационные угрозы в адрес соседних стран; раболепное заигрывание с коммунистическим электоратом, в том числе путем воскрешения советской символики; расплывчатость национальных интересов, неспособность к их твердой и спокойной защите; отсутствие у государства политической воли к самоопределению вообще — все это рецидивы отнюдь не русского и даже не «имперского», а большевистского сознания. К несчастью, именно такого сознания в России пока слишком много, а имперского — слишком мало. Вот и относится к нам Европа не как к России, а как к уменьшенному, ослабленному и потому озлобленному СССР, ядру «империи советского зла». Продолжение небольшевистского курса, в какие бы одежды он ни рядился — «коммунистические» или «либеральные», — грозит отторгнуть от России новые народы и территории, взорвать «российский евразийский проект» с катастрофическими последствиями для всего мира.

И все же и по культурной ориентации, и по уровню технического развития Россия является страной Большой Европы, находящейся на индустриальной и отчасти научно-индустриальной ступени. Ее производительные силы качественно отличаются от производительных сил большинства стран Востока и, наоборот, принципиально не отличаются от тех, которые есть на Западе. В России тот же тип квалификации работников, тот же класс машин и механизмов. Проблема в том, что в России долгое время господствовали — впрочем, в своем большинстве исторически обусловленные — иной менталитет, иная культура трудовых отношений, иные производственные отношения и иная социальная организация, и именно эти обстоятельства мешают ей стать равноправным партнером Большой Европы. Когда в России устоятся новые общественные отношения, изменится трудовая мораль, будут преодолены разрушительные последствия переходного периода, Россия по праву вновь сможет претендовать на то, чтобы стать ее неразрывной органической частью.

Традиция и современность: поиски синтеза

Все эти вопросы, как представляется, имеют прямое отношение к формированию нового внутри- и внешнеполитического курса России.

Последовательные сторонники возрождения «самобытной» российской цивилизации исходят из представления о принципиальной неподверженности ее базисных элементов каким бы то ни было модернизационным трансформациям, а потому видят в ней естественный и нерушимый оплот мирового антизападничества. В этом случае решение проблемы социальной консолидации видится на путях превращения России в мировой центр антизападных, антикапиталистических, антиглобалистских сил, объединяемых в международной среде неприятием западной системы ценностей и основ западной цивилизации. Однако и в этом случае заимствование «технических» элементов западной цивилизации оказывается непременным условием эффективного противостояния Западу.

Их оппоненты в свою очередь исходят из того, что Запад как консолидированное цивилизационное целое убедительно продемонстрировал свои неоспоримые преимущества в глобализирующемся мире, и потому попытки социальной консолидации путем реконструкции и воссоздания традиционных основ российской цивилизации в современных условиях заведомо бесплодны и бесперспективны. В рамках этого подхода переход России на инновационный тип развития обусловлен сменой ее цивилизационной парадигмы, т.е. отказом от традиционной системы ценностей. В этом случае императивом российского развития видится имплантация и последующее освоение западной системы ценностей и «кодов» западной цивилизации, а желанным результатом — вхождение в качестве составной части в цивилизацию «объединенного Запада».

При очевидном антагонизме этих подходов их роднит бескомпромиссное стремление подавить, уничтожить чужеродные или национальные ценности, цивилизацию, культуру. И в том и в другом случае проблема поиска и последовательного выстраивания цивилизационных и ценностных оснований российского развития в условиях современности оказывается «снята» predetermined выбором той или иной «идеалтипической» конструкции. Оба этих подхода отказывают российскому обществу в наличии имманентной ему субъектности и потому переводят проблему в плоскость глобальных геополитических абстракций. По существу Россия, потребности ее внутреннего самообновления вновь приносятся в жертву некоей судьбоносной для Мира миссии (будь то борьба с «капитализмом», «империализмом», «глобализмом» либо, напротив, служение «либеральной миссии», поддержка Запада в его борьбе с «варварством» и пр.).

В то же время поиски стратегии ценностной и цивилизационной адаптации России требуют более глубокого и всестороннего анализа новых возможностей, открывающихся в условиях глобализирующегося мира. Более того, интеграция России в мировое сообщество возможна

лишь при условии успешности ее внутренней консолидации на основе синтеза (всякий раз, по определению, уникального) традиции и современности. В противном случае «интегрировать» по сути будет нечего: радикальное решение, как «почвенническое», так и «западническое», форсирует процессы дальнейшей дезинтеграции российского общества, утраты и распада национально-цивилизационной идентичности, и потому речь будет идти уже скорее не об «интеграции» России как самостоятельного целого в сообщество более высокого порядка сложности, а об освоении отпадающих от него территорий и этнонациональных общностей иными субъектами современного мирового развития.

Примечания

¹ В этом плане нельзя не согласиться с В. Лукиным: «... Полуфеодалные во многих своих проявлениях отношения, до сих пор сохраняющиеся в целом ряде сфер российской экономики и политики, категорически несовместимы с постиндустриальной архитектурой внешней среды. Подобное «раздвоение» политического сознания российского истеблишмента в случае его упрямого и бездумного воспроизводства поставит крест на перспективах страны как сильного и самостоятельного игрока на международной арене. Эффективная государственность и авторитарный феодализм в XXI в. абсолютно несовместимы». (Независимая газета. 2003. 24 марта.)

² Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. М., 2004. С. 40–41.

³ Примечательно, что М. Кастельс утверждает примат культурных факторов идентичности и, соответственно, доминирование в современном «сетевом сообществе» культурной идентичности над другими ее составляющими. (См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. М., 2005. С. 89.)

⁴ *Сигэюки И.* Волна новой цивилизации, исходящая от Японии. Токио, 1995. С. 159–160

⁵ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М., 2003. С. 35.

⁶ Поиск национально-цивилизационной идентичности... С. 41.

⁷ *Robertson R., Khondker H.* Discourses of globalization. Preliminary considerations // *International Sociaology*. L., 1999. Vol. 13. № 1. P. 25–40.

⁸ Поиск национально-цивилизационной идентичности... С. 100.

⁹ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М., 2003.

¹⁰ *Соколов В.* Современный мир и национальная экономическая политика. Национальные экономические интересы: выработка консенсуса. Внешняя политика и безопасность современной России. М., 2002. Т. 2; *он же.* Национальное и транснациональное в экономических и социальных системах // *Безопасность Евразии*. № 2. 2001.

¹¹ Там же.

¹² Подробнее об этом см.: *Неклесса А. И.* Четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // *Внешняя политика и безопасность России*. М., 2002. Т. 1; см. также: *Стратегия для России: новая повестка дня для Президента-2000*. М., 2000. С. 96–98.

¹³ *Чубайс И.* От русской идеи к идее новой России. М., 1996.

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Поздняков Э. А.* Нация. Национализм. Национальные интересы, М., 1995; Концепция национальных интересов: общие параметры и российская специфика. ИМЭиМО, 1996. № 7; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. М., 1998. О размывании этнической составляющей национальных интересов см. также: *Бьюкенен П.* Смерть Запада / Пер. с англ. М., 2003.

¹⁵ Поиск национально-цивилизационной идентичности... С. 10–11.

¹⁶ Там же. С. 169.

¹⁷ См. главу 6.

¹⁸ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hse.ru/news/recent/5865402.html>.

¹⁹ Поиск национально-цивилизационной идентичности... С. 111.

²⁰ Например: «добросовестный труд на благо общества», «кто не работает, тот не ест»; «каждый за всех, все за одного»; «гуманные отношения и взаимное уважение между людьми»; «человек человеку друг, товарищ и брат»; «честность и правдивость, нравственная чистота; простота и скромность в общественной и личной жизни»; «взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей»; «непримиримость к несправедливости, туеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству»; «дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни»; «братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами».

²¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 2003 г.

²² См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 2008 г.

²³ Поиск национально-цивилизационной идентичности... С. 9.

²⁴ Там же. С. 57.

²⁵ Как показывают итоги массовых опросов, большинство российских граждан не согласилось бы с возвратом России статуса сверхдержавы, если бы оно сопровождалось ухудшением и без того бедственного положения людей. Наблюдающееся в последнее десятилетие уменьшение сторонников объединения России со всеми государствами СНГ связано именно с этим. Там же. С. 131.

²⁶ Там же. С. 39.

²⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2008 г.

²⁸ Там же. С. 14.

²⁹ Поиск национально-цивилизационной идентичности... С. 125.

³⁰ Там же. С. 50.

³¹ Там же. С. 169.

³² *Согрин В. В.* Политическая история современной России. 1985–2001 — от Горбачева до Путина. М., 2001. С. 9.

В условиях нынешней России трудно говорить о православии. Сегодня это государство не только полиэтничное, но и многоконфессиональное, а формально, т.е. в юридическом плане (по действующей Конституции), — светское. Фактически же Россия — страна нерелигиозная и даже вульгарно атеистическая. И пророчество Г. Федотова, к сожалению, сбылось:

«Большевизм может пасть от саморазложения своей идеи, от сопротивления экономической стихии гораздо раньше, чем религиозность России станет заметной общественной величиной»¹.

Но из песни слова не выкинешь. Православие сыграло определяющую важную роль в создании российской государственности и формировании русского национального самосознания, которое исторически невозможно без сознания религиозного. История православия как великой мировой религии навсегда отпечаталась в русской душе в качестве уникальных цивилизационных кодов, и по сей день определяющих самобытность российской культуры.

Почему в 1917 г. «не спасли те храмы, где шла служба», т.е. почему православие оказалось несостоятельным перед лицом большевизма? Почему Русская православная церковь не справилась с делом духовного руководства народом? Почему «верующие» массы вдребезги разнесли и разграбили православные монастыри и храмы? Возможен ли в посткоммунистической России религиозный православный ренессанс? Может ли православие стать ее новой идеологией, идущей на смену идеологии коммунистической? Способно ли оно вновь стать национальным интегральным фактором и выполнить свою традиционную роль имперского связующего звена? Является ли новая Россия православной державой, и если нет, то способна ли она ею стать? Является ли православие исторически исчерпанной конфессией или его слово еще впереди? Возможно ли его радикальное обновление (новое прочтение)?

Может ли оно идти в ногу с национальной и мировой историей? Что для этого нужно? Наконец, играет ли сегодня Русская православная церковь роль подлинного носителя православия, иными словами, способна ли она быть представителем православной доктрины?

Все эти вопросы, как представляется, имеют прямое отношение к новейшим парадигмам развития России, влияют на раскрытие ее дремлющего до поры до времени огромного потенциала, а следовательно, на ее самоопределение не только в наступившем XXI в., но и в третьем тысячелетии. В силу этого они не могут быть безразличны ни для одного российского политика, как бы он ни относился к православным догмам.

Святая Русь

Вопрос о православии на Руси с самого начала, с момента ее крещения Владимиром в 988 г., был не только конфессиональным вопросом, т.е. вопросом веры, но и важнейшим вопросом государственной политики.

Как известно, христианство в его православной версии пришло на Древнюю Русь через Византию. Благодаря православию Русь вышла победительницей из борьбы Леса и Степи, оседлого земледельца и скотовода-кочевника, христианина и язычника. В основе этой победы лежала политика Ярослава Мудрого, который не только добился канонизации русских святых, но и внедрил на Руси институт митрополита. Уже в древнейшем летописном своде 1039 г. есть слова о том, что «Господь возлюбил Русьску землю и люди Русьски», которые стали основой провозглашенного столетие спустя патриотического лозунга о Святой Руси. А митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати» с большим воодушевлением прославляет Русь и ее просветителя Владимира. Дав богословско-философское обоснование праву и необходимости русской земле занять достойнейшее место среди народов мира, Илларион в сущности дал прототезис будущего лозунга Великой России.

Но православие стало для древнерусских земель не только интегритским фактором (как многие религии для других народов), но и приобщением к высшей форме тогдашней государственности — Византийской империи, которая пала, по мнению В. Соловьева, вследствие «раздвоения между верою и жизнью», между личным спасением души и земной общественной деятельностью (и «торжество мусульманства было справедливым наказанием христианского Востока»)².

Из Константинополя Киев получил не только Святое Писание, но и навыки гражданского строительства, римскую правовую традицию, через Византию восходившую к античности. Киевская, а затем и Московская Русь благодаря этой традиции узнали и право частной собственно-

сти на землю, и вотчинный иммунитет, и феодальную иерархию, и судебные, уголовные и брачные законы.

К обычному славянскому праву, отчасти сохранявшему к X в. древние общегерманские формы, вследствие христианизации прибавились элементы византийского законодательства, через «Корпус Юстиниана» восходившие к классическому римскому праву, и каноны церковного права, сращенные тогда с правом гражданским. С XVII столетия русское право активно воспринимает нормы и юридическую логику западноевропейского законодательства, причем это происходит достаточно органично, так как базисная для Европы римская правовая традиция была принята Русью от Константинополя вместе с христианством еще в X–XI вв. Древняя «Русская правда», княжеские уставы и уставные грамоты, судные грамоты и судебники, «Стоглав» и «Соборное уложение» 1649 г., петровские артикулы и указы, законодательные акты Екатерины Великой и Александра I, реформы Александра II и основные государственные законы 1906 г. являли собой единую правовую ткань созидающегося народного организма, неразрывно связанного с европейским правом³. Россия стала неотъемлемой частью европейской цивилизации и, «как живая преемница Византии», по словам Г. Флоровского, «православным Востоком для неправославного, но христианского Запада внутри единого культурно-исторического цикла»⁴.

Правда, Схизма 1054 г., когда папские легаты положили на алтарь храма Святой Софии в Константинополе грамоту, проклинающую православного Царьградского патриарха, разделила христианство на две не только существовавшие отдельно, но и, как правило, враждовавшие между собой церкви — римскую католическую и греческую православную. Одним из результатов Великой Схизмы стало взятие и полный разгром Константинополя участниками IV крестового похода, организованного папой Иннокентием III в 1204 г. Христиане-католики, направившиеся освободить Гроб Господень от мусульман, разрушили твердыню православных христиан. Во многом это было связано с алчностью крестоносцев, которая перевешивала религиозные соображения, что соответствовало духу времени. Факт, однако, остается фактом: «христианская солидарность» не удержала западных христиан от разбойного нападения на христиан восточных даже в условиях их вражды с мусульманами.

Падение Царьграда лишило смысла старый торговый путь «из варяг в греки». Роль Киева была подорвана. А вскоре он был разрушен при нашествии Батыея, что в корне изменило положение православной Руси.

После восстановления Византийской империи Палеологами (1261) римские папы вплоть до взятия в 1453 г. Константинополя организовывали против этого православного государства крестовые походы. Пап-

ское давление привело к Флорентийской унии 1439 г. Неслучайно московский князь Василий II (Василий Темный, отец Ивана III) не принял унию, уже торжественно провозглашенную митрополитом Исидором в Кремлевском храме Богоматери (ныне Успенский собор)⁵.

Таким образом, сам Запад во многом способствовал превращению православия в государственную идеологию России. Важным рубежом в этом отношении стало правление Василия II: в 1448 г. Русская православная церковь провозгласила свою автокефалию — статус самоглавенствующей поместной православной церкви, независимой от других церквей, в том числе и от вселенского патриарха в Константинополе.

Еще раньше возник национальный миф о чудесном перенесении Владимирской иконы Богородицы Андреем Боголюбским из Киева в Вышеград, а затем в Боголюбово и во Владимир. Он стал основой сознательной государственной политики при князе Дмитрии Донском. Именно тогда причисленный к лику святых митрополит Алексий подчинил интересам Москвы и общерусского объединения управление Русской православной церковью. Он перенес официальную резиденцию митрополита из Киева во Владимир. Постоянно пребывая в Москве, Алексий, сын черниговского боярина Бьяконта, нес вместе с тем титул митрополита Киевского, сохранив тем самым духовную власть над русскими землями в Твери, Новгороде, Польше и Литве. Именно он поставил архипастырскую власть на небывалую до того в России высоту, что позволило провести идейное обоснование последовательности: Москва — наследница великого княжества Владимирского, Владимир — наследник Киева. В 1395 г. чудотворная Владимирская икона Богоматери-заступницы переносится в Москву. Уроки Алексия хорошо усвоили следовавшие за Дмитрием Донским московские светские властители — его внук Василий II и правнук, Иван III.

Защита православия Московским государством привела к тому, что русские Литовского, Галицкого и других княжеств западной Руси стали переходить на службу к Московскому князю целыми дружинами и при Иване Калите, и при Симеоне Гордом, и при Дмитрии Донском. При Иване III их наплыв еще более усилился. Во многом данный процесс позволил уже его сыну Василию III уничтожить уделы. Это уже было создание России, принятое народом и его национальным сознанием. Тверь, Новгород, Псков, Рязань, втянувшись в водоворот княжеских и региональных усобиц, думая о своей локальной выгоде, играя в дружбу с татарами, становясь время от времени орудием Литвы или Ливонского ордена, проиграли Москве на этом важнейшем поле народного общерусского самосознания, стержнем которого было православие.

При этом православие во все времена с глубочайшим почтением относилось к воинам, которые ценой собственной жизни сохраняли

жизнь и безопасность ближних, а также прославились любовью к своему земному отечеству и преданностью ему. Многих из них Святая Церковь причислила к лику святых, учитывая их христианские добродетели и относя к ним слова Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Среди них, например, святой благоверный князь Михаил Тверской, который «положил свою душу за свое отечество», совершивший подвиг, который церковь сравнивает с мученическим подвигом Димитрия Солунского.

Во все эпохи церковь призывала своих чад любить свое земное отечество и не щадить жизни для его защиты, если ему угрожала опасность, и благословляла народ на участие в освободительной борьбе. Так, в 1380 г. преподобный Сергий Радонежский благословил русское войско во главе со святым благоверным князем Димитрием Донским на битву с татаро-монгольскими завоевателями. В 1612 г. Патриарх Московский и всея Руси святитель Гермоген благословил народное ополчение на борьбу с польскими интервентами. В 1813 г., во время войны с французскими захватчиками, святитель московский Филарет говорил своей пастве: «Уклоняясь от смерти за честь веры и за свободу Отечества, ты умрешь преступником или рабом; умри за веру и Отечество — ты прирмешь жизнь и венец на Небе». Святой праведный Иоанн Кронштадтский так писал о любви к земному отечеству:

«Люби отечество земное... оно тебя воспитало, отличило, почтило, всем до-вольствует; но особенно люби Отечество Небесное... то Отечество несравненно дороже этого, потому что оно свято и праведно, нетленно. Это Отечество заслужено тебе бесценной Кровью Сына Божия. Но чтобы быть членами того Отечества, уважай и люби (его) законы, как ты обязан уважать и уважаешь законы земного отечества»⁶.

Патриотизм церкви в огромной степени способствовал тому, что православие стало сущностью русской народности. Именно поэтому в России не было случаев массового, коллективного или территориального перехода в ислам, несмотря на многовековое соседство ордынского ига. Однако созидание русского народа в Российской империи не подразумевало уничтожения различий между конфессиями и этносами. Велимир Хлебников писал: «Ах, мусульмане те же русские. И русским может быть ислам». Именно это чувство национального единения создало и сохранило Русь, ту Русь, ставшую в это время **Святой Русью** в понимании русского религиозного философа Г. Федотова, который полагал, что главным ее деянием, в конце концов определившим судьбу России, было именно православное служение.

Временные рамки существования Святой Руси определить сложно. Если верить Г. Федотову, то она начала складываться в XII в., во време-

на деяний святых Бориса и Глеба, и просуществовала до середины XVI в. «Веком русской святости» он называл XV в.⁷ Причем, по авторитетному мнению выдающегося русского ученого, историка, богослова, церковного и общественного деятеля А. Карташева, такое самоопределение Русь получила не от государства, а «из недр народного сознания».

«Ни нашей матери греческой церкви, — отмечал он, — ни православным сиррицам и арабам, ни нашим братьям славянам, ни соседям румынам — никому не полюбилось называться так по крещению и вере. Греция охотно величает себя “великой”, как Англия “старой”, Германия “ученой” и Франция “прекрасной”. “Святым и избранным” назван был только библейский Израиль, и, несмотря на его низменные инстинкты сребролюбия и материализма, современный Израиль продолжает сознавать себя таковым. В этом самосознании Израиля и Руси, бесспорно, есть нечто дерзновенное и ответственное»⁸.

Конечно, Святая Русь — это во многом красивый национальный миф. Можно вспомнить, что в XIII в. русские государи по «политической целесообразности» шли на сделки с язычниками православных христиан; в XIV в. на Руси брат шел на брата, в XV в. негодным православным русским по велению князей выкалывали глаза, в XVI в. Иван Грозный душил митрополитов и осквернял святые таинства и т.д. и т.п. Однако именно это время известно и деяниями русских святых, к которым относятся и святые князья, и святители. Из последних Г. Федотов выделяет Никиту Новгородского, Стефана Владимиро-Волынского, Ефрема Переяславского, Кирилла Туровского, Стефана Пермского, преподобного Сергия Родонежского, преподобного Кирилла, Павла Обнорского, Сергия Нуромского, преподобных Зосиму и Саватия, преподобного Нила Сорского и многих других.

Интересно, что деяния этих святых приходятся в основном на период монголо-татарского ига, когда и сформировался концепт Святой Руси. Это говорит о многом. В частности, о том, что татаро-монголы в отношении покоренных народов были много толерантнее, чем, например, арабы. Однако было бы, разумеется, неверным утверждать, что татарское иго не оказало никакого влияния на формирующееся национальное самосознание России и в государственном, и в конфессиональном смысле. Долгая зависимость от татарской государственности, тесное общение с татарами многих поколений русских людей, естественно, наложили отпечаток на московские нравы и обычаи, на политическую и правовую культуру. Известно, что дань в Большую Орду в последний раз была направлена в 1502 г., 22 года спустя после Стояния на реке Угре (1480 г.). Но и позднее наследники распавшейся примерно в это время Золотой Орды — Крымское и Казанское ханства — собирали дань, уводили в полон людей для продажи в Османский султанат, вассалами которого

они были. Последний раз крымский хан сжег Москву в 1571 г., а «налог по крови» платила и послепетровская Россия.

Однако вряд ли серьезна историософская традиция приписывать татарскому влиянию все последующие бедствия России (как у А. Толстого: «И вот, наглотавшись татарщиной всласть, Вы Русью ее назовете!») и видеть в Московском царстве «орду» (Савицкий), «православное ханство» (Федотов) или даже «тоталитарное государство» (Бердяев).

Идея сильного государства находилась тогда в русле общеевропейской традиции. Более того, она восходит не только к византийским, но и римским представлениям об императорской власти, и потому связать ее с понятиями ордынской государственности невозможно. В Московском государстве, на протяжении нескольких веков постоянно враждовавшем со своими западными соседями — Великим княжеством Литовским, Ливонским орденом, Польским и Шведским королевствами, — эта идея служила не только экономическому, политическому и культурному единению страны, но и выживанию нации. Да и теория божественного происхождения княжеской власти, над которой немало потрудились Спиридон-Савва, Иосиф Волоцкий и Филофей, была в известной степени импортирована из Европы, в частности заимствована у Никколо Макиавелли.

Участник Казанских походов, воевода в Ливонской войне князь Андрей Курбский первым назвал Московское государство империей. Верный «пресветлому православию», он воспел «империю Святорусскую», оплот чистой веры Христовой и православное подобие Священной Римской Империи. Уже при Иване III были заложены основы идейного обоснования единодержавия. А Иван Грозный захотел уже быть первосвященником и одновременно императором. По словам А. Поссевино, все это, однако, было «заимствовано от греческих патриархов и императоров»⁹.

Святорусская империя тем не менее не устояла. Роковой гранью, по мнению Г. Федотова, была в этом отношении середина XVI в., когда в Русской церкви иосифлянство одержало полную победу над нестяжательством. Именно при Иване Грозном окончательно погибла Святая Русь. 1547 год — год венчания на царство Грозного — в духовной жизни России разделяет две эпохи: Святую Русь и православное царство.

«В религиозной жизни Руси, — отмечал Г. Федотов, — устанавливается надолго тот тип уставного благочестия, “обрядового исповедничества”, который поражал всех иностранцев и казался тяжким даже православным грекам при всем их восхищении. Наряду с этим жизнь, как семейная, так и общественная, все более тяжелеет. Если для Грозного самое ревностное обрядовое благочестие совместимо с утонченной жестокостью (опричнина задумана как монашеский орден), то вообще на Руси жестокость, разврат и

чувственность легко уживаются с обрядовой строгостью. Те отрицательные стороны бытия, в которых видели влияние татарщины, развиваются особенно с XVI в. XV в. рядом с ним — век свободы, духовной легкости, открытости, которые так красноречиво говорят в новгородской и ранней московской иконе по сравнению с позднейшей»¹⁰.

Вероятно, в этом состоит одна из коренных причин Великой Смуты. Однако Смуту победило народное восстание, в котором проявилось осознание православного и великорусского единства. Коренные русские земли стали оплотом земского ополчения. Патриарх Гермоген предал церковному проклятию участников восстания Болотникова, совершил в Успенском соборе всенародное покаяние в клятвопреступлениях.

Государственные идеалы Святой Руси Алексея Михайловича уже не были только лишь продолжением цезарепапизма Ивана Грозного. Их истоки — в унижении Смутного времени, в затянувшейся блокаде, в осознанном стремлении преодолеть на этой основе мятежи и бунты, укрепить власть, достичь государственной консолидации.

При этом ни сам Алексей Михайлович, ни патриарх Филарет, ни их преемники не отступали от имперской политики терпимости. Права мусульманских подданных были ограждены обычаем и законом, и посреди русских земель до конца XVII в. сохранялось Касимовское царство. Россия не испытала ничего подобного изгнанию морисков. Людовик XVI вынудил гугенотов покинуть Францию, а Петр I удержал раскольников, дав им двойные оклады. Не было в православии и присущего католической церкви начиная с IV Латеранского собора (1215 г.) церковного антииудаизма, переросшего уже в XX в. в фашистской Германии и ряде других стран Запада в расистский антисемитизм¹¹. Хотя следует признать, что и на Руси «жидовствующих» жгли еще при Иване III.

Вообще именно западные, а не восточные христиане узурпировали иудейскую идею истории Спасения, которая в качестве сакральной истории охватывала не только все прошлое от сотворения Адама, но и все будущее — до Последних дней, когда Бог положит конец миру; они вытеснили Израиль из этой истории, заместив его церковью и оставив евреям место лишь в прошлом. Заодно западные христиане присвоили и всю еврейскую Библию в качестве первой части Священного Писания, истолковав ее как собрание пророчеств о Христе. В эпоху Средневековья католическая церковь и светские власти постоянно и активно преследовали евреев, действовали как союзники, в тесном единстве. В российской православной традиции ничего подобного не было.

Тем не менее именно Алексей Михайлович допускает церковный раскол, вместе с которым, по словам Г. Федотова, «большая, хотя и уз-

кая, религиозная сила ушла из Русской Церкви, вторично обескровливая ее. Но не нужно забывать, что первое великое духовное кровопускание совершилось на сто пятьдесят лет раньше. Тогда была порвана великая нить, ведущая от преподобного Сергия; с Аввакумом покинула Русскую Церковь школа св. Иосифа. Ноль святости в последнюю четверть XVII в. — юность Петра — говорит об омертвлении русской жизни, душа которой отлетела. На заре своего бытия Древняя Русь предпочла путь святости пути культуры. В последний свой век она горделиво утверждала себя как святую, как единственно христианскую землю. Но живая святость ее покинула. Петр разрушил лишь обветшалую оболочку Святой Руси. Оттого его надругательство над этой Святой Русью встретило ничтожное духовное сопротивление»¹².

Однако идеал Святой Руси и в дальнейшем сопровождал русскую историю, во многом определяя в народном сознании национальную идентичность России вплоть до революции 1917 г. Как отмечал А. Карташев:

«Россия, найдя свой идеал, употребила великие и добросовестные усилия, чтобы стать его достойной. И если падала, изнемогала и грешила, то подымалась, вдохновляемая им же. А главным образом им, и единственно им, спасалась в страшные минуты своей истории, когда жизнь ставила ее на край пропасти или гибели»¹³.

Соблазн и грехопадение

При династии Романовых русские цари и императоры не удержались от соблазна превратить православие в государственную идеологию, хотя после того как Россия сложилась в XVII в. в мощное евразийское государство, вышла ко всем сопредельным морям, отстояла свою независимость в борьбе с противниками на западе, севере и юге, необходимости в этом не было. «Два Рима пали, Третий стоит, а четвертому не бывать», — писал псковский инок Филофей князю Василию III в начале XVI в. Эта формула русского мессианства, имевшая первоначально чисто религиозный смысл, при Романовых была трансформирована и поставлена на службу государству, причем не без участия церкви. Таким образом, была предпринята попытка построения не просто империи, но идеократического, даже теократического царства. Поставленное на «государеву службу» и подчиненное идее расширения Российской империи, православие с этого времени постепенно утрачивает свое прежнее значение стержня национального самосознания. В основе этой духовной драмы, растянутой на столетия, лежали не только имперские амбиции русских самодержцев, но и незрелость русского культурного сознания в целом, на которое наложились многовековые исторические традиции постоянного военного противостояния России со своими со-

седами. «Оцерковленное, оправославленное зло, — отмечал Г. Федотов, — гораздо страшнее откровенного антихристианства»¹⁴.

Так или иначе, но христианское понимание Логоса как свободно понимаемой Истины, свободного Пути и творческой Жизни было постепенно подменено идеей священного царства, а сама вера — некоей канонизированной, все себе подчиняющей и регламентирующей идеологией, православие — «православизмом». Церковь несет за это свою долю ответственности. Ибо, по словам Л. Тихомирова,

«ни одна нация не сливала так своего гражданско-политического бытия с церковным, как Россия. Только древний Израиль представляет с ней в этом аналогию, ибо даже и Византия несла в себе наследство политического учреждения — Древнего Рима, а Россия, подобно Израилю, родилась вместе с обручением Господу»¹⁵.

При этом была совершена роковая абберрация, негативные последствия которой позднее описали Н. Бердяев, В. Соловьев, С. Франк и другие русские религиозные философы: православие было по существу «национализировано», что выразилось в восприятии самодержавием своей поместной церкви как Вселенской, своей веры — как единственной истинно православной, а царя — как ее единственного гаранта и хранителя («патриархов — четыре, а царь — один»). «Русскость» как-то сама собой стала религиозной добродетелью, которую приравнивали к догматическим истинам. Возникла «философия русской души».

Все это произошло не внезапно. Исподволь в России шел долгий процесс сознательной модернизации на национальной основе Вселенского православия. В конце XVI — начале XVII вв. Святой Русью уже называлось не то, что было ею на самом деле, — т.е. святые, прославившие Господа на русской земле, святые как часть Единой, Святой, Соборной и Апостольской церкви. Святой Русью стали называть «национальную русскую святость», а затем и всю Россию. Церковь отказалась от духовного подвижничества, от борьбы против влияния светской власти на душу человека. Подвижники бежали в пустыни, предчувствуя близкое падение Руси...

В результате уже к началу XVII в. в России была создана вторая в христианской истории (после Византии) и первая по внешней мощи и масштабу идеократическая держава, очень скоро (начиная с Петра) по существу переставшая считаться с Божией волей и воспринимать себя *sub specie aeter nitatis*¹⁶. В теократическом царстве есть только одна неограниченная власть — власть царя, рядом с ней меркнет образ митрополита или патриарха, и голос церкви становится все слабее. Церковь не просто оказывается в плену у государства, она становится его состав-

ной частью, составляя с ним один закованный в сакральный быт мир. Мысль о том, что вся Россия, если еще не стала Святой Русью, то непременно должна стать ею, губительным образом подорвала церковное сознание, отвергнувшее важнейший принцип православия, завещанный Христом, *никогда не обещавшим своим последователям рая на земле.*

«Со времен Петра, — отмечал в этой связи Н. Карамзин, — упало духовенство в России. Первосвятители наши уже только были угодниками царей и на кафедрах языком библейским произносили им слова похвальные»¹⁷. (Как, впрочем, после 1917 г. они произносили «слова похвальные» коммунистическим вождям.)

С началом петровских реформ из государственной психологии вытравливается даже смутное сознание инородности церкви и царства. Вдохновитель синодальной реформы Петра Феофан Прокопович предлагает называть царя уже не «Помазанником», а «Епископом Епископов» и даже «Христом Господним».

Оценивая последствия теократической утопии для судеб русского государства, Г. Федотов справедливо писал:

«Поколение Филофея подменило идею русской церкви... идеей православного царства. Оно задушило ростки свободной мистической жизни (традицию преп. Сергия — Нила Сорского) и на крови и обломках (опричнина) старой свободной Руси построило могучее восточное царство, в котором было больше татарского, чем греческого... Отрекаясь от византийской культуры (замучили Максима Грека), варварская рука схватилась за двуглавого орла. Величайшая в мире империя была создана. Только наполнялась она уже не христианским содержанием»¹⁸.

Именно это религиозно-идеологическое (а не церковно-христианское) содержание государственной власти стало одной из главных онтологических причин всех последующих соблазнов, грехов и обвалов русской истории — церковного раскола, насильственной вестернизации страны и, в конечном счете, краха Российской империи в 1917 г. Русская катастрофа XX в. была в первую очередь религиозной и только потом государственной катастрофой. Как отмечал прот. Г. Флоровский, «в революции открылась... бездна неверности и давнего отпадения, и одержимости, и порчи»¹⁹.

Начиная с XVII в. история России совершалась под знаком утопической государственной идеологии. Сменялись эпохи, цари, вожди и видимое наполнение идеологии. Неизменным оставался только несвободный, идеократический характер государства. Не личность и ее свобода, ее творчество, но Царство (неважно — православное или коммунистическое), должное не сегодня завтра обратиться в Эдем для своих подданных, сделалось едва ли не высшей всеобъемлющей социально-

культурной, а в пределе — абсолютной этической и мистической ценностью русского архетипа. Создав «патриотическое» православие, назвав его русским, национальным, российские церковные идеологи изменили подлинному православию, а следовательно, и России. Подменив веру суррогатом, они подготовили почву для коммунизма. Большевикам уже не надо было разрушать веру в сознании народа: это сделали до них. Они же лишь наполнили «православизм», как лжеправославие, коммунистическим содержанием. Именно поэтому коммунизм как пародия на земной рай столь быстро воцарился в Российской империи. Именно поэтому русский народ отказался защищать Империю в 1917 г., а церковь оказалась неспособной сыграть роль имперского связующего звена. Как писал В. Розанов, «Бог не захотел более Руси. Он гонит ее из-под солнца»²⁰.

Конечно, православие в России развивалось не только в русле теократической утопии. Была и другая духовная традиция, отличная от цезарепапизма, — традиция подвижничества, направленная на просвещение и преображение мира светом евангельской Истины. Восходящая к св. Сергию Радонежскому, заволжским старцам и Нилу Сорскому, она была продолжена в XVIII в. св. Тихоном Задонским, а в XIX в. — преп. Серафимом Саровским и Филаретом, митрополитом Московским, а затем, уже в миру, на рубеже XIX и XX вв. — Владимиром Соловьевым и представителями русского религиозного ренессанса: Е. Трубецким, о. С. Булгаковым, Н. Бердяевым, С. Франком (и получила свое блестящее развитие уже в зарубежье в трудах о. Г. Флоровского, Г. Федотова, В. Лосского и др.). Идеи реформации православной церкви, сходные с реформаторскими идеями Лютера по отношению к католической церкви, развивались в произведениях Ф. Достоевского и Л. Толстого.

Однако эта традиция так и не смогла стать определяющей для исторических и духовных судеб России. Надежда, что «Москва — Третий Рим», ставшая фундаментом националистической идеологии, повторявшаяся как заклинание, способное совершить чудо — воссоздать в России одновременно мощь Рима и Византии, — выразила «прельщение», которым оказался поражен дух церковной и околоцерковной элиты. Псевдопророки, упоенные могуществом Святой Руси, которая свята была отнюдь не гордостным духом, а смиренным служением Богу, вознамерились свой мятежный, богоборческий, по сути дела языческий дух привить православию. Потери оказались грандиозными. Вместо власти «Третьего Рима» воцарилась власть бесов. XX век, пребывавший, по словам поэта, «под тенью Люцеферова крыла», стал веком божественного возмездия народам, отступившим от своего Творца. Сбылось пророчество о. Иоанна Кронштадтского (1905 г.):

Глава 2. Православный крест и державный орел

«И если не будет покаяния русского народа — конец мира близок. Бог отнимет благочестивого царя и пошлет бич в лице нечистивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами»²¹.

Можно предположить, что победа идеократической государственной традиции явилась одной из причин того, что в России не состоялась единая нация. Ее подновленная версия, уваровская идеология «самодержавия, православия и народности», ставшая ответом на бунт декабристов, не сумела дать ответ на вызов времени, требовавший радикального обновления национального самосознания. Более того, она необратимо вела к распаду традиционного как имперского, так и религиозного сознания в России, поскольку заведомо была неприемлема для значительной части ее подданных.

«Ужаснее всего, — писал Л. Толстой, — не материальное положение, не застой промышленности, не земельное неустройство, не финансовое расстройство, не вообще революция. Ужасно то душевное, умственное расстройство, которое лежит в основе всех этих бедствий. Ужасно то, что большинство русских людей живет без какого бы то ни было нравственного и религиозного начала, обязательного для всех и общего всем закона»²².

Николай I приступил к административной и правовой унификации, которая сопровождалась ограничением прав католиков, мусульман и представителей других «неправославных» конфессий, ликвидацией областных особенностей, а главное, насильственной русификацией. Еще Хомяков говорил, что в «Новом Израиле», как называли русские императоры Россию, заметны несимпатичные черты Ветхого Завета — та же национальная гордость, то же высокомерие, то же презрительное отношение к другим национальностям и то же пустосвятство... «Что же делали против этого те, кому надлежало делать? Немногое. Пустосвятство продолжало развиваться параллельно неверию: мы строили храмы, но о духовном возрождении народа мало заботились»²³.

Созданное в 1817 г. Министерство духовных дел и народного просвещения быстро превратилось в своеобразное цензурное ведомство, осуществляющее идеологический надзор не только над светскими учреждениями и культурой, но и над церковью, по сути, даже над Синодом. Эту политику последовательно продолжали Александр II (особенно в Польше), Александр III, при котором кризис Империи принял необратимый характер, и Николай II. Несовместимость этой политики с принципами имперской государственности была очевидна и обрекала Россию на катастрофу. Николай I и его преемники с их идеей «Россия для русских» вольно или невольно порвали с имперской традицией. Не создав российской нации, они погубили Империю.

Еще позорнее то, что царская идеократическая власть, при полной поддержке церкви реформируя православие, попыталась превратить ее в русскую религию, воюющую с Израилем. В начале XX в. стало крепнуть черносотенное движение. С. Нилусом были опубликованы «Протоколы сионских мудрецов», которые получили в России широкое распространение. Русское общество не просто приняло фальшивые документы за подлинные: оно поддалось на дьявольскую провокацию. Ибо возможно ли христианину, да еще православному, т.е. обладающему **правой верой**, допустить мысль о том, что не Бог управляет судьбами человечества, а несколько «сионских мудрецов», которым ничего не стоит, составив губительный заговор, «перемудрить Бога», скрыв этот заговор от него? Между тем если бы это действительно было так, то бессмысленно предупреждать об этом уже обреченное человечество. Во вселенной С. Нилуса и тех, кто поверил его фальшивке и руководствовался ею при организации еврейских погромов, уже не было места для Бога. Там властвовали «сионские мудрецы».

Не исключено, что С. Нилус был жертвой проплаченной русской охранкой провокации. Возможно, однако, что он был поражен и маниакальным страхом перед Антихристом. Это случается с теми, кто, как свидетельствуют святые отцы, вторгается в тайны Божественного промысла, не получив на то Божьего благословения. Мистическим безумием поражается прежде всего тот, кто охвачен гордостным самомнением, жаждет человеческого признания и не получил дар любви и доверия к Богу. Но как объяснить, что мистическим безумием оказалась охваченной церковь? Вероятно, ее кризис к тому времени уже принял необратимый характер. А потому и Россию уже ничто не могло спасти. Антихрист, соперничающий с Христом, не признающий в нем воплотившегося Бога, уже находился в России и активно боролся за души русских православных людей. И безуспешно. И если для любящих Христа он был безопасен, то тех, кто уже более не надеялся на Бога, он и в самом деле пугал.

Разбуженный властью и церковью языческий дух породил национализм, а вместе с ним и ненависть к еврейству. В 90-е годы XIX в. в России происходил заметный подъем национализма. Могло показаться, что национализм, причем в самых грубых, черносотенных его проявлениях, — будущее России.

Однако история опровергла эти гипотезы. Расистский, этнический национализм — в отличие от Германии, Италии, Испании и ряда других стран — не имел перспективы в России. Термин «национализм» в России того времени приобрел другой смысл. Это был по существу этатизм, вера во всемогущее государство. В сталинские времена этатистские чаяния русского и других народов России привели к построению мощно-

го тоталитарного государства. В его идеологии проступили антисемитские и в какой-то степени даже фашистские черты (о чем, в частности, писал Н. Бердяев²⁴). Однако это набравшее обороты движение в высшей советской номенклатуре оборвалось с хрущевской оттепелью. Фашизм, антисемитизм, расизм были отторгнуты русским народом как не соответствующие, чуждые его культурной исторической программе. И одна из главных причин этого, как представляется, — православные коды, навечно запечатленные в российской цивилизации, в русской душе.

С другой стороны, русский национализм уже в конце XIX в. выявил удивительное сходство с национализмом иудейским, что отмечал чуткий религиозный философ Л. Тихомиров:

«Нельзя не заметить поразительного сходства национальной узости иных наших патриотов с тою еврейской национальной психологией, которую обличали пророки. В узких понятиях патриотизма у нас понятие о вере ныне смешивается с понятием о племени, и русский народ представляется живущим верою только для самого себя, в эгоистической замкнутости. Но такое воззрение внушается не христианским, а еврейским духом. Русский народ имеет великие заслуги в христианском деле именно потому, что всегда признавал себя не собственником христианства, а слугою, сам ему служил, а не заставлял служить себе... Как же нам воскрешать в своей вере еврейскую точку зрения, да еще при этом воображать победить евреев, усваивая их дух?»²⁵

Вероятно, можно сказать, что уже в XIX в. Россия в истинном значении перестала быть православной страной. И про нее уже можно было сказать словами Христа: «Знаю твои дела. Ты носишь имя, будто ты жив, но ты мертв» (Ап. 3, 1). Нигде в мире противоположность между именем Святой Руси и полной мертвенностью веры не поражала до такой степени, как в России. И небывалый подъем ислама уже в постсоветской России, более ста лет назад изменившей православию, стало справедливым ее наказанием.

Г. Федотов писал в 1933 г.:

«Россия, спасающая мир, — такова была эсхатологическая утопия. Христианская неправда ее была в том, что Россия мыслилась во всеоружии своей государственной мощи и славы. Жертвенное спасение подменялось империализмом кесаря. Младшее поколение славянофилов стало жертвой этого грубого нехристианского соблазна и этим сорвало дело православного возрождения России...

С тех пор утекли океаны воды. Совершилось — вернее, обнажилось воочию — религиозное отступничество России. Когда-то один из самых чутких глашатаев нашего христианского возрождения вопрошал Россию:

Каким ты хочешь быть Востоком,
Востоком Ксеркса иль Христа?

Уже поколение Александра III дало на этот вопрос ясный, хотя и бессознательный ответ. Идеал правды был принесен в жертву славе и мощи. Стилизованный по-православному Ксеркс стал идеалом православного царя и всего русского мнимохристианского национализма. Отступничество революции было предвосхищено давно — Леонтьевым и Данилевским. Большевик, сорвав все маски, строит Россию Ксеркса»²⁶.

Октябрьская революция явилась поворотом от православия, а в более широком смысле — от христианства к языческой идеологии и практике не только в России, но и во всем мире. Освенцим и ГУЛАГ, коммунизм и фашизм отражали всемирный кризис христианского сознания. Началась богоборческая антиисторическая эпоха. Весь XX в. прошел под знаком кризиса всемирной истории, который в конце столетия стал глобальным. В его основе был бунт против Бога, отказ от выполнения божественного замысла о судьбах человечества и церкви. Отказ от христианства. Сохраняя свежую память о двух геноцидах — Освенциме и Гулаге, — мы не можем не видеть в этом массовом убийстве ни в чем не повинных людей попытку снова распять Христа. Причем убийца распинал Христа не только в своей жертве, но и в себе самом. В человечестве созрел замысел убийства Бога, оно утратило Христа: в этом был тайный мистический грех против плоти и крови Сына Человеческого, отдавшего за жизнь мира свою плоть и кровь. Этот тайный грех богоубийства нашел себе убежище в церкви, среди священнослужителей и мирских христиан. Христианский мир никто не мог ни разрушить извне, ни взорвать изнутри, пока за дело не взялись сами христиане, забывшие о высоте своего имени. Они сами разорили данный им дом.

В большевистской России богоборчество проявилось в самых крайних формах. Тот же Г. Федотов писал:

«Россия, насчитывающая миллионы глоток, гонит христианство с яростью одержимого. Горсть мучеников умирает в каторжных тюрьмах и ссылке. Масса не поднимается на защиту ее вчерашних святых. Звериная борьба за жизнь поглощает ее всецело. Трудно судить, остается ли еще уголок в ее душе, доступный нездешнему Слову. Может быть, еще как вздох о невозвратном, утраченном и невозможном...»²⁷.

Принятый большевиками менее чем два месяца спустя после революции декрет об отделении церкви от государства нанес жестокий удар по религиозным общинам, начиная с господствующей православной. Он лишил их прав юридического лица, а заодно и всей собственности, которая отныне объявлялась «народным достоянием», а на практике переходила в руки властей. Преподавание религии запрещалось не только в государственных, но и в частных учебных заведениях. А вскоре начались массовые репрессии против священнослужителей и верующих

любых культов, которые оказались, таким образом, уравниены не в правах, а в бесправии.

В дальнейшем советские руководители, сохраняя на словах принцип отделения церковных структур от государственных, на деле привязали их к себе еще крепче, чем это делали цари. Вся религиозная жизнь в стране была поставлена под контроль пресловутого Совета по делам религий, который, как известно, представлял собой не что иное, как филиал спецслужб и идеологических структур режима. Эта ситуация сохранялась до 1990 г., когда был принят закон «О свободе вероисповеданий».

По словам Л. Тихомирова, в XX в. Россия стала «любодеицей, изменившей Богу». Он видел падение церкви в России в жажде земного процветания, в «религии земного благоустройства», в «животном падении из-за наших благ земных»²⁸. И не оттого ли так быстро «слиняла» (выражение В. Розанова) Россия, что церковь, подменив подлинную православную доктрину «религией земного благоустройства», подготовила народ к восприятию мифа о «коммунистическом рае»?

«Русский народ — святой народ». «Русский народ — богоносец». «Русский народ поведает миру новое слово любви и правды». Такими песнями в течение многих лет зачаровывали многие поколения простых русских людей представители светской и духовной власти России. Мессианская идея стала неотъемлемой составной частью Русской православной церкви. По словам очевидцев, не было проповеди в конце XIX — начале XX в., в которой не звучал в той или другой степени мотив об особой богоизбранности русского народа. Восхваление исключительно хороших свойств русской души было подлинным пафосом тогдашней русской проповеднической литературы. «И при всем том, — отмечал на гребне Гражданской войны прот. Константин Агеев, — русский мужик явил себя в наши дни таким извергом, что мир содрогнулся и вновь заговорил о язычестве русских». Размышляя о причинах падения России, он спрашивал: «Где же были мы, деятели церкви, в то время, когда “развращали” русскую душу? Или мы способны делать Христово дело, лишь когда нет препятствующих нам?»²⁹

Богоборческий путь, который прошла Россия в XX в. в своем стремлении построить Вавилонскую башню, изменив делу Христа, имел чудовищные последствия. Это столетие было подлинным Апокалипсисом для страны. Богоборческую карму несет нынешнее поколение русских, будут нести еще многие их поколения.

«Симфония властей»

Отношения православной церкви и государства никогда не были простыми. Уже в Византии православие было превращено в идеологию

ческий инструмент и долгое время выполняло функцию апологии государственной власти. Разумеется, и на Западе имела место идеологизация католической церкви. Однако там церковь была гораздо более независима от государства, что сделало возможным постепенное освобождение веры от всякого рода чуждых ее природе идеологических построений. Что же касается православной веры, то она всегда составляла с государством сущностное единство. Конечно, трения между духовной и мирской властью были и в православном мире, и подчас они приобретали драматическую заостренность. Однако эти конфликты несопоставимы с аналогичными конфликтами на Западе. В православном мире не было длительной борьбы, даже войны между главами церкви и государства. Ни в одной православной стране церковь не обособлялась от государства. Возможно, поэтому православие остается «государственным делом» и в нашем столетии. Все возрастающее отделение государства от церкви, происходящее на Западе (хотя, конечно, и там достаточно медленно и непоследовательно), в православных государствах и не начиналось³⁰.

Парадокс состоит в том, что освобождение и реабилитация православной веры в посткоммунистической России не положили конец ее использованию в качестве инструмента политики. Для сегодняшней ситуации в России характерна комбинация двух подходов: во-первых, определенный возврат к дооктябрьской эпохе, который выражается в попытках придать православию функцию правоконсервативной и националистически-имперской государственной идеологии; и, во-вторых, идеологический союз между православием и... атеистическим коммунизмом. Эти тенденции, в особенности вторая, составляют своеобразие сегодняшней идеологической контрверзы по поводу православия, своеобразия, граничащее с гротеском³¹.

Официальное учение православной церкви об отношениях между церковью и государством выкристаллизовалось очень рано, еще в VI столетии н.э. Его основателем был византийский император Юстиниан. В принятом им вердикте (так называемая 6-я новелла) сформулирован принцип, лежащий в основе «симфонии» церкви и государства:

«Величайшие блага, дарованные людям высшею благодатью Божией, суть священство и царство, из которых первое (священство, церковная власть) заботится о божественных делах, а второе (царство, государственная власть) руководит и заботится о человеческих делах, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому ничто не лежит так на сердце царей, как честь священнослужителей, которые со своей стороны служат им, молясь непрестанно за них Богу. И если священство будет во всем благоустроено и угодно Богу, а государственная власть будет по правде управлять вверенным ей государством, то будет полное согласие между ними во всем, что служит на пользу и благо человеческого

Глава 2. Православный крест и державный орел

рода. Поэтому мы прилагаем величайшее старание к сохранению истинных догматов Божиих и чести священства, надеясь получить чрез это великие блага от Бога и крепко держать те, которые имеем».

Руководствуясь этой нормой, Юстиниан в своих новеллах признавал за канонами силу государственных законов.

Классическая византийская формула взаимоотношений между государственной и церковной властью заключена в «Эпанагоге» (вторая половина IX в.): «мирская власть и священство относятся между собою как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства»³². Важно подчеркнуть, что в византийской трактовке как духовная, так и мирская власть исходит от Бога: при этом церковь служит Богу и божественному, царство господствует над земным. В этом и находит свое воплощение принцип «симфонии властей».

Такая «симфония» в Византии, конечно, не существовала в абсолютной чистой форме. На практике она подвергалась нарушениям и искажениям. Церковь неоднократно оказывалась объектом цезарепапистских притязаний со стороны государственной власти, суть которых заключалась в том, что глава государства, император, претендовал на решающее слово в устройении церковных дел. Архиепископ Серафим (Соболев) так комментирует эту практику: императоры полагали главную свою задачу в сохранении догматов и почитании священства, в чем они и за что они ожидали от Бога величайших благ. При этом они действовали «как божественные стражи и охранители православной веры в ее борьбе с еретиками». Серафим имеет в виду прежде всего церковный собор, созванный императором, на котором «еретики» были прокляты. Но практиковалась и иная деятельность: «византийские императоры пресекали это дальнейшее распространение ересей среди верующих своими распоряжениями»³³. А преследование ересей государством происходило не иначе как с применением таких инструментов, как ссылка, заточение, пытки и даже казнь...

По словам Серафима, церковь очень много делала для этой «симфонии»:

«Своею православною верою, низведением верующим божественной благодати Святого Духа в таинствах, чрез молитвы и богослужения, чрез свое церковное просвещение и воспитание она пробуждала своих сынов от ветхой к новой, чистой и святой христианской жизни»³⁴.

Эта деятельность церкви включала в себя «принуждение» верующих к почитанию императора как помазанника Божьего, к исполнению всех его законов и к преданности ему вплоть до самопожертвования.

Таким образом, симбиоз церкви и государства на практике подразумевал следующее разделение функций. Мирская власть устанавливает для церкви монополию на истину в делах религии и служит защитой ее привилегий; церковь же дает государству религиозную санкцию. Государство поддерживает церковь физическими средствами. Со своей стороны церковь поддерживает государство духовными средствами. Таким образом, мы имеем перед собой союз алтаря и трона. Во всяком случае все это имеет весьма отдаленное отношение к духовной миссии церкви. Как писал В. Соловьев:

«Зависимость духовной власти от светской и отсутствие у нее собственного средоточия парализует внешнюю деятельность церкви и подрывает ее влияние на жизнь народа и общества. Русская церковь благодаря Богу пользуется охраной православного царя самодержавного и, следовательно, независимого от безбожных стихий современного общества. Но кроме этого отрицательного условия, которое у нас налицо, т.е. кроме политической неограниченности царской власти, для успешного ее служения делу Божию потребно еще положительное условие: нужно, чтобы власти христианского государства руководились указаниями самостоятельного духовного авторитета как явного представителя церкви Христовой на земле; для чего нужно, чтобы духовная власть, олицетворяющая религиозный элемент в обществе, имела полную самостоятельность. Церковь, лишённая вполне самостоятельного представительства, не может иметь настоящего влияния ни на правительство, ни на общество. И вот мы видим, несмотря на благочестие русского народа, несмотря на преданность православию наших государей, несмотря на многие прекрасные качества нашего духовенства, церковь у нас лишена подобающего ей значения и не руководит жизнью России. Наш народ ставит выше всего правду Божию, он теократичен в глубине души своей, но он лишен первого реального условия для осуществления теократии благодаря коренным недостаткам нашего церковного строя»³⁵.

Из учения о «симфонии», полагает А. Игнатов, — по меньшей мере в ее русском варианте — следует совершенно особый статус церкви в обществе. Модель отношений между церковью и государством, опирающаяся на учение о «симфонии», — это модель отношений между государственной церковью и конфессиональным государством. Православная церковь является привилегированной, поскольку она есть государственная церковь. Но одновременно она находится в зависимости от государства. Такая церковь — привилегированная служительница государства.

Православная церковь пользуется таким вниманием государства, которое не уделяется ни одной другой религии и никакому другому мировоззрению. Религия является не частным, а государственным делом. Но в результате этого она попадает в зависимость от государства,

обречена на то, чтобы принимать от него «помощь». Со своей стороны государство отнюдь не нейтрально: оно относится к церквям не одинаково — признает только одну и ей способствует³⁶. «Православное государство» — это не теократическое государство, поскольку хотя церковь и располагает поддержкой мирской власти, однако властью не пользуется. С другой стороны, это и не светское государство.

Учение о «симфонии» предостерегает от смешения двух властей, какое может встречаться в двух формах: цезарепапизм и папоцезаризм. Цезарепапизм есть духовная власть императора, папоцезаризм — мирская власть церкви, теократия. Однако обе они ложны и искажают подлинное учение и миссию церкви.

Конечно, православные фундаменталисты бросают упрек прежде всего католическому папоцезаризму — претензии папизма на мирскую власть. Что же касается собственно «православного папоцезаризма», некоторого вида высшего надзора церкви над положением в государстве (по примеру некоторых ранних византийских патриархов, которые клеймили развращенные нравы при дворе императора), то она не имеет ничего против, хотя и не выражает этого вполне открыто. Однако православная церковь признала бесперспективность таких мечтаний и смирилась с их нереализуемостью. Но и в наше время все еще слышны отзвуки старых претензий — архиепископ Серафим обращается к учению отцов церкви, «которые не только говорили о различии церкви и государства, но и о превосходстве первой над последним, конечно, в духовном отношении, поскольку небесные блага, даруемые через церковь, важнее благ земных, получаемых от государства»³⁷. Серафим цитирует св. Иоанна Златоуста, согласно которому церковь главенствует в государстве, подобно тому, как дух главенствует в теле. Но все это лишь но-стальгические пережитки.

Если опасность «папоцезаризма» в православном мире практически отсутствует, то вполне реально существует опасность если не цезарепапизма в чистом виде, то довольно значительного подчинения церкви государству. Такова цена, которую должен заплатить клир за свое привилегированное положение. Если он ожидает от властителей привилегий, то должен считаться с их требованиями, и в особенности там, где самодержавный властитель не привык допускать какие бы то ни было ограничения своему своеволию. Православное учение считает легитимным властителем только самодержца.

Подчинение церкви государству началось довольно рано. Самое позднее с VIII столетия Византия стала полностью цезарепапистским государством, в котором, согласно официальной церковной доктрине, не патриарх, а император, поскольку он считается наместником Христа

на Земле, является главой церкви, и даже в вопросах учения. Положение в православных государствах на Балканах было копией византийских отношений. Цезарепapistские тенденции проявились и в России XV–XVI столетий. Теологическое выражение дал им игумен Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий. Он выдвинул тезис, что «полнота власти» не только в государстве, но и в церкви принадлежит мирскому владыке. Правда, Иосиф Волоцкий подчеркивает, что царь должен склоняться перед Законом Божиим, но, с другой стороны, он постулирует, что суд, осуществляемый царем, является окончательным. Между этими постулатами существует определенная напряженность, которая предоставляет церкви пространство для деятельности, но в любом случае слова о «суде царево» дают царю возможность самому определять, придерживается ли он Закона Божьего.

Взгляды Иосифа служили самовластию. Знаменитый же патриарх Никон, напротив, оказывал наибольшее во всей истории церкви сопротивление претензиям мирской власти. Однако он потерпел поражение. После того как Петр Великий отменил звание патриарха, Русская православная церковь находилась в полной и однозначной зависимости от самодержавия вплоть до Февральской революции. Это далеко не соответствовало «симфоническим» отношениям.

Тем не менее и сегодня осуществляются попытки реанимировать анахроническую и нереализуемую идею «симфонии властей». Мечта о возведении православия в ранг государственной религии, идущая рука об руку с отвержением мирского государства, все еще не утратила своей притягательности. Отсюда необходимым образом возникают трудности со свободой совести. Конечно, никто не отрицает свободу совести прямо и однозначно. Все признают, что «естественное» право человека — право выбирать ту или иную религию. Но одновременно это словесное признание сопровождается такими оговорками и ограничениями, что само понятие полностью выхолащивается³⁸.

Отношение между предопределением и свободой, между всемогуществом Бога и свободой человеческого решения всегда было осью самой большой контрверзы в теологии. Однако принятие свободы выбора относится к ядру христианской веры. Подавляющее большинство отцов церкви, теологов и христианских философов признают ее. И это понятно — без возможности свободного выбора необъяснимо грехопадение.

Примером того, как формируется «симфония властей» в современной Российской Федерации, является фильм заместителя московского Сретенского монастыря о. Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Уроки Византии», премьера которого состоялась 30 января 2008 г. на государственном телеканале «Россия». Последующая дискуссия вокруг

фильма в ток-шоу «Национальный интерес» с участием придворных историков и политологов, хвалебные панегирики в его адрес со стороны «православных державников» (например, Н. Михалкова, И. Глазунова, А. Дугина и пр.) не оставили у зрителя сомнений в том, что данное произведение создано творческим тандемом церкви и Кремля и носит характер «программного».

История Византии (Ромейской империи), между которой и историей России о. Тихон проводит настойчивую аналогию, рассматривается им именно как история грехопадения ромеев в результате их свободно-го выбора в пользу золотого тельца и отказа от подлинной православной веры и подлинной церкви. Они-де прельстились порочным духом «капитализма» коварного Запада, погнались за стандартами созданного им общества потребления и погрязли в индивидуализме. Это, мол, и привело в конечном счете к предательству православия, Флорентийской унии, последующему падению Царьграда и порабощению Византии мусульманами. Иными словами, турки были посланы Богом в Византию в качестве наказания за впадение ромеев в «латинство», наказания за грехи. У зрителя, знакомого с историей Византии, недоумение вызвала также идеализация Ромейского царя Василия, получившего в народе имя «Болгаробойцы» за то, что он выколол глаза 100 000(!) пленным болгарам³⁹. Антиисторизм такой версии, хотя она частично и совпадает с церковной трактовкой истории Византии, очевидна. Тем не менее, как следует из фильма, который создан при покровительстве и содействии государственной власти, именно такая версия претендует на роль официальной. Таким образом, «симфония властей» в современном российском политическом контексте складывается на антизападной и антикатолической основе.

Православным фундаменталистам нечистый мерещится всюду: в западном либеральном мире, в материалистически-капиталистической цивилизации, у протестантских проповедников и у «папистов». Однако — довольно странным образом — они не замечают его у самых радикальных противников христианства и любой религии вообще — у коммунистов. А между тем при коммунистическом режиме церковь немилосердно подавляли, расстреливали митрополитов, священников и монахов, сажали, ссылали, отправляли в трудовые лагеря. Во время Гражданской войны преследования приняли зверские формы: случалось, что священника поливали ледяной водой до тех пор, пока он не превращался в глыбу льда. Монастыри и церкви закрывались в массовых масштабах, превращались в казармы, общественные бани и конюшни. Религиозное образование было запрещено, многие иконы и другие сокровища религиозного искусства попросту уничтожены. Долгое вре-

мя даже элементарная свобода обрядов ограничивалась: запрещался колокольный звон, чтобы «не мешать покою трудящихся», духовенство не имело права носить облачение вне церкви. В начале 1930-х годов весь свободный христианский мир во главе с Папой протестовал против этого варварства. Темпы и интенсивность преследований снизились; в послевоенные годы они в целом стали слабее. Но и тогда, особенно во времена «реформатора» Хрущева, тысячи церквей были закрыты.

Все отчетливее обозначающийся союз между черной и красной реакцией, между клерикализмом и воинствующим атеизмом выглядит фантомом, чем-то нереальным, и все же это факт. Инициативу в этом союзе захватили коммунисты. Они сделали церкви свое «предложение». Еще во времена перестройки началось это гротескное сближение. Люди, до тех пор находившие в адрес религии лишь оскорбительные и полные ненависти слова, называвшие веру не иначе как «поповщиной», люди, для которых религия была «опиумом для народа» «капиталистическим пережитком в сознании трудящихся», вдруг стали с богомольным видом появляться на богослужениях, креститься и зажигать свечи. «Буржуазные» критики коммунистического атеизма давно уже указали на очевидное христианское происхождение социалистических и коммунистических идеалов социальной справедливости и братства людей. Коммунисты с жаром отрицали это и настаивали на несоединимости двух социальных учений, которую могут оспаривать только фальсификаторы и коварные идеологические враги. Теперь же — как будто ничего этого не было — они начали с гордостью подчеркивать это родство, более того, претендовать и на некие заслуги перед верой.

Цезарепапистская традиция в сочетании с нетерпимостью по отношению к другим христианским конфессиям создает благоприятную почву для злоупотреблений, когда православие берется как оправдание великорусской мессиански «фундированной» шовинистической и экспансионистской политики. Это означает, конечно, расширение сферы влияния православных стран. С другой стороны, согласно учению о «симфонии» церковь обязана своими молитвами поддерживать эту экспансионистскую или гегемонистскую политику. Так было в докоммунистические времена. Сегодняшнее фундаменталистское движение пытается реанимировать эту ситуацию⁴⁰.

Протоиерей А. Шмеман был совершенно прав, когда утверждал, что «христианство никогда не отрицало ни блага государства, ни возможности просвещения его Светом Христовым. Но именно в том и состоял смысл явления в мире церкви как общества, как видимой организации, что в ней открывалась ограниченность государства, развенчивался навсегда его абсолютизм, какая бы то ни было «сакрализация» его природы... Церковь

открывает миру, что есть только две абсолютные ценности: Бог и человек. Все же остальное, в том числе и государство, во-первых, ограничено по самой своей природе, по принадлежности до конца только «миру сему». А во-вторых, является благом лишь в ту меру, в какую служит Божьему замыслу о человеке... Отсюда постулатом христианского мира является не слияние церкви с государством, а как раз напротив, их различие: ибо христианское государство только в ту меру и христианское, в какую оно не претендует быть всем для человека, определять всю его жизнь, но дает ему возможность быть членом и другого общества, другой реальности, иной по отношению к государству, хотя и не враждебной ему»⁴¹.

Государство как форма свободной организации свободных личностей занимает свою ступень и в иерархии культурно-исторических ценностей, и в иерархии ценностей этических. Однако ступень эта не высшая, метафизически не безусловная, не установленная свыше однажды и навсегда, но опосредованная другими — высшими ступенями. В иерархии духовно-этических ценностей их занимают такие ценности, как любовь, святость, вера, праведность, сострадание, добролюбие; в иерархии ценностей культурно-исторических — гений, красота, интеллект, творчество. Это именно те ценности, которые, по замечанию Б. Вышеславцева, никак «не могут облечены в форму “обязанностей”, императива закона»⁴². Иначе говоря, не могут быть вменены в обязанность гражданам. Это прерогатива Бога, а не кесаря.

«Немыслима государственная организация веры, мысли, мировоззрения; где ее пытаются осуществить, там возникает кощунственная и субстанционально бессильная попытка органическое заменить механическим, что практически равносильно разрушению самих субстанциональных основ общества», — писал С. Франк⁴³. Пытаясь подменить собой Бога, Его Слово своей идеологией, занять в иерархии ценностей неподобающее ему высокое место, государство тем самым разрушает саму христианскую и любую другую аксиологию, лишая общество его метафизических оснований и опор, и в конечном итоге обрекает на саомунитожение и себя. Катастрофа Российской империи, а затем и СССР — наглядные тому свидетельства. «Тоталитарно только царство Бога; царство кесаря всегда частично», — отмечал в этой связи Н. Бердяев⁴⁴.

Онтологическая функция и призвание государства состоят только в охране начальных — фундаментальных — ступеней культурно-исторических ценностей иерархии: социальной стабильности, безопасности, а также основополагающих ступеней естественного права. В плане же этическом задача государства, хоть сколько-нибудь идентифицирующего себя с христианскими ценностями, есть прежде всего сбережение (а в современной России — воссоздание) христианской аксиологии

и одной из ее безусловных и высших, богоданных ценностей — духовной и интеллектуальной свободы человеческой личности.

Ни на какую идеологическую монополию (а тем более идеологическую инквизицию) государство в обществе права не имеет и иметь не должно. Идеологий, а следовательно, партий, организаций и конфессий как форм свободного культурно-исторического творчества человека в социуме может быть сколь угодно много. Единственной причиной запрещения в обществе той или иной идеологии является ее претензия на тотальный характер, угрожающая свободе и жизни граждан, ее не приемлющих. Например, фашизм.

Не идеология, а христианская аксиология, полученная Россией вместе с евангельским благовестием, однако так до конца и не воспринятая, не усвоенная ею, а также наша культура и история, трагическая и изуверченная двумя идеологиями — «православизмом» и коммунизмом, — но отнюдь, будем надеяться, не законченная; история и культура, в которых еще предстоит прорасти и раскрыться подлинным христианским ценностям, — должны стать источниками нашего национального самосознания. В политическом плане такое сознание — в противовес антихристианскому фундаментализму, — вероятно, можно назвать *демохристианством*.

Нам предстоит научиться видеть в государстве не дарителя и приказчика, но гаранта и охранителя наших духовных богатств, нами самими свободно от мира собираемых. Это и будет христианское отношение к власти, христианский взгляд на государство, соответствующий словам апостола: «...стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства».

Церковь в государственном мундире?

В конце XIX — начале XX в. многие русские религиозные мыслители отмечают утрату Русской православной церковью кафоличности, вселенскости. Ее слияние с государством создало опасную герметичность, в ней угас дух пророчества и дух свободы. С сознанием своего национального превосходства в нее возвратился дух язычества. Он вторгается в церковь постепенно, казалось бы, незаметным образом, давая о себе знать национальной гордыней. Вживаясь в церковь, национализм поработал ее, делал зависимой от устремлений нации к самоутверждению. Постепенно он приобрел признаки своеобразной «земной религии» с поклонением земным идолам. Из церкви исчез дух евангельской всеобъемлющей полноты и теплоты, открытости каждому, независимо от веры и национального бытия.

Горькая правда состоит в том, что в расцветающем многоцветье культуры и общественного раскрепощения Серебряного века церковь не

смогла дать ясных мировоззренческих позиций народу и ответов на вопросы, поставленные русской и мировой историей. Многие стороны реальности она оставила вообще вне своего внимания. Пастыри оставили в одиночестве души пасомых, одновременно пребывая в уверенности, что совершают их окормление. Коммунизм в России и во всем мире возник на развалинах христианских церквей, был результатом апостасии, т.е. отступления от Христа, результатом распада христианства, его исторической деградации, утраты памяти и утраты веры.

Христианская вера универсальна: этого не отменяют и взаимные схизмы, когда каждая из конфессий стремится обратить других в свою веру. Это означает, что христианство нельзя связывать с какой-то определенной страной. На Западе это поняли рано, причем утверждения, согласно которым немецкий католицизм лучше французского и т.п., носили лишь эпизодический характер. В России же этого не хотели понять. Российский шовинизм, замаскированный под православие (и как его *alter ego* — шовинистически окрашенный русско-православный мессианизм), возник еще в XVI в. и фактически никогда не переставал существовать.

Но если именно русский народ является носителем христианской веры во всей ее чистоте и величии, то лукавый не знает более опасного врага, чем русский народ, и никого так не ненавидит, как его. «Сознавая себя благодатной хранительницей истин веры, религиозно-нравственных ценностей православия, Россия неизбежно стала средоточием, узловым пунктом вселенской борьбы добра и зла, притягивающего на бесмертную душу человека», — говорил митрополит Иоанн⁴⁵.

Национализм под псевдорелигиозной маской религиозного мессианизма проявляется в разных концах православного мира — хотя в каждой из стран по-разному, в соответствии с их геополитическим значением. У южных славян на Балканах этот мессианизм был реакцией на турецкое иго. В эту эпоху возникло представление об особых доблестях сербского народа, который якобы пользуется особой милостью Бога. Кульминацией этого стал основной миф «сербского православия» — идея, согласно которой сербы суть «народ святой Савы», «небесный народ».

Национализм и мессианство стали важнейшими линиями разделения в Русской православной церкви — того разделения, о котором говорил Иисус. «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? — спрашивает Христос. — Нет, говорю вам, но разделение». Это записано евангелистом Лукой, а в Евангелии от Матфея мы читаем: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю... но меч». «Слово Божие... острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные», — так объясняет апостол Павел свойства этого меча.

Могут ли после этого объяснения удивлять нас слова Христа о том, что Он пришел «разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее»? Уж если этот обоюдоострый меч рассекает самого человека, то разделение Христом семей, любых сообществ и содружеств неизбежно. Слово Божие, что острее всякого обоюдоострого меча, разделяет христианство. И церковь. На мнимую и истинную. Ради исцеления церковного тела меч отсекает от него члены, способные заразить все тело. При этом не имеет значения количественное измерение истинной церкви, ибо именно она есть мистическое тело Христа. Иначе не было бы сказано слов: «А внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: они будут пощипать священный город».

Испытание отсечением было послано Русской православной церкви. Оно сопровождалось мученичеством, и посчитать убиенных и поныне нельзя. Разделение Христовой Истиной длится и поныне. Однако речь не идет о том, что называют расколом в Русской православной церкви, разделившейся после Октябрьской революции на Московскую патриархию, живущую в России, и ту часть церкви, что была вынесена революционной волной в эмиграцию, прижилась и неплохо там себя чувствовала, долгое время не собираясь возвращаться в Россию. Это не может называться разделением Христовым, ибо ни Московская патриархия, основанная Сталиным и согласившаяся на прислужничество у советской власти, ни Русская зарубежная церковь, находящаяся все годы коммунистического режима в безопасности и, возможно, под контролем соответствующих спецслужб, не могут считаться истинной Церковью. Обе части церкви, несмотря на межирархические распри, до недавнего времени разделявшие их, явились верными наследниками синодального периода Русской православной церкви, длившегося с петровских времен до 1917 г. Именно в этот самый период церковной истории сначала постепенно, а затем все более интенсивно шла национализация церкви, которая духовно ослабляла и церковь, и Россию.

Русская православная церковь участвовала в создании нации и государства, будучи в «богоизбранном супружестве» с государством и, как правило, играя роль, определяющуюся формулой польского патриарха Мины: «Ничто не должно совершаться в Святейшей церкви против воли и приказаний императора» (через это прошла и католическая церковь, хотя она всегда вдохновлялась претензией римских первосвященников, сформулированной Григорием Седьмым: «...власть апостольского трона стоит далеко выше могущества королевского престола»). Но в отличие от католической, православная церковь почти никогда не была автономным собственником (во всяком случае, после XVI в.), что сковывало ее социальную активность. Православие — точнее, православный эта-

тизм — было идеологией государства, что сковывало его интеллектуальную активность. В результате оно оказалось во власти своей истории, т.е. в плену романтических иллюзий о сильном Московском царстве.

«Все исторические преимущества нашего жизненного строя, указывающие нам на самобытное и великое призвание России, — писал В. Соловьев, — решительно парализуются такими существенными недостатками, при которых исполнение этого призвания весьма затрудняется. Во-первых, мы обладаем важнейшим даром Божиим — Православною и Святою церковью, но церковь не обладает нами. Церковность, представляемая духовною властью, лишена у нас практической самостоятельности и не может свободно и направительно воздействовать на общественную и народную жизнь: мы причастны святому и благодатному телу — церкви, но первое условие для возрастания в нас этого тела отсутствует.

Далее, во-вторых, есть у нас еще великое преимущество — священная и самодержавная царская власть, но и этим благом мы плохо пользуемся. При гражданской несостоятельности нашего общества, при крайней дезорганизации общественных сил, при отсутствии настоящего правящего класса верховная власть лишена необходимых орудий, чтобы ковать судьбу России. Наконец, третье наше сокровище — народ, глубоко благочестивый, с ясным государственным смыслом и преданный самому настоящему и здоровому занятию — земледелию, народ терпеливый, спокойный и самоотверженный, и это благо нам не впрок. Без дружной работы самодеятельных личных сил в социально-экономической области народная масса при всех своих добрых свойствах не только не в состоянии пересоздать землю и сделать ее покорным орудием человеческого духа, но не способна обеспечить себе необходимых средств к существованию, едва может прокормиться землею. Деревенская сила без помощи городского разума остается силой слепой и беззащитной против всевозможных бедствий. Но где же у нас городской (т.е. цивилизованный) разум, способный действительно помогать селу, способный научать и руководить народ в общей работе?

При таких условиях, т.е., лучше сказать, при таком отсутствии необходимых условий истинного прогресса, великие преимущества нашего национально-исторического строя являются лишь как хорошие задатки или возможности, которые ждут иных условий и новых элементов для своего благотворного действия. Россия, предоставленная самой себе, Россия одинокая, бессильна. Не добро человеку быть одному: это слово Божие приложимо и к собирательному человеку — к целому народу. Только в соединении с тем, чего ей недостает, может Россия воспользоваться тем, что у ней есть, воспользоваться в полной мере и для себя, и для всего мира. Тогда оправдается наша вера в Россию и в те положительные силы, которыми она живет: в православную церковь, стоящую на предании и увенчанную идеалом аскетической святости, в священную и самодержавную власть православного царя, в силу православного народа, привязанного к земле, но не забывающего о Боге, ищущего высшей правды более, чем житейских благ, народа, не делающего себе кумира из себя самого, народа не демократического, а теократического. Вот наши

великие положительные силы, которые для своего творческого действия и проявления ждут недостающих им практических факторов»⁴⁶.

Выпущенная из коммунистического плена Русская православная церковь с порога отвергла возможность стать для России живительным источником свободы и любви. У нас на глазах она дала пожрать себя низменным страстям мира сего: стремлению к собственности, жажде власти, золотому тельцу, ненависти к инакомыслию и инославию. Поразительно, однако, что общество, русские люди не возмутились и не встрепенулись. Вместо этого они равнодушно смотрят на то, как нынешние властители России в сотрудничестве с православными иерархами прилежно взращивают зловещий цветок государственной религии. основополагающие православные ценности не имеют для них ровно никакого значения, ибо не могут быть использованы в качестве строительного материала для сооружения новой Вавилонской башни. Им безразлично, что в системе государственного православия, «православизма», религия умирает: кесарь становится важнее Христа, а государство — больше Евангелия. Что без свободы веры не может быть не только демократии, но и самой веры. Невдомек им и то, что в «государственном мундире» (выражение В. Соловьева) церковь перестает быть сама собой и превращается в министерство исповеданий и треб.

Сегодня, когда церкви возвращены монастыри и храмы, общество с удивлением обнаружило, что она ничего или почти ничего не может сказать современному человеку. Ее ведущая — «русская» — идея нежизнеспособна без богатейшего православного быта, уничтоженного большевиками; у нее отсутствуют адекватные социальная и философская доктрины, которые позволили бы церкви сориентироваться в труднейшем поиске своего места в светском государстве.

19 июня 2000 г. Священный синод рассмотрел и одобрил «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В ней содержатся некоторые богословские уточнения взглядов российских православных иерархов на церковно-государственные и церковно-общественные отношения. И в этом смысле «Основы» — серьезный шаг вперед во многих отношениях.

Так, например, в документе содержится следующая трактовка «симфонии властей»:

«Церковь не только предписывает своим чадам повиноваться государственной власти независимо от убеждений и вероисповедания ее носителей, но и молиться за нее, *дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте* (1 Тим. 2, 2). Одновременно христиане должны уклоняться от абсолютизации власти, от непризнания границ ее чисто земной, временной и преходящей ценности, обусловленной наличием в мире

греха и необходимостью его сдерживания. По учению Церкви, сама власть также не вправе абсолютизировать себя, расширяя свои границы до полной автономии от Бога и установленного Им порядка вещей, что может привести к злоупотреблениям властью и даже обожествлению властителей». И далее следует весьма смелое утверждение: «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, **Церковь должна отказать государству в повиновении** (курсив и выделение мои. — С. К)»⁴⁷.

Нельзя не признать справедливость данной церковной морально-религиозной установки, как, впрочем, нельзя закрыть глаза и на то, что наша церковь не всегда ей следовала и следует — даже в новейший период российской истории (начиная с 1991 г.).

Текст «Основ» говорит о том, что церковь извлекла некоторые уроки из своего прошлого сотрудничества с государством:

«В целом практика участия священнослужителей в деятельности органов власти показала, что такое практически невозможно без принятия на себя ответственности за вынесение решений, удовлетворяющих интересам одной части населения и противоречащих интересам другой его части, что серьезно осложняет пастырскую и миссионерскую деятельность священнослужителя, призванного, по слову апостола Павла, быть для всех... всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых (1 Кор. 9, 22)... С канонической точки зрения вопрос о том, должен ли священнослужитель, занимающий государственный пост, работать на профессиональной основе, решается однозначно отрицательно»⁴⁸.

Следует также, на наш взгляд, приветствовать важную и справедливую, хотя, конечно, и утопичную сегодня оценку церковью состояния международного и национального права:

«Современная международно-правовая система основывается на приоритете интересов земной жизни человека и человеческих сообществ перед религиозными ценностями (особенно в случаях, когда первые и вторые вступают в конфликт). Такой же приоритет закреплен в национальном законодательстве многих стран... Эти явления создают общую картину секуляризации жизни государства и общества.

Уважая мировоззренческий выбор нерелигиозных людей и их право влиять на общественные процессы, церковь в то же время не может положительно воспринимать такой миропорядок, при котором в центр всего ставится помраченная грехом человеческая личность. Именно поэтому, неизменно сохраняя открытой возможность сотрудничества с людьми нерелигиозных убеждений, церковь стремится к утверждению религиозных ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений как на национальном, так и на международном уровне»⁴⁹.

Признавая во многом новаторский характер «Основ», следует, однако, констатировать, что целый ряд содержащихся в них положений

носит весьма архаичный характер, а некоторые важнейшие вопросы, относящиеся как к национальной истории, так и к современности, в документе оставлены без ответов.

Так, несмотря на декларативное заявление о равенстве всех конфессий, церковь ожидает, что «государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического и культурного облика народа, их гражданскую позицию»⁵⁰. Здесь нельзя не усмотреть намек на особые заслуги православия перед государством по сравнению с другими конфессиями. Утверждение юридического принципа свободы совести, по мнению творцов документа, «свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви и победе над грехом»⁵¹. Не нравится нашим иерархам и мораторий на смертную казнь:

«Особая мера наказания — смертная казнь — признавалась в Ветхом Завете. Указаний на необходимость ее отмены нет ни в Священном Писании Нового Завета, ни в Предании и историческом наследии Православной Церкви... Вопрос об отмене или неприменении смертной казни должен решаться обществом свободно, с учетом состояния в нем преступности, правоохранительной и судебной систем, а наипаче соображений охраны жизни благонамеренных членов общества»⁵².

Церковь своевременно и адекватно не отреагировала на социальные катастрофы XX в. (Октябрьская революция, Гражданская война, две мировые войны, холокост, ГУЛАГ). К сожалению, внятных оценок этих событий нет и в рассматриваемом документе. У нее по-прежнему нет собственной смысловой позиции, самостоятельно выработанного понимания христианства, вобравшего в себя опыт русской исторической катастрофы, понимания, вышедшего из размышления о том, почему в 1917 г. «не спасли храмы, где шла служба». Не смогла она должным образом осмыслить и творчески вобрать в себя интеллектуальные сокровища представителей русского религиозного ренессанса конца XIX — начала XX в.

Кроме того, практическая деятельность огромного количества священнослужителей весьма далека от провозглашенных в «Основах» принципов и положений. Как правило, они не возвышают свой голос против творимых государством несправедливостей, а в ряде случаев и преступлений. Не являются секретом и случаи открытого сотрудничества отдельных настоятелей и заместников с криминалом. Некоторые из них публично, с помощью СМИ, включая телевидение (и власть охотно предоставляет им такую трибуну), пытаются превратить церковь в сосуд «национальной духовности», что выделяет при нынешнем брожении национального духа такие ингредиенты, как шовинизм, антисе-

митизм, ксенофобия, от чего пытался всячески откреститься покойный Патриарх Алексий II. Трудно сегодня освободиться от страшного подозрения, что многие православные иерархи по-прежнему заражены грехом гордыни: так редко они признают слабости своей церкви и так воинственно набрасываются на грехи «иноверцев» даже в своих рядах. Отсюда их нетерпимость и требования максимально жестких ограничений на деятельность организаций, представляющих так называемые нетрадиционные культы. А к их числу отныне в России относят чуть ли не все христианские религиозные организации, не входящие в Русскую православную церковь, даже если они обладают вековым, а то и многовековым опытом служения на российской земле. Наша церковь по-прежнему категорически возражает против приезда Папы в Россию. Этот тип мышления и деятельности проистекает прежде всего из недоверия к свободе совести, которое выражено и в «Основах».

Характерно, что все это происходит на фоне экуменического движения, все более широко охватывающего весь мир. На словах православные церкви также всегда выдвигали цель единства христианского мира. Однако складывается впечатление, что их участие в экуменическом движении происходило ранее под нажимом коммунистических властей. Теперь, когда такого нажима более не существует, стала ясно видна антиэкуменическая ориентация влиятельных кругов Русской православной церкви. Запугивая народ угрозой, якобы исходящей от неправославных христиан, они прибегают к аргументам, прямо заимствованным из арсеналов советской пропаганды.

Наконец, чтобы получить широкую народную поддержку, церковь должна принести покаяние за сотрудничество с богоборческим антинародным большевистским режимом. Этого пока не только не сделано, но нет даже признаков того, что церковь размышляет об этом. Напомним лишь самые известные факты такого сотрудничества.

В 1917 г. святителей Вениамина и Тихона православный народ в Питере и Москве избрал в митрополиты. А Священный Собор 1917–1918 гг. определил всенародно избирать епископов по их иепархиям. Однако высшие православные иерархи, оставшиеся в России на услужении большевиков, не пошли по этому пути, заклеив выборы, начало которым положила еще апостольская церковь, как «кадетские штучки».

В 1927 г. появилась печально знаменитая Декларация митр. Сергия Страгородского, которая сокрушила Русскую православную церковь, и без того испытывавшую тяжелый духовный кризис. Воцарившись в церкви с помощью богоборческих властей, разъезжая на «Чайках», подаренных им вождами антихристовой власти, принимая с благодарностью ордена, на которых изображен воинствующий атеист В. Ленин,

поддерживая коммунистическую власть в ее основных начинаниях, сергиане долгое время убеждали мир в том, что в СССР никогда не было гонений на веру, а если кто-либо из пастырей или мирян и попал в тюрьму, лагерь и ссылки, то за дело: сами, мол, виноваты... Они утаили правду о гонениях на православных русских людей, утаили мучеников и исповедников Христовых, выступивших против Сергиевой Декларации, утаили правду о разделении церкви. Митрополит Иосиф, который ушел тогда из сергианской церкви вместе с ярославскими архиереями, охарактеризовал деятельность сергиан как «чудовищный произвол, человекоугодничество и предательство церкви интересам безбожия и разрушения самой церкви». Он отмечал, что «приходится удивляться равнодушию и слепоте тех, которые еще полагают, что попустители и творцы этого безобразия творят дело Божие, “спасают” церковь, управляют ею, а не грубо оскорбляют ее, издеваются над нею, вписывают себя в число ее врагов, себя откалывают от нее, а не они откалывают тех, которые не могут терпеть далее этой вакханалии, грубого насилия и безобразно-кощунственной политики»⁵³.

Митрополит Сергей говорил: «Мы с нашим народом и нашим правительством». «Мы были со своим народом», — повторяют сегодня его последователи, оправдывая прислужничество у богоборческой власти и агентурную работу в карательных органах. Но служба русскому национализму, они совершают подмену. Служение нации становится предпочтительнее служения Богу. Их Богом становится нация, народ. Но ведь национальное бытие как созидаящая сила может формироваться только в служении Богу, а не нации. И не потому, что жизнь нации проходит как бы в низшем порядке по сравнению с мистической, сокровенной жизнью религии. А потому, что Бог есть первопричина бытия, Творец нации и о каждой из них имеет Свой Промысел. Сергианство, объявившее себя спасителем церкви, нации и народа и ради них вступившее в непозволительные для церкви и христиан компромиссы с гонителями церкви, нации и народа, посягнуло на этот Божественный Промысел, на Божественный Порядок Бытия.

Соотношение русского национализма и Русской православной церкви в настоящий момент таково: национализм использует православие в своих целях как один из компонентов своего идеологического обоснования. А церковная иерархия позволяет применять православие для духовной легитимации национализма. При этом отдельные клирики и иерархи становятся националистическими политиками. Для В. Соловьева «русская идея» — понятие чисто духовное, для многих нынешних церковных и государственных ее адептов — понятие идеологическое, государственное, инструментальное. У В. Соловьева эта идея предполагает открытость

и всечеловечность, у них — изоляционизм и ксенофобию. У него эта идея именно национальная, у них — националистическая. По словам В. Соловьева, «истинная церковь всегда осудит доктрину, утверждающую, что нет ничего выше национальных интересов, это новое язычество, творящее себе из нации верховное божество, это ложный патриотизм, стремящийся встать на место религии». «Церковь исключительная, или хотя бы только преимущественно национальная, неизбежно становится церковью государственною, — констатирует В. Соловьев. — Государственная самостоятельность нации поглощает самостоятельность ее церкви»⁵⁴.

Но еще страшнее то, что у всех верующих людей России постепенно складывается смутное подозрение, что, приди завтра к власти Зюганов со товарищи — наша церковь присягнет и им. А при определенных обстоятельствах, пожалуй, еще и будет призывать верующий народ голосовать за коммунистов, все более дрейфующих к большевистскому фундаментализму, круто замешенному на ультранационализме, и обещающих в случае победы немедленно приступить к возрождению «многострадального отечества» (видимо, для того, чтобы всем вновь «много страдать»).

Однако особенно поразили верующую паству, да и весь христианский мир высказывания деятелей Русской православной церкви на одном из Всемирных соборов русского народа о том, что наше ядерное оружие — это «дар божий», а также о том, что наши ракеты — это «ангелы-хранители», а происхождение их мощи объясняется, мол, незримым содействием пресветлого старца Серафима. Как отмечал российский публицист А. Нежный:

«Кесарю плевать. В его прагматичном сознании по данному вопросу имеется три основополагающих суждения. Первое: служили той власти, послужат и этой. Второе: у той власти был Агитпроп, а у этой будет Агитпоп. И третье: станovým хребтом той власти была КПСС, а этой, глядишь, станет РПЦ»⁵⁵.

И, кажется, недалеко то время, когда современный Великий Инквизитор получит награду от государства «За заслуги перед Отечеством».

Церковь, особенно православная, не может служить никаким мирским целям. Иначе она перестает быть церковью. Начинается ее падение, предсказанное св. Иоанном Богословом. В лучшем случае она остается «духовным Макдоналдсом». А церковь, по словам св. Григория Нисского, есть устроение Вселенной.

Конечно, церковные интегралы — это еще не вся Русская православная церковь. Однако, к сожалению, голос дальновидного и здравомыслящего сегмента православного клира тонет сегодня в мощном хоре сторонников фактического огосударствления церкви и клерикализации «тысячелетней державы». А высшие руководители церкви либо молчат, либо заискивают перед «ястребами», которые тянут их назад, так и ни-

чему не научившись. Идеологи цезарепапистского «православизма» настойчиво рекомендуют властям предрержащим по сути дела вернуться к ущербному теократическому уваровскому символу, в равной мере не имеющему никакого отношения ни к святоотеческому православию, ни к реалиям современного мира.

90 лет спустя после формального отделения церкви от государства Россия оказывается перед выбором: заполнить «православизмом» вакуум, образовавшийся после краха коммунизма, использовать религию в конъюнктурных целях для воссоздания тоталитарного государства, которое нуждается в «морально-политическом единстве» российского (советского?) общества под знаменем «единственно правильных идей», или идти вперед по пути мировоззренческого плюрализма и равных прав для всех граждан и верующих свободной страны.

Христианство, особенно в его православной версии, — не замкнутая система, не монолит и не догма. Христианство — это иная жизнь, созидаемая человеком с помощью Бога и Богом с помощью человека. Она возможна только для тех, кто верует в Бого-Слово, в Логос, для которых Он является неопровержимым утверждением. Это начало и конец теологии. Нет «христианства без берегов». Есть Церковь небесная и церковь земная. Есть христианство и лжехристианство. Есть Церковь как «столп и утверждение истины» и есть игра в «церковь», есть вера и «идея веры».

Но будем уповать на то, что церковь станет Церковью, и тогда она сможет многое сделать не только для спасения душ человеческих, но и для спасения России. И в первую очередь будем ждать, что она окажется в силах перестать считать себя национальной, государственной церковью. Зерно, если не умрет, не родится. Так и церковь, когда перестанет считать себя национальной, таковой и не станет. Выступая за права и свободы для всех, не зажимая католиков и протестантов, а поддерживая их, не отталкивая (или русифицируя) национальные меньшинства, а развивая их идентичность внутри церкви, бескорыстно проповедуя высшие моральные ценности перед кесарем и народом, она сможет стать высшим моральным и духовным авторитетом для всех народов России. Тогда она сможет выполнить свою земную миссию, о которой писал В. Соловьев:

«Христианство явилось расширением и восполнением иудейской теократии не тем только, что оно приобщило к ней новые национальные элементы, но еще более тем, что оно возвысило и усилило образующие начала самой теократии. Прежде всего, оно дало миру подлинное священство по прямому божественному праву, независимое ни от какого человеческого служения и установления. В иудействе, мы знаем, священство первоначально учреждено при человеческом посредстве, при посредстве пророка Божия Моисея. Таким образом, иудейское священство находилось в генетической зависимости от другого служения — пророческого, которое одно в еврействе стояло в непос-

редственной связи с Божеством. В христианстве, напротив, первоначальное священство представляется Божественным лицом Иисуса Христа. От него непосредственно получили апостолы и передали своим преемникам чрез рукоположение таинственный дар священства. Собственно говоря, Христос был и пребывает единым истинным первосвященником; но пока видимая церковь имеет отдельное существование на земле, необходимо должны быть видимые носители священства Христова, которые священствуют и святительствуют не от себя и не от какого бы то ни было человеческого имени, а лишь как заместители Христа, Его силою и благодатью. Этому соответствует в порядке временном тот факт, что существующая церковная иерархия прямой и непрерывной цепью преемства связана с самим Христом без всякого постороннего посредства»⁵⁶.

Лютер прочил, что церкви прейдут, а христианство останется. Он звал: «Да прейдет церковь, да буди Царство Твое!» Трудно освободиться от беспокойного предчувствия, что время это очень близко...

Лютер отверг Священное предание как источник, равноправный со Священным Писанием. Он призвал верить в Слово Божие, а не в его истолкование какими бы то ни было авторитетами: святыми отцами, папскими соборами, теологами. Он говорил, что простая крестьянка может быть более благочестивой, чем епископ, и не ему учить ее истинной вере. У каждого свой путь к Богу, а как по нему идти, сказано в Евангелии. А в Нагорной Проповеди говорится:

«И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят, в синагогах и на углах улиц останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми... Ты же, когда молишься, войди в комнату свою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно». Такой индивидуальный путь к Граду Божьему указывает епископ-мученик Дамаскин. Он пишет, что, возможно, наступило время, когда Господь не хочет, чтобы между Ним и верующим стояла церковь как посредник. И у каждого человека всегда остается надежда стать непосредственно перед Господом и отвечать Ему за самого себя, «как это было при праотцах»⁵⁷.

Наша церковь категорически возражает против такой трактовки (и ее можно понять: ведь при таком развитии событий необходимость в большинстве ее земных институтов отпадает), усматривая в ней опасность того, что из «общего дела» религия превращается в «частное дело» человека. «Сам по себе этот процесс, — аргументирует она свою точку зрения в «Основах», — свидетельствует о распаде системы духовных ценностей, потере устремленности к спасению в большей части общества, утверждающего принцип свободы совести»⁵⁸. Аргумент, на наш взгляд, слабый и неубедительный. Ибо как свобода (в данном случае свобода совести) может противоречить вере? Ведь Новый Завет, благая весть, полученная нами от Христа, — это свобода. Между православием и сво-

бодой, разумеется в христианском понимании этого слова, не может быть конфликта.

Пророчество Дамаскина впрямую относится к той России, в которой он жил и умирал. Относится оно и к нам, к нашему времени, а возможно, и к временам, которые наступят после нас. Ибо у Бога «один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день». И тогда мы понесем свои «собственные кирпичики» на незыблемый фундамент Христовой правды и сделаемся храмом Духа Его Животворящего.

Второе Крещение Руси

«Нет, решительно нет никаких разумных человеческих оснований представлять себе первый день России «после большевиков», — пророчески писал Г. Федотов, — как розовую зарю новой свободной жизни. Утро, которое займется над Россией после кошмарной революционной ночи, будет скорее то туманное «седое утро», которое пророчил умирающий Блок... После мечты о мировой гегемонии, о завоевании планетных миров, о физиологическом бессмертии, о земном рае — у разбитого корыта бедности, отсталости, рабства — может быть, национального унижения. Седое утро»⁵⁹.

Н. Бердяев различал пять России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, Россию коммунистическую. «Но будет, — пророчески писал он, — еще и новая Россия». Возрождение России, мыслимой как национальное и культурное единство, невозможно без восстановления в ней православной версии христианства, без возвращения ее к христианству как основе духовного мира. При всякой иной — даже христианской, но не православной религии — это уже будет не Россия. Без православия Россия — не нация, а человеческое месиво (или, по словам В. Новодворской, «человеческая протоплазма»), глина, из которой можно лепить все что угодно: камень, дерево, металл, который можно дробить на какие угодно части.

Что есть Россия сегодня? Если исходить из того, что богоборческий ее путь завершен, то она уже никогда не вернется к коммунистической парадигме развития. Посткоммунистическая Россия не может вернуться и к дооктябрьскому периоду, в одночасье вновь став Российской империей. За послесоветские годы не сложилось в России и национальное государство в западном понимании этого слова. Нет признаков того, что такое государство складывается сейчас. Россия сегодня — не православное государство династии Романовых. И не Святая Русь династии Рюриковичей. Но это и не мусульманское государство. Победу ислама в качестве государственной религии в России представить себе невозмож-

но. Но Россия — это уже не атеистическое государство. Это государство многоконфессиональное с очень сильной православной традицией. Значит, речь идет о новом прочтении христианства, о Новом православии, которое было бы терпимо по отношению к другим конфессиям.

Согласно Конституции РФ 1993 г. Российская Федерация — светское государство. А светское государство не имеет права на религиозные симпатии и предпочтения. Обозначенное государственным пространством жизни и определенное православными догматами пространство веры — суть вещи далеко не совпадающие. В излюбленной нашей церковью ссылке на каноническую территорию православия, которой от века будто бы является вся Россия, можно различить не только великодержавное мечтание о межевых столбах с восьмиконечным крестом рядом с пограничными, но и плохо скрываемую неприязнь в отношении всякого инославия, которая, к сожалению, прочитывается и в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви». Однако любая долговременная попытка «православизации» русского государства должна быть признана антигосударственной, поскольку рано или поздно она взорвет его, поставив во враждебные отношения с частью собственного народа.

Будущее России невозможно предугадать на основе опыта других стран, ибо никакая другая страна не прошла такой богоборческий путь, как она. Ни одна страна не прожила столь долгий срок в условиях тоталитаризма. 73 года преобразовали наш народ, наложили на его духовный состав такой отпечаток, который, быть может, не сотрется на протяжении еще многих десятилетий. Значит, нельзя представлять дело так, что мы сделали некий исторический крюк, а теперь возвращаемся в исходное положение, заново выкруливаем на столбовую дорогу, по которой давно идут цивилизованные страны, и пускаемся за ними вдогонку. Во-первых, в этом случае мы никогда их не догоним, а во-вторых, к сожалению или к счастью, подобные возвраты в истории невозможны.

Следовательно, мы как страна, как народ, как общество обречены искать свой путь. Искать — не в смысле волюнтаристского придумывания, но — открытия. «Русская идея» сегодня — это напряженно работающая мысль о будущем России, о способах ее самосохранения и самопреобразования. Это и мысль о новой формуле много-, а следовательно, наднациональной российской государственности, которая пока не найдена, и о принципиально новых, демократических методах ее поиска и конституирования. Это и поиск наиболее рациональных и динамичных форм социально ориентированной рыночной экономики. Это и выработка нового — трезвого и широкого, истинно исторического взгляда на отечественную историю, дореволюционную, советскую и современную.

Наконец — что труднее всего, — процесс формирования нового национального сознания, философского, религиозного, нравственного. Нам надо попытаться открыть в нашем наличном состоянии источники саморазвития. Один из таких источников — вера в то, что Бог окончательно не оставил Россию, что она еще послужит делу Христа.

Российские религиозные философы не предрекали, что вступление России на этот путь будет легким. Ибо лежит он через весьма болезненный общенациональный акт покаяния. Вот что писал по этому поводу Г. Федотов:

«Сейчас происходит отчаянная борьба за душу России и ее духовную судьбу... В руках архангелов повисли весы над бездной, и чаша их колеблется под тяжестью человеческих душ... Какое слово может быть религиозно действительно, может помочь спасительному выходу из кризиса? Только одно: вечное слово о покаянии.

Покаяние — ужас и отвращение к себе (“и трепещу и проклинаю”), ненависть к прошлому, черта, рубеж, удар ножа, новое рождение, новая жизнь... *Incipit vita nova*⁶⁰.

Почему Россия — христианская Россия — забыла о покаянии? Я говорю о покаянии национальном, конечно. Было ли когда-нибудь христианское поколение, христианский народ, который перед лицом исторических катастроф не видел в них карающей руки, не сводил бы счеты со своей совестью? На другой деь после татарского погрома русские проповедники и книжники, оплакивая погибшую Русь, обличали ее грехи... Жозеф де Местр видел в революции суд Божий. А в православной России не нашлось пророческого обличающего голоса, который показал бы нашу вину в нашей гибели. Это бесчувствие национальной совести само по себе является самым сильным симптомом болезни. Пореволуционные националисты в этом отношении как две капли воды похожи на своих отцов: националистов школы Александра III. Если от последних христианская совесть требует покаяния в грехах старой России, то от первых, стоящих на почве революции, требуется покаяние в ее грехах. Каково должно быть пореволуционное христианское сознание? Оно прежде всего исполнено ужаса перед революцией как своим грехом, грехом своего народа и стремления начать новую жизнь, чистую от кровавых воспоминаний, хотя и на почве, политой кровью, в условиях, созданных революцией»⁶¹.

Пока покаяния в грехах прошлого не принесено, Бог может попустить еще страдания России. Так, сухая смоковница была наказана за то, что на ней не было плодов, которые могли бы насытить...

«Бесконечно тяжело, — писал Г. Федотов, — что наше национальное возрождение хотят начинать, вместо плача Иеремии, с гордой проповеди Филофея... Трижды отрекалась Русь от своего древнего идеала святости, каждый раз обедняя и уродуя свою христианскую личность. Первое отступничество — с поколением Филофея, второе — с Петром, третье — с Ле-

Глава 2. Православный крест и державный орел

ниным. И все же она сохраняла подспудно свою верность — тому Христу, в которого она крестилась вместе со старотерпцами Борисом и Глебом, которому она молилась с кротким Сергием. Лампада преп. Сергия, о которой говорил Ключевский, еще теплилась до наших дней. И вот теперь, когда всей туче большевистских бесов не удалось задуть ее, вызывают, как Вия, из гроба старца Филофея: не задует ли он?

Будем верить, что не задует и что из всех блужданий и блуда освобождения от семи бесов Россия, как Магдалина, вернется к ногам навсегда возлюбленного ею Христа»⁶².

У всякой идеологии — неважно, коммунистической или православной, — имеются прежде всего две черты: тотальность и дуализм. Тотальность — это притязания идеологии дать ответы на все вопросы человеческого бытия, охватить собою все, в том числе и внутренний мир человека, который подвластен только божеской, но никак не мирской или даже церковной власти. Дуализм — четкое определение светлого и темного полюсов, образ социальной реальности, поляризованный по принципу «свои—чужие», «друзья—враги», «силы прогресса—силы реакции». Эта архаическая структура неизбежно порождает «образ врага» — сердцевицу тоталитарного сознания. В этом духовная близость коммунизма и «православизма». Возможно, благодаря этой близости коммунизм так быстро воцарился в Российской империи в 1917 г. Возможно, по этой же причине теперь ему на смену снова приходит «православизм», а наши «новые православные», не возвысившие вчера своего голоса против коммунизма, сегодня вновь намерены строить тоталитарный «патриотический рай», совершенствуя «новое православие» как национальную русскую религию, открыто агрессивную по отношению к инородцам. Возможно, наконец, поэтому наша церковь, которая вчера служила большевикам, теперь служит «демократам», а завтра, глядишь, и снова запоет осанну богоборческой власти.

Такое «православие» не нужно новой России. Ей нужна новая концепция «симфонии властей», новая концепция отношений церкви и государства, новое осмысление связи между «христианским» и «национальным», а главное — новая постановка вопроса о религиозной Истине. Речь идет о содержании христианского кредо и о связанном с ним вопросе об универсальном притязании христианства на выражение полноты Истины, о его притязании исключить или ограничить истинность других религий и мировоззрений. Следует признать, что христианство, и особенно православие, в своей основе есть постоянная и радикальная духовная революция, направленная через покаяние («метанойю», дословно «изменение сознания», т.е. через переход от «ветхого сознания» к «новому») к «обожению» человечества, т.е. к Богочеловечеству. «Богочеловек, — отмечал В. Соловьев, — т.е. соединение Божества с человеческой природой

в одном индивидуальном лице, есть начаток, необходимое основание и средоточие, конец же и завершение есть Богочеловечество (точнее, человечество обоженное), т.е. сочетание с Богом — при посредстве Богочеловека — всего человеческого рода, а через него и всякой твари»⁶³.

Исторический опыт России показал, что православие не может быть государственной идеологией, не изменив самому себе. А потому оно не может заменить коммунистическую идеологию. Оно не может стать и господствующей конфессией. В XXI в. оно, вероятно, неспособно вновь стать имперским связующим звеном, интегральным фактором современной России. Его потенциал в другом — в нравственном самосовершенствовании русского человека, в моральной парадигме развития России, в движении к Богочеловечеству. Только в этом смысле можно понимать слова Ф. Достоевского о том, что «Православие является орудием выработки русского, «непрерывно русского» всечеловека, который воплотит в себе стремления всех народов и приведет их к какому-то «тысячелетнему Царству», под своим, конечно, главенством»⁶⁴. Вспомним и о том, что Ф. Достоевский никогда не настаивал на богоизбранности русского народа: он говорил лишь о том, чтобы русские дали пример человека вселенского типа.

Вслед за Ф. Достоевским В. Соловьев полагал, что на русском народе лежит миссия спасения христианства. Падение христианской идеи в Европе он связывал со всеобщей секуляризацией, т.е. отделением от религии и церкви всех сфер человеческой деятельности — политики, народного управления, науки и школы, искусства и общественной жизни. «Можно было бы отчаяться в судьбах христианства, если бы в запасе всемирной истории не хранились еще свежие силы — силы славянских народов, особенно русского»⁶⁵. Однако и В. Соловьев никогда не настаивал на мессианском характере русского народа.

Но вот рассуждения *немецкого* философа В. Шубарта, долго жившего в России и погибшего в сталинских лагерях. Он противопоставлял друг другу главным образом два типа человека: прометеевского, героического человека и иоанновского, мессианского, т.е. человека, следующего идеалу, данному в Евангелии от Иоанна. Представителями иоанновского типа он считал славян, особенно русских. Прометеевский, героический человек видит в мире хаос, который он должен оформить своей организующей силой; он полон жажды власти; он удаляется все дальше и дальше от Бога и все глубже уходит в мир вещей. Иоанновский, мессианский человек чувствует себя призванным создать на земле высший, божественный порядок, «чей образ он в себе роковым образом носит». Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви. Борьба за вселенскость станет основ-

ной чертой иоаннического человека. В иоанновскую эпоху центр тяжести перейдет в руки тех, кто стремится к сверхземному в качестве постоянной черты национального характера, а таковыми являются славяне, в особенности русские.

При этом В. Шубарт, как, впрочем, и Ф. Достоевский, и В. Соловьев, не противопоставлял Россию и Европу.

«Россия — не сегодняшняя, а грядущая, — подчеркивал он, — есть то бодрящее вино, которое способно оживить обессилевшую жизнь современного человечества. А Европа — крепкий сосуд, в котором мы можем сохранить это вино. Без прочной, сдерживающей формы вино растечется по земле, а без вина драгоценный кубок становится пустой, холодной, лишенной своего предназначения безделушкой. Человечество сможет утолить свою жажду, только если найдут друг друга вино и кубок.

Современная Европа — это форма без жизни. А Россия — жизнь без формы. В первом случае душа покинула форму, оставив лишь пустую оболочку. Во втором — жизнь взорвала прежние стеснительные формы, но новой формы не обрела. Тем самым мы хотим сказать, что в обновлении человечества, связанном, точнее, совпадающем с задачей западно-восточного примирения, акцент должен быть поставлен на русскую сторону — сторону жизни, а не на сторону формы. Не европеец, а русский имеет ту душевную установку, с которой человек может оправдать свое извечное предназначение. Он руководствуется абсолютом, вселенским чувством, мессианской душой. Вот почему мы заявляем со всей решительностью: в главных вопросах бытия европеец должен брать за образец русского, а не наоборот. Если он хочет вернуться к вечным целям человечества, ему следует признать русско-восточную оценку мира. В этом смысле Достоевский требовал, чтобы каждый житель Земли прежде всего стал русским»⁶⁶.

В философии В. Шубарта немало верных интуитивных прозрений о грядущей исторической эпохе. Вместе с тем он конечно же наделяет русский народ несвойственной ему миссией. Он, например, полагает, что русская национальная идея — это «спасение человечества русскими»⁶⁷. Перед нами образец мессианской идеологии, чуждой подлинному православию и христианству в целом. Русские православные писатели и философы, даже ранние славянофилы, никогда так вопрос не ставили. Ибо в христианском мире не может быть мессианских и немессианских народов, не может быть народов-мессий, спасающих все человечество. Каждый народ, спасая себя, участвует в общем спасении — имеет свое, хотя и неравное по дарам и значению в земной жизни призвание — миссию. Для Бога же каждая миссия одинаково значительна. Правильно понятое православное христианство не назначает никакого привилегированного или особого места России в семье народов.

Высшее духовное призвание России — благая весть, которую она несет миру. На этом пути возникает мессианский соблазн — в гордости

этим призванием. Ведь такое призвание — не хорошо сшитое платье, которое легко и удобно носить.

«Такое призвание, если только помнить о нем, — писал Г. Федотов, — жерновом ляжет на плечи, бросит крестом на землю, пронзит сердце кровотокащей раной. Ведь дело идет не о чем ином, как о спасении мира. Для христианского сознания только жертва имеет спасительное значение. И так как эта жертва принесена раз навсегда за весь мир, то спасение теперь может означать лишь принятие этой голгофской жертвы, лишь соучастие в ней»⁶⁸.

Интересно, что именно русские православные философы выступили с жесткой критикой концепта русского мессианства, изложенного В. Шубартом. Среди них особо выделяется И. Ильин. Он считал пропаганду этой идеи «неверной и нежелательной», отражающей «настроения национальной гордыни, *духовного* империализма и религиозного шовинизма». «Кто мы, — вопрошал И. Ильин, — чтобы спасти другие народы? Что мы — настолько уже совершенны или сильны, чтобы хватило и на себя, и на других? Подняли ли мы свое-то бремя? Справились ли с ним? Стоим ли сами на ногах? Не лежим ли мы, как сказочный герой, разрубленный на куски, и еще не прибежал наш серый волк, чтобы оживить нас мертвой и живой водой?»

И если мы не готовы, и если мы только что пережили величайшее в истории национальное крушение, то что же мы за спасители? Или, не приложив ума к своей беде, будем по пословице — разводиться руками чужую беду? И что за забота о других — откуда это сомнительное посягание и горделивое учительство?»

И. Ильин полагал, что «народ выдумывает свои мессианские сны именно в период унижения. Но именно поэтому мы, русские, призваны сейчас к *смирению и трезвению*; к *покаянному самоочищению* — и опьяняющее вино шубартовских грез не должно бросаться нам в голову... Мы призваны *быть*, а не *слыть*; *быть*, а не учительствовать. Нам надо идти вглубь, в себя и вверх, к Богу, — а не во все стороны, к другим народам, чтобы спасти их»⁶⁹.

Однако сегодняшнее русское православие продолжает жить в «мире ниспровергнутых убеждений», который рухнул под ударами истории XX в. Задача очищения, т.е. критического анализа традиции, им не поставлена вообще. Напротив, усилия направлены как раз на сохранение целостности православной традиции, в которой все его элементы признаются одинаково ценными и важными. Поэтому сегодня в России возрождается то самое православие, которое не выдержало испытания и во многих отношениях уже проявило свою несостоятельность. Наше православное христианство по существу утратило характер Евангелия, т.е. радостной вести, «хорошей новости». Взамен оно стало «стержнем

русской культуры». «Религиозное» и «национальное» внутри нашего православия слились до такой степени, что выделить христианскую основу в чистом виде невозможно, да никто к этому и не стремится.

Требование некоторых иерархов служить России, пожертвовать собой ради России не имеет ничего общего с христианством, так как пожертвовать собой можно только абсолютному. Русь же не абсолют. Ибо «истинно только служение». *Служение не будет грехом только тогда, когда сама Россия будет служить Богу.* Христианская любовь к родине не может ставить высшей целью служение ее интересам и ее могуществу — но ее духовный рост, творчество, просветление, святость. Когда-то, во времена Тиберия, от оболыщения родиной, государством погиб целый народ. И православным России предстоит сделать такой же страшный выбор между родиной (в государственном ее значении) и Богом.

Душа выше и дороже всего: ее спасение, полнота, цельность и глубина ее внутреннего мира — прежде всего, а все прочее само приложится, несущественно — таков девиз Святой Руси. Это отличительно-русский, по словам В. Соловьева, идеал святости. То, что названо «русской идеей», было определено И. Кириевским, А. Хомяковым, К. Аксаковым, В. Ивановым и другими русскими писателями и философами не как идея национальная, а как идея вселенская. «Не в государственности, — отмечает В. Иванов, — мы сознаем значение наше... А потому — не у народа следует нам искать Бога... а Бога должно нам искать в наших сердцах»⁷⁰. Иными словами, не народ определяет истину, а сердце каждого; истина есть индивидуальное дело и невозможна вне развития индивида. Следовательно, важна степень постижения истины индивидом, а национальную историю следует оценивать по тому, насколько она содействует или мешает реализации им своего назначения.

Поэтому национальное отношение к бытию, из которого вытекает вольно или невольно признание национальной исключительности, ложно. Именно этот ветхозаветно-архаический, племенной взгляд был преодолен новозаветной традицией, признавшей истину не за народом, а за христианством: «нет ни эллина, ни иудея». После этого всякая национальная идея, независимо от намерений ее носителей, становилась реакционной, влекущей людей назад, в мир общинно-племенных страстей, интересов, среди которых гибнут индивидуальные помыслы. Таково понимание благой вести: в Иисусе Бог уже сделал все, что зависело от Него. А теперь смысл жизни и смерти Иисуса зависит от меня. Если я не беру на себя то бремя следования за Иисусом, о котором говорит Новый Завет, то Он «напрасно умер». Таков смысловой центр восприятия благой вести. Германский католический философ Р. Гвардини писал:

«Нет ничего ошибочнее того упрека христианству, что оно хочет удержать человека в бездеятельной покорности. Все как раз наоборот: грандиозные

свершения современной науки и техники стали возможны лишь на почве той личной независимости, что даровал человеку Христос»⁷¹.

Почти за сто лет до него В. Соловьев дал близкую оценку:

«Как нанесшее окончательный удар по внешнему невольному единству христианство является началом настоящей свободы»⁷².

Е. Трубецкой писал в конце XIX в.:

«Бытовой корень нашего национального мессианизма скрывается в отдаленном прошлом русской жизни, в таких настроениях и чувствах, которые давно и безвозвратно канули в вечность»⁷³.

В 1943 г. Г. Федотов подтвердил эту мысль:

«Проблема, поставленная сейчас жизнью, есть обуздание национального государства»⁷⁴.

Это замечание можно считать первым новым компонентом русской идеи XXI столетия. Вторым ее новым компонентом является перемена взглядов в отношениях с Западом. В 1888 г. В. Соловьев писал:

«Россия обладает, быть может, великими и самобытными духовными силами, но для проявления их ей, во всяком случае, нужно принять и деятельно усвоить те общечеловеческие формы жизни и знания, которые выработаны Западной Европой. Наша внеевропейская или противоевропейская преднамеренная и искусственная самобытность всегда была и есть лишь пустая претензия; отречься от этой претензии есть для нас первое и необходимое условие всякого успеха»⁷⁵.

В сознании же православных фундаменталистов русская идея — это по существу идея контрреформы. За ней — желание вернуться в прошлое. Это почвенническая утопия. И как всякая утопия, она, при попытке своей практической реализации, способна превращаться в антиутопию — нечто реальное, но не имеющее ничего общего со своим названием. В представлениях фундаменталистов в русской идее намертво срослись идеи империи и миссии, т.е. власти не только внешней, но и внутренней — культурной, духовной. В этой трактовке русская идея становится агрессивной, воинствующей, она способна сливаться с идеями державности и государственности именно в агрессивном их обличье. А российская держава как конечная и единственная цель — это старая российская ересь, которая уже принесла нам много бед. У В. Соловьева, Н. Бердяева, Е. Трубецкого, В. Иванова русская идея — это идея христианская, а у современных фундаменталистов — антихристианская, поскольку она отстаивает национальную исключительность и национальное превосходство. И призывает она не к прощению и смирению, а к отмщению и национальному самоутверждению. Е. Трубецкой называл это «переряженным языческим национализмом»:

Глава 2. Православный крест и державный орел

«Опасность велика: национализм этот уже не раз кружил русские головы обманчивой личиной правды; и дело всегда кончалось бесовским танцем»⁷⁶.

В Евангелии нет речи о создании народного, национального или даже общечеловеческого христианства. Христос приходит не к массам, а к личности, к душе человека. Там Он непостижимым образом создает Свое Царство. Национальная идея по Соловьеву — это осознание народом своей идентичности, общего пути, общих задач, общей ответственности и обязанности строить лучшее, свободное, гуманное и справедливое общество. Без национальной идеи в этом смысле страна не сможет выкарабкаться из кризиса. Задача демократической интеллигенции — всячески ее возвращать.

Идею нации и государства В. Соловьев подчиняет элементарной человеческой морали, не знающей наций и политических интересов. По той причине, что национальное сознание он понимает прежде всего как сознание нравственное, как совесть и стыд, не терпящие никакого национального самодовольства. По той причине, что как христианин Соловьев разумел абсолютную ценность человека в его божественном первородстве, а не в национальной принадлежности и не в государственной функции. Как христианин же он видел в национальном самодовольстве грех идолопоклонства. Наконец, как христианин он смотрел на Россию умным и совестливым вселенским взором. Соловьев говорил, что лжепатриоты держатся за церковь «как за атрибут и санкцию исключительного национализма. Но не желающие пожертвовать своим национальным эгоизмом вселенской истине не могут и не должны называться христианами». «Нравственный долг требует от народа прежде всего, чтоб он отрекся от своего национального эгоизма, преодолел свою природную ограниченность, вышел из своего обособления. Народ должен себя признать тем, чем он есть по истине, т.е. лишь частью вселенского целого; он должен признать свою солидарность со всеми другими живыми частями этого целого, солидарность в высших всечеловеческих интересах, и служить не себе, а этим интересам, в меру своих национальных сил и сообразно своим национальным качествам»⁷⁷. Ему вторил Н. Бердяев:

«Тот, кто не видит брата своего в человеке другой национальности, тот не только не христианин, но и теряет свою собственную человечность и глубину»⁷⁸.

То, что происходит в России сейчас, — это ее великое искупление.

В глазах многих стран и народов именно она — «империя зла», поскольку считается, что якобы именно она толкнула их на безбожный путь. Поэтому они хотят сейчас отмежеваться от нее. Но Россия обязательно возродится, в том числе и через веру. Возрождение этой веры уверенно предрекал П. Флоренский: «Это будет уже не старая и без-

жизненная религия, а вопль изголодавшихся духом»⁷⁹. И пророчество это сбывается на наших глазах. Смертный приговор истории ортодоксальному, тоталитарному коммунизму был вынесен именно в России, которая испила его чашу до дна. Поэтому и подлинный «посткоммунизм», или то, что в раннем марксизме характеризовалось как «положительный гуманизм» (об этом см. далее), возможен именно в России. Как отмечал В. Муравьев, «покаяние русского народа совершится возвращением его через русское будущее к русскому прошлому или воскресением его через прошлое к будущему, что одно и то же»⁸⁰.

Г. Федотов утверждал, что, «коммунизм стинет вместе со своими идеологическими катехизисами. Но Московия останется»⁸¹. Новая Россия будет отстаивать свою идентичность, свое право двигаться своим путем к своим целям — между Сциллой ультралиберализма и Харибдой неофашизма (два смертельно опасных чудовища XXI в.). Новая российская государственность предложит миру свою модель развития, альтернативную западной, и при этом останется открытой миру. Такая модель не будет содержать экспансионистского начала, претендовать на гегемонию и подчинение себе других миров, но будет моделью неоспоримого самостояния. В XXI в. она будет через национальное, не покидая его, укрепляясь в нем через выявление всей мощи духовной традиции, заложенной в национальной культуре, двигаться в мир миров как в мир национальной полифонии планетарного масштаба, в котором должна воплотиться в жизнь знаменитая аристотелевская формула прекрасного: единство в многообразии. Или «цветущая сложность» — по К. Леонтьеву, который об этом в свое время прекрасно сказал:

«Мы не осуществили еще в истории назначения нашего; мы можем думать и мечтать об этом назначении весьма различно. Но несомненно и то, что мировое назначение у нас есть; ясно и то, что оно еще не исполнено. Мировое не значит — сразу и просто космополитическое... Истинно мировое есть прежде всего свое собственное, для себя созданное, для себя утвержденное, для себя ревниво хранимое и развиваемое, а когда чаша народного творчества или хранения переполнится тем именно особым напитком, которого нет у других народов и которого они ищут и жаждут, тогда кто удержит этот драгоценный напиток в краях национального сосуда? Он польется сам через эти края национализма, и все чужие люди будут утолять им жажду свою»⁸².

В этом широком контексте можно, вероятно, сказать, что Россия, собственно, еще и не была Россией. Она лишь собирается ею стать. А русская культура явилась своего рода зарей Нового Дня; и она дает представление о том, каким мог бы стать этот День. При этом, как пророчески писал Г. Федотов, «новое крещение России (а вместе с ней и всего мира. — С. К.) может совершиться только силами ее православного остатка. Он

существует. Мы не только верим в него, но и знаем о нем. Он носит в себе образ и форму будущей России — если ей суждено возродиться»⁸³.

Новое христианство

1 января 2001 г. человечество вступило в XXI в. и одновременно в третье тысячелетие. Несколько лет назад до этого в мире было прямо-таки мистическое ожидание кардинальных перемен в связи с этим психологическим и календарным рубежом. Оправдались ли эти ожидания? Был ли рубеж между двумя тысячелетиями подлинным водоразделом в истории человечества? Заставил ли он народы и государства переосмыслить свою тысячелетнюю историю? Изменились ли человек и общество с момента возникновения христианства? Воплощены ли в жизнь на рубеже тысячелетий идеалы Господа нашего Иисуса Христа? Приблизилось ли человечество к завещанному им соборному единству? Стал ли мир по крайней мере более справедливым и менее жестоким? Наконец, продвинулся ли современный человек в понимании смысла своего существования, а также стратегической перспективы своего развития в XXI в. и в третьем тысячелетии?

Честный ответ на все эти вопросы будет отрицательным.

Следует констатировать, что человек XXI в. в сущности ничем не отличается от человека начала первого тысячелетия. Его тварная сущность не только не преодолена, но и составляет важнейшую часть его повседневного бытия. Выдающиеся научные открытия и технические достижения, обеспечившие людям власть над природой и облегчившие их труд и быт, не решили, конечно, проблемы Человека, не приблизили его к совершенству. Создавая удивительные машины, человек XX в. не смог ни на йоту улучшить самого себя. Его внутренняя жизнь осталась адом, где поступки не согласуются с желаниями, а стремления к счастью, истине, справедливости в корне извращены. Современный человек по-прежнему имеет биосоциальную природу. Это значит, что на первом плане у него стоит желудок, и убийственная характеристика К. Маркса в «Немецкой идеологии» о том, что человеку прежде всего надо «есть, пить и делать еще кое-что», сохраняет свое значение.

С другой стороны, современного человека, человека уже XXI в., по-прежнему не устраивает в полной мере материальный, земной мир. И можно сказать, что он, его сознание по-прежнему шире рамок этого мира (как у Ф. Достоевского: «Широк человек! Я бы сузил...»). Его сокровенные надежды и чаяния выходят за пределы этого мира. Возможно, это один из главных итогов развития человечества в последние два тысячелетия.

В полной мере надо осознать и то обстоятельство, что все болезни и беды человечества, которые были ему присущи два тысячелетия назад,

остались при нем и в начале третьего тысячелетия. И четыре всадника Апокалипсиса по-прежнему триумфально шествуют по нашей планете. В третье тысячелетие мы вступили с войной, голодом, нищетой, неравенством, религиозной нетерпимостью, болезнями и всеми присущими человеку пороками. Сегодня жить человеку не проще, чем в годы, когда жил Христос. Человечество, как и две тысячи лет тому назад, находится на той же исторической развилке. В начале XXI в., зная механизм деструктивного поведения человека, зная, как возникают терроризм и духовная деградация, мы снова возвращаемся к ним. Не лишился человек и прежних страхов и комплексов, на которые наложились новые, включая осознание его бессилия перед силами природы. В первую очередь все это означает, что христианские ценности, такие как свобода, равенство, справедливость, пока не стали универсальными и определяющими для человеческого развития.

В XX в. сокрушительное поражение потерпели все богоборческие и антропоцентрические доктрины и концепции. Они были посрамлены идеологически, что выразилось в крушении коммунистического, фашистского и отчасти либерального проектов всемирной истории. Они были посрамлены и технологически, что проявилось в крушении всей прометеевой цивилизации, а в более широком смысле слова — крушении идеи прогресса. Более того, на рубеже тысячелетий выявилось драматическое рассогласование научно-технического, социального и морального прогресса.

Столь же очевидно, что и христианство, да и религиозные ценности в целом не выдержали испытаний жестокого XX в. Они оказались сами в состоянии жесточайшего системного кризиса. Причем христианство в XX в. активно сотрудничало с основными богоборческими — как коммунистическими, так и фашистскими — режимами. Оно до сих пор не дало должного отпора своему конкуренту — глобальному либерализму, претендующему, как и христианство, на универсализм и устремленному к «концу истории». Оно оказалось неспособным на подлинный межконфессиональный диалог. Православие и католичество до сих пор находятся в острой идейной конфронтации. Нет должного взаимопонимания и межрелигиозного согласия между христианством и исламом. Иудаизм по-прежнему противопоставляет себя своим духовным детям и внукам.

Таким образом, на рубеже тысячелетий человечество столкнулось с огромной проблемой кризиса основополагающих ценностей. С одной стороны, все без исключения теории рационализма, позитивизма, атеистического гуманизма, автономной морали и нравственности оказались ненадежным фундаментом развития. Так или иначе, это признали почти все материалисты XX в. Например, И. Павлов, всю жизнь отстаивающий теорию Ч. Дарвина, завещал отпеть себя по-христиански в Зна-

менской церкви Санкт-Петербурга. С другой стороны, религиозные ценности, наработанные человечеством более чем за 2000 лет, также не выдержали испытаний всемирной истории. На рубеже тысячелетий мы столкнулись с кризисом как антропософской парадигмы развития, так и богочентричной, или теософской, парадигмы. А самое главное состоит в том, что два параллельных мира — атеистический и религиозный — продолжают свое раздельное существование.

Разумеется, кризис — это также форма развития, и за ним может следовать обновление, модернизация. Это означает возможность обновления старых ценностей, что позволит найти баланс между антропоцентризмом и теоцентризмом, т.е. выработать синтетическую философию, объединяющую наш драматически расколотый мир. В конечном счете именно они определяют и характер развития, и взаимоотношения различных народов и государств на нашей планете в XXI в., а возможно, и в третьем тысячелетии в целом.

Отсутствие такой философии предопределяет драматизм другой проблемы, которая является более видимой: жестокого конфликта между глобализацией и национальной идентичностью. Когда Христос сказал, что «нет ни эллина, ни иудея», он провозгласил тем самым, что в духовном смысле человечество является единым соборным организмом. И разделение его на различные этносы, нации и государства, явившееся следствием первородного человеческого греха, — явление временное. Человечество — едино. В этом состоял революционный манифест Христа. Через две тысячи лет после того, как были сказаны эти слова, мы должны признать, что до реализации этого идеала еще очень далеко.

Третье тысячелетие — это не только временной, но и психологический рубеж. И сегодня нам предстоит ответить на фундаментальный вопрос: что мы хотели бы оставить во втором тысячелетии, а что взять в тысячелетие третье? Здесь предстоит большая работа и для политиков, и для философов, и для деятелей культуры и искусства. Конечно, каждая страна будет по-своему отвечать на этот вопрос. Но есть и некий общий знаменатель, который состоит в том, что все страны мира разделяют определенные базовые ценности. Эти ценности составляют сердцевину христианства. Это те ценности, непревзойденные по своей нравственной и моральной высоте, которые прошли через фильтр европейской и русской культуры и трансформировались в такие общеизвестные понятия, как «свобода», «справедливость», «права человека», «гуманизм».

Сегодня, таким образом, вопрос стоит куда более широко, чем возрождение православия и православной церкви в России. В начале третьего тысячелетия возникает творческая задача обновления основ христианской идентичности. Прежние ее догматы — это следует признать

прямо — после революции 1917 г., большевизма, фашизма, двух мировых войн, холокоста, Освенцима и ГУЛАГа, после формирования реальной угрозы ядерного Апокалипсиса оказались исчерпанными. Речь идет не только о возвращении к истокам Евангелия, благой вести, которую даровал нашим предкам Христос, но и о Новом Благовестии. Но, как говорил о. С. Булгаков, «Христос не придет в мир, доколе не будет призван воплем всего мира: “Ей, гряди, Господи Иисусе!”»⁸⁴

Ранее считалось, что христианство составляет ценностный стержень национальной культуры, а национальная культура обладает ценностью в той мере, в какой она — христианская культура. После Освенцима в западной христианской мысли этот постулат был поставлен под вопрос. Христианские теологи усомнились в самой возможности совмещения «христианского» и «национального». В русской религиозной литературе этот вопрос был решен еще в конце XIX в., однако, несмотря на историческую катастрофу, пережитую нашим народом, религиозная философия В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Франка, Н. Лосского, Г. Федотова и других ее блистательных представителей так и не была востребована Русской православной церковью и не превратилась в религиозное движение.

Новое христианство должно основываться на выстраданной западной и русской философией идее свободы.

«Есть один элемент христианской культуры, нам всем дорогой, любовно выращенный в петербургский период нашей истории и теперь выкорчеванный без остатка, — отмечал В. Соловьев. — Это свобода, которая с таким трудом пробивалась в крепостнически-самодержавном царстве, но, наконец, сделалась неотъемлемой частью русской жизни»⁸⁵.

Если бы не было свободы, человек не искал бы Истину, Добро и Красоту. Они не были бы его творческими достижениями, так как выступали бы как некая данность, как Сущее, а не как Должное. Н. Бердяев в этой связи подчеркивал, что Бог предпочитает человека, способного избирать также и зло, «добродетельному автомату»⁸⁶. Н. Лосский считал, что Бог добровольно ограничил свое всемогущество, чтобы дать место человеческой свободе⁸⁷.

Новое христианство было бы мировоззрением, выработавшим свою собственную политическую культуру, не зависящую от политических режимов; христианством, отказавшимся от опоры на национализм; наконец, христианством, релятивировавшим свое собственное притязание на причастность к абсолютной истине и изменившим вытекающие из этого притязания миссионерские установки. Кроме того, Новое христианство должно выйти за пределы потребительской морали, стать «постэкономическим».

«В нынешнем безбожном и бесчеловечном строе нашей жизни, — отмечал В. Соловьев, — цель экономической деятельности есть только корысть: пред-

Глава 2. Православный крест и державный орел

меты материальной природы, хотя бы и живые, являются только орудием для удовлетворения слепых своекорыстных желаний. В теократии же цель экономической деятельности есть очеловечивание материальной жизни и природы, устройство ее человеческим разумом, одушевление ее человеческим чувством»⁸⁸.

Новое христианство означало бы, что нужно с предельной серьезностью относиться к своей истине и с такой же серьезностью принимать существование «чужих» истин. Плюрализм в нем должен стать большим, чем мирное сосуществование в мировоззренчески расколотом мире. Плюрализм должен стать положительной ценностью в самом христианстве, т.е. христианской ценностью. Такая теология и христология не станут выдвигать абсолютистское притязание на обладание всей полнотой Истины. Я воспринял эту веру в церкви, но не могу притязать на то, что и другие «поверят» в нее. Я даже не испытываю потребности «передать», т.е. как-то навязать ее. Мое безусловное и «последнее» не обязывает других. И здесь открывается пространство для христианского плюрализма.

А это значит, что в христианском мире должна расцвести «цветущая сложность». Применительно к России это означает и расцвет национальных культур. Потому и не стоит слишком драматизировать распад ни Российской империи, ни СССР. Ведь империи распадаются не только из-за внутреннего перерождения метрополий, но также и потому, что колонии, сателлиты, зависимые республики набираются ума-разума у метрополии, перенимают ее культурные ценности и чувствуют необходимость отделения, государственной независимости, чтобы выявить все потенции национальной самобытной культуры. Только в Империи и благодаря Империи, благодаря народу, ее создавшему, они поднялись на такой уровень цивилизации, когда могут уже обходиться без донора. Все, что можно было взять у Империи, они взяли, все, что можно было отдать, они отдали, иногда, впрочем, и не добровольно.

«Задача христианства, — писал В. Соловьев, — не в уничтожении земной жизни, а в ее подъеме навстречу нисходящему Богу. И как в физическом мире для подъема большой тяжести бывает нужен рычаг, т.е. действующая сила должна находиться на известном расстоянии от сопротивления, так и в нравственном мире идеальная сила должна быть в известном отдалении от непосредственной жизни, чтобы тем могущественнее на нее действовать, чтобы тем скорее ее повернуть и поднять. Только тот, кто свободен от мира, может действовать в пользу мира. Пленный дух не имеет возможности перестроить свою темницу в светлый храм: он должен прежде всего из него высвободиться. Цель христианского аскетизма — не ослабление плоти, а усиление духа для преображения плоти. Соответственно этому и христианский универсализм имеет целью не уничтожение природных особенностей

каждой нации, а напротив, усиление национального духа через очищение его от всякой эгоистической закваски»⁸⁹.

Распад Империи — не свидетельство краха истории, а та временная суверенизация, которая есть условие добровольного и равноправного объединения различных народов и культур. Так, Империя Карла Великого разделилась на самостоятельные европейские государства — Францию, Германию, Италию, воевавшие друг с другом вплоть до середины XX в., а теперь формирующие Европейский союз. Такая же судьба, вероятно, ждет и народы Евразии. А следующий этап интеграции будет осуществляться, возможно, уже на глобальном уровне.

В творческом обновлении христианства слово России не может и не должно быть последним словом. И в этом смысле ей не стоит поспешно вытраивать из себя все, что вложила в нее ее история. Если Россия не утратит своей идентичности, не растворится в процессах глобализации, то останется интересной всему миру, умножит его живое многообразие и — как знать, — быть может, приблизит идеал Богочеловечества.

Не об этом ли мечтали русские религиозные мыслители конца XIX — начала XX в.? И не в этом ли состоит гениальное прозрение Ф. Достоевского об исторической миссии православной России?

Примечания

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 41.

² Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 4. 1883–1887, СПб. С. 128.

³ См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Безопасность Евразии. 2000. № 2. С. 250.

⁴ Флоровский Г. В. Евразийский соблазн. Современные записки. 1924. Кн. 24. С. 335.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 154.

⁶ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. С. 239.

⁷ Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1999. С. 11.

⁸ Карташев А. В. Судьбы «Святой Руси» // Православная мысль. Труды Православного Богословского института в Париже. Париж, 1928. Вып. 1. С. 135.

⁹ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983. С. 23.

¹⁰ Федотов Г. Святые Древней Руси. С. 250–251.

¹¹ Установленные Собором правила для евреев внутри христианского общества оказались сравнимыми с нацистским расовым законодательством: Собор постановил, что евреи должны носить отличительные знаки на одежде, как прокаженные или проститутки, что предвосхитило предписание Третьего Рейха от 1 сентября 1941 г., согласно которому евреи должны были нашить на одежду желтые шестиконечные звезды.

¹² Федотов Г. Указ. соч. С. 251–252.

¹³ Карташев А. В. Судьбы «Святой Руси» // Православная мысль. Труды Православного Богословского института в Париже. Париж, 1928. Вып. 1. С. 156.

¹⁴ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 78.

¹⁵ Тихомиров Л. Духовенство и общество в современном религиозном движении. М., 1993. С. 18.

¹⁶ Под знаком вечности (лат.).

- ¹⁷ Цит. по: Открытая политика. № 3. 1997. С. 48.
- ¹⁸ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 48–49.
- ¹⁹ Флоровский Г. Евразийский соблазн. С. 330.
- ²⁰ Розанов В. Уединенное. М., 1989. С. 678.
- ²¹ Юбилейный сборник в честь 50-летия кончины Прав. Иоанна Кронштадского. Нью-Йорк, 1958. С. 158, 164.
- ²² Цит. по: Открытая политика. 1997. № 3. С. 48.
- ²³ *Архиепископ Николай*. О национальном самомнении и пустосвятстве. СПб., 1914. С. 209.
- ²⁴ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1989. С. 90.
- ²⁵ Тихомиров Л. Что значит жить и думать по-русски // Московские ведомости. 1911. № 179.
- ²⁶ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 46.
- ²⁷ Там же. С. 67.
- ²⁸ Тихомиров Л. Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира // Христианин. 1907. С. 38.
- ²⁹ Газета «Слово». Киев. 1918. № 18.
- ³⁰ Подробнее об этом см.: Игнатов А. Богословские аргументы в политической борьбе // Вопросы философии. 1997. № 10.
- ³¹ Там же. С. 16.
- ³² Основы социальной концепции... С. 242.
- ³³ *Архиепископ Серафим (Соболев)*. Русская идеология. СПб., 1992. С. 71–72.
- ³⁴ Там же. С. 77.
- ³⁵ Соловьев В. С. Соч. Т. 6. С. 98.
- ³⁶ На Западе в течение долгого времени ситуация была похожая: вспомним об англиканской церкви или о политике французских королей, которые контролировали католическую церковь и преследовали гугенотов. Вместе с тем наличие мирового центра католицизма ослабляло там сферу королевской власти. Да и политика толерантности мирской власти в вопросах веры началась довольно рано — с Нантского эдикта, подписанного Генрихом IV в 1598 г.
- ³⁷ *Архиепископ Серафим*. Русская идеология. С. 70.
- ³⁸ Игнатов А. Богословские аргументы в политической борьбе // Вопросы философии. № 10. 1998. С. 20–22.
- ³⁹ Василий разбил 100 000 болгар на тысячи, выколол оба глаза 999 из каждой тысячи, а одному из этой тысячи выколол один глаз. Затем отпустил всех на родину.
- ⁴⁰ Игнатов А. Указ. соч. С. 25.
- ⁴¹ Цит. по: Открытая политика. № 3. 1997. С. 90.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 86.
- ⁴⁵ Митрополит Иоанн. Русский узел // Советская Россия. 1993. 4 июля.
- ⁴⁶ Соловьев В. С. Соч. Т. 2. С. 161.
- ⁴⁷ Основы социальной концепции... С. 241, 245.
- ⁴⁸ Там же. С. 252.
- ⁴⁹ Основы социальной концепции... С. 286.
- ⁵⁰ Там же. С. 245.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 262.
- ⁵³ Новые мученики российские: Собр. материалов. Джорджанвилль, 1957. Т. 2. С. 6.
- ⁵⁴ Соловьев В. С. Соч. Т. 4. С. 155.
- ⁵⁵ Независимая газета. 1997. 10 декабря.
- ⁵⁶ Соловьев В. С. Соч. Т. 4. С. 158.
- ⁵⁷ Епископы-исповедники. Сан-Франциско, 1971. С. 84, 92.
- ⁵⁸ Основы социальной концепции... С. 245.

- ⁵⁹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 67.
- ⁶⁰ Отсюда начинается новая жизнь (лат.).
- ⁶¹ Там же. С. 47–48.
- ⁶² Там же. С. 48.
- ⁶³ Соловьев В. С. Соч. Т. 4. С. 130.
- ⁶⁴ Цит. по: Тихомиров Л. Духовенство и общество в современном религиозном движении. М., 1893. С. 18.
- ⁶⁵ Соловьев В. С. Еврейство и христианский вопрос // Русская идея и евреи. М., 1994. С. 36.
- ⁶⁶ Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. М., 1997. С. 307–308.
- ⁶⁷ Там же. С. 194.
- ⁶⁸ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 45.
- ⁶⁹ Ильин И. О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта) // В. Шубарт. Европа и душа Востока. С. 403–405.
- ⁷⁰ Иванов В. Соч. Т. 3. С. 34.
- ⁷¹ Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 132.
- ⁷² Соловьев В. Соч. Т. 4. С. 158.
- ⁷³ Русская идея. М., 1992. С. 249.
- ⁷⁴ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 44.
- ⁷⁵ Соловьев В. Соч. Т. 4. С. 159.
- ⁷⁶ Русская идея. М., 1992. С. 251.
- ⁷⁷ Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 291.
- ⁷⁸ Русская идея. М., 1992. С. 85.
- ⁷⁹ Флоренский П. Литературная учеба. 1991. № 3. С. 102.
- ⁸⁰ Вехи. Из глубины. С. 416.
- ⁸¹ Федотов Г. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 232.
- ⁸² Леонтьев К. Поздняя осень России. М., 2002. С. 80.
- ⁸³ Федотов Г. О национальном покаянии // Судьба и грехи России. Т. 2. С. 43.
- ⁸⁴ Протоиерей Сергей Булгаков. Христианство и еврейский вопрос. Париж, 1991. С. 150.
- ⁸⁵ Соловьев В. Соч. Т. 4. С. 159.
- ⁸⁶ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 103.
- ⁸⁷ Лосский Н. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 345.
- ⁸⁸ Соловьев В. С. Соч. Т. 4. С. 166.
- ⁸⁹ Соловьев В. С. Соч. Т. 4. С. 160.

Означают ли итоги XX в. полное и окончательное поражение коммунизма, или же Красное Пламя еще полыхнет в нашей стране, и Красная Атлантида вновь всплывет в океане истории? Представляет ли собой новейший российский коммунизм застывшее, не способное к какому бы то ни было развитию политическое и идейное течение или же он может быть оплодотворен современными идеями открытого общества и, решительно порвав с тяжелейшим историческим наследием, эволюционировать в нечто иное, схожее с социал-демократией западного типа?

Все эти вопросы останутся без ответов, если не осмыслить природу русского коммунизма в целом, его духовные и нравственные истоки, т.е. не сопоставить его по крайней мере с марксизмом, ленинизмом, сталинизмом и, наконец, поздним советским коммунизмом, историческим преемником которых объявляет себя КПРФ.

Новая религия

В одной из наиболее удачных своих книг «Большой провал» З. Бжезинский, размышляя над причинами крушения советского коммунизма, пишет:

«В сущности своей это была западная доктрина, разработанная в читальном зале Британского музея одним интеллектуалом, немецким евреем. Затем это чужеземное растение было пересажено в далекую евразийскую империю с традициями полувосточного деспотизма — пересажено одним автором брошюр, русским революционером, выступавшим в роли хирурга истории»¹.

При всем остроумии этой формулировки она вряд ли может стать основой для объективного научного анализа данного сложнейшего исторического феномена.

Коммунизм в России был и в самом деле одновременно национальным и мировым явлением. В национальном плане это, как справедливо отмечал Н. Бердяев, была «деформация русской идеи, русского мессианизма и универсализма, русского искания царства правды, русской идеи, при-

нявшей в атмосфере войны и разложения уродливые формы»². В международном же смысле в XX в. Россия стала полигоном и одновременно основным творцом экстраординарного социального эксперимента, проведенного всем человечеством. Это была попытка создать новую религию, новую веру и нового человека, когда после «смерти» старого ветхозаветного Бога в Европе «умер» и старый человек. Вновь соединить атомизированные к концу Нового Времени человеческие существа в братском единстве, создать новый коллективизм (но уже без Бога) — вот в чем состоял великий замысел и Большой Проект коммунизма³.

Таким образом, коммунизм стал высшим проявлением богоборческой философии западного человека Нового Времени, высшим воплощением западного рационалистического сознания, которое в конце XIX в. стало претендовать на человекобожие, на то, что человек якобы может сам проектировать не только машины и техническое развитие, но и развитие социальное вместе со всей совокупностью сложнейших общественных и человеческих отношений, и даже самого человека. Западный разум выступил с дерзкой и нелепой претензией, что он может не только объяснить, но и изменить мир, т.е. оседлать саму Историю. Вспомним, что именно так и сказано в «Коммунистическом Манифесте» К. Маркса.

То, что коммунизм изначально выступал именно как новая религия (на фоне глубочайшего кризиса старой), впоследствии до неузнаваемости искаженная большевистской теорией, а тем паче — практикой, видно по «Экономико-философским рукописям 1844 г.» и другим произведениям раннего марксизма. Описанный в них коммунизм, вероятно, можно назвать персоналистическим, поскольку он утверждал ценность человека, его достоинство. Постулируя, что действительности присущи динамика и прогресс, ранний марксизм возвращал человеку веру в самого себя, убеждал его в том, что жизнь имеет смысл и достойна того, чтобы прожить ее. Из идеи прогресса, в том числе и исторического, выводилась возможность построения, хотя бы и в далекой перспективе, идеального общества, где будет достигнута самореализация человека в качестве цели. Эта идея в марксистской системе носила квазирелигиозный характер и по существу противопоставлялась идее Бога.

В марксистском мире именно человек освобождает человека, является для него мессией, его спасителем. В этом состоит великий смысл этического благородства в марксистской системе — до тех пор, пока хоть один человек поработен, человек несвободен. В этом же существе марксистской солидарности, возможно, не менее убедительной, чем христианская идея братской любви. Как справедливо отмечал Э. Соловьев,

«религии распятого Бога Маркс противопоставил доктрину распятого богоподобного человека. Богоподобный человек, возведенный капитализмом

на Голгофу крайней бедности, унижения и презрения, — это пролетариат. Именно в него — в наиболее обездоленный и отверженный класс гражданского общества — необходимо уверовать, как в Спасителя»⁴.

Ту же мысль находим у С. Булгакова:

«В основе социализма как мировоззрения лежит старая хилиастическая вера в наступление земного рая... Избранный народ, носитель мессианской идеи заменился пролетариатом»⁵.

Или у Н. Лосского:

«У русских революционеров, ставших атеистами, вместо христианской религиозности явилось настроение, которое можно назвать формальной религиозностью, именно страстное, фанатическое стремление осуществить своего рода Царство Божие на земле, без Бога, на основе научного знания... Невольно вспоминаются анабаптисты и многие другие коммунистические сектанты средневековья, апокалиптики и хилиасты, ждавшие скорого наступления тысячелетнего Царства Христова и расчищавшие для него дорогу мечом, народным восстанием, коммунистическими экспериментами и крестьянскими войнами»⁶.

Христианской любви марксизм пытался противопоставить любовь, которая в мирской сфере, и прежде всего в сфере экономической, побуждает решительно взять на себя обязательство по защите прав человека, чтобы осуществить земную справедливость, создать новое общество посредством совместного активного революционного действия. Действенность марксистской любви проявлялась, таким образом, в борьбе за человеческую свободу не на Небе, а на Земле. Небесному мессианству противопоставлялось мессианство земное; пассивному ожиданию манны небесной — деятельное участие в сооружении земного рая.

Для того чтобы спасение человечества стало возможным, необходимо, чтобы каждый коммунист считал это высшей ценностью и подчинял бы ему все свои личные интересы. В этой связи подлинный коммунист того времени не имел чисто личной жизни, он всегда действовал как общественный человек. Его первой заповедью являлась любовь к человечеству, которая толкала на принесение в жертву своей жизни во имя других целей. Такой человек был призван бороться и жертвовать собой ради идеалов, которые, безусловно, будут осуществлены, но, быть может, лишь человечеством завтрашнего дня. Он не увидит их победы, но убежденность в том, что он идет в ногу с Историей, придавала ему уверенность, что свою жизнь он прожил не напрасно. Моральные обязательства коммуниста нередко должны быть совершенно свободны от личного интереса и вдохновляться исключительно бескорыстной преданностью делу освобождения человечества.

Марксистский человек, таким образом, должен был отказаться от земных благ ради очень далеких целей, которые будут, вероятно, достигнуты человечеством только в будущем. Со смертью отдельного человека его деяния прекращаются, даже если он внес какой-то вклад в Коллективную Историю, в развитии которой он участвовал. Наивысшим выражением такого благородства было принесение в жертву самой жизни во имя интересов дела освобождения. При этом коммунизм понимался молодым Марксом не как состояние, которое должно быть достигнуто, а как бесконечное историческое движение по созиданию все более и более совершенного мира. Данное движение составляло смысл исторического прогресса и марксистского понимания вечности. Христианская метаистория становилась бесконечной человеческой историей. Коммунизм — это и есть подлинное решение загадки Истории, и он знает, что он есть это решение.

Ранний марксизм пытался дать ответ на фундаментальный философский вопрос — о жизни и смерти. Врожденная непримиримость человеческого духа не взывает ни к преодолению Конечного ради Бесконечного, ни к преодолению Времени ради Вечности; она лишь толкает к бесконечному прогрессу в рамках Конечного, к непрекращающемуся преодолению Настоящего ради Будущего. Вечность здесь была превращена в бесконечную мирскую преемственность, а бессмертие отдельного лица — в бессмертие человечества. Путь человека к воскресению — это выход в бессмертное человечество. Он жил жизнью вечной, если она была ориентирована на участие в построении подлинно человеческого общества, в котором извечные человеческие идеалы добра, справедливости и гуманизма станут, наконец, историческим фактом. Элемент воскресения содержался, таким образом, в каждом акте подлинно человеческой жизни, которая понималась как деятельность, направленная на созидание все более человеческого мира. Участвуя в бесконечном процессе этого преобразования, человек делал свою жизнь сопричастной вечности, становился ее частью, ибо сознавал себя как часть бесконечно развивающегося, устремленного в будущее процесса. Его воскресение происходило каждый день, ибо новая историческая реальность, которая должна была родиться после его смерти, неизменно содержала его в себе и продолжала его жизнь. Он верил, что будет вечно жить и воскресать в ней.

Отсюда ясно, почему идеалом раннего марксистского коммунизма являлось превращение всего человечества в человечество борцов. Только в деятельности по преобразованию мира человек мог реализовать самого себя в качестве цели, обрести подлинную свободу и подлинное счастье. Идея «прекрасного завтра» позволяла ему осуществить свои самые глубокие надежды и чаяния, самые дерзновенные устремления и придавала

его жизни самый высокий смысл. Коммунизм, таким образом, имел притягательность великих религий, каждая из которых дает всеобъемлющее объяснение смысла жизни. Именно тотальность и вместе с тем простота истолкования жизни оказались так убедительны как для изощренных интеллектуалов, так и для самых простых людей.

Идеальная сущность человека, на которую неизбежно ориентирована история, — это сообщество равных и свободных людей. Индивид фактически не может добиться самовыражения, т.е. выступить в качестве цели вне общества, в котором все его члены являлись бы целью. Это означает, что каждый в таком обществе должен преодолеть эгоизм и индивидуализм, в силу которых он стремится господствовать над другими, пытается превратить их в средства. Одним словом, свобода может быть реализована только через посредство взаимной любви и братства людей. Идеальное человеческое общество будет обществом Любви и Братства. Христианское восприятие мира как сверхъестественного единства превращается в марксистском мировоззрении в восприятие мира как естественного материального единства; в основе этого единства лежит уже не Бог, а человек, более того, обожествленный Человек. Эта концепция пыталась примирить Ренессанс и Высокое Средневековье — две силы, непримиримо боровшиеся друг с другом на Западе на протяжении нескольких веков.

Идеалом человека является не просто личная свобода, а свобода в будущем бесклассовом обществе, основанном на Братстве. Вера в человека означает веру в будущее человечества. Основой нового общества будет такой способ производства, при котором полностью уважалось бы достоинство каждого человека, при котором каждый давал бы по своим способностям, а получал бы по потребностям. В этом обществе эгоизм — продукт экономического отчуждения — окончательно исчез бы, и отношения между людьми регулировались бы и улаживались самопроизвольно, без принуждения, благодаря царящей справедливости и любви между людьми, действующими в соответствии с принципом «один за всех, и все за одного».

Человек современного общества (во всяком случае того, которое описано К. Марксом), основным видом отношений в котором являются отношения между хозяином и рабом, — еще тот же, что и у Л. Фейербаха: это существо, униженное до положения средства и в свою очередь считающее средствами других людей. Такой человек отчужден в двойном смысле: и потому, что он сам лишен свободы, отнятой другими людьми, в частности государством, и потому, что он лишен своей общественной сущности, т.е. он отчужден от отношений солидарности между людьми. Подлинная свобода и солидарность людей подменена иллюзорной, юридической, в рамках государства, подкрепляющей тем самым

реальное порабощение. Отчуждение есть социальное явление также и потому, что, ударяя по индивиду, оно бьет по всем, кто порабощен и отчужден. Ликвидация отчуждения требует поэтому преобразования человеческих отношений в направлении эмансипации всех порабощенных.

В связи с этим освободительная борьба не может довольствоваться завоеванием некоторых уступок в рамках существующей общественной структуры; фактически именно эти структуры узаконивают порабощение. Поэтому простая эволюция может быть недостаточной, и она дополняется революцией. Успех практической деятельности конкретно отождествляется с успехом революции. Марксизм — это революционный гуманизм. Его подход есть результат учета законов диалектики исторического развития и вообще диалектики природы, прогрессивное развитие которой включает качественные, диалектические скачки. Реальные противоречия все больше обостряются и в определенный момент, не получая разрешения чисто эволюционным путем, ведут к взрыву; при этом совершается скачок, резкий переход от одной исторической эпохи к другой, от одного режима к другому, происходит коренное изменение в качестве. Эти скачки не нарушают, однако, преемственности истории, так как прошлое продолжается в настоящем, в котором оно отрицается. Революции — это локомотивы истории.

Таковы основные положения коммунистической теории К. Маркса, к каннибальству большевиков не имеющие никакого отношения. И это полезно было бы уразуметь некоторым не в меру ретивым критикам коммунизма (называющим коммунистов не иначе как «красно-коричневыми»), сделавшим на этой критике себе политическую или публицистическую карьеру.

Марксовы представления об историческом прогрессе, очищенные от последующих наслоений и упрощений, способны и сегодня вполне адекватно описывать современное состояние цивилизации, показывать направления ее развития и движущие силы общественного прогресса. Предложенная им методология выделения в истории цивилизации трех главных периодов (об этом будет сказано ниже), ее диалектический, по сути эволюционный подход к оценке социальных изменений и их причин остались в основном невостребованными. В этой связи можно утверждать, что, несмотря на огромные перемены в ходе XX в., потенциал собственно марксистской теории не исчерпан.

Многие произведения К. Маркса, в частности «Экономико-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология», два последних тома «Капитала» и др., как это сейчас совершенно точно установлено, не были известны ни В. Ленину, ни, тем более, другим большевикам. Но нет сомнений, что с ними ознакомились первые русские марксисты

(включая Н. Бердяева, П. Струве, М. Плеханова, М. Туган-Барановского и др.), популяризовавшие марксизм в России. Все последующие дореволюционные поколения русских коммунистов, несомненно, воспринимали К.Маркса глазами первых его пропагандистов.

По словам православного философа Г. Федотова, появление марксизма в России в 90-х годах XIX в. «имело освежающее, озонирующее значение»⁷. Что же касается самого К.Маркса, то он, как известно, заявлял, что его теория не имеет к России никакого отношения, и даже недоумевал, почему русские аристократы и философы страстно увлеклись его работами. Русские революционеры, как известно, не прислушались к предостережению К. Маркса. Но это уже не его вина.

Вообще, К. Маркс «споткнулся» о Россию. Из-за нее он не закончил «Капитал» и готов был в конце своей жизни пересмотреть свою концепцию истории и коммунизма, осознав, что Россия — не отставшая от Запада страна, а другая цивилизация и культура. Во взаимодействии различных культур он увидел будущее человечества. Впрочем, это предмет специального исследования.

О частной собственности

Особо следует остановиться на вопросе о частной собственности, имеющем в марксистской системе центральное значение, что, кстати, во многом объясняет весьма невятные позиции по этому вопросу современных российских коммунистов.

Известен парадокс Прудона: «Собственность есть кража». Однако К. Маркс идет значительно дальше этой констатации, вскрывая глубинные пласты этого явления. «Коммунисты, — сказано в “Манифесте”, — могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»⁸. Однако, чтобы его понять, необходимо вспомнить, что частная собственность непосредственно связывается К. Марксом с экономическим отчуждением, без преодоления которого невозможна свобода в марксистском мире. Человек, свободный от экономического рабства, будет свободен во всех других отношениях.

Возможность отчуждения коренится в необходимости опредмечивания человеческой сущности в процессе труда. Вынужденный в условиях частной собственности на средства производства предлагать и продавать свою рабочую силу на рынке труда в качестве товара, человек не может видеть и опредмечивать себя самого в созданном им материальном богатстве, которое поэтому выступает как чуждая ему сила. Это первая форма отчуждения, лежащая в основе других.

Из того, что человек не может увидеть себя в продукте своего труда, следует далее, что и производительная деятельность носит для него чуж-

дый характер. Труд является для него чем-то внешним, не принадлежащим его сущности; в своем труде он не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не разворачивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух. Поэтому в условиях частной собственности на средства производства человек только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя.

Труд, собственно человеческий способ существования, становится вследствие этого для человека простым средством для поддержания существования биологического. Тем самым свободная сознательная деятельность, являющаяся характерным признаком человеческого рода, отличающим его от животных, превращается в простое средство к жизни. В этом заключается третья форма отчуждения: родовая сущность человека, его труд, превращается в средство индивидуального биологического существования. Но это в свою очередь означает, что человек как родовое существо, т.е. в качестве человека, отчужден от самого себя. Из этого следует последняя форма отчуждения — отчуждение в отношениях людей, ведущее к тому, что они не могут предметно видеть свое собственное отношение к роду, т.е. к человечеству, а представляются друг другу в качестве средств.

Отчуждение охватывает всех: и тех, кто продает свою рабочую силу, и тех, кто ее покупает, поскольку ни одна сторона не может опредметить и увидеть себя в своей деятельности и ее продуктах. Но в то время как для первых это отчуждение выступает как деятельность отчуждения, последние считают ее неизменным состоянием.

Ликвидация отчуждения и присвоение человеком своей человеческой сущности могут быть поэтому осуществлены только тем, кто продает свой отчужденный труд, конечно, пока не сознавая этого. Предпосылкой ликвидации отчуждения во всех его формах является ликвидация труда, не являющегося собственным трудом, служащего простым средством поддержания жизни, а не проявлением жизни, не первой жизненной потребностью. Иными словами, ликвидация частной собственности на средства производства. Состояние, при котором люди действительно реализуют себя в труде и могут всесторонне присвоить во всей их полноте сущностные силы человечества, К. Маркс называл коммунизмом, натурализмом и гуманизмом. «Душа марксизма тут, а не в экономическом детерминизме», — подчеркивал Н. Бердяев⁹.

Экономическое отчуждение, в основе которого лежит частная собственность — коренное зло, — в то же время является моральным злом. Это основная несправедливость, аморальность в объективной структуре экономического и политического строя, независимо от того, какой

ярлык он сам на себя навешивает. Из нее проистекают все нарушения в моральной жизни, многочисленные объективные несправедливости и носящие субъективный характер эгоизм и индивидуализм. Усилия, призванные преодолеть экономическое отчуждение, есть поэтому восстание морального сознания против аморальных условий; борьба с экономическим отчуждением — это историческая борьба между Добром и злом; Царство Свободы и экономического благополучия, которое является целью этой борьбы, представляет собой в то же время Царство Морали, к утверждению которого должна привести в конечном счете победа Добра.

Оплеванное и растоптанное сегодня теоретическое наследие К. Маркса, на которого наши либералы возложили ответственность за коммунистический эксперимент в России, может быть осмыслено лишь в том случае, если понять четко проводимую им разницу между уничтожением и упразднением частной собственности. Частная собственность выступает как сложившаяся в результате исторического развития совокупность отчужденных производительных сил, принявших форму господствующих над индивидами производственных отношений. Ее уничтожение есть последовательное снятие отчуждения, т.е. овладение господствующих над индивидами производственных отношений, а тем самым — освоение отчужденных в этой вещной форме общественных производительных сил объединившимися индивидами. Административное (робингудовское) упразднение частной собственности, которое было осуществлено большевиками в 1917 г., отнюдь не является освоением ее, которое по существу представляет собой длительный и, что крайне важно, эволюционный исторический процесс. Уничтожение частной собственности, по К. Марксу, — это, таким образом, освобождение человека от гнета отчуждения, т.е. отчужденных производственных отношений, возвращение человеку отчужденной человеческой сущности. Это и есть действительное разрешение противоречия между человеком и другим человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Только с этого момента люди начнут сознательно творить свою историю. Это есть «скачок из царства необходимости в царство свободы». Вся предшествующая история, по сути являющаяся историей отчуждения, историей развития собственности, присваивающей людей, является человеческой «предысторией».

В советские времена было принято считать, что частная собственность в странах «реального социализма» полностью уничтожена. На самом деле, по К. Марксу, верно обратное: к ее подлинному уничтожению там даже не приступали. Там было осуществлено лишь упразднение частной собственности в отличие от «действительного коммунистического

тического действия», т.е. уничтожения. Кроме того, коммунистическая революция, по К. Марксу, начинается только тогда, когда наличие частной собственности становится непреодолимым препятствием для хозяйственного и социального развития. Частная собственность есть совокупность производственных отношений, и ее уничтожение — исторически длительная позитивная деятельность, которая знаменует собой переломный, переходный период не просто между двумя формациями, а между двумя эпохами мировой истории, двумя качественно различными типами общественного развития. Содержание первой эпохи — «предыстории» — становление и развитие частной собственности, включая высшую и последнюю ее форму, капитал. Содержание второй эпохи — сознательное уничтожение частной собственности, в ходе которого общество как бы проходит все формы предыстории «в обратном порядке». Так, в условиях новой общественной формации «частная собственность на землю будет представляться столь же нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека»¹⁰.

Основное содержание коммунистической эпохи — это последовательное снятие отчуждения, последовательное уничтожение (а не упразднение) частной собственности, последовательное присвоение человеком отчужденных и порабощающих его отношений и тем самым возвращение человеку его подлинной сущности. Однако это лишь промежуточная задача, поскольку она лишь уничтожает негативные последствия отчужденного развития производительных сил, происходящего в первой эпохе, т.е. в «предыстории», или «царстве естественной необходимости». Для К. Маркса коммунизм поэтому еще не царство свободы, а царство «осознанной необходимости», эпоха, основным содержанием которой является уничтожение частной собственности. Возвращение через это человеку его собственной сущности — в этом состоит лишь непосредственная цель коммунистов. Это «есть необходимая форма ближайшего будущего». Но как таковой, — подчеркивает К. Маркс, — коммунизм не есть цель человеческого развития», он есть лишь «движение, уничтожающее теперешнее состояние»¹¹.

Что же тогда является идеалом коммунистов? Всестороннее гармоничное развитие личности. Решение этой задачи составит содержание третьей эпохи — эпохи «положительного гуманизма». Гуманизм — это свободная ассоциация всесторонне развитых и развивающихся индивидов, уже не состоящих друг по отношению к другу в каких-либо отчужденных и вообще производственных отношениях. Их отношения друг к другу — это уже чисто человеческие отношения в их совместной деятельности по овладению формами общественного сознания, по реальному воплощению в жизнь несбыточных до этого идеалов Добра, Истины, Красоты.

Таким образом, К. Маркс стал первым в мире последовательным коммунистом именно потому, что он стал первым в истории последовательным гуманистом. Для него смысл и оправдание коммунизма только в том, что это — становящийся гуманизм. В этом плане нет сущностной разницы между «ранним» и «поздним» Марксом. Тем, кто считает иначе (например, А. Ципко), не вредно перечитать «Капитал», в котором и приводится описанное выше членение истории на три эпохи. Нельзя в этой связи считать, что К. Маркс начинал как вдохновенный пророк гуманизма, а впоследствии ему якобы изменил. Заметим также, что важнейшая заслуга «позднего» Маркса состоит в том, что он описал капитализм XIX в. и тем самым... похоронил его. После марксовской критики капитализм в условиях постоянно рефлексирующего западного сознания уже не мог оставаться прежним. В XX в. он претерпел кардинальную трансформацию и превратился в посткапитализм. Но об этом несколько ниже.

Красная Россия

«Красная идеология» большевиков, к сожалению, не строилась на постулатах ни «раннего», ни «позднего» марксизма. Быть может, Октябрьская революция и совершилась именем К. Маркса, но уж во всяком случае не по К. Марксу. Зато большевики в полной мере использовали такие «проваленные» Великой французской революцией идеи, как Свобода, Равенство, Братство. Именно советские (но уже не русские) коммунисты на практике воплотили стремление западного человека подчинить себе исторический процесс, его претензию на социальное проектирование. С присущим России максимализмом большевики вознамерились не только «оседлать», но и «загнать клячу истории». И надо честно признать, что они в этом весьма преуспели.

Однако было бы крайним и недопустимым упрощением характеризовать то, что произошло в России в 1917 г., как «октябрьский переворот». Дело обстоит гораздо сложнее. Как справедливо отмечается в книге «Постперестройка», с началом Первой мировой войны Россия вместе с остальным миром вплотную придвинулась к экзистенциальной, а следом за ней и к исторической, политической и социальной катастрофам. В этот предапокалиптический миг истории роль лидера, способного изменить траекторию исторического развития, взял на себя коммунизм как научная теория и одновременно новая гуманистическая религия, способная продуктивно решить фундаментальные проблемы человеческого существования¹². По словам Н. Бердяева, Октябрьская революция стала «малым апокалипсисом истории», как и «судом внутри истории»¹³.

Почему именно Россия стала местом проведения всемирного коммунистического эксперимента? На этот счет можно высказать целый

ряд соображений. Самое простое из них состоит в том, что Россия исторически, к сожалению, как и некоторые другие страны (но не все), всегда была местом основной схватки Добра и Зла, своего рода всемирной социально-культурной лабораторией. Впрочем, и Запад стал местом другого социального эксперимента (если не считать фашизм) в XX в., правда, куда менее рискованного — либерального, который, однако, является лишь другой ветвью рационалистического формационного подхода. Однако именно в России оказалось возможным то, что казалось на Западе утопией, и, напротив, что стало на Западе естественным — либеральное развитие и либеральная идеология, в соответствии с пресловутым принципом «*laissez faire*», равно как и идеи права и социального реформизма — оказались в России утопическими. Страна выбрала не Февраль, а Октябрь. В результате «коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа»¹⁴.

Существует, впрочем, и более прагматичное объяснение. Его, в частности, представил российский социолог Н. Загладин. По его мнению, «именно большевистская идеология, особенно в подкорректированном И. В. Сталиным виде, в наибольшей мере отвечала глубинным, по сути средневековым стереотипам сознания, сохранявшимся у широких масс российского населения. Мыслящая же иначе знать и большая часть разночинной интеллигенции погибла или эмигрировала в ходе Революции». Н. Загладин выделяет следующие компоненты этой идеологии.

1. Апелляция к особой роли России в мировом развитии («Москва — Третий Рим», «СССР — светлое будущее всего человечества»).
2. Антизападническая ориентация общественного сознания (борьба с «агрессией латинян», с «империализмом Запада»).
3. Разграничение на «своих» и «чужих» по идеологическому признаку (православие, марксизм-ленинизм).
4. Крайняя подозрительность в отношении иностранцев.

Таким образом, в большевистской идеологии отторжение православной религии, атеистическая пропаганда сочетались с заменой сходных по сущности базовых ее положений, что, видимо, и обеспечило достаточно длительное существование советской власти¹⁵.

С точки зрения национальной истории коммунизм стал, хотя и в деформированном виде, русской идеей XX в. Реальный, практический коммунизм (хоть он и не был подлинным коммунизмом) был бы невозможен без опоры на русскую идейную традицию, без опоры на всечеловечность, на альтернативность как доминанту общероссийской цивилизации. Русский коммунизм был создан в том числе и русской со-

борностью, величием наднационального духа, воплотившего в себе всемирно-историческое Красное Пламя. Создав Красную Империю — СССР, Россия не просто «сыграла в красное». Как справедливо отмечал С. Кургинян, Россия искала Альтернативу, Мир искал Альтернативу, Альтернатива возникла в России, и Россия нашла себя в ней¹⁶. Третий Интернационал стал иным воплощением русского мессианизма, выраженного в первые годы СССР в словах В. Маяковского: «Чтобы в мире без России, без Латвий жить единым человечим общежитием».

Уже в начале XX в. (зadolго до Ф. Фукуямы) Запад стал грезить концом истории — достаточно вспомнить «Закат Европы» А. Шпенглера. Он уже тогда устал и захотел остановиться. Этой остановке с ее страшными, буквально катастрофическими последствиями, предвещенными и провозглашенными как идеал в работах Ф. Ницше, в XX в. помешал русский коммунизм. Польшнувшее в начале века Красное Пламя Интернационала не дало распространиться фашистской волне повсеместно.

Тем, кто считает коммунистический период «черной дырой» истории или «идеологической диверсией Запада», которую Россия переваривала 73 года, следует понять, что это была закономерная ипостась развертывания русского и мирового духа, неизбежный этап этой истории в национальном и мировом масштабе. Иная точка зрения порождала бы серьезную угрозу прерывания исторической преемственности — как национальной, так и мировой — со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями для России и мира в целом.

Для русской истории, сохранения ее непрерывности равное значение имеет и история Российской империи с православным государем, и история тоталитарного СССР с Генеральным секретарем ЦК КПСС, и история демократической России с Президентом. Нельзя допускать «распада связи времен» между этими этапами развития России, равно как нельзя, оплевывая подвиг нескольких поколений наших предков, разрушать символы отечественной истории. Это могут сделать лишь люди, которые раньше верой и правдой служили коммунистическому режиму, а теперь демонстрируют свой бескомпромиссный антикоммунизм, пытаются затоптать свое «красное прошлое». Агрессивный антикоммунизм, активно поддерживаемый западными демократиями, обернулся в России серьезными потрясениями, поставившими огромную страну на грань гражданской войны в 1993 г. В 1917–1918 гг. радикальный разрыв большевиков с исторической Россией привел к реальной Гражданской войне с неслыханными жертвами. И сегодняшнее состояние России во многом результат этих двух разрывов исторической преемственности. В то же время Китай, никогда не разрывавший исторической преемственности (даже в годы культурной революции), под какой бы фразеологией это ни

происходило, обеспечил себе мощный экономический прорыв в XXI в., стабильное и безопасное развитие. Определяющее значение для Китая имела смысловая преемственность поколений. «Красный дракон» — парадигма развития Китая, коммунистическая (на данном этапе) по фразеологии, а по сути являющаяся эзотерической доктриной Китая как одного из «центров мира» и одной из мировых цивилизаций.

Признание трагизма и величия советского периода истории России, включая ошибки и преступления, которые были тогда совершены, безальтернативно для всех, кто занят государственным строительством. Это неперенный элемент идеологической платформы всех здоровых политических сил современной России, которые ищут пути продолжения развития России, ее существования вообще. Так называемые патриоты, ищущие опору исключительно в дореволюционном периоде российской истории и бескомпромиссно противопоставляющие этот период советскому периоду истории, не могут поэтому считаться подлинными патриотами. Нельзя перепрыгнуть пропасть почти в целый век, констатируя, что почти столетие все мы жили в «совке», поскольку это пропасть в несколько поколений русских людей. Деструктивный характер таких представлений давно поняли антироссийские силы на Западе. Потому-то они и аплодируют оголтелому и необузданному антикоммунистическому «патриотизму». Ведь слезы по «убиенной» России можно позволить тем, кто объективно помогает деструкции.

Другое дело, что не может быть идеализации советского периода, преувеличения его роли за счет принижения предшествующих этапов. Столь же недопустимо превращение в «черную дыру» российской истории и 1990-х годов (что пытаются делать различные политические силы, близкие к нынешней российской власти): оно также должно быть осмыслено как исторический опыт¹⁷.

В XX в. Россия испробовала на себе модель мобилизационного социалистического развития, заплатив за это высокую цену. Однако 73 года не были потерянными годами для страны. Октябрьская революция, хотя и была величайшей трагедией России, спасла страну от полного геополитического коллапса, что сделало бы ее добычей и предметом дележа других крупных держав, а в религиозном смысле — от ее превращения в общество «практического атеизма» (так Н. Бердяев называл западный капитализм). В этом смысле Октябрь приобрел религиозный смысл и характер, хотя коммунизм и был подменой подлинных религиозных ценностей ложными. Перед народом была поставлена сверхзадача, сверхидея. Эта идея опять-таки оказалась ложной, однако в процессе своей реализации она в известном смысле переросла и трансформировалась в идею если не национальную, то во всяком случае державную.

Произошла «русификация» западной идеологической доктрины, и международный коммунизм стал русским коммунизмом. Неслучайно, отмечал Н. Бердяев, «даже старая славянофильская мечта о перенесении столицы из Петербурга в Москву, в Кремль, осуществлена красным коммунизмом»¹⁸. И несмотря на высокую степень несовместимости коренных положений марксовской теории коммунизма с Россией, русской традицией и русской историей, России все же удалось выработать внутри своего национального тела такие нейтрализаторы, такие иммунные идеологические механизмы, которые на определенном этапе во многом ослабили пагубное действие антирусского, антинационального, антигосударственного компонента в коммунистической доктрине и, напротив, усилили те позитивные моменты, которые в этой доктрине, безусловно, имеются.

Российская империя, к великому сожалению, к началу XX в. полностью прогнила¹⁹. Ее сохранение требовало в 1917 г. смены духовной парадигмы с сохранением ее преемственности по отношению к предшествующей. Ведь Империя держится не на голой силе, а Духом. К концу Первой мировой войны многим представителям русской элиты стало окончательно ясно, что России нужен иной способ существования. Как писал С. Лукьянов,

«крушение уже давно покоившейся на традиции и штыках самодержавной власти и та легкость, с которой это крушение произошло в момент максимального напряжения сил государства, показали с несокрушимой убедительностью, что самодержавие и вовлеченные им в дело государственного строительства элементы оказались недостаточными для проведения в жизнь задач, выпавших на долю России, что необходимо создать власть на более широкой общественной базе, которая бы соответствовала политическим, внешним и внутренним, социальным и экономическим условиям русской жизни»²⁰.

Коммунисты не только остановили хаотический распад России, но и восстановили единство и территориальную целостность большей части страны, мобилизовали народ на построение великой державы, хотя и тираническим путем.

«В этом, — признавал Н. Бердяев — бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством. России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться»²¹.

С еще большим пафосом то же самое утверждал «сменовеховец» С. Чахотин:

«Кто бы ни был у власти сейчас, но раз он способствует процессу собирания и упрочения России, он должен получить поддержку со стороны мыслящей и патриотически настроенной интеллигенции»²².

Отмечая державный характер политики большевиков, Н. Устрялов прогнозировал в начале 1920-х годов, что «советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром — во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же — во имя великой и единой России. При всем бесконечном различии идеологии практический путь — един... Причудливая диалектика истории неожиданно выдвинула Советскую власть с ее идеологией интернационализма на роль национального фактора русской жизни, в то время как наш национализм, оставаясь непоколебленным в принципе, на практике потускнел и поблек вследствие своих хронических альянсов и компромиссов с так называемыми союзниками...»²³. В этом же духе высказывались Ю. Потехин, П. Новгородцев, Ю. Ключников²⁴ и другие представители русской интеллигенции, которых не заподозришь в симпатиях к большевикам.

Можно, конечно, оспаривать все эти высказывания, хотя они и принадлежат лучшим представителям русской интеллигенции. Можно вспомнить и о том, что сталинский режим не пощадил и их. Факт, однако, остается фактом: в первые два-три десятилетия после Октябрьской революции (по крайней мере до 1937 г.) общество воспринимало свою страну в качестве цитадели абсолютного добра, противостоящей злу мирового капитализма и творящей образ будущего. Именно так — как страну будущего — ее воспринимали очень многие в мире: Дж. Рид, Р. Роллан, Р. Тагор, Л. Фейхтвангер и др. Хорошо известны их высказывания на этот счет.

Годы мобилизационного развития, хотя и обошлись слишком дорого, не пропали впустую. Революция освободила ранее дремавшие и скованные силы русского народа для исполненного исторического дела. Его усилиями было создано достаточно эффективное и сильное государство, которое сумело при крайне неблагоприятных условиях совершить гигантский рывок индустриализации, заложившей основы экономической и оборонной мощи СССР на десятилетия вперед.

Многие полагают, что, не случись революции в России, ее развитие в XX в. было бы еще успешнее. Вполне возможно, что так бы оно и произошло, в особенности если бы удалось в полном объеме реализовать реформы П. Столыпина. Но такое предположение относится к категории домыслов. П. Столыпин был убит, а Октябрьская революция произошла, причем при активнейшем участии народа. При этом вряд ли обоснованы высказывания тех российских историков, которые утверждают, что Россия могла остановиться на достижениях Февральской революции. А. Бобрищев-Пушкин по этому поводу писал:

«С того момента, как определилось, что Советская власть сохранила Россию, — Советская власть оправдана, как бы основательны ни были отдель-

ные против нее обвинения. Я совершенно не понимаю, как, говоря о “рабстве” под нею русского народа, можно уверять, что он желает именно того “демократического” строя, который не смог продержаться на Руси и года, никакую народную поддержку не пользовался. Очевидно, здесь чаяния интеллигенции разошлись с народными чаяниями. И обратно, самый факт длительности Советской власти доказывает ее народный характер, историческую уместность ее диктатуры и суровости»²⁵.

Падение Российской империи в 1917 г. было так велико, что, возможно, диктатура была единственным способом сохранения страны. И найдись во Временном правительстве люди, способные ее установить, они бы это сделали. Нет сомнений, что далеко не демократический режим ждал Россию, если бы к власти пришли такие русские деятели, как адмирал А. Колчак или генерал Л. Корнилов.

Фактом истории является и то, что до Октябрьской революции Россия была крестьянской, преимущественно аграрной страной, серьезно отстававшей от других европейских держав. И промышленная революция, для которой Западу потребовались столетия, была пройдена Россией за считанные годы. Воистину, как поется в известной песне, «за годы были сделаны дела столетий».

Никак нельзя согласиться и с тем, что 73 года социалистического развития были потерей для культурного развития России. Именно в эти годы усилиями русского и других народов, населяющих СССР, были созданы выдающиеся произведения изобразительного, архитектурного и музыкального искусства. Советский балет, советский кинематограф, советский драматический театр — все эти понятия из советского периода истории России. И хотя иные «мастера культуры» сегодня энергично отрещиваются от него, достижения тех лет общепризнаны. Они не могли родиться лишь по приказу Сталина, партии или КГБ. Ценности, созданные советской культурой, — достижение не только России, но и всего человечества.

Особое достижение Советской России — победа над немецким фашизмом. И фашизм, разумеется, не был, как полагают некоторые отечественные «демократы», ответом на русский коммунизм. И фашизм, и коммунизм были проявлением кризиса христианского сознания, который нарастал в Европе в течение многих десятилетий, а то и столетий. Первые фашистские теоретические и публицистические работы (итальянца Б. Кроче и испанца маркиза Х. А. Примо де Ривера), а затем и первые фашистские движения появляются независимо от большевистской революции 1917 г. А немецкая националистическая песня «Deutschland über alles» («Германия превыше всего») была написана еще в XIX в., когда немцы, тогда разобщенные на множество мелких государств, стремились к созданию единого германского государства.

В годы Первой мировой войны для очень и очень многих западноевропейцев рухнул мир, причем мир довольно уютный, мир высокой культуры и цивилизации XIX в. Именно под впечатлением этого разрушения О. Шпенглер заканчивал свой «Закат Европы». Целью фашистских движений того времени, а впоследствии и фашистских режимов, сложившихся, например, в Италии и Португалии, была, конечно, не борьба с русским коммунизмом, а восстановление того, что было раньше, т.е. определенная социальная реставрация. Что же касается немецкого фашизма, который правильнее называть *нацизмом* (поскольку доктринально Германия, в отличие от вышеперечисленных стран, исходила из идеи немецкого национального превосходства, сопрягающейся с идеей расово неполноценных народов), то он был реакцией на унижение Германии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне, унижение, в котором СССР никак не участвовал.

Великая Отечественная война стала религиозной и священной и одновременно — глубоко национальной. Неслучайно православная церковь, как русская, так и зарубежная, почти вся русская эмиграция, — даже некоторые антикоммунисты — поддержали Россию в борьбе против Гитлера. Именно тогда, в самые тяжелые ее дни, в 1941 г., родилась новая, фактически уже постбольшевистская Россия. Перед каждым русским встал выбор Христа — спрятаться, отступить или встретить смерть и тем самым спасти свою мать, жену, Родину. Выбор, сделанный русским солдатом, чувства, испытанные его матерью, навечно записаны в русской душе. Война восстановила чувство национальной солидарности, во многом очистила нацию от скверны братоубийства.

Наконец, войну Россия выиграла в своей ипостаси скорее Великой России, чем СССР. Именно тогда была воссоединена разорванная, казалось, навеки нить русской и советской истории. Победа в войне стала началом освобождения России, в том числе и от коммунистической лже-религии.

Коммунистическая вера и идеология

Россия не умеет играть в некрупные игры. Создать Царство Божие на земле — такая квазирелигиозная сверхзадача была поставлена в России. Ни больше, ни меньше. Соответственно были выработаны светские аналоги религии: свои основоположники и пророки, апостолы и мученики, святыни и ритуалы²⁶. Квазирелигиозную солидарность коммунистов выражало оплеванное современными радикальными демократами, но в общем-то неплохое обращение «товарищ», которое не только противостояло буржуазному «господин», но и заменяло вяло-нейтральное «гражданин» и церковное «брат».

Нельзя отрицать большое моральное значение Октября для России и всего мира в целом, по крайней мере в первые десятилетия существования СССР. Кто верил в правду и отдал свою жизнь за счастье народа, проявил православную сущность миссии России, даже если считал себя безбожником. Атеизм коммунистической доктрины стал, по сути, религиозным суррогатом дискредитированной в начале XX в. той версии православия, которая не выполнила своей роли имперского связующего звена. Произошло чудо: сугубо рационалистическая западная утопия, пройдя сквозь фильтр (в том числе и религиозный) русской культуры, превратилась в новую веру. Э. Фромм справедливо указывал,

«многие из тех, кто открыто проповедует веру в Бога, в своих человеческих отношениях являются идолопоклонниками или людьми без веры, в то время как некоторые из наиболее воинственных “атеистов”, посвящающих свою жизнь улучшению человечества, утверждению братства и любви, демонстрируют веру и глубокое религиозное отношение»²⁷.

В полной мере это относимо и к идеям Красного Братства, Красного Ордена, покоровших Россию, конечно, не богоборчеством. Решающей была именно новая вера, новая метафизическая доктрина Общего Дела, которая задела глубочайшие струны народной души.

Конечно, отнюдь не каждый служитель красной квазирелигии, получавший деньги за отправление нового культа, был действительно предан красным идеям и идеалам. Каждая великая идея имеет не только своих мучеников и героев, но и своих политиканов, проходимцев, бандитов и отпетых негодяев. Верен и проходящий красной нитью через вышедший в 1921 г. сборник «Вехи. Из глубины» тезис о том, что революция разбудила самые низменные влечения русского народа.

«Но народ, — подчеркивал В. Муравьев, — не послушался бы этих темных чувств, если бы рядом с ними, сплетаясь с ними, не выросла в нем идеальный порыв и не было бы идеального оправдания этим темным инстинктам. Оправданием этим была вера в какую-то новую, внезапную правду, которую несла с собой революция... Социалистический рай был для простых людей тем же, чем были для него сказочные царства и обетованные земли религиозных легенд. И так же, как в старину подвижники и странники, народ был готов все отдать ради этого царства»²⁸.

Ю. Ключников писал:

«Короче говоря, революция преодолела все преграды и властно вошла в русскую жизнь и накрепко утвердилась в ней. Удалось ей это как раз потому, что она не послушалась либералов и всех близких к ним по программе и по темпераменту, а повела большую игру и поставила перед собой большие цели. Русского крестьянина и рабочего соблазнило не то, что он получит в собственность лишние пять десятин земли, и не то, что он сам себе выдаст патент на

умеренность и аккуратность в законно избранном Учредительном собрании. Его соблазнила мысль пострадать за рабочих и крестьян, за униженных и оскорбленных всего мира. Чисто по-русски — «пострадать». Он ничего не понимал, когда ему говорили: воюй с немцем лично ради себя. Он не верил, когда его призывали все взять себе ради его собственной выгоды. Но он поверил и взялся за оружие, когда ему сказали, что он призван убить зло в мире и насытить в нем вечную справедливость»²⁹.

Однако коль скоро коммунизм был квазирелигией, то его постигла та же участь, которая постигла все огосударственные мировые религии, создававшие свою Церковь (КПСС), свой Синклит (ЦК КПСС), своего Первосвященника (Генерального секретаря ЦК КПСС). Особо духовно уязвимыми становились религии, бравшие в руки государственную власть напрямую, т.е. теократические структуры. Коммунизм в России оказался подвержен всем духовным заболеваниям, поражающим теократию. Коммунисты заявили о своем намерении превратить страну в коммуну, т.е. в коммунистический монастырь. Но жизнь внесла свои коррективы. Она показала, что вся страна не может жить одним большим монастырем по непостижимому для большинства граждан уставу, что все население не может и не хочет эффективно трудиться при стимулах к труду, не воспринимаемых этим населением как таковые. А раз так, то вскоре произошла неизбежная замена монастыря казармой.

Трагический парадокс истории заключается в том, что коммунистический гуманизм проявился на практике иначе, чем в теории. Глубинные причины такого положения дел лежат, видимо, не только в несовершенстве общественных условий, в которых государство превращает ту или иную гуманистическую философию в идеологию, в конечном счете обращаемую им против человека. Не последнее место среди таких причин, по всей вероятности, занимает и врожденный эгоизм человека, побуждающий его превращать в инструмент даже религию. В России на него наложились к тому же традиции русского государственного абсолютизма, всегда рассматривавшего человека не как духовное существо, а как материальное средство построения Империи. Сбылось пророчество М. Туган-Барановского:

«В неподготовленной социальной среде коммунизм вместо того, чтобы стать царством свободы и всеобщего братства, должен стать царством рабства и всеобщей нищеты»³⁰.

Крах Советского Союза и КПСС по-своему подтвердил правоту тезиса К. Маркса о невозможности опережающего Запад коммунистического будущего России. Не К. Маркс, таким образом, «погубил» Россию, а скорее Россия «погубила» К. Маркса, хотя и не всерьез и не надолго. Представление о том, что «призрак коммунизма зародился на немец-

кой земле», а потом, мол, перекочевал в Россию (В. Черномырдин), не вполне потому корректно. Упрек в адрес немцев бьет мимо цели.

Оригинальная концепция коммунизма, утверждающая абсолютную аксиологическую ценность человека, не имеет ничего общего с созданными в XX в. моделями казарменного и административно-командного социализма, которые в значительной степени дискредитировали своей практикой марксистский гуманизм. На самом же деле именно оригинальные идеи К. Маркса, а позднее — русских марксистов и даже в известной мере большевиков «ленинского призыва» позволяют радикально критиковать режимы, которые ими вдохновлялись. Таким образом, есть коммунизм человеческий и коммунизм институционный. Последний по существу не верен подлинному коммунизму, поскольку он противоречит основным коммунистическим идеалам. В этой связи абсурдно утверждать, что в СССР «рухнул коммунизм» (как это делают многие западные и отечественные политологи), ибо подлинного коммунизма — ни в марксовом, ни даже в ленинском понимании — в России никогда не было. Впрочем, как и нигде.

Тут уместно вспомнить слова К. Маркса: «Что касается меня, то я не марксист». Впрочем, подобное мог бы сказать и Христос о многих своих последователях: «Что касается меня, то я не христианин». П. Струве большевиков называл «псевдомарксистами», в учении и практике которых давно испарился всякий марксизм. А Г. Плеханов назвал В. Ленина «Великим Инквизитом марксизма». Настоящие русские марксисты, т.е. русские (а не советские) коммунисты, как известно, не приняли участия в большевистской революции, оставшись верными ортодоксальному марксизму. Ленинизм же оказался по существу коренной ревизией последнего. В частности, В. Ленин создал учение о революциях, которое вопиющим образом противоречит идеям К. Маркса, игнорирует основные положения его концепции о причинах и ходе социальной революции, которую последний принципиально отличал от революции политической, являющейся более поверхностным событием.

К сожалению, уже в начале XX в., когда место К. Маркса и Ф. Энгельса заняли их преемники — европейские социал-демократы, оставшиеся верными подлинному «марксизму», — оказалось, что фактически никто из называвших себя марксистами не сумел по-настоящему усвоить эволюционную сущность социальной доктрины своих великих учителей; большинство акцентировало внимание на ее революционной форме. Причем наиболее односторонне к пониманию теории К. Маркса подошли там, где революционное движение было менее всего подготовлено к ее восприятию. Центром мирового революционного движения тогда стала Россия, страна, к началу XX в. сделавшая только первые

шаги по пути капиталистического развития, но раздираемая при этом серьезными классовыми противоречиями, особенно очевидными на фоне вопиющей нищеты народа.

Русские марксисты, чье формирование пришлось на период развязанного народовольцами террора, не могли не воспринять марксизм именно как революционную схему, основанную на принципах непримиримой классовой борьбы. Русский марксизм оказался представлен поколением русских революционеров, которые не пережили становления европейской социал-демократии, не испытали краха иллюзий, связанных с революциями 1848 и 1871 гг. Они не признавали никаких преград и были готовы повести за собой всех, кто также не видел на своем пути ничего непреодолимого. Главным в такой борьбе считалось число сторонников, мощь партии, стоящей за фигурой вождя, а эти факторы не могли сложиться иначе как в результате революции. Причем простота революционной теории, простота лозунгов и призывов была пропорциональна степени революционного подъема. Русские марксисты, собственно говоря, оседлали этот революционный подъем, имевший в качестве своего источника социальный протест широких масс против бесправия и нищеты в царской России.

Проблема поэтому состоит не только в изначальной порочности коммунистической идеи (как идеи богоборческой). Беда в том, что коммунизм оказался способен превратиться в государственную идеологию, которая до неузнаваемости исказила его сущность. Комплекс идеальных ценностей был превращен государством в набор догм, в катехизис, который охранялся институтом, созданным властями предержавными. Примат ценностей вследствие этого стал приматом института над личностью, авторитета над инициативой; аксиологическая монолитность переросла в социальную монолитность. В свою очередь это привело к политической и идеологической нетерпимости, когда институт стал считать себя воплощением добра и справедливости и начал бороться против зла и заблуждения; а отсюда — и к такому положению, когда успех данного института и воля авторитета стали критерием ценностей и даже истины. Видимо, поэтому для К. Маркса, например, само понятие «идеология» имело негативный смысл и закономерно стояло в одном ряду со словом «идеализм». Его «Немецкая идеология» посвящена борьбе с идеологиями вообще и с «буржуазной идеологией» в частности.

Религиозная коммунистическая мораль оказалась беспощадной к конкретному человеку, она рассматривала его лишь как кирпич для строительства будущего идеального общества. В этих условиях человек, по словам Н. Бердяева, «оказался лишенным измерения и глубины», он превратился «в двумерное, плоскостное существо»³¹. Ему оставалось

лишь стать частью общего целого, от которого он был зависим и чью имманентную рациональность он должен был утвердить. В конечном счете он был низведен до положения средства государства, которое его поработило, прикрываясь общечеловеческими ценностями. В этом смысле справедливо утверждение В. Муравьева: «В основах русского социализма и в значительной мере либерализма лежит отрицание истории, полное отрицание и отвержение действительности совершающегося... Коммунистическая мысль «есть мысль о человеке, о мире, о государстве вообще, а не об этом человеке, об этом мире, об этом государстве»³².

Для самого коммунизма превращение его в государственную идеологию означало полное крушение. Он стал бесплодным. В этом — один из уроков известной легенды о Великом Инквизиторе: истина живет, если она свободна, а свободна она лишь в условиях плюрализма. Идеологическая монолитность неизбежно приводит к ее умерщвлению. Она становится оборотной стороной триумфализма, который состоит в том, что история государственных институтов рассматривается как серия «триумфов», а свершившиеся факты канонизируются.

Как писал в конце 1980-х годов незаслуженно забытый философ С. Платонов (ныне покойный), возникший в советский период так называемый научный коммунизм, который многими ошибочно рассматривался как коммунистическая теория, на самом деле целиком относился к сфере идеологии. Ничего «научного» в этой идеологии, содержащей систему идеалов и принципов, которые должны были быть претворены в жизнь, не было и в помине. Идеология, которая стала подвизаться в несвойственной ей роли научной теории, неизбежно порождала фантастические представления об окружающем современном мире и — что самое опасное — творила идеологические мифы о нас самих. Одним из них был, например, миф о «социалистической экономике» — выражение, которым не пользовался ни К. Маркс, ни В. Ленин. На самом же деле, по К. Марксу, экономика, т.е. совокупность экономических производственных отношений — это как раз то, что должно быть снято в ходе коммунистического уничтожения частной собственности. Словосочетание же «социалистическая экономика» так же бессмысленно, как и выражения «социалистическая спекуляция» или «социалистическая проституция».

К этому следует добавить, что изначальный аристократизм коммунистической идеи был чудовищно принижен и искажен теми, кого Д. Мережковский назвал «грядущим хамом»: лавочниками и люмпенами от коммунизма, его Санчо Пансами, теряющими остатки связи со своими Дон-Кихотами и вследствие этого постепенно обращающимися в свиней, презрительно хрюкающих по поводу «бескультурия» Рыцаря

Печального Образа и готовых подрывать корни могучего дуба, даже рискуя лишиться «желудей», необходимых для продолжения их «свинской жизни»³³.

О коммунистическом труде

Особо следует остановиться на мотивации трудовой деятельности в коммунистической России, которую иные отечественные историки и журналисты не называют иначе как «рабской». К. Маркс вообще понимал человека как существо производящее, трудящееся — *homo faber*. Согласно марксизму, труд не есть просто средство поддержания существования и тем более не кара, ниспосылаемая на человека за первородный грех, а деятельность, являющаяся естественной потребностью человека, с помощью которой он утверждает себя, добивается самовыражения, освобождает себя, подчиняет себе природу, очеловечивая ее, присваивая себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом.

Говоря об уничтожении труда, К. Маркс имел в виду труд отчужденный, сложившийся в недрах аграрного и индустриального обществ, тот труд, который не освобождает человека, а поработает его. Такой труд есть вид деятельности человека, при которой люди связаны между собой отчужденными, т.е. производственными отношениями. Уничтожение труда не означает уничтожения всякой деятельности во имя установления царства бездельников. Напротив — это есть превращение деятельности в подлинно человеческую, поскольку уничтожение производственных отношений только и открывает простор для подлинно человеческих отношений. Известная со времен Сократа деятельность по постижению Истины, утверждению Блага, сотворению Прекрасного — это воистину «дьявольски серьезное дело», т.е. это не труд.

По Марксу, труд уже стал свободным в буржуазном обществе, если понимать под этим свободную конкуренцию рабочих на рынке труда. Дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить. Решить эту проблему станет возможным лишь тогда, когда человеческий труд, а с ним и сам человек, уйдут из сферы материального производства. Функционирующие в ней гибкие автоматизированные средства труда будут компактными, децентрализованными, экологически чистыми. Тогда наконец исчезнет отчужденный труд. Мучительные сегодня проблемы специализации и невероятно усложнившихся кооперационных связей, вызванные к жизни крупномасштабным узкоспециализированным производством, умрут вместе с ним. Исчезнет давление на социальную сферу громады административно-технологических отношений. Историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда прекратится такой труд, при

котором человек сам не делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека.

Однако тот труд, который имел место в России в годы первых советских пятилеток, носил характер, принципиально отличный от капиталистического труда, описанного К. Марксом. Однако и «рабским» назвать его ни в коем случае нельзя. Ибо те лишения, страдания и муки, та энергия, с помощью которой была индустриализирована Россия, разумеется, не могли быть извлечены из недр аграрного общества только террором, страхом и энтузиазмом идиотов. В большой степени это был труд общинно-религиозный, одухотворенное высшей осмысленностью трудовое сверхусилие. Такой труд, безусловно, сверхэффективен и одновременно свободен в высшем смысле этого слова. В коммунистической России утверждалась исключительная почетность именно такого, духоборческого труда. Прообразом такого труда является, например, труд, превративший болотистые земли древней Галлии, гористые земли Женевы и малярийные земли Гагр в сегодняшнюю плодородную почву с полями, пастбищами и виноградниками. При всей его эффективности такой труд не может быть рассмотрен ни как категория исключительно экономическая, мотивируемая лишь личным интересом, ни как категория внеэкономического принуждения. Здесь были использованы некие скрытые резервные возможности человека, обнаруживающиеся лишь при горении идеального пламени, когда делается шаг в сторону возвышения космической роли человека, в сторону радикализации гуманизма. В коммунистической России труд ставился на место благодати. Это был труд не «самоотверженный» (т.е. отчужденный), а именно благодатный, труд собственно человеческий, творческий, освященный метафизикой проекта Космического масштаба, который своим высшим воплощением имел выход СССР в космос. Ю. Гагарин на долгое время превратился в символ национальной славы, как сейчас сказали бы — в бренд советской державы.

Как бы то ни было, но неоспоримым историческим фактом является то, что именно этот труд при всех хорошо известных издержках позволил России добиться неслыханных результатов на коротком отрезке исторического пути. На близкий к этому тип труда сделали ставку японцы и добились удивительных успехов. Сходными мотивами руководствовались после Второй мировой войны и немцы, и французы, в некотором смысле даже американцы. Да и сейчас южный кореец, например, приезжающий в Европу или Америку, делает это не только для того, чтобы сделаться удачливым предпринимателем, но и для того, чтобы сделать сильной свою страну. Сегодня мы видим, как Китай, используя наряду с экономическим интересом частного человека элементы общин-

но-религиозного труда, выходит на позиции экономически передовой страны XXI в.

Конечно, нельзя отрицать, что в целом вся советская экономика явила себя как система в высшей степени неэффективная. На этапе «позднего СССР» она превратилась в экономику постоянного и почти всеобщего дефицита. Однако ее пороки порождались не недостатками в управлении, некомпетентностью или недобросовестностью работников плановых органов и организаторов производства, и не неэффективностью труда советских людей. Это было выражением коренной порочности лежащей в ее основе принципиальной модели — тоталитарного социализма. По мере развития общества эта коренная порочность проявлялась все больше и больше. За ее неэффективность мы в большой степени расплачиваемся и сейчас.

Следует учитывать и то объективное обстоятельство, что мобилизационный тип труда, какой бы прекрасной идеей он ни вдохновлялся, возможен лишь на сравнительно коротком отрезке исторического времени. Трудовое сверхусилие, даже если оно вполне свободно, не может осуществляться бесконечно долго. К началу 1960-х годов Россия, несомненно, стала испытывать мобилизационное перенапряжение. В этом первопричина начала так называемого застоя.

Кроме того, именно в 1960–1970-е годы советские коммунисты постепенно, сами того, возможно, не осознавая, начали предавать те самые идеалы и ценности, во имя которых коммунизм утверждался в России и в мире в целом и во имя которых советский народ, собственно говоря, и осуществлял это трудовое сверхусилие. Страна оказалась включенной в потребительскую игру с ориентацией на удовлетворение потребностей населения самым лучшим образом, даже лучшим, чем это способно было сделать капиталистическое общество.

Как отмечал Э. Фромм, «коммунисты в Советском Союзе и за его пределами превратили социализм в чисто экономическую теорию. Цель такого социализма — максимальное потребление и максимальное использование техники. Н. Хрущев со своей теорией «гуляш-коммунизма» по своему простодушию однажды проговорился, что цель социализма — предоставить всему населению такое же удовлетворение от потребления, какое капитализм предоставил лишь меньшинству»³⁴.

Социализм и коммунизм в 1960–1970-х годах по существу стали основываться на буржуазной теории материализма. Старый идеал построения в СССР — хотя бы и в далекой перспективе — коммунистического общества был нелепо «материализован»: его реализация теперь была объявлена достижением более высокого уровня жизни в сугубо материальном измерении в течение ближайших 20 лет.

С момента появления в 1961 г. новой Программы КПСС народ начал отрываться от духоборческой парадигмы труда и жить ожиданием, постоянно оглядываясь на Запад. Именно тогда советский человек постепенно превратился в «совка», т.е. в нетерпеливого иждивенца. В сознании народа утопия перекочевала туда, где находилась реальность материального изобилия, — в капиталистический мир. Все надежды трудящихся оказались связанными с «дающей» экономикой. С этого же момента ведет свое начало невиданная ранее полоса политических анекдотов, которые в конечном счете десакрализовали идеократическую власть.

Произошло, как и предсказывал Н. Бердяев, «обуржуазивание» Советской России, явившееся следствием «иссякания религиозной энергии русского народа»³⁵. Именно в эти годы возник и начал стремительно углубляться опаснейший разрыв между коммунистической теорией и практикой реального социализма, породивший впоследствии в СССР отвратительный феномен «двойной морали»: на партсобрании человек говорил то, что требовало от него партийное начальство, а затем на кухне — «за рюмкой чая» — обменивался с соседом анекдотами про «вождей». При этом основополагающие тезисы коммунистической теории К. Маркса повторялись лишь как ритуальные заклинания. С этого момента система перестала быть «тоталитарной», поскольку власть и народ, оказавшись в разных социокультурных измерениях, начали жить взаимным обманом: «Они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем». Такая ситуация взрывала не только общее сознание движения к единым целям и идеалам, но и традицию российской соборности, которая — пусть в извращенной форме — нашла отражение в коммунистическом идеале.

Мировая история многократно демонстрировала: как только та или иная цивилизация начинала довольствоваться лишь материальным благом и этим благом, т.е. сытостью, измерять качество жизни, этим кичиться, этому поклоняться, — жизнь останавливалась, цивилизация разваливалась под грузом сытого отупения. Воистину, «не хлебом единым жив человек». Подмена великого коммунистического проекта фактически западным проектом общества всеобщего потребления означала эрозию и последующую неизбежную дискредитацию ранее провозглашенных идеальных ценностей. Растворение Советской России в цивилизации «практического атеизма» знаменовало собой «начало конца» СССР, поскольку коренным образом подрывало ее идеологические, а еще раньше — аксиологические основы. Именно в 1961 г., таким образом, был включен механизм развала Советского Союза. Фундаментальная причина грянувшего через три десятилетия после объявления «гуляш-коммунизма» распада СССР состояла в том числе и в смене парадигмы его исторического развития, в предательстве идеалов ком-

мунизма. В России, как и предсказывал Н. Бердяев, «окончательно победил тип шкурника, думающего только о своих интересах»³⁶. Страна потеряла свою сверхзадачу глобального значения, освященную метафизикой Всеобщего Космического Проекта, перспективу национального и мирового развития, а вместе с ней и чувство исторической правоты. В глазах же окружающего мира прежняя «цитадель добра», подобно обротно, превратилась в «империю зла».

О международном значении советского опыта

В России была проделана вся черная работа всемирной истории, связанная с реализацией и практической проверкой коммунистической идеи. Испытав на себе модель коммунистического развития, Россия сыграла роль «удерживающего». В годы Великой Отечественной войны она в этом же смысле превратилась в преграду на пути германского фашизма. Заплатив огромную цену за свое развитие в XX в., Россия при этом в значительной степени заплатила цену за развитие всего мира. Ибо весь мир пользовался в этом столетии плодами ее Революции и ее Победы.

Ирония истории состоит в том, что во многом благодаря коммунистической России классический капитализм XIX в., осужденный К. Марксом, переродился в веке XX в синтезное, посткапиталистическое общество, сутью которого являются социально ориентированное рыночное хозяйство, развитое гражданское общество и правовое государство. Как коммунистический эксперимент в России был ответом на классический капитализм, т.е. его диалектическим антитезисом, так и посткапитализм явился ответом на тот тип общества и государства, который в результате этого эксперимента был построен в России. По сути дела он стал «тенью» «реального социализма», которая образовалась в условиях осознанного на Западе коммунистического вызова и жесточайшего экономического кризиса 1929–1933 гг. Историческим субъектом всех этих изменений был, однако, не пролетариат (как предполагали К. Маркс и Ф. Энгельс), а гражданское общество западных стран, действующее через разветвленные и эффективные механизмы социального партнерства капиталистической элиты и рабочих.

Те кардинальные сдвиги, на которые была вынуждена пойти правящая элита основных развитых стран Запада уже в 1930-е годы во имя сохранения своей власти, фактически изменили формационную природу прежнего капитализма. Западное общество стало использовать методы и средства планового руководства, опираться на научные экономические модели, глубоко вмешиваться в производственные отношения. В результате правящая элита объективно вышла за рамки класса капиталистов, шаг за шагом стала ограничивать сферу «анархии обществен-

ного производства» и постепенно овладевать системой общественных отношений. Эта модель развития поначалу осуществилась в США, а затем — после Второй мировой войны — стала распространяться и развиваться в других западных странах. На смену частной собственности в чистом виде постепенно стала приходиться не общественная, конечно, а корпоративная собственность правящего слоя. Повсеместно возникли формы «народного капитализма», когда рабочие участвуют в присвоении прибыли предприятия, на котором они работают, т.е. элементы синтетического посткапиталистического уклада, многочисленные преуспевающие предприятия, принадлежащие трудовым коллективам (фактически без наемного труда), ассоциации, федерации с особой системой расширенного производства (без конкуренции в накоплении капитала).

Все это, однако, происходило не само собой. И если бы не коммунистический эксперимент, который взвалила на свои плечи Россия (здесь напрашивается религиозно кощунственная, но публицистически вполне допустимая аналогия с Христом, несшим свой крест на Голгофу), западный мир сегодня был бы иным. Скорее всего, более жестоким. И это заставляет задуматься о будущем человеческой цивилизации в условиях крушения коммунизма и государственного социализма. Ведь «гуманизм» современного западного общества (равно как и материальное положение его граждан) во многом формировался за счет конкуренции с мировым социализмом, вдохновлявшимся коммунистической идеей. В этой связи многие политологи не без оснований полагают, что исчезновение коммунизма, а затем и мирового социализма как глобального конкурентного фактора уже придает новую «жесткость» Западу, лишает его гибкости, умеренности, превращает в консервативную самодовлеющую систему с агрессивными устремлениями.

На протяжении всех послевоенных десятилетий хотя и медленно, но неуклонно развивался процесс конвергенции двух мировых систем: каждая из них (причем капитализм — с большим успехом) извлекала позитивные элементы из противоположной системы и внедряла их в свою практику, обогащая теорию (государственное регулирование экономики, планирование, социальные функции государства и т.д.). Коммунистические режимы также не могли не учитывать позитивный опыт глобального конкурента. Вместе с дивергенцией (параллельным развитием) развивался и процесс конвергенции. Об этом много размышлял советский ядерный физик, «творец водородной бомбы» А. Сахаров³⁷. В конце XX в. этот объективный процесс оказался прерванным.

Возникает вопрос: не приведут ли исчезновение конкурентных начал в развитии современной мировой цивилизации и утверждение глобальной однотипности общественных отношений в рамках современ-

ного понимания капитализма к непредсказуемым последствиям, в частности к деградации конструктивных, гуманистических начал в мировом развитии? Этот вопрос можно поставить и так: будет ли человечество существовать в условиях экономического либерализма на микроуровне при отказе от экономического макролиберализма (т.е. от допущения разнообразия конкурирующих экономических структур) или вернется к макролиберализму? Опыт XX в. говорит о том, что мировая цивилизация нуждается в сосуществовании различных конкурирующих моделей экономического развития. Смешанная мировая экономика более эффективна, поскольку конкуренция различных типов экономических структур — необходимое условие выявления их потенциалов путем мобилизации их внутренних возможностей и резервов. Капитализм, не думающий о соревновании с социализмом, — это одно. Такой капитализм прекратил свое существование уже в 1930-е годы. Однако практика современного экономического микролиберализма направлена на его воскрешение. Капитализм, сформировавшийся применительно к условиям конкурентной борьбы с социализмом, — это уже совсем другое. Это посткапитализм. Это государственно-корпоративное, социально ориентированное рыночное хозяйство, по многим параметрам отличное от «дикого капитализма».

То же самое, впрочем, можно сказать и о социализме. Ведь элементы синтезной, конвергентной модели стали складываться в Советской России при НЭПе (т.е. в те же годы, что и на Западе!), в условиях которого развивались кооперативы и институты именно групповой собственности, свободные и самоуправляющиеся. Этот процесс неизбежно привел бы и к демократизации политической системы. К сожалению, однако, большевики считали НЭП «временным отступлением» от социализма, и еще В. И. Ленин в конце жизни объявил его законченным. После его смерти И. Сталин окончательно задавил НЭП и вернул страну к тоталитарному социализму. Синтезный уклад оказался гораздо сложнее антитезисного, и Россия, будучи отсталой страной в экономическом отношении, оказалась к нему менее готовой по сравнению с развитыми странами Запада.

Если взять международный аспект коммунистического и социалистического эксперимента в России, осмыслив его не в категориях геополитических побед и поражений отдельных государств, а в категориях общепланетарной цивилизации, человечества в целом, то следует сказать, что революция 1917 г. действительно была величайшим событием не только XX в., но, возможно, и всей предшествующей мировой истории, поскольку она явилась первой попыткой перейти на практике от «предысторического» к коммунистическому типу общественного раз-

вития. И попыткой, которую нельзя признать полностью неудачной. Ибо общественный характер отношений собственности начал складываться в мире повсеместно именно под влиянием коммунистического эксперимента в России. Именно в этом смысле следует понимать, что государственно-монополистический капитализм содержит предпосылки коммунистического способа производства. Такими предпосылками являются формы обобществления отношений собственности, а отнюдь не крупное машинное производство, которое было адекватно капиталистической форме производства. Так что прав был Ю. Потехин:

«Русская революция положила настолько резкую грань на всю историю человечества, что от нее, как от появления христианства или открытия Америки, будут отсчитывать летоисчисление новой эры»³⁸.

Вместе с тем войти в эпоху коммунизма оказалось невозможно, не претворив в жизнь марксову теорию уничтожения частной собственности, т.е. последовательно не сняв различные формы отчужденных производственных отношений. Попытки решить эту проблему сугубо административным путем привели к созданию тоталитарного социализма, который хотя и сумел (огромной ценой!) решить проблему индустриализации аграрной страны, оказался все же не способен взять постиндустриальный барьер. Логика его противоборства с капитализмом потребовала достичь западного уровня производительности труда и эффективности производства. С этой целью нужно было привести производственные отношения в соответствие с производительными силами. Но такое приведение, как выяснилось, могло означать только искусственное воссоздание всех форм частной собственности, вплоть до капитала. Чем сейчас, собственно говоря, и занимается Россия, осознавшая, что последовательное проведение принципиальной линии «марксистов вообще» означает «побивание» зарубежного капитализма путем создания отечественного.

Образование Советского Союза было первым историческим экспериментом, имеющим в виду создать новую историческую общность людей из народов разных историй и культур, разных религий; общность, исключаящую господство народа-метрополии и подчинение народов республик («колоний»). Жестокое отношение коммунистического режима к народам СССР, включая русский, противостоит естественным образом уживалось с политикой равноправия, взаимопомощи, взаимной симпатии и благожелательности. Объяснение этому, вероятно, следует искать именно в том, что все народы бывшего СССР были объединены единым замыслом, общим историческим проектом. Многие малые народы, не имевшие письменности, обрели и создали литературу на родных языках. Бедствия какой-то одной республики переживались всей страной, и все вместе их преодолевали. Развитие национальной культу-

ры в целом поощрялось. Если и имела место русификация, то она реализовалась режимом по существу за счет дерусификации русского народа. Подобного рода «русификация» не столько подавляла, сколько просвещала, приобщала к ценностям русской, а через нее и мировой культуры. Малые народы только через Россию, через переведенные на русский язык произведения нерусских писателей выходили на мировую арену (как, например, Чингиз Айтматов и Расул Гамзатов). Только в условиях Советского Союза и распространения русской культуры стали возможны такие культурные явления, ставшие достоянием мировой культуры, как, например, грузинский и литовский кинематограф.

О преступной депортации целых народов, о государственном антисемитизме миру хорошо известно. Вместе с тем слова о том, что в Советском Союзе сложилась новая историческая общность — советский народ, — это не только пропаганда в том смысле, что СССР показал возможность глубокой интеграции народов различных культур, религий, исторического опыта, населяющих свои исконные, унаследованные от предков территории. Весь XX в. прошел под знаком этого великого исторического эксперимента. Осмыслить этот исторический опыт, в котором угадываются контуры грядущего, еще предстоит многим поколениям этнографов, социологов и философов.

Наконец, следует признать еще одно достижение русского коммунизма. Он дал антропологическое обоснование философии научно-технического прогресса, заявил о возможности гуманизировать этот прогресс и направить его в русло Общего Дела. А пока человечество существует, эта задача всегда будет стоять перед ним. Русский коммунизм противопоставил науку, одухотворенную Общим Делом, слепоте и смертоносной силе Природы. Он заявил о смерти как о неразвитости природы и мира и пообещал борьбу с нею силами Человека через научно-технический прогресс. Без трансцендентного, без сверхъестественного, без благодати. При этом русский коммунизм обосновал трансценденцию, сверхъестественность и благодать самого Человека³⁹.

Коммунизм и фашизм

После распада СССР на Западе и в России широкое хождение получила теория, в соответствии с которой поражение русского коммунизма следует уподобить поражению немецкого фашизма во Второй мировой войне. При этом проводится прямая аналогия между тоталитарной фашистской и коммунистической идеологией и диктатурой. Раздаются даже кощунственные заявления о том, что в Великой Отечественной войне по обе стороны окопов воевали фашисты, только-де с разными флагами.

Вот что пишет, например, З. Бжезинский:

«Феномен коммунизма как мощного политического явления XX в. следует рассматривать с подъемом фашизма и нацизма. В действительности у коммунизма, фашизма и нацизма были общие родовые признаки, исторические связи и изрядное политическое сходство. Все они были ответом на травмы индустриального века, на появление первого поколения промышленных рабочих, ответом на беззакония раннего капитализма и на недавно возникшее чувство острой классовой ненависти, порожденное этими обстоятельствами. Первая мировая война привела к крушению политических ценностей и политического порядка в царской России и императорской Германии. Она породила резкие социальные трения в недавно вставшей на путь индустриализации Италии. Все это стимулировало подъем движений, которые преподносили проповедь социальной ненависти в обертке концепции социальной справедливости и провозглашали организованное государственное насилие в качестве инструмента общественного освобождения»⁴⁰.

То же самое, хотя и в более мягкой форме, проповедует А. Янов со своей навязчивой идеей «веймарской» (т.е. предфашистской в его понимании) России. Исходная посылка состоит в том, что Россия, «проиграв» холодную войну, находится сейчас якобы в том же положении, что и Германия в 1920 г., испытывая тогда острое чувство национального унижения и неполноценности. В соответствии с «веймарским правилом» А. Янова Россия, если ее не контролировать со стороны «демократического сообщества», неизбежно, как и Германия 1920–1930-х годов, превратится в ревизионистскую державу и в конечном счете встанет на путь «нового империализма», а то и фашизма.

«...В каждом случае, — пишет А. Янов, — когда великая имперская автократия, неважно — передовая или отсталая, европейская или азиатская, пыталась в XX в. в одиночку, на свой страх и риск трансформироваться в современную демократию, дело заканчивалось одним и тем же — тоталитарной диктатурой. Всегда. Без единого исключения. Так выглядит железное “веймарское правило”»⁴¹.

В этой связи политолог призывает разработать и реализовать «антифашистскую стратегию» Запада в отношении России по аналогии с тем, как это было сделано в отношении побежденной Германии после Второй мировой войны.

В подобного рода теориях все смешано в кучу. Здесь неоправданно отождествляется положение Германии в первой половине XX в. и России в конце XX — начале XXI в., искусственно уравниваются фашистская и коммунистическая доктрины, проводятся абсолютно неисторичные аналогии между русским и немецким сознанием, германским и российским самоопределением.

Начнем с того, что положение России в конце XX — начале XXI в. существенно отличается от положения Германии 20-х, а тем более 40–50-х годов XX в. Германия действительно потерпела тотальное поражение как в Первой, так и во Второй мировой войне, что четко зафиксировано в Версальском и Ялтинско-Потсдамском международных соглашениях. Причем это было поражение не только германской военной машины и германской государственности. Это было поражение немецкого духа, раздутого до абсурда в своей абсолютизации. Абсурд лопнул, но при этом пострадало и самосознание нации в целом. Стало не только невозможным быть фашистом, ***стало стыдно называться немцем вообще***. Провозглашенное Гитлером тождество национал-социализма и немецкого духа продолжало жить, хотя и в негативной форме: идеал немецкой расы господ обратился кошмаром немецкой расы преступников. Причины этого во многом лежат в действительных особенностях немецкого сознания. «Нация поэтов и палачей», «Шиллер и Освенцим» представляют собой, как признают сами немцы, не только противоречие, но и некоторую духовную целостность.

Достаточно очевидно, что поражение и дискредитация национал-социализма могли быть восприняты немцами только с облегчением, как при исчезновении чуждой, угнетающей силы, но в значительной мере и как необходимость признаться в собственном заблуждении. По этой причине 8 мая является для Германии прежде всего Днем Поражения, в который «хорошему немцу нечего праздновать». До недавнего прошлого именно эта точка зрения являлась официально признанной в Германии, да и сегодня имеет немало сторонников. Вместе с тем 8 мая было Днем освобождения немецкого народа и влекло за собой необходимость осмысления недавнего прошлого, дабы избежать опасности его повторения. Начало общественному признанию этого мнения было положено президентом Рихардом фон Вайцеккером в его речи в Бундестаге 8 мая 1985 г. Коленопреклонение Вилли Брандта перед памятником в польском гетто в 1970 г. было именно символом покаяния, признания вины и сожаления о прошлом.

В сегодняшней Германии прежде всего нельзя быть националистом и антисемитом. Показ на художественной выставке нескольких картин эпохи национал-социализма вызывает целую дискуссию, хотя полотна (среди них — ни одного портрета фашистского деятеля) вывешиваются отдельно от основной экспозиции, где-то в боковом коридоре, причем через каждые две картины висит повторяющаяся табличка с осуждающим комментарием.

Можно ли говорить о сходстве положения Германии после краха национал-социализма и России после утраты коммунизмом своего гос-

подствующего положения как идеологии и общественного строя? Этот вопрос можно сформулировать и так: произошла ли в связи с поражением коммунизма дискредитация русского духа, как это произошло с немецким духом после крушения идеологии национал-социализма? Можно ли говорить также и в случае России об определенном отождествлении и срастании национального сознания с господствующей идеологией?

Мессией в коммунизме является не народ как единство интересов всех составляющих его классов, а класс. А потому классовая борьба коммунизма противостоит общественной гармонии национал-социализма. Но именно в этом состоит различие русского и немецкого национального характера. Основанный на идеализме, но сориентированный на материальное процветание нации (каждому — именице на Украине), национал-социализм был совместим с немецким сознанием. Основанный на материализме, но нацеленный на осуществление вечных общечеловеческих идеалов (равенство, справедливость и т.д.), коммунизм оказался совместимым с сознанием русским.

Однако поскольку в основе коммунизма лежит не национальный, а классовый принцип, то крах идеологии не вызвал в качестве прямого следствия национальной дискредитации. Напротив, было логично ответное усиление национализма как поиска иного, более адекватного воплощения русского духа в политической идеологии. Как отмечал Г. Федотов, революция «страшно обеднила, искалечила», но не погубила русского национального типа». В отличие от Германии в России дискредитация коммунизма не ведет к тому, что становится «стыдно» быть русским. Сталинские лагеря, финская и афганская войны, брежневские «психушки» для инакомыслящих — все это имеет «советское алиби». Тем самым создается противопоставление: советское отечество со всеми его «грехами» и оставшаяся незапятнанной русская нация, получившая теперь возможность свободного и адекватного самоопределения. Эта возможность переадресовать все упреки в неблагоприятном прошлом анонимному «отечеству» избавляет от необходимости «забыть», подавить воспоминания или же нести комплекс национальной вины.

Более того, именно русские оказались основной жертвой сталинского режима. Именно по русскому сознанию, по исторической памяти русского народа, по национальной культуре и ее живым носителям большевики нанесли главный удар, тяжелые последствия которого ощущаются и сегодня. Этнический геноцид, депортации, массовое производство «врагов народа», грубая ассимиляторская политика, сознательное стравливание народов на территории бывшей Российской империи, попрание национальных чувств, гонения на русскую интеллигенцию, кампании по борьбе с «буржуазным национализмом», «космополитизмом», т.е. преследование национального как националистического, про-

извольное изменение границ, произвольное создание и упразднение республик и областей, вовлечение людей всех национальностей, включая прежде всего русских, в кровавую оргию, в дело античеловеческое как высоконравственное, методичное разрушение общероссийских национальных традиций, корневых условий жизни русского и других объединившихся вокруг него народов — все это, разумеется, наложило глубочайший отпечаток на сферу национальных отношений, поколебало фундаментальные основы русского национального бытия.

Вместе с тем глубинные пласты российской цивилизации, закодированные в русском национальном сознании, в духовном мире миллионов людей, складывавшемся на протяжении многих столетий, основы народной нравственности не были полностью уничтожены. Более того, в наиболее драматичные моменты советского периода, как это было, например, в годы Великой Отечественной войны, именно национальное в Большой России брало верх над интернациональным и космополитическим. И в конечном счете свержение коммунистического режима оказалось триумфом русского национального сознания над сознанием коммунистическим.

В Германии бациллой нацизма был поражен почти каждый немец (включая женщин и подростков), и вся нация превратилась в нацию-фаната. Нацистский режим там не был отделен от национального самосознания немцев, а скорее в инфернальной форме выражал на том этапе это самосознание.

В России мы наблюдаем совсем иную картину. Коммунистические фанатики даже в послереволюционные годы встречались далеко не часто (это были единицы), а уж во времена позднего СССР — в 1970–1990-е годы — сама комидея стала пищей для анекдотов; настоящих же, убежденных коммунистов не осталось даже среди членов Политбюро. Да и в самые мрачные, сталинские времена следует различать реальный энтузиазм и спокойное счастье простых советских людей, с одной стороны, и уродливый тоталитарный режим и культ вождя — с другой. Очевидно, что режим и нация в одном случае — единое целое, а в другом, как говорится, «две большие разницы». Именно это обстоятельство и противоречие в случае с коммунистической Россией придает сталинизму не характер исторической ошибки русского народа, некоего исторического недоразумения, а характер русской трагедии, в которой страдальцем является русский народ. Аморальность и чудовищность сталинизма есть, таким образом, некий внешний и чуждый его природе феномен.

Немецкий солдат шел воевать в Россию, убежденный, что «Германия превыше всего», что евреи, французы, поляки, чехи, русские и т.п. — это «недочеловеки», подлежащие уничтожению в концлагерях и газовых камерах. Он беспрекословно, подобно роботу, исполнял приказы режима.

Русский солдат шел воевать не за коммунистическую идею, а за свой дом, жену, мать, Родину, за Россию. Он, конечно, тоже выполнял приказы, но то были приказы не режима, а других русских людей, думавших так же, как и он, и воевавших за те же ценности, что и он. Дуализм, раздвоенность личности и режима породила странный, на первый взгляд, и недоступный немецкому сознанию феномен: личная борьба русского солдата. Его личная война во многих случаях — когда осознанно, а когда и нет — приобретала характер протеста против сталинского режима, против сталинизма.

Драматичность той эпохи выразилась и в борьбе, с одной стороны, энтузиазма, коллективизма, романтики, а с другой — рабского послушания, страха, морального падения. Этот конфликт был не только социальным, он был внутренним конфликтом каждого мыслящего советского человека. В известной степени именно этот конфликт вдохновлял творческую интеллигенцию того времени на создание подлинных шедевров мировой литературы, поэзии, искусства и кинематографии.

Создано ли было что-либо подобное в фашистской Германии? Ничего, кроме торжественных маршей и развлекательных фильмов. Немецкий гений того времени был полностью отобилизован военной машиной Германии, не только, как известно, не приумножившей, а беспощадно испепелившей великую немецкую культуру.

Отступление коммунизма несравнимо с крушением национал-социализма и чисто организационно. Как известно, поражение Германии привело к утрате ею собственной государственности. Управление страной перешло к Контрольному совету стран-победительниц, лишь постепенно, в течение десятилетия, передававшему свои функции немцам. Возрождение государственности в Германии происходило при этом «снизу», сначала на коммунальном, потом на земельном уровне. Затем был создан ограниченный в своих полномочиях Экономический совет и лишь в 1949 г. — Бундестаг. Полный же суверенитет Западная Германия обрела только в 1949 г., после окончательной интеграции в западную экономическую и политическую систему. Эта длительная несамостоятельность имела свою положительную сторону: переходный период от тоталитаризма к демократии оказался достаточно продолжителен и гарантирован контролем извне. В России же многие структуры оказались просто унаследованы от советских времен.

Поражение Германии, ее капитуляция, в том числе и расчленение территории, закреплены во множестве послевоенных юридических документов самого высокого уровня. Нацистских преступников осудил Международный трибунал. В международно-правовой форме зафиксировано, что фашизм — это преступление против человечества.

Ничего даже близкого не наблюдается после окончания холодной войны. Ни один из документов начала 1990-х годов не говорит о «поражении» или «капитуляции» России — будь то Договор ОБСЕ, договоренности по формуле «2 + 4» или Парижская хартия 1990 г. Напротив, эти документы фиксируют обязательство всех стран ОБСЕ строить единую Большую Европу без разделительных линий на основах абсолютно равноправного партнерства. Более того, с юридической точки зрения вся территория СССР в границах 1975 г., подтвержденных в Заключительном акте Хельсинки, есть зона договорной ответственности и безопасности России — ее военно-стратегическое пространство, унаследованное ею от СССР в силу признанного всем миром правопреемства по всем договорам в области ядерного и обычного вооружения, которые продолжают действовать на этом географическом пространстве. Ни одно государство не может позволить на своем военно-стратегическом пространстве появления вооруженных сил третьих держав и вступления частей этого пространства в блоки и союзы, враждебные ему.

Советских коммунистов не судил не только Международный суд, но даже суд российский. Нигде не сказано, что коммунизм — это преступление против человечества. Коммунистические партии повсюду в мире живут и здравствуют, а нередко и побеждают на выборах во вполне уважаемых странах, называющих себя демократическими.

Наконец, поскольку распад ОВД и СССР воспринимается Россией отнюдь не как ее поражение в холодной войне (кстати, холодную войну, строго говоря, вела не Россия, а Советский Союз), то и корни чувства национального унижения здесь совсем иные. Это чувство прежде всего связано с разочарованием политикой Запада, который не сумел оценить все жертвы русского народа, принесенные им во имя прекращения конфронтации, и по существу воспользовался временной слабостью России для продвижения своих корыстных интересов. Запад не только реально не помог России выбраться из экономического кризиса, но и, предав забвению планы строительства Большой Европы, «общеевропейского дома», не допустил ее в свои ключевые военно-политические и экономические организации. Вместо этого он начал разыгрывать карту «геополитического плюрализма», препятствуя естественной политической и экономической интеграции постсоветского пространства и поощряя новых национальных лидеров к дистанцированию от Москвы. Эти действия, равно как и политика расширения НАТО в ущерб интересам России, были ею восприняты как вероломство и обман.

Геополитические игры США, усугубленные чувством разделенности русского народа, и вылились в болезненную реакцию российской элиты, в известное отчуждение от Запада, в разочарование самой идеей

равноправного партнерства с ним. В ее кругах стало усиливаться подозрение: а не прикрывал ли на самом деле Запад лозунгом «благородной» борьбы с советским коммунизмом свою извечную борьбу с исторической Россией? Объявление Западом законных национальных интересов России «имперскими амбициями»; заказное формирование там негативного образа новой России как ядра «империи зла», которая коварно поменяла вывеску, но не суть; западная русофобия, заменившая прежнюю советофобию, приписывающая русскому народу генетически «имперский» и «тоталитарный» характер, — многократно усилили эти смутные догадки. Высокомерие Запада в отношении России, мешающее ему, впрочем, активно использовать русские ресурсы, породило среди российской элиты, с одной стороны, особое чувство уязвимости или ущемленности, а с другой — убеждение, что говорить с Западом надо твердым языком силы. Причем это убеждение начали разделять как ярые русофилы, так и получившая западное образование часть российской элиты.

К этому следует добавить и то, что решающим для окончательного разгрома нацизма стало относительно быстрое восстановление германской экономики и создание предпосылок для ее дальнейшего интенсивного развития. План Маршалла не случайно включал энергичные экономические меры, считая их весомым аргументом в пользу западной системы. Национал-социализм оказался, таким образом, не только политически разгромлен и идеологически дискредитирован; он был «похоронен» также административно и экономически. Легко заметить, что всего этого в силу различных причин не произошло с коммунизмом. А потому возрождение коммунистической идеологии в России явилось таким же логически обоснованным процессом, как и возрождение национального самосознания. Западу поэтому следует признать, что ситуация, в которой оказалась Россия в 1995–1996 гг., когда она ощутила себя на волосок от коммунистического реванша, во многом была обусловлена не только неудачами российских экономических реформ, но и его собственной неадекватной и эгоистической политикой.

Радикальный пересмотр этой политики, признание за Россией ее законных национальных интересов, всемерное содействие демократическим преобразованиям, в том числе и путем оказания массивной экономической помощи, незамедлительная интеграция России в ключевые политические и экономические институты Запада, причем не на правах «бедного родственника», а на правах равного партнера, — таковой в общих чертах может и должна стать антикоммунистическая (если угодно, то и «антифашистская») стратегия Запада в отношении России на современном этапе ее национального и мирового развития.

Будущее русского коммунизма

Крушение советского коммунизма — явление закономерное. Можно по-разному относиться к созданной большевиками Красной России (подлинная история которой еще ждет своего исследователя), но нельзя отрицать, что вместо Царства Божьего в Советской России было создано Царство кесаря, которое в конце концов привело к деградации человеческого духа. Не решил коммунизм и проблемы экономического отчуждения, которое К. Марксом было объявлено «первородным грехом», коренным злом мира сего. Ликвидировав капиталистические формы отчуждения, коммунизм лишь заменил их новыми, возможно, еще более отвратительными, не преодолев отчуждения как такового. Пресловутый «скачок из царства необходимости в царство свободы» (добавим, в царство безбожное) в конечном итоге обернулся в России новым, еще более чудовищным порабощением.

Впрочем, все это задолго до революции 1917 г. было предсказано русскими мыслителями. Они же показали, что главной причиной грядущего неизбежного поражения коммунизма является дерзкая попытка человеческого разума построить царство всеобщей справедливости без Бога, заменив веру в Бога верой в исторический прогресс. Один из героев Ф. Достоевского говорил, что коммунизм «есть не только рабочий вопрос или вопрос так называемого рабочего сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения Небес с земли, а для сведения Небес на землю» («Братья Карамазовы»). Сокрушительное поражение этого замысла — основная предпосылка возрождения в России православной веры и русской идеи⁴².

Коммунизм не предвидел и не учел тех фундаментальных тенденций и противоречий, которые сформировали облик международной ситуации к концу XX в. Он недооценил роль этноса и национализма, в результате чего взрыв национального эгоизма и национальные конфликты, сыгравшие не последнюю роль в распаде СССР, стали для него шоком. Равным образом советский коммунизм недооценил роли религии, в частности, он оказался не готовым к беспрецедентному возрождению ислама в СССР. И последнее, возможно, самое важное: советский коммунизм был застигнут врасплох наступлением постиндустриального общества, технотронной революцией, которая радикально трансформировала наряду с изменением социальной политики в пользу малоимущих социальную структуру и систему распределения власти в основных промышленно развитых странах Запада.

Следует помнить и о том, что политическая и экономическая мощь СССР как сверхдержавы была основана главным образом на военной

мощи, в то время как экономически он представлял собой среднеразвитое государство. Конкурентоспособная часть советской индустрии, открытая для высоких технологий, почти целиком была сосредоточена в области производства вооружений. Размывание этой основы в короткий промежуток времени привело СССР к потере качества сверхдержавы.

Великий провал коммунистического эксперимента в России включает в себя чрезвычайно дорогую, поскольку она выразилась в миллионах человеческих жизней, цену за действительно достигнутые экономические цели, упадок продуктивности экономики в результате государственной сверхцентрализации, прогрессирующее ухудшение чрезмерно бюрократизированной системы социального обеспечения, которая вначале представляла собой важнейшую заслугу коммунистического правления, бессмысленное уничтожение значительной части талантов и подавление творческой политической жизни общества, прекращение его развития в области науки и культуры из-за догматического государственного контроля этой сферы.

Институциональные изъяны советского коммунизма многократно усугубили его ущербность и уродство. Коммунистический стиль действий помог создать политическую систему, в которой не было предохранительных клапанов и систем раннего предупреждения. Симптомы болезни было принято скрывать от верхушки власти. В высшие инстанции поступала в основном ложная информация. Страх препятствовал критической оценке ситуации. Вождь держался за власть, пока позволяло здоровье и пока ему удавалось держаться на плаву в политическом смысле. Его смещение было обычно связано с болезненным политическим конфликтом. Отсутствие механизма смены скомпрометированных правителей привело к тому, что основным критерием сохранения руководящего положения стал эффективный контроль над властью, а не успех политики. Накапливающиеся в этом организме противоречия, которым не было выхода, рано или поздно должны были погубить сам организм. Что и произошло в 1991 г.

Можно согласиться с С. Франком, который считал, что русский коммунизм — это болезнь «роста и развития русского народа», явление «духовного упадка, извращения и кризиса, которые сопровождают переход детства к зрелости в индивидуальном организме»⁴³. Эта оценка относится к философским и религиозным причинам поражения коммунизма. Имеются, конечно, и политические причины. Главная из них состоит в том, что рационалистическая утопия не могла существовать бесконечно долго в такой идеалистической стране, каковой является Россия.

Следует, впрочем, различать будущее русского коммунизма как партии и как идеи. Причем парадокс состоит в том, что в условиях со-

временной России сохранить и партию, и идею одновременно невозможно. Придется пожертвовать либо тем, либо другим.

Рассмотрим с позиций всего сказанного современный российский коммунизм. Начнем с того, что этот коммунизм ничего общего не имеет с марксизмом. Это, конечно, не революционный запал молодого К. Маркса, который, как об этом сказано выше, рассматривал коммунизм как историческую предтечу «положительного гуманизма».

Современный коммунизм весьма далек и от ленинизма. В нем нет ни мессианской идеи мировой пролетарской революции, ни концепции построения социализма в одной отдельно взятой стране. Нет в нем и революционного пафоса первых советских пятилеток, который мы слышим в замечательных советских песнях и видим в высокохудожественных советских кинофильмах.

Вряд ли современный коммунизм можно назвать в полной мере даже сталинским — хотя КПРФ, как известно, возвеличивает И. Сталина и в теоретическом плане, безусловно, наследует созданный в эту эпоху «большевистский фундаментализм», полностью умертвивший Красную Идею. Но сталинские годы были временем великого подвига поколения советских людей, победивших фашизм, восстановивших затем из руин огромную страну, создавших сверхъестественным напряжением ядерную бомбу и ракетное оружие. А здесь уже были включены иные мотивы социальной активности русского народа — скорее национал-патриотические, чем идеологические. С коммунизмом они если и имели, то мало общего.

Таким образом, ни к Царству Свободы, завещанному К. Марксом, ни к Красной России, созданной большевиками, ни к национал-большевизму Сталина Г. Зюганов и его движение не имеют ровно никакого отношения.

Что же тогда остается? Эпоха застоя? Действительно, Г. Зюганов и его соратники провозглашают 1960–1970-е годы наиболее стабильным периодом в истории СССР, когда осуществлялось медленное, но якобы устойчивое «повышение уровня благосостояния народа». Если это так, то идеал Г. Зюганова — это годы правления Л. Брежнева, Ю. Андропова и К. Черненко.

Спору нет, в 1970-е годы в материальном плане мы жили лучше, чем в 1930-е, 1950-е и даже 1960-е годы (когда мы считали, что дела у нас в целом шли неплохо). Но нельзя забывать, что в это время мы, во-первых, проедали результаты поистине титанических усилий первых поколений советских людей (т.е. наших дедов и отцов) — результаты, достигнутые с помощью мобилизационной модели экономического развития. А во-вторых, мы проедали наши сырьевые — в первую очередь нефтяные — ресурсы благодаря удачно сложившейся внешне-

экономической конъюнктуре (т.е. национальное достояние, принадлежащее не только нам, но нашим детям и внукам). Можно поэтому прямо сказать, что в 1970-е годы мы жили исключительно за счет нашего прошлого и за счет нашего будущего (что, собственно говоря, делает Россия и сейчас). Обещать людям возврат в эти времена — это бессовестный обман, ибо все эти ресурсы уже растрочены.

Кроме того, подобные обещания означают, что современный российский коммунизм мыслит развитие России именно в потребительской парадигме. Если это так, то он явно неспособен, несмотря на все рассуждения о «соборности, духовности и державности», противопоставить обществу потребления идеал духовный и нравственный, т.е. гораздо более высокий, мобилизовать нового постэкономического исторического субъекта. А без этого немислим переход к инновационному развитию России, который является главной предпосылкой ее успешного развития в XXI в.

Наконец, следует признать, что после роспуска КПСС, СССР и Советов всех уровней — причем при поддержке абсолютного большинства населения (кто активно помог, кто промолчал, фактически поддержав) — советский период российской истории закончился окончательно и бесповоротно. Об этом красноречиво говорят события в августе и декабре 1991 г. и в сентябре—октябре 1993 г. Такова воля народа, и не считается с нею нельзя.

Сознавая проигрышность и ущербность своих позиций, некоторые деятели КПрФ говорят, что они вовсе и не коммунисты, а социал-демократы. Это тоже неправда. Социал-демократия, как известно любому школьнику, является отражением развитых капиталистических отношений. А потому в России ею пока и не пахнет. Это в Польше стал возможен феномен возрождения социал-демократии, поскольку она так или иначе там уже была, а коммунистический режим там был навязан извне, т.е. был генетически чуждым и неорганичным. В России же ситуация сложилась, как было показано выше, по-другому. Кроме того, социал-демократия — это по существу перераспределение в пользу более слабых национально-богатства, созданного в недрах процветающей рыночной экономики преуспевающим средним классом. Неслучайно социал-демократические партии, созданные в Европе еще в конце XIX в., в массовом порядке стали приходить к власти лишь в 60–70-е годы XX в., когда в наиболее развитых европейских странах этим классом (а не олигархами!) было накоплено действительно реальное экономическое богатство⁴⁴. В России наследство большевиков по существу уже перераспределено, а из частного сектора пока что перераспределять, собственно говоря, нечего, поскольку средний класс у нас не сформировался по причине отсутствия условий для развития малого бизнеса. Наконец, идейные позиции КПрФ,

зафиксированные в ключевых документах партии, не дают никаких оснований зачислить наших коммунистов в социал-демократы.

Во всех без исключения странах Центральной и Восточной Европы бывшие коммунисты стали цивилизованными парламентскими партиями, приняли демократические правила игры и не помышляют о социальном реванше. Ни одна из левых партий в этих странах не придерживается коммунистических принципов в реальных экономических преобразованиях и не шла на выборы под лозунгом: «Банду Желева (Валенсы, Гавела, Клауса) — под суд!..» Ни одного из политиков в этих государствах не окружали фигуры, подобные В. Анпилову, А. Макашову и В. Шандыбину. Польские или венгерские левые по своим экономическим взглядам были гораздо ближе к «правому» правительству М. Касьянова, чем к Г. Зюганову. Голосуя за них, люди не опасались, что вернуться плановое хозяйство, очереди и талоны на сахар. Страны бывшего социалистического лагеря живут в иной системе координат, чем Россия. Они интегрируются в Европу, развивают рыночную экономику, и ни одно правительство не сделает даже попытки свернуть с этого пути. Даже те политики, кто голосовал против А. Квасьневского в 1995 и в 2000 гг., сознавали: и при этом президенте демократии ничто не грозит, а через несколько лет в стране состоятся очередные выборы. Кто мог дать такую гарантию России, если бы власть в 1996 или в 2000 гг. оказалась в руках Г. Зюганова? Ведь российские коммунисты не отреклись не только от В. Ленина, который, по словам Н. Бердяева, «став одержимым максималистической революционной идеей, в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом, потерял непосредственное отношение к живым людям, допуская обман, ложь, насилие, жестокость», но даже от И. Сталина, который «осуществил перерождение коммунизма в своеобразный русский фашизм»⁴⁵. Этим они и отпугнули избирателей. В результате Россия и в 1996, и в 2000 гг. стала единственной посткоммунистической страной, где граждане выбирали между прошлым и будущим, а не между двумя путями в будущее.

Если КПРФ и в самом деле шла на выборы, чтобы в случае победы поставить Россию на социал-демократические рельсы, будь то шведская, австрийская или иная модель, она должна была в своей платформе решительно осудить тоталитарное извращение коммунистической идеи, допущенное в теории и особенно в практике большевизма, КПСС, Советского государства. Однако в платформе об этом не было ни слова. С другой стороны, социал-демократизация должна была бы побудить КПРФ к смягчению ее позиции в отношении политики перестройки М. Горбачева: мол, замысел был в принципе верный, обновление партии и страны было необходимо, но практическая реализация курса реформ,

исходящих «сверху», от руководства КПСС во главе с М. Горбачевым, оказалась неудачной. Но и такой переоценки нет ни в платформе, ни в других документах КПРФ. В то же время весь сталинский период становится в них по существу объектом апологетики. XX съезд и хрущевское десятилетие рассматриваются как начало ереси и разложения, а уж перестройку иначе как предательством не называют. Ухитрившись поставить М. Горбачева в один ряд с Л. Троцким и Л. Берия, наши коммунисты не задумываются, что тем самым отвергают и все демократические достижения перестройки, кстати, все, что предусматривалось советскими конституциями, — свободу слова, создание полноценного парламента, реабилитацию репрессированных народов, прекращение преследования церкви и т.д. Иначе говоря, нынешние коммунисты собственноручно дают козыри своим противникам, подтверждая тезис о несовместимости социализма с демократией.

Наконец, в документах КПРФ нет ни слова об ответственности КПСС, Советского государства за очень многие из тех экономических и социальных трудностей, которые ныне переживает Россия, ее народ. Запущенное сельское хозяйство, гипертрофированный военно-промышленный комплекс, нерешенность жилищного вопроса, бездорожье, неконкурентоспособность многих видов отечественной продукции и т.д. и т.п. — все это прямой результат прежней общественно-экономической системы. Отсутствие в платформе слов осуждения в адрес политики всеобщего огосударствления собственности и жесткой централизации управления экономикой наводит на мысль, что поддерживающие Г. Зюганова силы вполне могут попытаться восстановить эту систему. Это заставляет думать, что кандидат в президенты и стоящие за ним силы не заинтересованы в гражданском мире и в случае их прихода к власти Россию ждут новые потрясения.

Ахиллесова пята отечественных коммунистов в том, что они никак не могут избавиться именно от большевистского наследия (которое, напомним, по сути говоря, выхолостило и умертвило оригинальные идеи К. Маркса) и поэтому при самых благих намерениях будут находиться под подозрением общества, не желающего расставаться с обретенной в результате реформ политической свободой. Лидер партии неустанно заверяет в своей решимости блюсти законность, не покушаться на гласность и другие демократические завоевания последних лет. Между тем официальная программа, заявления видных деятелей и теоретиков, пафос печатных изданий КПРФ свидетельствуют, что ее идеология не развивается в сторону признания демократических принципов, а, напротив, ползком возвращается именно к «большевистскому фундаментализму». Причину этому, видимо, следует искать в том, что внутри КПРФ и левой коали-

ции в целом верх одержали силы, тяготеющие к небольшевистской стратегии и тактике, старой модели социализма, т.е. «непримиримые» деятели, толкающие к реставрации СССР и социализма в его худшем варианте. Подобно Бурбоном, они ничего не забыли и ничему не научились.

Таким образом, на деле КПрФ — это не «мини-КПСС» и не ее наследница. КПрФ — это КПСС, из которой вместе с нацотрядами, конформистами и прочими «прилипалами» вышли: а) люди социал-демократических убеждений; б) профессионалы и просто социально активные люди, лишенные в советские годы возможности реализовать себя, не имея партбилета в кармане; в) бывшие номенклатурные технократы, которые в целом благополучно «конвертировали» власть в собственность и сегодня стали элементом политической системы новой России. С их уходом, с крахом интернационалистской марксистской идеологии и утратой державных функций партия обрела отчетливо маргинальный и национал-социалистический облик. В КПрФ остались в основном «политруки», слабо представляющие, что такое современная Россия. Кстати говоря, соскальзывание к национально-патриотической идеологии — одно из главных отличий КПрФ от КПСС, которая последовательно придерживалась идеологии пролетарского интернационализма. СССР теоретически был государством мирового (а не русского) пролетариата, т.е. государственно организованного мирового пролетариата, противостоящего государственно организованной мировой буржуазии (на практике, конечно, большевистская власть с самого начала была люмпенской). Отсюда выводился и тезис об основном противоречии эпохи как противоборстве двух социально-экономических систем, персонифицированных двумя антагонистическими классами.

Если в Литве, Венгрии и Польше к рулю вернулись выпускники школы «социализма с человеческим лицом», либеральные реформаторы-западники, то в России власть стремились захватить «революционеры-патриоты». В отличие от восточноевропейских коллег, которые вышли из социал-демократических фракций своих компартий, коммунисты России происходят в своем большинстве из догматического сталинистского крыла бывшей КПСС, в свое время образовавшего — в противовес реформистскому курсу М. Горбачева — Российскую Компартию И. Полозкова. Среди них весьма популярны отнюдь не идеалы западной социал-демократии (само слово «социал-демократ» отождествляется многими из них, вслед за В. Лениным, с «социал-предателем»), а патриотические идеи русских традиционалистов и монархистов. Неслучайно лидер КПрФ выразил свое горячее восхищение «чеканным лозунгом графа Уварова: православие, самодержавие, народность» и оценил Февральскую революцию 1917 г. как «катастрофу». Обрушиваясь

на «антинародный режим» за то, что тот «нелегитимен», поскольку он-де разграбил народное богатство, сам Г. Зюганов исходный пункт собственной исторической преемственности связывает с моментом разрушения священной царской власти и введения вместо нее светского института западного типа. Признавая легитимность самого президентства, он вместе с тем добивается этого поста с тем, чтобы задать «новый курс реформ», включающий искоренение самого института президентства как «не соответствующего российской исторической традиции».

Сказанного достаточно, чтобы убедиться в том, что Г. Зюганов не является ни социал-демократом, ни социалистом восточноевропейского типа. Как отмечал американский политолог А. Коэн, «он опасный, расчетливый и острожный политик, располагающий коммунистической программой действий. Он представляет собой смесь коммуниста и ультранационалиста»⁴⁶. А если это так и новейший русский коммунизм наследует в первую очередь «большевистский фундаментализм», т.е. по существу догматическую доктрину И. Сталина, круто замешенную на русском ультранационализме, то мы имеем дело с неким выкидышем российской истории, у которого шансы на выживание фактически нулевые.

Для того чтобы это понять, достаточно задаться простым вопросом: на какую историческую силу опирается Г. Зюганов? Как известно, учение Маркса опиралось на незапятнанный субъект мировой истории — класс-освободитель, пролетариат (это потом выяснилось, что он оказался «не совсем» той силой, которую видел в нем К. Маркс, а позднее — В. Ленин и Л. Троцкий). У большевиков для создания Красной России помимо энтузиазма масс, разбуженного революцией, был мощнейший резерв, доставшийся им в наследство от царской империи, — крестьянство. И этот резерв был стопроцентно использован. Л. Брежнев, как отмечалось выше, растратил некий результат истории, а точнее, исторический результат самоотверженного труда двух-трех поколений советских людей, а также сырьевые ресурсы, которые тогда можно было «конвертировать» в товары народного потребления.

Потенциал Г. Зюганова — это не пролетариат, не крестьянство и не интеллигенция. Это — люди в основном старшего, пенсионного возраста, пострадавшие от плохо продуманных реформ. Жестоко говорить, но это пассив российского общества, причем иссякающий естественным путем. Именно у этого слоя наиболее сильны реставрационные ожидания, которые и эксплуатируют самым циничным образом зюгановцы. Несчастный коммунистический электорат объединяют ненависть, разочарование и растерянность. Надо признать — это мощные стимулы, однако их никогда не удастся эксплуатировать долго одним и тем же политикам, не демонстрируя никаких положительных результатов (что,

кстати, подтвердил пример В. Жириновского). Поэтому ежегодно — в силу естественных причин — зюгановцы лишаются значительной части своего электората, а в силу этого не смогли уже на выборах 2003–2004 г. и 2007–2008 г. претендовать на роль хоть какого-то конкурента «партии власти». Правы оказались те политологи, которые считали, что уже 1996 г. стал для КПРФ роковым, и после проигрыша на тогдашних выборах она потеряла всякие шансы на превращение в реальную оппозицию.

При этом откровенная эклектика, всеядность, практически ничем не завуалированная установка на привлечение любого электората — от люмпена до интеллигента — не спасает, а скорее еще больше ослабляет КПРФ. Предвыборная платформа коммунистов, как известно, всегда состояла из двух идеологических блоков: видимого, призванного придать платформе привлекательность в глазах той большой части электората, которая в принципе приемлет курс на обновление России на началах демократии и рынка⁴⁷, и скрытого, о сути которого можно тем не менее догадаться, «патриотического» и социал-реваншистского. С одной стороны, Г. Зюганов создает образ партии, как бы дрейфующей к социал-демократии, с другой — привлекает «патриотов», тщательно сохраняя ее «державническую ориентацию». Одних заверяет, что КПРФ будет действовать в рамках Конституции, другим сигнализирует в партийной программе, что революции остаются «локомотивами истории». С одной стороны, объявляет КПРФ «продолжателем дела» КПСС, с другой — в сильных выражениях отстаивает новаторский характер своей партии, не имеющей, как он утверждает, ни идейно, ни организационно ничего общего с КПСС и более того — берущей под защиту тот строй, который большевики разрушили в 1917 г.

Весьма невнятные, как уже отмечалось, взгляды КПРФ на частную собственность. Понимая, что апология частной собственности означала бы коренную ревизию коммунистической идеи, партия допускает ее существование только на переходном этапе к «окончательному формированию социалистических отношений». В то же время осознавая крайнюю непопулярность лозунга об упразднении (и уничтожении) частной собственности, коммунисты включили в свои документы тезис о «многоукладности» экономики, намеренно оставив неясным вопрос о пропорции различных (государственной и частной) форм собственности.

Подобного рода мимикрия современного российского коммунизма, расплывчатость идеологических ориентиров, отсутствие твердого идейного стержня разрушает не только его нравственные, но и смысловые основы. Ни К. Марксу, ни тем более В. Ленину даже в кошмарном сне не снился коммунизм Г. Зюганова, в котором он умудрился скрестить «демократического ужа» и «коммунистического ежа», совместить пролетар-

ский интернационализм с национализмом, марксизм с русской идеей, а ленинизм — с православной верой. И. Сталин же за такие шутки недолго думая, вероятно, просто отправил бы Геннадия Андреевича в ГУЛАГ.

Попытки наших современных коммунистов заигрывать с представителями православной веры не должны никого вводить в заблуждение. Будучи радикальной альтернативой религии, проявлением кризиса религиозного сознания, коммунизм в силу этого с ним совершенно несовместим. По тем же причинам несовместим он и с русской идеей, ибо русская идея, по словам В. Соловьева, — это не то, что думают о России те или иные люди, а то, что думает о ней сам Бог, поставивший русскому народу свои провиденциальные цели⁴⁸. «Непримиримо враждебное отношение коммунизма ко всякой религии, — отмечал Н. Бердяев, — не есть явление случайное, оно принадлежит к самой сущности коммунистического мирозерцания. Коммунизм воздвигает гонения на все церкви, и более всего на церковь православную ввиду ее исторической роли. Коммунисты исповедуют воинствующий атеизм, и они обязаны вести антирелигиозную пропаганду. Коммунизм, не как социальная система, а как религия, фанатически враждебен всякой религии, и более всего христианской. Он сам хочет быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни»⁴⁹.

Большевистская практика, как известно, была крайне антирелигиозна и по своей риторике, и по конкретным политическим акциям. В. Ленин любил говорить, что «всякий боженька есть труположество», а в секретном письме В. Молотову от 19 марта 1922 г. прямо предписывал «стрелять попов в возможно больших количествах». И. Сталин позднее кровавой косою выкашивал верующий народ. Вера и христианство поэтому антагонистичны коммунизму. Они могут стать совместимыми лишь с системой, которую Н. Бердяев называл «системой персоналистического социализма, соединяющего принцип личности как верховной ценности с принципом братской общности людей»⁵⁰. Но такая система не состоялась в XX в. в России. Возможно, это дело будущего, причем не столь отдаленного.

Возникает фундаментальный вопрос: почему зюгановцы вторглись в чужое и даже запретное для коммунизма смысловое пространство? Если отбросить циничные политические расчеты КПРФ в ходе выборов, направленные на привлечение максимально широкого электората, то главной причиной этого является идейная и нравственная исчерпанность коммунизма на современном этапе развития России и человечества в целом. Нельзя не признать того, что ни в России, ни в какой-либо другой стране мира коммунизм не решил главной проблемы, которую он обещал решить, — проблемы человека.

Между тем главной темой православия, как и христианства в целом, является именно нерешенная коммунизмом проблема человека, который обладает аксиологической абсолютностью в том смысле, что никогда не может быть низведен до положения средства, а всегда должен рассматриваться как цель сама по себе. Эту проблему христианство решает в важнейших аксиологических аспектах, в которых коммунизм потерпел полное поражение, причем как практическое, так и духовное: гуманизм и свобода, мораль и нравственность, смысл жизни и смерти, человеческие взаимоотношения и, наконец, земная миссия человека (см. Приложение 1).

Отсюда следует важный вывод. Коль скоро КПРФ в ходе выборов 1995–1996; 2003–2004 и 2007–2008 гг. не показала себя в качестве монолитной идеологической силы, она вряд ли готова к власти. Уже не говоря о том, что только волшебники могли удовлетворение надежд, возлагаемых на коммунистов обездоленной частью населения, с выполнением обязательств перед отечественным бизнесом и границей, перед коммунистическим президентом России немедленно встала бы *проблема строя*. Заявив о возврате к строю социалистическому, он встретил бы жесточайшее сопротивление элиты и наиболее активных слоев народа (страна не может ведь менять строй раз в четыре года) и ушел бы (в лучшем случае мирно) в историческое небытие через четыре года, а скорее всего и того раньше. Заявив о сохранении преемственности своего курса «курсу демократов», т.е., по терминологии отечественных коммунистов, «антинародного режима», он скорее всего ликвидировал бы свою партию на следующий день после выборов. Ибо формула «Зюганов + Дерипаска и Абрамович (а до недавнего времени — Ходорковский)» уже совсем непонятна избирателю, который исправно голосует за Зюганова. Этот избиратель ждет от Г. Зюганова совсем другого: экспроприации экспроприаторов. Короче говоря, ни лидер КПРФ, ни руководящий слой партии сейчас не готовы к такой колоссальной ответственности, какой требует руководство сегодняшней Россией. А не вовремя свалившаяся власть может вообще угробить партию и закрыть перспективу не только для русского коммунизма, но и для левого движения в России в целом на десятилетия вперед.

Выдавая себя за наследников СССР и одновременно используя мифическую идею возвращения утерянного рая, обещая вернуть страну в «золотые» 1970-е годы, паразитируя на крахе несбывшихся надежд и неадекватных ожиданий, наши коммунисты заведомо идут на чудовищный обман, даже не задумываясь о том, что ждет Россию после очередного разочарования.

Все эти фокусы в духе Д. Копперфильда для КПРФ даром, конечно, не прошли. Партия заплатила за них радикальным расколом — между

ортодоксами и «либералами», открывшим процесс разложения и расщепления с выделением жесткой маргинальной фракции, неспособной претендовать на власть. Что касается другой части КПРФ, то она эволюционировала не в социал-демократов, конечно, а во вполне пластичных оппортунистов, конструктивно сотрудничающих с властью и бизнесом на взаимно приемлемых условиях. Такой раскол — явление в целом здоровое и позитивное, ибо оно ведет к установлению нового баланса политических сил, который, как можно надеяться, позволит в ближайшие годы преодолеть нынешнее противостояние в обществе и направить политическую энергию этих сил в область созидания и укрепления государства и страны. В этой ситуации воинственные заявления Г. Зюганова в адрес президента и правительства, которые он время от времени делает, все более напоминают, если использовать метафору В. Розанова, «бодливость безрогих коров и “критику на быка” раздувающейся лягушки».

Все это говорит о том, что в случае с «зюганизмом» мы имеем дело с особым, неведомым ни на Западе, ни в России явлением, которое, собственно говоря, и нельзя назвать коммунизмом. Если называть вещи своими именами, оно представляет собой бессовестную ревизию, даже подмену ортодоксального коммунизма. Неслучайно из последних работ и выступлений лидеров КПРФ слово «коммунизм» незаметно исчезло. Если же дать оценку КПРФ в более широком (как ретроспективном, так и перспективном) историческом контексте, то в ее лице коммунистическая идея выродилась в фарс, стала убудком, всеобщим посмешищем, некой весьма путаной и невнятной политической платформой, паразитирующей на издержках и неудачах российских реформ. В нашей компартии, как в зеркале, отразилась вся уродливость и неопределенность современной российской политической жизни.

Вместе с тем вряд ли можно всерьез полагать, что Б. Ельцин, А. Чубайс, В. Путин или кто бы то ни было еще «вбил последний гвоздь в гроб коммунизма». Ошибочно было бы рассчитывать и на то, что левая оппозиция обречена на «автоматическое саморазрушение». Даже если КПРФ не найдет в себе сил для радикального обновления и модернизации и уйдет из русской истории как «курьез XX века», в России найдется лидер, способный под знаменем левой идеи аккумулировать протестную энергию народа, которая сама по себе, конечно, никуда не исчезнет. В результате коммунизм вновь окажется в XXI в. одним из основных субъектов политического процесса. А вот смогут ли демократы вновь демонизировать коммунистов (уже новых) и за счет этого мобилизовать в свою поддержку общественное мнение — это еще очень большой вопрос. В августе 1991 г. действительно казалось, что с коммунизмом покончено навсегда.

Однако уже в 1996 г. потребовалось применить всю мощь государственной машины, чтобы не допустить коммунистического реванша.

Для того чтобы КПРФ смогла выжить в качестве партии, ей достаточно выполнить всего три условия: публично отказаться от идей, противоречащих Конституции Российской Федерации, в частности, безоговорочно признать право частной собственности и наложить запрет на любую форму пропаганды социальной и национальной вражды; отказаться от людей, высказывающих антиконституционные идеи; отказаться от названия самой партии. В этом случае КПРФ перерождается в партию левоконсервативного или социалистического толка, не только не являющуюся антисистемной силой, но встроенную в существующую политическую систему на правах цивилизованной оппозиции. Но тогда надо расстаться с надеждой абсорбировать энергию протеста народных масс, а следовательно, уже более не претендовать на право призывать народ к сопротивлению власти, звать его на митинги, улицы и площади. Ибо формула «конструктивно-непримиримой оппозиции» в России не пройдет.

Гораздо сложнее сохранить коммунизм как идею. Для этого необходимы поистине гениальные умы — не чета нынешним «теоретикам» КПРФ. Новая интеграция российского (а через нее — и международного) коммунистического движения может осуществиться только на основе коммунистической теории, которая им ныне утеряна. Однако воспользоваться правом коммунистического первородства на данном этапе уже мало. Необходимо совершить радикальное обновление этой идеи, дав современную интерпретацию раннего марксизма, создав привлекательный образ будущего для России и всего мира в целом. Только в этом случае, т.е. при условии выработки синтезного мировоззрения (которое, однако, коренным образом должно отличаться от мировоззрения эклектического), русские коммунисты получают беспрецедентные возможности для глубокого воздействия на любого политического партнера, прямой доступ, универсальный ключ к диалогу со всеми политическими силами.

КПРФ как политическая сила может ответить на вызовы времени лишь в том случае, если ее идейно-политическая платформа станет совместимой с новыми условиями развития российского общества. Точнее, если левая социалистическая идея соединится с идеями рынка, свободы и демократии, как это происходит в теории и практике многих коммунистических партий Центральной и Восточной Европы. Политическая прагматика требует от КПРФ создания национальной модели развития. Она не была бы и здесь первой: китайцы уже продемонстрировали, что такое социализм и коммунизм с китайской спецификой. Во имя разработки национальной модели развития придется отказаться от всего того в марксистско-ленинской идеологии, что этой модели противоре-

чит. Иными словами, новейший российский коммунизм не может быть новым изданием советского коммунизма: он должен стать национальным, т.е. русским. Парадокс состоит, однако, в том, что, оставшись верным России, русский коммунизм не сможет оставаться классическим коммунизмом К. Маркса. Так, нет и не может быть идеи о торжестве коммунизма в мировом масштабе, и русский коммунизм не должен хотеть этого. Он должен претендовать лишь на то место в истории, которое связано с местом и ролью русской цивилизации. Он должен отказаться от богоборчества и оставить претензию на то, чтобы стать новой религией.

Вместе с тем, если коммунисты при этом хотят действительно быть коммунистами, то они должны для себя переоткрыть программное положение «Манифеста»: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности», осмыслив его в свете многократных указаний К. Маркса на то, что, покуда существует пролетариат, частная собственность не может быть уничтожена, а лишь «упразднена», что составляет лишь начальный пункт, предварительное условие ее уничтожения; в свете слов В. Ленина о том, что пока есть разница между крестьянином и рабочим, нет ни коммунизма, ни даже социализма; в контексте классического определения «Немецкой идеологии»: коммунизм — это вовсе не некое идеальное состояние общества, которое должно быть установлено, а действительное движение, уничтожающее отчуждение, частную собственность.

Наконец, если КПРФ объявляет себя наследницей КПСС, то она должна начать с публичного покаяния, ибо вина коммунистов за происшедшее велика.

На совести большевиков много преступлений. Но главное из них — это разрушение российского общества и государства. Большевики разрушили духовную его основу, Россию «растворили» в СССР, русское национальное самосознание — в советском. Многие важнейшие для национальной безопасности и развития проблемы, с которыми сталкивается Россия сегодня, — ущербная государственность, распад страны, глубочайший демографический кризис, духовная и нравственная деградация народа, незрелость и безответственность элиты, неспособной осуществить эффективные реформы: политическую, экономическую, социальную, военную и другие — порождены богоборческим и потому тупиковым проектом, в который втянули страну большевики. Именно с этого момента, а не в Беловежской пуще, началось разрушение России. Отторжение народов произошло не от России, не от русских, а от чуждой, надуманной, неэффективной, насильственно насаждаемой антигуманной системы. То, что большевики сколотили позже — железом и кровью, — они сколотили лишь на время. Но это была уже не Россия.

После Октябрьской революции и советизации страны из российских многонациональных губерний были образованы республики с искусственными, произвольными границами, некоторые из которых превратились в «мини-империи» с господством «титულных наций», что в конечном счете взорвало Большую Россию.

Белая советизация православной России объявляется сегодня «насильственной русификацией» малых народов и этносов, существовавших в империи. Нет ничего дальше от истины. На самом деле советизация была активнейшей антирусской политикой, политикой дерусификации русского народа. В то же время многие народности бывшей Российской империи как политические, культурные и социальные субъекты сложились в недрах СССР и являются продуктами именно советской эпохи. Так обстоит дело не только с белорусами, но и с казахами, которых сейчас называют «казахстанцами» (очередная этническая «химера»), с украинцами, которые всегда были составной частью русского суперэтноса, многими другими новыми «независимыми» нациями, границы «государств» которых (ранее никогда не существовавшие) оформились именно в период истории советизированной России. В это же время получили официальный статус их языки, оформились национальные идеологии и элиты, которые, кстати, сыграли далеко не последнюю роль в крушении СССР.

Главной жертвой большевистского режима оказался именно русский народ. Это русского мужика советская власть лишила не только даже тех ограниченных прав и свобод, которые им были завоеваны при царском режиме, но и земли, да и всякой собственности вообще. Этот режим заигрывал с русским народом только один раз — в жестокие годы Великой Отечественной, когда не было другого способа победить немецкий фашизм, кроме как воззвать к русскому национальному самосознанию и русским людям (вспомним сталинское: «братья и сестры...»), вновь принесшим основные жертвы на алтарь этой войны. После нее большевистская политика дерусификации Большой России продолжилась.

Возможно, большевики руководствовались самыми благородными убеждениями, самыми высокими идеалами, самыми честными намерениями, желанием «осчастливить» человечество. Но во имя всего этого они, избрав «материалом» достижения своих целей русский народ, лишили его национальной истории, традиций, веры, подвергли испытанию на прочность генофонд нации, навязали ей чуждый, безбожный, экономически неэффективный строй, в конечном счете чуть не загубивший страну. Именно большевики — впервые во всемирной истории — объявили лозунг о поражении своего отечества, о «превращении войны империалистической в войну гражданскую», т.е. превращении войны с врагом отечества в войну против отечества, против собственного наро-

да (!). «Красный террор» и «диктатура пролетариата» стали в дальнейшем кровавыми символами этой войны против своего народа.

Отступничество большевиков от российских национальных интересов, от исторических традиций, их враждебность идеалам мирового демократического развития, циничное отрицание ценностей православия и других традиционных для многоконфессиональной страны религий, навязывание русским и другим народам России ложной идеологии и морали, противопоставление России цивилизованному миру, внушение комплекса неполноценности и неуверенности в своих силах в условиях свободного, открытого соперничества с другими народами, страха перед всемирным заговором, мифов о мессианском спасении мира и построении коммунистического рая на земле — все это привело к самоизоляции большевистской России. Последующие холодная война, авантюры во внешней политике, нецивилизованный раздел СССР, Беловежские соглашения были закономерным порождением большевистской теории и практики, логическим завершением десятилетних процессов деформации и деградации страны.

Национальные интересы России были преданы большевиками и во внешней политике. Сепаратные договоры с германским милитаризмом и кемалистско-младотурецким режимом, т.е. с бывшими врагами России и ее союзников по Антанте; сдача исконных русских территорий; противопоставление страны ее естественным историческим союзникам; международная изоляция, сговор с немецким фашизмом о разделе Европы; конфронтация с Западом после Второй мировой войны, изнурительная для народа гонка вооружений; дорогостоящие программы помощи так называемым «странам народной демократии» в Европе и «социалистической ориентации» в Азии и Африке во имя геополитического соперничества с США или и того хуже — сумасбродных идей мировой революции; наконец, военная авантюра в Афганистане — вот далеко не полный перечень международных «проектов» советского режима, далеких от интересов русского народа.

Можно только диву даваться, что в наше время духовные наследники советских коммунистов, потерпевших полное историческое банкротство и растоптавших подлинные национальные интересы страны, распнувших народ ради химеры «светлого будущего всего человечества», самозвано присвоили себе роль «защитников отечества», его национальных интересов!

Большевистский режим начинает с того, что выводит Россию из победоносной войны, лишив ее тем самым заслуженных плодов победы. Послевоенный мир устраивается уже без участия России и без учета ее интересов. Она уже не защищает своих православных собратьев — ни в Сирии, ни в Иерусалиме, ни в Палестине, ни на Кавказе.

Советский режим не препятствовал ассимиляции «средними» народами «малых», нарушая еще один имперский принцип. Этот же режим предпринял все возможное для уничтожения или выдворения из страны (2 млн эмигрантов) прежней имперской элиты, взамен которой вырастил советскую квазиэлиту, ставшую главным субъектом разрушения страны.

Разрушительные для национального сознания последствия большевистской политики мы пожинаем сейчас. Пожинает как русский народ, так и все другие народы Большой России. Однако современные российские коммунисты по-прежнему не признают не только каких-либо исторических прав за русским народом на собственное национальное самоопределение, но и исторический факт угнетения русского народа в коммунистической России. А преступные Беловежские соглашения 1991 г. (за которыми последовали массовые нарушения прав русского человека на территории бывших союзных республик, не вызвавшие их протеста) были одобрены российским парламентом при их почти единодушной поддержке.

Конечно, дебольшевизация России (до которой еще далеко) — это не дело КПРФ. Однако следует признать, что нередко встречающееся у ее лидеров отождествление России и СССР, русских с советскими (при молчаливом согласии нашего общества) никак не способствует ее решению.

Современные российские коммунисты должны публично признать вину не только за извращение марксовой теории и позднего ленинизма, за преступления сталинского режима и КГБ, но и за разрушение Большой России. Это они голосовали на своих съездах и конференциях за М. Горбачева, А. Яковлева и Э. Шеварднадзе. Это они создали такое общество, которое удалось разрушить и опрокинуть. Это в результате безответственной политики верхушки КПСС накопленные противоречия привели к краху государства и рассыпанию общества. Это они оказались неспособны таким образом обновить коммунистическую теорию, чтобы сохранить общие смыслы, цели и ценности страны, — то, что социологи называют идентификационными полями. Наконец, это они несут полную ответственность за действия (или бездействие) ГКЧП.

Безусловно, столь радикальное обновление облика невозможно без болезненного расставания с иллюзиями прошлого и серьезных внутренних потрясений. Но другого пути в XXI в. для КПРФ не существует. Пока же наши коммунисты идут в тупик. Бывший французский президент Франсуа Миттеран, как известно, из радикального социалиста смог трансформироваться в центриста, воспринять многие буржуазные ценности и создать широкую правосоциалистическую коалицию, дважды выиграв выборы. Г. Зюганов идет в противоположную сторону. Вместо того чтобы продвигаться в сторону центра, в сторону современной европейской социал-демократии, он, наоборот, говорит, что не «отступится от принци-

пов» и будет по-прежнему воплощать радикально-коммунистическую программу. Это обрекает его на неудачу. Ибо именно этот тип коммунизма, по словам З. Бжезинского, «остался в памяти людей прежде всего как самое необычное политическое и интеллектуальное заблуждение»⁵¹.

Следует, однако, постоянно помнить о том, что советский коммунизм ничего общего с коммунизмом не имел. Абсурдно поэтому утверждать, что коммунистическая Россия «похоронила» учение К. Маркса. Можно говорить в этой связи лишь о крахе советского коммунизма и тоталитарного социализма, т.е. такого типа общества, который был построен в СССР и лишь назывался коммунизмом, а на самом деле был его превращенной формой. Даже З. Бжезинский, говоря о «кончине коммунизма», делает важную оговорку: «во всяком случае той его модификации, которая известна в текущем (XX) столетии»⁵².

Коммунизм в XXI веке

Есть ли место международному коммунизму в XXI в.? После краха государственного коммунизма в СССР в это поверить трудно. Невозможно представить себе в этом столетии массовое революционное коммунистическое движение, будь то в России или в какой-либо другой стране мира, а следовательно, и ортодоксальный коммунизм большевистского (сталинского или ленинского) типа, захвативший где бы то ни было государственную власть. Не просматривается места в XXI в. и коммунизму зюгановского типа.

В сущности, перед мировым коммунизмом стоит неразрешимая проблема: для того чтобы восстановить собственный международный престиж, он должен полностью отречься от своего прошлого — во всяком случае в части, касающейся попыток воплотить коммунистические идеалы на практике. Он должен заявить, что не имеет никакого отношения к вдохновлявшимся им моделям тоталитарного социализма. Ему следует признать, что опыт «реального коммунизма» надолго (но, возможно, не навсегда) дискредитировал коммунистическую идею, которая к концу XX в. выявила свою идейную и нравственную исчерпанность.

Провал советского коммунизма нанес непоправимый удар по мировому коммунистическому движению. В 1920-е годы для большей части мира коммунистический эксперимент в Советском Союзе представлялся заманчивой дорогой в будущее. В 1930-е годы казалось, что это будущее в СССР уже создается. После Второй мировой войны и даже в 1950-е годы этот эксперимент выглядел все еще как знак будущего. Однако уже в 1960–1970-е годы (особенно после событий в 1956 г. в Венгрии и 1968 г. в Чехословакии) советский опыт виделся уже как крайне негативный пример замедленного экономического развития, которого следует избегать.

С тех пор коммунизм уже не имел практического образца для подражания. Ведь не мог же им быть эволюционирующий в сторону ревизионизма и изрядно коррумпированный уже в 1960-е годы Китай — тем более на фоне безнравственности Культурной революции, после разоблачения Мао Цзедунa как убийцы миллионов людей, по масштабу преступлений не уступавшего И. Сталину. Это объясняет лихорадочный поиск альтернативного средоточия восхищения. Крушение коммунизма вызвало тягу различных стран к «кока-колонизации», т.е. ориентацию на США и стремление внедрить у себя демократические ценности американского образца.

Это произошло по многим причинам. Прежде всего нигде в мире государственный коммунизм не преуспел в удовлетворении стремления общества и человека к материальному благополучию и личному счастью, не обеспечив по сравнению с развитыми западными обществами более высокий уровень производительности труда. Сравнение коммунистических и некоммунистических стран, находящихся на сходной стадии социально-экономического развития, в 1980-е годы, например, таких как ГДР и ФРГ, Польши и Испании, Венгрии и Австрии, свидетельствовало о том, что ни один коммунистический режим не добился лучшего положения по сравнению с соответствующими странами — будь то в категории валового национального дохода, уровне жизни или конкурентоспособности на мировом рынке. Поэтому на протяжении всего XX в. не наблюдалось сколько-нибудь значимых случаев бегства в коммунистические страны людей, привлеченных коммунистическим образом жизни, тогда как желание распрощаться с коммунизмом было очевидно на примере и советской системы, и коммунистических режимов в странах ЦВЕ и даже АТР. А. Изгоев главную причину краха русского коммунизма и социализма видел в «его ложном учении о человеке...», в том, что он «ошибался не только в своем отношении к высшим сторонам человеческой природы, к духовным стремлениям человека, но что он не понимал и стимулов его материальной деятельности, на которой собирался строить всю общественную деятельность и все общественные связи»⁵³.

Еще более важный момент состоит в том, что коммунизм не смог принять в расчет составляющее основу человеческого бытия стремление человека к индивидуальной свободе, личному счастью, благосостоянию его семьи, духовному самовыражению. В век всеобщей грамотности и массовых коммуникаций коммунизм недоучел тягу человека ко все большей возможности политического выбора. Выставляя себя в качестве самой творческой и новаторской системы, коммунизм на самом деле душил творческие начала в обществе.

Это стало особенно ясно, когда в конце XX в. государство почти повсюду перестало играть прежнюю тотальную роль в жизни общества. Одновременно везде большая роль стала придаваться индивидууму, правам человека, личной инициативе и частному предпринимательству. Растущий во всем мире упор на демократию участия, индивидуальную инициативу, на профессиональную, политически независимую солидарность отражал широкое осознание негативных уроков и опыта XX в., наглядно показавшего на примере целого ряда стран, что самые возвышенные мечты человечества могут обернуться адом, если государство становится тоталитарным и начинает вмешиваться в частную жизнь своих граждан. С другой стороны, в XX в. государство оказалось крайне неэффективным собственником, равно как и распределителем национального дохода, по сравнению с частным бизнесом и частной сферой услуг. Таким образом, встреча человечества с коммунизмом в XX в. дала болезненный, но крайне важный урок: утопическая социальная инженерия находится в фундаментальном противоречии со сложностью человеческого бытия, а социальное творчество лучше всего расцветает, когда политическая власть ограничена. Это упреждает уверенность в том, что XXI век будет веком плюрализма и демократии, а не коммунизма⁵⁴.

Уже в конце 80-х годов прошлого века почти все коммунистические страны стали искать пути экономических и политических реформ, которые были равносильны отказу от коммунистической теории и практики. Это особенно чувствовалось в странах Центральной и Восточной Европы, в которых марксизм-ленинизм всегда, впрочем, воспринимался как чужая доктрина, навязанная силой извне. Процесс органического отторжения коммунизма странами ЦВЕ, сходный с отторжением пересаженных органов человеческим телом, начался, собственно говоря, практически сразу после Второй мировой войны и в наиболее явной форме проявился в 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. в Чехословакии и в 1980 г. в Польше.

Французский и в особенности итальянский коммунизм сумел предотвратить свою быструю политическую кончину, все более скатываясь на позиции ранее проклинавшейся коммунизмом социал-демократии. Компартии Франции и Италии выжидали в 1960–1980-е годы, таким образом, за счет антисоветизма: они осудили не только сталинизм, вторжения в Венгрию, Чехословакию и Афганистан, но, в конце концов, и весь советский опыт. Уже в 1970-е годы в недрах итальянской компартии зародился новый феномен — еврокоммунизм, который был попыткой примирить коммунистическую доктрину и сложившиеся новые политические реалии за счет создания ее более умеренной версии, которая, впрочем, советскими ортодоксами немедленно была квалифицирована как ересь. Однако еврокоммунизму не суждено было стать обновленной

коммунистической доктриной не по этой причине. Стабильный экономический рост Италии и Франции способствовал упадку в этих странах крайне левых вообще и коммунистов в частности.

Что касается коммунизма в Китае, то там он приобретает все более ритуальный и символический характер. Ценой его экономического успеха становится выхолащивание идеологии. Идеал китайского коммуниста сейчас — уже не пролетарий, а предприниматель. Китай вступил в XXI век под властью официальной коммунистической доктрины, но это уже не вполне коммунистический Китай.

Отвергнутый в России и в странах Центральной и Восточной Европы, все более приобретающий коммерческие черты в Китае, коммунизм уже в конце 1980-х годов стал, таким образом, идеологией, дискредитированной в международном масштабе. Марксизм-ленинизм перестал пользоваться уважением даже среди членов ведущих компартий в качестве универсально значимого руководства к действию. Для простых людей во всем мире коммунизм стал символом задержки развития. Ни в развитых, ни в развивающихся странах никто уже не усматривал в коммунизме программу будущего. Даже улучшение ситуации в Китае не было способно компенсировать это негативное восприятие, поскольку оно достигнуто в значительной мере вследствие отхода в теории и практике от коммунистических догм. Эра монолитного коммунистического движения канула в историю уже в 1950-е годы. 1980-е годы стали концом не только единства теории и практики коммунизма, но и единой коммунистической доктрины. В комдвижении завелась «бацилла плюрализма». В Европе — на континенте, где возник коммунизм, — коммунистическое движение уже в 1960-е годы превратилось в некий рудимент индустриальной эры. В США коммунизм, как известно, всегда был даже не движением, а крошечной сектой, никак не влияющей на политические процессы. К концу XX в. возникло твердое убеждение: чем более развито общество, тем менее политически значима в нем компартия.

Коммунизм, таким образом, провалился там, где ожидалось, что он преуспеет; и он преуспел (в смысле захвата и удержания политической власти) там, где, согласно его доктрине, условия еще не созрели для его успеха. Этот парадокс привел к утрате коммунизмом его главной интеллектуальной привлекательности: ощущения, что он оседлал историю, что его неизбежный триумф равносителен прогрессу человечества. Из новейшей философской доктрины он превратился в теорию, устаревшую в теоретическом и практическом смысле. Коммунизм лишился своей исторической миссии. В этой связи нашу эпоху уже сейчас можно в основном определить как начало посткоммунистической фазы истории человечества.

Вряд ли коммунизм уже сможет претендовать и на роль новой религии. Атеизм как высшее воплощение западного рационализма и ду-

хоборчества, как высшая точка философии Нового Времени, похоже, преодолен человечеством и останется достоянием истории. Трагический парадокс заключается в том, что так же, как и коммунистические, христианские идеалы и христианский гуманизм проявлялись на практике иначе, чем в теории. Раннехристианская революция не имеет ничего общего со средневековым или даже константианским христианством, которое, став государственной религией, по существу также предало те самые ценности, за которые оно боролось и во имя которых утверждалось. В этой связи актуальны слова Н. Бердяева:

«Коммунизм есть великое поучение для христиан, частое напоминание им о Христе и Евангелии, о пророческом элементе в христианстве»⁵⁵.

С позиций современного опыта становится ясно, что коммунизмом (в том числе и К. Марксом) критиковались религиозные ценности, скомпрометированные в некоем историческом синтезе, который не отражает подлинных религиозных ценностей. В этом смысле сам атеизм есть отрицание лишь искаженного образа Бога и религии, в создании которого виноваты и сами христиане. Вернуть человеку, прежде всего, конечно, русскому человеку подлинный образ Бога — задача не только религиозных лидеров, но и всех верующих людей России. Трудно даже вообразить, что ее способны решить наши коммунисты, лицемерно пытающиеся сейчас начертать веру на своем идеологическом знамени.

Сомнительно, что коммунизм останется мировой идеологией. Вместе с тем он имеет большие шансы на то, чтобы остаться в качестве отдушины для угнетенных и обездоленных — особенно в тех странах, в которых власти неспособны справиться с социально-экономическими проблемами и постоянно плодят нищету. Он привлекателен для разочарованных своим бедственным положением и одержимых кратчайшим путем прийти к политической власти. Бедность, отсталость и национальная вражда — вот питательная среда для коммунизма. В странах же процветающих и экономически благополучных ему места нет. Роль здоровой оппозиции там занимает, как правило, социал-демократия.

Что же касается коммунизма, описанного К. Марксом, то к нему неуклонно движется история. И вызревает такой коммунизм, в полном соответствии с его учением, в наиболее развитых странах, которые сейчас принято считать постиндустриальными. Именно здесь открываются перспективы постепенного снятия различных форм частной собственности.

Уже недалеко то время, когда общество в этих странах превратится в единый класс, организовано «эксплуатирующий» производительную силу технологии. На месте отчужденных информационных связей возникнет искусственно созданная, качественно новая технология обработ-

ки информации, объединяющая в масштабах всего общества все технологические процессы в единый технологический комплекс, хозяйственный организм. Поскольку к этому времени живой труд человека в качестве источника мышечной энергии будет окончательно вытеснен из всех отдельных промышленных технологий, человек окажется полностью вне этого технологического комплекса. Тем самым будут до конца уничтожены отношения частной собственности, т.е. отношения присвоения отдельными лицами или их группами частей или элементов этого комплекса средств производства. Однако останутся неснятыми отношения общественной собственности — отношения между людьми по поводу присвоения (т.е. совершенствования использования, воспроизводства) хозяйственного организма в целом. Останутся также неснятыми отношения в сфере «обработки людей людьми» («Немецкая идеология») ⁵⁶ — технологии воспроизводства самого человека.

В гораздо более отдаленной перспективе произойдет преобразование производственно-технологического комплекса в самовоспроизводящуюся, искусственную природу, пользование плодами которой отныне будет осуществляться в индивидуальной форме, никак не опосредуемой обществом. В результате поэтапного преодоления отчуждения в сфере «обработки людей людьми» последовательно реализуется воспроизводство человека, расцветает его человеческая сущность, т.е. совокупность его способностей и талантов. Человек полностью реализует себя. При этом «свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех». Эта формула, ставя в центр отдельную личность, не забывает и о коллективе. Вполне обдуманно К. Маркс называет его не социумом (нацией, государством, цивилизацией), а «ассоциацией», чтобы у читателя не возникло никаких аллюзий с современными формами социального общения. «Ассоциация» тем и отличается от этих форм, что она свободно создана свободными индивидами. «Производство самих форм общения» — вот в чем проявится прежде всего творчество свободного человека. И именно свободное развитие каждого будет условием возникновения таких ассоциаций. Созданные произвольно свободными людьми, они будут по их совокупному согласию изменяться или распускаться, уступая место новым, столь же произвольно созданным формам с тем же или другим составом свободных индивидов. В своей совокупности они составят единое человечество. Однако никакой нивелировки, никакой социокультурной энтропии не произойдет. Напротив, тогда-то и расцветут в полной мере все национальные культуры, тогда-то и будут реализованы национальные идеи разных народов, включая, конечно, и русскую идею.

Особо следует остановиться на будущем социализма, который следует отличать от собственно коммунизма — при всем их духовном и те-

оретическом родстве. Реальный социализм в СССР построен, как известно, не был. В. Ленин называл то состояние общества, которое сложилось в Советской России в 1924 г., «социализмом в известном смысле». То, что было сделано после его смерти, вряд ли укладывается даже в эту осторожную формулировку, вопреки внедренным советской пропагандой идеологическим штампам о построении социализма «в основном», о «полной победе социализма», о «полной и окончательной победе» и т.д. Социалистическая идея как таковая, т.е. в марксовом понимании, конечно, в гораздо большей мере была воплощена в развитых западных странах.

В России сторонниками социалистической идеи с самого начала (уже во второй половине XIX в.) оказались радикалы и революционеры. Они считали возможным уничтожение частной собственности именно административным, директивным, робин-гудовским путем, т.е. путем элементарной «экспроприации экспроприаторов». Они, таким образом, не различали простого упразднения частной собственности и ее положительного упразднения, т.е. уничтожения. В результате этого невинного, казалось бы, заблуждения в среде российских радикальных социалистов и возникла легенда о коммунизме как об «идеальном способе производства» и социализме как первой стадии коммунизма. После экспроприации экспроприаторов средства производства должны были быть переданы в собственность государства, которая представлялась ими в качестве «достояния всего народа». По мысли российских радикальных социалистов, в среде которых и были воспитаны большевики, в итоге оказываются ликвидированными эксплуататоры и эксплуатация и остаются только ассоциированные работники, получающие свои доли от произведенного общественного богатства в соответствии с количеством и качеством труда. Управляет общественным производством и регулирует распределение произведенного продукта опять же государство, которое является орудием власти трудящихся. Приверженцы этой идеологии считали единственным возможным путем ее реализации революцию. В своей основе такой идеологией и явилась марксистская теория (к К. Марксу, впрочем, не имеющая никакого отношения), которая в XX в. приняла еще более радикальный вид во взглядах, программных установках и практических делах российских большевиков и их соратников в других странах, образовавших международное коммунистическое движение.

Одновременно, уже в XIX в., на Западе в лоне европейского марксизма возник так называемый ревизионизм (который на самом деле оказался гораздо более верным теоретическому наследию К. Маркса, нежели ленинизм), воплотившийся в идейных и программных установках Э. Бернштейна и его единомышленников из II Интернационала, немед-

ленно подвергнутых ожесточенным нападкам радикалов. Они отказались от идей насильственной революции, диктатуры пролетариата и даже от радикального преобразования капиталистической экономики, взяв курс лишь на придание ей все большей социальной ориентации при последовательном развитии начал, лежащих в основе западной демократии, не говоря уже об отказе от всяких благоглупостей, касающихся коренной переделки веками устоявшихся форм социальной жизни. В этом же русле стали развиваться многочисленные социал-демократические и социалистические движения, возникшие за пределами марксизма. Все эти течения образовали другой, коренным образом отличающийся от радикального поток социалистической мысли, опирающийся на традиции либерально-демократической культуры. На Западе идеология демократического социализма была взята на вооружение партиями социал-демократической ориентации и даже некоторыми чисто буржуазными силами. Приходя к власти с помощью чисто демократических механизмов, основы которых сложились еще во времена марксова капитализма, эти партии воплощали такую идеологию на практике. Они отвергли путь тотального огосударствления и насильственной экспроприации собственности. Наблюдая опыт «реального социализма», они убедились, что производство на базе так называемой общественной, а на самом деле государственной собственности, когда средства производства становятся как бы «ничейными», несравненно менее эффективно, чем при частной собственности, при наличии хозяина, заинтересованного в достижении лучших производственных результатов и несущего личную ответственность за итоги работы.

Таковы две сложившиеся уже в начале XX в. глубоко различные идеологии — тоталитарного социализма и демократического социализма. И они нашли свое практическое воплощение в двух разных типах общественного устройства, которые пришли к разным итогам и открывающимся перспективам к концу бурного и трагического XX в. И если одна из них, пролив море крови и нагромоздив горы трупов, неуклонно шла и в конце этого века пришла к своему краху, оказавшись на свалке истории, то другая, постоянно совершенствуясь и создавая все более благоприятные условия жизни для миллионов людей, неуклонно набирала и продолжает набирать силу, перерождаясь в посткапиталистическое общество, в котором капиталистическая форма организации производства сочетается с сильной социальной политикой, придающей системе распределения в значительной мере социалистический характер. Вероятно, пока это наиболее оптимальная форма общественного устройства, выработанная человечеством. А система используемых в нем социалистических принципов и способов регулирования общественной

жизни, которая по мере дальнейшего развития может становиться все более полной и совершенной, — это и есть самое большее и лучшее, что может дать социалистическая идея, которая является одним из величайших достижений общечеловеческой культуры.

«Весь мир, — предсказывал еще Н. Бердяев, — идет к ликвидации старых капиталистических обществ, к преодолению духа, их вдохновляющего. Движение к социализму — к социализму, понимаемому в широком, не доктринерском смысле, — есть мировое явление. Это мировой перелом к новому обществу, образ которого еще не ясен»⁵⁷.

Так что левая социалистическая идея России, да и миру в целом, вероятно, еще понадобится, возможно, не в качестве того «идеального горючего», которое уже однажды обеспечило России позиции сверхдержавы, но, что гораздо важнее, в качестве концепции, обеспечивающей видение перспективы национального и мирового развития.

Примечания

¹ *Бжезинский З.* Большой Провал. Рождение и смерть коммунизма в XX веке. Нью-Йорк, 1989. С. 10.

² *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 126.

³ Здесь следует вновь сослаться на Н. Бердяева: «Человек к концу новой истории, в период кризиса гуманизма, переживает глубокое одиночество, покинутость, оставленность. В Средние века человек жил в корпорациях, в органическом целом, в котором не чувствовал себя изолированным атомом, а был органической частью целого, с которым он чувствовал связанной свою судьбу. Все это прекращается в последний период новой истории. Новый человек изолируется. Когда он превращается в оторванный атом, его охватывает чувство невыразимого ужаса, и он ищет возможности выхода путем соединения в коллективы, для того чтобы преодолеть и прекратить это одиночество и покинутость, которые грозят гибелью, духовным и материальным голодом. На этой почве, от этой атомизации и рождается процесс обращения к коллективизму, создание нового начала, в котором человек ищет исхода из своего одиночества». *Бердяев Н.* Смысл истории. М., 1989. С. 124–125.

⁴ *Соловьев Э.* Освобождение духа. М., 1991. С. 315–316.

⁵ *Булгаков С.* Соч. Т. 2. С. 262.

⁶ *Лосский Н.* Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 251.

⁷ *Федотов Г.* Новый град. Нью-Йорк, 1952. С. 50.

⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 4.

⁹ *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 81.

¹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 611.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 42.

¹² *Кургиян С. Е., Аутишилос Б. Р., Гончаров П. С., Громыко Ю. В., Сундиев И. Ю., Овчинский В. С.* Постперестройка: Концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. М., 1990. С. 72.

¹³ *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 108.

¹⁴ Там же. С. 93. Сыграло роль и то качество России, которое отмечал Н. Бердяев: «Россия — самая небуржуазная страна в мире: в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвращает русских на Западе... Душа России — не буржуазная душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом...» «Вся история русской интеллигенции подготовляла коммунизм. В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и

равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному мирозерцанию и целостному отношению к жизни...» *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 60, 100.

¹⁵ Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. М., 2004. С. 21.

¹⁶ Россия XXI. № 3–4. 1995. С. 20, 22.

¹⁷ Сегодня как никогда актуальны слова П. Струве: «На развалинах России, пред лицом поруганного Кремля и разрушенных ярославских храмов мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или общину, но ей важно, чтобы ты чтил величие ее прошлого и чаял и требовал величия для ее будущего, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно и безропотно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия как живая соборная личность и как духовная сила. Ими, их духом и их мощью мы только и можем возродить Россию. В этом смысле прошлое России, и только оно, есть залог ее будущего. На том пепелище, в которое изуверством социалистических вожаков и разгулом соблазненных ими масс превращена великая страна, возрождение жизненных сил даст только национальная идея в сочетании с национальной страстью. Это та идея-страсть, которая должна стать обетом всякого русского человека. Ею, исповеданием должна быть отныне проникнута вся русская жизнь. Она должна овладеть чувствами и волей русских образованных людей и, прочно спаявшись со всем духовным содержанием их бытия, воплотиться в жизни в упорный ежедневный труд». *Струве П.* Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. М., 1989. С. 362.

¹⁸ *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 116.

¹⁹ «Старая Россия, — отмечал П. Новгородцев, — не сумела возвести русскую государственную идею на ту высоту, которая представляет сочетание твердых национально-государственных и религиозных основ с идеями равенства и свободы. Формула старой русской государственности: «самодержавие, православие и народность» давала этим необходимым основам государственного бытия догматическое и обособляющее истолкование». *Новгородцев П.* О путях и задачах русской интеллигенции // Вехи. Из глубины. С. 430.

²⁰ *Лукьянов С.* Революция и власть // Смена вех. М., 1992. С. 274.

²¹ *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 109.

²² *Чахотин С.* В Каноссу // Смена вех. С. 348.

²³ *Устрялов Н.* Patriotica // Смена вех. С. 258.

²⁴ Там же. С. 250, 371.

²⁵ *Бобринцев-Пушкин А.* Новая вера // Смена вех. С. 337.

²⁶ Природу этого явления верно описал Б. Вышеславцев: «Только жалкая психология английского и французского «Просвещения» могла вообразить, что религиозное чувство можно отменить декретами разума. Современная психология со своими открытиями огромных неизведанных областей душевной жизни показывает, что религиозное чувство и религиозный миф, изгнанные из сознания и сознательно подавляемые, продолжают жить и действовать в бессознательном, и вот эти корни, не культивируемые больше сознанием, начинают порождать страшные и уродливые атавизмы, или в лучшем случае производить на свет ростки древних изжитых религий. Атеистическая религия коммунизма имеет своих пророков, отцов церкви, свои иконы, гробницы, мощи, священное писание, догмы, патристику, имеет свои ереси, свой катехизис, свои преследования еретиков, свои покаяния и отречения, наконец, свою прекрасно организованную инквизицию.» *Вышеславцев Б.* Философская ништа марксизма. Франкфурт, 1971. С. 96.

²⁷ *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1991. С. 46.

²⁸ *Муравьев В.* Рев племени // Вехи. Из глубины. М., 1921. С. 414.

²⁹ *Ключиков Ю.* Смена вех // Смена вех. С. 242.

³⁰ *Туган-Барановский М.* Социализм как положительное учение. СПб., 1918. С. 120.

³¹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 76–77.

³² Муравьев В. Рев племени // Вехи. Из глубины. С. 413.

³³ Постперестройка... С. 65.

³⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1992. С. 35.

³⁵ Н. Бердяев в этой связи отмечал: «В коммунизме есть здоровое, верное и вполне согласное с христианством понимание жизни каждого человека как служения сверхличной цели. Но эта верная идея искажается отрицанием самостоятельной ценности и достоинства каждой человеческой личности, ее духовной свободы. В коммунизме есть также верная идея, что человек призван в соединении с другими людьми регулировать и организовывать социальную и космическую жизнь. Но в русском коммунизме эта идея приняла почти маниакальные формы и превращает человека в орудие и средство революции... Дух коммунизма, религия коммунизма, философия коммунизма — и антихристианские и антигуманистические. Но в социально-экономической системе коммунизма есть большая доля правды, которая вполне может быть согласована с христианством, во всяком случае более, чем капиталистическая система, которая есть самая антихристианская. Коммунизм прав в критике капитализма. И не защитникам капитализма обличать неправду коммунизма, они лишь делают более рельефной правду коммунизма. Неправду коммунистического духа, неправду духовного рабства могут обличать лишь те христиане, которые не могут быть заподозрены в защите интересов буржуазно-капиталистического мира. Именно капиталистическая система прежде всего раздавливает личность и дегуманизирует человеческую жизнь, превращает человека в вещь и товар, и не подобает защитникам этой системы обличать коммунистов в отрицании личности и в дегуманизации человеческой жизни. Именно индустриально-капиталистическая эпоха подчинила человека власти экономики и денег, и не подобает ее адептам учить коммунистов евангельской истине, что не хлебом единым жив человек...

...В отношении к хозяйственной жизни можно установить два противоположных принципа. Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес, и это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства. Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому, и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм, и в этом его правота. Совершенно ясно, что второй принцип отношения к хозяйственной жизни более соответствует христианству, чем первый. Первый принцип столь же антихристианский, как антихристианским является римское понятие о собственности. Буржуазная политическая экономия, выдумавшая экономическое человека и вечные экономические законы, считает второй принцип утопическим. **Но экономический человек переходящий** (курсив и выделение мои. — С. К.). И вполне возможна новая мотивация труда, более соответствующая достоинству человека». Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 150–151.

³⁶ Там же. С. 139.

³⁷ Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. Бонн, 1968.

³⁸ Потехин Ю. Физика и метафизика русской революции // Смена вех. С. 362.

³⁹ Постперестройка... С. 67.

⁴⁰ Бжезинский З. Большой провал. С. 216–217.

⁴¹ Власть. 1996. № 6. С. 23.

⁴² «Свет разума направляет пути истории, но не устраняет ее творческой глубины, ее бесконечных возможностей, ее иррациональных основ, — отмечал П. Новгородцев. — Вот почему каждая утопия предполагает перерыв истории, чудо социального преобразования и в своем осуществлении приводит к насилию над историей, к злым опытам социального злачества и колдовства.

Предположение о возможности рационального устройства и упрощения жизни скрывает за собой и другое, еще далее и глубже идущее предположение: что зло и страдания могут быть побеждены разумом человеческим и совершенной общественности, что они связаны лишь с несовершенством учреждений и с неразумием отношений. Космологическую

проблему зла и страдания здесь хотят решить в терминах социологических, зло мировое победить устройением социальных отношений. Но если борьба с общественным злом есть величайшая задача государственного строительства, то опыт всецелого и немедленного искоренения этого зла, представляя собою самообольщение человеческого ума, оказывается злом еще худшим и приводит к бедствиям еще более тяжким и невыносимым.

Наконец, все изложенные предпосылки и предположения рационалистического утопизма скрывают за собою и еще одно логически с ними связанное предположение: отрицание Бога и религии. Утверждать, что жизнь можно устроить по разуму человеческому, что силою разума человеческого и воли человеческой можно победить и противоречия истории, и диссонансы мира, и самобытные стремления, и страсти личности, значит то же, что признать этот разум и эту волю в их высшем совершенстве абсолютными и всемогущими, приписать им божественное значение, поставить их на место Божьего разума и Божьей воли. Не случайным является то обстоятельство, что величайшие представители социализма и анархизма внутренне отталкиваются от религии и вооружаются против нее. Тут сказывается неизбежная логика мысли. Утопии земного рая, признающие возможное всемогущество и господство в жизни разума человеческого, не могут одновременно с этим признавать и неисповедимые тайны Божьего Промысла. Хотеть устроиться по разуму, так, чтобы разум человеческий был единым всемогущим владыкой жизни, — это значит также верить, что можно устроиться без Бога, без религии.

Вот что означает тот отрыв, в который впадает интеллигентское сознание, вступающее на путь рационалистического утопизма. Это — гордое самообольщение ума человеческого, возмечтавшего о своем всемогуществе и отпавшего от органических сил и начал мирового процесса. И единственным плодом этого самообольщения являются безвыходные противоречия и неизбежное крушение. Весь устремленный в будущее утопизм старается разорвать все связи с прошлым; призывающий человека искать своего благополучия здесь, на земле, утопизм отрывает его от всего трансцендентного и потустороннего. Но такая всеобщая критика, разрушающая историю и религию, расшатывающая все земное и небесное, в результате создает вокруг человека пустоту разрушения, хаос неустроенности, в которых не видно, как найти выход к желанному свету. И в конце концов этим разрушителям и громовержцам нередко приходится постулировать закономерности истории, необходимость постепенного приготовления будущего, высшие законы жизни, т.е. возвращаться к тем предпосылкам объективного идеализма, которые принципиально отвергаются рационалистическим утопизмом. Здесь утопизм находит свой предел и свое окончательное отрицание. Жизнь возвращает утопизм на историческую почву, ставит его на место, подчиняет его своему ходу, своей закономерности. В этом состоит крушение утопий, характеризующее собою кризис интеллигентского сознания». (Вехи. Из глубины. С. 440–442.)

⁴³ Франк С. Цит. по: Вопросы философии. 1993. № 2. С. 123.

⁴⁴ До Второй мировой войны такие партии сравнительно недолго находились во власти в Великобритании и Швеции (если не считать Народный фронт во Франции).

⁴⁵ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 154.

⁴⁶ Независимая газета. 2000. 4 марта.

⁴⁷ Этот блок состоял из установок, которые были взяты на вооружение по сути дела всеми партиями и движениями России, кроме разве что крайних радикалов. Здесь можно было найти заявления о необходимости укрепления социальных гарантий граждан и проведения государством соответствующей политики; о необходимости развертывания борьбы с преступностью и коррупцией; о жизненной важности проведения политики поддержки отечественных товаропроизводителей; о допустимости только мирных способов разрешения межнациональных и иных внутривнутриполитических конфликтов, в том числе в Чечне; о необходимости активного проведения курса на экономическую и политическую интеграцию постсоветского пространства; о том, что назрела военная реформа, и т.д. Все эти положения, кстати говоря, можно найти и в Посланиях Президента Российской Федерации, и в других официальных документах.

⁴⁸ Соловьев В. Русская идея. М., 1990. С. 5.

⁴⁹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 129. Анализ теоретического наследия марксизма, а также изучение опыта советского коммунизма позволили Н. Бер-

дьяву сделать также следующий вывод: «Коммунист, настоящий интегральный коммунист, не может быть религиозным, верующим человеком, не может быть христианином. Для члена коммунистической партии обязательно определенное мировоззрение, он должен быть материалистом и атеистом, и при том воинствующим атеистом. Недостаточно разделять социальную программу коммунизма, чтобы быть членом коммунистической партии. Коммунизм есть исповедание определенной веры, веры, противоположной христианской». (Там же. С. 135.)

Как отмечал А. Изгоев, «социализм боролся с религией, национализмом, патриотизмом как явлениями реакционными, служащими препятствием на пути человечества к всеобщему счастью. Но люди, которых социализм освободил от религии, оказались даже не людьми, а кровожадными, хищными зверями, опасными для всякого общечеловеческого общества. Лишенные связи с Богом, так, как они Его раньше понимали, эти люди отупели и морально, и умственно. Они почувствовали себя покинутыми пловцами в безбрежном море, лишенными всякой опоры, объатыми вечным страхом окончательной гибели. Их садическая жестокость нередко бывала лишь следствием обуявшего их страха. С крушением веры в Бога у массы людей порвались и всякие социальные связи с ближними, исчез незабываемый критерий отношений к ним, т.е. исчезла основа нравственности. Под флагом социализма в русскую жизнь пришел даже не индивидуализм, законный и в известных пределах для нас необходимый, а противообщественный солипсизм, разрушающий социальные связи. Лозунги говорили о всеобщем братстве и равенстве, а в действительности всякий «социалист» действовал по правилу: каждый для себя, рви что можешь и где можешь». (Вехи. С. 381.)

⁵⁰ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 131.

⁵¹ Бжезинский З. Большой провал. С. 129.

⁵² Там же. С. 73.

⁵³ Вехи. Из глубины. С. 381.

⁵⁴ Вероятно, можно согласиться со следующим рассуждением З. Бжезинского: «Феномен коммунизма — это историческая трагедия. Порожденный нетерпеливым идеализмом, отвергавшим несправедливость существующего порядка вещей, он стремился к лучшему и более гуманному обществу, но привел к массовому угнетению. Он оптимистически отражал веру в мощь разума, способного создать совершенное общество. Во имя морально мотивированной социальной инженерии он мобилизовал самые мощные чувства — любовь к человечеству и ненависть к угнетению. Таким образом, ему удалось увлечь ярчайшие умы и самые идеалистические души, но он привел к самым ужасным преступлениям нашего, да и не только нашего столетия.

Более того, коммунизм представлял собой ложно направленное усилие навязать общественным явлениям тотальную рациональность. Он исходил из представления, что грамотное, политически сознательное общество может осуществлять контроль над общественной эволюцией, направляя социо-экономические перемены к заранее намеченным целям. Так что история уже не была бы более просто спонтанным, абсолютно случайным процессом, но стала бы орудием коллективного разума человечества и служила бы моральным целям. Таким образом, коммунизм домогался слияния посредством организованных действий политической рациональности с общественной моралью.

Но на практике чрезмерная вера в человеческий разум, склонность очень острой борьбы за власть к переводу предварительных исторических суждений в разряд догматических утверждений, тяготение морализирования к вырождению в самодовольную политическую ненависть и особенно ленинское слияние марксизма с авторитарными традициями России превратили коммунизм в инструмент политического угнетения, что решительно не совпадало с его собственными моральными побуждениями». Бжезинский З. Большой провал. С. 226.

⁵⁵ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 130.

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 78.

⁵⁷ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 129.

Сложно найти другую идею, которая в России имела бы более трудную судьбу, чем идея либеральная. Каждый раз, когда страна, выстрадав и ожидая свободу, как невесту, пыталась осуществить либеральный проект, он терпел сокрушительное поражение, сопровождавшееся национальной катастрофой и, как правило, геополитическим распадом. Так было и в 1862–1917 гг., и в 1985–1991 гг. На грани распада Россия оказалась и в 1999 г., после либеральных реформ ельцинского президентского цикла.

Может быть, России пережила лишь искус либерализма, как она пережила искус коммунизма? Совместим ли либеральный проект с русским обществом начала XXI в.? Какова судьба либерализма на Западе и во всем мире? «Тянет» ли либеральная идея сегодня? Является ли она универсальной идеей, универсальной парадигмой развития, к которой рано или поздно придут все без исключения страны? И, наконец, главный вопрос: неужели русские не заслужили свободы, как другие народы Большой Европы?

Без ответа на все эти сложнейшие вопросы невозможно выстроить сколько-нибудь жизнеспособную стратегию развития России в XXI в.

Казалось бы, сегодня либерализм в России разгромлен, растоптан, морально и политически дискредитирован и структурно дезорганизован. Слово «либерал» стало гораздо более ругательным, чем в конце перестройки слово «коммуняка». И ответственность за это несут те политики, кто называл себя либералами в 1990-е годы, а на самом деле к либерализму не имел ровно никакого отношения.

Но ведь либерализм — это не самоназвание той или иной группы политиков, а одна из ведущих идеологий мира. Это корпус определенных ценностей и жизненных ориентиров. Это комплекс политических, экономических и культурных доктрин, определенным образом трактующих мир, верифицирующих его и зовущих к его преобразованию.

Либерализм — это не Чубайс, Бурбулис, Авен, Явлинский, Хакамада и Гайдар. И уж совсем не Горбачев и Ельцин. Либерализм — это

Ф. Вольтер и Д. Дидро, Ш. Монтескье, П. А. Гольбах и Б. Франклин, Дж. Гоббс и Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и М. Вебер, Т. Грин и Ф. Рузвельт.

Это явление огромного масштаба, породившее то, что мы называем западной цивилизацией. В силу этого оно не может исчезнуть благодаря неудачной аванюре той или иной политической партии, провалу той или иной не слишком грамотной «реформы». Базовые ценности либерализма — признание того, что человек от рождения свободен и равен по своим естественным правам любому иному человеку, что он — существо разумное и имеет право и способность распоряжаться своей свободой. Утверждение, что человек только тогда становится свободным, когда обладает собственностью, — потому что материально не обеспеченный и лишенный собственности человек всегда окажется лишен реальной возможности воспользоваться своими естественными правами. Выдвижение на первый план борьбы за свободу человеческой личности от всех форм контроля и манипулирования. Твердая уверенность в том, что не человек должен служить власти, а власть должна служить человеку, что государство — это не высшая ценность, а инструмент, созданный человеком и для оказания услуг человеку. А потому обладает властью лишь в той мере, в какой опирается на так или иначе выраженную волю народа. Воля народа — выше не только воли власти, но она и выше закона, обретающего силу лишь постольку, поскольку он опирается на волю именно народа, а не власти. Поскольку источником и единственным окончательным носителем власти является народ.

В современном мире бессмысленно, контрпродуктивно и даже смешно оспаривать эти положения.

Феномен свободы

Центральной категорией либерализма является свобода. Для Ж.-Ж. Руссо понятия «человек» и «свобода» по существу тождественны. Человек и становится собственно человеком только в условиях свободы, поэтому необходимо найти такую форму общежития, которая могла бы сделать его свободным.

Но именно категория «свобода» является, пожалуй, самой сложной как политической, так и философской категорией, которая на протяжении всей истории человечества подвергалась наибольшему, в том числе и предумышленным, искажениям, была предметом всевозможных недобросовестных политических спекуляций, служила оправданием диктатур различных толков — от фашистской до коммунистической.

Политики, идущие к власти под лозунгом свободы, на первых порах получали от народа почти неограниченный кредит доверия, который они конвертировали в мощный политический капитал. Но те из них, кто этот

капитал бездумно растрчивал и предавал идеалы свободы, в лучшем случае оставались в народной памяти авантюристами и мошенниками, нередко — отпетыми негодяями, в худшем — кончали свою жизнь пулей или на виселице. Свобода всегда была обоюдоострым оружием: кто не умел им пользоваться — неизбежно оказывался на свалке истории.

Одна из причин такого положения дел состоит в том, что свобода имеет религиозные корни, а следовательно, связана с комплексом морально-нравственных ценностей, наиважнейшие из которых лежат в плоскости напряженных отношений человека и Бога, а также межчеловеческих отношений. Именно в этой плоскости решается проблема различия и борьбы добра и зла.

Христианство, например, настаивает на том, что Бог создал человека свободным. Это значит, что человек здесь рассматривается как цель сама по себе, а не как средство достижения какой-то иной цели Бога. Отношения между Богом и человеком в христианском мире не сводятся к диалектике хозяина и раба. Это диалектика отношений дружбы и сотворчества, т.е. *существование двух свобод*.

С этих позиций известное марксистское определение свободы как «осознанной необходимости» похищает у человека свободу, поскольку ставит его в один ряд с явлениями и предметами, подчиняющимися немумолимым законам природы. Этому представлению христианство противопоставляет понимание свободы как потенциальной способности человека к свободному выбору альтернативы, не подвластному ни законам природы, ни божественной воле. Воля Бога здесь есть не принуждение, а призыв к *сотворчеству*. В сознании христианского человека Бог действует не как диктатор, а как *сотворец*, благодатно вдохновляющий свободное творчество. Реализуя себя в конкретных актах любви, дружбы, милосердия, человек не является простой фигурой на громадной божественной шахматной доске, не является марионеткой, управляемой Богом по Его собственному усмотрению. Религиозные корни классического либерализма, отождествляющего человека и свободу, — здесь.

Второй важнейший аспект свободы, взятый на вооружение классическим либерализмом, связан с межчеловеческими отношениями. Так же, как нельзя жить и любить в одиночку, невозможно быть по-настоящему свободным помимо других людей и, тем более, за их счет. Только среди других людей человек может реализовать свою свободу. С другой стороны, здесь возникает и ограничитель для такой реализации: поскольку все люди перед Богом равны, то свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого. Это один из фундаментальных постулатов классического либерализма.

Свобода, таким образом, есть межчеловеческое отношение, оптимальная форма связи человека с другими людьми, а через них и с собой, и с

миром в целом, адекватный способ его существования как личности. Поставив задачу создать такой политический порядок, при котором человек был бы так же свободен, как в естественном состоянии, Ж.-Ж. Руссо имел в виду в том числе и то, что человек обретает свободу через отождествление себя с новым обществом, т.е. с коллективом. Индивидуальное, следовательно, превращается в коллективное. Свобода — высшая ценность, но ее ищут в совместном бытии, но не в бытии для себя.

Из этого, в свою очередь, следует, что абсолютной свободы не существует. Это все равно, что очищенная от всего земного жизнь: пустая, бесплодная абстракция. Тотальность самодовлеющей свободы означала бы в конечном счете освобождение человека от самого себя, а стало быть, и от своей свободы. Не свобода должна владеть человеком, а человек свободой. Он же несет всю полноту ответственности за нее.

Здесь возникает еще один важный аспект свободы — ее отношения с моральным законом. Если человек свободен и несет ответственность за свою свободу, то она немыслима без добровольно устанавливаемой внутренней меры, самодисциплины, самоконтроля, совести. Свобода, не подкрепленная моральным законом (тем, который, по И. Канту, находится внутри нас), обречена на деградацию, ибо превращается в произвол, моральный беспредел, т.е. в свою противоположность — худшую разновидность рабства, зависимость от собственных пороков и предрассудков (литературный пример — Дориан Грей). Об этом же писал и Н. Бердяев:

«Истинное освобождение человека предполагает освобождение его не только от внешнего рабства, но и от внутреннего рабства, от рабства у самого себя, у своих страстей и у своей низости». Поэтому, констатировал он, «правда либерализма — формальная правда. Она ничего не говорит ни положительного, ни отрицательного о содержании жизни, она хотела бы гарантировать личности любое содержание жизни»¹.

Формы морального самоограничения свободы — это долг, ответственность перед ближними и дальними, взаимопонимание, совесть, терпимость, великодушие, сострадание, сопереживание — то, что в России обобщенно называется «человечностью». Важную роль в этом отношении играют идеи равенства и братства. Взаимосвязь свободы, равенства и братства была не только обоснована ранними европейскими либералами теоретически, но и выдвинута логикой общественного развития в ходе Великой французской революции, т.е. была выношена и выстрадана в народной душе. Классический либерализм в лице Вольтера, Дидро, Руссо и др. об этом хорошо знал. А вот либерализм современный, похоже, об этом забыл. Но об этом — ниже.

Выбор, как первоэлемент свободы, в пользу морального самоограничения — это и есть основной смысложизненный выбор между доб-

ром и злом — будь то в религиозном или в атеистическом мире. Выбор в пользу добра затрагивает самые глубокие, коренные интересы и чаяния человека, он означает для него вступление в борьбу со злом и требует напряженных усилий, готовности к риску — вплоть до самопожертвования в пользу добра.

Ограничивает ли тем самым моральный закон человеческую свободу? Безусловно. Однако и отсутствие свободы исключает человека из сферы морали, ибо в этом случае его решения не подлежат моральной оценке в силу того, что человек вынужден, не рассуждая и не морализируя, подчиняться внешним обстоятельствам, которые он не в силах изменить.

Споры по вопросу о том, ограничивает ли моральный закон человеческую свободу, идут не одну сотню лет. Богословская школа, а также лютеранский подход к религии, основанные на идеях Блаженного Августина и У. Оккама, постулировала наличие конфликта между свободой и моральным законом на том основании, что последний сформулирован и продиктован человеку Богом. Отсюда вытекает концепция теоцентрической исключительности, безраздельного господства Бога не только над небесным, но и над земным миром. Роль человека в ней умалается, поскольку он низводится до положения раба или же инструмента прославления Бога. Из теоцентрической концепции мира вырос протестантизм и кальвинизм.

Другая школа, представленная, в частности, Фомой Аквинским, напротив, обосновывала отсутствие такого конфликта. В контексте учения Аквината моральный закон — это не принудительное давление Бога, а возможность для человека отдаться естественным склонностям, способность к самостоятельному творческому развитию. Свободный выбор в пользу морали, а следовательно, в пользу активной позиции против зла происходит здесь на основе не слепой веры в Бога, а человеческого разума. Бог не подавляет свободу и чувство собственного достоинства человека, а открывает ему пространство для творческой инициативы.

Представляется, что эти две школы и их противоборство и привели на определенном этапе к разделению свободы на негативную и позитивную. Если негативная свобода стала определяться как *свобода от*, т.е. свобода от всякого рода ограничений и запретов, то позитивная свобода — как *свобода для*, т.е. свобода для творчества, деятельности, самовыражения. И если западная политическая традиция в основном пошла по пути абсолютизации негативной свободы, что уже в XX в. привело к морально-нравственному релятивизму и апостасии, то российской политической традиции (включая, кстати говоря, и советскую) более органично соответствовала свобода позитивная.

Многие русские православные философы, в том числе и представители православного ренессанса конца XIX — начала XX в. (в их числе и

Глава 4. Метаморфозы либеральной идеи

Н. Бердяев), полагали, что Бог дает человеку исходную свободу, чтобы тот добровольно осуществил моральный выбор и тут же отказался от своей свободы в пользу добра, что тождественно возвращению к Богу, сознательному подчинению его воле, но не для того, чтобы слепо следовать ей, а чтобы в сотворчестве с Богом бороться против зла. Констатируя «номиналистский» уклон либерализма, Н. Бердяев замечал:

«Либерализм вырождается в формальное начало, если он не соединяется с началами более глубокими, более онтологическими. Индивидуалистический либерализм отрывает индивидуум от всех органических исторических образований. Такого рода индивидуализм опустошает индивидуум, вынимает из него все его сверхиндивидуальное содержание, полученное от истории, от органической принадлежности индивидуума к его роду и родине, к государству и церкви, к человечеству и космосу. Либеральная социология не понимает природы общества. Либеральная философия истории не понимает природы истории»².

Если развитие западных стран, в том числе и западная правовая традиция, в общем и целом пошло в русле парадигмы школы Блаженного Августина и У. Оккама и привело в конечном счете к бунту человека против Бога (Л. Фейербах, Т. Карлейль, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и др.) как тиранического монарха, подчиняющего человека своей воле, то развитие России пошло скорее в русле богословского и философского наследия Аквината. На наш взгляд, это во многом, если не в решающей степени, объясняет различные судьбы либеральной идеи на Западе и в России. Заметим также, что этим объясняется и коренное различие правосознания западного и русского человека: в первом случае мы видим стремление создать корпус формальных *внешних* законов, которым человек подчиняется принудительно; во втором же формальные законы основаны на моральных ценностях (достоинство, доверие, справедливость), которые являются свободным *внутренним* выбором человека. Именно в этом состоит открытие И. Ильина, сделанное им в книге «О сущности правосознания».

«Нормальное правосознание, — писал он в этой работе, — есть воля к праву, проистекающая из воли к духу... Такое правосознание, исходя из воли к духу и питаясь волею к добру, начинает неминуемо перестраивать социальную жизнь людей на принципах духовного самоуправления, чувства собственного достоинства, уважения, доверия и справедливости»³.

Можно предположить, что, не случись в России Октябрьская революция, ввергнувшая страну в бесправную большевистскую диктатуру, именно такой тип правосознания, основанный на христианском понимании свободы (т.е. свободы не внешней, а внутренней) и ответственности, мог бы постепенно укорениться в нашей стране. Хотелось бы надеяться, что это все же произойдет в не столь далеком будущем.

Либерализм как мировая идеология

Либерализм — феномен прежде всего европейской (можно даже сказать конкретнее — христианско-протестантской) цивилизации. Зарождение либерализма оказалось возможным благодаря своего рода мировоззренческой революции, которая произошла на рубеже Средневековья и Нового Времени под влиянием идей Возрождения и Реформации и нанесла серьезный удар средневековому мышлению с его мистикой, схоластикой, иррационализмом, слепым и бездумным следованием традиции. В ходе этой революции были поколеблены устои феодальной социальной доктрины, которая основывалась на представлениях, что ценность и общественная роль человека зависят исключительно от его принадлежности (по рождению) к тому или иному сословию (общине, цеху, гильдии и т.п.), что всякая активность греховна и что истинный христианин, желающий спасти свою душу, должен прожить жизнь под знаком смирения и покорности судьбе и властям, ибо «основная» жизнь ждет его на том свете⁴.

В период Возрождения и Реформации были провозглашены доминантность «земной» жизни, приоритет «земных» ценностей и стимулов, заявлено о необходимости активной деятельности и преобразования мира. Огромное значение для возникновения либерализма имело признание в ходе Реформации свободы мысли (сначала в форме свободы вероисповедания), что создало предпосылки для выдвижения в последующем требовании свободы слова, а затем и свободы действия. Поэтому неудивительно, что либерализм лучше прижился в протестантских странах, где священники не имели монополии на посредничество между Богом и человеком, где было признано главенство совести индивидов над внешним авторитетом церкви, сами индивиды считались равными перед Богом, а религиозные общины были самоуправляющимися. Таким образом, на либерализме генетически отразились интеллектуальный климат и общественные настроения, распространенные на заре Нового Времени, для которых были характерны неприятие иррациональных абсолютов, отрицание догматизма и критическое отношение к авторитетам, наивная вера в близящееся торжество человеческого разума, в возможность (и желательность) переустройства мира на чисто рациональной основе.

В идейном плане либерализм является наследником и преемником оптимистической идеологии Гуманизма и особенно Просвещения, которые непосредственно подготовили условия для его развития и распространения. Наиболее важную роль сыграли разработанные идеологами Просвещения (Дж. Локк, Ф. Вольтер, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др.) теории «естественного права» и «общественного договора», основное содержание которых сводилось к тому, что политическая власть

Глава 4. Метаморфозы либеральной идеи

исходит не от Бога, а основана на соглашении между людьми, что правовая и государственная система должны соответствовать принципам разума и служить общему благу людей и что, кроме того, существуют некоторые врожденные человеческие права, которые обязана уважать любая государственная власть. Либералы унаследовали от Просвещения, во-первых, веру в пользу и необходимость социального прогресса, достигаемого благодаря свободному развитию личности и раскрепощению ее творческих способностей, и, во-вторых, рационалистический и индивидуалистический тип мышления, восприятие мира через призму частного материального интереса.

Хотя некоторыми либеральными принципами отдельные государственные деятели Европы руководствовались и в XVII–XVIII вв. (в том числе участники «Славной Революции» 1688 г. в Англии, министры кабинета Тюрго во Франции, а впоследствии фейяны и отчасти жирондисты во время Великой Французской революции 1789 и последующих годов), в политический лексикон термин «либерализм» вошел в 20-е годы XIX в., обозначая идейную платформу оппозиционеров эпохи Реставрации, боровшихся с абсолютизмом и выступавших за превращение человека из бесправного подданного в гражданина, права и достоинства которого неприкосновенны⁵.

В тот период возникло то, что впоследствии получило название классического либерализма. Его можно условно представить в виде синтеза трех идеологических компонентов:

- 1) **экономического либерализма**, основанного на принципе «свободы рук» (*laissez-faire*), который ратует за минимальное вмешательство государства в экономику и предпринимательскую деятельность, отдавая эти сферы на откуп свободной игре рыночных сил;
- 2) **политического либерализма**, который представляет собой зрелые и эффективно действующие демократические институты;
- 3) **культурного либерализма**, который развивает идеи равноценности различных культур, толерантности, уважения к иным убеждениям и точкам зрения на те или иные вопросы, интеллектуальной свободы, т.е. плюрализма в широком смысле этого слова.

Если говорить об экономическом либерализме, то он с самого начала создавал двойственность и контрверзу между моралью и человеческим эгоизмом. Наиболее ярко это проявилось в работах А. Смита. Как христианин, Смит видел в человеке моральное, гуманное существо. «Мы презираем эгоиста, — пишет он в своей книге о теории нравственных чувств в 1759 г., — очерствевая душа которого занята исключительно

собой и относится бесстрастно как к счастью, так и к несчастью своих ближних... Отдавать свое сочувствие другим и забывать самого себя, ограничивать, насколько возможно, личный эгоизм и отдаваться сладостной снисходительной симпатии к другим представляет высшую степень нравственного совершенства, к которой только способна человеческая природа». Смит — моралист, профессор нравственной философии, считал нужным исходить из «главного христианского закона», повелевающего любить ближних, как самих себя⁶. Иными словами, в сфере чистой, умозрительной морали человек у Смита — это своего рода *Homo Humanus*. В иной, противоположной роли человек фигурирует у Смита — классика политической экономии. Вступая на поприще практической деятельности, он действует как расчетливый и предприимчивый собственник — *Homo Economicus*.

«...Человек, — пишет Смит в своем труде о богатстве народов в 1776 г., — постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Всякий, предлагающий другому сделку какого-либо рода, предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе, — таков смысл всякого подобного предложения... Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах»⁷.

По разительному контрасту приведенных высказываний, сделанных с промежутком почти в двадцать лет, вряд ли, на наш взгляд, следует делать вывод о разнице между «ранним Смитом» и «поздним Смитом». Скорее дело здесь состоит во внутренней противоречивости, дихотомии либерализма, а также в его постепенной эволюции в сторону утилитаризма.

Оценивая требования классического либерализма с позиций нашего времени, нужно учитывать социально-политический контекст, в котором они были сформулированы. В условиях только еще начинавшейся индустриализации, когда основную массу населения Европы и Северной Америки составляли буржуазные и мелкобуржуазные слои, связанные с различными видами частной собственности, а уровень пролетаризации был невелик, понятия «гражданин» и «экономический субъект» в значительной степени совпадали. Возможность заниматься хозяйственной деятельностью свободно и независимо, без жесткого контроля с чьей бы то ни было стороны, воспринималась как реализация неотъемлемого гражданского права. Общество есть, по Смицу, торговый союз, все в нем — предмет купли-продажи. Поэтому не благожелательность и сострадание, а предприимчивость, расчет и выгода являются наиболее надежными способами самореализации и самоутверждения.

Политический либерализм, в противоположность феодальным, имперским, корпоративным, коммунистическим и социалистическим представлениям об оптимальном общественном устройстве, отдает предпочтение демократическим принципам. На место иерархически организованных и освященных традицией, церковными авторитетами или идеологическими мифами вассальных, патриархальных или номенклатурных отношений он требует поставить отношения равноправные и максимально рационализированные, обусловленные лишь прагматическими соображениями взаимной выгоды. Однако и в этой, политической, сфере либерализм весьма противоречив. Достаточно сослаться на то, как ранние либералы трактовали категорию равенства. Так, Т. Гоббс пишет:

«Равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе. А кто может причинить другим наибольшее зло, т.е. убить их, тот может быть равным им в любой борьбе. Итак, все люди от природы равны друг другу, наблюдающееся же ныне неравенство введено гражданскими законами»⁸.

Что же касается культурного либерализма, то развиваемые им принципы плюрализма чуть ли не во всех сферах человеческой жизни со временем вели к размыванию таких понятий, как социум, государство, семья, нация, мораль и нравственность, что в конечном счете породило богоборчество.

Тем не менее, трудно отрицать, что экономический, политический и культурный либерализм изначально выступали за максимальное усиление предпринимательской активности, развитие системы демократических прав и свобод, а равно и раскрепощение культурной и интеллектуальной деятельности. При этом все три составляющие классического либерализма объединял воинствующий антиэтатизм, поскольку из требования ликвидации любого господства над человеком закономерно вытекало стремление ограничить государственную власть. Поэтому классические либералы требовали так называемого «минимального государства», «государства — ночного сторожа», не вмешивающегося в общественные дела и довольствующегося ограниченным набором необходимых военных, полицейских и внешнеполитических функций. Можно сказать, что квинтэссенцией классического либерализма было представление, что если развитие общества «пустить на самотек», то все его члены от этого только выиграют. Антиэтатизм классических либералов был обусловлен неприятием паразитического феодально-абсолютистского государства с его жесткими иерархическими структурами и мощной бюрократией, мелочной регламентацией, налоговым прессом, механизмами внеэкономического принуждения и искусственными словесными ограничениями.

Классические либералы взяли на вооружение постулат А. Смита, согласно которому экономическая жизнь общества протекает по своим собственным законам, неподвластным государству, вследствие чего оно не только не должно, но и при всем своем желании не может управлять экономикой и другими сферами общественного бытия, не дезорганизуя их. Поэтому, по мнению либералов, решение большинства общественных проблем требовало свободного сотрудничества заинтересованных лиц, объединенных в добровольные ассоциации, а не действий институционализированных государственных учреждений. При этом наилучшим средством решения всех социальных проблем они считали динамичное развитие промышленности и торговли, полагая, что «экономическое» общество (в отличие от «патриархального») способно само по себе со временем обеспечить всем «прилежным» людям достойный уровень жизни. В этом либералы также следовали классической политэкономии, утверждавшей, что свободная игра рыночных сил приведет к максимуму продуктивности и оптимуму счастья для всех занятых в производстве. Более того, для ранних либералов было характерно представление, что ликвидации феодальных пережитков вполне достаточно для обеспечения невиданного социального прогресса. Они полагали, что устранение сословных привилегий (в частности, монополии дворянства на занятие высших социальных позиций) создаст всем гражданам равные стартовые возможности и автоматически гарантирует социальное восхождение наилучшим из них⁹.

В противовес автократическому абсолютистскому государству либералы выдвинули концепцию правового государства, функции которого должны ограничиваться защитой самых общих интересов граждан и деятельностью в строгом соответствии с Конституцией и иными законами, а не на основе насилия и произвола монархов и чиновников. Из теории правового государства вытекала идея разделения властей (на законодательную, исполнительную и судебную) и приведения их к некоторому равновесию.

Наконец, чрезвычайно важной составной частью классического либерализма в некоторых европейских странах первоначально была протестантская трудовая этика, описанная М. Вебером в его знаменитом труде «Протестантская этика и дух капитализма»¹⁰. В этой работе М. Вебер анализирует, как возник «буржуазный приобретательский капитализм» с его рациональной организацией свободного труда, а также западноевропейская буржуазия во всем ее своеобразии; как возник специфический «рационализм» современной европейской культуры, присущий ей во всех ее проявлениях, почему он свойствен именно ей и только ей. Вебер показывает, что «капиталистический дух» — в высшей степени реальный исторический феномен, представляющий собой из-

вестную совокупность норм хозяйственной этики, приемов и методов хозяйствования (см. Приложение 2)¹¹.

Протестантская трудовая этика, несомненно, способствовала быстрому развитию капитализма в Западной Европе, в особенности на первых его этапах, т.е. на этапах промышленной революции и индустриализации. Конечно, в России ничего подобного этой этике не сложилось, да и не могло сложиться в первую очередь в силу несовместимости трудовой морали протестантизма, пронизанной духом капиталистического накопительства (граничащего со стяжательством, а нередко и тождественного ему), и православными (впрочем, и христианскими в целом) нравственными ценностями.

С христианской точки зрения труд сам по себе не является безусловной ценностью. Он становится благословенным, когда являет собой *сотрапачничество* Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке. Однако труд не богоугоден, если он направлен на служение эгоистическим интересам личности или человеческих сообществ, а также на удовлетворение греховных потребностей духа и плоти.

Священное Писание свидетельствует о двух нравственных побуждениях к труду: трудиться, чтобы питаться самому, никого не отягощая, и трудиться, чтобы подавать нуждающемуся (Еф. 4, 28; Мф. 5, 16; Иак. 2, 17, 2 Фес. 3, 10). Отцы и учителя церкви — Климент Александрийский, Василий Великий, Иоанн Златоуст — подчеркивали именно такое этическое значение трудовых процессов. Пример трудового подвижничества явили иноки многих русских монастырей. Их хозяйственная деятельность во многом была образцом для подражания; наряду с высочайшим духовным авторитетом они имели и славу великих тружеников. Таковы были Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский и другие русские подвижники¹².

Кроме того, христианство настаивает на том, что материальные блага не могут сделать человека счастливым. Христос предупреждает: *берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени* (Лк. 12, 15). Погоня за богатством пагубно отражается на духовном состоянии человека и способна привести к полной деградации личности. Апостол Павел указывает, что *желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям. Ты же, человек Божий, убегай сего* (1 Тим. 6, 9–11). В беседе с юношей Господь сказал: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21). Затем Хрис-

тос разъяснил эти слова ученикам: *трудно богатому войти в Царство Небесное... удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие* (Мф. 19, 23–24). Евангелист Марк уточняет, что в Царство Божие трудно войти именно тем, кто уповает не на Бога, а на материальные блага, — *надеющимся на богатство* (Мк. 10, 24). Лишь *надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется: пребывает вовек* (Пс. 124, 1).

Впрочем, и богатый может спастись, ибо *невозможное человеку возможно Богу* (Лк. 18, 27). В Священном писании не содержится порицания богатства как такового. Состоятельными людьми были Авраам и ветхозаветные патриархи, праведный Иов, Никодим и Иосиф Аримафейский. Владая значительным имуществом, не согрешает тот, кто использует его согласно с волей Бога, которому принадлежит все сущее, и с законом любви, ибо радость и полнота жизни — не в приобретении и обладании, но в дарении и жертве. Апостол Павел призывает помнить слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20, 35). Святитель Василий Великий считает воров того, кто не отдает часть своего имущества в качестве жертвенной помощи ближнему. Эту же мысль подчеркивает святой Иоанн Златоуст: «Не уделять из своего имущества есть также похищение». Церковь призывает христианина воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним¹³.

Понятно, что христианская (православная) трудовая этика, в духе которой воспитывался русский народ до 1917 г., в корне противоречит этике протестантской. В силу этого последняя и не могла укорениться в России. Об этом — во многих произведениях русской литературы. Самое яркое из них на эту тему — «Обломов» Гончарова, в котором описываются представители этих двух подходов — сам Обломов и Штольц. И симпатии как автора, так и читателя — на стороне Обломова (хоть он и любил лежать на диване), а не Штольца.

«Дух протестантизма» по роковой иронии истории «пророс» в известной степени в России значительно позже — в коммунистический период, да и тогда этот уже псевдорелигиозный дух был жив лишь в годы первых пятилеток. Хотя вряд ли можно сказать, что и в те годы советские люди служили «светлому завтра» столь же фанатично, как пуританские буржуа служили Богу. Кроме того, при относительной схожести в аскетическом идеале разница состояла в том, что в СССР никогда не культивировалось богатство.

Впрочем, возрождение протестантской трудовой этики сегодня уже невозможно ни на Западе, ни в России. На Западе религиозные корни протестантизма стали постепенно отмирать, вероятно, уже в начале

Глава 4. Метаморфозы либеральной идеи

XIX в., а параллельно с этим отмиранием безличный, абстрактный характер приобретательской деятельности все более и более становился одним из принципов капиталистического производства. На смену апофеозу труда в протестантском понимании пришел чистый апофеоз наживы, лишенный уже какого бы то ни было прежнего религиозного пафоса. Та мысль, что человек — управляющий Божьего Имения, в ходе капиталистического развития конкретизировалась следующим образом: человек — «машина для приобретательства»; чем больше имущество, тем сильнее ответственность перед Богом.

Параллельно с этой эволюцией идей шла эволюция капиталистических отношений: хозяйственная жизнь предприятия становилась независимой от личного хозяйства предпринимателя; частный капитал резко отделялся от капитала, вложенного в дело. Человек все более и более превращался из управляющего на службе у Бога в машину на службе у капитала.

Это понимал и от этого предостерегал верующих основатель секты методистов, богослов XVIII столетия Джон Уэсли (1703–1791):

«Я опасаясь того, — писал он, — что чем больше растет богатство, тем все уменьшается значение религии. Поэтому я не вижу, как по всему ходу вещей могло бы стать возможным длительное пробуждение истинной религиозности. Ибо религия неизбежно должна порождать усердие в труде и бережливость, а эти качества не могут произвести ничего иного, кроме богатства. Но с увеличением богатства растут гордость, страсти и любовь к мирскому во всех ее формах. Как же возможно при таких условиях, чтобы методизм, т.е. религия сердца, сохранился в своем теперешнем состоянии цветущего дерева? Методисты везде становятся прилежными и бережливыми; следовательно, их имущество растет. А соответственно растут и их гордость, страсти, плотские и мирские наслаждения, высокомерие в жизни. Форма религии остается, но дух ее постепенно исчезает. Неужели нет никакого способа задержать этот продолжающийся упадок чистой религии?» «Семнадцатое столетие — эта эпоха кипучей религиозной жизни — завещало своему наследнику-утилитаристу чудовищно спокойную, фарисейски спокойную совесть в процессе наживы денег».

«Сознавая себя избранныком Божиим и чувствуя на себе Его благословение, — утверждал М. Вебер, — капиталистический предприниматель... мог и считал своим долгом следовать приобретательским интересам. Могущество религиозного аскетизма отдавало в его распоряжение трезвых, совестливых, чрезвычайно трудоспособных рабочих, прочно державшихся за работу как за богоугодную цель жизни»... «Интересы Бога и работодателя сливаются, даже Шпенер, обычно советующий оставлять время для размышлений о Боге, считает само собою разумеющимся, что рабочие должны удовлетворяться самым незначительным количеством свободного времени даже в воскресенье. Безличность современного труда, его бедная радостями бессмысленность, с точки зрения индивидуума, здесь пока еще остается

религиозно преображенной. Капитализму в эпоху его возникновения нужны были рабочие, которые позволили бы себя экономически эксплуатировать во имя совести. Теперь он стал властелином и может заставить их быть готовыми к труду и без потусторонних премий»¹⁴.

Переродившаяся протестантская этика вступает в тесную связь с «капиталистическим духом», входит в него как его составная часть и как один из формирующих его элементов. Этой модифицированной протестантской этике, превратившейся в «капиталистический дух», условия капиталистического развития становятся уже не враждебными, а самыми благоприятными из всех возможных общественных условий, и в то же время их действие так сильно, что перевешивает действие возможных неблагоприятных условий.

Констатируя бесспорные достижения либеральной цивилизации, устранившие наиболее вопиющие формы насилия над личностью, немецкий политолог Б. Веллер едко заметил: «Однако выжило насилие капиталистического общества с его холодной деловитостью, массовой бедностью, безудержным конкурентным мышлением и пуританской трудовой моралью. То, что возникло в конечном итоге, было отнюдь не свободным человеком Руссо, а «экономическим человеком» Маркса, который очень быстро забыл (если вообще когда-либо знал), что живет в эпоху свободы...»¹⁵

Современный капиталист лишен прежней религиозности. В наше время капиталистическая идеология является лишь продуктом непосредственного приспособления к потребностям капиталистического хозяйства, и мировоззрение здесь ни при чем. В эпоху возникновения «капиталистического духа» его связь с потребностями хозяйственного развития была значительно сложнее, она была опосредствована религиозными мотивами.

Упадок либерализма

Либералы почти всегда были готовы пожертвовать требованием политической свободы ради сохранения свободы экономической. Кроме того, поскольку либерализм подразумевает особую политическую этику и ненасильственные методы политической борьбы, само понятие либерализма далеко не случайно стало синонимом нерешительности, мягкотелости и склонности к беспринципным компромиссам.

Уже во второй половине XIX в. стал сказываться ряд объективных факторов, ограничивающих политические потенции либерализма в его классическом варианте. Дело было в том, что промышленный переворот и последовавшая за ним бурная индустриализация приводили к значительному изменению социальной структуры населения развитых

стран. Происходила сильная имущественная дифференциация собственных элементов, являющихся социальной базой либерализма. Параллельно с формированием достаточно узкого слоя «капитанов промышленности» шел процесс пролетаризации значительной части крестьянства и других средних слоев, процесс их перехода в ряды лиц наемного труда. Новые реалии — концентрация производства, возникновение могущественных трестов, вхождение в повседневную практику картельных соглашений между крупными предприятиями, синдикализация рабочих, сокращение численности самостоятельных хозяев — сделали требования классического либерализма, считавшего главным критерием свободы личности экономическую самостоятельность собственника и выступавшего за «минимальное государство», которое не вмешивалось бы в общественную жизнь (и особенно не претендовало бы на какой-либо контроль за экономическими процессами), явно неадекватными требованиям времени. Появилась специфическая проблема индустриального общества — «социальный вопрос», включавший в себя уровень зарплаты, условия труда, характер взаимоотношений между работниками и работодателями, медицинское обслуживание, возможность получения образования, зависимость значительной части населения от пенсий и иных пособий. Само по себе успешное развитие экономики не только не привело к автоматической гармонизации общественных отношений, как того ожидали либералы, но и вызвало к жизни доселе неизвестные социальные антагонизмы, обусловленные пролетаризацией значительной доли населения, единственным достоянием которой оказалась лишь своя собственная рабочая сила.

В национальном отношении старый либерализм оставался действительно либеральным, космополитическим по своим устремлениям. Однако когда национальные меньшинства в исторически сохранившемся многоязычном государстве начали набирать силу, опираясь на либеральный конституционализм и парламентаризм, когда в устах народов начало звучать требование национального суверенитета, когда национальные идеи начали становиться демократическими в рамках этих государств, — либерализм качнулся в сторону поддержки государства, придерживаясь официальной доктрины патриотизма. Меттерниховская реакция вела к подавлению национальностей в Австрии и Германии. В экономическом плане либеральные капиталисты сумели использовать политический шовинизм, который стал экономически выгодным. В политическом плане либерализм все в большей мере раскалывается на различные партии и поэтому в ходе парламентской борьбы он слабее как социал-демократии с ее сплоченной массой, так и правительственной реакции. Избегая реального наполнения, либерализм все в боль-

шей степени цепляется за формальные принципы. Либеральные партии теряют независимость и инициативу. Как культурная сила либерализм сменяется все в большей мере негативизмом; прежняя его устремленность к свободе сменяется политической умеренностью, когда под свободой понимается несвобода в ее облегченном варианте. Все более негативно трактуется поздним либерализмом его же принцип толерантности, который первоначально являлся лозунгом борьбы против теократической реакции¹⁶.

В результате либерализм стал превращаться в кодекс полумер, постоянный компромисс как в теории, так и на практике. Стала явной половинчатость либерализма, его мерцающая неопределенность. Вместе с тем выявилась и его изменчивость, приспособляемость. Здесь уместно вспомнить слова И. Гете:

«Когда я слышу людей, говорящих о либеральных идеях, мне кажется, что обнаруживаю тех, кто готов удовлетвориться пустыми звуками; идея ведь сама по себе не может быть либеральной. Ей предназначено быть сильной, уместной, самостоятельной — и этого вполне достаточно, чтобы осуществлять свою высшую миссию оплодотворения, однако для этого идея вовсе не обречена стать либеральной»¹⁷.

Еще во время революции 1848–1849 гг. европейские либералы (как только им показалось, что притязания низов угрожают их общественным позициям) продемонстрировали готовность заключить политическую сделку с консервативными силами. Дистанцированность от широких слоев населения и их первостепенных жизненных интересов резко ограничила политическое влияние либералов, особенно после того, как оформилось организованное рабочее движение и возникла социал-демократия. Выступая за демократию, политическое равенство, гражданские права и свободы, либералы в определенной мере выражали нематериальные интересы всего народа, но стать защитниками его материальных интересов они в силу специфики своей идеологии не могли. И хотя либеральные политики и идеологи всегда были склонны рассматривать себя в качестве законных представителей своих наций в целом — в качестве деятелей, чьи интересы идентичны требованиям «общего блага», — их притязания на руководящую роль во многих случаях были отвергнуты обществом. В Европе постепенно политизирующиеся массы в течение XIX в. отошли от либералов к различным партиям социалистической и консервативной (социал-христианской) ориентации, и уже в начале XX в. (особенно после Первой мировой войны) либералы, оттесненные с левого фланга идейно-политического спектра в центр, оказались «зажатыми» между левыми и правыми течениями¹⁸. Либералы без колебаний стали голосовать за репрессивные законы

против рабочих. А старые либеральные лозунги свободы, равенства и братства были взяты на вооружение социал-демократией.

Уже накануне Первой мировой войны подлинные либералы говорили, что либерализм должен заново открыть свое либеральное прошлое, что он должен обновить стремление к свободе, присущее ему ранее. Либералы должны перестать бояться свободы. *The only cure for liberty is more liberty*¹⁹. К этому времени кризис европейского либерализма стал заметен во всем мире. Вот как его охарактеризовал, например, китайский писатель К. Фуминь (1857–1928) в книге «Китай защищается от западных идей»:

«Европейский либерализм XVIII в. был цивилизующим, современный либерализм таковым больше не является. Либералы прошлого читали книги и понимали идеи, современные либералы ничего не читают, кроме газет, и используют великие либеральные лозунги прошлого как словесный обман и как прикрытие своих эгоистических интересов. Либералы восемнадцатого века боролись за право и справедливость, псевдолибералы наших дней борются за личные преимущества и торговые привилегии. Либерализм прошлого ратовал за дело человечества, псевдолиберализм настоящего пытается обеспечить корыстные интересы капиталистов и финансистов»²⁰.

Общепризнанной считается связь либерализма и в первую очередь основополагающих принципов либеральной доктрины с анархизмом и социализмом. Уже в начале XX в. весьма распространенным было такое суждение: «Умер и погребен» — вот что мы слышим во Франции о либерализме; такого же рода диагнозы оглашаются в адрес либерализма в Англии, Германии — повсюду.

Для либерализма промышленных классов оказался приемлемым империализм, и либералы быстро и очень хорошо научились приспособливать свои формулы к империалистическим идеям, даже в то время, когда они продолжали на словах поклоняться кантовской идее вечного мира. В это же время рабочий класс уже начал освобождаться от либерализма и становиться на сторону социализма, в первую очередь марксистского социализма. Народные массы оказались для либерализма потерянными. Все больше укреплялся современный капитализм и плутократия. Государство превратилось в промышленное государство. Капиталист уже не являлся просто предпринимателем, директором или организатором труда; он также становится богатым человеком, часто исключительно богатым, так что пропасть между богатством и бедностью расширялась; служение золотому тельцу все в большей степени становилось подлинной религией буржуазии и тех, кто домогался политической власти. Милитаризм превращался теперь в прибыльную экономическую систему обогащения; покровительственные сельскохозяйственные тарифы способство-

вали примирению между ранее враждебными промышленниками больших городов и юнкерами сельских ареалов. Вплоть до 1870 г., когда большие сельскохозяйственные поместья все еще работали на экспорт, немецкие либералы были поборниками свободной торговли, теперь же они стали протекционистами. Либеральный взгляд на протекционизм стал общепринятым, и только внутри национальных границ современные либералы настаивали на свободной конкуренции как принципе, — но свободной конкуренции против трудящихся классов.

Триумф коммунизма в первой половине XX в. стал прямым следствием общемирового кризиса либерализма. Бесконтрольное функционирование рыночной стихии вело к монополизации, массовым банкротствам, безработице и, как следствие, к острым социальным конфликтам. Несответствие социальных и экономических идей классических либералов общественным потребностям становилось очевидным очень многим. Самые же недоверчивые из наблюдателей смогли воочию убедиться в этом во время Великой депрессии, разразившейся в 1929 г. Стало невозможным игнорировать дальше противоречие между провозглашаемыми либералами общими принципами и их конкретным воплощением и последствиями. Чем явственнее вырисовывалось это противоречие, тем сильнее становилось подозрение, что либерализм вовсе не универсальная, приемлемая для всех граждан концепция общественного развития, а чисто буржуазная идеология, маскирующая красивыми фразами вполне эгоистические интересы собственническо-предпринимательских слоев.

Что касается либеральных постулатов в сфере политики, то здесь была ситуация иная, но так же не очень благоприятная для либералов. Ее суть заключалась в том, что по мере того как основополагающие либеральные принципы (представительная демократия и парламентаризм, всеобщее избирательное право, свобода печати и союзов, независимое и гуманное судопроизводство) прокладывали себе дорогу и ложились в основу политической организации передовых государств, становясь привычными и само собой разумеющимися вещами, по мере того как уходили в прошлое средневековое варварство и зверства феодальных правителей, мракобесие инквизиторов и «процессы о ведьмах», кровавые репрессии против оппозиционеров и инакомыслящих, по мере того как терял актуальность конфликт между аристократией и «третьим сословием», сфера деятельности либералов сужалась как шагреновая кожа, а их традиционная программа утрачивала свой мобилизующий потенциал и фактически превращалась в средство сохранения *status quo*. Как остроумно подметил немецкий политолог Х. Форлендер, «победное шествие либеральной идеи отняло у партийно-политически организованного либерализма программу и базис»²¹.

В первой половине XX в. либерализм и как идеология, и как политическое течение оказался перед историческим выбором: либо забыть о глобальных притязаниях и стать защитником чисто утилитарных интересов собственнических социальных групп, либо отказаться от устаревшего идеологического «балласта» и попытаться прорваться к новым рубежам. В этом отношении судьба либерализма как политического течения оказалась весьма различной в Европе и Америке.

В США в период «прогрессизма» начала XX в. и особенно «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта (1933–1945 гг.) взгляды либералов по многим ключевым вопросам претерпели существенную метаморфозу, конечным итогом которой стала выработка принципиально новой реформистской стратегии, основанной на осознании роли социальных предпосылок осуществления свободы личности. Эта стратегия была успешно взята на вооружение демократической партией. В то же время эволюция европейского либерализма, не нашедшего в себе силы решительно расстаться с рядом принципиальных положений классической доктрины (прежде всего касающихся социально-экономической роли государства), социал-дарвинизмом и жестким экономизмом, утверждениями, что «рынок всегда прав» и «рынок превыше всего», которые превращали либерализм в своего рода «капиталистический консерватизм», осталась незавершенной. Это роковым образом предопределило организационную слабость либерализма и его малое политическое влияние в Европе, несмотря на отчаянные попытки либералов (особенно после Второй мировой войны) переломить неблагоприятный для них ход событий. Поэтому во второй половине XX в. положение либеральных партий по разные стороны Атлантического океана оказалось принципиально различным. В Соединенных Штатах демократическая партия (которую условно можно назвать либеральной) стала основной движущей силой осуществления реформистской модели развития, нашедшей свое воплощение в программах послерузвельтовских администраций Г. Трумэна («Справедливый курс»), Дж. Кеннеди («Новые рубежи») и Л. Джонсона («Великое общество»). Результатом деятельности североамериканских либералов было создание «государства всеобщего благоденствия», играющего весьма активную роль в социально-экономической сфере и рассматриваемого уже не как косный тормоз прогресса, а в качестве одного из гарантов социальной справедливости, способного в случае необходимости скорректировать какие-либо неблагоприятные тенденции.

В Западной же Европе либеральные партии, грешившие ретроградством и оттесненные поэтому на задний план «накачавшими бицепсы» социал-демократическими и консервативными партиями, играли второстепенную и подчиненную роль при реализации аналогичных мега-

проектов. Западноевропейские либералы упустили свой шанс, и теперь их попытки наверстать упущенное, найти какие-либо свежие и оригинальные идеи осложнялись (если не блокировались) наличием сильных соперников слева и справа. Особенности развития Западной Европы привели к своеобразной маргинализации политического либерализма, неспособного завоевать широкую массовую базу и вынужденного поэтому вести постоянную борьбу за политическое выживание. Даже в тех случаях, когда европейские либеральные партии входят в правительства, их возможности резко ограничиваются необходимостью достижения компромисса с более сильными партнерами по коалиции. Им приходится довольствоваться ролью «корректива» к доминирующему курсу, что к конечному итоге снижает действенность и самостоятельность либеральной политики. И почти единственное, что остается либералам в такой ситуации, это идти по пути «социального протекционизма», т.е. превращаться в лоббистов, защищающих интересы предпринимателей и части средних слоев в парламенте.

Специфика современного положения дел в Европе заключается в том, что за послевоенное время заметно ослабли позиции радикальных партий и идеологий, а уровень поляризации основных политических сил значительно снизился. Крупные партии социал-демократической, христианско-демократической и консервативной ориентации сдвинулись к политическому центру, «узурпировали» в ходе этого процесса основные либеральные ценности и лишили тем самым либералов «монополии на либерализм». «Перехват» либеральных идей другими политическими течениями лишает либералов их своеобразия, снижает их и без того ограниченную популярность у населения, усиливает путаницу в определении самого термина «либерализм» и препятствует укреплению позиций либерализма в Европе. В результате Западная Европа стала свидетелем противоречивых тенденций развития. С одной стороны, либеральные партии во многих странах окончательно уступили свои прежние позиции политическим соперникам слева и справа. С другой стороны, либеральные ценности стали настолько популярны, что представители других политических партий стали открыто присваивать их. Поэтому необходимо отделять вопрос о нынешнем положении либерализма как политического течения от вопроса о его положении как идеологии и социальной философии, ибо актуализация «либеральных тем» происходит одновременно с утратой либеральными партиями их прежнего значения. Способность политического, партийного либерализма к мобилизации значительного электората сдерживается и будет сдерживаться в дальнейшем объективно существующими ограничителями. В западноевропейских странах уже немислимо существование массо-

вых либеральных партий, которые на равных могли бы конкурировать с социалистическими и консервативными. Либеральные партии сегодня лишь заполняют «политические ниши», оставленные их более мощными соперниками²².

Политический разгром либерализма особенно ярко проявился в России. Но об этом — немного ниже.

Нищета либеральной философии

С момента возникновения либерализма его социальная философия неоднократно подвергалась острой критике как справа (со стороны консерваторов), так и слева (со стороны всякого рода социалистов). Эту критику можно свести к следующим основным положениям.

Первое. В основе представлений либералов лежит ложный образ человека, свойственный лишь совершенно атомизированному обществу. Отсюда — недооценка ими самостоятельного, наднационального, символического значения семьи, рода, общины, государственности, национальности, их воинствующий антитрадиционализм, трактующий многовековое культурное наследие как «реакционные пережитки», подспудное стремление унифицировать все нации под знаком «прогресса», «общечеловеческих» (сиречь либеральных) ценностей и образования «единого мирового сообщества», универсализм, отвергающий многовариантность путей исторического развития цивилизации (нашедший свое законченное выражение в работе Ф. Фукуямы «Конец истории»), и неверие в то, что может существовать нечто полноценное за пределами чисто рассудочного здравого смысла.

Индивидуализм либералов означает установку приоритета отдельно взятой личности, а не социальных общностей или институтов. Программной целью либерализма является формирование типа личности, отличающейся жизненной активностью, уверенностью в своих силах и самоуважением, способностью самостоятельно принимать решения, рациональностью в мышлении и поведении, которые базируются на четком осознании своего «я» и жестком разграничении своих и чужих интересов. При этом в либеральном представлении индивид первичен по отношению к обществу и государству, которые являются лишь следствием заключения некоего гипотетического «общественного договора». Можно сказать, что в определенном отношении либерализм продолжает традицию средневекового номинализма, объявлявшего все обобщенные понятия существующими только в человеческом воображении. Если довести либеральный индивидуализм до логического конца, окажется, что лишь индивид реален, общество же — фикция. В таком случае только интересы реальных людей имеют значение, интересы же общества,

нации, государства фиктивны. Такая оценка взаимоотношений общества и индивида (примат «прав человека» над «правами народа» или «правами государства») неизбежно сопровождается не только недоверием к политическим структурам, но и враждебностью к любым понятиям общего, массовости, коллективности. При этом сама специфика индивида видится либералами в его отличии от всех остальных людей, а его автономия и изолированность считаются фундаментальным условием его существования.

Все это ведет к созданию предельно рационального, но антигуманного мира — «стерильного буржуазного мира», как выразились О. Генисаретский и В. Гоголев. Однако отрыв человека от своего окружения, отправка в своеобразную «робинзонаду» одновременно обозначает его отрыв от «силы земли». Как пишут эти исследователи, «с этим обстоятельством несомненно связано и неадекватное опознание творческих импульсов как принадлежащих личности, а не той основе, в которой укоренено ее бытие... Ясно, однако, что свобода сознания в условиях полной обесточенности энергией творчества есть пустой звук». Тоскливая потребность во все новых источниках творческой энергии, заключают они, не раз заводила либеральную интеллигенцию в самые невероятные дебри — наркотические, эротические, мистические, а то и уголовные²³. К этому можно добавить, что такого рода «неукорененность» либералов в соответствующих общественных реалиях нередко приводила их и в лагерь всевозможных революционеров.

Второе. В своих крайних проявлениях либерализм носит антисоциальный характер. Ультралиберальный индивидуализм неизбежно приводит к росту частного эгоизма, забвению общих для всех интересов, разрушению общественной солидарности и подрыву самоидентификации человека. В итоге инициируется латентная «война всех против всех», а атомизированный, изолированный, лишенный прочных общественных корней и связей, вырванный из своего социального окружения и дезориентированный индивид-одиночка может оказаться бессильной и беззащитной игрушкой в руках манипулирующих им могущественных внешних сил (весьма симптоматично, что, как показала практика XX в., именно в условиях либеральной демократии зарождается тоталитаризм). При этом внутренние, моральные основы человеческого поведения заменяются внешними, формальными, а сдерживающие, нормативные начала ослабляются. Тем самым активизируются разрушительные потенции, сокрытые в глубинах человеческой психики. Возникает специфическая «неуправляемость», о которой все больше и больше говорят в последние десятилетия, т.е. попросту говоря анархия. Свобода становится «даром данайцев»²⁴.

Третье. Сутью либерализма как идеологии и, соответственно, демократии, как политического режима является акцент на процессе, в отличие, скажем, от консерватизма, стремящегося к стабилизации и замораживанию положения. По мысли либералов, хорошо организованное общество может быть создано только в том случае, если процесс его созидания будет рациональным и постепенным. Предполагалось, что берется некая точка отсчета, например, процедуры демократии, и затем начинается длительный процесс их совершенствования. При этом вопрос о конечности подобного процесса, как правило, вообще не ставился. Однако возникает один парадокс, который заставляет посмотреть на все аспекты либеральной идеологии с несколько других позиций: именно с триумфом либерализма либеральные партии обычно сходят со сцены, и наоборот, они приобретают популярность, когда до реализации либеральных идей еще весьма далеко. Дело в том, что, формально выступая с позиций антиэтатизма, защиты прав каждого индивида против узурпации этих прав государством, в реальности либералы приводят к усилению государственных структур.

В соответствии с либеральными представлениями права человека как бы встроены в естественное право. На первый взгляд это предполагает, что, соответственно, каждый индивид обладает этими правами. Однако вполне очевидно, что целые группы граждан оказываются не в состоянии реализовывать свои права человека самостоятельно, например, дети до определенного возраста, глубокие старики, невротики, наркоманы, неграмотные и т.д. По-видимому, где-то должна проходить демаркационная линия, но ее практически невозможно вывести из естественного права — это проблема политическая.

Четвертое. На уровне деклараций фундаментом либерализма являются принципы свободы, равенства и братства. И неслучайно, что в этом ряду именно свобода стоит на первом месте, ибо с либеральной точки зрения она необходима человеку для развития и полного раскрытия его творческого потенциала. Свобода для либералов — универсальная ценность, превалирующая над всеми остальными; самоценное благо, которое не может служить лишь чисто утилитарным целям. Свобода для либерала — условие жизни, своего рода *conditio sine qua non* (непременное условие — *лат.*). Однако если рассматривать свободу в «негативном» смысле, как свободу от чего-либо, то она воспринимается просто как отсутствие внешних ограничений. При доминировании негативного понимания свободы либерализм склонен довольствоваться формальным провозглашением тех или иных прав и ограничиваться уже достигнутым.

При постановке вопроса о свободе, характерной для классического либерализма, игнорируется различие между теоретической свободой и

реальными возможностями человека, хотя либералам известно, что для многих людей (особенно в слаборазвитых странах) проблема свободы личности вытеснена заботой о хлебе насущном. Итальянский публицист социал-демократической ориентации К. Росселли еще на рубеже 20-х и 30-х годов прошлого века писал по этому поводу:

«...Абстрактное признание свободы... имеет весьма относительную ценность, если большинство людей в силу внутренних и внешних условий, моральной и материальной нищеты будет не в состоянии оценить ее значение и конкретно пользоваться ею. Свобода, если она не сопровождается и не поддерживается минимумом экономической самостоятельности, освобождением от болезненной невозможности удовлетворить насущные потребности, не существует для отдельного человека, это чистейшая выдумка. В этом случае индивидуум является рабом своей нищеты, униженным своей зависимостью... Он свободен по праву, но фактически он раб»²⁵.

На основании этого бесспорного заключения К. Росселли приходил ко вполне закономерному выводу, что проблема свободы совершенно по-разному стоит перед различными слоями общества и поэтому абстрактные рассуждения либералов во многом являются бесосновательным перенесением и распространением исторического опыта буржуазных групп населения на весь народ.

Пятое. Попытки либералов «научно» подкрепить необходимость свободы не всегда убедительны. Так, например, утверждение, что свобода нужна для творчества, далеко не всегда согласуется с историческими фактами (можно привести множество примеров создания шедевров искусства в странах с деспотическими режимами и культурного бесплодия демократий). Можно упомянуть и другие факты: более или менее успешное экономическое развитие Германии после установления диктатуры А. Гитлера, разительно контрастирующее с почти перманентным кризисом во времена образцово демократической Веймарской республики. Как нам теперь известно, значительная часть лучшей военной техники, обладание которой позволило сталинскому СССР победить во Второй мировой войне, была спроектирована в «круге первом» ГУЛАГа — «шарашках», где трудились заключенные конструкторы и инженеры. С другой стороны, в Первую мировую войну русская армия побеждала, пока в России существовал монархический режим, но стала разваливаться и терпеть жестокие поражения после Февральской революции, едва начались демократические преобразования.

Шестое. Либералам свойственен антропологический романтизм, который, во-первых, недооценивает возможности манипулирования человеком и его интеллектом, а во-вторых, игнорирует противоречивое свойство самой свободы, которая, как и лекарство, может стать ядом в слишком больших дозах.

Вслед за Ж.-Ж. Руссо либералы считают, что человек в принципе добродетелен, а все злое в нем — результат давления цепей, которыми его сковывает общество, и если освободить человека от этого принуждения, то он сам собой превратится в «зрелого гражданина» (по И. Канту). Как пишет английский политолог Э. Арбластер, либеральная философия придерживается концепции прирожденной социальности индивида, которому якобы от рождения присущи «тормоза» эгоизма. При этом либералы, как правило, не задаются вопросом, как формируются те или иные потребности, игнорируют проблему социализации индивида. Вместо реального, изменяющегося человека, определенным образом воспитанного и обученного, подверженного пропаганде, моде и страстям, зависящего от культуры и истории, либерализм видит носителя вечных и неизменных желаний²⁶.

Еще в начале 1920-х годов внутренние дефекты понимания свободы в социальной философии либерализма блестяще подметил Н. Бердяев:

«Вера в совершенное “естественное состояние”... рухнула, она не выдерживает критики... Человек по “естеству” своему недобр и небезгрешен. Все “естество” во зле лежит. В “естественном” порядке, в “естественном” существовании царит вражда и суровая борьба». Поэтому, по мнению философа, «вера в идеал либерализма уже стала невозможной. Все слишком изменилось с того времени, как была еще свежа эта вера. Слишком ясно, что вера эта была основана на ложном учении о человеческой природе, на нежелании знать ее иррациональные стороны»²⁷.

Это замечание можно проиллюстрировать на примере наркомана: действительно ли он, как это должно следовать из либеральной доктрины, способен сделать рациональный выбор между «дозой» героина и лечением в клинике (или, на худой конец, мучительным воздержанием от употребления убийственного зелья)? С либеральной точки зрения человек, предоставленный самому себе, непременно употребит свои силы лишь на созидание. Но что может помешать ему употребить их на разрушение (в том числе и на саморазрушение)? Немецкий философ-экзистенциалист К. Ясперс писал о такой ситуации:

«...Жестоко в частной жизни требовать, чтобы человек был свободен, хотя он не способен к этому и в сущности нуждается в том, чтобы ему подали руку и бережно повели по пути к свободе. С другой стороны, право на самоопределение — это подарок несвободным людям, которые не знают, что делать с таким подарком... Подарок в виде такого права на самоопределение оборачивается фарсом доверия к человеку»²⁸.

Седьмое. Свобода равно провозглашается для всех, но отсутствие в ней моральной доминанты приводит к тому, что каждый толкует ее по-своему. Для одних это свобода переводить капиталы в страны с более низ-

кими налогами и экспортировать в третий мир радиоактивные отходы, для других — свобода брить голову, красить губ в зеленый или малиновый цвет... Для наркомана либеральная свобода заключается в беспрепятственной возможности употреблять наркотики и умереть в муках.

В большинстве стран либерализм, несмотря на оказывавшуюся ему в некоторых исторических ситуациях массовую народную поддержку, с самого начала развивался как элитарное идейно-политическое течение, распространенное среди зажиточных и образованных слоев населения. Эта элитарная направленность проявлялась, в частности, в том, что либерализм, формально апеллируя ко всем членам общества, апологетизировал собственность как меру свободы, абсолютизировал конкуренцию и предпринимательскую инициативу и тем самым обращался прежде всего к «сильной» личности, обладавшей достаточно высоким интеллектуальным уровнем и имущественным вспоможением, поскольку лишь эти предпосылки обеспечивают высокую результативность индивидуального действия. Не в последнюю очередь в силу этого обстоятельства либерализм в Европе не мог стать мощным и массовым течением.

Восьмое. Излюбленным лозунгом либералов является плюрализм. Вряд ли кто-нибудь станет выступать против разномыслия, так как очевидно, что во многих случаях только в столкновении различных мнений может родиться истина. Однако нельзя не заметить, что в современных условиях, когда разлагается сложившаяся за века система ценностей и рушатся многие казавшиеся раньше незыблемыми табу, либералы подчас распространяют действие этого принципа на такие сферы, где возможность разных подходов у нормального человека вызывает по меньшей мере недоумение. Так, либералы повсеместно пропагандируют свободу абортов (т.е. свободу уничтожения еще не родившихся людей), под флагом борьбы за «прогресс», «права человека» и «свободы социальных меньшинств» допускают и пропагандируют моральный плюрализм — в частности в сфере сексуального поведения, а недовольных этим обвиняют в ретроградстве и нетерпимости. Что же касается меньшинств, то представление о том, что они заведомо слабы, дискриминируемы и безобидны и поэтому им нужно предоставлять всяческие привилегии, выглядит чистой декларацией и приводит к тому, что в либеральной теории очень слабо разработан вопрос, каким образом нормальное, здоровое большинство может призвать к порядку распоясавшееся меньшинство, не нарушая при этом «права человека».

Наглядный пример парадоксальности результатов, к которым приводит внедрение в обществе либеральных представлений, — американские фильмы (например, режиссера Спайка Ли «Малькольм Экс»), в которых по сути дела пропагандируются идеи «черного» расизма. При-

чина — в том, что «черных нельзя обижать». В наши дни «белый» американец, даже испытывающий неприязнь к соседствующей расе, больше всего на свете боится быть заподозренным хотя бы в тени расизма. Поэтому ради либерализма большинство вынуждено терпеть оскорбления от меньшинства...

Девятое. Либерализм не разрешил глубокое противоречие между правом нации и правами человека. В практике либерализма это противоречие отходило на второй план в зависимости от тех требований, которые предъявлял исторический момент. Если, например, в 1960-е годы на первый план выдвинулась национально-освободительная борьба народов колоний за свое освобождение и независимость от метрополий, то в центре либерального проекта неизбежно оказывались права нации. Позднее особую значимость приобрели демократические права различных меньшинств, как этнических, так и сексуальных. С конца 1980-х годов права человека приобрели приоритетное значение — почти нормой стал тезис о том, что допустимо вмешательство во внутренние дела тех стран, где нарушаются права человека. В середине 1990-х годов опыт распада Советского Союза и последовавших за этим межнациональных конфликтов, равно как и опыт войны в Югославии, разделения Чехословакии и т.д., вновь выдвинул права наций на первый план, что неизбежно сопровождалось подъемом национально-патриотических движений часто антидемократического характера.

Следует в этой связи упомянуть также пример вопиющего нарушения либеральной философии, о котором стыдливо умалчивают в развитых странах, связанного с нарушением права свободного передвижения как одного из основополагающих прав человека. Всевозможные квоты, ограничения на въезд на территорию западных государств преимущественно для представителей стран Азии и Африки, специфические визовые правила, вводимые рядом государств, в том числе и по отношению к представителям СНГ, — наглядный пример политики двойных стандартов. Иными словами, права человека реализуются избирательно и отнюдь не полностью, что со всей очевидностью показывает внутреннюю противоречивость либерализма. По-видимому, можно предположить, что разочарование в либерализме в немалой степени является закономерным следствием несовпадения или, по крайней мере, не полного совпадения декларируемых принципов и реальностей политического процесса. Подобный разрыв ставит под вопрос распространение либерализма по всему миру и его укоренение в конкретных обществах.

Таким образом, следует констатировать крушение либеральной идеи на Западе к концу XX в. во всех его измерениях — экономическом, политическом и культурном. Экономический либерализм создал общество

всеобщего потребления и техногенную цивилизацию, которые зашли в исторический тупик; политический либерализм переродился в «управляемую демократию», манипулирующую поведением рядовых избирателей, а также способствовал перерастанию гражданского общества в массовое; культурный либерализм сформировал постмодернистскую культуру, составным элементом которой стал морально-нравственный релятивизм.

Конечно, было бы нелепо отрицать своего рода «эффективность» либеральной социальной философии, призывающей человека «не ждать милости от природы» и, руководствуясь принципом «каждый сам за себя», самому брать судьбу в свои руки (особенно в эпохи, когда происходит серьезная трансформация условий жизни общества и обновление элитных структур). Как констатирует К. С. Гаджиев, «лежащий в основе либерального сознания индивидуалистический идеал сулил возможности для быстрого продвижения вверх по социальной лестнице, успех в борьбе за место под солнцем. Этот же идеал стимулировал предприимчивость, настойчивость в поисках новых путей достижения успеха, трудолюбие, новаторство, и другие ценности и ориентации, которые в совокупности сделали капитализм динамичной системой»²⁹.

Кроме того, тот факт, что либеральная идея полна противоречий и внутренней напряженности, отнюдь не означает, что авторитаризм и тем более тоталитаризм в состоянии дать ей действенную и привлекательную альтернативу. Если подходить к либерализму как к совокупности определенных правовых принципов, можно сказать, что его перспективы могут получить самую благоприятную оценку. По-видимому, следует признать, что вся остальная «надстройка» приобретет черты, окрашенные местными национально-культурными цветами. Либеральная идея в конечном счете имеет хорошие шансы на универсализацию, но это не будет либерализм англо-американского типа.

Впрочем, либерализм оказался поразительно живучим. Его выживанию способствуют некоторые новые тенденции в мировой экономике, связанные в первую очередь с глобализацией. На выживание либерализма работает и «евросклероз» — определенная инертность социальных структур, неэффективность государственных программ и недостаточная гибкость европейской экономики, благодаря чему вновь становятся популярными старые антибюрократические лозунги либералов. Поэтому с некоторой долей юмора можно сказать: либерализм (почти) умер, но дело его живет.

Либерализм и русское общество

Вопрос о социализации и демократизации либерализма особо значим и актуален для современной России, если вспомнить, что либера-

лами фактически с самого начала воспринимались идеалы социализма, хотя и после определенных колебаний. Именно это и отличает современный русский либерализм от либерализма европейского, и в первую очередь немецкого или английского его вариантов.

Несходство путей Запада и России в рамках общеевропейской истории во многом объясняется их разным пониманием смысла и значения того урока, который Рим преподавал миру, самой сути «римской идеи». Они по-разному ответили на вопрос, с которого, собственно, начинались и Средние Века, и Новое Время — «почему погиб Рим?». Даже отцы-основатели США задавались тем же вопросом. Но ответ, данный Западом, отличался от того, который Россия посчитала более правильным. «Русская идея» не отвергала «римскую», а давала ей иную, отличную от западной, интерпретацию.

Теоретики западного либерализма, конституционного строя и демократии видели причину гибели Рима в его измене своим республиканским идеалам, что привело в конечном счете к тирании и личной диктатуре, к уничтожению гражданских прав и свобод. Они искали политического противоядия от подобного перерождения, стремясь навечно утвердить ценности и институты демократического строя. Хотя путь Западной Европы к демократии не был простым и скорым (вся ее история, вплоть до XX в., сопровождалась восстановлением и распадом тех или иных подобий Римской империи), в целом он знаменовал собой ее возвращение к провозглашенным когда-то Римом принципам гражданского общества и правового государства. Правовой порядок и есть искомый Западом принцип мироустройства и общечеловеческого согласия.

Иную версию «римской идеи» дала Россия. В своем историческом поиске она была более ориентирована на Рим Православный (Византия), возникший после принятия Римской империей христианства и переноса ее столицы в Константинополь. Гибель первого Рима объясняется в этой версии его язычеством, т.е. с христианской точки зрения бездуховностью, повлекшей за собой моральную деградацию граждан и власти. От Рима, следовательно, идет традиция не только правового, но и православного государства, в котором верховная власть берет на себя функцию военной и политической защиты истинной веры, получая от нее в свою очередь необходимую религиозную легитимацию.

В том же направлении шло и государственное строительство России. Конфессиональный признак, наряду с династическим, входил в официальную атрибутику Российской империи с ее наднациональной формой государственности. Да и сами русские, если и смотрели на себя как на нацию, то только как на нацию православную, единую в своей вере и служении Богу. Русское и православное фактически сливалось в одно понятие.

В русской традиции термин «нация» имел вообще иной смысл, чем в западноевропейской. Он означал здесь близость людей не по крови и происхождению и даже не по общей для них светской культуре, а по вере. Государство равновелико здесь религиозно-духовному, т.е. наднациональному по западным стандартам, объединению людей. Попытка на католическом Западе создать нечто подобное (в лице, например, Священной Римской империи германской нации) окончилась, как известно, неудачей, положившей начало образованию самостоятельных национальных государств. Раздельное существование духовного и политического центров, церкви и государства привело в Западной Европе к секуляризации политической власти, вынужденной апеллировать уже не к религиозному, а к национальному единству. Последнее понимается в данном случае как культурная (в смысле языка и письменности) и политическая, т.е. тоже как секуляризированная, общность людей. Национальные границы и перегородки, разделившие Европу, стали первым и, возможно, главным препятствием на пути реализации «римской идеи». Национализм родился на Западе и явился причиной многих потрясших его конфликтов и войн.

Отсюда и другое отличие российского пути общественного развития от западноевропейского. В нем утверждался иной тип общества, чем тот, который сложился в католической и протестантской Европе, — не бюргерский и не буржуазный. Легшей в основу западной цивилизации «гражданской общины», идущей от греческого «полиса» и римской «цивitas», Россия противопоставила иное — в истоке христианское — понимание общественной жизни — то, что условно можно было бы назвать «духовной общиной». Ее не надо путать с сельской общиной, общей для всех земледельческих народов. Особенность России часто видят в свойственном ей коллективном, общинном духе, что справедливо только при следующем допущении — основу этой общинности она искала именно в духе, а не в традиционных (патриархальных) формах сознания крестьянских общин. Последнее в лучшем случае могло лишь способствовать становлению духовной общинности, но не подменять ее собой.

Общество, согласно такому представлению, образуется не столько путем интеграции в правовое государство частных и автономных индивидов, озабоченных лишь интересами личного блага и пользы, сколько объединением людей вокруг высших и универсальных ценностей и целей человеческого существования, имеющих сверхнациональное, общемировое значение. Последние могут представлять как в религиозном, так и в светском обличьях, но именно они должны доминировать над всеми расчетами и соображениями экономического и политического характера (не говоря уже о геополитических). Только главенство духов-

ного и объединяющего всех начала над социальной материей может придать ей стойкость и крепость. Россия не просто сформулировала в своих историософских размышлениях идею такого общества, но и пыталась провести ее, порой с большими отступлениями, издержками и жертвами для себя, в реальную жизнь. И пока эта идея жила в сознании россиян, жила и Россия.

Можно много и долго говорить об утопичности такого проекта. Важно то, что в нем угадана единственно достойная человека перспектива развития. Без устремленности к универсальному и духовному любое общество вырождается в человеческий муравейник, где каждый только за себя, отчужден от других и потому подпадает под власть обезличенных и враждебных ему сил.

«Либерализм составляет последнюю религию, но его церковь не другого мира, а этого, его теодицея — политическое учение; он стоит на земле и не имеет мистических примирений, ему надобно мириться в самом деле. Торжествующий и потом побитый либерализм раскрыл разрыв во всей наготе; болезненное сознание этого выражается иронией современного человека, его скептицизмом, которым он метет осколки разбитых кумиров». Такая характеристика была дана либерализму Герценом в 1852 г.³⁰, когда он весь был во власти отчаяния вследствие поражения революции. То же самое настроение в предшествующий год привело его к убеждению, что либерализм так и не сможет найти себе убежища в России и что он совершенно чужд русской натуре.

Герцен вряд ли ошибался: действительно, Россия в гораздо большей степени консервативная, нежели либеральная страна. Хотя в мире не трудно найти и другие страны, столь же чуждые либерализму.

Конечно, либерализм находил себе убежище в России еще со времен Петра. Екатерина II после Петра также отдавала должное либеральным идеям хотя бы потому, что она состояла в переписке с носителями либеральных философских идей — Вольтером и Дидро. Правда, ее правление было куда менее либеральным, чем в тогдашней Франции. Вольтер, Руссо и Дидро находили многочисленных и страстных читателей и почитателей в Петербурге и в Москве. Французское Просвещение усилило немецкое Просвещение, занесенное в Россию Петром и его последователями. В определенных элитных кругах мы находим в России того времени философское свободомыслие Европы XVIII в., равно как и рационализм, и гуманистическую философию Просвещения. Все эти идеи, направляя острие критики против крепостничества, пробуждали мысли о политической свободе и реформах. Наряду с вольтерьянцами здесь были также либералы религиозного толка (Радищев и «вольные каменщики»), а также такие либералы, которые выступали против падения нравов в Европе.

И все же носители либеральных идей в России представляли собой политических маргиналов. Французский либерализм с присущими ему индивидуализмом и устремленностью к свободе вряд ли серьезно увлек российское общество, хотя здесь и выдвигались постоянно вновь и вновь конституционные, демократические и даже республиканские идеи.

Всплеск либерализма в России вызвали реформы Александра II. Но ведь на Царя-Освободителя было совершено восемь (!) покушений, последнее из которых было успешным. А уже в годы правления его сына, Александра III, наступает реакция, попятное движение, Россию «подмораживают, чтобы не воняла». Либеральные реформы отторгаются и элитой, и народом. Против них выступают тогдашние «властители дум», среди которых — Л. Толстой. Д. Писарев сравнивал либерала с коровой, которая желает играть роль кавалерийской лошади. Консервативные же оппоненты со своей стороны смотрели на либералов с презрением. Ф. Достоевский представлял своего дьявола в виде буржуазного либерала.

Правда, в 1883 г. организовалась русская социал-демократическая группа. Но либеральной назвать ее было никак нельзя. К тому же ее деятельность была не слишком заметна. В середине 90-х годов XIX в. позиции либералов усилились в ходе столкновений между марксистами и народниками; но более примечательным явилось то, что либералы выступали как раз на стороне марксистов. Более того, такого рода дискуссии побудили к активности и все остальные партии. Особым пунктом данного столкновения явился вопрос об отношении к либералам социал-демократии и революционного движения в целом. Необходимость связей между ними практически признавалась фактом создания Союза освобождения — организации, выдвинувшей платформу совместной политической деятельности. А затем пришла долгожданная революция масс. Рабочий класс и его радикальные лидеры при поддержке либералов добились принятия Конституции.

Таким образом, русский либерализм, подобно европейскому, прошел две достаточно четкие стадии развития, и либерализм последней стадии — после смерти Александра II — наделен теми же недостатками и теми же преимуществами, что и европейский либерализм. Половничатость, нерешительность, боязнь политической инициативы — бросающиеся в глаза его недостатки. По многим вопросам первостепенной и сверхпервостепенной важности взгляды либералов не совпадали; например, Б. Чичерин выступал за естественный закон, С. Муромцев (председатель первой Государственной Думы) ратовал за историческое право. Такого же рода различия превалировали среди либералов и по религиозным вопросам, и другим.

Русские либералы нуждались в помощи, но искали ее не в опоре на собственные усилия, обращались не к народу, а к верхам. Б. Чичерин,

подобно Ф. Науману в Германии, надеялся на установление демократической монархии; но Науман обращался к народу, опирался на ценности социал-демократии и из нее выводил социальную монархию. Б. Чичерин же предлагал разрушить власть аристократии с помощью народных масс, ведомых монархом. Царь должен сокрушить свою собственную аристократию! Н. Чернышевский в этом смысле был намного прозорливее Б. Чичерина.

Русский либерал, будучи сторонником полумер, всегда был непостоянен, останавливался на середине пути в достижении своей цели. «Дети» поэтому не могли ощущать особого расположения к своим «отцам». «Детям» представлялось, что болезнь Обломова — неизбежный результат либерализма. И они рассматривали своих либеральных «отцов» как тех, кто принадлежит к категории «лишних людей»³¹.

Конечно, в России можно было найти мыслителей, которые стремились обосновать либеральную программу с позиций философского критицизма, рассматривая таковую с учетом современных преобразований в Европе, пытаясь заменить старый либерализм новым, стремясь реформировать это политическое течение. Тут, в частности, можно вспомнить профессора философии права П. Новгородцева. В своих ранних работах, выступая как издатель сборника работ под общим названием «Проблемы идеализма» (1902), он заявил о своей приверженности современному идеалистическому движению, но в то же время принялся исследовать основания демократии с обращением преимущественно к естественному праву. При этом он ссылаясь на И. Канта. П. Новгородцев надеялся на возрождение либерализма в России, обращаясь к идеям этого обновляющегося течения в Англии и Франции. Он настаивал на демократизации либерализма, выступал защитником реформ — но при этом считал возможными организацию и усиление внепарламентских инициатив народа (референдум и т.п.). Он выступал также за социализацию либерализма, правда, не объясняя достаточно четко, каким образом это может произойти³².

Но в начале XX в. такие заявления в России были гласом вопиющего в пустыне. Страна стремительно двигалась к большевистской диктатуре. Следует признать: либеральный проект, с трудом осуществляемый Российской империей на протяжении нескольких десятков лет, с 1861 г., потерпел сокрушительное поражение в 1917 г.

Постсоветский либерализм

Крах коммунистического проекта в 1991 г. в свою очередь привел к возрождению идей либеральной демократии, открытого общества, рыночной экономики и правового государства. Вполне естественно, что

более чем семидесятилетнее господство тоталитарного режима актуализировало многие либеральные (в том числе и классически-либеральные) представления, а в период агонии коммунистической системы и вскоре после ее окончательного краха произошел всплеск общественного интереса к либеральным идеям.

К сожалению, однако, российская либеральная революция сопровождалась удивительным интеллектуальным убожеством, отсутствием хоть сколько-нибудь оригинальных и политически эффективных идей. В целевой детерминации самое далекое будущее определяет более близкое, это близкое в свою очередь — ближайшее. Поэтому нельзя обрекать себя на действия вслепую в погоне за ближайшими результатами, не учитывая результаты более отдаленные и общие, могущие оказаться решающими. В этой связи, прежде чем приступать к либеральным реформам, следовало бы озаботиться вопросом, могут ли открытое общество, рыночная экономика, правовое государство в их западном варианте и все, что с ними связано, в принципе стать основой русской жизни? Этого, однако, сделано не было. Отечественные либералы не учли, что «чистый либерализм» не существовал ни в одной стране мира; тем более он был невозможен в России, в которой особенно сильны ценности не либерального, а консервативного толка.

Объективно либеральная направленность и настроенность массовых действий, которые развертывались под классическими лозунгами европейских революций прошлых веков — свободы и прав человека, равенства и народного суверенитета, — по большому счету должна была бы сделать неуместными дальнейшие разговоры о чуждости российского менталитета либеральной идее. Однако интеллектуальное бессилие либеральной отечественной интеллигенции, не сумевшей дать даже адекватное теоретическое объяснение развернувшимся процессам, привело к тому, что широкая либеральная волна, образовавшаяся в обществе в конце 1980-х — начале 1990-х годов, опрокинулась и разбилась, не успев вынести на себе институциональных, конституционно-правовых и нравственных основ нового общества.

Здесь можно согласиться с Е. Ясиным: в конце 1980-х — начале 1990-х годов в России еще не было настоящей демократии. Это был вздох свободы, национальный подъем, локализованный в отдельных городах против коммунистов, отрицание тоталитаризма. Поэтому правильнее было бы назвать сложившийся тогда политический режим *протодемократией*, поскольку она не опиралась на зрелые демократические институты. Однако этап протодемократии продержался недолго.

Рубежными здесь были события октября 1993 г., когда власть, называвшая себя либеральной, под аплодисменты Запада расстреляла за-

конный российский парламент и без всякого обсуждения буквально навязала обществу Конституцию 1993 г. Е. Ясин полагает, что тогда Б. Ельцин совершил государственный переворот и положил начало «управляемой демократии»³³. Уже тогда его команда цинично предала либеральные ценности и оттолкнула от себя честных и порядочных русских либералов. Столь же цинично она действовала и в 1996 г., когда провела в Президенты РФ «всенародно избранный труп». С этого момента — а вовсе не после появления на политической арене В. Путина — в России складывается «управляемая демократия», которая становится лишь другим названием (эвфемизмом) авторитарного, или, по меткому определению российского юриста М. Краснова, персоналистического режима. Все последующие события — назначение Президентом РФ В. Путина, выборы 1999–2000, 2003–2004, 2007–2008 гг., которые были превращены в фарс, в «спектакль для дураков», — явились следствием предательства либеральных ценностей нашей властью в начале 1990-х.

Уже к концу десятилетия либеральных реформ, особенно после дефолта 1998 г., для всякого непредвзятого наблюдателя стало очевидно, что либерально-демократический этап постсоветской революции подошел к своему завершению. Россия вступила в закономерную фазу любой послереволюционной истории, для которой характерны апатия народа, его глубокое отчуждение от власти, а во многих случаях и неприкрытая ненависть к «реформаторам», многократно усилившаяся в нашем случае из-за ошибок, некомпетентности и коррумпированности государственного аппарата. Это было связано не только с идейным вакуумом, возникшим в результате разрушения марксистско-ленинской идеологии, но и с чисто эмоциональным разочарованием в реформах, «утраченными иллюзиями» относительно либеральной панацеи от всех российских бед, потерей обязательных ценностей, а вместе с ними и всего образно-ассоциативного ряда, содержащего представления о смысле деятельности общества, властных отношениях, моральных устоях и т.д.

Сосредоточив в 1991 г. в своих руках все рычаги власти, наши «либералы» (они же радикал-демократы) не преследовали социальную цель — обеспечение благополучия человека и его семьи, а решали конкретную политическую задачу формирования нового собственника любым, в том числе и криминальным путем. К сожалению, они не озаботились созданием эффективного и справедливого механизма разгосударствления собственности, четко определяющего критерии, условия, требования при его проведении, основанные на ясной и понятной гражданам России правовой основе. Политика России с 1991 г. была связана не с разгосударствлением, а с «приватизацией» собственности, в ущерб интересам подавляющего большинства граждан России.

В результате Россия оказалась отброшенной к эпохе первоначально-го накопления капитала, а государство, освобожденное от социальной ответственности перед обществом, приобрело криминальный характер. 40–60% валового национального производства оказалось под контролем теневой экономики и организованной преступности. В других секторах — потребительские рынки, недвижимость, банки — этот процент оказался еще выше. Произошло сращивание теневой экономики, организованной преступности и коррупции. Большинство российского трудоспособного населения было втянуто в криминальные отношения на правах рабочей силы, клиентов, потребителей и партнеров. Это неизбежно повлекло за собой ломку психологических стереотипов поведения, утверждение мотивов безудержного потребительства и стяжательства, пренебрежение общественными нормами поведения и ответственностью личности перед обществом, признание нормой личное обогащение любой ценой и участие в незаконных экономических, хозяйственных и трудовых процессах как способ физического выживания. Воспроизводство преступности в этих условиях стало повседневным элементом хозяйственной жизни и наиболее прибыльным видом деятельности.

Все предпринятые в последующем меры — реформа уголовного законодательства, реформирование банковской системы, ужесточение, а затем ослабление налогового режима — оказались бесплодными, поскольку не был справедливо и на основе закона решен главный вопрос — о собственности. Борьба с преступностью потерпела сокрушительное поражение, так как она не затронула источник формирования преступлений в экономической области. А именно экономические преступления составляют сегодня около 60% всех преступлений, и именно они наносят наибольший экономический и социальный ущерб интересам граждан России и их семей, ставят под вопрос перспективу выживания и развития страны в целом.

Между государством, присвоившим себе все права, принадлежащие личности и обществу при коммунистическом режиме, и государством, отказавшимся нести ответственность за состояние и развитие общества, безопасность человека и его семьи при радикал-демократах, разница оказалась небольшой. И в том, и в другом случае жертвой стала личность, ее достоинство, благополучие и даже само физическое выживание. Политика радикал-демократов еще раз подтвердила: ни о каких свободах и правах не может быть и речи, если эти права и свободы не гарантируются и не обеспечиваются материально, не имеют под собой экономической основы, не защищаются государством.

Все предлагавшиеся властью в эти годы рецепты и попытки их превращения в жизнь — финансовая стабилизация, распродажа по бросовым ценам госсобственности и получение этим путем, а также ограбле-

нием национальных естественных монополий, необходимых средств для латания дыр в госбюджете, больше напоминающем Тришкин кафтан, и решения социальных проблем (пенсии, зарплаты), привлечение иностранных инвестиций, получение кабальных займов и т.д. — не решали и не могли вывести страну из кризиса и лишь незначительно задерживали развитие кризисных явлений, порождая вместе с тем все новые проблемы. Более того, все эти меры, в основе которых лежала приватизация (передел), а не разгосударствление собственности (формирование многоукладной рыночной экономики), породили космополитическую финансовую олигархию, непосредственные интересы которой никогда не были связаны с развитием национального промышленного капитала. Главными источниками их обогащения были финансовые спекуляции, паразитирование на бюджетных средствах, финансовые операции с недвижимостью и стратегическими товарами, в том числе и сугубо криминального характера, активное участие в операциях, связанных с теневой экономикой, посредничество и краткосрочное кредитование под высокий процент как наиболее быстрый способ получения значительных финансовых средств. Такая политика привела к застою в производственном секторе, сокращению рабочих мест, потере своего собственного внутреннего рынка и конкурентоспособности на рынке внешнем.

Двадцатилетний период «капитализации» российского общества, да еще в форме первоначального накопления капитала, продемонстрировал ущербность этой модели, вызвав кризисное состояние общества в экономической, политической, духовной и нравственной сферах. Он обнажил в открытой и острой форме всю сумму опасных внутренних и внешних противоречий, способных не только окончательно разрушить национальную безопасность страны, ее территориальную целостность, но и продемонстрировал социальную ограниченность «дикого капитализма» — недостаток, от которого весь мир стремится если не избавиться, то существенно ограничить.

В результате в конце XX — начале XXI в. Россия оказалась вынужденной решать проблему, которую российский философ Б.Капустин назвал «проблемой Гоббса»: как создать из миллионов эгоизмов частных лиц жизнеспособный социум³⁴. С этой проблемой Запад, как известно, столкнулся и достаточно успешно решил еще на заре Нового Времени (!).

Наши либералы не учли, что сам по себе частный эгоизм, если даже предположить, что он является главной исходной мотивацией любой человеческой деятельности, не может «сделать людей полезными друг другу»³⁵ (классическая формула либерализма Б. Мандевилля), а следовательно, стать строительным материалом для какого бы то ни было человеческого сообщества. Ведь для удовлетворения своих личных воз-

делений и appetитов человек может счесть более рациональным средством не обмен услугами с другим частным лицом, т.е. вступление с ним в цивилизованные отношения на основе взаимной выгоды и определенных правил, а обман, насилие, грабеж или убийство. Примат собственной пользы не является даже малейшей основой для формирования элементарных правовых отношений, уже не говоря об отношениях морально-нравственных, составляющих фундамент любого известного до сих пор общества. Из такого примата, следовательно, в принципе не может выводиться и та «система всеобщей взаимной полезности», внутри которой только и может функционировать «невидимая рука» рынка, описанная одним из первых экономических либералов А.Смитом. Мотивация собственной пользы неотвратно ведет к ситуации, описанной В.Соловьевым: в ответ на вопрос миссионера готтентоту, знает ли он различие между добром и злом, последний отвечает: «Конечно, знаю. Добро — это когда я украду чужой скот и чужих жен, а зло — когда у меня украдут»³⁶.

Это и есть та проблема, которую поставил Т. Гоббс, — проблема перевода частного эгоизма вообще в то его особенное проявление, которое можно назвать в самом широком смысле «экономическим интересом». Если это удастся, то экономический интерес становится основой социально упорядоченной формы обменно-предпринимательской деятельности и рыночной экономики в целом. При этом, по Т. Гоббсу, ни теоретически, ни практически невозможно построить жизнеспособное общежитие людей, если они являются лишь частными лицами со своими частными интересами. В последнем случае люди неизбежно погружаются в состояние «войны всех против всех», которое, по сути, является небытием всех, т.е. отсутствием социального бытия вообще. Для того чтобы стать социальным бытием, частные лица должны стать чем-то большим (гражданами) или чем-то меньшим (рабами), чем просто частные лица. В первом случае это равенство частных лиц в свободе (в качестве свободных граждан государства), а во втором — равенство частных лиц в страхе (в качестве рабов, точнее, политических рабов, обладающих свободой частнохозяйственной деятельности). При этом различие между свободным гражданином и рабом состоит лишь в том, что свободный гражданин служит только государству, а раб — еще и одному из граждан. Сущностной разницы между гражданином и рабом у Т. Гоббса, таким образом, нет, поскольку и «свободный» гражданин в конечном счете подчинен государству. Существо же, не составляющее элемент государства, по Аристотелю, есть либо животное, либо божество». Отсюда Т. Гоббс делает свой фундаментальный вывод: граждан и рабов объединяет и скрепляет в человеческое общество равенство в страхе, а отнюдь не частный интерес³⁷. «Хотя количество полезных благ в этой жизни можно увеличить посред-

ством взаимных услуг, но в гораздо большей степени это достигается благодаря господству над другими, чем благодаря сообществу с ними; поэтому вряд ли кто-либо сомневается в том, что, если бы не страх, люди от рождения больше стремились бы к господству, чем к сообществу. Итак, следует признать, что происхождение многочисленных и продолжительных человеческих сообществ связано... с их взаимным страхом»³⁸. Итак, по Гоббсу, всеобщий и взаимный страх, а не смитовская «склонность к торговле, к обмену одного предмета на другой» является движущей силой, создающей в конечном счете «систему всеобщей полезности» и само человеческое общежитие³⁹.

В современном гражданском обществе, сложившемся в развитых западных странах, «взаимный страх», разумеется, приобрел другие измерения по сравнению с Новым временем, когда Т. Гоббс писал свой знаменитый трактат «О гражданине». Страх публичной казни, отсечения конечностей, тюремного заключения, депортации и т.д. заменен на страх погубить свою карьеру, состояние, лишиться перспективы творческой самореализации, быть исключенным из профессионального гражданского сообщества и т.д. Существо дела от этого не меняется: современное либеральное сообщество строится на жестких взаимных ограничениях отдельных частных интересов. Собственно говоря, в этом и состоит сущность современного, западного по крайней мере, правосознания, и морально-нравственного кодекса, и даже пресловутой «политкорректности».

Основополагающие выводы Т. Гоббса для оценки либеральных идей и ценностей поэтому не устарели. Они имеют прямое отношение и к современным формам либерального государства. Но это не было известно нашим малограмотным и невежественным либералам. Кто-то из них, вероятно, скажет, что Т. Гоббс не был либералом. Это бесспорный факт. Его концепция государства, разумеется, далека как от классического, так и от современного либерализма (неолиберализма). Это, однако, не имеет никакого отношения к непреходящей ценности его политической философии для измерения эффективности любых либеральных моделей, в том числе и российских. Ибо, как справедливо отмечал один из крупнейших современных знатоков Т. Гоббса консервативной ориентации М. Оакеншотт, «не будучи сам либералом, Гоббс заключил в себе больше философии либерализма, чем большинство ее патентованных защитников»⁴⁰.

Отечественные либералы не учли и того, что в России, помимо «взаимного страха» в гоббсовском понимании, государственной скрепой на протяжении всей ее истории была некая позитивная программа, вселенский, устремленный в будущее, исторический проект, будь-то православно-имперский или коммунистический замысел. Частный инте-

рес здесь всегда был подчинен интересу общему, государственному. Либеральный эксперимент в российских условиях поэтому имел особое значение.

Крупнейшие ошибки и просчеты российская либеральная элита допустила и в сфере внешней политики. Отказ России от идеи исторической преемственности и, следовательно, от исторических и послевоенных основ своей внешней политики, провозглашение концепции «единого мира» на основе «общечеловеческих ценностей» столкнулись с жестким прагматизмом наших новых партнеров и оппонентов, которые поспешили закрепить уступки России в качестве своих геополитических приобретений. В результате геополитически Россия оказалась оттесненной с Запада. Ирония, а возможно, сарказм истории, заключается в том, что очередная попытка преодолеть изоляцию от Запада, от стран господствующего либерализма, сопровождалась геополитическим оттеснением на Восток. Явно негативную роль сыграла и играет в этом вопросе либеральная пропаганда космополитизма, а также декларируемое как государственная цель стремление войти в «мировое сообщество» любой ценой и в качестве кого угодно.

Панически боясь обвинений в «имперских амбициях», наши либералы сознательно игнорировали естественную потребность в патриотизме, гражданственности, в защите погранных национальных интересов. Они полагали, что русское национальное самосознание — по природе агрессивное, ксенофобское и империалистическое. При этом законное право России говорить о своих национальных интересах и отстаивать их цинично противопоставлялось идее демократического развития, экономических и политических реформ.

Надо ли удивляться тому, что пренебрежение к историческим традициям и обычаям, а также национальным ценностям России вызвало разочарование и отторжение в русском обществе, породило вакуум, который немедленно заполнился всякого рода экстремистскими идеологиями и течениями, в том числе и ложными концепциями евразийского типа, далеко не безобидными попытками осмыслить Россию как особую «евразийскую цивилизацию». Кроме того, в обществе вновь пробудился интерес к традиционалистским, национально-патриотическим, а в ряде случаев и шовинистическим движениям, что вполне закономерно в ситуации кризиса, распада и тяжело переживаемой униженности страны. Одновременно стала расширяться сфера бездуховного, примитивного прагматизма, в основе которого лежит, по-видимому, атомистический индивидуализм в ситуации продолжающейся дезинтеграции общественных связей. В целом общественное сознание граждан России

стало фрагментарным. Была утрачена целостность картины мира, оказались потерянными точки отсчета. В свою очередь, это породило в обществе непредсказуемость, иррациональность политического поведения, повышенную эмоциональность восприятия происходящего, чередуемую с приступами безразличия и усталости от политики.

На наш взгляд, правильную оценку отечественного либерализма дал А. Ципко, который охарактеризовал его как исключительно «посткоммунистический» и «как уникальное явление, выросшее на советской, марксистско-ленинской почве, как уникальное мироощущение узкой группы людей, которые сами себя называют либералами-революционерами... Он мог утвердиться только в уникальной ситуации распада СССР, во время ломки старой системы и вызванного ею хаоса чувств и мыслей и во многом благодаря внешнему влиянию, и прежде всего благодаря демократической администрации в США».

Причем наши либералы могли побеждать только у народа, который начисто утратил инстинкт самосохранения, национальное самосознание, и сохранить над ним влияние они могли до тех пор, пока основная масса населения, прежде всего представители титульной нации, находится в состоянии национального беспамятства. Ситуация, подобная началу 1990-х, уже не может повториться, ибо уже нет той страны, где могло зародиться такое, на его взгляд, аномальное явление, как наш российский посткоммунистический либерализм. И сам факт, что в Российской Федерации люди, чувствуя себя русскими, начинают осознавать ненормальность сложившейся ситуации, в массе видят в нынешней либеральной элите врага, силу, враждебную своим интересам, свидетельствует о пробуждении русского национального сознания.

А. Ципко справедливо полагает, что нынешний либерализм, утвердившийся в России, не имеет ничего общего с национальными русскими традициями либерализма, что нынешнее новое западничество не имеет ничего общего с дореволюционным западничеством. Русские или российские корни нынешнего либерализма можно искать и найти только в большевизме и в русском марксизме. Старое русское западничество в начале XX в. в лице Н. Бердяева, П. Милюкова, П. Струве отличалось от нового западничества, от так называемого посткоммунистического либерализма и своим отношением к России как Российской империи, и своим отношением к российскому патриотизму, и своим отношением к русскому народу. Все дореволюционные западники, и в этом отношении они не отличались от дореволюционных почвенников, дореволюционных консерваторов, воспринимали Российскую империю в ее границах, с необъятными территориями, как свою многонациональную Родину. В этом, в желании сохранить Россию как империю, как семью

народов, либералы П. Милоков, Н. Бердяев, П. Струве ничем не отличались от своих современников, русских консерваторов Л. Тихомирова, В. Розанова. Всем известно, что П. Милоков как министр иностранных дел Временного правительства и как лидер Кадетской партии народной свободы добивался от союзников права России на Константинополь, права России контролировать Босфор и Дарданеллы. Но мало известно, что лидер Партии октябристов П. Струве, классический русский западник, также связывал будущее России как мировой державы с ее экспансией на юг, в Причерноморье. При всем своем либерализме, при всем своем пристрастии к свободе дореволюционные западники испытывали сакральное, почти религиозное отношение к России как Родине, а во время войны с Германией 1914–1918 гг. были, как писал о себе Н. Бердяев, сторонниками войны до победного конца.

Все это, по мнению А. Ципко, дает основание утверждать, что сегодня мы имеем дело с антинациональным, антирусским либерализмом, который рассматривает и традиционную российскую государственность, и претензии на державность, и, самое главное, русское национальное сознание как своих главных врагов. Наши новые либералы в отличие от дореволюционных либералов олицетворяют не национальное сознание, а сознание борьбы с ним, олицетворяют оборонное сознание по отношению к русскости. В этом смысле современные либералы являются носителями так называемого «оборонного сознания». Они находятся в перманентном состоянии обороны от всего русского, от традиций державности, от православия и Русской православной церкви, от побед русского оружия, от традиционного российского суверенитета. Все это говорит о том, что корни нашего нового западничества следует искать не в традициях дореволюционного либерализма, а в традициях марксизма-ленинизма, в идеологии вождей всемирной пролетарской революции. Не следует забывать, что все вожди нашей пролетарской революции, и прежде всего, В. Ленин, стояли на позициях национального нигилизма, страдали откровенной русофобией. Для Ленина, как известно, русская нация была велика только «своими насилиями», велика как «держиморда». Это Ленин говорил о том, что русская нация должна сама поставить себя в жертвенное, неравное положение по отношению к другим нациям России: «Интернационализм со стороны угнетающей нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства, но и в таком неравенстве, которое бы возмещало со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывалось в жизни фактической». Именно Ленин смотрел на Россию и русскую нацию глазами человека, для которого русская народная среда является чуждой и враждебной, а потому настаивал на вытеснении русского на-

ционального сознания пролетарским интернационализмом. Большевики вслед за Марксом говорили о русских как «контрреволюционной нации», т.е. нации, враждебной идее пролетарской революции. Нынешние новые либералы говорят о русских, о «русском архетипе» как о препятствии на пути к утверждению демократии и гражданского общества. Еще больше сближает нынешних западников, нынешних либералов с традиционным марксизмом абсолютное равнодушие к христианской морали, к учению о добре и зле. Марксисты вывели свое учение о равенстве за рамки стыда, совести и греха. Нынешние либералы, отделили понятие свободы от совести, стыда, личной вины и ответственности.

Все сказанное дает А. Ципко основание утверждать, что «политическое и духовное поражение посткоммунистических либералов является благом для России. В конце концов, сам факт самораспада посткоммунистического либерализма увеличивает шансы на сохранение государственного и национального суверенитета. Поражение либерализма, который относится к населению собственной страны, как колонизаторы относились к населению покоренных народов, свидетельствует об успехе пробуждающегося национального самосознания»⁴¹.

По мнению российского политолога С.Черняховского, трагедия современного российского либерализма — в первую очередь в его некритичном рыночном фундаментализме. Но во вторую — в его элитарности и отказе от признания за собой обязанности служить большинству и признания над собой власти большинства, в надежде заменить просвещение народа и борьбу за народ попыткой силой и властью навязывать свои решения этому большинству и этому народу. А еще эта трагедия — в разрыве как с традицией старого русского либерализма, так и с опытом и традицией реального мирового либерализма.

Именно поэтому его либерализмом в полной степени признать и нельзя. Это в лучшем случае была очень некритичная и не очень грамотная попытка реализовать в России данную социальную модель, а по мнению серьезных аналитиков, это политика подчинения идей либерализма политическим задачам антикоммунизма — что для настоящего либерализма вовсе не характерно, поскольку он, в одних случаях оппонируя коммунизму, в других не испытывает сложностей в том, чтобы вступать в союз с ним против угроз авторитаризма и бюрократизма.

Это был не либерализм. Это был протолиберализм — своей неудачливой беспринципностью во многом дискредитировавший идеи либерализма, идеи свободы, Разума и Демократии, идеи веры в Человека и его разум, веры в возможности исторического прогресса⁴².

Таким образом, наша правящая элита похоронила либерализм в России, потому что безбожно его скомпрометировала. Наши либералы дове-

ли либеральную идею до демонтажа государственности, национального самосознания, ценностей, морали, духовности, а также до демонтажа социальных программ. Тем самым они компрометируют либерализм и во всемирно-историческом плане, как когда-то большевики скомпрометировали социализм, радикализируя его и доводя до абсурда⁴³.

После Гражданской войны Н. Трубецкой писал о грядущей утрате Россией независимости и предсказывал: «Значительная часть русской интеллигенции, превозносящая романо-германцев и смотрящая на свою родину как на отсталую страну, которой «многому надо поучиться» у Европы, без зазрения совести пойдет на службу к иностранным поработителям и будет не за страх, а за совесть помогать делу порабощения и угнетения России. Прибавим ко всему этому и то, что первое время приход иностранцев будет связан с некоторым улучшением материальных условий существования, далее, что с внешней стороны независимость России будет оставаться как будто незатронутой, и, наконец, что фиктивно-самостоятельное, безусловно-покорное иностранцам русское правительство в то же время будет, несомненно, чрезвычайно либеральным и передовым»⁴⁴. В те годы это предсказание не сбылось. Вместо потери независимости страну ожидала большевистская диктатура. Но Н. Трубецкой будто писал про наше время и про наших либералов.

Можно было бы не обращать внимания на их выступления, если бы они не отражали весьма тревожную тенденцию — денационализацию отечественной элиты. Провалы политики радикальных реформ она готова свалить на собственный народ, на его дурную историческую наследственность. Так формируется внутренний расизм «новых русских», считающих себя уже не столько миссионерами, сколько колонизаторами в собственной стране, в которой нечего стесняться, нормы и мораль которой уже ни к чему их не обязывают. И в советское время, и сейчас они, по словам Пушкина, стояли и стоят «в оппозиции не к правительству, а к России».

Многие российские политологи справедливо предупреждали, что взятие на вооружение некоторыми «демократическими» партиями архаической идеологии классического либерализма, их пропаганда и популяризация известными публицистами — это путь в никуда. Претворение такого рода представлений в жизнь означало искусственное воссоздание в нашей стране исторических условий эпохи первоначального накопления со всеми ее атрибутами — массовой бедностью, бесправием трудящихся и, естественно, острыми социальными конфликтами, перерастающими в мятежи и восстания.

Все это говорит о том, что политическая культура российского общества все еще весьма далека от гражданской. К сожалению, оно не пережи-

ло подлинного Просвещения, смысл которого в конечном счете всегда и везде сводился к воспитанию гражданского сознания, а не к копированию чужих моделей и принципов. Один из видных социальных мыслителей XX в. Й. Шумпетер придумал образ рыночного локомотива — с грохотом мчащейся огромной машины, на которую по пути воздействуют различные силы — классовые, административные, культурные, могущие не только радикально изменить направление движения, но и вовсе его остановить. Здесь вполне ясно видна неразрывная связь экономики, политики и культуры. Взять же чужой образец, значит, создать лишь макет, но не работоспособный механизм. Что мы, собственно, и имеем.

Либеральный большевизм

В канун и в ходе либеральной революции формирующаяся либеральная идеология строилась вокруг трех ключевых представлений.

Первое — «философско-историческое» — заключалось в том, что либеральный путь означает преодоление «особости» и становление страны такой, как все «нормальные» (западные) страны. Ничего особенного, а тем более оригинального для этого делать не нужно. Нужно просто позволить стране развиваться по «общим естественно-историческим законам», которые сами сделают свое дело. Это был своего рода синтез позитивистского эволюционизма XIX в. с естественно-исторической марксистской теорией. Он обусловил вульгарный прогрессизм и имитационный характер доминировавшей формы российского либерализма. Все это сделало невозможным тот дух эксперимента, который был присущ всем без исключения странам, осуществившим успешные либеральные реформы.

Второе — «экономическое» — связано с первым. Поскольку «естественно-исторические» законы демонстрируются Западом, то они являются, во-первых, экономическими, во-вторых, универсальными. Здесь российский либерализм скатывался к вульгарному «экономизму», вообще отрицающему «этнографическое» и историческое своеобразие России. В лучшем случае оно признавалось ими лишь в качестве фактора, «искажающего» проявления этих универсальных законов. Эту парадигму отечественного либерального реформаторства в свое время с потрясающей простотой выразил министр внешнеэкономических связей и видный член гайдаровской «команды» П. Авен:

«Нет особых стран. С точки зрения экономиста, если экономика — это наука со своими законами, все страны в плане стабилизации о-ди-на-ко-вы»⁴⁵.

Третье — «структурно-социологическое» и «политико-идеологическое». Схематично его можно выразить следующим образом: если «есте-

ственно-историческим» законам не мешать, то, сами собой формируя рынок, они тем самым (поскольку они «базисны») будут создавать соответствующую социальную структуру общества. Структура (ибо законы универсально о-ди-на-ко-вы) окажется со временем схожей с социальной структурой западных обществ. Поскольку же эти общества являются демократическими, таковой будет и Россия. Во главу угла своей политической и социально-экономической программы наши либералы, таким образом, поставили частный интерес, который, мол, и направляет в мирном русле «невидимую руку рынка». Здесь отечественный либерализм за основу взял другой известный марксистский принцип — экономический детерминизм, т.е. линейную каузальную связь экономических и политических изменений, что сделало экономикой абсолютным приоритетом государственной деятельности.

Однако уже через короткое время после начала радикальных либеральных реформ стало ясно, что механизмы эффективного рынка и либеральной демократии не могут быть воплощены в жизнь на основе лишь свободы частных интересов отдельных лиц, без интегрирующей российской обществу национальной идеи. Поскольку все эти представления стали доказывать свою полную несостоятельность уже в начале 1990-х годов, отечественные либералы, пытаясь скрыть свою историческую вину и свое бессилие, стали ратовать за укрепление роли государства, главной функцией которого, мол, и окажется проведение либеральных реформ. Более того, они стали рассуждать о неготовности народа к либерально-демократическим порядкам и призывать к новому авторитаризму. Б. Березовский прямо заявил, что 90% населения Российской Федерации просто не в состоянии осознать ценности демократии, а потому задача так называемых либералов-революционеров состоит в том, чтобы «переломить волю» этого косного и неразумного большинства⁴⁶.

Это в свою очередь автоматически поставило в национальную повестку дня проблему легитимности авторитарного режима. При этом либералы тем не менее на этом этапе по-прежнему отрицали необходимость самой постановки в России вопроса о национальной идентичности, без решения которого проблема легитимности неразрешима. Легитимация режима через его эффективность в отношении рынка при сохранении неопределенности на уровне идентичности оказалась невозможной. Режим просто не мог действовать эффективно в направлении рыночной реформы, пока сохранялась такая неопределенность.

Кроме того, представление о ключевой роли авторитарного режима в формировании рынка не только противоречило самим основам либерального мировоззрения, но выбивало из его рук полемическое оружие, использованное ранее против марксизма и любых концепций плановой

организации общественной жизни. Ведь для либерализма, и прежде всего для экономического либерализма, который идеологически доминировал в России в 1990-е годы, рынок есть по определению (Ф. Хайека, Л. Мизеса, М. Фридмена и т.д.) спонтанно сложившийся порядок.

После естественного и вполне предсказуемого краха «авторитарно-либерального» проекта российский либерализм вдруг озаботился ранее совершенно чуждыми ему проблемами «новой мощной интегрирующей национальной идеи».

Это означало признание либералами того, что они не смогли заполнить «духовный вакуум», образовавшийся после падения коммунизма и его идеологии. Лозунг «наша цель — свободный рынок» оказался бессилен решить эту проблему. Необходима была идея, в центре которой человек, а не рынок. Но либералы не только признали необходимость того, что раньше отвергали, — идеологии. Они признали и то, что политически эффективная идеология не может быть построена на потребительских ценностях. Такие ценности оказались просто неспособными сплотить, мобилизовать, развить деятельную волю слоев, в принципе поддерживающих курс либеральных реформ. Опираясь на частные интересы, оказывается, в современной России вообще нельзя проводить государственную политику.

Впрочем, данная удивительная метаморфоза российского либерализма лишь подтвердила выводы, которые были сделаны в Европе 300–400 лет назад. Еще Дж. Локк говорил о том, что «личная польза каждого человека не является основанием закона природы», что «нравственность действия не зависит от пользы, но польза является результатом нравственности»⁴⁷. А по исследованиям В. Зомбарта, доминировавший вплоть до конца XVIII в. тип буржуа не мог быть даже в теоретической абстракции сведен к *homo economicus* и носителю формальной рациональности⁴⁸. Наконец, Ж.-Ж. Руссо показал: если человек руководствуется только частным интересом и если моральные чувства и законы нельзя считать «врожденными» и полагаться на их «прямодействие», то установить правопорядок, обеспечивающий равную свободу каждому, невозможно⁴⁹.

После дефолта 1998 г., который не только гражданам России, но и всему миру продемонстрировал полное крушение российских «либеральных» реформ, наши либералы стали стремительно мимикрировать в «державников», «государственников», «националистов» и даже «империалистов». При этом они, вместо того, чтобы покаяться за совершенные ошибки и провалы, попытались бессовестно отмежеваться от либеральной (а на самом деле — псевдолиберальной) политики 1990-х годов, за которую они несли прямую ответственность перед страной и ее народом.

Первым российским либералом в этом ряду стал П. Авен, министр внешнеэкономических связей в правительстве Е. Гайдара, его единомышленник и правая рука во внешних делах. В январе 1999 г. (спустя всего лишь 5 месяцев после дефолта) он выступил в газете «Коммерсантъ» с программной статьей «Экономика торго. О «крахе» либеральных реформ в России». В ней П. Авен назвал мифом представление о том, что в России были либеральные экономические реформы и они потерпели крах.

Проанализировав экономическую политику правительства РФ по различным направлениям (налоги, льготы, субсидии, кредиты, внешняя торговля и т.д.), в котором, подчеркнем это еще раз, состоял и сам автор статьи, П. Авен поведал изумленному миру, что никаких либеральных реформ в России, оказывается, не было. У нас не было, утверждал П. Авен, финансовой стабилизации, жесткой денежной политики, эффективного банковского надзора, независимого Центрального банка, налоговой системы в общепринятом смысле этих слов, необходимого для либеральной экономики уважения частной собственности. И далее следует поразительное по своей циничности фарисейское заявление: было бы такое уважение — «не произошла бы конфискация сбережений населения в 1991 г. или капиталов банков в 1998-м. Было же типично советское равнодушие к чужому богатству и неуважение к нему. Поэтому и раскаяния по поводу фактически украденных денег никто не испытывает». Как будто П. Авен сам не участвовал в этой политике!

При этом наш «либерал», президент созданного им Альфа-Банка, дает понять, что он не собирается расставаться с приобретенным в результате этой политики капиталом: «Я могу только радоваться, что ни один записной “либерал” не остался во власти. Иначе мои выступления были бы небезопасны для Альфа-Банка. Так как отдельные “либералы” на редкость невосприимчивы к критике и мелко мстительны». Более того, он не скрывает своего желания приумножить «добычу», обрушиваясь с грозной критикой на правительство, которое не дало ему этого сделать, в частности, в ходе пресловутых залоговых аукционов: «Альфа-Банк имел опыт участия (в целом безуспешного) в залоговых аукционах, и я берусь утверждать: во всех “больших” случаях победитель был известен заранее, до конкурса. Речь в чистом виде шла о “назначении в миллионеры или даже в миллиардеры” (как будто Авен сам не был назначен таковым, а нажил свое состояние законно, “непосильным трудом” или получил его по наследству. — *Авт.*) ряда предпринимателей, должных по замыслу стать главной опорой существующего режима. Конечно, в практической реализации залоговых схем участвовало много чиновников, некоторые из них не всегда соглашались с выбором руководства, и поэтому возникали определенные “волны”, создававшие

иллюзию борьбы, но в конечном итоге всегда побеждал тот, кто был выбран на самом «верху». Не было конкурса предложений, было состязание во влиянии».

«Кулуарное распределение наиболее привлекательных кусков государственной собственности (на основе неясных приоритетов власти), — обличает правительство олигарх Авен, сам получивший такой кусок в ходе приватизации, — издевательство над либерализмом. И это издевательство происходило все годы реформ, достигнув своего апогея 17 августа».

Авен сожалеет о том, что «миссия осуществления либеральных реформ выпала советским интеллигентам, внутренне далеким от либерализма, — высокомерно самоуверенным, лишенным необходимого уважения к чужому мнению. А посему не утруждающим себя объяснением своих действий. И присвоившим себе право на мифотворчество и ложь». Сам Авен себя к этой кагорте почему-то не причисляет, позиционируя себя «подлинным либералом». Однако, по его мнению, «либеральная экономическая система нуждается в сильной власти. Нуждается, так как либеральная экономика предполагает единые законы и правила — обеспечить единообразие может только сильная власть. Не допускающая исключений. Неподкупная. Способная наказать». В полном противоречии с тем, что творило правительство Е. Гайдара, Авен, таким образом, ратует «за строительство сильного государства» и (о ужас!) великой державы. В противном случае России «придется смириться с тем, что большая часть населения живет бедно по меркам развитых стран. Что не будет лидерства в науке и технологиях. Невозможно претендовать на особую роль в мировых делах. И нет великой культуры — она не рождается в захолустье (разве что случайно появится какой-то писатель, да и тот уедет в Париж).

Я же, ввиду воспитания, — заклинает он, — хотел бы видеть Россию великой. И боюсь, что, если сильное государство и свободная экономика не появятся у нас уже в ближайшие годы, пока живы еще остатки былого величия, не до конца растрочен научно-технический потенциал и не прошла новая (на сей раз фатальная) волна эмиграции — уже не успеть. И тогда, перефразируя Евгения Замятина, можно будет смело сказать, что у Великой России одно будущее — ее прошлое»⁵⁰.

Цинизм и беспринципность Авена просто поражают. Казалось бы, превзойти его по этим качествам просто невозможно. Но в России нашелся человек, который смог это сделать. Это еще более влиятельный член «либеральной» команды Е. Гайдара, «отец отечественной приватизации» А. Чубайс. В 2003 г., уже к тому времени уволенный со всех государственных постов, он выступает с весьма амбициозной статьёй (даже по своему названию) «Миссия России в XXI веке». В ней он неожиданно для «рядо-

вых» либералов ставит вопрос о необходимости решить «задачу самоосознания, самоидентификации народа». Утверждая, что власть не умеет решать вопрос национальной самоидентификации, А. Чубайс безапелляционно заявляет: «У нас есть ответ — тщательно продуманный. Мы считаем, что есть простые базовые ценности: свобода, частная собственность и — обязательно! — государство, которое их гарантирует и защищает».

В полной противофазе тому, что говорил он сам и другие «либералы» 1990-х годов, Чубайс постулирует:

«Без всякого сомнения, в России “делать деньги” никогда не станет национальной идеей, а менталитет русского предпринимателя никогда не будет американским. Поиск правды, истины, справедливости для России и русского народа всегда стоит выше первичных материальных импульсов человека. ... Наша страна всегда и была внутренне предрасположена к решению задач космического — и в прямом, и в переносном смысле — масштаба. Россия — страна со своей судьбой и, несомненно, со своей исторической миссией».

Это уже не только антилиберализм, а какое-то славянофильство... Впрочем, все эти фокусы нужны Чубайсу для обоснования главного — идеи либеральной империи:

«Россия — единственный и уникальный естественный лидер на всем пространстве СНГ и по объему своей экономики, и по уровню жизни своих граждан. Поэтому от констатации факта перейду к постановке задачи — Россия не просто является лидером, она может и должна всемерно наращивать, усиливать и укреплять свои лидирующие позиции в этой части планеты в следующие 50 лет. Скажу больше. Идеологией России, по моему глубокому убеждению, на всю обозримую историческую перспективу должен стать либеральный империализм, а миссией России — построение либеральной империи. Это именно то, к чему мы естественно пришли всей своей новейшей историей, это то бесценное, что мы можем и должны извлечь из истории XX в., это именно то, что свойственно, естественно и органично для России — и исторически, и геополитически, и нравственно. Это, наконец, задача такого масштаба, которая поможет нашему народу окончательно преодолеть духовный кризис и по-настоящему сплотит и мобилизует его»⁵¹.

Разъясняя свой проект, Чубайс в своих публичных выступлениях ссылался на пример США, которые, мол, и являются империей такого рода. Тем самым он подтвердил догадку многих отечественных и зарубежных историков, что эта идея является заемной и вторичной, поскольку сам термин «либеральная империя» возник во второй половине XIX в. во Франции и Великобритании, а затем в XX в. эта идея была перехвачена США⁵².

По мнению российского политолога Ю.Крупнова, главный замысел проекта Чубайса состоит в том, чтобы сделать Россию управляемой провинцией США, региональной, «младшей империей», т.е. получить от США «ярлык на княжение» на постсоветском пространстве⁵³. Такти-

чески же Чубайс выдвинул эту идею в целях привлечь внимание электората к СПС накануне парламентских выборов 2003 г. СПС это, однако, как известно, не помогло.

Сокрушительный разгром либеральных партий (СПС и «Яблока») на выборах 2003–2004 гг. прокомментировал еще один русский «подлинный либерал» бывший председатель правления и крупнейший совладелец нефтяной компании ЮКОС, а ныне отбывающий наказание осужденный М. Ходорковский в статье «Кризис либерализма в России». Конечно, к его «тюремным тетрадам» следует относиться с осторожностью. Но даже если, в отличие от А. Грамши, он не сам их писал, они, безусловно, отражают рефлексию нашей либеральной интеллигенции.

Политические события в России М. Ходорковский характеризует как «капитуляцию либералов. И эта капитуляция, конечно же, не только вина либералов, но и их беда. Их страх перед тысячелетним прошлым, сдобренный укоренившейся в 1990-е годы могучей привычкой к бытовому комфорту. Закрепленная на генетическом уровне сервильность. Готовность забыть про Конституцию ради очередной порции севрюжины с хреном. Таким был русский либерал, таким он и остался». Причину кризиса русского либерализма он видит не в идеалах свободы, «а в людях. Те, кому судьбой и историей было доверено стать хранителями либеральных ценностей в нашей стране, со своей задачей не справились. Ныне мы должны признать это со всей откровенностью». «Социально активные люди либеральных взглядов, — пишет опальный олигарх, — к коим я отношу и себя, грешного, — отвечали за то, чтобы Россия не свернула с пути свободы. И, перефразируя знаменитые слова Сталина, сказанные в конце июня 1941 г., мы свое дело прос...ли. Теперь нам придется проанализировать наши трагические ошибки и признать вину. Моральную и историческую. И только так найти выход из положения».

Далее Ходорковский переходит к более серьезным вещам. Русский либерализм, по его мнению, потерпел поражение потому, что пытался игнорировать, во-первых, некоторые важные национально-исторические особенности развития России, во-вторых, жизненно важные интересы подавляющего большинства российского народа. Либералы думали об условиях жизни и труда для 10% россиян, готовых к решительным жизненным переменам в условиях отказа от государственного патернализма. А забыли — про 90%. Они провели несправедливую приватизацию. Обманули 90% народа, щедро пообещав, что за ваучер можно будет купить две «Волги». Они не заставили себя задуматься о катастрофических последствиях обесценения вкладов в Сбербанке. Не занялись реформами образования, здравоохранения, жилищно-коммунальной сферы. Адресной поддержкой малоимущих и неимущих. Они отделили

себя от народа пропастью. Либералы говорили про свободу слова — но при этом делали все возможное для установления финансового и административного контроля над медиaprостранством для использования этого магического пространства в собственных целях.

«Для меня же Россия, — вслед за Авенoм бьет себя в грудь Ходорковский, — Родина. Я хочу жить, работать и умереть здесь. Хочу, чтобы мои потомки гордились Россией — и мною как частичкой этой страны, этой уникальной цивилизации... Чтобы изменить страну, нам самим надо измениться. Чтобы убедить Россию в необходимости и неизбежности либерального вектора развития, надо изжить комплексы и фобии минувшего десятилетия, да и всей муторной истории русского либерализма»⁵⁴.

В другой своей «тюремной статье», написанной по свежим следам президентских выборов в США в ноябре 2008 г., — «Новый социализм: левый поворот-3. Глобальная перестройка» — Ходорковский пытается осмыслить судьбы мирового либерализма:

«Мы имеем полное моральное и экспертное право констатировать, что 30 лет доминирования либертарианских идей подошли к концу. Да, в начале 1980-х к власти в США и Великобритании пришли лидеры — я имею в виду Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер, — которые увидели, что “реальный социализм” становится вопиюще неконкурентоспособным и экономически, и политически, и социально. А значит, биполярный мир не вечен и холодную войну можно выиграть. Причем с опорой на старый добрый либерализм. Поскольку социал-демократия не могла в то время столь же отчетливо и недвусмысленно противопоставить себя коммунизму, в котором она видела немало продуктивного и позитивного. К тому же тогдашние европейские и американские левые исходили в основном из того, что коммунистический лагерь вечен и борьба с ним не должна предполагать жесткой ориентации на победу.

Сейчас в мире складывается обратная ситуация. Прожив счастливо более четверти века, рейганомика себя в данный исторический момент исчерпала. К порогу современности подошел неосоциализм. В ближайшем будущем Кейнс будет более востребован, чем Фридман и Хайек. Осязаемые руки государств и межгосударственных альянсов — более, чем невидимая рука рынка».

В заключительной части статьи — «Оправдание либерализма» — автор ставит вопрос: значит ли это, что кризис приведет к краху и забвению либерализма в мире? Безусловно, нет, полагает он:

«В начале 1980-х годов неолиберализм оказался качественно более эффективен, чем комплекс социалистических идей и практик. Торжество либерализма повлекло за собой тектонические геополитические и геэкономические изменения и, например, позволило Фрэнсису Фукуяме сформулировать свое известное пророчество о либеральном “конце истории” и “последнем глобальном человеке”.

Сейчас, на исходе первого десятилетия XXI в., победителем станет неосоциализм. Но это уже не будет тоталитарный социализм ялтинского мира — многим в себе он обязан тому самому неолиберализму Рейгана и Тэтчер. Дальнейшая глобализация будет несколько замедлена, но не остановится. «Золотому миллиарду» придется отказаться от надежд на еще большее улучшение своего потребительского статуса, но высокие стандарты потребления, сложившиеся в конце прошлого века, останутся в целом нормой. Тяга к политической свободе и открытой конкуренции личностей и идей не исчезнет. Прогноз Фукуямы формально не оправдался, но его оценки были во многом верны, и это нельзя не признать, входя в период всемирного левого поворота. И на следующем витке истории — вероятно, через 12–15 лет — после того, как неосоциализм расчистит завалы глобального кризиса и гармонизирует мировую экономику, начнется новый этап наступления либерализма. За левым поворотом снова настанет правый. Но это уже повестка завтрашнего дня»⁵⁵.

Впрочем, рассуждения «сидельца» о будущем мирового либерализма имеют относительную ценность — всего лишь как «человеческий документ», как очередной пример саморазоблачения и переосмысления отечественными либералами самой идеи либерализма, которой они столь истово служили в 90-е годы прошлого века.

Что думают о либерализме в Китае

Гораздо более важно отношение к либеральной идее в успешно развивающихся странах мира. Возьмем, например, Китай. Вот что думает о политическом либерализме Ли Цзинцзе — президент Китайской ассоциации исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии, член Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета, академик Академии общественных наук КНР.

Умение учиться у других, пишет он в статье «Не допустить левого и правого уклона», заимствовать и воспринимать все достижения человеческой цивилизации символизирует непрерывное развитие того или иного государства и является источником его процветания. Однако, перенимая зарубежный опыт, следует учитывать собственные исторические традиции и культуру. Социальный строй и культура возникают и развиваются в специфических условиях соответствующих стран. Даже если они и совершенны, это ни в коем случае не означает, что они могут быть автоматически перенесены на чужую национальную почву.

В назидание людям, механически заимствующим иноземную культуру, китайские мудрецы еще две с половиной тысячи лет назад приводили пример с мандариновыми деревьями, которые плохо переносят пересадку и перестают приносить съедобные плоды. Дело в том, что в Китае сладкие мандарины растут, как правило, к югу от реки Хуанхэ, но если попытаться культивировать их севернее, то плоды приобретут рез-

кий запах и неприятный вкус. Причина в том, что на противоположных берегах реки — разные условия. Этот поучительный иносказательный пример показывает нам, как вредно механически перенимать пусть и благоприятный зарубежный опыт и игнорировать собственные, конкретные условия, рискуя утратить даже имеющиеся преимущества.

Если отказ социалистических стран от капиталистических ценностей можно считать ошибкой левого толка, то огрехи «демократической наивности» вполне укладываются в шаблон правоуклонизма. В свое время эта болезнь охватила многие государства. Страдающие данным «недугом» полагают, что западная демократия несет с собой благоденствие, что с ней все пойдет на лад. В течение многих лет пропагандируется теория, согласно которой «демократия непременно дает развитие», в этом усматривается своего рода закономерность. Однако люди не могут проверить ее на практике.

По имеющимся данным, 62% стран мира заявляют о наличии у них демократической системы, но лишь немногие из них достигли высокого уровня развития и процветания. В то же время имеются и совсем другие примеры: многие государства и регионы, где нет западной демократической системы, за короткий срок осуществили индустриализацию и модернизацию, значительно сократили разрыв с развитыми странами.

Демократия как идеология и как система должна создаваться на определенной экономической базе, а соответствующая политическая культура предоставляет конкретные гарантии. Только при таких обстоятельствах демократия может эффективно функционировать. Политическая система западной демократии соответствует имеющимся экономическим условиям и культуре. Она формируется и развивается на протяжении длительного исторического периода. Попытка перенять такую систему за один день при отсутствии соответствующих экономических условий и политической культуры — это не только фантастика, но и авантюра⁵⁶.

Теперь о китайских взглядах на экономический либерализм.

Летом 2005 г. китайские интеллектуальные круги были потрясены выступлением авторитетного экономиста Лю Гогуана⁵⁷ по вопросам изучения и преподавания экономической теории. 83-летний ученый заявил на страницах ведущего академического журнала «Цзинцзи яньцзю» («Экономические исследования»), что его тревожит рост влияния в КНР западной экономической либеральной науки. Он выступил против тех, кто призывает признать за ней роль направляющей идеи в формировании и развитии Китая.

Лю Гогуан напомнил, что в период реформ власти видели главную задачу в борьбе с левым уклоном в идеологии, но здесь уже достигнуты «большие результаты» и потому опасность левого влияния на практику

преобразований невелика. Теперь наибольшую опасность представляет возрождающаяся «буржуазная либерализация», прежде всего в сфере экономической науки.

Лю Гюган предложил коллегам ограничить заимствования из западной экономической теории. К элементам данной идеологии он причислил, например, основанное на предпосылке о своекорыстном «экономическом человеке» мнение, что система частной собственности лучше всего соответствует человеческой природе, выступает единственно верной и наиболее эффективной основой рыночной экономики. Недопустимо поддаваться слепой вере в рыночную либерализацию и впадать в рыночный фундаментализм. Нельзя также настаивать на минимизации функций правительства и вмешательства государства в экономику. Все это неприемлемо для Китая, который должен строить социалистическую рыночную экономику, сохраняя главенство общественной собственности и преследуя цели не только эффективности, но и справедливости⁵⁸.

Об управляемой демократии

В годы правления В. Путина наша власть, похоже, задумалась и о том, насколько опасна недооценка исторической, национально-культурной, социально-экономической и даже психологической самобытности России и к каким неблагоприятным последствиям могут привести попытки механически перенести на нашу почву опыт Запада, коль скоро либерализм — детище западной цивилизации. Она, вероятно, поняла, что в российских условиях некоторые аспекты традиционной либеральной идеологии носят прямо-таки разрушительный характер. Особенно это было заметно в вопросе о прерогативах государства. Государство в России всегда было не абстрактной инстанцией, от которой обычный гражданин во избежание неприятностей стремится дистанцироваться, а активным действующим лицом, роль которого во многих случаях была исключительно велика. Это обстоятельство породило своеобразие русского национального характера — слабый индивидуализм при очень высоком уровне доверия к государству как выразителю народной воли. Поэтому «минимальное государство» в России не только неприемлемо, но и невозможно. Прогрессирующий развал государственности, начавшийся практически сразу после падения коммунизма, продемонстрировал слабость интегрирующих основ, раздавленных многолетней тиранией, отсутствие прочных элементов гражданского общества, структурирующих и цементирующих нацию. В таких условиях именно сильное государство было призвано «скреплять» территорию и населяющий ее народ. Нельзя было не заметить и того, что возникающий в

результате самоустранения государства от выполнения регулирующих и контрольных функций вакуум власти немедленно заполняется мафией, а то и самозванными диктаторами⁵⁹.

В этих условиях В. Путин приложил максимум усилий для того, чтобы восстановить субъектность российского государства. Во многом это ему удалось. При этом в том, что касается экономических реформ, он оставался последовательным либералом.

В 2000–2008 гг. в России был проведен пакет либеральных экономических реформ, направленных на приближение российских институтов, поначалу формальных, к стандартам, обеспечивающим эффективность рыночных механизмов и стимулирующих повышение их конкурентоспособности в глобальной экономике. Серия антибюрократических законов, снижение таможенных барьеров, либерализация валютного регулирования, а также реформы естественных монополий были призваны реализовать дополнительное дерегулирование экономики, расширить границы конкурентных рыночных отношений, снизить административные барьеры выхода на рынок. Налоговая реформа привела к заметному сокращению налогового бремени. Программа приватизации и курс на сокращение числа государственных унитарных предприятий должны сократить долю государства в экономике, повысить удельный вес частного сектора. Административная реформа, реформа государственной гражданской службы, разграничение полномочий между уровнями управления нацелены на повышение эффективности госаппарата. Не все намеченные реформы продвигаются успешно, слишком много компромиссных решений, например в новом Трудовом кодексе. Некоторые реформы, например административная, просто стоят на месте. Но все же движение в правильном направлении, хоть и медленно, происходит.

Обществу была представлена программа продолжения либеральных экономических реформ, в целом заслуживающая поддержки. Но что касается демократических преобразований, то, как отмечают многие эксперты, здесь дело скорее повернулось вспять. Задача преодоления слабости государства, политической стабилизации обернулась ограничениями свободы слова, распространением практики применения так называемого административного ресурса в избирательных компаниях. Под предлогом борьбы с преступностью, теневой экономикой, за улучшение сбора налогов были предприняты действия, осложнившие отношения власти и бизнеса. Избирательное правосудие в советских традициях (арест и осуждение М. Ходорковского) понизило уровень доверия во взаимоотношениях между ними, внушило опасения в отношении готовности власти защищать право собственности. Тем самым процессам

становления институтов зрелой рыночной экономики и политической демократии был нанесен заметный ущерб.

В России сложилась модель так называемой «управляемой демократии», которая означает наличие имитационных демократических процедур и институтов при полном произволе властей. Имеются в виду не только всем известные шаги нынешнего политического режима по свертыванию реальных демократических институтов и превращению их в театральные декорации, но и полная дискредитация важнейшей демократической процедуры — выборов. А ведь в России, из-за отсутствия сильного гражданского общества и полного произвола чиновников, наплевательского отношения власти к нуждам своих граждан, выборы — это единственная оставшаяся возможность повлиять на политику (потому что власть только в ходе очередной выборной кампании вспоминает, что у нее есть «электорат»). Дискредитация же выборов, в свою очередь, привела к полной дискредитации политической оппозиции.

Выборы Президента — это особый разговор. Поговорим о выборах в парламент и вспомним хотя бы последние парламентские выборы декабря 2003 и 2007 гг. Ведь другого слова, чем «балаган», трудно найти для того, чтобы кратко охарактеризовать то, что тогда творилось в нашей стране.

И дело не только в том, что на глазах у всего изумленного мира в прямом эфире дебаты перерастали в дикие скандалы с проклятиями, площадной бранью и мордобоем. Гораздо страшнее другое. Полная подконтрольность «соревнующихся» таким образом партий Кремлю была настолько очевидна, что порождала у рядового избирателя мерзейшее чувство: опытный мошенник играет с ним в наперсток. А в такой игре, сколько ни следи за руками шулера, все равно останешься в накладе. Поразительное интеллектуальное убожество большинства кандидатов в народные депутаты, практически одинаковые программы и лозунги («за сильную Россию», за образование, медицину и науку, за социальную справедливость и пенсии, за снижение налогов и ликвидацию преступности, коррупции и «бандитского капитализма» и т.д. и т.п.) сигнализировали о том, что в условиях пресловутой «управляемой демократии» произошла полная дискредитация самого понятия «выборы», ибо «выбирать», собственно говоря, не из кого и некого.

Прямо-таки потрясает неистовое состязание «левых» и «правых» на почве патриотизма, за который не так давно человеку вешали ярлык фашиста. Сегодня патриотами стали все — и коммунисты, и ультралиберы, т.е. и бывшие, и нынешние разрушители Отечества. Воистину патриотизм стал последним прибежищем негодяев...

При этом удивляет и то, что в российской политической жизни понятия «левые» и «правые» определяются с точностью до наоборот. Их

почему-то поменяли местами. Ведь известно, что в дореволюционной Государственной думе правыми партиями были монархисты и русские националисты — весьма достойные люди. А левыми были революционеры — эсеры и большевики. Во времена горбачевской перестройки тогдашние ее «прорабы» именовали себя «левыми», т.е. революционерами, а «правыми» звали ортодоксальных коммунистов. Но, насидевшись у власти, «левые» сами решили стать «правыми». Теперь же коммунисты — это снова «левые», а либералы — Немцов, Хакамада, Чубайс и даже, смешно сказать, Гайдар — это «правые» и даже «правая оппозиция»!

Как это все понять? Ведь есть строгое определение этих понятий с позиций двух категорий — традиция и прогресс. «Левый» бывает традиционен, но дороже традиции для него всегда прогресс. «Правый» бывает прогрессивен, но дороже прогресса ему всегда традиция. Правый экстремист — это тот, кто стремится самыми радикальными мерами восстановить разрушенную традицию. Левый экстремист, в том числе и коммунист (подлинный коммунист), — это тот, кто стремится радикально сломать традицию.

Если в это вдуматься, то становится очевидным, что деятели «правых сил» — это самые что ни на есть левые экстремисты, пытающиеся присвоить себе достойное имя «правых». Ведь это имя ассоциируется в сознании русского человека со словами «право», «правда», «правосознание», «справедливость», «православие», «праведник» (в отличие от понятия «левый», которое ассоциируется со словосочетаниями «загнать налево», «сходить налево», «левые деньги» и т.д.). Так же, как и Зюганов со товарищи в 1990-е годы бесстыдно присвоили себе идеологию патриотизма, нынешние либералы крадут имя «правых».

«Яблоко» и СПС не случайно остались за бортом Думы. «Яблоко» зарекомендовало себя как прибежище всех наиболее антироссийски настроенных элементов, вопреки их заклинаниям, что это «партия самых порядочных людей». Кроме того, несмотря на декларируемую «принципиальность», граничащую с чистоплостью, «Яблоко» — особенно после сокрушительного поражения на выборах 2003 г. — часто было готово на совместные действия с коммунистами. Такого рода публика в стране, конечно, есть, но ее вообще-то много не бывает (неприятнь к отечеству — все же патология), и правой идеологии она уж точно не соответствует.

Что касается СПС, то его успех 1999 г. был достигнут исключительно за счет «государственнической» мимикрии и поддержки В. Путина, образ которого тогда (и лишь тогда!) вполне соответствовал имиджу «правого государственника». Но в результате антигосударственной, в частности прочеченской, активности возглавляющих партию шутов, от

этого ресурса уже к 2003 г. ничего не осталось. А поскольку бутафорские «правые» Кремлю все же нужны, то он в 1999 г. и «спустил с цепи» Чубайса, который вдруг заговорил не только о патриотизме, но и о «либеральной империи». Однако с помощью аналогичных манипуляций СПС не смог ни в 2003, ни в 2007 г. преодолеть пятипроцентный барьер.

Между тем ниша настоящей правой партии в политическом спектре остается свободной. В начале XXI в. это партия, конечно же, не монархическая и не националистическая. Но все же партия, которая мыслит будущее России в категориях ее не двадцатилетнего «демократического» и не семидесятитрехлетнего советского, а тысячелетнего исторического наследства. Иными словами, это традиционалистская партия, которая в первую очередь провозглашает восстановление дооктябрьской исторической традиции (при одновременном признании положительных сторон и исторической ценности советского периода русской истории).

Эта партия, как представляется, должна поставить в национальную повестку дня по меньшей мере пять вопросов:

- полная дебольшевизация России, в том числе и на уровне государственной символики (флаг, гимн и т.д.);
- провозглашение преемства с государственным правом Российской империи, т.е. ее законами 1906 г., отмененными большевиками;
- реституция, т.е. восстановление прав собственности дооктябрьской России;
- восстановление национальных исторических идеалов, выражающихся в том числе и в топонимике;
- признание юридически ничтожными искусственных советских границ между Россией и бывшими союзными республиками и восстановление границ исторической России через процедуру мирных переговоров.

Это, вообще-то говоря, есть не что иное, как традиционная идеология исторической российской государственности, которую в силу совковости нынешнего «политического класса» (т.н. «элиты») на политической сцене представлять некому. Ведь обращение к ней предполагает прежде всего преодоление наследия коммунистического режима, от которого нынешняя власть вовсе не собирается отрешиваться. Встать на платформу последовательной дебольшевизации, десоветизации и декоммунизации означает встать в оппозицию (реальную, а не имитационную!) к этой власти. А об этом наши «патриоты», встроенные в эту власть, и помыслить не могут.

Очевидно, что подобная платформа весьма далека от позиций нынешнего политического режима, который, по оценкам как отечественных, так и зарубежных наблюдателей, строя «имитационную демократию», на деле все стремительнее скатывается в махровую «советчину». Поэтому ее уж никак не может занять «Единая Россия», представляющая собой партию чиновников по образцу КПСС. Ее программу составляет, как и у других наших протопартий, лозунг «за все хорошее против всего плохого». Единственным ресурсом «единороссов» была популярность В. Путина. Но он быстро иссякает: став премьер-министром и взвалив на себя, таким образом, ответственность за все ошибки и просчеты правительства, за последствия для страны мирового кризиса, он не оправдал ничьих надежд — ни «державников», ни «либералов».

Советизированная элита, апеллирующая хоть к православию, хоть к либерализму, хоть к монархии, хоть к «русскости», хоть к «империализму», никогда не станет национальной элитой, даже если власть ей разрешит публично клеймить «антинародный режим». А потому играть с властью в выборы в условиях «управляемой демократии» — это все равно, что играть с мошенником в наперсток: что бы и кого бы ты ни выбрал, все равно проиграешь, потому что выберешь «совка».

Пока совковость в России не преодолена, «правая политическая ниша», т.е. ниша реальной оппозиции, будет оставаться свободной. Вряд ли, однако, эта ниша будет занята в ближайшие пять-десять лет...

Есть ли будущее у российского либерализма?

Поражение либерализма в российской политике и идеологии означает лишь одно: объективно существует проблема реинкарнации либерализма, предложения обществу нового, современного, отвечающего условиям XXI в. прогрессистского проекта, находящегося в рамках идей Просвещения, а не в шорах антикоммунистической предубежденности.

Этот проект должен был бы решить следующие задачи:

- преодолеть зашоренность и ограничения протолиберализма, рожденного в конце 1980-х годов;
- восстановить свою историческую связь с полноценной либеральной традицией, начиная с идей века Просвещения;
- вернуться к демократизму, признанию власти народа и своей обязанности служить ему как высших начал;
- выработать и предложить обществу модель прогрессистского развития в условиях нового века, в условиях замещения рынка новыми формами организации экономического регулирования, в условиях превращения знания и информации в основную про-

Глава 4. Метаморфозы либеральной идеи

изводственную ценность, в условиях появления новых передовых производственных групп, когда обладание интеллектуальным капиталом становится выше и значимее обладания финансовым капиталом.

В XIX в. либерализм родился как выражение интересов ведущего и передового класса своего времени — предпринимателей. В XXI в. обслуживать их интересы — все равно что в XVIII в. присягать на верность феодальным баронам⁶⁰.

Поэтому новый либерализм будет иметь исторический шанс лишь в том случае, если сумеет понять, узнать и назвать тот новый класс, который связан с производством интеллектуального богатства и воспроизводством интеллектуального капитала — и сказать и выразить то, что нужно этому классу. А не классу экономических спекулянтов — финансовых олигархов, признав старых собственников теми, кем они все больше становятся: помехой на пути развития Истории, Человека, его Разума и Свободы⁶¹.

Одна из особенностей мировой либеральной идеологии состоит в том, что нет и никогда не было единой модели либерализма. Либерализм многообразен. В действительности либерализм вырос во всю ширь в Англии, а затем под английским и американским влиянием появился во Франции. Либеральный политический режим был трансплантирован из Англии и Америки в континентальную Европу. Либерализм по-разному окрашен в различных странах и по-разному защищается их национальными лидерами. Английский, американский, немецкий, французский, итальянский, испанский либерализм представляют его различные типы. Это, в частности, означает, что каждый крупный прорыв либерализма, создававший общество с великой исторической судьбой и задававший тему целой эпохе, был экспериментом, с той или иной степенью отчетливости осознававшимся в качестве такового его ведущими творцами и участниками. Таким экспериментом, несомненно, была английская «Славная Революция» и последующее развитие британской государственности. Результатом этого новаторского эксперимента стало, в частности, нахождение удивительной формулы, соединяющей то, что традиционно считалось исключаящим друг друга, — «сохранять и одновременно реформировать»⁶².

Урок Гегеля в том, что универсальное и необходимое существует только в особенном и случайном «материале» и посредством него.

Способен ли российский либерализм к собственному эксперименту?

На этот вопрос пытался ответить Б. Капустин. По его мнению, очевидно одно: пытаюсь имитировать то, что упрощенно понимается под

«западной моделью», он ведет себя не «по-западному». Российский либерализм должен стать радикально «западническим», обретая мужество, во-первых, на свой эксперимент, во-вторых, на осознание «проблемы Т. Гоббса» во всем ее драматизме и сложности. России сегодня недоступны те средства, с помощью которых эта проблема была решена в иных исторических и культурных ситуациях. Наша страна вынуждена идти по самому острому краю той же, в сущности, проблематики становления либерально-демократического строя, но без страховочных средств и амортизаторов, которыми располагали многие общества Запада. Можно сказать, что Россия приступила к осуществлению теории становления этого строя в ее чистом и предельном виде, освобожденном от тех «сопутствующих обстоятельств», которые скрывались па Западе под именами локковского «закона природы», смитовских «нравственных чувств», мандвилевского «изобретения» «начатков морали» или «общей воли» Ж.-Ж. Руссо. В том и суть дела, и необходимость эксперимента, что в России обнаружилось отсутствие всех или почти всех условий, которые позволяли на Западе в свое время канализировать освобожденное стремление к максимизации частной выгоды в экономический интерес, создающий «систему всеобщей полезности», причем сделать это (преимущественно) не авторитарно-деспотическими методами.

Задача либеральной идеи на завершающем этапе перехода к либерально-демократическому строю состоит в том, чтобы разработать адекватную российским условиям концепцию либеральной гражданственности и обеспечить ее общественную поддержку. Она предполагает также, что будут предложены пути институционального воплощения либеральной гражданственности, соответствующего особенностям национальной культурной идентичности.

Разумеется, речь идет не о той добродетельной классической республиканской гражданственности, которая строится на подчинении или даже подавлении частного интереса общественным благом и которую Н. Макиавелли выразил своим незабываемым афоризмом о большей озабоченности граждан «спасением отечества, чем своей души»⁶³. Напротив, имеется в виду современная, либеральная гражданственность, которая делает частный интерес практически осуществимым, поскольку он становится чем-то большим, чем только частный интерес, и обретает новую — гражданскую — ипостась соотнесенности с универсальными политическими и правовыми условиями существования общества субъективной свободы. Можно сказать, что необходимость либеральной гражданственности есть необходимость функциональная, вытекающая из решения задачи создать предпосылки для осуществления многообразных и конфликтных частных интересов, причем решения,

альтернативного авторитарному варианту. Либеральная гражданственность исходит из неустрашимости противоречия между двумя ипостасями бытия современного человека как частного лица и как гражданина. Более того, она полагает это противоречие продуктивным для всего общественного развития, тогда как неспособность удержать данное противоречие или же одной из его сторон — будь то в пользу гражданина или частного лица — ведет, хотя и разными путями, к политическому авторитаризму и культурной деградации. Как показал еще Ж.-Ж. Руссо, из «частной войны» человека с человеком логически выводятся только отношения господина и раба, но отнюдь не правителя и гражданина. Именно в таком понимании рассматриваемого противоречия, а отнюдь не во второстепенных по отношению к нему суждениях о «принуждении к свободе» или миссии Законодателя суть расхождений либерализма и Ж.-Ж. Руссо. Для него достижение счастья и свободы предполагало как раз преодоление противоречия «между человеком и гражданином. Сделайте человека чем-нибудь одним, и вы сделаете его счастливым, насколько это для него возможно. Отдайте всего человека государству или же предоставьте полностью самому себе, но если вы делите его сердце на части, оно разрывается...»⁶⁴

По мнению Б.Капустина, для России все это означает вынужденность осуществлять западную либеральную теорию настолько серьезно, как этого не делало, вероятно, ни одно западное общество. В этом главная характеристика предстоящего России эксперимента, в большой мере до сих пор даже не осознанного в качестве такового отечественными реформаторами⁶⁵.

Б. Капустин высказал такое суждение в 1995 г. С тех пор утекло много воды. И надо прямо сказать, что пока из российского либерального эксперимента путного ничего не вышло. Этот эксперимент, разумеется, не состоится и впредь, если российская элита, в том числе и либеральная интеллигенция, не выйдет из состояния странного морально-творческого оцепенения, перестанет редуцировать себя лишь к экспертно-наблюдательной роли и восстановит свою функцию социального деятеля, а в более широком смысле — субъекта русской истории.

Пока никаких признаков движения в этом направлении не наблюдается. Если все же это когда-нибудь произойдет, для русских либералов могло бы открыться довольно широкое поле для политической деятельности даже в условиях современной России. В частности, наши отечественные либералы могли бы проявить себя на следующих направлениях.

- Борьба за демократию в широком смысле слова. Недопущение эволюции установившегося в 2000 г. режима в направлении «псевдодемократической фикции», формально сохраняющей де-

мократические процедуры, но не позволяющей рядовым гражданам действительно влиять на политику властей, т.е. «управляемой демократии». Пресечение вождистских замыслов политических лидеров (включая высшее политическое руководство), противодействие авторитарным тенденциям политического развития. Борьба за укрепление парламентского правления, за ответственность правительства перед парламентом. Поиск исторических корней отечественной либеральной демократии, нахождение ее исторической преемственности с тысячелетней государственной традицией России. Изучение и практическое использование опыта работы земств, Государственной Думы и других демократических органов дореволюционной России.

- Борьба за строгое соблюдение законов и Конституции, недопущение всякого рода «президентских правлений» и «особых порядков управления страной». Это тем более важно, что важнейшей особенностью политической культуры России по-прежнему является правовой нигилизм. Сюда же относится разработка простых, эффективных и справедливых законов.
- Формирование демократической политической культуры. Терпеливое, кропотливое возвращение цивилизованных форм взаимоотношений между властью и оппозицией; преодоление конфронтационной логики «холодной» гражданской войны, когда политический противник воспринимается не как оппонент, у которого есть неотъемлемое право высказывать и пропагандировать свои взгляды, а как подлежащий уничтожению «враг народа»; внедрение в сознание людей мысли, что демократия существует не только для «демократов».
- Борьба за реальный плюрализм в средствах массовой информации, недопущение монополизации СМИ адептами какой-либо одной точки зрения или государством. Разъяснение, что не может быть монополии на истину, что плюрализм существует не только для сторонников правительства. Недопущение манипулирования с помощью СМИ сознанием людей, в особенности в ходе избирательных кампаний федерального, регионального и местного уровня.
- Борьба за справедливый раздел общественного богатства, за гласность при проведении приватизации. Борьба с коррупцией и экономическими преступлениями.
- Борьба за равноправие и «унификацию» входящих в Российскую Федерацию территорий. Ликвидация неоправданных льгот, привилегий и дотаций, выравнивание налоговых отчислений.

Противодействие суверенизации субъектов Федерации, борьба за создание работоспособной властной вертикали. Справедливое и эффективное распределение полномочий между Центром и регионами.

- Борьба за обеспечение личной безопасности человека (как чисто физической, так и социальной, экономической, юридической, экологической и т.д.), что особенно актуально в современных условиях экономического кризиса и взлета преступности.
- Борьба за национальное равноправие граждан России (особенно в «горячих точках» и зонах межнациональной напряженности), против унижения национального достоинства российских народов, борьба с русофобией (см. Приложение 3).

Надо надеяться, что все эти проблемы в России рано или поздно будут решены. Но если они будут решены без помощи и участия либералов или, тем более, при их противодействии, это станет их величайшим историческим позором⁶⁶, который свергнет их в политическое небытие.

Приговор

Подведем итоги. Глобальный, западный либерализм несет ответственность за то, что он завел мир в тупик общества потребления, а также в западную техногенную цивилизацию. Он несет и ответственность за то, что человечество было разделено на равных и «более равных», за экономический и потребительский расизм «золотого миллиарда», который по определению не может быть заинтересован в «подтягивании» мировой периферии до уровня своих жизненных стандартов (тем более что это невозможно). Тормозя модернизацию развивающихся стран, мировой либерализм проводит антилиберальную политику, превращаясь в свою противоположность — неоконсерватизм.

Суть глобального экономического либерализма в свое время проанализировал выдающийся немецкий экономист Ф. Лист (1789–1846). Он открыл следующую закономерность:

«Постепенное и повсеместное установление принципа свободной торговли, минимальное снижение пошлин и способствование предельной рыночной либерализации на практике усиливает то общество, которое давно и успешно идет по рыночному пути, но при этом ослабляет, экономически и политически подрывает то общество, которое имело иную хозяйственную историю и вступает в рыночные отношения с другими, более развитыми странами, тогда когда внутренний рынок находится еще в зачаточном состоянии»⁶⁷.

Исторически Лист имел в виду катастрофические последствия для полуфеодальной Германии XIX в. не критического принятия либераль-

ных норм рыночной торговли, навязываемых в то время Британской империей всему миру. Лист показал, что либеральная экономическая теория, вопреки ее претензиям на универсальность, на самом деле является инструментом, который обогащает богатого и разоряет бедного. Эту закономерность функционирования мирового экономического либерализма итальянский экономист В. Парето (1848–1923) называл «эффектом Матфея», который сформулировал в Евангелии его так: «Кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф. 13, 12).

С тех пор прошло примерно сто лет. Ситуация в этом отношении катастрофически усугубилась. Если в конце XIX в. по уровню доходов разрыв между 20% бедных и 20% богатых был втроекратным, а сегодня достиг цифры 86 (!). В результате современный мир стал подобен пирамиде. Вершина — США. Затем группа высокоразвитых индустриальных государств, ниже — страны среднего уровня. Все вместе они составляют одну десятую человечества. А внизу пирамиды — остальной мир — оставшиеся девять десятых. Именно в этом мире появились и активизировались силы, которые воспринимают такую цивилизационную конструкцию как социально несправедливую, а то и отрицают всю современную цивилизацию в целом. Не имея возможности применить легитимные способы борьбы с формирующимся мировым порядком, они выбирают террор, мотивируя эту преступную деятельность необходимостью защиты своих, например, исламских ценностей. Ясно, что это связано не с исламом и его течениями, а с положением мусульман в ряде бедных стран, условиями их жизни, которые ежедневно воспроизводят питательную среду для произрастания и укрепления чувства социальной несправедливости.

В конечном счете именно по этой причине мировой либерализм, изменивший самому себе, отвечает за растущий в мире массовый протест против вопиюще несправедливого распределения мирового дохода в пользу богатых стран, протест, который является основной питательной средой для транснационального терроризма. Ибо терроризм является порождением современной несправедливой и диспропорциональной с точки зрения распределения мирового дохода цивилизации, резкой дифференциации государств: на очень богатых и очень сильных и на очень слабых и очень бедных, оказавшихся в силу особенностей исторического развития в ареале мирового ислама.

Поэтому, что бы богатые страны ни делали, какие бы альянсы ни создавали, сколько бы ни бомбили, если механизм самовоспроизводства причин терроризма не ликвидировать, они ликвидируют лишь внешнюю сторону этой болезни. Им никуда не уйти от анализа глубинных при-

чин, воспроизводящих терроризм. Необходимо прежде всего менять сложившееся положение, при котором 20% населения Земли, живущее в богатых странах, потребляет 80% всех мировых ресурсов, а в бедные страны в обмен на эти ресурсы к тому же закачиваются грязные технологии и ввозятся опасные и вредные отходы.

Если богатые страны не готовы сменить философию «золотого миллиарда» и сформулировать широкую позитивную программу борьбы с бедностью, голодом и болезнями, то они должны примириться с тем, что будут жить с транснациональным терроризмом вечно, всегда. Терроризм будет неизбежным спутником западного либерализма, его двойником.

Посткоммунистический, российский либерализм, со своей стороны, несет ответственность за то, что он *сознательно* превратил Россию в периферию мирового либерализма, причем в самой вульгарной его форме. Усилиями наших либералов в Россию были сброшены все отходы глобального либерализма, вследствие чего — нет худа без добра — он во многом оказался дискредитированным. Тяжелейшие последствия мирового экономического и финансового кризиса в России (значительно более тяжелые, чем в США, странах ЕС, КНР и пр.) стали неопровержимым подтверждением этого вывода, наказанием России за то, что она пошла на поводу у наших «либералов», и одновременно безжалостным судом над ними. Растратив кредит народного доверия, политический капитал, который дала им в руки идея свободы, наши либералы надолго закрыли для России либеральную перспективу. Будем надеяться, что не навсегда.

Все сказанное, однако, не должно, на наш взгляд, порождать новое отчуждение России от самой свободы, которую она выстрадала и заслужила. Равно как и новое отчуждение России от Запада, породившего и обосновавшего либеральную идею. Принципы гражданского партикуляризма и духовного (христианского) универсализма, воспринятые Европой и Россией от своих исторических предков, — не взаимоотрицающие, а взаимодополняющие принципы общественного мироустройства, способные в своем синтезе примирить людей и народы, стать условием их всемирного единения. На какое-то время эти принципы разошлись в истории, выступили в форме противоположности между Россией и Европой, Востоком и Западом. Было бы, однако, безумием на этом основании отвергать один из них в пользу другого. Опыт России столь же необходим для Запада, как и опыт Запада для России. Если мы хотим в будущем избежать, с одной стороны, отрицательных последствий массовизации общества и культуры с их стандартизацией, обезличиванием и усреднением человеческой жизни, а с другой — традиционного для нас пренебрежения частными интересами и правами человека, ведущего к экономическому застою и политической несвобо-

де, то надо научиться сочетать между собой то, что открылось Западу и России в их долгом историческом существовании. Как это конкретно сделать — другой вопрос, на который сейчас нет окончательного ответа. Но только так можно решить поставленную когда-то Римом задачу человеческого единения, не пожертвовав для этого ни Россией, ни Западом. А от решения этой задачи человечеству никуда не уйти. Пока, к сожалению, развитие событий идет в ином направлении.

Примечания

- ¹ Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. М., 1990. С. 142, 146.
- ² Бердяев Н. А. *Указ. соч.* С. 152–153.
- ³ Ильин И. О сущности правосознания. М., 1993. С. 87, 89.
- ⁴ Подробнее об этом см.: Гудименко Д. Либерализм на Западе и в России. *Россия XXI*. 1994. № 6–7. С. 68–69.
- ⁵ Гудименко Д. *Указ. соч.* С. 69.
- ⁶ Смит А. Теория нравственных чувств или опыт исследования законов, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами, сначала о поступках других людей, а затем о наших собственных. СПб., 1868. С. 36.
- ⁷ Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М., 1962. С. 27–28.
- ⁸ Гоббс Т. О гражданине. *Избр. произв.*: В 2 т. М.: Мысль, 1964. Т. 1. С. 303.
- ⁹ Гудименко Д. *Указ. соч.* С. 70–71.
- ¹⁰ М. Вебер вначале выступил с серией статей на эту тему, включенной им впоследствии в состав трехтомной «Социологии религии»: *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. I–III. Tübingen, 1920–1924.
- ¹¹ См. Приложение 2.
- ¹² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. С. 255.
- ¹³ Там же. С. 256.
- ¹⁴ *Gesammelte...* S. 196–198.
- ¹⁵ Weller B. U. *Schlüssel zur Politik*. Dusseldorf, 1987. S. 18.
- ¹⁶ Массарик Т. Либерализм. Из книги «Россия и Европа» // *Вопросы философии*. 1996. № 10. С. 122–123; Massaryk G. *The Spirit of Russia*. L., 1919. Vol. II. P. 351.
- ¹⁷ Цит. по: *Вопросы философии*. 1996. № 10. С. 123.
- ¹⁸ Гудименко Д. *Указ. соч.* С. 79–90.
- ¹⁹ Единственное лекарство для свободы — еще больше свободы (*англ.*)
- ²⁰ Цит. по: *Вопросы философии*. 1996. № 10. С. 122.
- ²¹ Vorlander H. (Hrsg.) *Verfall oder Renaissance des Liberalismus?* München, 1987. S. 277.
- ²² Гудименко Д. *Указ. соч.* С. 82–83.
- ²³ Социально-философские аспекты современного либерализма. М., 1986. С. 95.
- ²⁴ Гудименко Д. *Указ. соч.* С. 82–83.
- ²⁵ Росселли К. Либеральный социализм / Пер. с итал. М., 1989. С. 119–120, 122.
- ²⁶ Alabaster A. *The Rise and the Decline of Western Liberalism*. L., 1984.
- ²⁷ Бердяев Н. А. *Указ. соч.* С. 154.
- ²⁸ Ясперс К. Куда движется ФРГ? М., 1969. С. 111.
- ²⁹ Гаджиев К. С. Типология современного либерализма. М., 1988. С. 10.
- ³⁰ Герцен А. И. *Былое и думы*. М., 1986. Т. 2. С. 258–259.
- ³¹ Массарик Т. *Россия и Европа*. Прага. 1996. С. 323–337.
- ³² Новгородцев П. И. *Кризис современного правосознания*. М., 1909.
- ³³ Ясин Е. Приживется ли у нас демократия? Лекция в клубе «Улица ОГИ». 13 октября 2005 г. Полит.ру.

³⁴ Капустин Б. Прологомены к современному либерализму // Иное. М., 1994. Т. 3. С. 127–162.

³⁵ Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974. С. 69.

³⁶ Цит. по: Русская идея и евреи. М., 1994. С. 5.

³⁷ Тоббс Т. О гражданине. Избр. произв.: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 354, 363, 365, 367.

³⁸ Там же. Т. 1. С. 302.

³⁹ Подробнее об этом см.: Капустин Б. Указ. соч. С. 131–138.

⁴⁰ Oakeshott M. Hobbes on Civil Association. L., 1975. P. 63.

⁴¹ Цинко А. Размышления о природе и причинах краха постсоветского либерализма // Вестник аналитики. 2004. №3 (17). С. 4–24.

⁴² Черняховский С. Как нам реорганизовать либерализм. АПН.ру

⁴³ В этой связи некоторые эксперты предполагают, что через некоторое время, если мы берем прогноз хотя бы на 25 лет вперед, мы непременно застанем всемирные похороны либерализма. Делают и более далеко идущий вывод. Мы все видели, к чему привела катастрофа коммунизма. Она привела к крушению СССР. А катастрофа либерализма может привести к крушению США как олицетворению либерализма. Как СССР олицетворял коммунизм и крушение коммунизма буквально разгромило СССР, так и крушение либерализма будет работать на крушение Америки как сверхдержавы. Конечно, сегодня, даже в условиях мирового кризиса, в это трудно поверить. Но кто мог поверить в развал СССР, например, в 1965 г.? Во всяком случае, многие аналитики считают распад США вполне реальной перспективой для первой половины XXI в. Среди них, например, декан факультета мировой политики Дипломатической Академии МИД РФ, доктор исторических наук, профессор Л. Панарин, выступивший с таким прогнозом в начале 2009 г. — Панарин Л. Интервью бразильской газете ГЛОБО. 2009. 28 января.

⁴⁴ Трубецкой Н. С. Русская проблема // На путях. Утверждение евразийцев. Кн. 2. М.; Берлин, 1922. С. 307–308.

⁴⁵ Независимая газета. 1992. 27 марта.

⁴⁶ Независимая газета. 2000. 23 марта.

⁴⁷ Локк Дж. Опыт о законе природы. Соч.: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 53.

⁴⁸ Зомбарт В. Буржуа. Очерки по истории духовного развития современного предпринимателя. Петроград, 1917. С. 52.

⁴⁹ Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре или Опыт о форме Республики // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969. С. 308, 313.

⁵⁰ Коммерсантъ. № 7. 1999. 27 января.

⁵¹ Независимая газета. 2003. 1 октября.

⁵² В Европе «либеральной империей» называли сначала Францию 1860–1870 гг. при Наполеоне III. Империалистическая фракция была в Либеральной партии Великобритании. Ее лидером являлся Арчибальд Примроуз, лорд Розбери, министр иностранных дел 1886, 1892–1894 гг. и премьер-министр 1894–1895 гг. После Первой мировой войны, однако, идеи империализма вышли из моды, Либеральная партия также теряет поддержку в народе, и само понятие «либеральный империализм» исчезает до конца XX в.: до оккупации Косово, войны в Афганистане и Ираке, когда его начинают применять для описания политики Билла Клинтона, Джорджа Буша и Тони Блэра, хотя сами власти США и Великобритании, по понятным причинам, не признавали за собой стремления к какому-либо империализму, пусть и либеральному.

Ведущим теоретиком и популяризатором либерального империализма на западе признан Найл Фергюсон, в 2001–2002 гг., показавший, что своих лидирующих позиций Великобритания в XIX в. достигла благодаря либеральному империализму, и призвавший США последовать тем же путем. Необходимость в расширении американских империалистических амбиций выводится из растущей нестабильности мира: США вынуждены стать на защиту стабильности, поскольку лишь они способны на это (ср. Бремя белого человека).

Особенностью нового империализма США (как и империализма британского) является отсутствие стремления к завоеванию новых территорий, вместо этого экспансия осу-

ществляется путем создания марионеточных местных правительств, более легитимных в глазах общественности. Это считается одним из ключей к успеху. Другим ключом признана привлекательность рыночной экономики, прав человека и демократии — лозунгов либеральной империи.

Не чужд термин и русской общественной мысли. Он использовался Н. Бердяевым в книге «Судьба России». Либеральный империализм Бердяев рассматривал как опыт положительного созидательного сознания, которого, по его мнению, не хватало русской интеллигенции.

⁵³ *Крутов Ю.* Почему либеральная империя в России не получится? // Вестник аналитики. 2005. № 2. С. 39, 45.

⁵⁴ Ведомости. 2004. 29 марта.

⁵⁵ Ведомости. 2008. 7 ноября.

⁵⁶ *Цзинцзе Ли.* Не допускать левого и правого уклона // Россия в глобальной политике. № 5. 2007. Сентябрь—октябрь.

⁵⁷ В прошлом Лю Гогун занимал пост вице-президента Академии общественных наук (АОН) Китая, за ним закрепилась репутация реформатора-центриста, владеющего инсайдерской информацией и способного раньше других отреагировать на изменяющуюся обстановку.

⁵⁸ *Борох О., Ломанов А.* Лекарство от сомнений // Россия в глобальной политике. № 4. 2006. Июль—август.

⁵⁹ *Гудименко Д.* Указ. соч.

⁶⁰ *Черняховский С.* Как нам реорганизовать либерализм. АПН. 2008. 10 июля.

⁶¹ Там же.

⁶² *Капустин Б.* Указ. соч. С. 138.

⁶³ *Макиавелли Н.* История Флоренции. М., 1987. С. 112.

⁶⁴ *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. С. 323, 429–430.

⁶⁵ *Капустин Б.* Указ. соч. С. 139–140.

⁶⁶ *Гудименко Д.* Указ. соч.

⁶⁷ Цит.по: Евразийство: Теория и практика. М., 2001. С. 86.

Любая научная теория политически нейтральна. Любая идеология агрессивна. Попытка превращения научной теории в идеологию неизбежно искажает ее и в конечном итоге дискредитирует.

XX век дал тому немало примеров. Не стала исключением и евразийская идея. Родившись в начале века в совершенно конкретном историческом контексте как идея историософская, она претерпела затем удивительные трансформации и в конце 1920-х — начале 1930-х годов, исказившись до неузнаваемости, потерпела полное крушение, сопровождавшееся решительным отступничеством от нее отцов-основателей. Казалось бы, похороненная и навсегда забытая, она вдруг вновь возродилась после распада СССР, причем именно в своем идеологическом обличье.

Каковы идейные истоки евразийства? Каково его место в русской философской мысли? Какую роль сыграло оно в национальной истории? В чем причины его краха?

Ответы на эти вопросы необходимы, однако не в целях удовлетворения чисто академических интересов, а для того, чтобы понять причины нынешней актуализации евразийского наследства, определить его место в современном национальном самосознании, а точнее — роль в поиске Россией своей цивилизационной идентичности, стратегии развития в XXI в.

Русский народ в Евразии

Не подлежит сомнению, что у истоков грандиозного концепта Евразии стоит Империя Чингисхана. Киевская Русь занимала всего лишь одну двадцатую часть нынешней российской территории, которая в свою очередь занимает внутреннее пространство лишь Центральной Евразии, считающаяся той частью континента, которая лежит между Китаем (Великая Китайская стена), горными цепями Тибета, Тянь-Шаня, Памира, Копетдага, Кавказа и Западной Европой. Империя же монголов территориально много превосходила и Российскую империю в пике ее могу-

щества, и СССР, и тем более Российскую Федерацию. В XVI столетии Москва перехватила у Орды идею евразийства, став, таким образом, наследницей сразу двух империй — и Чингисхана, и Византии.

Современной наукой доказано, что для судьбы страны огромное значение имеет фактор территории, т.е. части того или иного материка со своими особенностями и богатствами. Способы приспособления этноса к территории и сложившиеся в результате этого приспособления стереотипы поведения, взаимоотношения с другими сопредельными этносами и народами определяют развитие этого сложного геознического комплекса и в конечном счете национальный характер. При этом постоянная борьба между различными этносами в тех или иных формах неизбежна. А. Тойнби делил этносы на три группы: те, которые утрачивают оригинальность и растворяются в других этносах; те, которые достигают совершенства, и те, которые продолжают борьбу «в сверхъестественном напряжении». Россия, по этой классификации, как нетрудно видеть, принадлежит к третьей категории, и главная причина этого — ее географическое положение и размеры. Россия находится в центре Евразии без естественных преград, будучи уязвимой от вторжений с запада, юга и востока. В ходе своей тысячелетней истории несколько сот лет Россия воевала.

До XIII в. развитие России мало чем отличалось от развития европейских стран: формирование языческого государства, принятие христианства, объединение в крупное раннефеодальное государство, распад его на мелкие княжества. Однако в XIII в. из-за своего географического положения Русь испытала то, чего не испытала ни одна европейская страна, — небывалое вторжение самой крупной коалиции с востока (татаро-монголы). Перед страной встал выбор — раствориться в монгольском суперэтносе или, сбросив с себя его иго, «сверхъестественным напряжением» воссоздать свой народ, пусть и за счет некоторого отклонения от европейского вектора развития. Семь с половиной веков назад был начат и пройден второй путь. В течение этой исторической эпохи (XIII–XX вв.) целью России, подчинившей себе все силы и энергию народа, было расширение территории страны, удержание и освоение занятых громадных пространств и распространение влияния на соседние страны. Можно предположить, что этот путь был способом национального выживания, сохранения суперэтноса, который стремился занять возможно большую территорию, где могла увязнуть любая коалиционная армия противника, и построить на этой территории мощное государство. Следует признать, что эта стратегия многократно показывала свою эффективность. В этом — истоки всех последующих важнейших событий и особенностей русской жизни вплоть до настоящего времени.

Таким образом, именно в XIII в. была сформулирована программа на века: в качестве твердой опоры восточнохристианской цивилизации Россия должна стать мощным и влиятельным государством. В центре Евразии на самой большой в мире Русской равнине сохранить свою независимость мог лишь тот народ, который путем естественного отбора между этносами сумел создать великую срединную державу Евразии. Ясно, что если бы эту территорию не заполнил русский этнос, силовой вакуум был бы занят другими народами, тем более что претендентов было достаточно.

Из века в век с удивительным упорством русские продвигались во всех географических направлениях — на север, запад, юг, но особенно на восток (см. Приложение 4). Пиком этой политики можно считать первую половину XIX в. К этому времени Россия превратилась в самую большую и мощную державу мира (по сегодняшней терминологии — в «сверхдержаву»). В 1814 г. русские войска дислоцированы от Парижа на западе до Аляски и Калифорнии на востоке, и это уже настолько Дальний Восток, что он уже и запад. Идет наступление на Кавказе и в Азии на юг и юго-восток.

В результате безудержного движения на Восток евразийский фактор стал важнейшим фактором национальной истории России. «Евразийское бремя», одновременно тяжелое и почетное, оказало серьезное влияние на русский менталитет, на национальную идентичность. Русский историк Л. Гумилев (один из евразийцев) доказал, что вмещающий ландшафт оказывает серьезное влияние на национальное самосознание, во многом определяет национальный менталитет. Для русских вмещающим ландшафтом была территория огромной Евразии. Евразийское пространство психологически «давило» на сознание русских. Н. Бердяев говорил, что «русская душа ушиблена ширью». Понятно, что развивающаяся в территориальном измерении Российская империя была обречена наталкиваться на жесткое препятствие со стороны других этносов и цивилизий.

Однако тезис о насильственном завоевании и угнетении русскими других народов — неверное упрощение русской истории. Многие малые народы, или субэтносы, жившие на территории Евразии, нередко добровольно делали свой исторический выбор в пользу присоединения к России. В суровых условиях своего времени, подвергавшиеся жесткому давлению со стороны своих могущественных соседей, которое подчас ставило эти народы на грань физического уничтожения, они предпочитали существование в пределах российского (русского) суперэтноса, сравнительно терпимого к своим малым народам, из-за опасности уничтожения другими, менее терпимыми этносами. Конечно, строительство и расширение империи подчас не обходилось без «же-

леза и крови». Но, как правило, эта задача решалась ненасильственными средствами.

В силу своего географического положения Россия была естественным убежищем эмигрантов. Любая попытка навязать новый порядок военной силой со стороны других этносов всегда встречала в России совместный отпор, как это было, например, на Чудском озере или на Куликовом поле. Были моменты в российской истории, когда потребности единства не находили выражения в новой идеологии, как это, кстати говоря, имеет место и сейчас. Тогда единая традиция складывалась через кризис, нередко имевший форму междуусобной войны. Но это был внутренний кризис этнической системы, стремящейся к единству.

Открытость российского (русского) суперэтноса создала условия для прихода в Россию представителей самых разных культур и религий. Эта же открытость в решающей степени влияла на их менталитет: образы России и архетипы русского народа воспринимались ими как родные. Взаимная открытость русских и тянувшихся в Россию инородцев и привела к формированию многонародной этнической общности, которую мы называем российским (русским) суперэтносом. Взаимпроникновение многообразных культурных традиций создало условия для создания великой русской культуры.

Историю России можно представить себе как историю борьбы русского народа за физическое выживание, т.е. за сохранение, воспроизводство и развитие суперэтноса как носителя уникальной духовно-культурной традиции, призванной в будущем стать основой создания интеркультуры. Фактически это была борьба за право решить национальную сверхзадачу. И одновременно борьба по существу религиозная, морально абсолютно оправданная и проникнутая сознанием своей высокой исторической ответственности — пусть на уровне генетического инстинкта нации. Те государственные деятели России, которые оказывались на уровне этой великой исторической сверхзадачи и при этом широко раздвигали исторические горизонты для творческой деятельности суперэтноса — будь то градостроительство или созидание великой культуры в тесном взаимодействии с другими народами и государствами, — оставались в народной памяти в качестве величайших деятелей России. Деятельность, способствующая росту могущества и величия государства российского — а отсюда создающая и новые возможности для развития народа-творца, — была исторически и морально оправданна.

На протяжении тысячелетия русскому суперэтносу неоднократно грозила опасность если не истребления, то, во всяком случае, «растворения», т.е. исчезновения в других этносах. Русскому суперэтносу бросался прямой вызов, касающийся если не физического его уничтоже-

ния (а во многих случаях это было именно так), то его существования в качестве свободно развивающегося и независимого народа. Россия выстояла в этой сложнейшей и кровопролитной борьбе. На этом пути Россия испробовала самые различные модели развития и государственного устройства. Суперэтнос был сохранен, хотя и не без серьезных демографических потерь. Было создано могущественное супергосударство. Занята и частично обжита (но полностью не освоена) необъятная территория с уникальными природными ресурсами, выходом почти ко всем сопредельным морям и океанам, с наибольшим количеством соседей. При этом основные геополитические и этнокультурные соперники России в Евразии были сломлены. Татаро-монголы полностью исчезли с исторической сцены. Туркам от великой мировой империи удалось сохранить лишь небольшое государство с весьма слабым влиянием даже в субрегионе. Немцы истощили себя в ходе русско-прусских и двух мировых войн.

К концу XIX — началу XX в. Россия вобрала в себя всех желающих объединиться под своей эгидой и оставалась всегда открытой для того, чтобы принять в свое лоно другие малые и большие народы и этносы. Более того, и в XIX, и в XX вв. Россия фактически превратилась в донора для целых субконтинентов. При этом в духовном отношении русские всегда оставались свободными в том смысле, что они избежали порабощения всякого рода утилитаризмом, меркантилизмом, индивидуализмом и т.д. Им всегда оставались доступны образы, накопленные всеми предшествующими поколениями, а также понимание смысла Истории, составляющее основу долгосрочного видения исторического развития. Русской душе в равной мере открывалось и прошлое, и будущее. Именно поэтому она была так богата талантами и одинаково откликалась на драмы Шекспира и Сервантеса, музыку Баха и Шопена, образы Кафки и Пабло Пикассо. Она демонстрировала тем самым единство души всего человечества, являла собой как бы прообраз этой единой души.

Как исторический натиск на Восток и освоение евразийского пространства совместно с другими народами отразились на русском национальном самосознании? Сложился устойчивый, но решительный в критические моменты национально-психологический тип. Неприхотливость и непритязательность в быту. Сверхцентрализация всей государственной, политической, религиозной и экономической жизни. Общинный и коллективистский тип мышления. Патернализм на государственном, региональном, хозяйственном и семейном уровнях. Как следствие всего этого — особый духовный склад, особый национальный характер.

Именно евразийский фактор породил различные национальные мифы, один из которых состоял в том, что Россия — это не Европа и не Азия, а особая евразийская цивилизация со своей уникальной истори-

ческой миссией. Начало этому мифу было положено еще ранними славянофилами в их известном споре с западниками. Одним из первых евразийцев в этом смысле, вероятно, можно считать славянофила А. Хомякова. Но как учение евразийство стало складываться лишь во второй половине XIX в., после поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. Тогда Россия впервые выступила против мощнейшей коалиции западных стран и Османской империи (Оттоманской Порты). В отличие от прежних противников России, эти страны не вторглись в глубину ее территории, а организовали стратегическое позиционное противостояние. Россия тогда проиграла военное, экономическое, дипломатическое и геополитическое соревнование и вынуждена была искать новое направление развития, новую, более эффективную экономическую систему.

Духовной предтечей евразийства стал русский философ Н. Данилевский. В 1868 г. он выпустил книгу «Россия и Европа», явившуюся ответом на национальную травму, которую Россия получила после своего поражения в Крымской войне и, как казалось тогда русскому обществу, «предательства» Европы.

Основные концептуальные выводы Н. Данилевского были следующими.

Первое. Европа не признает Россию «своей», более того, видит в ней «не только чуждое, но и враждебное начало», а «вместе с тем и такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д., — материалом, который можно было бы формировать и обделывать по образу и подобию своему». Европа видит в России «крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, — которое, следовательно, нельзя будет ассимилировать, претворить в свою плоть и кровь, — которое имеет и силу, и притязание жить своею независимою, самобытною жизнью». Поэтому «не крестом, так пестом, не мытьем, так катаньем надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь... Тут можно и турка взять в союзники, и даже вручить ему знамя цивилизации»¹. Отсюда Данилевский заключал, что интересы Европы «не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположны»².

Второе. Никакой Европы на самом деле нет: это всего лишь западный полуостров Азии. Уральский хребет — это не граница между двумя частями света. Поэтому Европа — это не географическое, а культурно-историческое понятие³.

Третье. Европа — германо-романская цивилизация, к которой Россия не принадлежит — «ни по праву рождения, ни по праву усыновле-

ния». Она никогда не была ни частью Римской империи, ни частью Священной Римской империи германской нации (Карла Великого). Она никогда «не боролась с гнетом ложной формы христианства (продуктом лжи, гордости и невежества, величающим себя католичеством) и не имеет нужды в той форме религиозной свободы, которая называется протестантством. Не знала Россия и гнета, а также и воспитательного действия схоластики и не вырабатывала той свободы мысли, которая создавала новую науку, не жила теми идеалами, которые воплотились в германо-романской форме искусства. Одним словом, она не причастна ни к европейскому добру, ни к европейскому злу; как же она может принадлежать Европе? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой»⁴.

Четвертое. Романо-германская, европейская цивилизация не тождественна общечеловеческой. Человечество представляет собой многообразие самобытных цивилизаций, в основе которых лежат различные культурно-исторические типы. Н. Данилевский различал десять таких типов: египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, ново-семитический, или арабийский, и германо-романский, или европейский. Причем все эти типы, или цивилизации, равноценны; «ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с предшественницами или современницами, во всех сторонах развития». Опасность заключается не в политическом господстве одного государства, а в культурном господстве одного культурно-исторического типа. К счастью, на пути к всемирному владычеству Европы стоят две новые цивилизации, способные «положить основание истинному всемирному равновесию», — Соединенные Штаты Америки и Россия⁵.

Пятое. «Европейничество — болезнь русской жизни». Европа изжила себя в духовном, религиозном отношении, «достигла геркулесовых столбов, откуда надо или пуститься в безбрежный океан отрицания и сомнения, или возвратиться к светоносному Востоку». В политическом отношении она «дошла до непримиримого противоречия между требованиями выработанной всею ее жизнью личной свободы и сохраняющим на себе печать завоевания распределением собственности». Для России болезнь европейничания (западничества) поэтому ужасна, ибо «придает вид дряхлости молодому облику полного жизни русского общественного тела и угрожает ему если не смертью, то худшим смерти — бесплодным и бессильным существованием». Она отводит России «жалкую, ничтожную историческую роль подражателей Европы, лишает нас надежды на самобытное культурное значение, т.е. на великую историческую будущность»⁶.

Шестое. Дело Петра, следовательно, было пагубным для России. Познакомившись с Европой, он «влюбился в нее и захотел во что бы то ни стало сделать Россию Европой. Видя плоды, которые приносило европейское дерево, он заключил о превосходстве самого растения, их приносившего, над русским еще бесплодным дичком (не приняв во внимание разности в возрасте, не подумав, что для дичка, может быть, еще не пришло время плодоношения), и поэтому захотел срубить его под самый корень и заменить другим»⁷.

Книга Н. Данилевского «Россия и Европа» произвела огромное впечатление на русское общество конца XIX в. и стала своего рода прологом евразийского движения следующего, XX века. Она в известном смысле не утратила актуальности и в наше время, поскольку «европеизация», которую столь страстно осуждал Н. Данилевский, сегодня стала синонимом евроатлантического варианта глобализации.

Возникновение евразийства и его крушение

Начало евразийскому движению положили споры в узком кругу русских эмигрантов (в Софии) по поводу вышедшей в 1920 г. брошюры князя Н. С. Трубецкого «Европа и человечество». В этой брошюре автор подверг резкой критике идеологию европоцентризма и агрессивность романо-германской культуры, которая не может быть эталоном для всех без исключения народов. Вслед за Н. Данилевским Н. Трубецкой отождествлял эту культуру с Европой, в которой России, по его мнению, места нет.

Принять или не принять романо-германскую культуру можно, был убежден Н. Трубецкой, только после решения следующих вопросов.

1. Можно ли доказать, что культура романо-германцев совершеннее всех прочих культур?
2. Возможно ли полное приобщение народа к культуре, выработанной другим народом?
3. Является ли приобщение к европейской культуре благом или злом?
4. Является ли всеобщая европеизация неизбежной?
5. Как бороться с ее отрицательными последствиями?

На первые два вопроса Н. Трубецкой отвечал резко отрицательно: «Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих низшими — произвольно, ненаучно, наивно, наконец, глупо». Полное же приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, возможно лишь в одном случае — при антропологическом смешении двух народов, что является злом⁸.

Ответ на третий вопрос, по мнению Н. Трубецкого, также не подлежит сомнению: европеизированные народы, пытаясь догнать романо-

германцев, вынуждены совершать скачки, что нарушает весь ход их естественного исторического развития. За скачками следуют периоды застоя. «Как человек, пытающийся идти нога в ногу с более быстроходным спутником и прибегающий с этой целью к приему периодических прыжков, в конце концов неизбежно выбьется из сил и упадет в изнеможении, так точно и европеизированный народ, вступивший на такой путь эволюции, неизбежно погибнет, бесцельно растратив свои национальные силы». Таким образом, заключает Н. Трубецкой, «последствия европеизации настолько тяжелы и ужасны, что европеизацию приходится считать не благом, а злом»⁹.

Европеизация не является неизбежной, полагал Н. Трубецкой, и с ней неевропейским народам следует бороться изо всех сил. Как и Н. Данилевский, он считал реформы Петра пагубными для России, ибо это было «недостойное и поверхностное обезьянничание с Европы», в результате которого Россия усвоила именно вышеупомянутые приемы «скачущей эволюции». Предрассудок бездумного «равнения на Запад» следует преодолевать прежде всего в сознании интеллигенции европеизируемых народов, ибо именно она, «уверовавшая в космополитизм и «блага цивилизации» и сожалея об «отсталости» и «косности» своего народа, старалась приобщить этот народ к европейской культуре, насильственно разрушая все веками сложившиеся устои его собственной, самобытной культуры». Именно интеллигенты были, таким образом, «главными агентами романо-германцев». Поэтому, заключал Н. Трубецкой, если они теперь «глубоко осознают, что европеизация есть безусловное зло, а космополитизм — наглый обман, то они перестанут помогать романо-германцам и триумфальное шествие “цивилизации” должно прекратиться»¹⁰.

Брошюра Н. С. Трубецкого была издана в 1921 г. в Софии в сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Основателем новой теории стал географ П. Н. Савицкий. Значительный вклад в ее развитие внесли теолог Г. В. Флоровский, философ Л. П. Карсавин, публицист П. П. Сувчинский. Некоторое время евразийскому движению сочувствовали философ С. Л. Франк, культуролог П. М. Бицилли. Евразийцы опубликовали несколько сборников, издавали «Евразийскую хронику», а в 1928 г. начали выпускать газету «Евразия».

Евразийство стало творческой реакцией русской философии на целый ряд явлений начала XX в.: русский коммунизм, революцию 1917 г., возникновение и развитие СССР; деградацию и «закат» (термин О. Шпенглера) Европы; крушение панславизма; кризис православия и христианства в целом; возрождение и натиск Востока. Кроме того, оно явилось обобщением исторического опыта России в конце XIX — начале XX в. Ведь после Крымской войны Россией впервые была частично

испробована западная модель экономического развития. Однако изменения 1861–1914 гг. — попытки трансформации в направлении капитализма западного типа — оказались не слишком успешными. Страна не выдержала испытаний ни Русско-японской, ни Первой мировой войн. Она проиграла и своему основному геополитическому сопернику на востоке — Японии, и вынуждена была выйти из войны со своим основным соперником на западе — Германией. Перед страной вновь встал выбор: продолжать развитие в духе 1861–1917 гг., которое привело к поражению в войне с Европой и Азией и было чревато еще большим поражением в грядущей Второй мировой войне, или провести поистине экстраординарные реформы путем «сверхъестественного напряжения». Был выбран второй путь. И это был выбор не только большевиков, но и евразийцев, которые, как лучшие представители русской интеллигенции, несомненно, тонко чувствовали и переживали поражения России.

Евразийцы считали своим духовным предтечей именно славянофилов, а не западников. Однако, по мнению П. Савицкого, поскольку славянофилы «упирали на “славянство” как на то начало, которым определяется культурно-историческое своеобразие России, они явно брались защищать трудно защитимые позиции»¹¹. Само понятие «славянство», по мнению евразийцев, мало показательно для понимания культурного своеобразия России, поскольку, например, поляки и чехи принадлежат к западной культуре. Русскую же культуру определяет не только славянство, но и византизм. В облик России впаяны как европейские, так и азиатские элементы. Эти элементы как раз и составляют сильную сторону русской культуры, что позволяет сравнивать Россию с Византией, культура которой также являлась евразийской¹².

Византийская же культура, в свою очередь, основывается на культуре эллинистической, сочетавшей в себе элементы эллинского «Запада» и древнего «Востока». В связи с этим, как отмечал П. Савицкий, историческое своеобразие России явно не может определяться ни исключительно, ни даже преимущественно ее принадлежностью к «славянскому» миру.

Центральным моментом евразийства, его идеологическим кредо является противопоставление России Европе. Сущность евразийской доктрины ее авторы видели в «...отрицании «абсолютности» новейшей «европейской» (т.е. по обычной терминологии западноевропейской) культуры, ее качества быть «завершением» всего доселе протекавшего процесса культурной эволюции мира»¹³. И далее: «Евразийская концепция знаменует собою решительный отказ от культурно-исторического “европоцентризма”, отказ, проистекающий не из каких-либо эмоциональных переживаний, но из определенных насущных и философских пред-

посылок... Одна из последних есть отрицание универсального восприятия культуры, которое господствует в новейших европейских понятиях»¹⁴.

Западноевропейскую культуру Н. Трубецкой называл космополитизмом или романо-германским шовинизмом. «Мы должны привыкнуть к мысли, что романо-германский мир со своей культурой — наш злейший враг», — категорически постулировал Н. Трубецкой¹⁵. «...Освобождение мира от власти романо-германских хищников» — это и есть «новая историческая миссия» России¹⁶.

Новое учение можно свести к нескольким главным тезисам.

Первое. Главная причина крушения Российской империи и русской революции 1917 г. состоит не в подрывных происках отечественных партий и внешних сил, а в порочном подражательстве Европе, начавшемся во время реформ Петра Первого. Октябрьская революция — это восстание народа против «дела Петра».

Второе. Русская цивилизация самобытна и самодостаточна: она представляет собой не Европу и не Азию, а синтез того и другого — Евразию, имеющую свой Запад и свой Восток.

«Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, — писал Н. Трубецкой, — может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией, ее национализм — евразийством»¹⁷.

Подлинному евразийскому национализму его идеологи противопоставляли национализм ложный, который, с одной стороны, проявляется в великодержавном шовинизме, а с другой, — в стремлении политических лидеров малых народов к суверенизации, попытках во всем подражать большому, государственному народу¹⁸.

С этих позиций русский панславизм представлялся евразийцам не более чем карикатурой на пангерманизм и объявлялся нежизнеспособным. А русский национализм, по оценке Н. Трубецкого,

«при современных условиях есть просто великорусский сепаратизм... Чисто русская Россия... реально возможна только при отделении всех окраин», т.е. в границах этнографической Великороссии»¹⁹. «Русские люди и люди народов “Российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родною и окружающею нас стихией культуры... мы не стыдимся признать себя евразийцами»²⁰.

Третье. Коммунистический режим в России — это зло, но поскольку он свернул с порочного пути, противопоставил себя Европе и провозгласил модель самостояния, этот режим — не абсолютное зло. Таким образом, два послепетровских столетия для евразийцев будто бы и не

история, поскольку они только разрушили Россию. В 1917 г. для них нить русской истории лишь восстанавливается.

«Коммунистический шабаш, — писал П. Савицкий, — наступил в России как завершение более чем двухсотлетнего периода “европеизации”»²¹. Однако большевизм положителен тем, что явился бунтом против европейской культуры. Величайшая заслуга большевиков — восстановление государства в естественных границах Евразии.

Четвертое. Режим большевиков и коммунистическая идеология рано или поздно неизбежно падут и освободят место для режима подлинно национального, опирающегося на евразийскую идеологию.

Сходство между большевизмом и евразийством — только внешнее. Большевизм безбожен, тогда как евразийство — движение религиозное и богоутверждающее.

«Из всего этого вытекает, — писал Н. Трубецкой, — что если общими задачами большевизма и евразийства являются отвержение старой и создание новой культуры, то большевизм может выполнить только первую из этих двух задач, а второй выполнить не может»²².

Таким образом, большевизм проводит черную деструктивную работу, расчищая площадку для работы конструктивной.

«Положительное значение большевизма, — отмечает Н. Трубецкой, может быть, в том, что, сняв маску и показав всем сатану в его неприкрытом виде, он многих через уверенность в реальность сатаны привел к вере в Бога»²³. «Идея диктатуры пролетариата... и разжигание классовой ненависти, — пророчески писал Н. Трубецкой, — в конце концов должны оказаться недействительными средствами против развития националистических и сепаратистских стремлений народов СССР»²⁴.

Пятое. В противоположность европейской модели мирового развития, которая стремится навязать всем странам и народам свои стандарты, обрекающие их на «догоняющее развитие», евразийство утверждает равноценность различных национальных культур, которые должны породить «цветущую сложность» (термин К. Леонтьева).

Шестое. Татаро-монгольское иго для России было благом, поскольку именно от империи Чингизидов она приняла эстафету евразийской государственности.

«Московское царство возникло благодаря татарскому игу, — писал Н. Трубецкой. — Московские цари, далеко не закончив еще “собирания Русской земли”, стали собирать земли западного улуса Великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана. “Свержение татарского ига” свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву»²⁵.

Седьмое. Евразийское государство — это идеократическая империя, т.е. государство, в котором господствует идея всеобщего блага. Евразийцы считали, что государство правды и правовое государство — два различных мирозозерцания: для первого характерен религиозный пафос, для второго — материальные устремления, в первом правят герои, во втором — серые, средние люди. Как отмечал П. Савицкий:

«...над Евразией веет дух своеобразного “братства народов”, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных влияниях народов различных рас — от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это “братство народов” выражается в том, что здесь нет противоположения «высших» и «низших» рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается “воля к общему делу”»²⁶.

Как достаточно влиятельное учение евразийство просуществовало примерно десять лет — 20-е годы XX в. Уже к середине 1920-х началось его концептуальное и организационное разложение, причем основные его идеи были оспорены и пересмотрены самими его основателями, в первую очередь Г. Флоровским, который признал евразийские концепты неверными, голословными и зачастую просто эмоциональными. Интересно, что Г. Флоровский отошел от движения уже в 1922 г., т.е. через год после того, как его основал Н. Трубецкой «продержался» дольше — до 1925 г. Пост идейного вождя занял Л. Карсавин. Ненадолго: в 1929 г. он заявил о разрыве с евразийством. Только П. Савицкий сохранил верность движению от начала и до конца. Но это был уже деятель и мыслитель совсем другого масштаба.

К тому же к середине 1920-х годов евразийское движение стало объектом внимания ГПУ, которое сочло выгодным для советского режима широкое распространение вышеупомянутых идей, поскольку оно было альтернативой идеям белой эмиграции, стремящейся реставрировать Российскую империю, и примирительно относилось к коммунистической власти. Чекистам удалось проникнуть в евразийские круги и убедить их лидеров, что внутри советской России повсеместно организованы тайные евразийские организации, которые нуждаются в идейном руководстве со стороны эмигрантов (см. кинофильм «Операция «Трест»). В 1920-е годы евразийство по существу развивалось как спецпроект ГПУ. Нет, конечно, каких-либо оснований полагать, что интеллектуалы ранга Н. Трубецкого действовали по заданию Москвы. Но нет и сомнений в том, что их программа была большевикам полезна. Сохранение коммунистического режима казалась евразийцам меньшим злом, чем политическая зависимость от Запада. Это означало только одно — отказ от самого сопротивления большевикам. Евразийцы признавали,

что они были загнипнотизированы большевистским пафосом, так же как А. Блок, Ж.-П. Сартр, Л. Арагон, Л. Фейхтвангер и другие интеллектуалы того времени. Другие евразийцы были просто раздосадованы на Европу за «измену белому делу».

Несмотря на это, евразийство в духовном отношении имело, конечно, мало общего с большевизмом, да и с настроениями советской интеллигенции и народа в СССР. Мечты о Святой Руси, о возвращении к утраченным корням и интеллигенции, и народу были абсолютно чужды. В советской России 1920-х годов царил исторический оптимизм и культ будущего. Материалистическая, атеистическая пропаганда добилась больших успехов, потеснив православие. Веру в Бога заменила вера в научно-технический и материальный прогресс.

Евразийцы не принимали, разумеется, террор, и в особенности культурную политику советской власти, но считали заслугой большевиков геополитическое восстановление распавшегося евразийского пространства. С сочувствием они относились и к солидаризации советского государства с колониальными народами в их борьбе против европейских метрополий²⁷. Однако они, конечно, понимали и то, что пролетарский интернационализм, на основе которого большевики сколотили государство заново, долго не продержится. Национальные чувства рабочих сильнее классовой солидарности. В конечном счете Россия должна найти иную основу для своей консолидации, и такой основой может быть только евразийство. Евразиец Чхеидзе даже выражал надежду на то, что постепенно удастся преобразовать большевистскую партию в партию евразийства. И он был в этом заблуждении не одинок²⁸.

И все же попытка найти компромисс с большевиками была с самого начала порочной и потому обреченной на провал. Как отмечал А. Панарин, «самое большое преступление евразийцев 20-х годов — это попытка усыновления преступного большевизма в русской национальной культуре»²⁹. И за это евразийцы жестоко поплатились. Советские спецслужбы рассматривали их как «полезных идиотов» и использовали в своих целях. Об этом говорит трагическая судьба многих из них, и в частности П. Савицкого и Л. Карсавина. Первый, обосновавшийся в Чехословакии, после вступления в нее Красной армии был арестован и провел 10 лет сначала в советском концлагере, а затем в чехословацкой тюрьме. Второй, преподававший в Каунасском университете, был арестован в 1939 г. после вступления Красной армии в Прибалтику и окончил свою жизнь в ГУЛАГе в 1952 г.

Не менее драматично сложилась судьба и других евразийцев, которые уже прямо сотрудничали с советским режимом. В 1929 г., когда евразийское движение окончательно раскололось, в Париже образовалось

просоветское евразийское крыло во главе с С. Эфроном (мужем М. Цветаевой) и князем Д. Святополк-Мирским. Группа сплотилась вокруг газеты «Евразия». Позднее выяснилось, что С. Эфрон был агентом советской разведки. В 1930-х годах С. Эфрон и Д. Святополк-Мирский вернулись в СССР, где также пали жертвами сталинского террора.

Идейный разгром евразийства

Первый мощный удар по евразийству нанес, как уже говорилось, его основатель Г. Флоровский.

«Судьба евразийства — история духовной неудачи, — отмечал Г. Флоровский. — Морфологическое отграничение России от Запада ошибочно, а евразийское рассмотрение петровского поворота — односторонне. “Поворот” к Европе был нужен и оправдывался не техническими потребностями, но единством религиозного задания и происхождения. В этом живом чувстве религиозной связанности и сопринадлежности России и Европы как двух частей, как Востока и Запада, “единого христианского материка” была вещая правда старшего славянофильства. Что касается евразийского фактора, характеризующего Россию, — замечает Г. Флоровский, — то он у евразийцев отнюдь не означает синтеза между европейским и азиатским началом. У них всегда есть пафос отращения к Европе и крен в Азию»³⁰.

В начале 1920-х годов евразийцы часто цитировали Ф. М. Достоевского: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии мы европейцы». Лишь потом они осознали, что великий писатель не подвергал сомнению европейский характер русской культуры. Наоборот, русские, по его мнению, — бо́льшие европейцы, чем жители Западной Европы.

Также, как и Г. Флоровский, другой основоположник евразийства Н. Трубецкой окончательно порвал с евразийским движением задолго до 1928 г., когда в Париже стала издаваться газета «Евразия», уже явно манипулируемая большевиками.

«Для евразийцев, — писал в 1925 г. Н. Трубецкой, — самым важным является именно изменение культуры; изменение же политического строя или политических идей без изменения культуры евразийством отменяется как несущественное и нецелесообразное»³¹.

В ситуации разрыва СССР с русской культурной традицией Н. Трубецкой решил, что русским интеллектуалам не остается ничего иного, как «выйти за пределы национально ограниченной европейско-русской культуры и (*volens nolens*) работать на культуру общеевропейскую, притязающую на звание общечеловеческой»³².

Оценивая впоследствии результаты развития евразийской мысли, он писал:

«Мы оказались великолепными диагностами, недурными предсказателями, но очень плохими идеологами — в том смысле, что наши предсказания, сбываясь, оказываются кошмарами. Мы предсказали возникновение новой евразийской культуры. Теперь эта культура фактически существует, но оказывается совершенным кошмаром, и мы от нее в ужасе, причем нас приводит в ужас именно ее пренебрежение известными традициями культуры европейской... Мы совершенно верно поняли, что государственный строй современности и ближайшего будущего есть строй идеократический. Но как всмотреться пристальнее в конкретные воплощения этого строя, так приходишь к заключению, что это не идеал, а полнейший кошмар, причем очень сомнительно, чтобы такой строй и впредь мог стать чем-нибудь иным... Сталин — не случайность, а тип, могущий быть выведен из понятия идеократии чисто дедуктивным путем. Перемена содержания дела не изменит. Сталин останется Сталиным, безразлично, будет ли он действовать во имя православия. В последнем случае он, может быть, будет еще опаснее для Церкви, чем сейчас... Проповедовать европейцам идеократию — значит проповедовать коммунизм, а на это ни у кого из нас рука не поднимется»³³.

Свой приговор евразийству как политическому движению Н. Трубецкой завершил словами:

«Я... отрицаю всякую возможность политической роли евразийства как такового. Евразийство есть ряд научных и культур-философских теорий...»³⁴.

Таким образом, евразийство было охарактеризовано самими его основателями как идеологический уклон и заблуждение. При этом ни Российская империя — в силу своего европоцентризма, — ни Советский Союз — в силу глобальности коммунистической идеи, на которой он был основан, — евразийским конструкциям никак не отвечали.

Уязвимые мировоззренческие черты евразийцев уловил тонкий и глубокий мыслитель Н. Бердяев. Отмечая их талантливость и заслуги (главная из них в том, что они «остро чувствуют размеры происшедшего переворота и невозможность возврата к тому, что было до войны и революции»), а также «провозглашенный примат культуры над политической»), он тем не менее объявляет свой жесткий вердикт:

«Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на происшедшую катастрофу. Такого рода душевная формация может обернуться русским фашизмом»³⁵.

Хотя евразийцы «верно чувствуют, что Европа перестает быть монополистом культуры, что культура не будет уже исключительно европейской, что народы Азии вновь войдут в поток мировой истории», их отношение к Западной Европе, по мнению Н. Бердяева, «превратно и ложно, и подобное отношение заслуживает наименования азиатства, а

не евразийства». «Евразийцы стихийно, эмоционально защищают достоинство России и русского народа против того поругания, которому он предается ныне и русскими людьми, и людьми Запада... Но в евразийстве есть также элементы зловредные и ядовитые, которым необходимо противодействовать. Многие старые русские грехи перешли в евразийство в утрированной форме»³⁶.

Резко критиковал Н. Бердяев идею противопоставления России Европе.

«...Современное евразийство, — отмечал он, — враждебно всякому универсализму, оно представляет себе евразийский культурно-исторический тип статически-замкнутым. Евразийцы хотят остаться националистами, замыкающимися от Европы и враждебными Европе. Этим они отрицают вселенское значение православия и мировое призвание России как великого мира Востока-Запада, соединяющего в себе два потока всемирной истории. Их евразийская культура будет одной из замкнутых восточных азиатских культур. Они хотят, чтобы мир остался разорванным, Азия и Европа разобщенными, т.е. они в сущности антиевразийцы. Евразийство остается лишь географическим термином и не приобретает культурно-исторического смысла, противоположного всякому замыканию, самодовольству и самоудовлетворенности. Задача, которая теперь стоит перед Россией, ничего общего не имеет с той задачей, которая стояла перед допетровской, старой Россией. Это есть задача не замыкания, а выхода в мировую ширь. И размыкание, и выход в мировую ширь вовсе не означает европеизации России, подчинения ее западным началам, а означает мировое духовное влияние России, раскрытие Западу своих духовных богатств. Так должен образоваться в мире единый духовный космос, в который русский народ должен сделать свой большой вклад. Русская идея, которая вырабатывалась русской мыслью XIX в., всегда была такой идеей. И евразийцы не верны русской идее, они порывают с лучшими традициями нашей религиозно-национальной мысли. Они делают шаг назад по сравнению с Хомяковым и Достоевским, и в этом они духовные реакционеры. Они партикуляристы, противники русской всечеловечности и всемирности, противники духа Достоевского»³⁷.

В конечном счете, считал Н. Бердяев, евразийство есть идея антихристианская:

«Отношение евразийцев к Западу и западному христианству в корне ложное и нехристианское. Культивирование нелюбови и отвращения к другим народам есть грех, в котором следует каяться. Народы, расы, культурные миры не могут быть исключительными носителями зла и лжи. Это совсем не христианская точка зрения. Христианство не допускает такого рода географического и этнографического распределения добра и зла, света и тьмы. Перед лицом Божиим добро и зло, истина и ложь не распределены по Востоку и Западу, Азии и Европе. Христианство, а не люди XIX в., принесло в мир сознание, что нет ни эллина, ни иудея. Ненависть к западному христи-

анству, к католичеству есть грех и человекоубийство, есть отрицание души западных народов, отвержение источников их жизни и спасения. Ненависть к католичеству есть, по-видимому, один из существенных пунктов евразийской программы... Евразийцы как будто бы хотят вернуться к языческому партикуляризму, духовно преодоленному христианством. Если не существует человечества как духовного единства и реальности, то христианство невозможно и лишено всякого смысла боговоплощения и искупления. Отрицание реальности и единства человечества как иерархической ступени бытия есть в сущности отрицание догмата богочеловечества Христа. Крайние формы церковного национализма и партикуляризма есть языческая реакция внутри христианства, есть неспособность вместить истину о богочеловечестве Христа. Разделяет плоть и кровь, дух же соединяет. И одинаково ложно отрицать реальность и единство человечества, как и реальность и единство национальности»³⁸.

«Возврат русского народа к самодовольству и самозамкнутости старой допетровской России есть задача не христианская, а языческая»³⁹. «Остается впечатление, — писал Н. Бердяев, — что для евразийцев православие есть прежде всего этнографический факт, фольклор, центральный факт национальной культуры. Они берут православие извне, исторически, а не изнутри, не как факт духовной жизни, вселенской по своему значению. Поэтому они прежде всего дорожат бытовым православием, со статическими пластическими образами... Евразийцы не замечают самой главной особенности русского православия, отличающей его от западного христианства — его эсхатологичности, устремленности к концу. Есть два образа России: статический и динамический, бытовой и духовный. Русского странничества, русского искания правды Божьей, града Китежа евразийцы не хотят видеть и знать»⁴⁰.

Н. Бердяев считал, что не может быть «евразийской культуры»:

«Культура всегда национальна, никогда не интернациональна, и вместе с тем она сверхнациональна по своим достижениям и универсальна по своим основам. Универсальные основы человеческой культуры не романо-германские, а античные. Русская культура также имеет свои основы в культуре греческой, как и культура европейских народов. Мы принадлежим не только к Востоку, но и Западу через наследие эллинизма». Разница между русскими европейцами и европейцами западными лишь в том, что «мы платоники. Западные люди по преимуществу аристотелевцы». Евразийцы же «предпочитают плотское наследие туранское духовному наследию эллинскому, они более гордятся своей связью с Чингисханом, чем своей связью с Платоном и греческими учителями Церкви»⁴¹.

Наконец, Н. Бердяев отнюдь не разделяет поклонения евразийцев татаро-монгольской империи.

«Евразийцы любят туранский элемент в русской культуре, — с сожалением констатирует он. — Иногда кажется, что близко им не русское, а азиатское, восточное, татарское, монгольское в русском. Чингисхана они явно пред-

почитают Св. Владимиру. Для них Московское царство есть крещеное татарское царство. Московский царь — оправославленный татарский хан. И в этом близком сердцу евразийцев царстве чувствуется то непреодоленное язычество азиатских племен, то непреодоленное магометанство. Христианство не вполне победило в евразийском царстве. Любовь к исламу, склонность к магометанству слишком велика у евразийцев. Магометане ближе евразийскому сердцу, чем христиане Запада. Евразийцы готовы создать единый фронт со всеми восточноазиатскими, не христианскими вероисповеданиями против христианских вероисповеданий Запада. И это есть несомненное извращение религиозной психологии, частичная измена христианству. Евразийцам вновь уместно поставить вопрос Вл. Соловьева: «Каким ты хочешь быть Востоком? Востоком Ксеркса или Христа?» «Восток Ксеркса» очень их пленяет, они не могут его победить в себе и не хотят его победить в русском народе. Между тем как и наш большевизм есть порождение «Востока Ксеркса». Все будущее русского народа зависит от того, удастся ли победить в нем нехристианский Восток, стихию татарскую, стереть с лица русского народа монгольские черты Ленина, которые были в старой России. Можно вполне согласиться с тем, что татарское иго имело огромное, не только отрицательное, но и положительное значение в русской истории, что оно способствовало выработке в русском народе самостоятельного духовного типа, отличного от западного. Но это отнюдь не ведет еще к татарскому самосознанию, к подмене русской идеи идеей туранской. Между тем как у евразийцев исчезает своеобразие и единственность русского духовного типа, русской идеи, русской, вселенской христианской идеи. Статичность, которой так упиваются евразийцы в результате реакции против бурных движений нашего времени есть не русская, а татаро-азиатская статичность. Христианство динамично по своей природе, оно создало бурное движение мировой истории.

...Бытовое исповедничество евразийцев как будто бы забывает об искании Царства Божиего и правды Божией, которое очень свойственно русскому духу, но не свойственно духу туранскому»⁴².

«Большевицкий режим в России, — полагал Н. Бердяев, — полностью противоречит русской идее и более отвечает идее туранской. В этой связи он призывал преодолеть «нашу татарщину, наш большевизм»⁴³.

Россия и Евразия в XX веке

В XX веке в Евразии и в мире в целом произошли коренные сдвиги, которые не могли не повлиять на представления о «евразийской миссии» России, хотя с начала 1930-х годов и вплоть до распада СССР евразийские идеи нигде не обсуждались и, казалось, были забыты навсегда.

Прежде всего в 1945 г. Советская Россия выиграла войну против коалиции почти всех европейских государств, что сделало страну мощнейшим в политическом и военном отношении государством Евразии. Как и в XIX в., победа укрепила сверхцентрализованный политический

режим, что привело впоследствии к созданию супермилитаризованного государства, деградации экономики, потере управляемости страны и в конечном итоге к очередной попытке осуществить реформу сверху с западно-рыночным уклоном. Эта попытка («перестройка») в 1991 г. завершилась распадом государства и суперэтноса.

Кроме того, во второй половине XX в. возник новый геополитический фактор — ядерное оружие. Этот фактор привел к фундаментальному изменению геополитической ситуации, он и в самом деле означал «конец истории», какой она была на протяжении многих тысяч лет, т.е. истории вооруженной борьбы различных этносов. Ядерные страны стали неуязвимыми для военных вторжений. Исчезла опасность завоевания вооруженным путем и нашей страны. Для России этот поворот оказался весьма чувствительным. Она обеспечила свою безопасность, но, казалось бы, потеряла свою геополитическую миссию. Потускнел образ врага. Это, в свою очередь, привело к ослаблению централизации управления, смягчению идеологии, ослаблению связей между субэтносами бывшего СССР. Отпала необходимость в громадной армии и ВПК. Перестройка явилась отражением этой качественно новой ситуации. К 1985 г. и СССР, и США убедились в невозможности ядерной войны даже против неядерной страны. Это продемонстрировали Вьетнам и Афганистан. Расширять дальше зону влияния военным путем стало невозможно. Начался поиск новых способов расширения такого влияния. К этому Россия оказалась подготовленной хуже, чем США.

Следствием утраты того начала, которое объединяло российский суперэтнос, стало отделение бывших союзных республик, ослабление чувства этнической солидарности у самих русских, что убедительно продемонстрировало поведение русских в ближнем зарубежье, их голосование, пассивность в отношении принимаемых к ним дискриминационных мер, сепаратизм внутри России, не встречающий отпора у русских, иммиграционные настроения, «смердяковщина» и т.д.

Это означает, что русский суперэтнос был вновь поставлен перед испытанием на прочность и выживание. Нашими противниками стал формироваться отрицательный образ России и русского. Русским попытались привить комплекс вины за якобы эксплуатацию инородцев и репрессии после Октября, за угнетение других народов. Впрочем, эта тенденция прослеживалась уже в 20-е годы прошлого века. И это несмотря на то, что большевики трансформировали русскую идею в пролетарский интернационализм, т.е. интернационализм жертвенный, который по сути своей является антинациональным. На саму же русскую идею они наложили табу. Сейчас навязываемый русскому народу комплекс исторической вины по существу является инструментом дальней-

шего ослабления государства и индальгенцией для российских политиков, отказавшихся защищать соотечественников за рубежом.

Беда, что после Октябрьской революции русские изменили своей национальной истории и создали государство антинациональное, противопоставив себя всему миру. Понятно, что это вызвало его сопротивление. Однако, победив фашизм в союзе с Великобританией и США, Россия во многом преодолела антинациональный коммунистический проект и выполнила именно ту миссию, которую в мире от нее ждали. После Второй мировой войны, казалось, уже ничто не могло угрожать русскому народу, собравшему вокруг себя сотни других народов и вновь шагнувшему далеко на север, запад, восток и юг. Но после временного союза с западными демократиями в ходе Второй мировой войны Россия оказалась в состоянии холодной войны, начало которой положила пресловутая фултонская речь У. Черчилля. Это был открытый и прямой вызов, объявление «священной» войны, крестового похода.

Борьба России с Западом приняла форму позиционного противостояния, состязания и взаимного истощения в гонке вооружений, что в конечном счете оказалось состязанием экономик. Такой форме борьбы способствовало, как уже отмечалось выше, появление ядерного оружия, исключившего раз и навсегда возможность прямого вооруженного столкновения крупных этносов. Завоевание территорий потеряло смысл также и в силу перехода от экстенсивного к интенсивному способу экономического развития. В целом историческое противоборство этносов (в том числе и в силу характера англо-американского империализма, не являющегося в полном смысле слова милитаристским империализмом, о чем писал Н. Бердяев) перешло в совершенно иную плоскость и совершенно иные формы — прежде всего экономические, научно-технические, связанные с качеством жизни, уровнем потребления и т.д. Это поле противоборства оказалось невыигрышным для России и в то же время успешным для западной культуры, т.е. для англо-американского этноса. Истощив себя в строительстве супергосударства и невиданной по мощи военной машины, русский суперэтнос на данном этапе историческое противоборство проиграл. Конец холодной войны был объявлен (Ф. Фукуяма) на Западе «концом истории» (по крайней мере в Европе и в западном понимании исторического процесса). Англо-американцы поспешили всему миру объявить о своей «победе» над Россией.

В чем же основная причина того, что русский суперэтнос не нашел в себе силы одержать победу, как это практически всегда было в истории? Причину вновь и вновь следует искать в духовной сфере. Как уже говорилось выше, после 1917 г. русские пошли по ложному пути. Ложные

ценности были приняты за подлинные. Коммунизм был принят за интеркультуру. Его победа во всемирном масштабе и пролетарский интернационализм были приняты за национальную сверхзадачу. Когда выяснилось, что распространения лжеинтеркультуры (мировая революция) в одночасье не произойдет, был опущен «железный занавес» и произведен экстраординарный эксперимент — попытка создать интеркультуру в масштабе одной, правда очень большой, страны, изолированной от внешнего мира в качестве абсолютной цитадели добра.

Этот тип поведения для России был нехарактерен — страна всегда стремилась интегрировать в себя все другие типы культур и была максимально открытой для всех народов и цивилизаций. И потому он неизбежно вступил в непримиримое противоречие с исторической логикой развития и с русской национальной культурной традицией, вбирающей в себя другие культуры, самообогащающейся и обогащающей других и тем самым создающей предпосылки для созидания подлинной интеркультуры.

Русская культура по определению и своему историческому предназначению не могла долго находиться за «железным занавесом», будучи изолированной от других культур. Кроме того, постепенно стало выясняться — сначала на уровне генетического инстинкта нации, затем это стала осознать интеллигенция (феномен диссидентов, академик А. Сахаров, А. Солженицын и т.д.) и, наконец, политическая элита страны, — что русский коммунизм — это не подлинная интеркультура, а ложная, ошибочно принятая сверхнародом за истину и свою сверхзадачу. С этого момента уже ничто не могло дальше удержать страну в созданном для лжеинтеркультуры тоталитарном режиме, отгороженном от внешнего мира. «Железный занавес» рухнул в одночасье. Потеряв моральный и идеологический стержень, в одночасье распалось и великое государство, контролирующее почти всю Евразию. Идеологический и моральный вакуум — русскому народу *показалось*, что он потерял свою миссию, — привел к духовному упадку, деградации, судорожным попыткам найти иные точки опоры. Временное историческое поражение бросило русский народ в объятия англо-американского суперэтноса, в орбиту влияния либеральных ценностей общества «всеобщего потребления» (которые, конечно же, далеко не дотягивают до качества универсальных человеческих ценностей).

Разумеется, это поражение не окончательное, это лишь результат смятения духа, духовного исцеления, осознания ложности выбранного три четверти века назад пути. Это не коматозное состояние, а временное духовное оцепенение, состояние морально-нравственного шока,

которое бывает от внезапного прозрения истины и потому, разумеется, не может продолжаться вечно, а напротив, является верным признаком (и предпосылкой) духовного и морально-нравственного оздоровления.

В историческом плане поэтому то, что мы наблюдаем сейчас, — это не «конец истории», даже в западном смысле слова, не конец противоборства культур и этносов и, конечно, никакая не победа западной экономической цивилизации с ее материально-потребительской ориентацией. Подлинное противоборство этносов в Евразии будет проходить — проходит уже — не только (и не столько) на чисто экономическом поле, но и на поле культурно-цивилизационном и религиозно-духовном. Здесь же ситуация совершенно иная: тут у России как «всемирной культурной лаборатории» и центра естественного притяжения других этносов имеется серьезный конкурентный потенциал. Задача нынешнего поколения российских политиков, возможно, в том и состоит, чтобы перевести историческое соперничество этносов на выигрышное для страны поле.

Что стоит за возрождением евразийства?

В 90-е годы XX в. мечта отцов-основателей евразийства, казалось бы, наконец, сбылась. Коммунистический режим в России рухнул, а евразийское движение начало возрождаться.

К сожалению, однако, оно стало возрождаться именно как новая идеология, от которой евразийцы отказались еще 70 лет назад. То, что современным протагонистам евразийства оно нужно именно как идеология, сомнений не вызывает: об этом говорит возникновение таких явлений, как «Евразийская партия», «Движение Евразия», включение евразийских идей в политические платформы ведущих российских политических партий, включая КПРФ, ЛДПР, Отечество, Единая Россия и др. Этого, собственно, не скрывают и сами «новые евразийцы» — А. Дугин, А. Ниязов, Г. Зюганов и др. Причем неоевразийство рассматривается его сторонниками как мобилизационная идеология. А. Дугин так и пишет: «Обращение к евразийству... потребует от нации нечеловеческих усилий»⁴⁴.

Актуализация евразийства явилась реакцией, с одной стороны, на крушение коммунизма и распад СССР, а с другой — на прозападный курс новой демократической власти России. Оно стало попыткой сформулировать альтернативную государственную идеологию и альтернативный внешнеполитический курс в условиях натиска мирового либерального проекта, носителем которого стали в конце XX в. США, провозгласившие после окончания холодной войны «конец истории» (Ф. Фукуяма).

Основанное на идеях, высказанных еще в 20-е годы XX в., современное евразийство пытается дать им новейшую интерпретацию и по-

тому может быть названо не иначе как неоевразийство. Один из основных теоретиков неоевразийства А. Дугин⁴⁵ настаивает:

«Политическая актуализация евразийства как цельного мировоззренческого феномена, а также его развитие, его модернизация, состоялись лишь в начале 90-х годов в кругах национально-патриотической оппозиции, близких к газете “День”. Снятие определенных идеологических табу и первые шаги в открытии русскими западной неконформистской и геополитической мысли позволили не просто “освежить” память о евразийских идеях 20–30-х годов, но и возродить эту специфическую доктрину применительно к современной политике и в рамках международного геополитического и культурного контекста. Для патриотов “Дня” евразийство стало идейным синтезом, логично и непротиворечиво сочетающим в себе “левые” (“коммунистические” и “советские”) и “правые” (“националистические”, “имперские”) тенденции, которые составляли два основных вектора оппозиционной антилиберальной и “антиреформаторской” политики»⁴⁶.

В одной из статей А. Дугин пишет:

«Неоевразийство есть динамично развивающийся (еще не законченный) продукт универсализации, глобализации тех идей, подходов и методов, которые в зародышевом, интуитивном состоянии были намечены исторической школой русских евразийцев 20–30-х годов»⁴⁷.

Он считает, что заслуга неоевразийцев состоит в разработке следующих идей.

1. Неоевразийцы интегрировали свое учение в первоначальную геополитическую концепцию с классическим дуализмом Моря и Суши. Существует евразийская метацивилизация, ядром которой является Россия и которая представляет собой широкий конгломерат не только славяно-тюркских, но и других многообразных культур Евразии. Это сухопутная цивилизация, противостоящая морской цивилизации Запада. Противостояние между ними вечно и органично независимо от государственно-политического устройства обоих полюсов. Неоевразийство исходит из принципа неснимаемых противоречий между Евразией и Западом (особенно США) на уровне глубинных цивилизационных принципов. Геополитическое положение государства является намного более важным, нежели особенности политического устройства этого государства.

2. Развивая идеи Маккиндера, который определял «русское Большое Пространство» как «Географическую Ось Истории», неоевразийцы постулируют, что по отношению к России все остальные евразийские государства и земли являются прибрежными. Если Россия — это «Ось Истории», то «цивилизация» вращается вокруг нее. Безопасность и суверенность России тождественны безопасности и суверенности всего

евразийского континента. Этого нельзя сказать ни об одной другой крупной евразийской стране — ни о Китае, ни о Германии, ни о Франции, ни об Индии.

3. Евразийская цивилизация воплощает собой консервативно-традиционные ценности, противостоящие ценностям либеральным, «атлантистским», которые отстаивает Запад. «На уровне культуры, — говорится в программе движения «Евразия», — главной задачей Евразийского проекта России является утверждение плюральной, многоуровневой, дифференцированной модели, альтернативной схемам одномерной унификации, предлагаемой сторонниками «Глобализма под эгидой Запада». Однородное общество потребления, сверстанное по американскому образцу и основанное на индивидуализме, неизбежно приводит к искоренению культурного, социального, религиозного, этнического многообразия. Россия должна сформулировать в мировом масштабе свою миссию — гаранта «цветущей сложности», форпоста охранительного отношения естественного многообразия человеческих цивилизационных ансамблей. Утверждение и сохранение реального исторического многообразия культурного бытия народов и государств есть высшая цель Евразийского проекта России на цивилизационном уровне»⁴⁸.

4. В отличие от классического евразийства неоевразийство ориентируется на стратегические парадигмы развития России, носителями которых оно считает консервативные ведомства — Минобороны, спецслужбы, структуры ВПК, которые не могут функционировать без стратегических ориентиров (эти ориентиры не могут меняться в зависимости от смены политического руководства). Например, со стратегической точки зрения главным потенциальным противником России-Евразии сегодня, в перспективе и в прошлом является Запад, блок НАТО во главе с США.

5. Современную глобализацию неоевразийство считает исключительно «атлантистской», которая по существу является партикулярной, нацеленной на экстраполяцию и распространение на все регионы мира единственной западной либеральной, в первую очередь американской, культуры. Нынешняя глобализация — униформное навязывание всем народам земли частной социально-экономической парадигмы, связанной с западной, а еще точнее, с американской цивилизационной моделью, «которая далеко ушла от своей исторической колыбели». Партикулярная однополярная американоцентричная глобализация — это новейшая форма мягкого тоталитаризма, своего рода бархатный «либеральный нацизм». Единственным адекватным ответом на нее будет организация планетарного и глобального сопротивления, основанного на стратегическом альянсе дифференцированных полюсов. Партикуляр-

ной или однополярной глобализации неоевразийцы противопоставляют глобализацию «соборную», альтернативную, «евразийскую» глобализацию, признающую равноценность различных культур.

6. Историческую парадигму неоевразийства А. Дугин определяет как «национал-большевистский метод». Особый упор при этом делается на непрерывность русской истории и преемственность цивилизационных архетипов и основополагающих векторов, которые следуют в первую очередь пространственной, территориальной логике. Важнейшим компонентом такого подхода является экономическая консолидация Евразии в первую очередь через реинтеграцию стран СНГ и всего евразийского материка. В этой связи одним из важнейших геополитических требований для России является «собрание империи».

«Как бы мы ни относились к “социализму”, СССР, Восточному блоку, странам Варшавского Договора и т.д., — пишет А. Дугин, — как бы ни оценивали политическую и культурную реальность одной из двух сверхдержав, с геополитической точки зрения существование Восточного блока было однозначно позитивным фактором для возможного евразийского объединения, для континентальной интеграции и суверенитета нашего Большого Пространства... Воссоединение евразийских территорий под покровительством России как “Оси Истории” сегодня сопряжено с определенными трудностями, но они ничтожны перед лицом тех катастроф, которые с неизбежностью грядут в том случае, если это “собрание Империи” не начнется немедленно»⁴⁹.

7. По вопросам внутреннего устройства России неоевразийство придерживается концепции евразийского федерализма, субъектами которого, однако, являются народы, а не территории (как в современной России).

8. С конфессиональной точки зрения неоевразийство приветствует равноправие и союз различных религиозных традиций, в первую очередь православия, ислама и иудаизма.

9. В национально-расовом смысле неоевразийство считает наиболее плодотворным, имеющим мессианское измерение альянс славян с тюркско-угорским этносом, который сформировал своеобразие великорусского этноса и заложил основу уникальной евразийской цивилизации и евразийской культуры. Таким образом, неоевразийцы акцентируют, в первую очередь, историческое значение даже не татаро-монгол, а тюркского каганата. Древние тюрки, представлявшие собой суперэтнос, и были первоначальными носителями евразийской идеи. Более того, древняя тюркская идея этнической и религиозной терпимости якобы и была осмыслена в России как идея русской соборности⁵⁰. Евразийцы подчеркивают радикальное отличие Московской Руси в этническом и культурно-социальном плане как от остальных славянских образований,

так и от Киевской Руси, которая «оставалась обычным провинциальным восточноевропейским государством без каких-то особых евразийских геополитических черт... Киев в русской истории был столицей национального государства восточных славян. Киевская Русь в целом вписывалась в разряд обычных восточноевропейских государств, находящихся на периферии Византийской империи. Поэтому киевоцентризм в русской истории — вплоть до настоящего времени — играет символическую роль национально-славянского, восточноевропейского принципа. Это столица Малороссии не только в этническом, но и в геополитическом значении. Киев символизирует русскую идею в ее малом, довольно скромном выражении.

Москва — столица радикально иного государства. Это государство уже не только восточноевропейское, но евразийское, не просто славянское, но тюрко-славянское, не просто лесное или речное, но — лесостепное. В Московской Руси центральным этносом становятся именно великороссы, в нем славянский элемент тесно перемешан с татарским, тюркским. Здесь национальная идея достигает своего подлинного величия, универсализма, планетарного масштаба. Москва — столица Великороссии, континентального геополитического образования, наделенного географической, стратегической, политического и религиозной миссией вселенского объема. Это уже зародыш мировой державы⁵¹.

10. Наиболее ценным из наследия евразийской мысли 1920-х годов А. Дугин считает именно противопоставление России Западу. «Все исторические евразийцы были принципиальными противниками Запада («романо-германского мира»), сторонниками «идеократии», убежденными русскими империалистами, с симпатией относившимися к сталинской геополитической экспансии». И далее: «Евразийство рассматривает западную культуру как форму предельного духовного вырождения. Оно стремится к перенесению внимания русских на Восток и к диалогу с Востоком, сохранившим духовный уклад в быту, культуре, религии. Гуманизм совершенно чужд этому течению»⁵². Эта же мысль еще резче у И. Алиева: «...У независимых государств по большому счету лишь два пути: либо сплотиться в новый Евразийский союз и быть самодостаточным и подлинно независимым от остального мира, либо в недалеком будущем безоговорочно и униженно обслуживать неумные сырьевые амбиции Запада»⁵³.

Неоевразийство, конечно, не является монолитным движением. Более того, его различные представители ожесточенно борются друг с другом, яростно отстаивая свое первородство.

Для главной оппозиционной партии — КПРФ — Евразия означает СССР. Поэтому восстановление «евразийской твердыни» тождественно восстановлению Советского Союза. При этом Г. Зюганова и его со-

ратников нимало не смущают антикоммунистические положения и классического евразийства, и неоевразийства. Особенно ценят они в этом учении антиамериканизм, оппозиционность прозападному курсу «антинародного режима».

А. Дугин и другие создатели движения «Евразия», в мае 2002 г. ставшего политической партией, напротив, считают евразийские идеи полностью соответствующими курсу и взглядам В. Путина. А. Дугин так и пишет:

«Важнейшей вехой в истории неоевразийского мировоззрения в России стал приход к власти Владимира Владимировича Путина. Здесь те евразийские тенденции, которые давно отчаянно стучались в дверь российской власти, как по мановению волшебной палочки, получили санкцию со стороны власти. За время нахождения у власти Путина зеленый свет получили практически все евразийские инициативы... Постепенно стало очевидным, что нынешнее российское руководство однозначно, хотя и не резко, без рывков (как положено осмотрительным и ответственным политикам), переходит на евразийские позиции.

Подтверждением адекватности нашей оценки эволюции российской власти в евразийском направлении было программное заявление Путина в Брунее на съезде глав стран Тихоокеанского региона. В своем эксклюзивном интервью для интернетовского сайта <strana.ru> Владимир Владимирович сделал четкое, однозначное заявление: «Россия является евроазиатской страной». Для тех людей, которые понимают смысл сказанного, это не просто географическая констатация или ничего не значащее проходное утверждение Президента. В этой фразе содержится целая программа. И мы — знатоки евразийства, разработчики неоевразийского проекта — прекрасно понимаем, что из этого следует»⁵⁴.

Поскольку курс нынешней власти, по мнению А. Дугина, полностью соответствует взглядам неоевразийцев, последние переходят на позиции политического централизма.

«Многие сегодня поддерживают Президента с оговорками. Мы поддерживаем его радикально. Поэтому мы определяем нашу позицию как радикальный центр... Мы поддерживаем Президента сознательно, созидательно, активно. Мы поддерживаем его как евразийского лидера и стремимся не просто заявить об этом, но делегировать колоссальные наработки евразийской философии, евразийской стратегии, евразийского методологического аппарата (в том числе и научного) нынешнему руководству страны. Мы готовы теснейшим образом и в любых формах сотрудничать с ним для того, чтобы помочь судьбоносному явлению, которыми являются евразийские реформы Владимира Путина»⁵⁵.

Манифест нового движения называется весьма амбициозно: «Евразия — превыше всего» и, по всей вероятности намеренно, по замыслу

авторов навевает прямые исторические аналогии. Помимо известных и уже изложенных положений этот документ содержит внешнеполитический раздел, в котором провозглашаются следующие цели: воссоздание на основе СНГ Евразийского союза (аналога СССР на новой идейной, экономической и административной основе); распространение интеграции на весь континент — страны оси Москва—Тегеран—Дели—Пекин; выход России к теплым морям; в отношении Запада приоритетное сотрудничество со странами Европы, которая не является более олицетворением «мирового зла» (сейчас эту функцию выполняют США); активное сотрудничество со странами АТР, в первую очередь с Японией; противодействие американской глобализации⁵⁶.

Эти идеи развиваются в программе движения «Евразия». «У России есть либо евразийское будущее, либо никакого», — говорится в этом документе. Историческая миссия России — воспрепятствовать становлению «нового мирового порядка» и выдвинуть ему глобальную альтернативу. Намечены и этапы решения этой задачи.

Первый этап евразийской интеграции — «постсоветский» — воссоединение стран СНГ.

Второй этап — «континентальный» — создание стратегического союза с евразийскими государствами, заинтересованными в создании альтернативы единоличному господству США. Это арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки, Иран, Индия, Китай и др.

Третий этап — нейтрализация Европы и Японии как важнейших стратегических «береговых зон», вывод их из-под контроля США и последующее включение в Евразийский Проект. В таком объеме Евразия будет оказывать решающее влияние на общепланетарные процессы. Это будет союз России, Европы (в первую очередь Германии и Франции), Китая и Индии против «заокеанских оккупантов»⁵⁷. В манифесте «Евразия превыше всего», правда, жестко заклеены весь Запад как «безбожный и эгоистический нарост на человечестве, претендующий на материальное и духовное господство». Следовательно, союз с Европой, надо полагать, у неоевразийцев лишь временный, необходимый для сокрушения США.

Несмотря на желание служить «евразийцу» Путину, программные документы движения «Евразия» содержат довольно прозрачную угрозу в отношении власти: «Власти следует прислушаться к голосу Евразии. Это не робкое блеяние искусственных экранных или диванных партий. Это могучий радикальный зов почвы, голос поколений, рев глубин нашего духа и нашей крови». Есть там и суровое предупреждение, обращенное к народу: «Впереди бесчисленные жертвы, лишения и страдания, но впереди также радость и великая цель»⁵⁸. «Сверхзадача само-

го исторического существования России, — говорится в программе, — приобретает отчетливые формы и сводится к исполнению ясно сформулированной геополитической миссии. Геополитическое и цивилизационное измерение должно быть мерилом и критерием всех остальных сфер развития России — экономической, социальной, культурной, политической и т.д. Если удастся в ближайшее время отстоять эту миссию, заложить основы глобальной евразийской альтернативы «новому мировому порядку», все остальные уровни будут постепенно развиваться, нормализовываться, приводиться к оптимальным условиям. Но на первых этапах все должно быть подчинено исключительно центральной геополитической задаче. При этом следует учитывать, что даже относительно эффективное развитие экономического, социального, культурного или политического сектора России в отрыве от реализации главного геополитического цивилизационного проекта (или в ущерб ему) в средней и далекой перспективе не принесет никаких положительных результатов и только отложит на небольшой срок финальную катастрофу, которую с неизбежностью несет России установление «нового мирового порядка»⁵⁹.

Желание «насолить» американцам у евразийцев столь сильно, что они готовы это сделать в ущерб интересам России:

«Больше всего США боятся пролиферации Россией ядерного вооружения. Особенно в отношении тех государств, которые отказываются слепо подчиняться американскому геополитическому и геоэкономическому диктату. Следовательно, именно это нам и надо делать»⁶⁰.

В заключение еще две цитаты из А. Дугина.

«Россия родилась как нечто обреченное на величие, страстно этого величия жаждущее. Мы шли к этому, мы этого достигли и пошли еще дальше. Наш национальный идеал возрастал от гордых, трудолюбивых и мирных белокурых славянских племен до солнечной Киевской государственности, до угрюмо-святой непоколебимой торжественно-континентальной Москвы, до бюрократического, но совсем русского, но пространственно безудержного петербургского периода, до высшей советской формы общечеловеческой, мировой державы, где русский идеал справедливости, общинности, братства и счастья распростерся до масштабов планеты, вышел за ее пределы»⁶¹.

«Да, сегодня мы пьем полынь поражения, на наших губах боль, они слегка дрожат. В наших глазах скорбь, недоумение, потерянности. Но в наших сердцах — тайный свет, в наших снах — Великая Русь, в нашей крови воют мертвые, породившие нас, завещавшие нам огромные пространства, которые должны стать еще огромней, пока не заслонят Солнце и Луну, и звездное небо над нами, и «нравственный закон в нас». Нравственна только Родина, нет такой цены, которую жалко заплатить за ее величие. Хоть душу... Если Россия не будет великой, ее не будет вообще. Величие — наша великоросская сущность.

Но тогда пусть лучше ничего не будет. Без России мировая история невысказана. Тогда пусть кончается мир»⁶².

Комментарии здесь излишни.

Еще одним носителем евразийства являлась так называемая Евразийская партия Абдулвахеда Ниязова, ранее создавшего в Государственной Думе межфракционное депутатское объединение «Евразия». От дугинского движения эта партия отличалась еще более радикальной антиамериканской и антизападной идеологией. Поскольку ось Москва—Дели—Пекин оказалась нежизнеспособной (по причине «несамостоятельности» Индии и КНР), упор предлагалось сделать на стратегический союз России и исламского мира. Такой союз предполагал в первую очередь выстраивание оси Москва—Астана—Душанбе—Тегеран—Багдад с перспективой присоединения Кабула (данный концепт создавался до военных операций США в Афганистане и Ираке) и ряда арабских столиц⁶³. Для начала же предлагалось объединить Россию, Беларусь, Казахстан, Среднюю Азию, Закавказье и Монголию⁶⁴.

В отличие от «дугинцев», «ниязовцы» не различают США и Европу. «Мы не Европа», — торжественно провозглашают они. С другой стороны, члены Евразийской партии не проявляют такой откровенной сервильности в отношении к власти и лично к В. В. Путину, какой отличаются создатели движения «Евразия». Кроме того, если последние делают ставку на православие (более конкретно — на старообрядчество), то Евразийская партия призывает власть опереться на радикальный ислам. Евразийская партия намерена выдвинуть иск к КПРФ за «человеконенавистническую» национальную политику. Весьма агрессивно «ниязовцы» настроены и против «дугинцев». А. Федулов, заместитель председателя депутатского объединения «Евразия» заявляет: «Когда Дугин называет себя евразийцем, он похож на отступившего от веры, но называющего себя верующим человеком»⁶⁵.

На «интеллектуальном» фланге евразийства стоял и такой самобытный русский философ, как А. Панарин, связывавший возрождение евразийства прежде всего с распадом СССР:

«...Вслед за крушением СССР произошла резкая архаизация всего евразийского пространства: наружу вырвались старые демоны этноцентризма, национализма и сепаратизма, вспыхнули военные конфликты, поднял голову религиозный фундаментализм, на “южном подбрюшье” бывшего СССР стали возникать режимы, весьма напоминающие старые восточные деспотии. Мир гарантированных границ, закрепленных международными соглашениями, внезапно сменился миром, не имеющим территориально-правовых гарантий. Его пространство несет явные черты варварской кочевой динамики, дионисийской стихии, грозящей затопить все границы, сделать проблематичными международные политико-правовые, цивилизационные нормы»⁶⁶.

России «необходимо понять, — считает А. Панарин, — что она не может самовластно, по произволу каких-либо элит, перейти из разряда континентальных держав — участников Хартленда — в разряд океанических, относящихся к Римленду. Здесь самые горячие намерения, касающиеся возвращения в Европу или послушного следования Америке, помочь не смогут». «У евразийского пространства, — продолжает он, — есть своя геополитическая логика, которую невозможно игнорировать. Европеизация в одиночку означает разрыв с внутренним Востоком и в качестве ответа неизбежно провоцирует демонов фундаментализма».

Вне системы единого организованного пространства Евразии ни одно из государств СНГ не в состоянии отстоять свою целостность. Вызов Азербайджану со стороны Карабаха, Грузии — со стороны Абхазии, Молдове — со стороны Приднестровской Республики, Татарстану — со стороны фундаменталистов — список можно продолжать вплоть до полного перечисления всех республик СНГ, включая Россию. В этом контексте у русского народа в Евразии особая миссия: «... динамика русской нации в Евразии в большей степени, чем у всех остальных, с самого начала имела своим источником эту межэтническую социокультурную гетерогенность, сплавленную “идеей”»⁶⁷.

А поскольку идея коммунизма, а ранее русского православия, рухнула, то «стратегия евразийского строительства в постмодернистскую эпоху состоит в том, чтобы своевременно подготовить замену обещанного новояза социалистического интернационализма языком, востребовавшим великие письменные традиции цивилизаций Евразии»⁶⁸.

Еще одна идея евразийства, опирающаяся на классическое евразийское наследие, — это идея общности судьбы всех народов, населяющих просторы Евразии.

«В евразийском братстве, — писал Н. Трубецкой, — народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности исторических судеб»⁶⁹.

И сегодня, по мнению А. Панарина, ко всем обитателям постсоветского пространства, испытавшим тяготы хозяйственного развала и ужасы межэтнической вражды, расстающимися с иллюзиями в отношении помощи и солидарности дальнего зарубежья, постепенно возвращается спасительная цивилизационная интуиция — чувство евразийской идентичности и общности народных судеб». Не хватает «малого» — «мощной мобилизующей надэтнической идеи, в которой лежало бы разрешение проблемы евразийской идентичности...»⁷⁰.

У России особое геополитическое сознание, характеризующееся «особым чувством ответственности за наследуемое в течение веков евразийское пространство». Именно это сознание и пугает Запад: «В гла-

зах западных геополитиков угроза со стороны России связана с тем, что она является носителем евразийского монолита, геополитическая масса которого во много раз превышает разрозненную массу океанических государств»⁷¹. Именно поэтому Запад и выступает за «геополитический плюрализм» на просторах Евразии, за отказ России от собственного геополитического проекта. Так, З. Бжезинский утверждает:

«Для Запада важно убедить Россию переосмыслить свою роль в Евразии. Для облегчения процесса исторической трансформации России в европейское государство необходимо поддерживать политические консолидации бывших советских республик, особенно Украины, Грузии, Азербайджана и Узбекистана»⁷².

В связи с этим неоевразийцы настаивают:

«... мы вправе заявить, что контроль над Евразией — это контроль над историей... Россия является по сути естественным барьером для глобалистских охотников пустить мировую историю вспять, что возлагает на нее чуть ли не мессианские функции...»⁷³.

Таким образом, в настоящий момент в России существует несколько вариантов евразийства, которые используются в программных документах самых различных политических сил — от непримиримо оппозиционных, до откровенно «пропрезидентских». (Кстати говоря, существует и либеральное евразийство, черпающее свое вдохновение в утопических идеях позднего А. Сахарова и геополитических проектах Н. Назарбаева.) Все они весьма далеко ушли от того, что задумывалось П. Савицким, Л. Карсавиным и Н. Трубецким.

Можно сказать, что возрождение евразийства в России состоялось. Однако оно состоялось именно в той форме, которая была особенно чужда философии классического евразийства. При этом оно подверглось политической радикализации. В то же время сколько-нибудь значительным явлением интеллектуальной жизни в России евразийство не стало. В оценке политической роли неоевразийства можно согласиться с немецким историком Л. Люксом:

«Слабость нового евразийства в том, что оно так и не сумело добиться широкого признания. Речь идет лишь об отдельных элитарных кружках — совершенно так же, как это было в 20-е–30-е годы. Для русских националистов евразийская идея чересчур абстрактна, то же можно сказать и о большинстве интеллигентов в исламских республиках бывшего СССР. При всей своей оригинальности программа евразийства, судя по всему, вновь обречена на провал»⁷⁴.

Национальная идея или очередная химера?

Один из основателей классического евразийства Г. В. Флоровский, подвергший его впоследствии резкой критике, выразился очень точно:

«В грезах евразийства маленькая правда сочетается с великим самообманом. Нельзя замалчивать евразийскую правду. Но нужно сразу и прямо сказать — это правда вопросов, не правда ответов, правда проблем, а не решений»⁷⁵.

В чем же правда евразийства?

Во-первых, оно стремится вернуть России национальное достоинство, избавить ее граждан от комплексов неполноценности, сложившихся в результате катастрофического понижения мирового статуса страны (в результате распада СССР, падения экономики и уровня жизни в ходе непродуманных реформ).

Во-вторых, оно является предупреждением против односторонней ориентации во внешней политике — будь то в направлении Запада или Востока. Российская политика должна быть пророссийской, а не проамериканской или, к примеру, прокитайской.

В-третьих, оно отстаивает идею равноправия различных культур, цивилизаций, конфессий и наций, что чрезвычайно важно в нашем взбудораженном мире; при этом евразийство высоко ценит и акцентирует толерантность в межнациональных, межрелигиозных и межкультурных отношениях.

В-четвертых, неоевразийство справедливо выступает против несправедливой модели глобализации, ставящей большинство стран в положение «догоняющего развития»; оно ратует за то, чтобы плодами глобализации могли пользоваться все народы, а не только «золотой миллиард».

В-пятых, евразийское течение разделяет общую позицию культуро-центричной критики техногенной цивилизации с ее неоязыческими культурами Машины и Тела, а также неоязыческой идеологии «потребительского общества», заложником которых стали сегодня США.

В-шестых, евразийство стимулирует плодотворное обсуждение идеи интеграции евразийского пространства.

Классическими евразийцами была сделана попытка, во многом удачная, преодолеть противостояние западников и славянофилов. Они искали и в ряде случаев находили «серединную позицию». Евразийское учение было заметным этапом в развитии русской философии истории и сыграло свою роль в поисках ответов на вопросы о смысле и конце истории, о месте России в мировом процессе, об исторической роли русского народа. Евразийство было практически первым постреволюционным движением русского зарубежья, покончившим с иллюзиями белого движения, его надеждами на возрождение Российской империи.

В конце концов, как справедливо замечал А. Панарин, дело не в самом евразийстве, а в том, какие оно поднимает реальные темы, актуальные для нашего сознания.

Первая тема — это целостность постсоветского пространства. Ибо «тайна постсоветской целостности и тайна собственно российской целостности — это одна и та же тайна». И когда раскалывается Большая Россия, то не видно предела, за которым этот раскол останавливается и возникает Россия как стабильный остров. Там же, откуда Россия уходит, как правило, наступает «война всех против всех».

Вторая тема — тема национальной идентичности.

Третья тема — тема постиндустриализма. Надо ли России повторять путь Запада и вечно жить в режиме «догоняющего развития»? Или постиндустриальная эпоха открывает ей другие возможности? Если постиндустриальная эпоха, как многие полагают, является эпохой не техногенной, не экономикоцентричной, а постэкономической, то какое место может занять в ней Россия? И не в этом ли смысл известного высказывания Л. Гумилева, который говорил: «Если Россия спасется, то только как евразийская держава и только через евразийство»?

«Великий самообман» евразийства состоит в его необоснованной претензии стать новой национальной идеей России, новой идеологией.

Прежде всего евразийство, коль скоро оно предполагает новый изоляционизм, полностью выпадает из мировых процессов глобализации, которая, конечно, не сводится только лишь к атлантизации. Глобализация включает в себя как минимум три важнейших компонента — демократизацию, экономизацию и информатизацию. Причем эти три компонента тесно связаны друг с другом. Если демократизацию с большой натяжкой и можно отнести к наступлению атлантической цивилизации на пространство Евразии (хотя это весьма спорный вопрос), то уж экономизацию, т.е. создание глобального экономического, рыночного пространства, и информационную революцию, т.е. создание единого информационного пространства, следует отнести к числу объективных глобальных процессов, которым необходимо дать соответствующую взвешенную и спокойную оценку. А главное — определить в этих процессах роль и место России.

Но если это так, то евразийство превращается в концепцию некоего современного эскапизма, при котором, вместо того чтобы активно участвовать в мировых процессах, Россия будет пытаться прятаться от них (что не только ошибочно, но и невозможно в принципе). Сегодня очевидно как никогда: время локальных цивилизаций (даже если Россия и была таковой) прошло. Россия не справится с цивилизацией своего, тем более окружающего, пространства, не говоря уже о пространстве евроазиатского региона, своими силами, не включившись в полной мере в общий цивилизационный процесс. В изоляции, особенно добровольной, освященной идеологией «особого» («третьего») пути к «самодостаточ-

ности», ее так называемая «евразийская миссия» станет обузой для ее собственного развития.

В более широком, философском плане оказывается, что современные версии евразийства противоречат евразийству классическому, стержнем которого провозглашался православный замысел русской истории. Именно православные, христианские ценности являются идеологической опорой классического евразийства. Но ведь эти ценности носят универсальный характер. Они не различают «ни эллина, ни иудея». Это миропасительный и мироустроительный замысел, который и спасение, и устройство на земле обещает всем. Евразийство же выделяет из земной Ойкумены относительно замкнутое пространство и в нем предлагает обустроиваться и спасаться.

Народы вместе держит не сила, а идея. У дореволюционной России была имперская идея, которая работала несколько столетий, а в XX в. работать перестала. У большевиков была идея интернационализма, которая 73 года оправдывала проживание в одном государстве разных народов. У евразийцев такой идеи нет, кроме этатизма. Мы видели, как происходило безыдейное восстановление пространства в Югославии: балканские «государственники» не только сгубили несчетное количество жизней, но и пришли к чудовищной религиозно-этнической чересполосице. Нужны универсалии евразийской культуры, перед лицом которых национальные, религиозные и политические противопоставления отошли бы на второй план. Вопрос о таких универсалиях и представляет главную трудность евразийского проекта. Основоположники классического евразийства хорошо это понимали. Вот, например, что написал по этому поводу Н. Трубецкой:

«Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и притом существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место. И нужно, чтобы это сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов». И далее следует пророческая мысль: «...Только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части, к величайшему несчастью и страданию всех ее частей»⁷⁶.

Когда-то Чаадаев сетовал, что Россия находится вне истории, что она не более чем географическое понятие. Тогда это казалось многим верхом национального самоуничижения. Евразийцы же обратили этот «географизм» в национальную добродетель, объявив большевистскую

Россию полной и абсолютной наследницей татаро-монгольской империи, апеллируя в том числе к фактору пространства: те же размеры, те же кочевые просторы. Тогда представлялось, что Россия вырвалась за пределы истории (знаменитое «клячу истории загоним»). Татарское нашествие евразийцы считали великой удачей русского народа именно потому, что благодаря нескольким столетиям рабства на территории бывшей татаро-монгольской империи возникло могучее военное государство, ни во что не ставившее жизнь и свободу своих подданных, зато очень влиятельное в мире. Именно внешнюю мощь государства, а не духовное развитие народа евразийцы поставили во главу угла.

Вообще, евразийство — это всего лишь организация определенного пространства, а не мироустроительный проект. А потому оно не может быть проектом истории. Но если нет исторического проекта, создающего образ будущего, то нет и универсалий (назовите их хоть евразийскими), которые будут способны скреплять это пространство. Ибо идея держать пространство Евразии лишь во имя самого этого пространства не может вдохновить ни один народ, в том числе и русский, который держал это пространство именно как мироустроительное и мироспасительное, как пространство универсального исторического проекта.

С этих позиций, вслед за Н. Бердяевым, евразийство как идею организации пространства ради пространства следует охарактеризовать как антихристианскую, как своего рода неоязычество. Избирательность спасения — это идея языческая.

К тому же неясно, почему неоевразийцы столь уверены в том, что именно Россия будет основным организатором евразийского пространства. Ведь на эту роль — при дальнейшем ослаблении России — сегодня могут претендовать и другие страны — КНР, ЕС и даже США⁷⁷. А Панарин в этой связи задает справедливый вопрос:

«...Является ли Россия главным или даже единственным носителем евразийского монолита или, может быть, устранение ее в этом качестве повлечет за собой появление других претендентов, способных повести себя значительно менее предсказуемо? Если Евразия — монолит по существу, то вряд ли корректно связывать бытие этого монолита с одной только Россией: евразийская сущность может проявить себя и в иных формах, что доказано прошлым историческим опытом (в частности, татаро-монгольской мировой империей). Сегодня претендентом на эту роль на Западе может стать Германия, а на Востоке — исламский фундаментализм, а в скором времени Китай... Фундаментализм русской идеи — энергетика русификации единого евразийского пространства. Когда эта идея терпит фиаско, о себе заявляет альтернативный тип восточного фундаментализма — энергетикой монголизации, исламизации, а вскоре, может быть, китаизации евразийского пространства»⁷⁸.

Евразийцы противопоставили логику пространства логике времени: все изменения в истории ничего не значат, все определяется местом развития. Однако категория пространства, уже в конце XX в. серьезно потесненная категорией времени, постепенно становится анахронизмом. Современную экономику определяют не расстояния, а скорость передачи информации и финансовых операций. Новые технологии и инновации мгновенно становятся достоянием мирового сообщества, где бы они ни родились.

Неоевразийство особенно гордится своей геополитикой. При этом оно ни слова не говорит о геоэкономике, которая, собственно, и взламывает представления о замкнутых пространствах.

Если евразийство претендует на роль идеологии, оно должно ответить на вопрос, в чем заключается сверхзадача, которую предполагается решать с помощью удержания и организации пространства Евразии. Оно не может быть только средством. Идеология не может быть самоцелью. Где в неоевразийской философии человек? Где его интересы? Где интересы его семьи? Философия неоевразийства не отвечает на эти вопросы.

Отцы-основатели евразийства резко критиковали Петра Первого за то, что тот рассматривал русский народ как некий «русский материал», из которого он хотел создать империю европейского типа. Не является ли неоевразийство аналогичной попыткой? Другими словами, попыткой взять «русский материал» и создать из него новую империю с неясными целями?

Не вполне очевидной представляется и возможность гарантировать безопасность Евразии вне контекста безопасности глобальной. Если упрямо настаивать на безопасности лишь евразийского пространства, не занимаясь безопасностью глобальной, можно лишь увеличить конфликтность современного мира. События 11 сентября 2001 г. сделали предельно ясной для всех взаимозависимость и уязвимость современного мира, абсурдность самой идеи о том, будто кому-то можно отсидеться в стороне от глобального вызова со стороны транснационального терроризма. Эти события убедительно показали, что безопасности замкнутых пространств более не существует.

Наконец, остается неясным и вопрос о том, что такое Евразия в географическом смысле этого слова. Каждый евразиец понимает это по-разному. Одни считают Евразию пространством бывшей Российской империи. Другие — пространством бывшего СССР. Если же признать предшественницей евразийской цивилизации Золотую Орду, то пространство Евразии еще больше увеличивается. А если признать исторической предтечей Евразии империю Чингизидов? Тогда в состав Евразии придется включить значительную часть Китая, Индии, Ирана и т.д.

Конец идеологии евразийства

После создания двух евразийских партий, фракции «Евразия» в Государственной Думе, попыток неоевразийцев возвести евразийство в ранг национальной идеи оно было подвергнуто критике уже современными политиками и экспертами, причем представителями самых различных философско-политических ориентаций и убеждений.

Нам интересны три категории современного политического спектра: **умеренный русский национализм, умеренный национализм малых коренных народов и умеренное российское западничество**. Дело в том, что неоевразийство претендует на то, чтобы заполнить собой в первую очередь эти три интеллектуальных и политических спектра.

Среди представителей первой категории, активно критикующих неоевразийцев, выделяется философ В. Аксюциц. По его мнению, «в своих духовных исканиях евразийцы не смогли освободиться от мифотворчества: их сил хватило на то, чтобы отказаться от иллюзии «русского Запада», но взамен они строят миф «русского Востока». “Исход к Востоку” оказался исходом к новой утопии, по-прежнему направленной на разложение русской православной цивилизации». И далее: «Современные евразийцы могут достаточно далеко отходить от идей отцов-основателей, но для них не подлежит сомнению химера “Евразии”, вытравливающая реальную историческую память русского народа... Большинство современных евразийцев используют евразийство как осознанную альтернативу возрождению русского государствообразующего народа, а значит, для борьбы с возрождением российской культуры и государственности. Химера “Евразии” перекрывает путь к постижению православия как стержня русской культуры и истории»⁷⁹.

«Если исходить из исторических реалий, — полагает В. Аксюциц, — то понятие “Евразия” правомочно и полезно употреблять только для обозначения геополитического пространства, которое не может быть субъектом исторического действия. Таковым на евразийских пространствах является русский народ. В русский многонациональный народ через обряд православного крещения, через присоединение к русской культуре и русскому языку входило множество народов, народностей и отдельных представителей других народов. Русский народ всегда являлся государствообразующим, он создал русскую культуру и русскую православную цивилизацию. Вместе с тем русский народ строил не национальное государство, а огромную многонациональную империю, сохранившую все ее народы. Но только присоединение к русской культуре выводило российские народы к евразийским и мировым измерениям. Таковы исторические реальности. Никакого “евразийского народа” или “евразийской цивилизации” никогда не существовало; в лучшем случае они могут быть художественными образами, в худшем — разрушительными утопиями. Другое дело, что современное рос-

сийское государство в тех или иных формах может входить в блоки с различными государствами Евразийского континента и создавать “Евразийский союз” либо “евразийское сообщество”.

...Евразийцам присуща монголофилия, неоевразийцам — тюркофилия, т.е. преувеличение исторической роли нерусских народов России».

На самом же деле, считает В. Аксючиц,

«...подлинный жизненный интерес всех без исключения российских народов и всех элит состоит в национальном пробуждении русского народа — государствообразователя, являющегося стержнем российской нации. (Такая позиция, выражающая стремление к национальному согласию на евразийских просторах России, может называться и евразийством.)»⁸⁰

Само понятие евразийской цивилизации является мифом: «Где вы видели евразийский патриотизм, евразийское религиозное возрождение, евразийскую идентичность? Только в утопиях публицистов, которые спекулируют на невежестве элит, или в химерах политиков, которые пытаются на них въехать во власть». «Территориальная идентичность в евразийских концепциях отсутствует, ...утверждается, что существует некая евразийская цивилизация, хотя непонятно, какой язык является ее носителем, какую территорию занимает эта цивилизация, какова ее культурная типология». Такими же мифами являются категории «евразийского пространства» и «евразийской нации»: «По существу, современные апологеты евразийства являются сладкоголосыми гробовщиками русского народа — под аккомпанемент евразийской идеи»⁸¹.

Весьма интересно также мнение И. С. Шишкина, председателя Московского отделения Фонда Л. Н. Гумилева. Он полагает, что в последнее время за евразийством «начинает закрепляться репутация идеологии явно антирусской». Идея неоевразийцев о стирании этнических различий и формировании единой «евразийской нации» не только слишком напоминает идею большевиков о формировании «новой исторической общности — советского народа» (а также идею радикальных демократов о появлении «нации россиян»), но и в корне противоречит евразийскому и русскому принципу «единства в многообразии». Именно поэтому пропаганда концепции «евразийской нации» наносит вред прежде всего самому евразийству. «Наученные горьким опытом реализации “плавильного котла” в форме “советского народа”, русские справедливо увидели в этом очередную попытку дерусификации России».

В. Шишкин полагает,

что «игнорирование интересов русского народа... является пороком не евразийства, а современных его “идеологов”. К этому относится и тезис неоевразийцев о том, что пора перестать говорить о русских как о государствообразующей нации: мол, все народы России — государствообразующие. Признание

Глава 5. Евразийство: национальная идея или химера?

же таковыми только русских, мол, обижает другие народы. Так давайте же ради всеобщей дружбы будем считать государствообразующими всех. Это очень по-советски»⁸².

Теперь посмотрим, как к евразийству относятся идеологи нерусских этносов России, в первую очередь тюркского происхождения.

Бывший государственный советник Президента Татарстана историк Р. Хакимов, например, считает, «что только очень наивные люди могут рассуждать о якобы традиционном историческом «славяно-тюркском единстве». О нем можно говорить как о мечте, как о возможном будущем союзе, если, конечно, будут выработаны принципы такого союза». «Сердце евразийской идеологии, — полагает Хакимов, — православие, которое, по их представлениям (евразийцев), определяет весь строй духовной жизни. В их теории нет места человеку или народам. Идея евразийского государства является самодовлеющей, исчерпывающей, более того, требующей жертв со стороны человека. В этом обожествленном государстве нет места не только отдельному человеку, но и другой идеологии, другой партии, другому мнению»⁸³.

«Один из тезисов современных евразийцев — принцип единой, нераздельной судьбы всех народов России, — напоминает Р. Хакимов. — Он выглядит не как отражение общих ценностных ориентаций различных народов, а скорее как жесткое предписание для них ... как географический принцип, возведенный в ранг политической догмы. ...Вместо принципа единой судьбы было бы разумнее для начала провозгласить принцип отказа от применения насилия при решении межэтнических и других внутривнутриполитических проблем»⁸⁴.

Свой анализ евразийства Р. Хакимов завершает убийственным приговором:

«Современное евразийство представляет из себя конфликтогенную идеологию, ибо, не выдвигая общих ценностей для различных народов и стран, оно тем не менее говорит о восстановлении государства в старых границах... Таким образом, в лице евразийства мы имеем отнюдь не новую концепцию исторического примирения народов, а очень старую политику восстановления империи, охватывающую основную территорию государства Чингизидов»⁸⁵.

Выбор в пользу антизападного альянса России с исламскими экстремистами, подчеркивают другие критики неоевразийства, это выбор реставрации тоталитарного режима в России, выбор пушек вместо масла. Сторонникам нищей милитаристской России следует уяснить, что она не будет ни лидером, ни «первой среди равных» в мире исламских государств. Встав в их ряды, Россия останется чужой для них, сколько бы ни рассуждали о близости ислама и православия. «Союзники» так

же, как во времена Насера, Касема, Нимейри и Барре, будут требовать хлеба и оружия, военной, экономической, финансовой, дипломатической поддержки, причем бесплатно, используя в случае необходимости угрозы и шантаж⁸⁶.

Характерно, что в подлинных исламских кругах евразийские призывы не находят никакого отклика. В отличие от евразийцев, исламские идеологи хотят вообще отказаться от европейской компоненты и расширять ореол Азии, исламскую цивилизацию. Известный исламовед Г. Джемаль считает первой и последней Евразией империю А. Македонского, а все последующие «Евразии» — лишь пародией на нее:

«Чингисхан создал такую модель евразийской империи, столь милую сердцу некоторых наших патриотов, в которой “цветущая сложность” местечковых туземных традиций патронажно перекрывается единой централизованной системой абсолютно бездуховной и совершенно прагматичной бюрократии. ...Евразийская концепция, созданная в идеологических лабораториях ГПУ, есть не что иное, как воскрешение политической философии “панмонголизма” и чингизидства, способствующее установлению бюрократической тирании на территории России и соседствующих с ней сфер. Более того, евразийцы по существу обрекают Россию на то, чтобы стать “жандармом Евразии”, т.е. вести бесконечную пограничную войну против южных соседей, охранять военно-административными методами “великую сушу” от движений пассионарно-революционного порядка. Иными словами, современные евразийцы-геополитики оказываются исполнителями плана, исходящего с берегов ненавистной им Атлантики»⁸⁷.

В октябре 2001 г. Г. Джемаль рассказал на майской конференции «Евразийство — будущее России», что еще в карело-финском эпосе Евразия представлялась «страной гогов и магогов — разрушающих орд, ожидающих своего часа, чтобы рухнуть на мир и разнести его в клочья». Там же известный политик С. Бабурин сказал:

«Когда мне говорят, что евразийство — это диалог цивилизаций, я плююсь. Диалог может быть только между посторонними. Когда диалог в одной голове — это пиздофрения»⁸⁸.

Поразительно антизападничество современных евразийцев. Ведь то, что происходит сегодня в России, — это, конечно, никакая не вестернизация. Это лишь конвульсии старого государственного организма, пытающегося в распадае империи уцелеть и по-прежнему паразитировать на материальных богатствах огромного пространства. Поэтому и возникают идеологические обоснования сохранения этого пространства. Одним из них и является евразийство.

Евразия как субстрат российской государственности превращается в Азиопу, т.е. в «дурной синтез Востока и Запада» (термин А. Герцена).

Как писал немецкий политолог русского происхождения А. Игнатов, в критике европоцентризма «безусловно, содержатся позитивные моменты, выступающие коррективом к чрезмерным претензиям западноевропейского самосохранения, которое высокомерно и некритично отождествляет себя с человеческой природой вообще». Однако «восторг по поводу азиатских компонентов России означает в конечном счете принятие азиатского деспотизма и азиатского пренебрежения к человеку». В то же время восхваление татарского господства не выдерживает серьезной критики». «Особенно спорной, скорее даже несостоятельной, кажется связь православного символа веры с положительной оценкой азиатчины и монгольского господства над Россией»⁸⁹. И далее: «Евразийство дает фальшивое толкование русской истории, которое приводит и к фальшивой политической программе. Речь в первую очередь идет об идеализации и даже прославлении азиатского влияния, что означает “делать из нужды добродетель” и поддерживать в русском прошлом как раз то, что было губительным для развития России. Именно “полуазиатский” характер России препятствует восприятию западной политической культуры и движению к рыночной экономике»⁹⁰.

Желая стать Евразией, Россия стремительно возвращается на доисторический уровень. «Если же мы считаем, что Россия — страна, пребывающая в истории, — отмечал российский философ и писатель В. Кантор, — значит, она — в системе западноевропейских ценностей, западноевропейской парадигмы развития, родившей само понятие истории, если же Россия станет всего-навсего псевдонимом Евразии, то мы больше не будем иметь “ни дворянства, ни истории”, а носители духовной культуры и высших нравственных ценностей будут в очередной раз сметены кочевой стихией»⁹¹.

Европейская идентичность России

На наш взгляд, европейское измерение национальной идентичности России, особенно в культурном отношении, — это то, что не подлежит никакому сомнению и по поводу чего уже давно пора прекратить всякие споры.

Древнерусское государство формировалось как государство европейское в византийском варианте; византийская (восточнохристианская) культура — весьма оригинальная, неотъемлемая часть европейской цивилизации. И Московское царство, и Российская империя, и даже коммунистический СССР представляли собой часть Европы. Не теряя самобытности, не насилуя собственную природу, Россия должна занять подобающее ей место, которое она занимала с момента своего возникновения. Это, конечно, не отрицает того, что Россия имеет целый ряд

особенностей, отличающих ее от стран западнохристианской ветви европейской цивилизации.

Вопреки убеждениям (а вернее сказать, утверждениям) евразийцев, и допетровская Русь (Московия) ориентировалась именно на Европу. Назвав себя Третьим Римом, Русь заявила о своей европейской ориентации и намерении продолжать «дело Рима». Петровские реформы были продолжением этой линии, взятой московскими царями. Необходимость сближения с Европой была для них очевидна: при всех противоречиях Россия и Запад — две части единого христианского мира. Очевидной для них была и невозможность «растворения» России в Западе, и то, что Российская цивилизация имеет европейский культурно-исторический генотип. Это подтверждают своим поведением в реальной жизни и сами евразийцы: они учат своих детей не монгольским и тюркским языкам, а романо-германским, и семьи свои отправляют жить в Европу и Америку.

Европейские истоки русской культуры убедительно обосновали многие русские историки, философы и культурологи. Среди них особое место занимает выдающийся знаток культурного наследия России Д. Лихачев. Духовная европейская культура пришла на Русь из Византии и Болгарии, размышляет он в своей книге «Русская культура». А другая, языческая дружинно-княжеская военная культура пришла из Скандинавии. Через все гигантское многонациональное пространство Восточно-Европейской равнины протянулись токи двух крайне несхожих влияний, которые и возымели определяющее значение в создании культуры Руси. Юг и Север, а не Восток и Запад, Византия и Скандинавия, а не Азия и Европа. «Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, а не Евразией», — заключает он. Принадлежащие к *культуре России*, мы должны принадлежать *общечеловеческой культуре* через принадлежность к *культуре европейской*⁹².

До Петра Россия не была оторвана от Европы, а являлась ее важнейшей составной частью. Еще до татарского нашествия у России существовали интенсивные отношения со странами Южной и Северной Европы. Новгород входил в Ганзейский союз. В Новгороде был готский вымол, у голландцев в Новгороде имелась своя церковь. А еще до этого «путь из варяг в греки» в IX–XI вв. был главным путем торговли стран Балтики со странами Средиземноморья. С 1558 по 1581 г. русское государство владело Нарвой, куда, минуя Ревель и другие порты, приезжали для торговли не только англичане и голландцы, но и французы, шотландцы, немцы.

Совершил ли Петр I некий переворот в общих тенденциях русской культуры или его деяния шли в общем русле его развития? Д. Лихачев — сторонник последней точки зрения. Петр продолжил и ускорил то, что было заложено в русской культуре. Европеизация России началась до

Смутного времени, и Россия всегда была связана с другими европейскими странами. Петру не пришлось «прорубать окно» в Европу. Он открыл широкие двери главным образом на северо-запад Европы. Но и здесь он не произвел «открытия». Интерес к Англии начался еще в XVI в., при Иване Грозном, интерес к Голландии — еще при Алексее Михайловиче. Первоначально Петр вводил в России венгерское платье, но и это было не новшество. Интерес к Венгрии существовал на Руси еще в XI–XII вв.⁹³

Миссия России, настаивал Д. Лихачев, — это культурная миссия, а культурная миссия — это миссия европейская. Европейская культура, к которой относится и культура русская, полагал он, имеет три компонента: личностный характер, универсальность и восприимчивость к другим культурам, наконец, она основана на свободе творческого самовыражения личности. Причем все эти три основания европейской культуры представляют собой единый сплав и немислимы друг без друга. Стоит отнять одно, как разрушаются два остающихся. Отнимешь универсализм и будешь настаивать на превосходстве своей культуры — погибнет свобода. Отнимешь свободу — гибнет универсальность. Эту страшную опасность показали нацизм, фашизм (отняли универсализм и погубили свободу) и коммунизм (отнял свободу и погубил универсализм, а в конечном счете и национальную культуру)⁹⁴. В отличие от советской, все три основы европейской культуры присущи культуре русской.

Стоит также заметить, что понятие «русская интеллигенция» Д. Лихачев определял как европейскую образованность плюс интеллектуальную свободу. Именно это сочетание отличает интеллигента от «образованца» (термин А. Солженицына)⁹⁵.

Россия — никакая не Евразия. Ибо Запад от Востока отделяет разность культур, а не условная граница, проведенная по карте. Россия — несомненная Европа по религии и культуре. При этом в культуре ее не найти различий между западным Петербургом и восточным Владивостоком. Россия по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем различаются между собой Англия и Франция или Голландия и Швейцария. Миссия России определяется ее положением среди других народов, тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности⁹⁶. Россия служила гигантским связующим звеном между народами. Звеном прежде всего культурным.

Евразийский проект для России

Если в культурно-цивилизационном отношении Россия является европейской страной, частью Большой Европы, то в геополитическом плане ей не уйти от **евразийской миссии**. Если же всерьез говорить о

такой миссии, то думать надо на самом деле не о том, как отсидеться вдали от процессов глобализации в замкнутой Евразии (что предлагают отечественные неоевразийцы типа А. Дугина), а об активном включении в экономические интеграционные процессы, стремительно развивающиеся и в Европе, и в Азии, но пока без участия России. Нас не зовут в Евро-союз, на долю которого приходится 25% мирового ВВП. Россия не участвует на равноправной основе в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сообществе (АТЭС, или АПЕК), доля которого в мировом ВВП (с учетом США) — более 50%. Само собой разумеется, мы не участвуем и в Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА), доля которой — 28% мирового ВВП. Доля же всего СНГ — менее 3,5%, России в отдельности — 2,5%.

Между тем именно через эти три огромных региональных экономических объединения идет процесс экономической глобализации и консолидации мирового рынка. Таким образом, наше «евразийство» на практике осуществляется с точностью до наоборот: нас исключают и из Европы, и из Азии. Сами же создать хотя бы на постсоветском пространстве однородную экономическую зону мы оказались не в состоянии. Россию далеко не всегда зовут на регулярные встречи лидеров Европы и АТР, что является катастрофой для страны, называющей себя «великой евразийской державой». Ведь там обсуждаются амбициозные планы установления прямых внешнеэкономических связей между двумя крупнейшими региональными рынками.

Могут сказать, что Россия является членом «Группы восьми». Но там у нее по-прежнему нет равноправного статуса в ходе обсуждения вопросов глобальной экономики. И не потому, что такой статус ей не предоставляют по политическим соображениям, а потому, что Россия до этого статуса просто не дотягивает⁹⁷.

Особо следует отметить планы воссоздания Великого шелкового пути (ВШП), который через Центральную Азию должен напрямую связать АТР и в первую очередь динамично развивающуюся китайскую экономику и расширяющийся ЕС. По замыслу авторов этого плана, ВШП должен пройти в обход России по территориям Турции, Грузии, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана, Казахстана (или Киргизии). Рассматриваются варианты с участием Молдовы, Украины, Армении и Ирана.

Если этот план будет реализован, то очень скоро через сеть трубопроводов, железных и шоссейных дорог, авиационных маршрутов и электронных коммуникаций Центральная Азия, которая до сих пор имела выход на мировые рынки только через Россию, превратится в связующее звено между ЕС и АТР.

Строительство такой трансевразийской магистрали создаст новое, по существу глобальное геоэкономическое пространство. Если эта магистраль пойдет в обход России, то последняя буквально «выпадет» из него, что будет означать окончательную потерю статуса мировой державы. А с учетом того, что США имеют прочные экономические связи как с ЕС, так и с АТР, более того, занимают в каждом из этих региональных объединений весьма серьезные позиции, вопрос о гегемонии Америки, по крайней мере в XXI в., будет решен окончательно и бесповоротно. США и в самом деле станут евразийской державой номер 1.

Помешать такому развитию событий может лишь одно: крутой геоэкономический маневр. Суть его в том, что Россия своим экономическим развитием должна в XXI в. связать евроатлантический и азиатско-тихоокеанский рынки, тем самым достроив недостающее пока звено мировой экономической системы. При этом она должна стать не мостом (это нечто второстепенное и вспомогательное), а именно активно работающим связующим звеном между двумя главными регионами заворачивающей свое формирование мировой экономики. И на этот счет пока имеются все необходимые предпосылки: только Россия может сделать максимально эффективными и экономичными (т.е. относительно недорогими) наземные (через реконструкцию Транссиба в Трансевразийскую магистраль Дублин—Лондон—Париж—Москва—Токио), воздушные и электронные сообщения между расширяющимися вглубь и вширь евроатлантическим и азиатско-тихоокеанским рынками и получить благодаря этому колоссальный импульс для внутреннего развития. Как отмечал В. В. Путин:

«Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии. Правда, надо честно сказать, не всегда использовали это преимущество. Думаю, пришло время нам вместе со странами, входящими в Азиатско-Тихоокеанский регион, переходить от слов к делу — наращивать экономические, политические и другие связи. Все возможности для этого в сегодняшней России есть... Россия — своеобразный интеграционный узел, связывающий Азию, Европу и Америку»⁹⁸.

В этом и состоит Евразийский проект России XXI в., ее стратегия развития и, если угодно, экономическое измерение национальной (русской) идеи. Такая стратегия должна интегрировать экономическую, технологическую, промышленную, транспортную и информационную политику России, по крайней мере на протяжении жизни одного поколения.

Если Россия окажется в центре глобальных рыночных процессов, то это даст объективный импульс центристским тенденциям в

СНГ и превратит его в реальное содружество. Тогда все постсоветское пространство и в самом деле станет Евразией. В этом и состоит экономическая миссия России — завершить начатый много веков назад процесс освоения евразийских просторов, сделать «срединнную землю» (Хартленд) глобальной осью развития мирового рынка. Это, в свою очередь, позволит нам не только вернуться в число великих держав, но и поддерживать мировое равновесие в геополитическом смысле (как это было всегда), не только предотвратить острую борьбу за «евразийское наследство», но и обеспечить стабильность мирового порядка в XXI в.

Наконец, это позволит России осуществить ее глобальную демократическую миссию — замкнуть Северное Кольцо (Европа—Россия—Япония—Северная Америка). Тем самым Россия может внести решающий вклад в создание единого пространства развитых демократических стран, разделяющих ответственность за мировое развитие и мировую безопасность.

Примечания

- ¹ Данилевский Н. Россия и Европа. М., 1991. С. 50–51.
- ² Там же. С. 440.
- ³ Там же. С. 56–58.
- ⁴ Там же. С. 59–60.
- ⁵ Там же. С. 88, 109, 424.
- ⁶ Там же. С. 263, 469.
- ⁷ Там же. С. 265.
- ⁸ Трубецкой Н. Европа и человечество // Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 41–42, 62, 70–71.
- ⁹ Там же. С. 80–81.
- ¹⁰ Там же. С. 89–90.
- ¹¹ Савицкий П. Н. Евразийство // Евразийский временник. Берлин, 1925. Т. IV. С. 9.
- ¹² Там же. С. 10.
- ¹³ Там же. С. 11.
- ¹⁴ Там же. С. 12.
- ¹⁵ Трубецкой Н. С. Наш ответ // Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 391.
- ¹⁶ Там же. С. 337.
- ¹⁷ Там же. С. 500.
- ¹⁸ Трубецкой Н. С. Общеввропейский национализм // Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 501–505.
- ¹⁹ Там же. С. 505.
- ²⁰ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. VII.
- ²¹ Савицкий П. Н. Евразийство // Евразийский временник. Берлин, 1925. Т. IV. С. 16.
- ²² Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 408.
- ²³ Там же. С. 410.
- ²⁴ Там же. С. 499.
- ²⁵ Там же. С. 157.
- ²⁶ Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997.

- ²⁷ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 406-407.
- ²⁸ Luks L. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang. В. Jahrbucher für Geschichte Osteuropas, 34 (1986), 389.
- ²⁹ Вопросы философии. 1995. № 6. С. 20.
- ³⁰ Флоровский Г. В. Евразийский соблазн // Новый мир. 1991. № 1. С. 195, 205.
- ³¹ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 398-399.
- ³² Н. С. Трубецкой — П. Н. Савицкому. 1930. 8-10 дек. // Наследие евразийцев. М., 1997.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Н. С. Трубецкой — П. Н. Савицкому. 1933. 7 марта // Наследие евразийцев. М., 1997.
- ³⁵ Бердяев Н. А. Евразийцы. Панорама-Форум. Казань, 1997. № 1. С. 26.
- ³⁶ Там же. С. 27.
- ³⁷ Там же. С. 28.
- ³⁸ Там же. С. 28-29.
- ³⁹ Там же. С. 31.
- ⁴⁰ Там же. С. 30, 32.
- ⁴¹ Там же. С. 30.
- ⁴² Там же. С. 31, 32.
- ⁴³ Там же. С. 33.
- ⁴⁴ Дугин А. Г. Евразийский проект // Завтра. 1999. (142) № 34. С. 6.
- ⁴⁵ В 1980-е годы А. Дугин был увлечен фашизмом и исповедовал юдофобские взгляды. Затем он вступил в общество «Память», а через некоторое время — в национал-большевистскую партию Э. Лимонова. С приходом В. Путина он отмежевался от них и превратился в союзника радикальных еврейских организаций. В политсовет «Евразийской партии» входят люди из экстремистских сионистских организаций, которые на родине, в Израиле, прославились швырянием свинных голов на могилы палестинцев и призывали вышвырнуть вон чеченских детей, которых пригласили в Израиль на лечение. Главным соратником А. Дугина является верховный муфтий А. Таджуддин.
- ⁴⁶ Завтра. 1999. № 34. С. 6.
- ⁴⁷ Дугин А. Асимметрия // Завтра. 2000. № 27 (344).
- ⁴⁸ Программные документы движения «Евразия». М., 2001. С. 15.
- ⁴⁹ Дугин А. Г. Основы геополитики. М., 1997.
- ⁵⁰ Первый Тюркский каганат, возникший 1450 лет назад, утверждают неоевразийцы, стал первой евразийской империей, простиравшейся от Маньчжурии до Босфора, от верховьев Амударьи до великого Енисея. Затем был создан второй Тюркский каганат, а потом и Уйгурский каганат. В состав последнего входили и прибайкальские курылканы — предки народа саха. (Николаев М. Идея, объединяющая Россию // Независимая газета. 1995. 22 февраля.)
- ⁵¹ Дугин А. Г. Третья столица // Завтра. 2000. № 21 (338).
- ⁵² Завтра. 1999. № 34 (142). С. 6.
- ⁵³ Независимая газета. 1998. 20 марта.
- ⁵⁴ Дугин А. Г. Евразийство: От философии к политике // Независимая газета. 2001. 30 мая.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Евразия превыше всего. Манифест евразийского движения. М., 2001. С. 4.
- ⁵⁷ Программа движения «Евразия»: Программные документы. М., 2001. С. 6, 9, 11-12.
- ⁵⁸ Программные документы. С. 2, 4-5.
- ⁵⁹ Там же. С. 19.
- ⁶⁰ Дугин А. Основы геополитики. М., 2000.
- ⁶¹ Журнал «Плацдарм». 2001. Апрель.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Ниязов А. В. Евразийский контрглобализм — будущее России // Независимая газета. 2001. 3 февраля.
- ⁶⁴ Время Евразии. 2001. № 2. Октябрь.

- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ *Панарин А. С.* Россия в Евразии: Геополитические вызовы и цивилизационные от-
веты // Вопросы философии. 1995. С. 20.
- ⁶⁷ Там же. С. 21.
- ⁶⁸ Там же. С. 24.
- ⁶⁹ *Трубецкой Н. С.* Россия между Европой и Азией // Евразийский соблазн. М., 1993.
С. 97.
- ⁷⁰ *Панарин А. С.* Указ. соч. С. 22.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 2000. С. 142.
- ⁷³ *Плешаков А.* Евразия накануне больших маневров // Время Евразии. 2001. 2 октября.
- ⁷⁴ Вопросы философии. 1997. № 3. С. 68.
- ⁷⁵ *Флоровский Г. В.* Евразийский соблазн // Новый мир. 1991. № 1. С. 195.
- ⁷⁶ *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 502.
- ⁷⁷ См. об этом: *Пушкова А. К.* Америка — новая держава Евразии // Независимая га-
зета. 1997. 14 ноября.
- ⁷⁸ *Панарин А.* Указ. соч. С. 25, 26.
- ⁷⁹ *Аксюциц В.* Идеологический бульон из миражей и мифов // Независимая газета.
2002. 5 июня.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же
- ⁸² *Шишкин И.* Пятый пункт в неоевразийстве // Независимая газета. 2002. 5 июня.
- ⁸³ Панорама-Форум. 1997. № 1. С. 53.
- ⁸⁴ Там же. С. 54–55.
- ⁸⁵ Там же. С. 56.
- ⁸⁶ *Трифонов Е.* Россия всегда была частью Европы // Независимая газета. 1996. 23 апреля.
- ⁸⁷ *Джемаль Г.* Судьба понятий // Завтра. 2001. № 1815. 12 июня.
- ⁸⁸ Коммерсант. 2001. 1 ноября.
- ⁸⁹ Вопросы философии. 1999. № 8. С. 54.
- ⁹⁰ Там же. С. 63.
- ⁹¹ Вопросы философии. 1995. № 3. С. 48.
- ⁹² *Лихачев Д.* Русская культура. М., 2000. С. 18, 22.
- ⁹³ Там же. С. 71.
- ⁹⁴ Там же. С. 46.
- ⁹⁵ Там же. С. 103–105.
- ⁹⁶ Там же. С. 391.
- ⁹⁷ Подробнее об этом см.: *Рогов С.* Евразийский проект России // НГ-сценарии. 1996.
29 августа.
- ⁹⁸ <Strana.ru> 13.11.2000.

В России сегодня лишь складываются государственность, понимание целей и перспектив развития, своих места и роли в современном мире. Процесс этот еще далек от завершения. На этом фоне в последнее время в России неожиданно для многих оживилась дискуссия о ее возможном имперском будущем, которая не прекращается с момента распада СССР. В последние годы в политических и экспертных кругах на эту тему идут по крайней мере четыре дискуссии: вокруг изданной в начале июля 2006 г. книги Е. Гайдара «Гибель Империи. Уроки для современной России»¹, книги-эссе А. Проханова «Симфония “Пятой Империи”»², коллективной монографии «Русская доктрина»³, в электронных ресурсах АПН⁴.

Многие серьезные историки и философы (В. Махнач, Д. Володин, Б. Межуев и др.) поставили эту старую тему как бы в новом ракурсе, приводя убедительные аргументы в пользу имперского будущего России, разумеется, в современном понимании. И даже высказались предельно категорично: «имперская Россия или — ее самоликвидация», что означало бы «геополитическую катастрофу глобального масштаба». Другие не менее уважаемые эксперты пришли к выводу, что шанс вернуться к имперской (не путать с империалистической!) политике был Россией упущен уже в первой половине 1990-х годов, и, таким образом, «имперская судьба России не состоялась». Дело в том, что империя, например, по мнению известного публициста В. Гущина, — это не состояние экономики и финансов, а «состояние духа, направленного и сосредоточенного на накоплении силы, власти и богатства в интересах страны и народа»⁵. Но именно по этому состоянию духа российскими либералами в 90-е годы XX в. и был нанесен сокрушительный удар.

Поэтический гимн созданию новой российской империи сочинил А. Проханов:

«Первой Империей» была Киевская Русь. “Второй” — Московское царство Рюриковичей. “Третьей” — “белое царство” Романовых. “Четвертой” — “красный” Советский Союз. Мы — свидетели зарождения “Пятой Империи”. Она

еще не видна. Ее зачатие почти никто не заметил. Кругом все те же карканья, клевет и хрип. Но священное зачатие состоялось. Так будем следить, как в снегах и зорях возвращается эмбрион». И далее: «Хрупкий драгоценный кристаллик новой русской государственности, бриллиантик “Пятой Империи” возвращается среди крошечной схватки эпох. Ему не хватает света — отсутствует “фокус”, сквозь который проходят лучи минувших времен. Не хватает волшебной дудки, в которую дуют таинственные творящие силы, веют мистические ветры, собирая рассыпанные корпускулы власти, разрозненные частицы исторического времени. Ослабленный схватками, замутненный вихрями битвы, таинственный дух истории продолжает дышать из глубины веков. Каждая из четырех минувших империй источает свои незримые лучи. В этом магическом ветре, в пучках лучистой энергии бриллиант наращивает грани, излучает драгоценные спектры. Превращается в лучистую звезду, готовую вновь воссиять на русском небосклоне»⁶.

Прямо противоположную позицию излагает А. Арбатов:

«Становление, расцвет, упадок и крушение каждой из великих империй уникальны и неповторимы. Однако их объединяет одна общая черта. Начиная с римского историка и философа V–VI вв. Аниция Боэция каждый очевидец имперского падения считал это явление в принципе закономерным, но неизменно делал исключение для своей державы. Она, мол, в отличие от всех остальных, рухнула не в силу естественного хода истории, а из-за стечения обстоятельств, некомпетентности правителей, злого умысла, созревшего внутри и/или за рубежом. Распад собственной империи воспринимался как величайшая трагедия современности, тогда как конец любой другой — это не более чем звено длинной цепи сходных исторических неурядиц. Такие взгляды не редкость в сегодняшней России. И это еще одно доказательство того, что при всех своих особенностях советская империя была подвержена действию универсальных законов социально-экономической, военно-политической и морально-психологической цикличности, ничем, по сути, не отличаясь от своих многочисленных предшественниц».

А. Арбатов убежден, что не империя, «великая европейская держава — таков единственный оптимистический вариант будущего России»⁷.

Здесь возникает сразу несколько наиважнейших вопросов. Действительно ли Россия способна существовать лишь как империя, или же в XXI в. может построить «нормальное» национальное государство, как полагают, например, С. Маркедонов и В. Никонов⁸? Окончательно ли она утратила шанс стать имперской, или имперское будущее у нас впереди (точка зрения В. Махнача и А. Савельева⁹)? Если этот шанс утрачен бесповоротно, то есть ли вообще у России будущее? Если он не утрачен, то что нужно делать для того, чтобы вновь стать империей? Наконец, что есть империя в XXI в.? Представляется, что все эти вопросы не только сохранили, но и приобрели новую актуальность сегодня, поскольку они имеют прямое отношение к главной проблеме, кото-

рая является предметом анализа настоящей монографии и которую мучительно решает нынешняя Россия, — проблеме самоидентификации. А главной эта проблема является потому, что без ее решения у России едва ли есть будущее — имперское или какое бы то ни было еще.

Империи — локомотивы истории

Прежде всего хотелось бы высказать утверждение: расхожее мнение о том, что империи — это абсолютное зло, является в лучшем случае добросовестным заблуждением, а в худшем — злонамеренной ложью. И вот почему.

Все наиболее важные прорывы в мировой истории были связаны с подъемом и расцветом различных империй. И, напротив, упадок империй, как правило, влек за собой наступление смутных времен, экономическое прозябание целых государств и континентов, закат политических и правовых институтов, морально-нравственную деградацию народов. Место творца, осуществлявшего имперскую созидательную работу, в этом случае занимал демон разрушения и хаоса.

Перефразируя К. Маркса, можно сказать, что не революции, а именно империи были локомотивами мировой истории.

Само слово «империя» никогда не произносилось в отрицательном смысле и было дискредитировано лишь в конце XX в., когда западные пропагандисты придумали и наклеили на СССР ярлык «империя зла», хотя Советский Союз никогда империей конечно же не был. Таким же пропагандистским клише является и выражение «имперские амбиции», применяемое уже в отношении демократической России.

Следует признать, что XX в. дал немало свидетельств того, что время империй прошло: именно в этом столетии распались такие империи, как Австро-Венгерская, Германская, Российская, Османская, Французская, Британская и Японская. Однако вопрос об империях окончательно не закрыт и не снят с политической повестки дня. И если взять всемирную историю в целом, то оказывается, как справедливо подмечает российский историк В. Махнач, что империи — гораздо более устойчивое государственное формирование, по сравнению со всеми другими, в том числе и национальными, государствами¹⁰.

Речь, разумеется, идет прежде всего о полноценных империях, которых В. Махнач насчитывает лишь четыре — Римская империя, Византия, Священная Римская империя германской нации и Российская империя, каждая из которых существовала в течение многих столетий, а то и тысячелетий. Правда, и другие государства, называвшие себя империями, — Британская, Османская, Китайская, равно как и прочие имперские (или квазиимперские) образования, просуществовали в течение весьма длительного времени¹¹.

Мировая история до утверждения Вестфальской системы, т.е. международной системы национальных государств, — это история господства и противоборства различных империй. И объективный наблюдатель, который видит глубокий кризис Вестфальской системы, порожденный упадком национальных государств в результате процессов глобализации, невольно задается вопросом: не вернется ли человечество в XXI в. к имперскому строительству на новой основе?

И в этом контексте вполне объяснимо желание американцев объявить США «новой империей». В особенности после завершения холодной войны, которую, как там полагают, Америка «выиграла». Однако тезис о рождении «новой империи» — не более чем миф (к нему мы еще вернемся).

Вопрос же о возможном имперском будущем России — это ключевой вопрос не только внутренней, но и внешней политики нашей страны. Однако именно здесь сплошь и рядом применяются «двойные стандарты». С одной стороны, слово «империя», казалось бы, сегодня вообще потеряло свой отрицательный смысл: оно свободно употребляется и применительно к объединенной Европе, воссоздающей в новых условиях империю Карла Великого, и к всемирной «*Pax Americana*». Но восстановление, хотя бы частичное, Российской империи — это то, против чего «новые империи» ведут самую беспощадную войну.

Русское национальное самосознание пока, к сожалению, не сформировало субъект политики национальной безопасности и развития страны, но уже активно влияет на мотивы политического поведения, а также на оценки тех или иных политических акций. В этом проявляется процесс восстановления российской идентичности, которая постепенно замещает советскую. Однако уже это пугает наше внешнее окружение. Но вместо того чтобы помочь России в ее самоопределении, внешнее окружение России воспринимает его по меньшей мере весьма настороженно. Чуть ли не любые попытки Москвы заявить о своих национальных интересах, отстаивать их во внешней политике — будь то в вопросах СНГ, НАТО или, к примеру, российско-иранских отношений — встречают враждебную реакцию и немедленно интерпретируются на Западе как «имперские амбиции». Как отмечает американский специалист по России, в недавнем прошлом высокопоставленный сотрудник Совета национальной безопасности США Т. Грэхэм, «наблюдается экзистенциальный элемент в реакции Запада на решение Москвы обратиться к национализму и ее растущую склонность говорить о национальных интересах. Многие на Западе полагают, что русский национализм — по природе агрессивный, ненавидящий иностранцев, империалистический и авторитарный»¹².

«Имперские амбиции»

Природа этого явления многомерна. В ее основе лежит прежде всего двойственное отношение Запада к России. С одной стороны, его пугает нестабильность на постсоветском пространстве, неспособность новых независимых государств справиться со своими проблемами — будь то конфликты на этнической и религиозной почве, развитие рыночной экономики или строительство правового государства. Одновременно там весьма сдержанно относятся к каким-либо интеграционным процессам в СНГ (даже к нашему робкому сближению с Белоруссией), усматривая в этом «возрождение российского имперского потенциала».

Такой подход особенно заметно проявляется в политике Соединенных Штатов Америки. Россия ими по-прежнему рассматривается как важный партнер, с которым возможно и необходимо поддерживать конструктивный диалог и решать возникающие проблемы, не доводя дело до «кипения» и тем более новой конфронтации. Вместе с тем немалое количество голосов призывает Б. Обаму «взять паузу», заморозив практическое сотрудничество с Москвой «до прояснения ситуации». Имеются и сторонники радикального пересмотра нынешней модели отношений с Россией. Утверждая, что экономическая стабилизация станет трамплином для восстановления военного потенциала непременно антиамериканской направленности, они фактически призывают к экономической и политической изоляции России. Наконец, есть, конечно, и откровенное русофобство известной части западных политических кругов, некоторые представители которых договорились до того, что Россия — это вообще «лишняя страна».

С подачи Запада клише «имперские амбиции» в последнее время получает все большее распространение среди уже и самых ближайших соседей России, в том числе и по СНГ (речь, в частности, идет о Грузии и Украине). Многие из них, испытывая вполне естественный комплекс национально-государственной неполноценности, просто не могут существовать в качестве субъектов международного права без нагнетания страхов в отношении мнимого «российского империализма». Они призывают Россию «перестать пугать Европу», для чего она должна, видимо, вообще забыть о своих национальных интересах. Они заявляют, что расширение НАТО на Восток — это конечно же ответ на продолжение «имперской политики». Иными словами, от России уже требуют, чтобы она не только не была «имперской», но даже не казалась (!) таковой другим странам. Политическая реальность, однако, состоит в том, что в глазах тех, кто заинтересован в **демонизации России**, она при любом варианте поведения будет выглядеть «имперской». К тому же это, как

оказалось, весьма удобный способ выбивания на Западе дополнительных средств.

Обращает на себя внимание и другое. Стремление новой России построить с новыми независимыми государствами хозяйственные и производственные связи на строго взаимной и сбалансированной основе, в соответствии с общепризнанными нормами международного и экономического права также истолковано лидерами этих государств как «имперские амбиции», своего рода «экономический империализм». Последний пример из этого ряда — прямо-таки истерика, которую закатили некоторые западные политические деятели в связи с намерением России привести цены на поставляемый Украине газ в соответствие с мировыми. И такой подход, надо сказать, немедленно встретил сочувствие и поддержку на Западе. Эти деятели стали кричать о том, что «США не допустят экономического шантажа России в отношении новых государств, включая страны Балтии и Украину». Подобные заявления, видимо, надо понимать лишь так, что и в этой части реализации национальных интересов России отказано, т.е. русским и впредь предписывается оставаться донорами всей распавшейся «империи».

Так что Россия в обозримый период, вероятно, обречена на роль «европейского пугала» — независимо от того, что во внешней политике она будет предпринимать, а от чего воздерживаться. Свой вклад в создание этого имиджа вносят и некоторые отечественные либералы. Противопоставляя Россию Западу, они называют собственную страну «неоимперской» с укоренившимися тоталитарными традициями, унаследованными от прошлого.

Конечно, российские реформы всегда были тяжелы, порой ужасны. «Кровавый пар столбом стоит над Русью» — эти слова М. Волошина об эпохе Петра Великого можно отнести и к эпохе сталинской индустриализации. Согласование миссий российского общества и российского государства никогда не приводило к уменьшению насилия со стороны последнего, скорее наоборот — к его увеличению. Государственный идеал преобладал над социальным. Миссия власти выглядела значительнее миссии этноса. Но даже в глазах Владимира Соловьева этот грех извинителен, хотя и тяжел:

«Петр Великий — это государственная власть, ставящая себя вне народа, раздвояющая народ и извне преобразующая быт общественный, грех Петра Великого — это насилие над обычаем народным во имя казенного интереса — грех тяжкий, но простительный»¹³.

Не будь, по счету А. Янова, «тринадцати тяжких грехов власти», «тринадцати эволюционных рывков», Россия недалеко ушла бы от уровня 1550 г. При этом, однако, следует вспомнить, что и история «демок-

ратического» Запада знавала Христиана II Датского, Эрика XIV Шведского, Филиппа II Испанского, «белокурого зверя» Цезаря Борджиа — не чета нашим Ивану Грозному, Петру Великому или Василию Темному. В русской истории не найти ничего похожего на испанские аутодафе и альбигойскую резню, на костры ведьм и Варфоломеевскую ночь и парижские расстрелы Кавиньяка и Галифе. Про Россию никогда нельзя сказать словами Вольтера об Англии: «Ее историю должен писать палач».

Наши «радикальные демократы», наклеивающие на Россию и русских ярлык «империализма», нередко идут даже дальше известных идеологов империализма американского. Так, например, С. Тэлботт, бывший в годы правления администрации Б. Клинтона первым заместителем госсекретаря США, признает, что «представление о том, что инстинкты хищника якобы у русских в крови, является грубым извращением как истории России, так и истории Советского Союза»¹⁴.

Складывается твердое впечатление, что клише «имперские амбиции» в современных условиях есть не что иное, как способ оказания политического и экономического давления на Россию. Со стороны Запада — это попытка поставить ее в положение «проигравшей» в холодной войне стороны и осуществить геополитический передел мира в свою пользу. Со стороны бывших «союзников» и составных частей СССР — стремление получить дополнительные гарантии своей независимости и средства для национального развития. Разумеется, за счет России. А потому везде с такой настороженностью воспринимают возрождение национального самосознания основного государствообразующего этноса исторической России — русского народа. На вопрос о том, одобряют ли в США национальную самоидентификацию и национальное самосознание народов и этносов на территории бывшего СССР, З. Бжезинский отвечает положительно, но делает исключение в отношении русских. Иными словами, право на самоопределение и национальные интересы признается им за всеми народами, кроме русского, который квалифицируется в качестве «имперского». Как можно заметить, происходит нечестная игра терминами: ставится знак равенства между русским национализмом и империализмом.

При этом Запад по-прежнему не признает не только каких-либо исторических прав за русским народом на собственное национальное самоопределение, но и исторический факт угнетения русского народа в коммунистической России. А массовые нарушения прав русского человека после 1991 г. в СНГ не вызвали протеста ни среди западных, ни среди отечественных правозащитников.

Конечно, во многом это связано с психологическим наследием холодной войны. Так, в ее разгар в 1959 г. по инициативе американского

Украинского конгресса в США был принят закон о «порабощенных нациях» (имеется в виду порабощенных коммунизмом) под номером 86–90. Как жертвы «империалистической политики коммунистической России» в нем перечислялись не только народы Восточной Европы и союзных республик СССР, но также и «континентального Китая и Тибета», даже мифических «Идель-Урала», «Казаккии» и историко-географической области Туркестана. В перечень «порабощенных наций» русский народ, разумеется, включен не был. Более того, именно русские фактически объявлялись виновниками рабства перечисленных выше наций и этносов.

Русская эмиграция безуспешно пыталась тогда протестовать против столь демонстративного отказа включить русский народ в этот перечень. Но и после окончания холодной войны, когда коммунистический Советский Союз распался, а с новой демократической Россией было объявлено «партнерство», политика США в данном вопросе никак не изменилась. Когда осенью 1991 г. (т.е. после победы демократии в России) один из конгрессменов предложил отменить этот закон, его инициативу не поддержали. Впрочем, США ни в 1991 г., ни в последующие годы — вплоть до сегодняшнего дня — не отменили и пресловутой поправки Джексона—Вэника, устанавливающей торговые барьеры в *советско-американских отношениях* в связи с ограничением со стороны несуществующего уже СССР иммиграции *советских евреев*.

«Имперские амбиции» России — это, конечно, ложь. Причем ложь бессовестная и чудовищная. Как можно говорить об «империализме» страны, которая сама добровольно и без каких-либо предварительных условий распустила советскую коммунистическую империю, при этом к тому же взяв на себя все ее внешние долги? О каких «имперских амбициях» может идти речь, если в 1988–1991 гг. руководство страны в кратчайшее время, фактически в ущерб собственному народу и военнослужащим, безвозмездно оставив военные городки, аэродромы, склады и другие объекты военной инфраструктуры бывшим союзникам по Варшавскому договору, вывело войска численностью порядка 1 млн человек из важнейшего стратегического предполья страны — зоны Центральной и Восточной Европы? О каком «империализме» можно говорить в отношении страны, которая опять-таки без каких бы то ни было серьезных компенсаций согласилась (и более того — сама способствовала) объединению двух германских государств? Да и соглашения в области разоружения — Договор по РСМД, Договор ОВСЕ, Договоры СНВ-1 и СНВ-2, Конвенция о запрещении химоружия — были, как известно, «асимметричными».

Честный и непредвзятый ответ на все эти вопросы состоит в том, что на рубеже 80–90-х годов XX в. Россия встала на путь национально-

го демократического развития и в соответствии с этим теперь строит свою внутреннюю и внешнюю политику. Покончив с коммунистическим режимом, русский народ предоставил возможность независимого развития всем народам бывшего Советского Союза, которые этого хотели (причем ценой расчленения тысячелетней империи и потери части исконно русских земель, обильно политых кровью его предков). Одновременно в национальном сознании произошел перелом в понимании «величия» страны — теперь оно связывается не столько с военным могуществом, сколько с обустройством России и подъемом ее экономики, достойным уровнем жизни граждан России. Впрочем, все это никак не противоречит имперской парадигме развития России, разумеется, в современном понимании.

Навешиванием ярлыка «имперскости» на Россию ее противники преследуют цель дискредитировать роль русского народа в истории, саму историю России. При этом возрождается основополагающий миф западного сознания — представление о России как об «антицивилизации», «черной дыре» истории, Азиопе, противопоставляемой онтологически цивилизованной Европе.

Невольно вспоминаются такие мыслители, как А. Токвиль и маркиз де Кюстин, которые уже в XIX в. считали Российскую империю угрозой для Европы. Ни Священный союз, ни Крымская война не сняли эти опасения. Как полвека тому назад писал И. Ильин:

«Вот уже полтораста лет Западная Европа боится России. Никакое служение России общеевропейскому делу (Семилетняя война, борьба с Наполеоном, спасение Франции в 1875 г., миролюбие Александра III, Гагская конференция, жертвенная борьба с Германией (1914–1917 гг.) не несет перед лицом этого страха; никакое благородство и бескорыстие русских государей не рассеивали этого злопахательства... Россия — это загадочная, полуварварская “пустота”, ее надо “евангелизировать”, или обратиться в католичество, “колонизировать” (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западноевропейских целей и интриг; а впрочем — ее необходимо всячески ослаблять»¹⁵.

Вероятно, это слишком сильно сказано. Но нельзя не признать, что подобные настроения в современной Европе и сегодня далеко не редкость.

Преодоление подобных стереотипов мышления — задача в первую очередь самого Запада, который должен вспомнить, что Россия — его часть, хотя и уникальная; что, как отмечал Г. Флоровский:

«...имя Христа соединяет Россию и Европу, как бы ни было оно искажено и даже поругано на Западе. Есть глубокая и неснятая религиозная грань между Россией и Западом, но она не устраняет внутренней мистико-метафизической их сопряженности и круговой христианской поруки»¹⁶.

В этом смысле Запад не должно волновать, какую форму государственности изберет в конечном счете Россия — империю или национальное государство, поскольку в любом варианте она останется его частью. Из ныне живущих православных философов и историков об этом пишет В. Махнач:

«Отовсюду слышится вопрос: а что, если Россия опять вернется к имперским амбициям? Я бы ответил так: если она вернется к имперскому сознанию, то честь ей и хвала, а если только к амбициям — тогда плохо. Амбиции — это сугубо территориальные претензии политиков. Гораздо более мощными мне кажутся заявления о том, что та или иная территория — наша земля, и отделяться они могут, оговаривая с нами границы, нормы внутреннего и внешнего поведения. Это было бы спокойной имперской политикой, кстати, уважительной по отношению к соседним этносам. Многие считают, подобно льюисовскому Мерлину, что империя необходима. Я встречал печальные суждения не только глубоко религиозных православных, но и католиков, и мусульман, что, если Россия не восстановится, человечество выйдет на финишную прямую своей Истории. Это убеждение, конечно, лежит вне строго научного анализа, как и еще одно соображение. Византийцы сохраняли империю столько, сколько оставалось сил у имперского этноса “ромеев”. Может быть, у них будут свои неприятности на Страшном Суде, но свой национальный долг они выполнили, что могут смело свидетельствовать перед Творцом.

А вот русским рано еще уходить с исторической арены. И передать эстафетную палочку — имперский скипетр — некому»¹⁷.

Что же касается возможного имперского будущего России, то оно весьма интересно прогнозируется российскими историками Г. Квашой и Ж. Аккуратовой, которые историю России разделяют на четыре 144-летних цикла, называя их «имперскими рывками» (см. Приложение 5).

Соотечественники без Отечества

К возможному имперскому будущему России, вне всякого сомнения, относится вопрос о российской диаспоральной политике.

В начале 1990-х годов Россия в одночасье стала обладательницей крупнейшей (после китайской) мировой диаспоры. Причем наши соотечественники никогда не ощущали себя таковой, поскольку жили в единой стране, где русские являлись доминирующим и государствообразующим этносом. Столкнувшись с открытой или закамуфлированной дискриминацией, многие предпочли интеграции, адаптации к новым, зачастую явно некомфортным реалиям стран проживания, возвращение на историческую родину. Значительная часть соотечественников до сих пор пребывает в этой стадии латентной миграции и намерена в случае резкого ухудшения обстановки в местах нынешнего проживания их

покинуть. Под действием указанных факторов российская диаспора ближнего зарубежья до сих пор не стала диаспорой в том терминологическом смысле, который традиционно принимается в мировой науке (и, добавим, мировой политике).

В социокультурном плане абсолютно правомерно говорить о России во всех республиках бывшего СССР без исключения. Речь идет о десятках миллионов русских плюс весьма большого числа нерусских, остающихся в российском цивилизационном поле. Россия является единственным гарантом прав этих людей, защита которых не является рецидивом «империализма», поскольку она не препятствует нормальным и естественным политическим, экономическим, культурным и иным контактам новых субъектов международных отношений со всем миром. Такая политика будет означать лишь четкое осознание Россией своей роли в мире и судьбе соотечественников, не по своей воле оказавшихся на чужбине. Наша страна имеет полное моральное, политическое и юридическое право и обязана защищать интересы расчлененного русского народа и всех тех, кто сохраняет к России отношение как к своей Родине и связывает с ней свою судьбу. Возникает также задача содействия обеспечению прав и интересов русских, а также представителей иных национальностей, для которых русский язык и русская культура являются родными. За всех этих людей Российская Федерация несет моральную ответственность.

С точки зрения долгосрочных российских интересов массовая миграция соотечественников в Россию нецелесообразна. Их отъезд из мест своего проживания означал бы разрушение единого социокультурного пространства. Подобная ситуация вступает в очевидное противоречие с интересами нашей страны. Россия объективно заинтересована в наличии по периметру собственных границ сильной, консолидированной, политически, экономически и социально активной, сохраняющей и воспроизводящей российскую этнокультурную самобытность, поддерживающей всесторонние связи с исторической родиной диаспоры. Только такая диаспора являлась бы не просто реципиентом материальной помощи и источником дополнительных раздражителей в двусторонних отношениях с ближайшими соседями, но и — в полном соответствии с общепринятой мировой практикой — серьезным подспорьем, катализатором развития трансграничного торгово-экономического, гуманитарного, а может быть, и политического сотрудничества. Вместе с тем Россия должна быть готова к приему всех соотечественников, которые пожелают приехать, с предоставлением им материальных и юридических льгот.

В конце октября 2006 г. в Санкт-Петербурге прошел Всероссийский конгресс соотечественников, в котором участвовал В. Путин. В оче-

редной раз было сказано немало красивых слов в адрес русской диаспоры, «этнических россиян», необходимости защиты прав русскоязычного населения, о «единой российской цивилизации» и даже «русском мире». Более внятной наша диаспоральная политика от этого, однако, не стала.

Что же мы видим на самом деле? Российская диаспоральная политика по-прежнему носит крайне неопределенный характер, связанный с непродуманностью целого ряда концептуальных вопросов. Отметим лишь некоторые из них.

Во-первых, серьезные сомнения вызывает повсеместное использование термина «этнические россияне», или «этнороссияне». Понимая мотивы, по которым данный термин используется в официальных документах, нельзя признать его обоснованным ни научно, ни политически. Такого этноса, как «россияне», никогда в истории России не существовало. Такой этнос не существует сейчас и — более того — не просматривается никаких предпосылок к его становлению и формированию в будущем. Можно, конечно, говорить о проекте создания политической нации в границах РФ (в реализуемости которого есть серьезнейшие сомнения), однако для ее обозначения термин «этнороссияне» не подходит.

На этом стоит остановиться подробнее, ибо путаница в терминах, на наш взгляд, отражает нерешенность проблемы национальной идентичности новой России, что и является главным препятствием к формированию внятной национальной стратегии развития. Здесь возникает противоречие между «российской» и «русской» идентификацией, между «российской» и этнической идентификацией. В качестве самонаименования слово «россиянин» вообще не применяется и не приживается. Это неведомый феномен, о котором до 1991 г. слыхом не слыхивали и который никому не встречался. Словосочетания «мы — россияне!», «дорогие россияне!» можно было услышать только от политиков или журналистов времен Б. Ельцина (тогда, кстати говоря, была даже написана кантата «Не русский я, но россиянин» — для исполнения в протокольных случаях). «Я — россиянин» не говорит никто. Ведь нелепо было бы представить, например, Америку, житель которой больше не смеет себя называть американцем, но только «американером» или «американменом». К счастью, слово «россиянин» невозможно перевести ни на какой иностранный язык иначе как «русский».

Грубо говоря, имеется по крайней мере три способа определения нации — по территориальному признаку, по этнической принадлежности и на основе культуры (или идеологии), которые обозначаются терминами: российский, русский и русскоязычный. Исторически все три определения в разные времена применялись к русскому народу. До ок-

тября 1917 г., например, понятие «православный» использовалось как примерный эквивалент «русского», в то время как ленинская теория и практика подчеркивала этнический компонент национальности. Не удивительно, что эти три определения нередко смешиваются между собой и приводят ко всякого рода недоразумениям.

Например, если определение русской нации дается по этническому принципу, то Россия становится этническим государством (русское государство). Это определение переводит почти двадцать процентов населения Российской Федерации (в основном мусульман), которые не являются этническими русскими, в разряд граждан второго сорта. В то же время определение по этническому признаку приводит к тому, что число лиц за пределами российских границ на территории бывшего Советского Союза, которых Москва взяла обязательство защищать, ограничится этническими русскими (изначально 25 млн человек).

С другой стороны, если русская нация определяется на основании территориальных или культурных признаков, то Россия становится политическим государством (российское государство). В то время как это определение ставит всех граждан России в равное положение, становится менее понятным, кого в бывших советских республиках Москва обязуется защищать, хотя их число значительно больше, чем 25 млн этнических русских. По крайней мере все люди, живущие на территории бывшего Советского Союза, являются потенциально русскими. Это суждение включено в Закон о российском гражданстве, который предоставил всем гражданам бывшего Советского Союза право принятия российского гражданства.

Еще один пример — включение в текст Конституции России положения о многонациональности российского государства. Неявным образом здесь присутствует отождествление понятий «нация» и «этнос».

Возникает явная путаница. Существуют как бы общефедеральная нация и нации более мелкого масштаба, имеющие к тому же самый разнобразный статус. Граждане России становятся представителями сразу двух наций — нации «россиян» и «титульной» нации. Последняя «привилегия», однако, принадлежит не всем. Понятие «нация» применяется западными и многими отечественными политиками только к тем этническим общностям, представители которых активно добиваются суверенитета.

С учетом сказанного впредь до внесения полной ясности в так называемый русский вопрос (что неразрывно связано с самоидентификацией новой России), на наш взгляд, следует воздержаться от употребления термина «этнороссияне», который является научно необоснованным и политически дезориентирующим. Вместо него можно было

бы использовать более нейтральные термины, например: «российская диаспора» или, на худой конец, «русскоязычное население».

Во-вторых, в нашей диаспоральной политике напрочь упущен важнейший компонент, а именно: работа с русскоязычной элитой. Именно на такой работе (а не на работе с российской диаспорой вообще) и следует сделать основной акцент российской политической элите (понимаемой, разумеется, гораздо шире элиты властной). В противном случае все наши усилия на этом направлении будут распылены и не обеспечат должной консолидации российской диаспоры.

Содействие институциональному оформлению многомиллионного российского сообщества в полновесный институт диаспоры, преодолению процессов люмпенизации в ее среде является не только приоритетной задачей сотрудничества с соотечественниками, но и одной из целей внешнеполитической деятельности в целом. Вот здесь-то как раз и нужна целевая, «точечная» работа с русскоязычной элитой, о которой, к сожалению, наша власть ничего не говорит.

Следует подчеркнуть необходимость аккуратного, крайне деликатного подхода к такой щепетильной теме, как возможности стимулирования хозяйственно-экономической и особенно общественно-политической деятельности элитной диаспоры. Именно последнее вызывает наиболее болезненную реакцию определенных кругов новых независимых государств, упрекающих Россию в «имперских амбициях», формировании «пятой колонны», использовании фактора диаспоры в конъюнктурных целях.

В-третьих, исключительно болезненный характер имеют темы приема и обустройства переселенцев на исторической родине, сложности получения гражданства нынешними и потенциальными мигрантами, отсутствия четких градаций в правилах приглашения и приема, в том числе для временной трудовой деятельности, соотечественников из стран СНГ и других категорий мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Отсутствие адекватной миграционной стратегии и тактики ее практической реализации, препятствия, которые чинятся российскими и иностранными чиновниками в реализации естественного права наших соотечественников вернуться на историческую родину, породили феномен обратной миграции (реэмиграции), что крайне негативно отражается на международном имидже нашей страны.

В этом контексте представляется необоснованным противопоставление в нашем внешнеполитическом курсе «прагматического» направления диаспоральной политики «патерналистскому» и «миграционному». Прежде всего эти термины — из разных понятийных рядов. В то время как «прагматичность» — это ценностная категория, «патернализм» и «миграционная политика» — категории содержательные. Ведь и патерналист-

ская, и миграционная политика может быть прагматичной (а может и не быть). Кроме того, «прагматичная политика» — это всегда нечто весьма неопределенное, в особенности в условиях неопределенности внутри- и внешнеполитического курса страны. И подчас за «прагматичной» риторикой скрывается просто отсутствие принципов, что мы не раз наблюдали на примере нашей собственной политики за последние 20 лет.

В-четвертых, можно согласиться с теми экспертами, которые полагают, что должные гарантии политических и гражданских прав соотечественников, их адекватное представительство в органах власти и управления новых независимых государств являются важными слагаемыми предотвращения обвальнoй, неконтролируемой миграции. Вместе с тем, как представляется, Россия должна быть готова и к такому варианту развития событий, для чего правительство должно заблаговременно выделить соответствующие средства. Продолжающаяся миграция в Россию русскоязычного населения не должна создавать чрезмерные проблемы и быть болезненной для переселенцев. При этом она не должна создавать и серьезные трудности для самой России. Что же касается интересов новых независимых государств, для которых отток русскоязычного населения также является серьезным вызовом, то эти интересы России должны волновать лишь во вторую очередь.

В-пятых, на наш взгляд, новая Концепция внешней политики РФ не вполне обоснованно позиционирует «многомиллионную русскую диаспору — Русский мир — в качестве партнера» внешней политики России, «в том числе в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры». Дело в том, что, несмотря на всю историческую справедливость концепта «Русского мира», на практике не существует отдельной и консолидированной русской диаспоры, тем более что у тех русских организаций, кто претендует на представительство «диаспоральных интересов», не существует никаких особых, отличных от полномочий национальных властей, возможностей для достижения гуманитарных и тем более экономических и политических результатов. Наиболее успешна в таком случае не мифическая (и рискованная) диаспоральная политика России, а сама Россия, с которой выгодно сотрудничать и тем, для кого узки рамки «этнографической диаспоры», и тем, кто не относит себя к «Русскому миру», а просто является поклонником Достоевского, Стравинского, Королева, Путина и многонационального капитала России. Поэтому более реалистичной и важной выглядит в Концепции задача поддержки не «диаспоры», а всех и любых соотечественников в СНГ в части защиты «их образовательных, языковых, социальных, трудовых, гуманитарных и иных прав и свобод». Здесь — как говорят дипломаты — «потенциал», т.е. груз нерешенных проблем, почти

неподъемный, но касается именно миллионов, а не единиц «профессиональных русских», за которыми нет ничего, кроме их карьеры.

В контексте сказанного приходится констатировать, что диаспоральная политика — вопреки регулярно повторяющимся заявлениям МИДа РФ, Правительства и Президента РФ — не является приоритетом для современной России. По этой причине у нее нет внятной, продуманной хотя бы на несколько лет вперед диаспоральной политики (принятая в 26 июня 2006 г. Указом Президента РФ Госпрограмма по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, не решает эту проблему). Последнее в свою очередь объясняет ее крайнюю неэффективность.

Сложившееся положение дел связано, как представляется, с общей стратегической неясностью развития страны, отсутствием собственно исторического и геополитического проекта, что порождает размытость приоритетов внутренней и внешней политики, расплывчатость национальных интересов. Очевидно, что неспособность определиться с национальной стратегией развития влечет за собой и неспособность сформулировать четкое отношение к российской диаспоре и твердо ему следовать. Ведь понятно, что проект «Россия — энергетическая сверхдержава» предполагает одно отношение к российской диаспоре (для реализации этого проекта зарубежная диаспора просто не нужна), а, например, переход России к инновационному типу развития — совсем другое (в этом случае она нужна позарез).

Не только во властных кругах, но и в российском политическом классе в целом отсутствует понимание уникальности феномена российской диаспоры, сложившейся, а точнее — внезапно возникшей в результате неожиданного для всех распада единого государства. Отсюда — непонимание и того обстоятельства, что никакие исторические аналогии в отношении других диаспор (сформировавшихся в абсолютно других обстоятельствах) здесь не работают. По этой причине российская диаспоральная политика изначально порочна и обречена на провал.

Если политическое руководство России и в самом деле хочет, чтобы в нашу страну приезжали высококвалифицированные специалисты из новых независимых государств, а в этих государствах в свою очередь формировалась сильная русская диаспора, способная эффективно лоббировать наши национальные интересы, необходимо сделать главное: Россия должна стать привлекательной (это касается и результативности нашей политики на постсоветском пространстве в целом) для наших соотечественников. Тогда наши соотечественники будут работать на нашу страну и в России, и в новых независимых государствах, ведь новые независимые государства вместе с находящейся на их территории

русской диаспорой не нуждаются в посредничестве России, для того чтобы интегрироваться, например, в Большую Европу. И далеко не случайно даже этнические русские — при всем своем ущемленном положении — не спешат покидать страны Балтии (которые, кстати говоря, уже интегрированы в Евросоюз и НАТО), Молдавию и Украину (кандидаты на вступление в ЕС). Пока же Европа, следует признать, является гораздо более привлекательным местом для жизни, чем Россия.

Осознание нынешним политическим руководством (и шире — политическим классом) современной России вышеупомянутых выводов является главной предпосылкой формирования внятной и эффективной национальной диаспоральной политики. Без такого осознания ничего на этом важнейшем направлении измениться не может. В этом случае русская диаспора обречена на то, чтобы и дальше «сливаться с пейзажем», т.е. деградировать в качестве потенциального серьезнейшего ресурса российской внешней политики. И переломить эту вполне очевидную и всем заметную тенденцию станет невозможно.

Этнические аспекты имперской идентичности

Российскую идентичность — назови ее хоть имперской, хоть национальной — невозможно определить в отрыве от ее носителя или субъекта развития страны. Очевидно, что таковой а priori является или должна быть российская национальная элита. Если же Россия претендует на свое тысячелетнее историческое наследие, то ее ядром и государствообразующим элементом неизбежно должна стать русская элита, как это всегда и было в российской истории.

Этот простой, элементарный вывод, будучи спроецирован на современную политическую жизнь России, сталкивается с рядом серьезнейших проблем.

Во-первых, как уже отмечалось выше, русские не сложились в нацию в западном смысле этого слова. В России (как, впрочем, во многих других странах) «нации» никогда не было, а суммой граждан государства всегда был этнос и только этнос.

Во-вторых, русские — это суперэтнос, включавший на протяжении веков три главных восточно-славянских этнических компонента: великороссов, малороссов и белорусов. Именно эти три этноса, составлявшие русский суперэтнос, были основными держателями империи и субъектами развития Российского государства. И в XVI, и в XVII, и в XVIII вв. наши соотечественники, даже в годы, когда Малая и Белая Русь (а также Червоная и Подкарпатская) были оккупированы поляками и австрийцами, гордо именовали себя русскими.

Но если это так, то нынешняя территория России много меньше зоны влияния и жизнедеятельности русского суперэтноса. Значит ли это, что российская идентичность может сложиться лишь при условии реинтеграции русского суперэтноса в единое государство?

Внятного ответа на этот вопрос нет. Ясно, однако, что «россиянин» — это продукт дурного и бесосновательного политического мифа, лишь подчеркивающий искусственность границ, в которых оказалась Российская Федерация после распада СССР. Никакой «российской нации» нет и быть не может (как не может быть «индийской», «сенегальской», «южноафриканской» и прочих наций). Это такая же химера, как и «новая историческая общность — советский народ».

Что же из этого следует? Только одно: восстановление России в границах суперэтноса и есть национальная идея новой России. Это и цель, и естественный культурно-исторический процесс, который рано или поздно, но неизбежно произойдет, как это произошло в Германии, как это происходит в Китае. Только на этом пути и возможно формирование всеобъемлющей и подлинной российской идентичности. Начало движения к этой цели и есть начало обретения национальной идентичности. И движение это, кстати говоря, может быть инициировано не обязательно Москвой, а, вполне вероятно, Киевом или Минском.

В этом вопросе автор солидаризируется с точкой зрения российско-го политолога А. Ципко: современная Россия не только своим геополитическим положением, но и этническим составом качественно отличается и от СССР, и от Российской империи. Она сейчас является не союзом православных славян, союзом великороссов, малороссов и белорусов, который раньше образовывал ядро государства, а союзом великороссов с тюркскими и угро-финскими народами. Строго говоря, понятие «Россия» нельзя применять к новому государственному образованию, ибо Россия появилась в результате воссоединения всех бывших русских земель. Без Украины и Белоруссии Россия уже не является Россией в точном смысле этого слова. При этом основные православные святыни и многие территории, лежащие в основе древнерусской идентификации, находятся за пределами Российской Федерации, в Киеве — столице новой независимой Украины. Идентификация русскости, таким образом, намертво связана с киевскими корнями и киевским началом российской национальной государственности.

В этом состоит главная сложность национальной идентификации новой России. В отличие от украинцев и белорусов великороссы не могут перейти к этнической национальной идентификации, поскольку новая Россия не является только национальным государством великороссов, она является одновременно государством и татар, башкир, ады-

гейцев, тувинцев, якутов, чувашей и многих других народов. Все они живут столетиями на своих исконных землях, которые составляют половину территории Российской Федерации. Поэтому попытка строить здесь национальное государство великороссов может лишь взорвать государство. Следовательно, на территории Российской Федерации возможна сегодня не этническая, а лишь традиционная государственная и культурная русская идентификация. Помимо всего прочего, это означает, что носителем такой идентификации может быть наднациональная элита при стержневой роли великороссов. Впрочем, то же самое было и в СССР, и в Российской империи.

Русское национальное самосознание на протяжении веков складывалось как имперское, привязанное к религии, государству и языку. В силу этого русская культура не является культурой только великороссов, ибо она создавалась всеми без исключения народами, входящими в состав империи, — малороссами, белорусами, татарами, евреями и др. И здесь просматривается коренное противоречие новой русской идентичности, поскольку сама новая Россия по своей природе явилась протестом против всей российской истории, против всех ее исторических результатов.

Выделение РСФСР из СССР воистину означало, что «Россия вышла из России». Это событие существенно отличалось от распада классических великих империй. В случае британской, австро-венгерской и других западных империй в основе распада лежал сепаратизм колоний, их стремление приобрести государственную независимость. В случае СССР было все наоборот. Основным инициатором его распада были не поработанные народы, не национальная элита колониальных стран, а, напротив, русские, население метрополии. Среди русского населения РСФСР с середины 1980-х годов крепло желание сбросить с себя «имперское бремя», «мелкие» территории СССР, в первую очередь Среднюю Азию и Закавказье. Подавляющая же часть других народов СССР, и прежде всего казахи, туркмены, узбеки, все народы Северного Кавказа, включая чеченцев, были противниками распада СССР. Даже латыши, литовцы и эстонцы вплоть до 1990 г., т.е. до того момента, как Б. Ельцин объявил войну союзному Центру, добивались лишь экономической самостоятельности. Распад Союза, таким образом, произошел вопреки воле нерусских народов. Именно великороссы буквально вытолкнули из него не только прибалтов и народы Средней Азии, но и своих кровных братьев-украинцев и белорусов.

Таким образом, за распадом СССР стоял не только добровольный отказ от колониальных захватов Российской империи, но и отказ от своей национальной истории, от своих исторических корней, отказ от того, что объединяло русских на протяжении последней тысячи лет. Это было

следствием кризиса национального самосознания русского суперэтноса, национального беспамятства, порожденных советским режимом, 73 года вдалбливающего в сознание русских, что их родина — не историческая Россия, а пролетарская революция.

Большевистская стерилизация национального самосознания, из которого постепенно были вытравлены Киев с его святынями, многие другие города русской славы, превращение русского менталитета в советский как раз и способствовали спокойному восприятию значительной частью населения РСФСР распада государства. Политическая элита РСФСР, столь же дерусифицированная, как и элита СССР, оседлала лозунг суверенизации лишь с тем, чтобы вырвать власть у последней. Она не думала ни о демографических ресурсах, ни об экономическом потенциале, ни о геополитическом положении нового государства. К сожалению, в России до сих пор не сложилась ответственная национальная элита, способная защищать национальные интересы России.

По мнению А. Ципко, у нашей страны есть будущее лишь в том случае, если национальная элита переосмыслит русскую историю и вернется к своим историческим корням, если умирающую советскую идентичность заменит традиционная, т.е. имперская, русская идентичность, которая как раз и связывает Россию с Европой. Формирование новой российской идентичности должно происходить прежде всего за счет возрождения общерусских начал, осознания того, что всех русских связывает одна историческая судьба, осознания русскими своей ответственности за сохранение непрерывности и преемственности русской истории. При этом определение «русскости» через православие, а в более широком плане — через русскую православную культуру в целом — сохраняет свое значение.

К сожалению, однако, все эти инвективы А. Ципко относятся сегодня к разряду благих пожеланий, не имеющих никакого отношения к реальности. И украинцы, и белорусы настаивают на том, что у них своя, отличная от русских, историческая судьба. Да и современное русское православие, как уже говорилось во второй главе настоящей монографии, явно не готово к тому, чтобы стать носителем русской исторической судьбы и преемственности русской истории, что не позволяет определить «русскость» через православие.

Одновременно, продолжает А. Ципко, новая «русскость» предполагает осознание своих евразийских корней, которые, собственно, и делают ее «имперской». Новое русское национальное самосознание должно представлять органический сплав «общерусскости» с «евразийством», что обусловлено географическим положением нашего государства. В этом смысле слова оно должно стать продолжением русского импер-

ского сознания, которое, как многонациональное, было более прогрессивным и демократичным, чем нынешний русский этноцентризм. Для формирования новой российской идентичности необходимо возрождение той имперской элиты, которая существовала до 1917 г. и умела сочетать и преданность российской православной культуре, и осознание России как составной части Европы, и понимание евразийских реалий нашей имперской истории¹⁸.

Что ж, когда такая элита и появится в новой России, то можно будет с уверенностью сказать, что русская история имеет свое продолжение. Да только формирование такой элиты потребовало многих столетий, причем в совершенно иных исторических условиях. Горько сознавать, но и этот тезис А. Ципко сегодня является полной утопией.

К вопросу о «русской нации»

Русские являются основным государствообразующим этносом России, и на нем лежит историческая миссия обеспечить сохранение российской цивилизации. Сохранение русского народа, его духовных, нравственных устоев и генетического фонда является основой и залогом существования России. Если он исчезнет, Россия расчлениится на большое количество разномасштабных национально-государственных образований на огромном евразийском пространстве. Это может привести не только к тяжелым межэтническим региональным конфликтам в борьбе за ресурсы и землю, но и к кровавому пересмотру всеобщих границ и началу нового передела мира. Без русского народа не может быть ни империи, ни государства, ни демократии, ни вообще каких-либо организованных форм бытия во всей Евразии.

Именно в отношении русского народа вернее всего следующее рассуждение Н. Бердяева:

«Поистине нация не поддается никаким рациональным определениям... Бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия. Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы... Но единство исторической судьбы и есть иррациональная тайна...»¹⁹.

Подчас, даже соглашаясь на использование термина «русская нация», эту нацию считают какой-то рыхлой, аморфной по сравнению с другими. С другой стороны, ясно, что нет «российской нации». Если утверждается, что она все-таки есть, то следовало бы сказать, каким образом она возникла, из каких этнических общностей и в какой период сложилась. Этого не делается, поскольку «россиянин» — еще раз это подчеркнем — продукт безосновательного мифа. Русские в западноев-

ропейском смысле — не нация (или необычная нация), потому что их надэтничность не противопоставляется этничности вообще.

Но русские являются нацией в другом смысле.

Особенность России состоит в том, что ее государственность не только все время подмывалась, разрушалась войнами и революциями, но и трансформировалась в процессе создания и расширения империи. Видимо, это как раз и мешало застыванию национального процесса в *nation state* по западноевропейскому образцу.

Кроме того, этнические корни русской нации достаточно хорошо прослеживаются, чего не скажешь, например, об американской нации. В США этническое смешение было достигнуто на политической основе, прерывающей прежний цивилизационный путь коренных американских государств и образующей именно политическую, а не этническую общность. В России же имела место скорее **имперская этнонация**, сохранившая архетипы Древней Руси и русский нациообразующий стержень, скрепляющий содружество этносов в этнонацию — носительницу большой цивилизационной традиции, отличной от малых этнических (этнографических, бытовых и пр.) традиций.

Говоря о «российской нации», политики ставят во главу государственной проблематики межэтнические отношения (которые они называют «межнациональными»), провоцируя претензии малочисленных нерусских этносов на самостоятельную историческую роль и решение вопроса о сосуществовании с русскими. Проблема заключается как раз в противоположном — захотят ли русские жить совместно с этими этносами. Так, опросы показывают, что отношение к беженцам в русской среде дифференцировано. Отношение к принятию в свое социальное окружение представителей кавказских и закавказских этносов после трагедий в Баку, Карабахе, Абхазии, Осетии, Чечне становится преимущественно отрицательным.

Со всем другой вопрос — славянское культурно-историческое единство России, Белоруссии и Украины. В этническом отношении народы этих стран представляют собой части русского суперэтноса, а в культурном — части русской культуры.

Российская империя, как и Советский Союз, возможно, была шире границ великорусского суперэтноса. Однако нынешняя территория России, повторим, много меньше зоны влияния и жизнедеятельности русского суперэтноса. Это и порождает проблему так называемого Русского мира, далеко выходящего за пределы Российской Федерации. Сейчас он оказался раздроблен на группу аморфных (русско-нерусских) государств, лидеры которых изо всех сил пытаются удержаться у влас-

ти, пустив в ход националистическую идеологию. Но вырваться из-под державной этнической доминанты не так уж просто. Здесь можно сослаться на мнение отца С. Булгакова:

«Даже те государства, которые в своем окончательном виде состоят из многих племен и народностей, возникли в результате государственной деятельности одного народа, который являлся в этом смысле “господствующим”, или державным. Можно идти как угодно далеко в признании политического равенства разных наций, но их исторической равноценности в государстве это все равно не установит. В этом смысле Россия, конечно, останется русским государством при всей многоплеменности даже при проведении самого широкого национального равноправия»²⁰.

Русскому народу нет надобности восстанавливать свою национальную идентичность каким-то искусственным способом. Она всегда присутствует на архетипическом уровне. Вопрос о национальном самоопределении, об отождествлении себя с русскими стоит у образованных слоев, у российской номенклатуры и российской интеллигенции, которые пока не отвечают культурной программе, заложенной в русском народе. Лозунг строительства национального государства русских как «политической нации россиян», который многими из них часто провозглашается, не предусматривает «русскости» России и противостоит русскому национальному самосознанию, которое пока остается «имперским».

Расчет некоторой их части на русский национализм, на Русскую республику опасен. Последствия такого рода национального самоопределения обернутся трагедией для всех, в том числе и для русских. К моменту возможного взрыва русского национализма сопредельные страны, да и некоторые «суверенные республики» в России будут включены в систему международных отношений. Движение русских за воссоединение их, конечно, не устроит. При этом отнюдь не боязнь русского империализма страшит лидеров сопредельных стран, но именно **ирредента** как реальность, которая конечно же, даже вопреки воле нынешних лидеров России, найдет поддержку у населения. Потому что все прекрасно понимают искусственность положения, в котором оказались русские в республиках СНГ, и противоречивость внутреннего национально-государственного устройства России. Шансов на их скорую ассимиляцию практически нет.

Очевидно, что такой ход событий может принять самые различные формы, вплоть до вооруженной борьбы, как это было в Югославии. Для новой России это будет означать в лучшем случае длительный период международной изоляции, в худшем — войну. И каковы бы ни были ее итоги, последствия и для сопредельных стран, и для бывших автономий, и для самой Российской Федерации будут чудовищными.

Конечно, этот путь русского самоопределения пока существует лишь как возможность. Не исчерпаны еще средства консолидации нации-государства на политической основе: переход к территориальному федерализму, даже при сохранении существующих республик со всей их символикой, обеспечение единства законов на всей территории страны, фактическое, а не декларируемое равенство граждан России. Однако и такой вариант будет неизбежно «имперским» в том смысле, что при большой автономии регионов он может быть основан только на консолидированном сильном государстве с жесткой горизонтальной федеральной властью и полномочиями.

Имперская идея сегодня — это идея политического союза многонационального населения России, но в новых исторических формах. Российское государство было и остается наднациональным. Попытки вписать проблему безопасности России в схемы сугубо национальной государственности не адекватны ее историческим традициям и сложившимся реальностям. История Российского государства — это история политического союза многонационального населения при государствообразующей роли русского народа. В такой конфигурации в России возможно формирование российской нации как сообщества всех проживающих на территории России этносов. Но не типа «советского народа», а такой общности и такого национального самосознания народов, при которых чувство принадлежности к единому государству играет важнейшую роль в его сохранении и развитии. Путь к действительно равноправному союзу всех народов в России лежит не через наделение их всех своей отдельной государственностью, а через признание основным законом Российской Федерации факта многонациональности всех входящих в него субъектов, через реальное обеспечение равноправия различных национальных групп во всех областях жизни, на всех уровнях, повсеместно. Утверждение на деле принципа равноправия национальных групп делает бессмысленными споры о принадлежности территории той или иной национальности и, более того, открывает путь восстановления пространства исторической России²¹.

Почему Америка — не империя

С некоторых пор в мировой политологический дискурс был вброшен тезис о том, что США являются «новой империей». И хотя Вашингтон официально об этом никогда не объявлял, эта идеологема прочно вошла в сознание как политического класса США, так и рядовых американцев. Такому пониманию, конечно, во многом способствовало завершение холодной войны, которую, как многие полагают, Америка «выиграла».

Само по себе это явление весьма примечательно. Оно еще раз убедительно говорит о ложности упомянутого в начале этой главы расхожего утверждения о том, что империи — это абсолютное зло, раз уж «новой империей» — в положительном смысле слова — хотят быть США. И тем, кто приписывает России «имперские амбиции», не худо бы вспомнить старую библейскую истину: «Видишь соринку в глазу брата своего, а бревна в своем глазу не чувствуешь». Не проявляются ли такие амбиции в политике той страны, которая делает заявку на «мировое лидерство» в XXI в., объявляя зоной своих «жизненно важных интересов» все новые и новые регионы земного шара, включая части бывшего СССР? Которая без всякой военной необходимости расширяет границы в восточном направлении самого мощного в истории человечества военного блока? Наконец, которая проецирует военную мощь почти на все страны мира и весь мировой океан? И не означает ли это, что после окончания холодной войны на смену обанкротившемуся советскому мессианству, принесшему массу неприятностей и России, и другим странам, пришел американский?

Раскроем опубликованный еще при Б. Клинтоне доклад с амбициозным названием «Стратегия национальной безопасности США в следующем столетии». В нем на пятидесяти страницах около двадцати раз навязчиво говорится об «американском глобальном лидерстве», около десяти раз — об американском военном превосходстве и необходимости его сохранения, неоднократно — о намерении США распространять свои ценности повсюду в мире. Вот некоторые выдержки из документа:

«Наша военная мощь не имеет себе равной в мире»; «Мы можем и мы должны использовать лидирующую роль США для придания нужного направления интеграционным тенденциям в мире, внесения корректив в существующие политические и экономические институты и структуры безопасности, а также для формирования новых организаций, которые помогут создать условия, необходимые для продвижения наших интересов и ценностей»; «США намерены продолжать вести за собой мир»; «администрация США намерена... реализовывать наше лидерство в мире таким образом, чтобы оно отражало наши лучшие национальные ценности»²².

Все эти заклинания повторялись и в последующих изданиях «Стратегии национальной безопасности США», а также в ежегодно выпускаемых в США президентских посланиях конгрессу.

Подобное идеологическое мессианство представляет собой разновидность провиденциализма и до карикатурности похоже на прежнее идеологическое мессианство КПСС. А ведь холодная война началась не в последнюю очередь из-за желания большевиков распространить советскую коммунистическую систему на весь мир. Сегодня же мы являемся свидетелями того, как напористое стремление «ускорить победу американских демократических ценностей во всем мире», т.е. по суще-

ству навязать «миру миров», вмещающему различные цивилизации, своего рода «Четвертый Демократический Интернационал с американским лицом», начинает провоцировать новые конфликты, в том числе замешанные на транснациональном терроризме, новое отчуждение между народами и новую идеологизацию международных отношений. Из исторического опыта XX в. известно, что рано или поздно идеологическое противостояние перерастает в политическое, а политическое нередко приводит к военному.

Вместе с тем, как убедительно показали события начала XXI в., вывод о рождении «новой империи» оказался не более чем безосновательным мифом. И в пользу реальности этого мифа сегодня уже нет решительно никаких серьезных аргументов, хотя в плену у него по-прежнему находится немало не только американских и европейских историков и политологов, но российских ученых, в числе которых оказался известный российский американист А. Уткин²³.

Исходя из исторического опыта возникновения, существования и заката полноценных империй можно сформулировать следующие их признаки, или, если угодно, «родовые отличия».

Первое. Сверхнациональное идеократическое государство, объединенное *идеями общего блага*.

Второе. Наличие универсального, единого исторического проекта, базирующегося на религиозных ценностях, включающих в себя, помимо всего прочего, универсальный тип спасения и благодати для всех — «и эллинов, и иудеев». При этом общепланетарный, даже вселенский, космический идеал империи неизбежно порождает *идею служения империи* в качестве абсолютного морально-нравственного императива не только в политической, но и в личной жизни. (По этой причине не может быть, например, «либеральной империи», ибо либерализм — это антиимперский вектор развития в указанном смысле.)

Третье. Терпимость (если угодно, «толерантность») к другим культурам и цивилизациям, жизненным укладам, этносам, в особенности входящим в ареал империи. Такую «имперскую» терпимость блестяще демонстрировала, в частности, Римская империя, а еще нагляднее — Российская империя, которой была полностью чужда идея превращения всех подданных в русских. И даже кочевников, как показала история, она умудрилась включить в свой ареал (это, впрочем, делал и Китай).

Четвертое. Ответственность имперского государства за всех живущих в империи, из которой вытекали такие чисто имперские проекты, как строительство дорог, почты, водопровода, мостов и т.д. При этом у такого государства не могло быть ни малейшего оттенка самодовольства (а тем более «самонадеянности силы»). Это государство всегда сознавало всю огром-

ную тяжесть «имперского бремени». В Российской империи такое осознание воплотилось в идее «Москва — Третий Рим», которая означала всего лишь понимание московскими государями того обстоятельства, что после падения Константинополя другого, кроме Москвы, защитника восточнохристианской цивилизации и культуры в мире нет.

Пятое. Опора на стержневой, т.е. *имперский, этнос*. И здесь важно понять, что есть имперские и неимперские народы. Например, славяно-руссy Киевской Руси не были имперским народом, а великороссы стали таковым.

Как же с точки зрения этих имперских критериев смотрятся США?

Вряд ли общим благом можно считать провозглашаемые Вашингтоном идеалы демократии, права человека, свобода и пр. Во-первых, эти ценности относятся к разряду универсальных и американским изобретением уж никак не являются. Во-вторых, они являются либеральными: во главу угла здесь положен индивидуализм, что никак не резонирует с имперскими идеалами общего блага. Индивидуальные ценности — это, вне всякого сомнения, хорошо, но империя — это все-таки «немного» больше. Ценности же потребительского общества для любой империи смерти подобны. Именно они, как ржавчина, разъедали имперские конструкции, созданные, казалось бы, на века.

Имеют ли США универсальный исторический проект? Некоторые американцы (и не только они) говорят, что имеют. Да только почти никто в мире так не считает. Напротив, попытки Вашингтона силой навязать американские представления о добре и зле повсеместно вызывают все большее отторжение не только у представителей других цивилизаций, но теперь уже и у союзников США, находящихся с ними внутри одной (назовем ее евроатлантической) цивилизации.

Про американскую «толерантность» сегодня долго говорить не приходится. Примеры такой толерантности мы ежедневно наблюдаем в Ираке, реже — в репортажах об американских тюрьмах (например, в Гуантанамо и Абу-Грэйб), организованных ЦРУ повсюду в мире, в том числе и в странах Центральной и Восточной Европы, весьма часто — в воинственной риторике высшего руководства США, включая президента.

Об американской «самонадеянности силы» сказано очень много, прежде всего самими американцами.

И, наконец, можно ли говорить о существовании американского имперского этноса? При всем уважении к американцам — вряд ли. Их бесспорным достижением является другое — создание уникальной в истории человечества политической нации. В реализации этого проекта, кстати говоря, принимали участие чуть ли не все народы мира, но прежде всего англичане, ирландцы, французы, немцы, евреи и, не в последнюю

очередь, русские. Но политическая нация — это далеко не имперский стержень. И признаки размывания американской политической нации — налицо, о чем уже давно с сожалением пишут такие рьяные адепты американской цивилизации, как, например, С. Хантингтон²⁴.

Таким образом, ни по одному из вышеперечисленных критериев до высокой планки империи США явно не дотягивают. Америка — это в лучшем случае некий имперский фантом, а точнее — «симулякр» империи (наподобие орденской ленты Портоса, роскошной в видимой ее части и скроенной из лохмотьев со стороны, закрытой мушкетерским плащом). Вне всякого сомнения, это мощная держава (как любят говорить американцы, «единственная оставшаяся в мире сверхдержава»), но держава, склонная к самодовольству, «самонадеянности силы» и односторонним действиям, продиктованным не сознанием своей планетарной ответственности, а своими чисто эгоистическими, корыстными интересами.

Суть стратегии США состоит не в том, чтобы взять на себя ответственность за глобальное управление, а в том, чтобы обеспечить себе свободу рук, т.е. по существу свободу от такой ответственности, избавиться от необходимости отвечать за те процессы и события в мире, которые не представляют интерес для собственной безопасности и развития. Соответственно и военные интервенции США осуществляют не там, где действительно имеются проблемы у мирового сообщества — будь то проблемы безопасности или развития, — а там, где у США есть корыстные военные, политические и экономические интересы. Об этом, в частности, говорит последняя «Стратегия национальной безопасности», в которой США обосновывают свое право наносить превентивные удары по любым странам, заподозренным ими в поддержке терроризма. Это значит, что все разговоры Вашингтона о «глобальном лидерстве» — не более чем риторика. На деле же никакого «глобального лидерства» нет, поскольку США конечно же в действительности далеко не отождествляют свои интересы с интересами мирового сообщества.

В 1630 г. губернатор американского штата Массачусетс Дж. Уинтроп призвал граждан США построить «город на холме», который представлял бы собой некий идеал развития для всего мира, маяк для человечества. Если же этого сделать не удастся, говорил Уинтроп, то «пусть проклятье упадет на наши головы». Это был имперский идеал. Нельзя, однако, сказать, что США последовательно шли к этой цели в ходе своей истории. И бремя «сверхдержавы» свалилось на них весьма неожиданно. Уже сегодня заметно, что этого бремени Америка не выдерживает. Беглый анализ даже среднесрочных тенденций мирового развития весьма убедительно говорит о том, что ни в одной сфере — будь то эко-

номика, военное дело, политика, культура, мораль — превосходство США ограничено жесткими временными рамками.

В мировой *экономике* роль США на протяжении последних 50 лет последовательно падает. Если в 1945 г. их доля в мировом ВВП составляла почти 30%, то сегодня — уже не более 20%. По темпам экономического роста США намного опережают другие крупные страны, особенно Индия и Китай. Последний через 10–15 лет выйдет в мировые экономические лидеры. Если в 1950 г. доля КНР в мировой экономике составляла 3,3%, а в 1992 г. — 10%, то в 2025 г. она прогнозируется на уровне не менее 20%.

Вообще XXI век — век Азии. К 2020 г. она будет производить более 40% мирового ВВП, а к 2050 г. — около 60%. Из шести величайших экономик мира пять будут азиатскими. На этом фоне значение американской экономики резко упадет. Если в 1995 г. ВВП США был равен совокупному ВВП Японии, КНР, Индонезии, Южной Кореи и Таиланда, то в 2020 г. он составит уже значительно меньше половины совокупного ВВП этих стран²⁵.

Объединенная Европа уже сейчас по совокупному экономическому потенциалу опережает США. Очень многие страны Западной Европы существенно впереди США и по уровню жизни.

В финансовом отношении США уже сегодня по существу страна-банкрот, что показал мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. По разным оценкам, все долги США (внутренние и внешние) составляют от 37 до 43 трлн долл., т.е. до 145 тыс. долл. на каждого американца²⁶.

Военная машина США, спору нет, не имеет сегодня себе равных. Но американская армия (как и многие другие, возможно, все армии мира) создана для сражений XX в., а не для миротворческих операций века XXI. Основательно и надолго застрявшая в Ираке и Афганистане, эта армия вряд ли способна на новые интервенции. Многие серьезные американские эксперты полагают, что на расширение зоны боевых действий в Сирию и Иран у Пентагона попросту нет ни людей, ни средств. По их оценкам, чтобы, например, напасть на Иран, требуется группировка численностью не менее 800 тыс. человек, которую должны поддерживать более 900 самолетов. При этом потери вооруженных сил только в первые два дня интервенции составят не менее 20 тыс. человек²⁷, что абсолютно неприемлемо для американского общества (все потери вооруженных сил США за годы войны в Ираке составляют, по самым худшим оценкам, около 6 тыс. человек). Какая же это имперская армия?

«Наши вооруженные силы, — бьет тревогу Д. Саймс, — уже на пределе, наш бюджетный дефицит огромен, а отношения с мусульманским миром — слишком сложны»²⁸.

В *политической области* США уже сегодня не являются безусловным и общепризнанным лидером. Это лидерство оспаривают не только в Пекине, Тегеране, Дели и Москве, но и в Берлине, Париже, иногда даже в Лондоне. Иными словами, в столицах самых близких американских союзников. Приходится констатировать, что политическое лидерство США признавалось Западной Европой добровольно лишь в период существования биполярного мира, т.е. во времена конфронтации с СССР. С окончанием этих времен кануло в Лету и «американское лидерство». Попытки же США играть военными мускулами для подтверждения прежнего статуса ничего не дают. Более того, они в этом смысле контрпродуктивны, поскольку усугубляют неприязнь к Америке как «мировому полицейскому» (полицейских ведь нигде не любят). Вот и получается, что «сверхдержавность» — это категория биполярного мира. С окончанием этого мира уходит в небытие и эта категория.

В американском обществе, отмечает патриарх американской политологии З. Бжезинский, «начал развиваться психоз, превращая самоуверенную Америку в исполненную страхом страну». Он констатирует «исторически беспрецедентную враждебность к США в международном масштабе», «снижение политического веса США». «Внешняя политика США после 11 сентября 2001 г., — пишет он, — отличается крайней близорукостью и недалекновидностью, сеет чрезмерную панику и слишком дорогостояща... В целом она сделала Америку более уязвимой и поколебала легитимность ее мирового превосходства». З. Бжезинский справедливо указывает на пределы американского могущества:

«США не в состоянии в одиночку помешать разработке ядерного оружия Северной Кореей, воспрепятствовать стремлению Ирана приобрести обогащенный уран, найти способ справедливого урегулирования палестинского кризиса, предотвратить бойню в Дарфуре, решить долгосрочную проблему растущей мощи Китая... Самостоятельно Америка не может даже нейтрализовать разрушительные региональные последствия своего доминирования в Ираке»²⁹.

Что касается *культуры*, то и в годы холодной войны США никто не признавал за лидера. Если, конечно, иметь в виду Культуру (с большой буквы), а не массовую культуру. Даже в информационной области доминирование США с каждым годом все более слабеет.

Вряд ли в наши дни кто-нибудь будет спорить с тем, что США не являются образцом *морально-нравственного поведения*, а следовательно, моральным лидером человечества. На эту позицию не может претендовать страна, которая вышла из Киотского протокола, не признает юрисдикцию Международного суда, фактически разрушает международный режим контроля над вооружениями, пускает под откос, по существу, всю

систему международного права и не состоит в Совете Европы (будучи в политическом и цивилизационном смысле европейской страной).

Тот же З. Бжезинский с тревогой отмечает, что Америка «стала выглядеть пособником распространения ядерного оружия для избранных»³⁰. И тут он прав. А американская политика упреждающих ударов приучила многие государства к мысли, что единственным средством защититься от «глобальной демократической революции» является обзаведение собственным ядерным оружием.

Наказывая без санкций ООН «тоталитарные режимы», Америка одновременно выполняет функции судьи, присяжных и палача, что напроць уничтожает представление о ней как о правовом государстве. Своими действиями США сами разрушают свой моральный и политический авторитет. В этом контексте весьма странными звучат вопросы представителей политической элиты США типа: «Почему нас ненавидят в мире?» Особенно странно, что этому удивляются такие деятели, как Д. Чейни, Д. Рамсфельд, К. Райс, которые, находясь на высоких государственных постах, ежедневно выступали с воинственными заявлениями, кичились американским военным превосходством, пытались «учить мир демократии», насаждать американские ценности в странах других цивилизаций и т.д.

З. Бжезинский констатирует «падение нравственного авторитета США в мире»:

«Выяснилось, что страна, десятилетиями громогласно выступавшая против политических репрессий, пыток и иных нарушений прав человека, сама использует методы, явно не совместимые с уважением к человеческому достоинству». Не удивительно, что «американская гегемония идет на убыль»³¹.

Еще Т. Рузвельт давал инструкцию американским дипломатам: «Говори тише, когда у тебя в руках большая дубинка». Нынешнее американское руководство делает все наоборот: оно размахивает этой дубинкой, что начинает беспокоить политический класс самих США. Американский политолог Дж. Най сетует на то, что «правительство США тратит в 400 раз больше на жесткую, чем на гибкую, силу»³². Надо ли удивляться, что Америку почти нигде не любят?

Везде и всюду США следуют худшей традиции: покорить «варваров», чтобы затем дать им процветание. Причиной крушения любой империи, полагал историк А. Тойнби, «в конечном итоге становятся самоубийственные действия ее лидеров». «Именно такое определение наиболее уместно для политического курса США», — считает З. Бжезинский³³.

Вот и получается, что за политику империи политический класс США принимает политику превосходства и доминирования. При этом

он совершенно откровенно (возможно, сам этого не осознавая) внедряет в американское внешнеполитическое мышление хорошо известную «доктрину Брежнева» — «доктрину ограниченного суверенитета». Только если Брежнев имел в виду лишь Восточную Европу, то руководство США желает распространить статус «ограниченного суверенитета» на весь мир.

Не удивительно, что в последнее время США терпят поражение за поражением. Они не решили до конца проблему Афганистана. В Ираке — застряли глубоко и надолго. Вашингтон ничего не может сделать с Ираном. Полностью провалились их планы «демократизации» Большого Ближнего Востока и Большой Центральной Азии. США бессильно наблюдают за возвышением Китая. Они ничего не могут сделать с Северной Кореей, Кубой, Малайзией, Сомали, Венесуэлой. И это империя XXI века?!

К сказанному следует добавить, что политической воли американской политической нации к строительству всемирной империи нет, как нет в США и настроений «мирового крестового похода».

Размышляя о том, почему имперская политика США проваливается всюду и везде, Ф. Фукуяма указывает на две причины. Во-первых, эта политика основана на идее о том, что США позволено применять силу тогда, когда другим этого делать нельзя. Во-вторых, последствия вторжения в Ирак не прибавили аппетита в американском обществе к дальнейшим дорогостоящим интервенциям. «Ведь, по сути, — постулирует он, — американцы — народ не имперский»³⁴.

Так империя ли США?

Грядет ли Пятая Империя?

Весьма интересен был спор между «имперцами» и «русскими националистами», который разгорелся в 2006 г. вокруг статьи П. Святенкова «Империя и ее имперцы» и откликов на нее, появившихся в АПН и других электронных СМИ.

Статья Святенкова проникнута антиимперским пафосом с позиций русского национализма. При этом автор полагает, что СССР — это тоже империя. Он отмечает, что после краха Советского Союза возник целый класс людей, ориентированных на имперскую идентичность. Многочисленные имперские проекты, сначала продиктованные просто ностальгией по СССР и стремлением воссоздать его на новой идеологической основе, постепенно выродились в банальную русофобию.

«За что бы ни боролись имперцы, — пишет Святенков, — за построение в России Европы, отличной от натуральной, могучей Евразийской империи в союзе с Китаем (либо без союза с Китаем, но в союзе с Ираном или Казахстаном — варианты многообразны), за “Третий Рим”, нововизантийскую

империю и завоевание Константинополя (и тут вариантов масса), они едины в одном. Во взгляде на русский народ как на скот, который по неизвестной причине “обязан” построить им Третий Рим, Межгалактическую коммунистическую империю, Неоевропу, Светлое Царство коммунизма им. Льва Давыдовича Троцкого и тому подобные фантастические государственные образования. Обосновывается это по-всякому — ссылками на православие, будто бы обязывающее русских костями лечь во имя Третьего Рима, ссылками на “комплементарность” русских тюркам (вариант — китайцам), обязывающую их строить совместную с ними империю, ссылками на исторический европейский выбор русского народа, делающего для него необходимым строить Европу, ссылками на всечеловечность русских, которых хлебом не корми — дай устроить судьбу всяких европейских голодранцев. Вариантов великое множество. Что бы ни говорили имперцы, смысл их идеологических построений всегда один — русский народ обязан совершить коллективное самоубийство во имя высокой миссии. Насчет того, для какой миссии нужен убой русских, меж имперцами идет продолжительная дискуссия».

Этот тезис, полагает Святенков, — «русские должны сдохнуть, но построить нам нашу великую империю» — является единственным, объединяющим всю «имперскую» пропаганду, связывающим ее риторику.

«Будет справедливым отделить третьеримских мух от жирных русофобских котлет и признать, что данный тезис составляет единственное содержание имперства. Имперцы грезят эмиграцией в фантастическую страну. Так, маленький мальчик мечтает поступить в Хогвартс. Из России — в Третий Рим, из России — в Евразийскую империю, из России — в Европу. Эмиграция не обязательно носит географический характер, но везде речь идет о создании над Россией имперской надстройки, часто вынесенной за пределы нынешней территории страны, реализующей имперскую программу, противоречащую национальной. Русский народ в рамках имперской концепции мыслится транспортным средством: ослом или лошастью, призванным доставить имперца в вожделенную империю. А что ишак сдохнет по дороге — так то пустячки, дело житейское, такова его евразийская “православная” всечеловечная имперская судьбинushка».

Святенков убежден, что «неверен сам имперский дискурс, требующий какого-то “вселенского проекта” и неисчислимых жертв во имя него. На самом деле проектом является государство. Государство — проект русского народа. Именно строительство государственности на данном этапе является объединяющим началом. В появлении нормального государства заинтересованы все — как русские, так и остальные народы России. Смею предположить, и сами имперцы»³⁵.

Политолог Б. Межуев в отклике «Антиимперская мобилизация — 2006» на статью Святенкова напоминает, что дискуссия об империях имеет и внешнеполитическое измерение:

«Если под “империей” понимать военно-силовую гегемонию одного общества над другими, то мир в целом никогда не переставал быть “имперским”. От “империи”, говоря серьезно, не то что не должно, просто невозможно отказаться. Даже если мы скажем, что не хотим “империи”, а хотим нормальной жизни, это не будет означать ничего другого, как включения на правах полусуверенного, если не прямо колониального образования в какую-то иную империю, которая с полным основанием в этом случае станет диктовать нам нормы поведения как внутри страны, так и за ее пределами».

Отказавшись от жертв во имя своей империи, мы почти наверняка будем вынуждены горбатиться ради чужой. Лишенные «имперской крыши», русские почти наверняка окажутся «мясом для пушек» другой империи, на чужой войне, в составе очередной, не ими созданной «анти-террористической коалиции» или же на какой-нибудь ударной «стройке империализма» в качестве полудармовой рабочей силы. Впрочем, вариантов постимперской судьбы для русских много, но среди нет такого, который сулил бы им спокойное существование. Задача националистов должна бы заключаться вовсе не в борьбе с собственной империей, точнее, с остатками собственного имперского могущества, а скорее, в жестком ограничении имперских целей, в отделении «имперства» от «империализма».

Империя, настаивает Б. Межуев, нужна русским исключительно для себя, а не для мира и континента, который в настоящий по крайней мере момент никакой потребности в нашем имперском существовании не испытывает. Антиимперская мобилизация, заключает Б. Межуев, если ее вновь с увлечением подхватит широкое общественное мнение, серьезно угрожает основам государственного бытия России, самому историческому существованию нашей цивилизации³⁶.

Весьма любопытно откликнулся на статью Святенкова и Д. Володихин в своей заметке «Почвенная империя». Он полагает подход Святенкова «системной ошибкой», поскольку «санкции истерической жертвенности для русских имперство не содержит... В российском политическом консерватизме сегодня речь идет не об Империи вообще, а об адекватной форме Империи, притом адекватной не для кого-то, а для русских — основной части населения России, основного налогоплательщика и работника».

Россия-Империя, в сущности, имеет смысл только как государство, собравшее под своей крышей множество народов, но в принятии всех стратегических решений руководствующееся интересами православия и русской нации. Иными словами, подчеркивает Володихин, «нужна почвенная империя, как бы странно это ни звучало. Не только “силами русских” строится Империя, но и ради русских. Так зачем же гро-

бить самих себя?»³⁷ Таким образом, лозунг Империи, заключает Володихин, и сейчас еще не исчерпал ресурс полностью и может отлично поработать.

Неожиданно порадовал своей статьей по рассматриваемой теме Г. Павловский. Полемизируя со Святенковым, он прежде всего утверждает, что «Советский Союз — не империя, себя таковой отнюдь не считал, а все империи, говоря грубо, видал на х**». Одной из опор советского триумфаторства было — мы круче всяких ваших империй! То было осознанное превосходство. Победрами советских над имперскими мы все гордились. Кто не знал, что свободой Союз обязан двум победам над двумя империями — над Российской в 1917–1920 гг., и над Рейхом в 1941–1945. Их ничуть не уравнивали, но побед было две: 7 ноября в значении Дня Победы было равноценно 9 мая. Империя из СССР после впрямь вышла, — по ходу дела отмечает Павловский. — Но странная империя — антиимпериалистическая». Русский проект, полагает Г. Павловский, его максимальная, предельная амбиция — стать и остаться Россией. Как у Евросоюза — стать и остаться Европой. «Утопия дорогушая, о да. И опасная. Ввязались в нее с кондачка, ничуть не обдумав. Но решить отказаться быть Россией, став вместо этого небывалой Нормальной Страной, — проект еще более рискованный и невнятный, практически непосильный для русских»³⁸.

Рассуждения Г. Павловского лишь подтверждают ранее сделанный нами вывод о том, что Российское государство было и пока остается принципиально наднациональным. Жизнь дает все больше свидетельств того, что Россию подстерегают серьезные опасности при ее трансформации в национальное государство. На этом пути неизбежно встает «русский вопрос» с нерешенной проблемой границ в случае идентификации России по национально-этническому признаку. Россия исторически всегда находила свою национальную идентичность в поле наднациональной и метаисторической парадигмы. Наднациональной и метаисторической она должна быть и сейчас.

Вычлнить же из этого пространства мононациональные регионы оказывается невозможным. Это ведет, как показали попытки строительства собственной государственности в Грузии, Азербайджане, Узбекистане, Туркменистане, отчасти в Казахстане и в других бывших частях Большой России, к формированию своего рода «мини-империй», которые в ряде случаев приобрели прямо-таки полуапартеидный характер. Причем парадокс состоит в том, что чем резче выламываются «дочерние империи» из «империи материнской» и чем мельче и озлобленнее они оказываются, тем более присущи им все отрицательные имперские характеристики. Это и понятно: к спокойному, самостоятельному и са-

модостаточному существованию «дочерняя мини-империя» не способна. В России же альтернативой имперскому сознанию является этнический ультранационализм, борющийся за жизненное пространство. Между тем именно такой оборот событий провоцируют разбуженные распадом Большой России «демоны постсоветского национализма», которые всеми силами стремятся закрепиться на «своей» территории путем вытеснения русских, с помощью политики дерусификации, дискредитации прошлого, вытравливания памяти о существовании народов в едином государстве.

Наиболее угрожающим вариантом развития в этих условиях представляется агрессивное возрождение тоталитарной государственной модели большевистского типа как реакция на распад страны. Исторический прецедент такого рода налицо — 1918–1922 гг., эпоха «военного коммунизма». Возможность такого варианта, к счастью, ослабляется тем, что впервые в своей истории Россия не ощущает себя во враждебном окружении. Однако при продолжении Западом курса на «геополитический плюрализм» — теперь уже не на постсоветском пространстве, а на территории самой России, при продолжении антирусской политики ряда стран ближнего зарубежья исключить его полностью нельзя.

Если рискнуть говорить об оптимальном пути в будущее на сравнительно недалекую историческую перспективу для России, то тот вариант развития событий, который удовлетворил бы весь мир, состоит в постепенной трансформации всего пространства исторической России в экономически и политически интегрированное объединение демократических государств (по принципу «Соединенных Штатов Евразии»), способного гарантировать в этом гигантском регионе-материке политическую и экономическую стабильность и являющегося одновременно своего рода межцивилизационным «плавильным котлом». Это было бы естественным историческим местом Большой России на новой геополитической карте мира. Если процесс самоидентификации новых независимых государств пойдет именно в этом направлении, можно ожидать увенчания исторической борьбы народов России за достойное место в мире. Это, однако, может произойти только при условии возрождения в ней национального самосознания, восстановления его целостности. Всемерно способствовать, а не мешать его формированию, наклеивая на его пока слабые ростки ярлык «имперскости» (в агрессивном смысле слова), — в этом состоит объективный и долгосрочный интерес и российской элиты, и ближних соседей России, и всех ответственных держав и политических деятелей мира. В этом случае Россия и стала бы Пятой Империей.

Примечания

- ¹ *Гайдар Е.* Гибель Империи. Уроки для современной России. М., 2006.
- ² *Проханов А.* Симфония «Пятой Империи». М., 2006.
- ³ Русская доктрина. М., 2008.
- ⁴ АПН.ру.
- ⁵ *Гуцин В.* Я знаю, кто такой Путин. Я знаю, что есть Россия. М., 2005. С. 193.
- ⁶ *Проханов А.* Указ. соч. С. 5, 10.
- ⁷ *Арбатов А.* Россия: Особый имперский путь? Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 6.
- ⁸ *Маркедонов С.* Российская национальная политика: Гражданство против крови; *Никонов В.* Соблазн особого пути. Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 3.
- ⁹ *Махнач В.* Время империй не прошло. Сайт Клуба мировой политической экономики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [wres.ru.](http://wres.ru/); *Савельев А.* Империя — судьба России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.zlev.ru/.](http://www.zlev.ru/)
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Грэхэм Т.* Российская внешняя политика и кризис российской государственности. 20 апреля 1995. Доклад, представленный на семинаре в Московском отделении Фонда Карнеги.
- ¹³ *Соловьев В.С.* Собр. соч. Т. 3. С. 78.
- ¹⁴ Независимая газета. 1996. 27 ноября.
- ¹⁵ *Ильин И.* Соч. Т. 5. С. 89.
- ¹⁶ *Флоровский Г. В.* Евразийский соблазн // Современные записки. 1924. Кн. 24. С. 335.
- ¹⁷ *Махнач В.* Указ. соч.
- ¹⁸ *Цитко А.* Можно ли сформировать новую российскую идентичность? // Вестник аналитики. 2002. № 8.
- ¹⁹ *Бердяев Н.* Философия неравенства. Париж: YM CF-Press, 1970. С. 74.
- ²⁰ *Булгаков С.* Соч. М., 1994. Т. 2. С. 57.
- ²¹ Как говорил русский историк Н. Ульянов: «Каждый раз отторгнутые куски, как лоскутья гоголевской заколдованной свитки, сползались и срастались друг с другом, образуя прежнее целое». (См.: *Ульянов Н. И.* Спуск флага. Нью-Хейвен, 1979. С. 64.)
- ²² National Security Strategy in the next Century. Wash, 1997.
- ²³ *Уткин А.* Единственная современная империя США // Интеллигент. 2006. 20 марта.
- ²⁴ *Хантингтон С.* Кто мы? / Пер. с англ. М., 2004.
- ²⁵ *Уткин А.* Мировой порядок XXI века. М., 2001. С. 269, 271.
- ²⁶ *Винников В.* Накануне катастрофы. АПН.ру. 27.02.2006.
- ²⁷ *Тронов А.* В борьбе против империи. АПН.ру. 31.01.2006.
- ²⁸ Независимая газета. 2006. 10 февраля.
- ²⁹ *Бжезинский З.* Последний гегемон на распутье // Независимая газета. 2006. 17 февраля.
- ³⁰ New Perspectives Quarterly. 2006. February 6.
- ³¹ New Perspectives Quarterly. 2006. February 6.
- ³² *Ванчужов В.* Красота по-американски. АПН.ру. 07.03.2006.
- ³³ New Perspectives Quarterly. 2006. February 6.
- ³⁴ Guardian. 2006. February 26.
- ³⁵ *Святенков П.* Империя и ее имперцы. АПН.ру. 06.06.2006.
- ³⁶ *Межуев Б.* Антиимперская мобилизация. АПН.ру. 07.12.2006.
- ³⁷ *Володихин Д.* Почвенная империя. АПН.ру. 06.07.2006.
- ³⁸ *Павловский Г.* К дискуссии об империях. АПН.ру. 07.06.2006.

Национальная идентичность в контексте стратегии развития

В основополагающих государственных отечественных документах нет понятия национальной идентичности. Вопросы самоопределения России в них трактуются через призму национальной безопасности, хотя именно идентичность и является ее сущностной основой. Исходя из этого обратимся к вопросу о том, как в этих документах рассматривается проблема развития.

В документах по национальной безопасности, как правило, имеются специальные разделы, в которых определяются главные (основные) направления политики национальной безопасности, которые в свою очередь задают концептуальные рамки определения приоритетов внутренней и внешней политики государства. Помимо всего прочего, это подчеркивает еще один из важнейших методологических принципов — принцип неразрывного единства внутренней и внешней политики. При этом на первое место ставятся приоритеты внутренней политики, исходя в том числе из того, как понимается безопасность в этих документах — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Главным же источником угроз и вызовов национальной безопасности в них декларируется внутренняя обстановка в стране, которая порождает внутренние проблемы и усугубляет внешние негативные факторы, затрудняет противодействие им.

Обеспечение национальной безопасности в важнейших государственных документах по этому вопросу не ограничивается функцией защиты и не сводится к ней, а тесно связано, совмещено с идеей прогрессивного развития. В свою очередь прогрессивное развитие в этих документах трактуется как демократическое, с одной стороны, и устойчивое — с другой¹. Политика национальной безопасности, таким образом, оказывается тесно связанной со стратегией устойчивого демокра-

Глава 7. Парадигма развития

тического развития, является ее неотъемлемой частью и одновременно условием ее реализации.

В этой связи политика национальной безопасности должна быть направлена не только на предотвращение угроз, но и на осуществление комплекса мер по укреплению и развитию прав и свобод личности, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства. Речь, таким образом, идет об интегрированной и долгосрочной государственной политике, которая в американской политической мысли, например, определяется даже не как Стратегия национальной безопасности (она излагается в США раз в четыре года), а как Большая Стратегия (хотя она не носит официального характера, но рассчитана по крайней мере на 10–15 лет)².

В свете вышесказанного становится ясным: для того чтобы приступить к определению главных направлений политики национальной безопасности, а затем и приоритетов внутренней и внешней политики, следует вначале разобраться с идеей и понятием «развитие» (и соответственно «Стратегия развития»)³.

Отсюда в свою очередь вытекает строгая иерархия таких понятий, как безопасность, развитие и идентичность. Задачей политики безопасности России на ближайшее десятилетие можно было бы считать возрождение страны через укрепление российской государственности, удержание в этот период нынешних геополитических рубежей, восстановление роли и влияния России на мировой арене в качестве великой державы. Такая политика должна быть основана на Стратегии национального развития и безопасности в пределах жизни одного поколения. Ее задачей является выход России в категорию одной из крупнейших и лидирующих держав мира по качеству жизни и влиянию на мировую политику. В свою очередь Стратегия национального развития и безопасности должна быть основана на Концепции национальной идентичности России, включающей защиту ее «вечных интересов» и непреходящих цивилизационных ценностей, т.е. культурного идентификационного ядра. Задачей такой Концепции можно было бы считать сохранение, воспроизводство и развитие российского суперэтноса как носителя самобытной национальной культуры, призванной стать одним из важнейших элементов формирующейся в мире интеркультуры.

Об устойчивом и демократическом развитии

Идея развития (точнее — «устойчивого развития») как идея новой культурной парадигмы появилась в конце XX в. благодаря осознанию того обстоятельства, что естественная эволюция завела человечество в тяжелое положение, которое характеризуется следующим: расходова-

ние наличных ресурсов опережает формирование новых; распределение ресурсов крайне неравномерно, что дестабилизирует ситуацию как в отдельных странах (богатство—бедность), так и в мире в целом; происходит деградация природной среды, в биосфере развиваются необратимые негативные процессы.

В качестве пути преодоления этого положения, грозящего человечеству гибелью, на Западе и в России возникла идея «устойчивого развития» (*sustainable development*), впервые широко озвученная на Всемирном форуме в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Эта концепция хотя и призывает к пересмотру и смене господствующей парадигмы и даже мировоззрения, но, по сути дела, не затрагивает господствующих подходов и основ традиционных представлений о мире, ограничивая нововведения главным образом пересмотром сложившихся социально-экономических и эколого-экономических систем, с неудовлетворительным состоянием которых связывается ряд кризисов: кризис неравномерности социального развития, ресурсный, экологический кризис и др.

В защиту идеи «устойчивого развития» можно, однако, сказать, что это еще не концепция, а скорее идеология, которая (если не понимать ее слишком буквально) способна стимулировать возникновение целого спектра перспективных идей и концепций, может быть, не только в рамках самой этой идеологии, но и в оппозиции к ней. Иными словами, идею «устойчивого развития» можно расценить как плодотворную ошибку, аналог философского камня или вечного двигателя. Нереализуемая сама по себе, она тем не менее может оказаться в высшей степени продуктивной.

На наш взгляд, следует менять подход к самому понятию «развитие». Оно противостоит таким категориям, как «функционирование», «рост», «эволюция», «модернизация». Первая из них достаточно известна. Противопоставление развития и роста, связанное еще с первыми работами Римского клуба («Пределы роста»), к сожалению, до сих пор недостаточно проработано и не стало общепринятым. В условиях ничем не ограничиваемого и не сдерживаемого роста (производства, потребления, качества жизни) нет и не может быть никакого развития. Если у вас есть все необходимое или вы можете без проблем все это произвести, то надобности в развитии просто не возникает. И наоборот: пределы роста, дефицит ресурсов вынуждают вас именно к развитию.

В этом видится объяснение парадокса нищеты богатой России рядом с богатством нищей Японии. Но из этого следует и принципиальный вывод: нет и не может быть никакого «перехода» к развитию: развитие требует не стабильности и богатства (тогда оно становится факультативным), а рефлексии и мышления. Развитие страны — это не рост производства и потребления, а прежде всего развитие человека,

Глава 7. Парадигма развития

граждан и их сообществ. Развитие предполагает не дележ ресурсов, а их умножение посредством выработки новых способов употребления личного материала в деятельности, новых технологий. Отсюда богатство и благосостояние являются не начальным условием, а побочным продуктом, очередной превращенной формой развития.

Представляется, что понятие «развитие» следует также противопоставить понятию «модернизация». Модернизацию в широком смысле можно понимать как искусственное приведение каких-либо систем (независимо от их природы — это могут быть системы знаний, социальные или технические системы и т.п.) в состояние, соответствующее принятым сегодня стандартам и представлениям о должном. Говорить о модернизации тогда возможно применительно к каким-то «отставшим» системам: и модернизация оказывается всегда по принципу «догоняющей». С другой стороны, модернизация предполагает, что мы принимаем некие «стандарты современности», которые и позволяют квалифицировать интересующие нас системы либо как современные, либо как отсталые и требующие специальных усилий по их приведению к современному виду, т.е. модернизации⁴.

Сходство между модернизацией и развитием состоит в том, что оба этих термина предполагают выход на первый план мышления и осознанной, ориентированной на будущее человеческой деятельности. Ни модернизация, ни развитие не происходят сами собой, в режиме естественной эволюции: и то, и другое требует волевых усилий. Различие же состоит в том, что модернизация предполагает подтягивание к известным «мировым стандартам». Развитие, напротив, мыслится как основанное на критике и проблематизации уже известных методов, средств, форм самоорганизации и организации, онтологических картин. Развитие связано с обогащением нашего арсенала интеллектуальной работы, а соответственно с умножением числа степеней свободы, возможностей, диверсификацией мышления и деятельности, диверсификацией и систематической сменой используемых ресурсов.

Если у модернизации есть цель — достижение уровня мировых стандартов, то у развития в этом смысле нет и не может быть никакой цели. Развитие — это ценность сама по себе, поскольку оно связано с процессом самоидентификации, а в случае развития России как страны — с процессом самоопределения России в постсоветскую эпоху, который является сейчас для нее и для нас как российских граждан наиважнейшим. При этом рамка самоопределения является смыслопорождающей. Поэтому важно различать путь, по которому нам предстоит двигаться в соответствии с нашим самоопределением и принимаемыми ценностными ориентирами (путь, который определяется и уточняется в процессе

движения), и дорогу, которую можно выбрать из числа известных и которая ведет к заранее известной цели. Идея пути соотносится с развитием, идея дороги — с модернизацией.

В силу ограниченности наших возможностей развитие всегда локально, а рамка исторической эволюции вменена нам как предельная смысловая рамка, выйти за пределы которой нам не дано. Поэтому «устойчивое развитие» — не более чем метафора. Апеллируя к современной трактовке этих вопросов К. Пошпером и Ф. Хайеком, можно сделать вывод о том, что разработка всякого рода «национальных планов действий» и общенациональных программ «перехода к устойчивому развитию» — пустое занятие, которое не может породить ничего, кроме очередной «программы КПСС». Глобально надо мыслить, но действовать лучше локально. Тем более в условиях, когда по поводу возможных действий имеется множество разноречивых представлений.

Исходя из вышесказанного в качестве идеи пересмотра и смены господствующей парадигмы и мировоззрения в национальную повестку дня может и должна быть поставлена идея развития, которая должна сменить господствующую до настоящего времени естественную эволюцию человеческой цивилизации. Эта идея созвучна духу русской философии, в особенности мыслям В. И. Вернадского о ноосфере (сфере разума), в которой человеческое мышление и деятельность становятся основной созидательной силой на Земле. Созвучие идеи развития традициям и духу русского народа как государствообразующего создает благоприятные условия для ее воплощения в России. На базе этой идеи может быть построена понятная всем народам России перспектива, в направлении которой осуществляется преобразование российского общества. Она может стать содержательной основой общественного согласия и явиться консолидирующим началом для политических сил, имеющих демократическую ориентацию, принимающих рамку права.

Развитие всегда сопряжено с удачами и неудачами, спадами и подъемами и потому в строгом смысле слова не может быть «устойчивым». Устойчивой, постоянной может (и должна) быть только наша ориентация на развитие, когда развитие понимается как важнейшая национальная ценность. В этом и только в этом смысле можно принять термин «устойчивое развитие».

Что касается «демократического развития», то это с позиций развиваемых нами методологических подходов означает, что развитие России мыслится в рамках права и диалога. Рамка права означает принятие принципа формального равенства всех граждан России (включая и власти преобладающие) перед Судом и Законом. В рамках права не может быть врагов, могут быть только оппоненты и соперники. Все конфлик-

Глава 7. Парадигма развития

ты разрешаются при этом либо политическими средствами, либо в судебном порядке. Рамка диалога означает признание того, что все люди, все народы — разные. Каждый имеет право на свои подходы и взгляды, но никто не имеет оснований объявлять их единственно верными. Этот принцип создает не только возможность мирного сосуществования людей, но и важнейший ресурс развития во взаимодействии разных интересов и культур. Такая организация жизни возможна только в условиях открытого общества. Как свидетельствует опыт развития стран, в иных условиях устойчивое развитие в принципе невозможно.

Стратегия развития России могла бы строиться на следующих основных принципах.

1. Человек есть мера всех вещей, и его развитие есть высшая ценность. В этом смысле русская идея на современном этапе — это развитие человека. Речь идет, с одной стороны, об освобождении человеческого духа и развитии личности, а с другой — о повышении качества и продолжительности жизни. Во главу угла ставится при этом не формирование «нового человека» (человек, разумеется, остается прежним), а создание нового образа мышления, нового мировоззрения, обогащение арсенала методов, средств и форм организации мышления и деятельности.

2. Человек мыслится как единство трех ипостасей: духовной личности, социального индивида и биологического организма. Сообразно этому окружающая человека среда представляется как имеющая три основных среза: духовный (интеллектуальный), социокультурный и материально-вещественный (включающий как первую, так и вторую — рукотворную — природу).

3. При этом определяющее значение имеет мышление человека, а негативные явления социального и экологического порядка полагаются только следствием и результатом наших недостаточно продуманных и необеспеченных решений. Предметом первоочередной заботы поэтому должно стать развитие мышления и деятельности. Необходимое «латание дыр» и «тушение пожаров» должно встраиваться в контекст такого развития.

4. Важнейшим условием развития личности, общества и государства является ощущение гражданами состояния защищенности, внимания к нуждам каждого со стороны властей. Это предполагает эффективные гарантии неприкосновенности частной жизни и частной собственности, власть закона, обеспечивающую как помощь и поддержку нуждающимся, так и пресечение любых правонарушений, в каких бы формах и сферах деятельности они ни происходили.

5. Под развитием общественных систем подразумевается реализация особым образом организованных мышления и деятельности, направленных на преобразование общественных и хозяйственных систем в

сторону умножения возможностей и ресурсов, увеличение числа степеней свободы, увеличение многообразия.

6. В рамках развития «потребности» и «ресурсы» трактуются не как естественные, неизменные, подлежащие соответственно удовлетворению и распределению, а как формируемые искусственно и исторически изменчивые. Мы формируем у своих детей те или иные потребности, создаем (через посредство науки и технологии) соответствующие ресурсы для их удовлетворения.

7. В развитых странах уже осознан приоритет интеллектуального ресурса, с помощью которого в конечном счете формируются все остальные. Важнейшим из всех видов капитала признается «человеческий капитал». Отсюда — основополагающее значение для развития образования и науки.

Образование выступает как основной канал реализации политики развития — развития и обогащения духовного мира человека, а наука должна обеспечивать недостающими знаниями сферу образования, с одной стороны, и сферу принятия решений — с другой. Образование при этом понимается как собственно образование в точном смысле слова: образование человеческой личности и воспитание человека; обучение как передача необходимой суммы знаний, навыков и умений, соответствующих той или иной профессии; подготовка и переподготовка кадров как обучение, ориентированное на конкретные системы деятельности.

Существующую систему науки необходимо переориентировать и дополнить новыми направлениями исследований и разработок, направленными не на объекты и материал деятельности, а на сами мышление и деятельность, знания о которых требуются управленцам, политикам и предпринимателям, в частности, для обеспечения текущих процессов реформирования и осуществления стратегии развития.

8. Обеспечение развития административными методами невозможно. Вся эта работа должна строиться на принципах демократии участия, исключающих деление общества на реформаторов и реформируемых. За разработкой национальной стратегии развития России должно следовать формирование региональных и отраслевых программ развития.

9. Переход в режим развития на сегодняшний день представляет собой не задачу, которую можно решить наличными методами и средствами, а проблему, решение которой потребует разработки и освоения новых методов и средств мышления и деятельности, развертывания соответствующих обеспечивающих программ, прежде всего исследовательских и образовательных. Проект механизма реализации Стратегии развития и ее обеспечения необходимыми средствами должен при этом стать органичной составной частью ее содержания.

Формирование открытого общества

Необходимым условием развития, как свидетельствует опыт развитых стран, является формирование открытого общественного устройства, т.е. сочетания гражданского общества, правового государства и рыночного хозяйства. Открытое общество связано с господством критического мышления (в противоположность тоталитарному, где господствует догматический менталитет). Открытое общество способно жить как в режиме естественной эволюции, так и в режиме развития. Выбор того или иного режима определяется национальной политикой, которую выбирают для себя общество и страна.

Гражданское общество представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, «молекулами» которой служат самостоятельные законопослушные граждане. Идущий в современной России процесс индивидуализации граждан является необходимым, но не достаточным условием становления гражданского общества. Необходимо также образование особых структур гражданского общества, к числу которых относятся региональные, профессиональные (в том числе профсоюзные) и политические объединения граждан, формирующиеся в процессе их самоопределения, групповой идентификации и самоорганизации. Сюда же относятся структуры местного, в том числе муниципального самоуправления (типа российских земств), разнообразные общественные объединения и клубы.

Именно гражданское общество является гарантом свободы, демократии и справедливости, поддерживаемых посредством правового государства, которое может существовать только в паре с гражданским обществом, в качестве его органа: особого средства удержания целостности общества и страны как территориального, культурного, хозяйственного и прочего единства. Правовое государство — это государство, осуществляющее политику в рамках права и власть в рамках закона. Правовое государство не вмешивается в дела законопослушных граждан, а гражданское общество выступает как общество людей, свободных от опеки государства.

Свободные от опеки государства граждане могут существовать только в условиях рыночного хозяйства, которое является необходимым условием формирования гражданского общества и правового государства. Государство участвует в процессе регулирования рыночных отношений, но делает это опосредованно, через налоговую и тарифную политику, пошлины, систему льгот и приоритетов, разумную политику протекционизма и т.д. «Молекулой» же рыночного хозяйства является собственник, не просто владеющий тем или иным имуществом, но способный его разумно использовать и распоряжаться им, а по совокупности всего этого несущий ответственность за свою собственность и связанные с ней системы деятельности. Так называемая приватизация (которую следует отличать от

«разгосударствления» собственности) не создает, конечно, собственников в указанном выше смысле. Их создает смена образа мысли, формирование хозяйственных единиц, хозяйствующих субъектов и инфраструктуры рынка. В условиях становления рыночной системы важнейшей оказывается позиция предпринимателя, который (в отличие от бизнесмена) получает прибыль не за счет производства как такового, а за счет формирования новых потребностей и ресурсов и, следовательно, преобразования сложившихся систем деятельности.

Стратегия развития страны, где существует открытое общество, формируется сообразно национальным традициям и ценностям, а также культурно-исторической ситуации. Одно из важнейших измерений этой стратегии задается полюсами либерализма и социал-демократии, выражающими универсальные человеческие ценности. Так называемый «русский путь» — это путь России в направлении восприятия этих ценностей при сохранении национальной специфики, национальных идеалов и национального образа жизни.

Стратегия развития вырабатывается всеми политическими субъектами страны, принимающими рамку права. При этом политические решения возникают в процессе и в системе коммуникации (в ходе дискуссий между представителями разных позиций), а потому не принадлежат никому из субъектов. Последние могут лишь по-разному интерпретировать их в контексте собственных интересов и целей. Занимая ту или иную позицию в коммуникации с другими, мы всегда оказываемся перед дилеммой: считать ли свою позицию и свои взгляды верными, а позицию и взгляды другого ошибочными, либо считать и те, и другие рядоположными, но, естественно, частными и частичными. Выбор первого пути ведет к монологичной организации и борьбе с инакомыслящими, выбор второго — к диалогу, партнерству или соперничеству, но ограниченному определенными рамками (в предельном случае — рамкой права).

Традиционной ориентации нашего менталитета свойственна монологичная организация, находящая свое предельное выражение в различных тоталитарных идеологиях и наглядно прослеживаемая в нашей современной выборной «борьбе всех против всех». Напротив, диалогичная организация находит выражение, в частности, в различных формах «демократии участия», генетически связанной, как известно, с проработкой замыслов тех или иных преобразований в жизни общества (города, региона и т.д.).

Развитие, как оно здесь понимается, возможно только в рамках диалогичной организации, позволяющей учитывать интересы (а значит, и использовать ресурсы) всех заинтересованных позиций. Более того, само различие позиций, взглядов и интересов граждан и их различных сооб-

Глава 7. Парадигма развития

ществ оказывается в условиях диалога важнейшим ресурсом развития, ибо побуждает нас все время искать и строить новые методы, средства и формы организации совместной жизни и деятельности (чего пока тщательно избегают наши политические «партии»). Но было бы грубой ошибкой связывать диалогичную организацию с отказом от собственной позиции. Напротив, диалогичная организация предполагает жесткое самоопределение и самоидентификацию в столкновении разных позиций и интересов. За конфликтами прорисовываются проблемы, а их решение, т.е. прежде всего выработка необходимых методов и средств, и есть (в отличие от компромиссов) движущая сила развития.

Стратегия развития строится в рамках диалога и права и имеет три основных взаимосвязанных направления.

1. Освобождение и развитие человеческой личности, обогащение арсенала методов, средств, понятий, представлений и форм самоорганизации человека, а также повышение качества жизни как непереносимое условие духовного развития.
2. Формирование и укрепление открытого общества, которое может рассматриваться в различных предметных срезах — социальном, экономическом, юридическом. По каждому из них может строиться своя предметная стратегия развития и программа действий.
3. Формирование достойной человека среды обитания: второй природы, прежде всего городской среды; обеспечение охраны природы и воспроизводства биологического многообразия.

Стратегия развития осуществляется путем:

- организации системы перевода материально-финансовых ресурсов в интеллектуальные (через сферу образования) и обратно: (через сферы проектирования, науки и техники). Такая система позволяет не только воспроизводить, но и умножать необходимые обществу ресурсы;
- проведения экономической (прежде всего бюджетной и налоговой) политики, ориентированной на приоритет «человеческого капитала» перед материальным;
- формирования практики «демократии участия», в рамках которой никакие масштабные преобразования не могут осуществляться без процедур общественной экспертизы, в частности оценок воздействия на окружающую среду. Тем самым обеспечивается процесс гражданского самоопределения и появления гражданской позиции. Только предъявление позиции позволяет обеспечить учет интересов всех, кого касаются те или иные решения;

- регионализации России, понимаемой как противовес чрезмерной централизации, с одной стороны, и суверенизации — с другой. Именно регионы России, как и разнообразные сферы деятельности, должны стать основными субъектами развития и держателями соответствующих программ;
- формирования нормативно-правовой базы, закрепляющей и обеспечивающей воспроизводство всех достижений общества и одновременно не допускающей повторения негативных общественных явлений.

Реализация стратегии развития мыслится в форме разработки частных стратегий, формирования и запуска ряда программ:

- государственных, обеспечивающих указанную смену приоритетов в масштабах всей страны и имеющих необходимую предметно-профессиональную направленность (образовательных, экономических, социальных, экологических и т.д.);
- региональных, оформляющих разные и специфические для разных регионов перспективы и ориентиры развития;
- общественно-предпринимательских, инновационных.

Предлагаемая трактовка развития дает возможность избежать жестко регламентированного и строго централизованного управления развитием России в целом. Идея управления развитием (в первую очередь посредством программной соорганизации, соотносится с развитием регионов и сфер деятельности, каждый (каждая) из которых будет вырабатывать и осуществлять собственную программу развития и двигаться по собственной траектории, выступая как квазисамостоятельный субъект развития, но при наличии рамки общегосударственного замысла.

Стратегия развития обеспечивает соорганизацию разнонаправленных региональных движений в рамках сохраняемой и воспроизводимой ценности целого — страны, Родины, России. Говоря метафорически, стратегия развития переводит центробежные силы и энергию столкновения ведомственных и региональных интересов в энергию развития страны. Для стратегии развития характерна доминанта интересов соорганизации и сотрудничества, «общего дела», развития, а свой интерес, который никто не забывает, реализуется с учетом интересов другого в рамке права. Это не та ситуация, в которой противники не слышат, не хотят понимать друг друга и заняты только собственными интересами. В ядре Стратегии развития находится диалогичная организация мышления. Переговоры перерастают в коммуникацию, оснащенную рефлексией и пониманием и обеспечивающую постоянный анализ текущей ситуации и корректировку своей позиции каждым из участников. Это отнюдь не

предполагает отказа субъектов от собственных целей и интересов. Напротив, только последовательное отстаивание собственной позиции позволяет выявлять стоящие за столкновением разных позиций проблемы и разрабатывать методы и средства их решения.

Постиндустриальное (информационное) общество

Знакомство с моделями будущего, к которым стремятся все быстро развивающиеся общества, показывает, что эти модели во многом схожи. Они имеют ряд общих принципиально важных параметров. Все быстро развивающиеся общества ставят целью гарантировать своим членам по крайней мере следующее: возможность достижения высокого благосостояния; незыблемость свобод и прав человека, социальную защиту, доступность образования (профессиональной подготовки); разработку интеллектуального и технологического потенциала, обеспечивающего дальнейшее экономическое движение; экологически здоровую среду обитания.

Все такие общества называются открытыми, а в технократическом смысле — постиндустриальными, или информационными⁵. Богатство Запада обеспечивается ныне не только частной собственностью, капиталом, рынком, но и их соединением с колоссальными ресурсами самых разнообразных и общедоступных знаний, с информационными технологиями. Такое соединение дает постиндустриальное (информационное) общество. Его основными характеристиками являются следующие:

- открытость информации и доступ к ней для любого нуждающегося в любое время и в любом месте;
- наличие технологических систем, гарантирующих эту открытость;
- наличие национального интеллектуального потенциала;
- автоматизация, роботизация и технологизация любых систем в любой области деятельности;
- подключенность к мировым информационным каналам.

Современная информационная революция, которую ряд специалистов считает пятой (первая — возникновение языка, вторая — письменности, третья — книгопечатания, четвертая — электротехнических средств связи: телеграфа, телефона, радио, телевидения), связана с изобретением интеллектуальных технологий, основанных на гигантских скоростях обработки информации. Она дает колоссальное (в миллионы, миллиарды раз) увеличение циркулирующей в обществе информации, что позволяет эффективно решать экономические, социальные, культурные, политические и другие проблемы. Финансисту не требуется просматривать сотни томов, копаться в архивах, нанимать людей, затрачивая время и деньги. С помощью компьютера, подключенного к ин-

формационной сети, он мгновенно получит любую информацию из любой точки планеты. Бизнесмену для заключения сделки не надо перелетать через океан — благодаря телефаксу и телексу процедура подписания контракта займет не более 20 минут.

Однако именно по этим технологиям Россия сегодня катастрофически отстает от ведущих стран Запада, и в первую очередь от США. Американский фермер в самом глухом уголке страны может получить любые сведения о сельскохозяйственной технике и технологиях, о ценах на масло в Новой Зеландии и Норвегии, прослушать юридическую консультацию, заказать любые книги, пройти университетский курс генетики, изучить коллекции Лувра или прочесть всего Ф. Достоевского. Его персональный компьютер, подключенный через Интернет к общедоступным банкам данных, которых в Америке больше десяти тысяч, позволяет ему чувствовать себя гражданином мира, строить оптимальную бизнес-стратегию, оперативно принимать квалифицированные решения. Российскому крестьянину это и не снилось. При всех наших невзгодах самый страшный наш дефицит — это дефицит информации. Российское общество — все еще общество чудовищной неинформированности, что и предопределяет его отсталость. Поэтому нашей прагматической целью должно быть построение постиндустриального (информационного) общества — общества высоких технологий, или общества, основанного на знаниях. Это, разумеется, не самоцель, а средство: современные информационные технологии в условиях эффективного открытого общества открывают доступ практически ко всем материальным и духовным благам подавляющему большинству населения, умножают интеллектуальный ресурс, а следовательно, и все другие ресурсы, способствуя развитию.

Постиндустриальное (информационное) общество не является особенностью развития или тем более монополией стран Запада. Это столь же универсальная модель развития, как и индустриальное или аграрное общество. А потому, перефразируя известный советский лозунг, можно с уверенностью сказать, что «постиндустриальное общество — это светлое будущее всего человечества». Проблема состоит лишь в том, что Запад оказался в авангарде развития мировой цивилизации. Россия, по оценкам авторитетных экспертов, отстает от передовых постиндустриальных стран на 15–20 лет. Однако догнать Запад, как известно, невозможно, его можно только перегнать. В этой связи России сегодня требуется стратегия не догоняющего, а прорывного или даже опережающего развития. Тем не менее, поскольку западные страны на данный момент времени впереди, это заставляет искать образцы на Западе.

Конечно, рывок к постиндустриальному (информационному) обществу, в котором большинство трудоспособного населения занято в сфе-

Глава 7. Парадигма развития

ре услуг и информации, наиболее развитые страны Запада и Япония начали в несопоставимо более благоприятных условиях, чем Россия. И промышленность была более развитой, и население более квалифицированным, и обвального финансового и производственного кризиса к началу рывка там не было.

В результате сегодня США и Япония вполне соответствуют критериям информационного общества. Так, в США около 80% трудящихся заняты в сфере услуг и производства информации, 17% — в сфере промышленного производства и около 3% — в сельском хозяйстве. При высочайшем технологическом оснащении и рациональной организации производства и управления эти 20% трудящихся способны обеспечить всему населению один из самых высоких уровней потребления на планете.

И все же структурная перестройка в нашей экономике и социальной сфере происходит. В 1990 г. в России в сфере услуг и информации было занято 17% работающих, 1993 г. — 25%, в 2000 г. — около 40%, а в 2008 г. более 50%. Парадоксально, но факт: именно в период обвала прежних экономических структур и связей и формирования новых форм собственности зарождаются глубинные процессы, ведущие нас к принципиально новому этапу в цивилизованном развитии — к постиндустриальному (информационному) обществу. В сознании большинства предпринимателей и руководителей как в частном, так и в государственном секторе постепенно складывается понимание, что прорывное развитие требует глубочайших преобразований и модернизации в сфере технологий, экономической политике, структурной реорганизации общества. И эта реорганизация, происходящая на базе хотя и отсталого, но все же мощного урбанистического и промышленного общества, ведет нас (пока стихийно) в объективно правильном направлении.

Отличие российской нынешней социально-экономической трансформации от той, которая происходила в 70–80-е годы XX в. в развитых странах, заключается не только в том, что там экономический трамплин был выше, но и в том важнейшем обстоятельстве, что они заранее выработали и сформулировали модель новой постиндустриальной (информационной) цивилизации. В США она стала вырабатываться с конца 1950-х — начала 1960-х годов (работы Д. Белла, Дж. Голбрайта, З. Бжезинского и др.), постепенно овладевая умами интеллектуальной и административной элиты. В Японии она была сформулирована сразу в полном объеме (на основе уже имеющихся американских наработок) в 1968–1969 гг. В Западной Европе она складывалась под влиянием достижений США и Японии и необходимости выиграть гонку в мировом марафоне, ведущем к постиндустриальному (информационному) обществу. Исторический опыт подсказывает, что этого не миновать и России, и чем скорее она вы-

работает свою собственную модель современного общества, способного синтезировать наши национальные традиции, культуру с высокими технологиями, достижениями науки и рыночной экономики, тем легче ей будет на магистрали динамичного развития.

Без информационных технологий нельзя поднять экономику, повысить уровень образования и квалификации населения, создать современную кредитно-финансовую систему, наладить рациональное управление общественными процессами, равно как и улучшить быт граждан. Роль этих технологий поистине стержневая. Отношение к ним — лакмусовая бумажка, позволяющая по-настоящему разграничить сторонников и противников социального, культурного и экономического прогресса в стране. В конечном счете национальные, социальные, политические и иные конфликты и кризисы, неизбежно сопровождающие любую крупную историческую реформу, любой цивилизационный сдвиг, протекают легче и завершаются скорее, если в обществе выше уровень благополучия, образования, культуры и информированности. Вот почему модель постиндустриального общества как некоего общего технологического и социального образа будущего России, и притом не отдаленного, — совсем не фантазия. Скорее это насущная необходимость, к сожалению, еще не понятая и не прочувствованная нашими интеллектуальными и административными элитами.

В модели общественного устройства, к которой не мешало бы стремиться России, следует соединить такие элементы, как защита прав человека, равные возможности для самореализации, инициатива и предприимчивость в сочетании с социальной защитой тех, кто не может о себе позаботиться. Это должно быть общество высоких технологий, но вместе с тем и общество, где робот будет служить человеку, а не поработать его. Это должно быть общество информационное, построенное на знаниях, общество высокой культуры, считающее достоинство человека величайшей ценностью. В таком обществе принципы нравственности должны дополняться высоким профессиональным уровнем специалистов, а экономическое, материальное благополучие должно создавать оптимальное условие для духовно-культурного многообразия, обеспечивать самореализацию каждого человека. Такому обществу соответствуют по крайней мере пять идеалов: идеал экологического благополучия; идеал развития; идеал творческой реализации личности; идеал открытого общества и «демократии участия»; идеал технологической республики.

Технологическая республика

На планете выстраивается самостоятельная и властная экономическая иерархия, прочерчивается контур нового, геоэкономического ат-

ласа мира. Он интегрирует пеструю и, на первый взгляд, разрозненную мозаику подпространств мировой экономики: таких как геосферная экономика, существующая за счет эксплуатации и сверхэксплуатации природы; экономика инновационная, снимающая своеобразную ренту с научно-технического прогресса; финансовая постэкономика, во многом связанная с управлением «чужими», заемными средствами, в которой капитал фактически вытесняется производными финансовыми инструментами и кредитом; деструктивная параэкономика, использующая в качестве базового ресурса мировое богатство — ранее накопленные ресурсы цивилизации.

К концу XX — началу XXI в. во всем мире фундаментальный научно-технический прогресс парадоксальным образом замедлился. Собственно научный прогресс из сферы фундаментального научного поиска, кардинальных открытий, крупных шагов в постижении мироустройства, прорывных достижений в различных областях знания явно сместился в область технологизации знания, в информатику и потребительскую сферу.

С окончанием холодной войны пошатнулись позиции военно-технологического лобби, а крушение биполярного мира прямо сказалось на состязании в области престижных научных проектов фундаментального характера. Происходит отток финансовых средств и кадров из сферы «чистой науки» в различные области прикладного знания и прежде всего в компьютеризацию и информатику, а также банковско-финансовую деятельность.

В этих условиях совершенно особое значение приобретает огромный научный и научно-технический потенциал ряда стран, который был аккумулирован в течение XX в. И прежде всего тех стран, которые сумели создать самостоятельное, динамичное научное сообщество, реализовать в промышленных масштабах высокотехнологичное производство. К числу членов данного элитарного клуба относится и Россия, для которой открываются реальные перспективы интеграции в мировое инновационное экономическое пространство и соответственно шансы на ее полноценное участие в создании и перераспределении базового товара, пользующегося все большим спросом на мировом рынке знаний и технологий. Основа этого направления деятельности — не столько финансовый, сколько творческий, человеческий капитал, которым наша страна (несмотря на интенсивную внешнюю и «внутреннюю» эмиграцию десятков тысяч ученых и специалистов) все еще располагает.

Что же касается финансовых инвестиций, то и они уже сделаны и в данном случае присутствуют, пусть и в неявной форме, в виде определенного наследства. И к тому же весьма масштабного, приобретающего в свете актуальных тенденций развития мировой экономики повышенную ценность. Это созданная в стране общая и специальная системы образования.

Это многочисленные квалифицированные научные, инженерные и рабочие кадры (до сих пор обеспечивающие преимущество в ряде оборонных проектов). Это налаженное производство передовых технологий и разработок. Это существование высокотехнологичных отраслей промышленности. Это наличие высококвалифицированной рабочей силы. Это достигнутое качество общего и специального образования и науки, значительный интеллектуально-инновационный потенциал общества. Это острова высокотехнологичного производства и его инфраструктуры. В общем, все то, что кардинально отличает российскую экономику от сырьевых государств Юга, является ее специфическим ресурсом.

В России XX в. практически все эти преимущества были сконцентрированы в системе военно-промышленного комплекса. Отсюда насущная задача в этой сфере — рационально выстроить новую конфигурацию экономики и, в частности, провести трансформацию ВПК в научно-технологический комплекс, наладить устойчивое производство инновационного ресурса и разумно организовать экспорт научных достижений и технологий, а также отдельных, избранных категорий наукоемкой продукции.

Очаги технологического роста могут формироваться различным образом. Ими могут стать, например, крупные структуры по типу финансово-промышленных групп, холдингов, интегрирующих производственные, интеллектуальные, финансовые, маркетинговые и внешнеторговые ресурсы в той или иной сфере деятельности. Их число в оборонной промышленности могло бы резко возрасти. Вероятны также иные формы концентрации материальных и инновационных ресурсов отрасли. Например, создание союзов или ассоциаций. Данные структуры позволяют объединять и координировать потенциал оборонных предприятий, находящихся в федеральной собственности, и разгосударственных предприятий.

Однако более перспективно формирование крупных отраслевых корпораций, интегрирующих и замыкающих весь технологический цикл производства (от научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок до выпуска серийной продукции, комплексного решения вопросов материально-технического снабжения), прямо использующих внутренние, трансфертные цены, а также включающих в круг своих задач организацию сбыта собственной продукции, включая ее реализацию на зарубежных рынках.

Модернизация структуры ВПК в данном направлении оптимизирует, взаимно усиливает производственную и инновационную деятельность, помогает сохранить актуальные и ключевые производства, стянутые в горизонтально-профилированные узлы. Кроме того, определенную роль могло бы сыграть наметившееся взаимодействие воен-

Глава 7. Парадигма развития

но-промышленных комплексов стран СНГ, включая координацию действий на внешних рынках.

Серьезным преимуществом подобных корпораций является также их трансрегиональный характер, способствующий интеграции пространства Российской Федерации и служащий определенным противовесом дезинтеграционным тенденциям, частично стимулируемым фактической трансформацией ее субъектов в своего рода альтернативные региональные корпорации.

Перспективным направлением реформ, соответствующей времени формой реализации наших исторических преимуществ могла бы стать, но, к сожалению, вплоть до настоящего времени так и не стала особая форма конверсии ВПК, ориентированная не столько на выпуск гражданской продукции, сколько на интенсивное и устойчивое производство научных открытий и разнообразных высоких технологий с использованием при этом уже имеющихся внутри оборонного комплекса ресурсов.

Костяк ВПК — это разветвленная сеть, состоящая из многочисленных «городов-невидимок» (наподобие Арзамаса-16 или Челябинска-70), градообразующих предприятий, научно-производственных и образовательных центров. Пребывая долгое время в ситуации тяжелейшего кризиса, они в то же время фактически представляют собой реальную инфраструктурную основу — прежде всего кадровую, социальную, административную и уже во вторую очередь промышленную — для органичной научно-технологической конверсии этого наиболее крупного в прошлом и развитого сектора национальной экономики в некое новое качество.

Стратегическая цель прорывной стратегии — не столько слияние комплекса с уже существующими видами гражданского производства, сколько преобразование его инновационного потенциала в единую, автономную и масштабную отрасль (интегрированную научную и индустриально-финансовую среду), занятую преимущественно созданием актуальных знаний и технологий, а также опытно-конструкторских разработок самого широкого спектра, но при этом лишь избранной номенклатуры изделий на их основе, прежде всего — уникальных объектов, т.е. в своеобразный «научно-технологический комплекс» (НТК).

Иначе говоря, имеется возможность использования прежней широко разветвленной структуры ВПК в качестве стартовой площадки для формирования параллельного ему, однако в отличие от прототипа — гораздо более гибкого НТК, требующего не столько финансовых, сколько интеллектуальных инвестиций. (Впрочем, располагаем мы здесь и результатами крупномасштабных финансовых инвестиций, сделанных в

предыдущий период в образовательно-квалификационную систему, науку и инновационную деятельность.)

«Невещественное» производство новых знаний и разнообразной гипернаукоемкой продукции на их основе становится основным содержанием НТК. Равно как и развитие других форм творческой активности, включая функционирование образовательных структур высокого уровня, эффективных систем подготовки кадров, создание иных непромышленных технологий и кодов, в том числе управленческих, информационных и личностно ориентированных.

Тут видится определенное созвучие подобной интеллектуальной экономики глубинным основам национального темперамента, той склонности к изобретательству и творческой деятельности, которая характеризует своеобразие русского гения (при определенном небрежении к материальной фиксации и коммерциализации достигнутого). Не случайно на СССР, по существующим оценкам, приходилось около $\frac{1}{3}$ мирового объема изобретений и открытий. Вот здесь-то и есть, по-видимому, наша естественная ниша и козырная карта в геоэкономической игре. Историческая же дилемма России заключается в следующем: или мы ею умело воспользуемся, или окажемся отброшенными на периферию мирового развития.

Основа для подобного стратегического рывка существует — это уже имеющиеся, но оказавшиеся как бы не у дел кадровые и материальные ресурсы ВПК, постепенно преобразуемые в инфраструктуру и население технопарков, технополисов, экополисов, а также международных образовательных центров. Целенаправленное перепрофилирование этой среды, объединение ее в единый виртуальный континуум позволяет оперативно и при весьма умеренных инвестициях поставить на ноги новую, самостоятельную — причем потенциально весьма конкурентоспособную — отрасль производства интеллектуального продукта «на кончике пера» и в форме опытных, экспериментальных образцов.

Структурной единицей новой отрасли могли бы стать финансово-технологические группы (ФТГ), свободные констелляции или холдинги, состоящие из некоторого числа небольших венчурных фирм, создаваемых на основе лабораторий, КБ или сложившихся за последние годы неформальных исследовательских коллективов. Концентрируясь вокруг производственной базы того или иного предприятия, они способны последовательно переориентировать его на производство своих опытных образцов и других уникальных изделий, обеспечив со временем комплексную загрузку производственных мощностей (т.е. превратить данное предприятие в своего рода «МТС»). Подобные ФТГ включали бы также профильный инвестиционный банк.

Глава 7. Парадигма развития

Социальные аспекты данной стратегии могут оказаться едва ли не равновеликими ее высокотехнологичному вектору. Присутствие в общественном сознании «высокого горизонта» развития страны является в настоящий момент альтернативой нарастанию социального пессимизма. В атмосфере же результативной творческой деятельности можно рассчитывать на возрождение в той или иной форме лучших черт идеологии академгородков, дающей позитивный импульс и научному поиску, и процессу социального строительства. Здесь могла бы сложиться духовная, культурная среда, способная сфокусировать новые горизонты страны и мира.

Сам же процесс последовательного формирования трансрегионального пространства в травмированной экономике и атомизированном обществе оказывал бы определенное сдерживающее влияние на процесс социальной деструкции, способствуя обретению позитивной перспективы, нового социального союза. В обновленной среде трансрегиональных инновационных комплексов появляется пространство для реализации новых схем федеральных отношений, предотвращения расползания государства. (Вспомним опыт удержания связи времен и территориальной целостности посредством городской организации в эпоху варварства в Европе и монастырско-церковной — в периоды разъединения Руси.) Кроме того, результативная поддержка развития человека и его творческого потенциала — в конечном итоге основной фактор развития страны в современном мире, и подобная форма инвестиций в стратегическом плане наиболее эффективна.

В экстремальных условиях интеллектуальные корпорации, выступая в качестве структурообразующего фермента, содействовали бы поддержанию достигнутого уровня цивилизации, самой культуры научной мысли и практики высокотехнологичной деятельности, сохранению сложившихся, эффективно работающих творческих коллективов, квалифицированных научных и инженерно-технических кадров, рабочей элиты и уникальных специалистов, а также отлаженных систем общего и профессионального образования. (К слову сказать, в научном обеспечении деятельности ВПК в СССР в прошлом участвовали 1 млн 680 тыс. ученых и специалистов. К настоящему времени, по приблизительным оценкам, их число сократилось более чем на $\frac{1}{3}$.) Таким образом, была бы сохранена основа, социальный генокод для последующей интенсивной и комплексной трансформации хозяйственной реальности.

Не исключено, что творческая атмосфера подобных «метакампусов» оказалась бы притягательной и для представителей других отраслей науки и культуры, не находящих себе места в сложившейся реальности или серьезно недовольных ее качеством. В свою очередь интегрированная

среда создает необходимую комплексную основу для специфичной, творческой деятельности, носящей целостный характер и чутко реагирующей на культурный ландшафт. Успешность процесса способствовала бы также возвращению в отечественную науку творческих, высокообразованных людей, по различным обстоятельствам покинувших ее, и тех, кто занимается сейчас научной деятельностью за пределами России.

Создание сети постоянно действующих интеллектуальных корпораций, являющихся модулями единого проекта, способно, в конце концов, сформировать специфический социальный слой «других русских» (как «новых русских», порожденных переходной эпохой 1990-х годов). Образующееся интеллектуально-творческое пространство могло бы интегрировать в себя и остатки распадающейся системы академической науки. Таким образом, создаются объективные предпосылки и определенная независимая материальная база для естественного пути решения одной, весьма непростой и актуальной на сегодняшний день задачи: сохранения тонкого равновесия между необходимым объемом фундаментальных исследований и собственно технологическими, прикладными разработками. Эти своеобразные «экогены будущего» помогли бы не только держать руку на пульсе нового знания и своевременно определять тенденции мирового развития. Сыграли бы они определенную роль также в случае крупномасштабных потрясений мирохозяйственной ситуации, тем более ее вероятной радикальной трансформации в XXI в.

Устойчивое функционирование самостоятельной гибкой индустрии НТК (параллельно традиционному промышленному производству и прежней структуре оборонного комплекса) вкупе с организацией условий для хорошо продуманного экспорта ее специфической «невещественной» продукции (в дополнение к традиционному вывозу сырья и изделий) позволили бы:

- обеспечить существование тех миллионов людей, чья жизнь напрямую связана с судьбой оборонного комплекса;
- осуществить со временем «вторую индустриализацию» (технологическую и селективную) производственной сферы;
- кардинально улучшить структуру российской внешней торговли;
- принять прямое и активное участие в формировании глобального рынка высоких технологий (параллельно существующему рынку информационных технологий);
- участвовать в создании международных механизмов охраны интеллектуальной собственности;
- изменить в благоприятную сторону статус российских производственных и финансовых корпораций на международной арене;

Глава 7. Парадигма развития

- решить стратегическую задачу адаптации национальной экономики к современному высокоиндустриальному миру, наполнить реальным содержанием понятие технологического сотрудничества;
- утвердить привилегированные геоэкономические позиции страны и обозначить соответствующую перспективу ее развития;
- сформировать новый образ будущего России.

В результате должно произойти иное, нежели фатально утверждающееся, прочтение будущего геополитического и геоэкономического размежевания на планете; сложиться иной, нежели структурная адаптация, источник идей и схем участия России в мировом разделении труда; иная, чем современное асимметричное партнерство, основа долговременных взаимоотношений регионов в XXI в.

Перемена курса конечно же связана с интенсивными, целенаправленными усилиями — организационными и финансовыми — включая:

- проведение соответствующей инвестиционной и налоговой политики; нормативное обеспечение прорывной стратегии;
- концентрацию уже имеющихся ресурсов на критических направлениях;
- изменение конфигурации распределения доходов, образующихся за счет биосферной ренты;
- создание государственных структур, обеспечивающих режим наибольшего благоприятствования проектируемой отрасли;
- формирование соответствующим образом ориентированных финансово-промышленных групп и финансово-технологических комплексов;
- право на использование внутренних, трансфертных цен, в том числе на сырье;
- внешнеэкономическую и внешнеполитическую поддержку и т.д.

Действовать при этом необходимо достаточно быстро, пока распад прежней структуры комплекса не превысил некий критический уровень, а отмеченные выше преимущества экономики России не растворились в промышленном вакууме и процессе глобализации.

Еще раз уточним: цель стратегии — найти позитивный выход из обозначившегося геоэкономического тупика, переориентировав экономику страны на преимущественное производство и освоение актуальных (причем не только промышленных) технологий, включая наиболее информационно- и наукоемкие. Метод и средства — умелая консолидация уже имеющихся интеллектуально-творческих, административных, социально-бытовых, информационно-коммуникационных, индустриальных и иных ресурсов ВПК, а также торгово-финансового потенциала страны.

Быть может, подобная трансформация, восстанавливающая прогрессивное целеполагание хозяйственного организма за счет опережающего научно-технологического развития, — естественная следующая фаза самоорганизации этой сложной, действенной и крупной отрасли российской экономики. Отсюда и термины — «генетическая» или «технологическая» конверсия. При данной направленности реформ интенсивная эксплуатация другого, весьма неоднородного по составу, но внушительного комплекса — топливно-энергетического и ресурсного (ТЭРК) — получает необходимую стратегическую глубину. Появляются дальние горизонты и у находящегося сейчас в неустойчивом состоянии финансового сектора, и у внешней торговли (составляющей пока лишь порядка 1% ее мирового объема).

Прорыв России на международные рынки в качестве поставщика жизненно необходимых мировой экономике научных достижений, базовых алгоритмов для создания прорывных и высоких технологий, прямое участие в формировании специфического глобального научно-технологического рынка — все это могло бы стать реальным стратегическим ориентиром развития страны. А последствия даже частичного успеха в осуществлении подобной политики трудно переоценить. В частности, в условиях мирового финансового кризиса у страны появились бы влиятельные союзники, прочно связанные общностью долгосрочных интересов. Только в рамках диктуемого реальностью долгосрочного союза основных отраслей российского хозяйства на прочной геэкономической основе, союза финансового, промышленного и научного капитала страны в принципе решается задача обретения Россией прогрессивного геэкономического статуса, освоения собственной естественной ниши в мировом разделении труда, проведения независимой внешней и внутренней политики.

Кроме того, в подобном позитивном контексте обретается долгосрочная перспектива возрождения страны, обновления социального контракта («общественного договора») между властью и народом, появления спасительного второго дыхания экономики к критическому моменту пика истощения наиболее удобных месторождений основных природных ресурсов. А параллельно к весьма вероятному началу функционирования в Южной Евразии XXI в. нефтегазовых, энергетических и транспортно-коммуникационных сетей, стратегического рубежа нового цивилизационного пространства, альтернативного российскому.

Примечания

¹ Переход России к такому развитию провозглашен, в частности, в Указе Президента РФ от 1 апреля 1996 г. «О концепции перехода к устойчивому развитию».

² См., напр.: *Collins J. M. Grande Strategy*. Annapolis, Maryland, 1973.

³ Первые теоретические подходы к этой проблеме сделаны в работе: *Рац М. Политика развития*. М., 1995, а также в брошюре: *Русская идея: Демократическое развитие России*. М., 1996.

⁴ В социологии «модернизация» понимается еще и в особом (узком) смысле как обозначение перехода от традиционного к современному обществу. Но это не входит в предмет настоящего исследования.

⁵ Некоторые исследователи различают постиндустриальное и информационное общества. Для данного исследования такое различие не слишком важно. Здесь можно лишь отметить, что информатизация есть продолжение и своего рода надстройка над процессом индустриализации, и потому информационное общество является постиндустриальным по определению.

Основные проблемы национальной модернизации

В 1670 г. немецкий философ Лейбниц предсказал, что будущее России состоит в том, что она превратится в колонию Швеции. Лейбниц был одним из самых светлых умов своей эпохи. И многие тогда в Европе разделяли этот прогноз. В те времена Россия катастрофически отставала от Европы. И прогноз Лейбница, наверное, состоялся бы, если бы на арене русской истории не появился Петр Великий. Он осознал вызов Запада и предпринял неординарные, даже экстраординарные меры, для того чтобы путем мобилизационного рывка преодолеть отставание от Европы. Появилось «Дело Петра», которое и стало делом модернизации России. Петр Алексеевич поставил перед страной сверхзадачу: стать современной европейской державой. И, как известно, к концу его правления Россия действительно стала таковой. «Дело Петра», т.е. модернизация, продолжилась и после его смерти. Уже в XIX в. Россия стала неоспоримой великой державой, а в XX в. — правда, уже в ипостаси Советского Союза — сверхдержавой.

Многие философы и историки считают, что и советский период был продолжением «Дела Петра». Другие полагают, что он был его отрицанием. Но и в экономическом, и в психологическом плане (что не менее важно) проблема модернизации в России к началу и в течение XX в. во многом была решена. В тот момент, когда Петр Великий начал свои поистине революционные преобразования, проблема модернизации стала, пожалуй, центральной проблемой русской истории. И уже не прекращала быть именно такой. А в конце XX — начале XXI в. она вновь встала во весь рост.

Неудача в ее решении в конце XX в. во многом предопределила распад Советского Союза. Эта проблема и сегодня стоит в национальной повестке дня во главе угла. И наши потомки будут судить о Д. Медведеве и В. Путине и их месте в русской истории в зависимости от того, сумели они решить или, по крайней мере, начать решение проблемы модернизации России или нет.

Модернизация, если понимать ее предельно широко — как важнейшую составную часть Стратегии национального развития и безопасности, является главной проблемой национальной повестки дня.

Термин «модернизация» нельзя ограничить технологическими аспектами. Более справедлива широкая трактовка, включающая модернизацию экономики, системы национальной безопасности, внешней политики, военного дела, государственного устройства и технологического развития. Модернизацию в этом широком смысле слова следует понимать как развитие, коренную реформу всех систем жизнедеятельности общества и государства, их качественные преобразования. Термином «модернизация» в данном разделе обозначается технологический, духовный и социальный прогресс общества. Современная политическая философия охватывает понятием «модернизация» любое приобретение обществом современного вида.

В XXI в. стратегию модернизации, да и национальную стратегию вообще, невозможно навязать российскому обществу сверху. Тогда она просто не будет иметь надежной и твердой опоры. Да и действовать наше политическое руководство не может так, как действовали Петр Великий или Иосиф Сталин. Любая национальная стратегия сегодня может быть лишь результатом широкой общенациональной дискуссии.

Модернизация в современном понимании является не индустриализацией (как это было в XIX–XX вв.), а ломкой индустриальных структур, которые стали громоздкими и не отвечают современным реалиям, и движением в направлении постиндустриального общества. Вот почему все современные концепции модернизации укладываются в рамки постиндустриальной теории с принципом доминирования технологических аспектов организации общественного производства над оценкой его классовой структуры. Как справедливо говорится в докладе Е. Ясина и А. Яковлева «Конкурентоспособность и модернизация российской экономики», многие реформы, оказавшиеся в повестке дня, — естественных монополий, здравоохранения, пенсионная, госсектора в целом, уже не составляют специфику перехода от плановой к рыночной экономике, а скорее являются ответом на вызовы постиндустриального развития, с которыми сталкиваются многие страны, в том числе и самые развитые и процветающие¹.

Важнейшая задача России в контексте модернизации состоит в переходе от сырьевой экономики к экономике знаний, к инновационной стратегии. В мире высоко ценятся наука и культура России, а это — важнейший параметр развития, накапливаемый веками. Однако по индексу текущей конкурентоспособности наша страна пока занимает одно из последних мест в мире. Проблема заключается в том, что Россия не обладает нормальными организационными и социальными технологиями.

Особенность современной модернизации, предполагающей построение постиндустриального общества, заключается в том, что ее «молекулой» является не послушный автомат, а свободная, раскрепощенная, творческая личность. В этом смысле известное «свертывание» демократических свобод в России не создает необходимых предпосылок для модернизации.

Сценарием для современной России не может быть «догоняющая модернизация». Если конечно же Россия не хочет (сохраняя нынешние темпы роста ВВП) через 15–20 лет достигнуть лишь жизненного уровня современной Португалии (которая, естественно, не будет стоять на месте), а намерена вписаться в постиндустриальное общество как равный партнер Запада, ей необходима стратегия прорывного, «опережающего развития» за счет форсированного перехода к «экономике знаний». Только обеспечивая опережающие темпы развития, Россия сможет встретиться с Западом в какой-то момент на будущей исторической траектории.

Модернизация всегда была связана в российском сознании с Европой, с формированием Большой Европы, куда входит Россия. И в частности — с формированием четырех пространств — экономического, внешней безопасности, внутренней безопасности и культурного пространства. Ключевой предпосылкой формирования Большой Европы является становление демократических процедур в России, правового государства, рыночной экономики, гражданского общества и, в конечном счете, «созвучие ценностей» между Россией и Западом. Вместе с тем нельзя согласиться с отождествлением модернизации и вестернизации, т.е. со слепым копированием западных наработок. Следует настаивать на национальной модели модернизации.

Россия и ЕС остаются крупнейшими торговыми партнерами. Однако российская продукция неконкурентоспособна на европейских рынках, за исключением энергосырьевых ресурсов и некоторых видов продукции с низким уровнем добавленной стоимости. Экономическое сотрудничество России и ЕС может ощутимо продвинуться вперед при достижении необходимой степени взаимного доверия и создании соответствующих институциональных и финансовых условий. Европейские стандарты вполне могут стать критериями конкурентоспособности для России.

При конструктивном политическом диалоге экономическое сотрудничество России и Европейского союза уже сегодня может ощутимо продвинуться вперед при достижении необходимой степени взаимного доверия и создании соответствующих институциональных и финансовых условий. Это прежде всего следующие направления: объединение научно-технических потенциалов России и ряда стран ЕС в развитии фундаментальных и прикладных исследований и опытно-конструктор-

ских разработок (ядерная энергетика, космос, авиация, связь); осуществление общеевропейских проектов в сфере энергетики, как это предусмотрено Энергетической хартией; создание новых европейских транспортных систем и транспортной инфраструктуры, включая воздушный, водный, автомобильный, железнодорожный и трубопроводный транспорт; охрана и оздоровление окружающей среды. Не существует серьезных препятствий для развития регионального и приграничного сотрудничества, включая его Северное, Балтийское и Черноморское «измерения».

Главная проблема в торговых отношениях России и ЕС на ближайшую и долгосрочную перспективу заключается в архаичности структуры российского экспорта, низкой конкурентоспособности продукции обрабатывающей промышленности, неразвитости системы стимулирования экспорта, включая его кредитование и страхование. Не внешнеторговый режим ЕС, а именно низкая конкурентоспособность российской продукции является основным фактором, сдерживающим взаимную торговлю.

Европейский союз является главным внешним инвестором в российскую экономику: на его долю приходится порядка 40% иностранных инвестиций. Промышленные инвестиционные проекты осуществляются в основном в нефтедобыче и нефтепереработке, авиационной и автомобильной промышленности, добыче алмазов и золота, в машиностроении и средствах коммуникации, в конверсии оборонных предприятий, в целлюлозно-бумажной промышленности, АПК и пищевой промышленности.

Несмотря на огромную разницу в уровнях развития, перед Россией и ЕС стоят идентичные цели модернизации. Это не просто создание некой конкурентоспособной экономики, а определенный прорыв на пути к созданию новой, инновационной экономики, что предусмотрено в известной Лиссабонской стратегии, которая, если верить материалам Евросоюза, является его приоритетной стратегией. Однако присоединение к ЕС десяти новых стран, конечно, замедляет осуществление этой стратегии. Таким образом, расширение интеграции происходит в ущерб ее углублению. Создание общего пространства в науке, технике и образовании России и ЕС является поэтому приоритетным. Ведь именно объединение научно-технического потенциала России и ЕС могло бы дать толчок к модернизации и России, и ЕС, к повышению конкурентоспособности их экономик на новой технологической основе. Но без определения базовых принципов, на основе которых создается такое пространство, невозможно говорить о продвижении к этой цели.

Сегодня, к сожалению, наши отношения с Евросоюзом вошли в состояние серьезного кризиса. Вновь заговорили о разграничительных линиях, причем эта линия проходит теперь, по существу, посередине Украины. Но даже и это не самое главное. Главное, с нашей точки зре-

ния, ответить на вопрос: не подрывает ли известное свертывание демократических свобод в современной России концепт национальной модернизации? Совместимы ли авторитарные методы управления с парадигмой постиндустриального общества? Может ли в принципе в условиях «управляемой демократии» сформироваться сам субъект национальной модернизации, т.е. свободная и раскрепощенная личность, мотивом деятельности которой будут совсем иные ценности, нежели те, которыми вдохновляется гражданин России сегодня? Может ли в России сложиться новая, сплоченная и эффективная национальная элита? И возможна ли в принципе кардинальная смена парадигмы развития России, т.е. переход от мобилизационной модели модернизации, что всегда была присуща России, к инновационной модели модернизации, характерной для стран Западной Европы?

До наших времен все попытки России вырваться из мобилизационной парадигмы развития и перейти к инновационной модели заканчивались провалом. Об этом свидетельствует национальная история. Мобилизационный период сменялся анархией, затем начиналась новая мобилизация. На то были объективные причины: и бесконечные войны, и огромное пространство, которое надо было «держат», и дефицит ресурсов, и неблагоприятный климат, и необходимость догонять более развитые страны, и т.д. и т.п. Но мобилизационный тип развития всегда имел свои издержки. И это прежде всего свертывание демократических свобод и институтов, применение авторитарных методов элитного рекрутирования, что в принципе не могло создать дееспособную, творческую, эффективную элиту. Для перехода к инновационному типу развития нужны другие — демократические и государственные институты. И другая элита. Если угодно, другой «человеческий материал», который, собственно, не допустит того, чтобы с ним обращались как с «материалом истории».

На самом деле главное состоит в том, что Россия попала в сложнейшую ситуацию. Мобилизационная модель развития, привычная и знакомая для нас, сейчас уже невозможна. А для перехода к инновационному развитию нужны совсем другие условия — чуждые для нас и неизвестные. И никто в политическом руководстве России это-то как раз понять, к сожалению, не может. И то, что происходит сейчас в России, к большому огорчению, уводит страну от инновационной модели развития. Но без модернизации у России нет будущего.

Стратегия национальной модернизации — это не фрагмент общей экономической политики, как всегда мыслилась промышленная политика; это сама государственная экономическая политика, главная цель которой — повышение конкурентоспособности страны через повышение конкурентоспособности товаров и услуг, ресурсов и институтов. Если

конкурентоспособность, как заявляет политическое руководство РФ, — главная национальная цель, то политика ее достижения должна выстраиваться на длительную перспективу, на десятилетия, в понимании того, что дело не в процентах роста, не в том, что завтра будет к обеду, но в глубоких изменениях менталитета, национальной культуры, судьбы народов России, в согласии на этот счет всех групп национальной элиты.

Роль государства в национальной модернизации имеет, таким образом, важное значение. Выше уже говорилось, что «государственнический комплекс» российского общества предопределяется также исторической судьбой страны и сакральным восприятием высшей власти, основным этическим измерением которой оно полагает не формально-юридическую законность, а социальную справедливость. По этой причине вытеснение государства из экономической жизни и его ограничение функциями «ночного сторожа» в 90-е годы XX в. было негативно воспринято большей частью российского общества.

Понятие конкурентоспособности

Центральной идеей модернизации является идея конкурентоспособности, которая сформулирована первыми лицами государства в очень широком плане. В послании Президента РФ Федеральному собранию в 2003 г. говорится, что «...Россия должна быть и будет страной с конкурентоспособной рыночной экономикой... Конкурентоспособным должно быть все — товары и услуги, технологии и идеи, бизнес и само государство, частные компании и государственные институты, предприниматели и государственные служащие, студенты, профессоры, наука и культура... высокая конкурентоспособность страны должна стать важнейшей целью...» В своем выступлении перед доверенными лицами накануне президентских выборов 2004 г. В. Путин выразил мнение, что в достижении конкурентоспособности и состоит так называемая национальная идея. Таким образом, имеется в виду стратегия национальной модернизации в самом широком понимании.

Конкурентоспособность является комплексным явлением, для понимания которого неприменим стандартный однофакторный подход. Конкурентные преимущества высокого уровня необходимо создавать. При этом изобилие традиционных факторов производства не является достаточным условием долгосрочного успеха; только постоянные инновации и повышение производительности труда являются определяющими условиями конкурентоспособности страны.

Под конкурентоспособностью **товаров и услуг** понимается способность продавать их по рыночным ценам с нормальной прибылью. Внешняя конкурентоспособность России поддерживается в основном не-

фтью, газом и металлами. Большинство ее готовых изделий, кроме оружия, неконкурентоспособны на мировых рынках. С имеющейся продукцией Россия отчасти удерживает позиции на рынках СНГ. Экспорт услуг не соответствует масштабам экономики. Что касается внутренней конкурентоспособности, то ныне то, что сохранилось в отечественной экономике, производит продукты, конкурентоспособные на внутреннем рынке. Адаптация к рыночным условиям произошла дорогой ценой. Но перспективы в целом не очень радужные, смириться с нынешним состоянием невозможно. Нужны энергичные усилия, с тем чтобы изменить положение к лучшему.

По природным ресурсам Россия одна из самых богатых стран мира. Благодаря им мы имеем сегодня отличный торговый баланс и можем предложить на мировой рынок конкурентоспособные сырьевые товары и энергоносители. И это на длительную перспективу: высокая доля указанных товаров в экспорте будет характерна для России всегда. Но в таком положении есть свои минусы: зависимость от конъюнктуры неустойчивых мировых рынков и, главное, ослабление стимулов к развитию инновационной экономики, к структурным и институциональным изменениям, важным для поддержания высокой адаптивности страны и для развития граждан. Кроме того, наличие богатых природных ресурсов, физического и интеллектуального капитала наций является важным, но недостаточным условием их процветания. Более того, страны с самым высоким уровнем дохода на человека располагают, как правило, незначительными природными ресурсами. Нет прямой связи уровня благосостояния страны и с уровнем образования населения. Многие страны оказываются не в состоянии решить проблему занятости лиц с высшим образованием, примером чего является Россия в ее нынешнем состоянии.

По трудовым ресурсам и человеческому капиталу Россия находится в относительно благоприятном положении: высокий уровень образования сочетается с неприязнательностью работников в отношении оплаты и условий труда. Но одновременно обычно есть претензии к дисциплине и тщательности в исполнении работы. Демографический кризис будет со временем увеличивать дефицит рабочей силы, требуется привлекать мигрантов. Свободной рабочей силы не будет, конкуренция на рынке труда должна обостряться. Это значит, что крупные инвестиционные проекты, ориентированные на увеличение производства, будут испытывать затруднения с комплектованием кадров или создадут их в других секторах. Россия обречена делать ставку на рост производительности и эффективности.

Капиталы охотно идут в сектора, которые считают привлекательными, — нефть, газ, торговля, недвижимость, да и то при условии наличия

подходящих заемщиков или реципиентов инвестиций, вызывающих доверие и склонных к сотрудничеству. Для диверсификации же необходимы вложения в иные сектора, сегодня неконкурентоспособные и рискованные, в которых зачастую приходится сталкиваться с некооперативным поведением, с людьми, не готовыми обменивать контроль на инвестиции. Рыночные механизмы перелива капиталов, которые и так в России практически отсутствуют, в подобных случаях работают неэффективно.

Парадокс состоит в том, что страна нуждается в крупных инвестициях на модернизацию, но сегодня не в состоянии их принять и применить лучшим образом. В отличие от недавнего прошлого, когда имел место дефицит финансовых ресурсов, уже растут риски неэффективных и ненадежных вложений, подталкиваемые напором свободной ликвидности, в том числе от притока нефтедолларов.

В то же время Россия ныне располагает в основном только «короткими» деньгами. «Длинные» деньги, необходимые для масштабных долгосрочных проектов, в том числе инфраструктурных, пока отсутствуют, а национальные институты их накопления — пенсионные фонды, страховые компании и т.п. — только формируются. Капиталообразование в них займет по меньшей мере десятки лет. Потребуется время и для развития финансовых посредников, и для того, чтобы привить культуру массовых не крупных инвестиций населению. Отсутствие в стране «длинных» денег делает целесообразным привлечение на цели модернизации крупных иностранных инвестиций и, стало быть, создание для них конкурентоспособного инвестиционного климата. Увеличение масштабов применения этих ресурсов, включая капитал, само по себе, как бывало в прошлом, быстрых темпов роста, да и повышения конкурентоспособности не даст².

Как уже говорилось, по основным факторам и показателям конкурентоспособности Россия занимает сегодня последние места. Так, в управлении предприятиями низка общая квалификация менеджеров, особенно финансовых; плохи школы бизнеса и недостаточно знание иностранных языков. Слабыми конкурентными преимуществами являются маркетинг, эффективность производственных процессов, контроль за издержками, управление человеческими ресурсами, общее управление компаниями. В сфере технологии низка способность к восприятию инноваций, практически отсутствует защита интеллектуальной собственности, не налажен технологический трансферт посредством прямых иностранных инвестиций и лицензирования иностранных технологий. Инфраструктура отличается слабым развитием современной связи и недостаточными инвестициями в телекоммуникации, в то время как последние наряду с информационными технологиями представляют собой магистральные направления технологического развития. Де-

тельность правительства страдает от воздействия на нее групп влияния, от неэффективности государственных расходов. Налоговая политика требует кардинального совершенствования, так как широкие масштабы приобрела практика уклонения от уплаты налогов. Кроме того, существует вероятность потери преемственности юридических и политических институтов при смене правительства, т.е. имеет место политическая нестабильность.

Основными конкурентными преимуществами российской экономики являются наряду с природными ресурсами и достаточно образованной и квалифицированной рабочей силой накопленный научно-технический потенциал, транспортные возможности, транзитный потенциал, относительно емкий внутренний рынок. Однако имеющиеся конкурентные преимущества пока не только не развиваются, но и деградируют, что является прямым следствием разрушения старой экономической системы и незавершенности перехода к новой.

В рейтинге Всемирного экономического форума в 2007 г. среди 131 страны мира Россия заняла лишь 58-е место. В первую десятку вошли США, Швейцария, Дания, Швеция, Германия, Финляндия, Сингапур, Япония, Великобритания и Нидерланды. При этом страны постсоветского пространства заняли следующие места: Эстония – 27-е; Литва – 38-е, Латвия – 45-е, Казахстан – 61-е, Узбекистан – 62-е, Азербайджан – 66-е, Украина – 73-е, Грузия – 90-е, Армения – 93-е, Молдова – 97-е, Таджикистан – 117-е, Кыргызстан – 119-е.

Индекс глобальной конкурентоспособности имеет 12 слагаемых: качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, технологический уровень, размер рынка, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал. Конкурентные преимущества России были определены ВЭФ в следующих сферах: макроэкономическая стабильность, высшее образование, гибкость рынка труда, размер рынка, инновационный потенциал, а основные проблемы названы в таких областях, как здоровье и начальное образование, инфраструктура, качество институтов и услуг, эффективность рынка товаров и услуг, конкурентоспособность компаний. При этом в индексе конкурентоспособности для бизнеса (конкурентоспособность компаний и качество бизнес-климата) Россия заняла 71-е место. По величине ВВП на душу населения мы оказались на 46-м месте в мире.

По всем этим показателям Россия сегодня, таким образом, проигрывает не только ведущим промышленно развитым державам мира, но

и многим бывшим советским республикам. Нынешние экономические тенденции не выводят страну даже в «золотую десятку» стран первой четверти XXI в. Правда, по паритету покупательной способности мы, по данным Правительства РФ в 2008 г., стали *шестой* экономикой мира. Но по номинальному потенциалу — всего лишь *одинадцатой*³. По этому показателю (который является более объективным, чем ППС) по объему ВВП мы в десять раз уступаем США, почти в пять раз отстали от Китая, вдвое — от Германии и Индии, оказавшись отброшенными во вторую десятку государств мира.

И все же экспертные оценки конкурентоспособности России излишне пессимистичны и отражают в значительной степени личные представления экспертов. В стране имеется совокупность экономических, социальных и политических факторов, отражающих накопленный конкурентный потенциал, его материальное и интеллектуальное богатство, поэтому России необходимо определить стратегию повышения конкурентоспособности и выработать механизм ее реализации.

В целях повышения конкурентоспособности России необходимо переходить на новую экономическую политику, новую экономическую программу модернизации экономики, стержнем которой были бы инновационная стратегия и информатизация. По аналогии с программой ГОЭЛРО сегодня необходимо разработать государственную программу по информатизации России (ГОИПРО). Важны также снижение издержек производства, повышение качества производимой продукции, увеличение инвестиций в высокотехнологический сектор экономики и в науку. Причем рейтинг конкурентоспособности — это проблема не только экономическая, но и имиджевая.

России нужно выработать собственную стратегию включения в систему мирохозяйственных связей, которая охватывала бы как комплекс мер макроэкономической стабилизации, так и структурное регулирование. Необходимо максимально использовать мировой опыт экономических реформ, направленных на создание эффективной конкурентоспособной экономики, включенной в систему мирохозяйственных связей. Непременными предпосылками для эффективной внешнеэкономической деятельности являются создание в стране благоприятных условий для предпринимательской деятельности, обеспечение роста покупательной способности населения как необходимый фактор оживления производства и потребления. Степень же внешней открытости российской экономики должна определяться на основе оценки подготовленности основных секторов ее производственного потенциала к конкуренции на мировом и внутреннем рынках. Это предполагает тщательно выверенное, взаимоувязанное сочетание курса на либерализацию

зацию внешнеэкономической деятельности с выборочными протекционистскими мерами. Политическими и экономическими задачами страны в настоящее время являются развитие внешнеэкономических связей таким образом, чтобы они способствовали экономическому росту, более активному включению в мирохозяйственные связи и повышению эффективности и конкурентоспособности России в мире.

В целом пределы открытости национальной экономики в процессе интеграции в мировое сообщество лежат в сфере защиты национально-государственных интересов и должны иметь определенные границы. В условиях глобализации России необходимо новое качество стратегического управления и планирования на макро-, мезо- и микроуровнях, обеспечивающее создание современной финансово-банковской системы, институтов рыночного хозяйства, механизмов корпоративного управления, создающих благоприятные условия для повышения конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

В условиях открытой экономики императивом ее стратегической устойчивости является наличие конкурентоспособного структурного ядра — группы технологически связанных производств, ориентированных на внутренний спрос и экспорт. Причем опора на внутренние источники роста усиливает требования к конкурентоспособности: расширение внутреннего спроса предполагает укрепление национальной валюты, что при прочих равных условиях, ухудшает конкурентные позиции товаропроизводителей.

Подобная устойчивая модель экономического развития и определяется, на наш взгляд, как «модель опережающего развития», способная обеспечить политический имидж и конкурентоспособность государства в системе международных отношений. Реализация требований этой модели означает, что в ближайшее десятилетие необходимо совместить рост потребления (от которого зависит расширение внутреннего спроса) с крупномасштабной модернизацией производственно-технического аппарата, что требует резкого, примерно двукратного, увеличения инвестиций, направляемых на возмещение износа устаревших производственных мощностей и обновление инфраструктуры.

В складывающейся ситуации необходим инвестиционный прорыв, который выступает ключевым звеном стратегии модернизации, нацеленной на формирование стратегически устойчивой экономики, способствующей повышению ее конкурентоспособности на мировой арене.

Оценка совокупного конкурентного потенциала России позволяет сделать вывод, что она обладает основными экономическими факторами конкурентоспособности — как долгосрочного (производственный,

научно-технический, трудовой и природный потенциалы), так и краткосрочного (конъюнктурного) характера — для реализации стратегии «опережающего развития», построенной на включении страны в международное разделение труда на основе приоритетного развития имеющихся у нее конкурентных преимуществ высокого порядка. Сочетание имеющегося производственного и научно-технического потенциала с высококвалифицированной и относительно дешевой рабочей силой, колоссальной по масштабам и разнообразию природно-ресурсной базой представляет собой в совокупности уникальные конкурентные преимущества.

Что же касается индексов конкурентоспособности, применяемых ВЭФ, то они, конечно, не могут абсолютизироваться, ведь нельзя подходить ко всем странам с одинаковыми мерками. Крупные страны, такие, как КНР, Индия, Бразилия, Франция, Россия, не могут определяться как конкурентоспособные по тем же критериям, что и, например, Эстония или Швейцария. Для них гораздо большее значение имеет, в частности, сохранение национально организованного социума (государства), т.е. системы органической целостности, на что уходит значительная часть национальных экономических и политических ресурсов. Такая система обладает особыми свойствами, которые не могут быть выведены из свойств отдельных элементов. Точнее, ее цели не могут быть равнодействующей целей отдельных элементов: это собственные цели системы. Отсюда вывод: для крупных стран, к которым относится и Россия, национальная конкурентоспособность — это в том числе и способность государства сохранить свою субъектность в условиях глобализации. Для России это означает необходимость остаться одним из мировых центров развития, одной из великих держав, т.е. одним из мировых лидеров XXI в. В этом, как представляется, и состоит смысл поставленной нашим политическим руководством задачи — вывести Россию в число таких лидеров.

Однако для решения этой задачи необходимы серьезные меры, которые обеспечили бы России сохранение «ядра саморазвития» — набора машиностроительных отраслей, способных на современной технологической основе воспроизводить сами себя и воспроизводить другие отрасли машиностроения, не участвующие в саморазвитии, особенно для ВПК; рост человеческого капитала — его качества и количества; укрепление социального единства общества; внешнеполитическую поддержку позиций мирового лидера (открытую и скрытую). Самое же главное состоит в том, что такая задача требует наличия политиков, обладающих горизонтом видения, выходящим за пределы выборного срока. Будем надеяться на то, что именно такие политики находятся сегодня в Кремле.

Все предпосылки для модернизационного рывка и обеспечения высокой конкурентоспособности в России имеются. Конечно, чтобы сравняться с США, Германией, Францией, Италией по душевому ВВП, потребуются, вероятно, десятилетия. Но что касается таких стран, как Испания, Ирландия, Греция, Португалия, Чили, т.е. стран, находящихся принципиально на той же стадии развития производительных сил, что и Россия, их показатели ВВП на душу населения (соответственно — уровень и качество жизни) в случае успеха структурных экономических реформ (а они еще не начинались) могут быть достигнуты у нас во вполне обозримом будущем, возможно, и к 2020 г. В ближайшие 10–12 лет в этом и должна заключаться здравая, реалистическая экономическая перспектива России.

На этом фоне стратегия повышения конкурентоспособности экономики России состоит в переходе к модели радикально-инновационного типа экономического развития. Только такая модель позволит России войти в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала, использовать преимущества глобализации и иметь необходимые экономические и политические ресурсы, чтобы противостоять ее рискам и вызовам.

Научно обоснованная инновационная политика представляет собой инструмент государственной стратегии развития экономики, оптимизации отношений государства с хозяйствующими субъектами, регулирования рыночных механизмов в экономически и социально оправданных направлениях (отраслевом, межотраслевом, региональном, во внешних связях). Инновационная политика способствует устранению устаревших, неконкурентоспособных производственных структур и формированию новых; ускорению научно-технического и управленческого прогресса, адаптации к объективным требованиям глобализации мировой экономики.

Государственная политика России в области науки и технологий призвана стать локомотивом социально-экономического прогресса, способствующего переходу экономики на инновационный путь развития. При ее разработке важно учитывать объективные перемены в геэкономической и геополитической ситуации в мире; интересы отдельных стран—партнеров по внешнеэкономическим связям, их государственно-политических и деловых кругов, национальных и транснациональных компаний, международных экономических и иных организаций; международные правовые нормы, правила и обычаи; конкурентные преимущества своей страны и ее ведущих корпораций (предприятий), активно участвующих (или способных участвовать) в международном промышленном сотрудничестве. Следовательно, успех достижим лишь

при ориентации на тщательно просчитанные конкурентные преимущества отраслевых комплексов и предприятий, на конкурентоспособную продукцию, особенно из сферы высоких технологий, способную занять ниши на мировых рынках.

Государственная инновационная политика не ограничивается решением отраслевых проблем. Она должна содержать инструменты адаптации хозяйствующих субъектов к условиям либерализации и глобализации мировой экономики; стимулы к промышленному сотрудничеству с зарубежными партнерами, эффективного использования их инновационных конкурентных преимуществ; меры содействия развитию экспортоориентированных, конкурентоспособных обрабатывающих отраслей. Государственная поддержка заключается в формировании правовой и организационно-экономической среды, содействующей повышению конкурентоспособности предприятий. Обновление внешнеэкономической специализации страны и укрепление конкурентных позиций России на внешних рынках в конечном счете будут связаны со способностью отечественных деловых кругов выбрать конкурентную стратегию развития своей фирмы, обеспечить международный маркетинг, тесное взаимодействие с зарубежными партнерами, мобилизовать капитал, ресурсы, квалифицированный персонал, информацию и др. Задачу включения в глобальную экономику можно успешно решить только при согласовании целенаправленных и результативных действий государства и отечественного бизнеса.

Формирование конкурентных преимуществ невозможно без интеграции высокотехнологичных производств (хайтека) в мировое научно-техническое пространство, удержания ведущих позиций на приоритетных для России направлениях. Россия способна занять определенную нишу (специализацию) на рынках высокотехнологичной продукции, участвуя в получении технологической и интеллектуальной ренты. По данным РАН, существует ограниченное число основных технологических областей, в которых Россия обладает конкурентными преимуществами на мировых рынках и способна занять лидирующие позиции. К ним относятся: авиационная техника; космическая техника и услуги; ряд видов вооружений; атомная промышленность и утилизация ядерных отходов; отдельные области информационных технологий (программные интеллектуальные системы и прикладные системы моделирования, отдельные виды программного обеспечения, криптографические системы); лазерная техника. Определенные конкурентные перспективы имеют также разработка новых материалов; технологии разведки, добычи и переработки нефти и газа; программные средства, информационные системы моделирования; отдельные виды специализированных вычислительных систем.

Переживаемый Россией глубокий структурный кризис служит для бюрократии оправданием низкой инвестиционной и инновационной активности государства, его слабого внимания к наукоемким отраслям экономики. Однако смена технологического уклада именно в фазе структурного кризиса позволяет переживающим его странам и предприятиям использовать шанс «перегнать, не догоняя» и набирать высокие темпы экономического роста на основе появляющихся конкурентных преимуществ.

Опыт других стран — Америки, Великобритании, Франции, Германии — свидетельствует о том, что инновационная экономика получает развитие на основе специальных законодательных актов, которые четко регулируют участие в инновационном процессе государства, науки и предприятий. На сегодняшний день в масштабах России эта задача не решена, хотя в целом ряде регионов приняты местные законы об инновационной деятельности.

В России примерно 12% ученых мира (имеются в виду не только технические, но и гуманитарные дисциплины), и вместе с тем ее доля в мировом инновационном рынке составляет 0,3%. Это чудовищный разрыв. И он говорит о том, что в России нет того механизма (который существует в развитых странах, в Америке, в Европе, в частности в Германии) преобразования идей, высоких технологий, инноваций в рыночный продукт. Иными словами, отсутствуют эффективные центры инновационного развития. Еще один фактор — подготовка кадров, которые в состоянии осуществить трансферт технологий. На сегодняшний день в России, по сути дела, нет менеджеров, которые способны заниматься инновационной деятельностью как в составе вузов и НИИ, так и на производстве.

Флагманами экономики, например, Германии являются такие крупнейшие высокотехнологичные компании, как «Даймлер-Крайслер» и «Сименс». Однако 70% немецкой промышленности — это малые и средние фирмы. Они и производят основную массу новых инженерных решений и инноваций. Именно малый и средний бизнес, таким образом, является локомотивом всего инновационного процесса в Германии. Эти компании находятся в состоянии постоянной конкуренции и вынуждены предлагать на рынке новые, более эффективные и дешевые инновации, продукты лучшего качества. Поэтому именно развитие малого предпринимательства является стратегически важной областью для тех стран, которые сегодня хотят занимать первые места в международной конкурентной борьбе.

Если раньше главным для общества было образование, затем инвестиции, то сегодня в экономике знаний главным является формирование творческих личностей. Потому что именно они составляют основу

современных обществ. И сейчас одним из наиболее ценных активов любой компании являются контракты с людьми, которых знает мир. Они повышают капитализацию этой компании. И если в России не будут понимать принципов функционирования экономики знаний, она не сможет разработать стратегию перехода к такой экономике.

XXI век — это синтез инженерных и социальных технологий. Выигрывает тот, кто разрабатывает возможность применения инноваций, востребованности инноваций. Но это социальная, а не инженерная задача. Нынешняя инновационная анемия России носит не столько научно-технический характер, сколько характер организационно-экономический. На повестке дня стоит задача создания экономических конструкций, которые позволили бы создать товаропроводящую часть для мирового рынка, изменить технократическую парадигму на лидирующую роль социальной инженерии. Это задача и для ученых, и для государства, и для общества.

В настоящее время реализуется не столько продукт в виде патента, сколько интеллектуальная услуга, которая оказывается в виде консультации. Экономика знаний основана на трудноразличимой связи между разработчиком, потребителем знания, технологическим брокером и инновационным менеджером.

Главным в экономике знаний является интеллектуальный капитал. Он включает в себя капитал человеческий и капитал структурный. Человеческий капитал — это прежде всего знания. Поэтому попытка «рулить» человеческим капиталом — совершенно бесперспективна. На Западе главной задачей высокотехнологических компаний является обеспечение лояльности творческих людей по отношению к своей компании. Если он не лоялен — сделать с ним ничего невозможно. В основе экономики знаний, таким образом, лежат не административные, а стимулирующие меры.

Структурный капитал — это патенты, лицензии, клиенты и т.д. Необходимо трансформировать человеческий капитал в структурный. Для этого надо «вытащить» из человеческого капитала знания и их правильно оформить. Это и есть искусство современного менеджера. Если он этого делать не умеет, он никогда не сможет использовать человеческий капитал.

В России есть интеллектуальный потенциал. Он существует в виде квалификации, репутации и знаний. Но на инновационном рынке ценится не это. Необходимо этот потенциал трансформировать в капитализированные активы, т.е. квалификация на рынке реализуется в виде сертификатов и лицензий, репутация — в виде брендов, а знания — в виде прав интеллектуальной собственности. Иначе на рынок выходить не с чем. Поэтому надо создать механизм, который преобразовывал бы

потенциал в капитал. Этого механизма в России нет, а в развитых странах — есть. Для перехода к экономике знаний России не хватает ключевых фигур, которые являются инновационными менеджерами. И нет механизма в виде технологического брокера, который смог бы продвигать новые разработки на рынок. Первоочередные шаги, которые необходимо сделать: внести поправки в законодательство; обеспечить всемерную поддержку инновационного менеджмента; развить систему технологического брокерства.

Главная проблема перехода к инновационному типу развития — сами люди и характер их производственной деятельности. Поэтому от российских реформ не следует ждать чудес до тех пор, пока верхние ступени социальной иерархии не займут созидательно-творческие силы, способные сформировать инновационный вектор развития страны и увлечь за собой остальную часть общества. Отсутствие дееспособной национальной элиты в качестве субъекта такой модернизации, субъекта развития в целом является основной проблемой национальной модернизации.

Ведущим социально-экономическим укладом России продолжает оставаться индустриальный уклад с доминированием сырьевых производств, занимающих самые низкие уровни мировых технико-экономических цепочек. Проблема заключается, однако, не только в сырьевой специализации России, но и в проявившейся неспособности добывающих отраслей породить инновационную волну для перехода к новому укладу. Воспроизводящаяся в рамках устаревшего уклада сырьевая элита не может стать творцом инновационного проекта для России, так как не имеет объективных потребностей и стимулов связывать свое будущее с технологической модернизацией. По этой причине проведение национальной модернизации сопряжено с необходимостью изменений в социально-политической структуре общества. При растущем значении инновационного уклада общество должно быть соответствующим образом организовано, а силы модернизации — иметь в нем большой политический вес и создавать вдохновляющий общество образ будущего.

Первой и важнейшей характеристикой постиндустриального общества является радикальное изменение структуры занятости с сосредоточением большей части рабочей силы в сфере услуг, производства и распространения знаний. В результате этого класс интеллектуалов становится ведущей профессиональной группой, опережающей общий рост трудящегося населения. Повышение важности знаний заставляет «жрецов нового строя» (ученых, инженеров, технократов) конкурировать с политиками или становиться их союзниками.

«Технологизация» различных сфер жизнедеятельности общества приобрела сегодня в развитых странах мира всеобъемлющий характер.

Характер и возросшая роль научно-технической деятельности придает университетам, исследовательским организациям и интеллектуальным структурам значение несущей конструкции постиндустриального общества. Наряду с радикальными технологическими и социально-экономическими переменами происходит столь же основательный сдвиг в нормах и мотивациях поведения людей. Приходящая на смену индустриальному обществу с господством экономических целей постиндустриальная эпоха снижает роль материалистической мотивации. Осознание занятыми в «новой экономике» лицами в качестве наивысшей ценности самих себя и возможностей самореализации резко меняет саму направленность развития.

В России же постиндустриальный уклад сразу столкнулся с серьезными ограничениями и породил феномен «перепроизводства» инноваций, так как нововведения изменяют принятые способы думать и делать. Возникает массовый страх перед будущим, а идея развития подвергается нарастающей общественной критике по мере усиления неравномерности эффектов развития, закрепляющих новое неравенство между территориями, социальными группами и отдельными людьми.

В сложившейся ситуации нет ясности, откуда в обозримую перспективу могут появиться в России социальные силы инновационного уклада. Нет «инновационного лобби» и в российских органах власти. Научно-исследовательская деятельность оторвана от государственных и корпоративных задач, а академическая, инженерная и образовательная элиты занимают консервативные позиции. Гуманитарные технологии неразвиты, а технократически понимаемая инновационная деятельность часто не выходит за пределы лабораторий. Политическая и технократическая элиты России практически не взаимодействуют между собой.

Для изменения ситуации необходимо изменение стереотипа поведения людей, их менталитета и личностных качеств как главных характеристик современного производства, без которых инновационный сценарий для России не сможет быть реализован. Вряд ли требуемая переориентация сложится естественным путем. Для этого нужна системная поддержка усилий корпораций и частных лиц со стороны государства, которое должно сосредоточить свои усилия не в традиционных отраслях, а в инновационном секторе. Но нынешняя экономическая философия Правительства РФ признает только институциональное развитие, полностью отвергая необходимость промышленной политики и концентрации усилий на перспективных направлениях повышения национальной конкурентоспособности.

Позиция государства как главного предъявителя спроса на высокие технологии и единственного социального института, способного изме-

нить положение дел с развитием научно-технической сферы страны, имеет особое значение в решении проблемы технологической модернизации и эффективного встраивания российского ВПК как источника научно-технологических разработок в нынешнюю социально-экономическую реальность. Но этого пока не происходит. Доминирующая в нынешнем политическом пространстве бюрократическая среда не в состоянии сформировать постиндустриальную реальность.

Условием возникновения и развития созидательно-творческих сил может быть только гражданское общество, конструктивно взаимодействующее с государством в формировании и реализации идеи технологической модернизации страны. Отсюда вытекают политические задачи государства как субъекта технологической модернизации: обеспечение свободы СМИ и развитие демократических институтов.

Государство может достойно выступить в роли субъекта технологической модернизации, только если проявит себя как духовная сущность, а не как бюрократический механизм. Иными словами, для выполнения своей миссии само государство должно измениться и стать адекватным тенденциям постиндустриальной трансформации общества. Развитие демократии и политическая поддержка созидательно-творческих сил должны способствовать реализации их главных функций — восприятию мировой культуры и национальному самовыражению в мировом сообществе.

Данная духовная тенденция требует идеологического оформления и политического выражения в государственной деятельности и партийном строительстве. Незавершенность процесса формирования партий и партийных идеологий в России не позволяет определить общественно-политического субъекта национальной модернизации. Более того, в рамках «право-левой» системы координат невозможно адекватно и в концентрированном виде выразить потребность России в постиндустриальном развитии. В сложившихся условиях и при нынешнем состоянии партийно-политического пространства идея национальной модернизации может и должна приобрести самостоятельное смысловое и системообразующее значение. Но это произойдет не раньше, чем в России появится ее субъект.

Модернизация институтов

Автор солидарен с мнением научного руководителя ГУ-ВШЭ Е. Ясина: институты играют важную роль в национальной модернизации, достижении конкурентоспособности и в успешности развития страны в целом. Но они при этом сами нуждаются в модернизации. В более широком плане следует говорить о культуре. Имеется в виду не столько

самобытность культуры как совокупность навыков, обычаев, норм поведения, сколько ее соответствие современным условиям развития технологий, экономики и социальной жизни, ее способность содействовать или препятствовать позитивным изменениям в экономике и благосостоянии населения.

Главная особенность институтов — медлительность их изменения. Многие убеждены, что они вообще неизменны, во всяком случае относительно масштабов человеческой жизни и тем более — сроков полномочий демократически избранных лидеров. Поэтому предполагается, что существующие в данной стране неформальные институты, ее культура в широком смысле есть некая данность, которую нужно принимать в расчет при формировании политики, не ставя задачи ее изменить. Тем не менее сплошь и рядом политики, реформаторы ставят амбициозные задачи изменения именно институтов, ибо без этого невозможно достичь желаемых результатов, например преодолеть отсталость. Опыт также показывает, что различия в уровне благосостояния между странами, в их конкурентоспособности во многом объясняются гибкостью и изменчивостью институтов, характерных для их культуры, и связанной с этим величиной разрыва между институтами формальными и неформальными, правовыми нормами и социальными практиками: чем более гибки и адаптивны институты, тем меньше разрыв.

Страны-лидеры, добившиеся наиболее высоких показателей душевого ВВП (более 20 тыс. долл. в год) и наиболее конкурентоспособные в постиндустриальную эпоху, практически все обладают следующими основными институтами: открытая рыночная экономика, свободные цены, низкие таможенные барьеры, в основном тарифные, а не количественные; поддержание конкуренции на рынках; доминирование частной собственности при жесткой ее защите; соблюдение договорных обязательств (рыночная экономика — сетевая экономика сделок и оформляющих их договоров; обязательность позволяет снижать транзакционные издержки и признается важнейшим деловым качеством); налоговая система, подконтрольная налогоплательщикам через демократические представительные учреждения с сильным налоговым администрированием (уклонение от уплаты налогов признается серьезным преступлением и сурово карается); эффективные государственные службы с низким уровнем коррупции; прозрачные публичные компании и финансовые учреждения, которым раскрытие информации и ее проверяемость позволяют пользоваться доверием партнеров, кредиторов, инвесторов и привлекать финансовые средства для своего развития с минимальными издержками; демократическая политическая система с политической конкуренцией, разделением и сменяемостью

властей, создающая надежные механизмы контроля общества над государством и бюрократией; законопослушность граждан, воспитываемая с детства и культивируемая в обществе; независимый суд, вызывающий доверие граждан к справедливости принимаемых им решений; сильная система органов охраны правопорядка и исполнения судебных решений, обеспечивающая высокую степень неотвратимости наказания за нарушение законов; минимальный разрыв между формальными и неформальными нормами социального поведения.

Эти институты и практика их функционирования создают позитивные мотивации для предпринимательской деятельности, инноваций, сбережений и инвестиций. Причем важно подчеркнуть: вместе они образуют целостный комплекс, будучи связаны внутренней логикой. Факт остается фактом: те страны, где эти институты укоренены и показывают свою работоспособность, процветают. Если они оказываются неработоспособны или работают хуже, экономика менее развита, благосостояние населения ниже и отставание налицо. Сегодня нет стран, которые обладали бы иными институтами, иной культурой, исключаяющей их, которые относились бы к числу развитых и процветающих. Исключения составляют только некоторые нефтедобывающие страны со сравнительно малочисленным населением.

Исторический опыт неопровержимо доказал, что система, обладающая институтами, противоположными описанным выше, т.е. закрытой плановой экономикой, отсутствием конкуренции, монополией внешней торговли, теневой экономикой, без которой по формальным правилам сама легальная экономика не могла бы существовать; господством государственной собственности, иерархической моделью организации хозяйственных связей; отсутствием налоговой системы как таковой, всевластием государства в финансовой сфере; репрессивным тоталитарным режимом, подавлявшим любое инакомыслие, но неспособным контролировать экономику; послушностью граждан произволу властей, но не законам, и т.д. и т.п., в основном и создала то положение с конкурентоспособностью российских товаров и услуг, которое мы наблюдаем ныне. Ее коренной порок — отсутствие действенных стимулов к труду и предпринимательству, которые может создать лишь конкуренция. Поэтому конкурентоспособны оказались только сырье, продукты его первичной переработки, которые надо было производить в избытке, чтобы восполнить отсутствие стимулов к их рациональному использованию. И еще вооружения, поскольку в этой сфере была конкуренция, хотя бы военнo-стратегическая.

По мнению Е. Ясина, к настоящему времени в России сложилась своеобразная адаптационная модель переходной экономики. Она нацелена

Глава 8. Модернизационный проект

на выживание людей и предприятий и вырабатывает их реакции на импульсы, создаваемые реформами и кризисом. Ее особенности таковы:

- возросший разрыв между формальными и неформальными институтами;
- слабое государство;
- теневая экономика;
- беспорядочное распределение собственности и власти в процессе приватизации и последующего передела собственности, высокий уровень ее концентрации;
- углубление социальной дифференциации;
- существенный рост преступности, в том числе и в силу указанных выше факторов;
- усиление бюрократии;
- запредельный рост коррупции;
- «управляемая демократия», суть которой проста: формальное соблюдение демократических норм при фактическом произволе власти.

В целом негативные свойства адаптационной модели переходной экономики, связанные между собой определенной логикой, образуют институциональную ловушку, некую машину, встроенную в институциональную структуру рыночной экономики и препятствующую ее позитивному развитию. Перечисленные хорошо известные явления, которые квалифицированы как институты адаптационной модели российской экономики, не приближают Россию к институтам, содействующим процветанию и конкурентоспособности. Напротив, они им противодействуют и отчасти объясняют, почему сдвиги в модернизации экономики и конкурентоспособности происходят крайне медленно.

После недавних президентских выборов обществу представлена Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. («Стратегия 2020»). Она является программой продолжения либеральных экономических реформ и перехода к инновационному типу развития, что заслуживает поддержки. Но что касается демократических преобразований, то, положение дел здесь пока не улучшилось, а скорее ухудшилось. Выход из адаптационной модели не только не ускорился, но напротив, скорее затормозился.

Ясно, что институциональные изменения происходят медленно, процесс трансформации институтов будет насыщен противоречиями, конфликтами интересов, борьбой мнений. И чем менее последовательна будет политика их осуществления, тем больше времени потребует создание в России конкурентоспособных институтов, привлекательных для капи-

талов и интеллекта, и тем больше будет усложняться задача достижения мировой конкурентоспособности российских товаров и услуг.

Опыт XX столетия показывает, что для значимых изменений институциональной структуры, включая неформальные институты и социальные практики, даже при благоприятных обстоятельствах требуется как минимум 30–40 лет. Это надо учитывать, выстраивая национальную политику модернизации и повышения конкурентоспособности. Однако институты и культура будут играть решающую роль. По сути, повышение конкурентоспособности до мирового уровня потребует серьезного их изменения. Но институты меняются медленно, и чрезмерные усилия и торопливость при их изменении порой вызывают обратное действие. Поэтому политика конкурентоспособности должна быть долгосрочной стратегией и проводиться последовательно, несмотря на смену лидеров и правительств. Важны не только экономические институты, но и политические, особенно демократические институты разделения властей и общественного контроля за деятельностью государства⁴.

Инновационная модернизация как национальный проект

С некоторых пор в экспертном сообществе России правилом хорошего тона стали сетования по поводу отсутствия у страны национального проекта и рассуждения о необходимости срочной разработки такового. При этом никто из политологов и экспертов дальше этой констатации идти не рискует, что наводит на грустные мысли: за душой-то у них и в самом деле ничего нет.

Между тем вопрос этот действительно наиважнейший. От его решения зависит решение множества других — стратегия развития страны на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу; национальная безопасность и национальные интересы; темпы и способы интеграции в мировые экономическое, информационное, правовое и прочие пространства; приоритеты как внутренней, так и внешней политики и соответственно определение союзников, партнеров и оппонентов на мировой арене и т.д. И если для нашей страны решение всех этих вопросов является, безо всякого преувеличения, проблемой национального выживания, то для внешнего мира — это формирование России в качестве стабильного и предсказуемого партнера.

Короче говоря, настало время сделать национальный проект предметом широкой общественной дискуссии. Если такая дискуссия состоится, то она и будет неоспоримым доказательством (более убедительным, чем формирование сверху очередной Общественной палаты) существования в России гражданского общества.

В 2008 г. Правительство РФ, как уже говорилось выше, представило концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г., причем дважды: весной и осенью. В каждом из этих случаев правительство исходило из оптимистического сценария развития мировой экономики и сохранения для России в обозримый период благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и прежде всего высоких цен на энергоносители. Уже тогда многие российские эксперты отмечали нереалистичность подобных расчетов и построенных на них планов наших чиновников. Грянувший осенью 2008 г. мировой финансовый кризис под корень подрубил стратегию 2020 г. Тем не менее вектор движения в этой стратегии был обозначен правильно. Ее в общих чертах можно свести к двум ключевым идеям: национальная модернизация в условиях перехода к постиндустриальному обществу со всеми его атрибутами, включая обеспечение граждан должным качеством жизни и политических свобод, и осмотрительная, но достаточно быстрая интеграция России в мировое экономическое пространство на правах равного партнера наиболее развитых стран. Причем эти две задачи неотделимы друг от друга: решение ни одной из них невозможно без решения другой. Первая задача напрямую связана с переходом России к инновационному типу развития (в противовес мобилизационному типу, который сегодня уже невозможен), а в чисто экономическом плане — с переходом к «экономике знаний», которая определяет сегодня развитие постиндустриального мира. Вторая — с обеспечением конкурентоспособности России в условиях глобализации современного мира.

Сразу следует оговориться: реальная политика руководства РФ сегодня не соответствует этим декларациям. Сейчас в реальной политике Правительства РФ не просматривается ни долгосрочной стратегии развития, ни заявки на построение постиндустриального общества, ни признаков перехода к инновационной экономике, ни вообще какого бы то ни было модернизационного проекта, уводящего страну от порочной и бесперспективной модели сырьевой экономики. Обществу и всему миру понятно, что это путь в никуда. И задача состоит в том, чтобы в целом правильную декларацию (которая, впрочем, уже исчезла с сайта Правительства РФ) перевести в реальную социально-экономическую политику. Сложная задача. Но иного пути нет.

Так или иначе, национальный проект сегодня — это инновационный путь развития, построение постиндустриального общества. Это означает, однако, необходимость следовать определенным нормам, соответствующим этому пути развития. Следование этим нормам вовсе не обязательно будет предполагать догоняющий тип развития. Напротив, на наш взгляд, оно откроет путь для развития опережающего.

Что же это за нормы? В общих чертах они сводятся к следующему.

- Молекулой постиндустриального общества является свободная творческая личность. Свобода не означает анархии и произвола, она ограничена законом и личной ответственностью.
- Инновационный тип развития предполагает наличие и постоянное совершенствование социальной постиндустриальной инфраструктуры, нацеленной на расширенное воспроизводство качественного креативного человеческого капитала, которая включает в себя доступное и высококачественное жилье, медицинское обслуживание, рекреационную индустрию, образование, развитие культуры. И в этом смысле политика российского правительства является контрмодернизационной, поскольку она антилиберальна. Коммерциализация социальной инфраструктуры уводит в сторону от подлинного либерализма, а следовательно, и подлинной модернизации, ибо не делает человека свободным в полном смысле этого слова. То же самое можно сказать о науке — как прикладной, так и фундаментальной.
- Стратегией России, таким образом, должно стать проведение осмысленной и долгосрочной технологической модернизации. Идеалом ее должна быть Технологическая Республика, страна мастеров, инженеров, ученых и менеджеров. В области федеральных отношений она должна выступать за предоставление максимальной экономической самостоятельности регионам при укреплении единого политического, экономического, правового и культурного пространства Федерации.
- Основой современного государства является гражданское общество, *нанимающее* президента и правительство для выполнения задач, которые формулирует и вносит в национальную повестку дня само гражданское общество. Такое общество не может, однако, быть создано «сверху», например, через Общественную палату; оно должно сложиться естественным эволюционным путем в результате самоопределения свободных граждан и их объединения в негосударственные союзы и организации. Идеал постиндустриального общества — государство-корпорация, обслуживающая интересы гражданского общества, которое формулирует стратегию развития и национальную повестку дня. Такая корпорация должна быть абсолютно прозрачна и подконтрольна обществу, которое ее нанимает. А потому никакой системной коррупции в ней не может быть по определению (в таком обществе она есть, но минимальна). Понятно, что современ-

ное российское государство, обслуживающее не общество, а бюрократию и олигархию, весьма далеко от этого идеала.

- Сильное государство не противоречит политической свободе, а скорее является ее гарантом. Сильное государство не противоречит экономической свободе и институтам рынка и не должно конфликтовать с ними, а должно быть гарантом собственности. Это и есть либеральное государственничество, либеральный национализм в европейском понимании.

Могут сказать: да какой же это национальный проект?! Это же проект американский, европейский, японский, но только не национальный. Но в том-то и дело, что выше перечислены лишь универсальные парадигмы инновационного пути развития, доказавшие свою эффективность применительно ко всем без исключения государствам со всеми их особенностями и спецификой, вставшим на этот путь. При этом национальная специфика была сохранена и каждая страна заняла свое конкурентоспособное место в международном разделении труда.

Для России переход к инновационному типу развития будет означать высвобождение колоссальной творческой энергии, присущей нашему народу, именно на поприще создания новейших высоких технологий, интеллектуальных продуктов и культурных произведений. При этом если для обслуживания «трубы» России достаточно 30 млн чел., то «экономика знаний» позволяет обеспечить полную занятость населения, ибо научно-техническое развитие бесконечно, а человеческая мысль неисчерпаема. Разумный и хорошо продуманный переход к инновационной модели развития при известных обстоятельствах может обеспечить России — причем совсем в недалеком будущем, ведь научные школы, образованное население и современная система образования в России пока есть, — место одного из интеллектуальных лидеров человечества (вариант: одной из научных лабораторий мира). Разве эта весьма и весьма амбициозная задача не соответствует величию русского духа? Разве она не может стать российским национальным проектом? И разве такой проект не сделает Россию вновь привлекательной не только для соседних стран, но и для стран всего мира?

Справедливости ради следует заметить, что последние государственные документы, в том числе и выступления Президента РФ, сигнализируют о положительном сдвиге в сознании нашего политического руководства. Судя по этим текстам, оно постепенно отходит от сырьевой ориентации национальной экономики (тем более, что мировой кризис похоронил, будем надеяться навсегда, концепт «энергетической сверхдержавы») и теперь связывает обеспечение ее конкурентоспособности

с переходом к инновационной стратегии. Хотелось бы верить, что это не конъюнктурное, а глубоко осознанное стратегическое решение.

При этом следует иметь в виду, что инновационная экономика и мобилизационный тип развития категорически несовместимы. В отличие от мобилизационного инновационный тип развития предполагает высвобождение творческого потенциала личности, что в свою очередь означает, что личность должна быть свободной. Креативная энергия, как правило, не проявляется в условиях неволи. Правда, русский человек творил и в таких условиях, но только тогда, когда под угрозой оказывалось выживание Отечества. Например, в годы Великой Отечественной войны. Сегодня же он не будет работать из-под палки, так же как и русская женщина не будет рожать по приказу из Кремля.

Поэтому, если всерьез говорить о переходе к инновационному типу развития, то в первую очередь следует задуматься не о мобилизации, а о том, что мешает такому переходу. А мешает известно что: бедность, растущий разрыв в доходах населения, низкая социальная обеспеченность, в частности, недоступность жилья, некачественное здравоохранение, невозможность дать сносное образование детям, а также — не в последнюю очередь — неразвитость отечественных демократических институтов, а в последние восемь лет их свертывание. И социальная инфраструктура, и развитые институты демократии — составные части инновационного типа развития, что доказывает опыт всех без исключения стран, успешно идущих по этому пути уже не одну сотню лет.

Поэтому те чиновники и эксперты, которые науськивают президента на очередную мобилизацию, либо просто не понимают, о чем говорят, либо делают это с неким злым умыслом. В современной России мобилизация просто невозможна. И у Президента РФ нет никаких механизмов запуска мобилизационного развития. К тому же он не представляет собой мобилизационный тип личности.

В своей истории Россия по крайней мере трижды осуществляла мобилизацию: при Петре Великом, Александре II и Сталине. Эти три мобилизации были связаны с тремя технологическими модернизациями, для своего времени вполне успешными. Однако все эти три модернизации носили экстенсивный и подражательный характер. Ценой невероятных усилий на русскую национальную почву переносилась европейская модель развития, а вернее — достигнутый на тот момент уровень технологического развития Европы. Однако подобная операция, осуществляемая государством, т.е. сверху, не могла создать внутренних национальных стимулов инновационного развития. Экономика переводилась на новый, более передовой технологический уровень, однако это была «догоняющая» модернизация, и через некоторое время Россия все

равно отставала от Европы, которая без всяких мобилизаций, развиваясь не экстенсивно, а интенсивно, стимулируя свою экономику не за счет внешних технологических заимствований, а за счет внутренних инновационных импульсов, двигалась, ни на минуту не останавливаясь, вперед и вперед.

Уже в 50-е–60-е годы XX в. наша страна встала перед необходимостью осуществления четвертой в своей истории технологической модернизации. Однако существующая в то время модель экономического развития оказалась неадекватной этому вызову именно по причине своей неспособности перейти на инновационный, интенсивный тип развития. Одна из причин неконкурентоспособности и последующего развала СССР была именно в этом.

И сегодня проблема России состоит именно в том, чтобы отойти от прежней, не раз доказавшей свою порочность государственной модернизации, от мобилизационной модели развития. Исторический опыт неопровержимо показал: государство не способно создавать инновационную среду, поскольку оно редко не идет на инновационные риски. Эту функцию в успешных обществах берет на себя частный бизнес, предпринимательский класс. Вот почему инновационный тип развития — это интеллектуальный вызов и для предпринимательского, и для политического класса России.

Неоэкономическая цивилизационная модель

Российское научное сообщество уже давно пытается осмыслить возможные сценарии экономического развития страны. Разброс мнений огромен: от сугубо самобытной, национальной, российской модели до копирования простых слепков с западных моделей. Что выберет Россия? Будет ли она слепо копировать западный техногенный путь развития (по которому шел и СССР) или, разгадав новые тенденции в мировых процессах, своевременно и с опережением отреагирует на них? Какие для этого существуют возможности?

По мнению российского экономиста Э. Кочетова, непрерывная цепь технологических революций может втянуть национальную экономику в полосу экономического изматывания. Россия пока не может позволить себе постоянный слом жизнеспособных хозяйственных инфраструктур в угоду новейшим технологическим идеям, как это происходит, например, в США. В отличие от американского хозяйственного образа жизни с его эволюционным подъемом российская экономика возвращена на принципах прорывного развития: гигантская концентрация усилий способна решить любую научно-техническую или производственную задачу. Только в результате такого развития страна и рас-

полагает сегодня постиндустриальными центрами (система российских технополисов), где вызревали и воплощались в жизнь программы в области энергетики, транспортной инфраструктуры и телекоммуникаций, аэрокосмические, биоинжиниринговые системы и т.п.

Слепое, автоматическое следование России в русле техногенной модели может поставить ее в хвост глобальных закономерностей развития. Более того, инерция ее самовоспроизводства становится опасной. Причем дело не только в трудностях освоения постиндустриальной модели. Сама техногенная модель вступила в свой завершающий этап. Угасают ее движущие силы. Во все ускоряющемся темпе идет пожирание интеллектуальных, производственных и природных ресурсов.

В недрах техногенной модели произошел кризис центральных ее атрибутов: резкое сокращение цикла жизни товара потянуло за собой сокращение цикла жизни организационных структур, а их симбиоз (товаров и структур) привел к слому целых мировых вполне жизнеспособных экономических инфраструктур. Жажда постоянных технологических революций приводит к «срезанию» первоклассных жизнеспособных инфраструктур ради рождения новейших.

Предвестником агонии и угасания «классической» техногенной модели является и ее насаждение вовне, т.е. делегирование ее основных атрибутов другим странам, трансплантация основополагающих техногенных систем в различные точки мирового сообщества. Так возникают новые квазипостиндустриальные зоны (примером могут служить индустриальные «карлики» в АТР). При этом, однако, Запад, поддерживая свое лидерство, тщательно соблюдает дистанцию по уровню развития в рамках техногенных моделей.

Мировое сообщество постепенно понимает, что выдержать такую изматывающую нагрузку оно не может. Начался мучительный процесс избавления от подобной глобальной техногенной машины. На базе техногенной вызревает новейшая, неоэкономическая модель. Россия еще не успела, к счастью, войти в последнюю стадию техногенного развития. Завершая индустриальный цикл своего развития, обладая сформировавшимися производственными анклавами (очагами), интеллектуальными заделами и способностью к воспроизводству научно-технического потенциала, Россия имеет исторический шанс: необремененная последней стадией техногенной модели, она готова не только гармонично войти в новую неоэкономическую модель цивилизационного развития, но и при определенных условиях стать лидером этого процесса.

По мнению Э. Кочетова, к центральным моментам, определяющим характер неоэкономической модели, относятся: перекомпоновка различных систем, их сращивание в единую экономическую систему, прорыв

межсистемных оболочек, «диффузионное» сращивание различных сфер в единые формационные ячейки, сращивание экономики с экологическими, национально-этническими и культурологическими системами, вплетение в современные стратегические разработки реликтовых систем для достижения стратегических целей, формирование интеграционных союзов не в монохромной полосе, а в смешанной, создание субъектов мирохозяйственного общения на принципиально новой основе. В неэкономической системе экономические стимулы, в частности категория «прибыль» (доход), перестают быть главными. В глобальной экономике в рамках неэкономической модели все явственнее просматривается новая категория — стратегический эффект, имеющая более высокий ранг, нежели прибыль. Эта категория создает новые условия для функционирования закона стоимости.

Историческая ситуация, по мнению Э. Кочетова, такова, что именно Россия может стать локомотивом формирования глобальной неэкономической модели. Для неэкономической модели характерны новые субъекты развития, их новая организационно-функциональная форма. На место корпораций, функционирующих на относительно постоянной основе, приходят временно действующие структуры (консорциумы) в рамках интернационализированных воспроизводственных ядер. Воспроизводственные ядра, перешагнув национальные границы, создают условия для формирования правительств, функционирующих на межгосударственной основе, но в рамках этих ядер⁵.

Первый предвестник этого процесса — стремление Европы к неэкономическому симбиозу. Высокими темпами идет наращивание европейского интернационализованного воспроизводственного ядра (ЕИВЯ). Североатлантический альянс становится его составной частью, милитаризованным компонентом ЕИВЯ. В силу этого такое ядро будет иметь тенденцию очищения от «иностранной» военной машины, в частности, американской, которая имеет тяготение к своим воспроизводственным ядрам. В этой ситуации стремление ряда восточноевропейских стран включиться в ЕИВЯ только по форме принимает военный подтекст. Просматривается тенденция ослабления, размывания и в итоге разрыва любых альянсов на военно-политической основе.

Как полагает Э. Кочетов, система внешнеэкономических связей (ВЭС), будучи одной из важнейших составных частей национальных экономик и в то же время мостом к внешнему миру, не может не реагировать на глубинные изменения, происходящие в недрах постиндустриальной модели, где зарождается новая неэкономическая модель развития. Национальные экономики переходят на новую парадигму взаимодействия: не торговую, а производственную (геоэкономичес-

кую). Национальная система внешнеэкономических институтов России не соответствует мировым тенденциям. Она базируется на устаревшей торгово-посреднической (с рудиментами снабженческо-сбытовой) доктрине, в силу чего не способна решать стратегические задачи в процессе встречного движения к мировому равновесию. Здесь нужны новые, геоэкономические подходы. В частности, помимо создания своего мирового воспроизводственного ядра и перехода национальной экономики на геоэкономическую (воспроизводственную, производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей требуется вхождение в мировые интернационализованные воспроизводственные ядра, обеспечивающие доступ к формированию и перераспределению мирового дохода, оперирование не на мировом рынке, а на геоэкономическом атласе мира, в том числе национальном геоэкономическом атласе.

Глобализация перекартила политическую карту мира. Возникло новое, геоэкономическое поле, на котором национальные экономики разыгрывают свои стратегические карты, реализуют стратегические цели с ясно очерченными международными и экономическими границами, национальными интересами, контурами стратегических альянсов, геоэкономических плацдармов. Оперирование на геоэкономическом атласе требует активной наступательной позиции в отличие от выжидательной (конъюнктурной) торговой тактики и соответствующих новейших приемов: использования высоких геоэкономических технологий, векторной стратегии, целенаправленного формирования геоэкономических ситуаций, отложенной внешнеэкономической контрибуции, стратегического зачета взаимных требований.

Торговая модель, расширяя и культивируя структурно перекошенный товарооборот, в нарастающем темпе вгоняет экономику в структурный кризис, втягивая в него тяжелое машиностроение, транспорт, экологию. Подрывается ресурсная база национального машиностроительного комплекса, в том числе ВПК; идет деиндустриализация страны; мировые интернационализованные воспроизводственные ядра, подпитываемые через внешнюю торговлю и утечку финансов российскими ресурсами, не допускают Россию в свои транснационализованные блоки, тем самым перекрывая доступ к мировому доходу. В силу этого Россия вынуждена считать внешние кредиты заемными средствами. Растет внешний долг, его покрытие требует наращивания сырьевого экспорта. А следовательно, экономика попадает в порочный круг.

Россия может прийти к новому геоэкономическому равновесию в качестве сильного партнера, четко сформулировать свои национальные экономические интересы, спроецировать на геоэкономическом атласе мира стратегические цели, интеграционные альянсы, наметить геоэко-

номические плацдармы, не позволить стереть геоэкономическую память. Ей необходимо в сжатые сроки разработать и принять новую национальную внешнеэкономическую доктрину и оценить стратегический арсенал ее реализации. В основе этой доктрины — вращение национальной экономики в мировую геоэкономическую систему с целью прорыва к полноправному участию в формировании и распределении мирового дохода с опорой на высокие геоэкономические технологии в мировом геоэкономическом пространстве.

Неоэкономическая модель диктует необходимость изменять подход к некоторым устоявшимся экономическим категориям, например, к такой, как мировой рынок. Мировой рынок опосредует мировые воспроизводственные процессы. И не более того. Продукция, произведенная в рамках интернационализированных воспроизводственных ядер, приобретает товарную форму только при ее реализации в секторах обращения, встроенных в глобальные производственно-инвестиционные цепи. В сумме эти сектора и составляют мировой рынок, где через мировые цены формируется мировой доход.

В таком понимании Россия никогда не выходила на мировой рынок, ибо никогда не стремилась быть участницей интернационализированных воспроизводственных ядер, идеологически побаиваясь такого атрибута, как транснационализация экономики. Тенденция эта сохраняется и сейчас. Слабые зачатки транснационализации ощущаются в постсоветском пространстве СНГ, где ряду финансово-промышленных групп придается транснациональный статус в целях восстановления разорванных производственных, кредитно-финансовых и платежно-расчетных связей. Россия выходила и выходит сегодня не на мировой рынок, а на рынок, формируемый в рамках огромного вспомогательного «двора» для мировых воспроизводственных ядер, поставляя сырьевые, энергетические ресурсы и отчасти полуфабрикаты не по мировым, а по снабженческо-сбытовым ценам, конкурируя со странами подобного типа. Эти страны также не входят в мировые воспроизводственные ядра, не участвуют в распределении мирового дохода, а довольствуются биржевыми котировками. Они не претендуют на перераспределение мирового дохода (хотя косвенно обеспечивают его формирование) и считают кредиты мировых финансовых институтов заемными средствами. Здесь обнаруживается канал утечки национального дохода через устаревшую внешнеторговую модель. В рамках неоэкономической модели Россия не может мириться с подобной ситуацией. Новая национальная внешнеэкономическая доктрина обязана поставить эту проблему в центр внимания.

И такое положение следует учитывать при выстраивании системы национальной обороны и безопасности. Для этого важно знать техно-

логию и методы ведения геэкономических войн. Назовем лишь некоторые, реально просматриваемые: тщательно завуалированный механизм перелива национального и мирового дохода; разрушение конкурентных экономических инфраструктур; «кредитный удар»; деформация и необратимая трансформация социально-экономической системы соперника. Неэкономика не оставляет безнаказанной ни одну национальную экономику, которая не ведает о приемах геэкономической борьбы, в которой любой шаг возвращается экономическим бумерангом с соответствующим положительным или отрицательным знаком.

Основой геэкономических войн выступает вживание милитаризированного элемента в национальные экономики. Приемы этих войн известны и были тщательнейшим образом отработаны в годы холодной войны: искусственно нагнеталась военная угроза, неоправданно часто снимались с вооружения первоклассные образцы военной техники, формировались крупномасштабные глобальные «инициативы» (классическим примером может служить американская «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ). Тогда был запущен механизм оперирования высокими геэкономическими технологиями на геэкономическом атласе мира. Под их влияние попали в той или иной степени практически все страны мира. Неэкономическая модель, постепенно вытесняя военный фактор, формирует более изощренные приемы геэкономических войн.

При разработке новой национальной военной доктрины Россия должна безусловно учесть эти тенденции, переосмыслить спектр новейших геэкономических угроз. Обладая необходимыми интеллектуальными ресурсами и умением быстро овладевать инновационными прорывами, Россия способна на такое. При этом «свинчивание» внешнеэкономической доктрины с военной доктриной является первостепенным стратегически значащим условием перехода России на новую неэкономическую модель. Этот принцип неэкономики диктует необходимость соединения внешнеэкономической и военной реформы в один блок, дает принципиально новые ориентиры внешней политики, которая должна затронуть геэкономические национальные интересы России. Влияние России как великой державы на ход мировых процессов, ее политический и военно-стратегический вес будут предопределяться местом и ролью в мировом геэкономическом пространстве⁶.

На пути к постэкономической цивилизации

Проблему гармоничного («устойчивого») развития можно по-настоящему решить только в глобальном масштабе. Однако для этого необходимо как ее осознание на национальном уровне, так и достижение планетарного консенсуса, каким бы утопичным он ни представлялся.

Рост нагрузки на природную среду в той мере, в какой его не удастся самортизировать внедрением новых технологий, можно остановить двумя способами — ограничением потребления каждого человека и ограничением численности человечества. Оба способа будут неизбежно использоваться, вопрос в их соотношении. И это соотношение будет зависеть не только от политических решений, но и от стереотипа поведения, который будет преобладать на Земле в грядущие десятилетия.

Угроза экологической катастрофы и исчерпания природных ресурсов вызвала интерес к опыту незападных цивилизаций в отношении поддержания равновесия между человеком и природной средой. Идея самоограничения рассматривается как важный инструмент сохранения и восстановления такого равновесия. В частности, ограничение индивидуального потребления является более приемлемым средством стабилизации экологической ситуации, чем сокращение численности населения, с точки зрения моральных ценностей любой цивилизации.

С другой стороны, экономическая и культурная экспансия западной цивилизации (хотя и в превращенной форме) требует увеличения производства, а для этого — стимулирования потребления. Причем современные формы такого стимулирования имеют в ряде случаев прямой разрушительный эффект. В то время как потребности глобальной цивилизации настойчиво диктуют необходимость самоограничения и ответственного отношения к окружающей среде, современная западная цивилизация в значительной степени помогает формированию не рационально-прагматического потребителя, а импульсивного гедониста, потребляющего не столько ради пользы, сколько в силу сиюминутного желания, личности, не способной ответственно относиться к будущим поколениям, т.е. своим детям и внукам.

Очевидный кризис техногенной цивилизации и общества «всеобщего потребления», которое не может быть взято за универсальную модель развития уже в силу ресурсных ограничений, актуализировал вопрос о «постэкономической» формации. Как и неоэкономическая модель развития, эта концепция в значительной мере альтернативна «обществу всеобщего потребления».

Что касается России, то ее включение в «техногенную гонку» означало бы выбор в пользу «догоняющей модернизации», т.е. вариант развития, при котором она вставала бы «в хвост» развитым странам Запада со всеми вытекающими из этого последствиями. Напротив, вращение сначала в неоэкономическую, а в перспективе (вероятно, уже во второй половине XXI в.) — в постэкономическую модель развития позволило бы выбрать «опережающую модернизацию», осуществить новый скачок в парадигме не эволюционного, а прорывного развития. Культурной спе-

циффике России, русскому менталитету, как представляется, в гораздо большей степени отвечала бы модель развития именно такого типа.

В американской политэкономической литературе рождение постэкономического общества связывается с результатами «третьей промышленной революции» — термин, который ввел американский социолог Дж. Рифкин в книге «Конец работы». Согласно приведенной в книге периодизации, первая промышленная революция, или первый ее этап, связанный с применением паровых машин, имел место с конца XVIII в. до 1860 г. Второй этап, обусловленный внедрением электроэнергии, механизацией производства и распространением двигателей внутреннего сгорания на основе использования нефтепродуктов, проходил с 1860 г. до окончания Первой мировой войны. Завершение этого этапа можно отнести к периоду «великого экономического кризиса» (1929–1933 гг.), который действительно приобрел характер заметного рубежа в экономическом развитии всего мира. Третий этап начался после Второй мировой войны и будет продолжаться в первые десятилетия XXI в. Он вызван такими факторами, как автоматизация и роботизация промышленного производства, внедрение вычислительной техники как в производство, так и в сферу услуг, особенно сферу управления (компьютеризация и кибернетизация).

К середине XXI в. предсказывается исчезновение производственного рабочего класса («синих воротничков»), который станет жертвой третьей промышленной революции. Подобная же судьба чуть позже ожидает и «белых воротничков», т.е. работников сферы услуг, торговли и банковского дела. (До самого последнего времени считалось, что рабочие места, потерянные в материальном производстве, будут компенсированы ростом занятости в торговле и банковском деле, в области оказания услуг.)

В этой сфере многие прогнозируют новый классовый конфликт между двумя доминирующими социальными группами в посткапиталистическом обществе: аристократией знаний и основной массой «белых воротничков». Указывают также на возрастающую интернационализацию новой элиты, поскольку ее интересы связаны прежде всего с деятельностью транснациональных корпораций, что ведет к резкому ослаблению у нее чувства гражданственности, заметно отчуждает ее от интересов и забот основной массы сограждан или граждан любой страны, где представители этой элиты живут и работают. Экономика «почти без рабочих», которую К. Маркс называл «последней метаморфозой труда», таким образом, не за горами, она последует за «третьей промышленной революцией». Первые ее предвестники уже просматриваются во второй половине XXI столетия. Тогда неэкономическая цивилизация начнет преобразовываться в постэкономическую, или послерыночную.

Контуры грядущей постэкономической цивилизации описывает известный российский экономист В. Иноземцев. По его мнению, место постэкономической общественной формации в системе категорий формационной теории может быть определено на основе понимания ее как синтетического элемента диалектической триады, тезисом и антитезисом которой выступают архаическая и экономическая формации. Экономическая общественная формация представляется таким периодом в развитии человеческого общества, в рамках которого люди при всех существующих между ними классовых, религиозных, профессиональных и прочих различиях оказывались равны между собой как индивиды, включенные в единую систему удовлетворения своих материальных интересов. В силу этого она может быть определена как такая форма организации социума, которая основана на труде, т.е. сознательной, но порожденной внешней материальной необходимостью деятельности человека. Эта организация характеризуется частной собственностью, эксплуатацией человека человеком или группы лиц другой группой лиц, а также активным обменом продуктами труда между членами общества.

Важнейшей чертой постэкономической общественной формации, во-первых, является кардинальное изменение характера и форм человеческой деятельности. Во-вторых, постэкономическая общественная формация отрицает такую фундаментальную черту своей предшественницы, как товарное производство, базирующееся на труде и законе стоимости. С переходом к постэкономической формации утрачивают силу традиционные закономерности возмездного обмена, регулируемого стоимостными принципами.

В-третьих, становление постэкономической общественной формации предполагает преодоление важнейшей характеристики формации экономической — отчуждения человека от других людей и от общественного целого. Последнее может произойти только при условии, что будет покончено с эксплуатацией человека человеком — феноменом, имеющим помимо объективных еще и субъективные стороны и являющимся неотъемлемой чертой экономической общественной формации.

Постэкономическая общественная формация представляет собой историческое состояние, становление которого происходит начиная с достижения экономической общественной формацией наивысших форм своего развития. Это состояние характеризуется устранением труда как основного вида человеческой активности, преодолением базирующегося на стоимостных закономерностях товарного производства и ликвидацией эксплуатации как существенно влияющего на общественную жизнь фактора.

В результате всех указанных изменений человеческая деятельность утрачивает специфически трудовые мотивы и перерождается в тот синтетический тип активности, который можно определить как творчество. Творчество кардинально отличается от труда.

Во-первых, мотивы деятельности перестают быть напрямую зависимыми от внешних материальных обстоятельств и приобретают серьезную индивидуальную специфику.

Во-вторых, целью деятельности становится не некий продукт как материальный объект, а человек, сам активный субъект. Материальное благо, даже если оно и произведено, — это скорее побочное следствие, нежели цель творческого процесса.

В-третьих, результат творческой деятельности невоспроизводим — прежде всего потому, что таковой состоит непосредственно в развитии личности творца, а деятельность, направленная на самосовершенствование, носит сугубо индивидуальные черты, которые не могут быть скопированы и воспроизведены.

В-четвертых, продукт, выступающий целью творчества, не отчуждаем, ибо приобретенные человеком в его процессе моральное удовлетворение или новые способности не могут быть у него отняты; между тем отчуждаемым, хотя и невоспроизводимым, остается материальный или нематериальный продукт, который может быть создан в итоге творчества. При этом последнее не нацелено на достижение конечного результата столь однозначно и жестко, как труд; в силу этого и окружающий мир не воспринимается творящей личностью как нечто чуждое. Существовавшее ранее субъективное противостояние личности и природы во многом преодолевается.

В качестве провозвестника экспансии творческой деятельности следует рассматривать, пусть и весьма условно, существенное расширение сферы «непроизводственных» услуг, понимаемой как антипод материального производства. Речь идет об услугах, реализовать которые невозможно без активного участия не только тех, кто их оказывает, но и тех, кто ими пользуется. Эта «непроизводственная услуга», или «human service», как называет ее Д. Белл, и есть то экономическое явление современного общества, развитие которого наиболее полно по сравнению с другими объективными, отражаемыми статистикой процессами свидетельствует как о присутствии творческой деятельности в нынешних хозяйственных системах, так и о степени этого присутствия.

К данным отраслям можно отнести всю сферу образования, культуру в целом, отрасли так называемых социальных услуг, а также здравоохранение. Деятельность в этих сферах сопряжена с человеком как ак-

тивным субъектом. Оказание соответствующих услуг здесь не имеет смысла без энергичных усилий этого субъекта, направленных на потребление услуги. Деятельность, носящая субъект-субъектный характер, далеко не одинаково воздействует на различных людей, и ее продукт, состоящий в совершенствовании личности или способностей человека, сугубо индивидуален и невоспроизводим. В каждом конкретном случае данная деятельность не имеет некоего шаблона, по которому она должна осуществляться, ее результат не зависит напрямую от объема затраченных усилий и рабочего времени; однозначная связь, свойственная эпохе экономической общественной формации, здесь отсутствует.

Более того, в этой сфере деятельности начинают возникать черты, весьма схожие с чертами творчества. С одной стороны, ценность оказываемых и получаемых услуг всецело субъективна — в той же мере, в какой невоспроизводима и сама услуга. В итоге субъект-субъектного взаимодействия удовлетворяются не только запросы потребителя. С другой стороны, в отличие от производства материальных благ выполнение такого рода услуг не связано с отчуждением благ от производителя в пользу потребителя: человек, создающий информационные блага или занятый в сфере образования, не сокращает объем информации, которой располагает, при передаче ее другим людям. Таким образом, продукты подобной деятельности не только невоспроизводимы, но и в значительной степени неотчуждаемы. Такая деятельность уже не может выступать как извне диктуемая целесообразность. В ее структуре во многом преодолено присутствовавшее ранее отчуждение, и она вполне может рассматриваться как деятельность преимущественно творческого типа.

Третья фундаментальная черта постэкономического состояния — преодоление эксплуатации. Отчужденный характер труда обусловлен не столько его связью с системой частнособственнических отношений, сколько самим внешним характером побудительного мотива деятельности, которым характеризуется труд. Поэтому изъятие продукта деятельности само по себе не является эксплуатацией. Эксплуатацией становится только отчуждение результата такой деятельности работника, при которой работник считает данный результат целью этой деятельности. Труд обусловлен внешним побудительным мотивом деятельности и направлен на освобождение человека от давления на него внешней материальной необходимости. Поэтому изъятие продукта труда у трудящегося субъекта в любых обстоятельствах — как при азиатском способе производства, так и в условиях социализма — субъективно воспринимается им как эксплуатация, как угнетение, как прецедент социальной несправедливости.

С экспансией творческой деятельности интересы сначала отдельных индивидов, а затем и значительной части членов общества как бы выпадают из той плоскости традиционных материальных интересов, в которой находились все стремления людей экономической эпохи. В этом случае удовлетворение экономических интересов одних людей за счет присвоения продуктов творчества других не воспринимается и не может быть воспринято этими последними как эксплуатация, так как не возникает конфликта между удовлетворением материальных потребностей «эксплуататоров» и осуществлением целей, которые ставят перед собой «эксплуатируемые». Более того, с того момента, как возникают индивидуальные интересы, не связывающие деятельность отдельных субъектов с ее материальными результатами, изменяется и система ориентиров во всем обществе, так как результирующий интерес социума, пусть медленно и очень нерешительно, с непреодолимой силой смещается в сторону от традиционной экономической плоскости, что демонстрирует постепенное нарастание постэкономических тенденций.

По мнению В. Иноземцева, открытые К. Марксом закономерности стоимостного обмена, феномен эксплуатации имеют благодатную почву лишь в условиях массового производства человека, в условиях неиндивидуализированного сознания и устраняются вместе с преодолением в индивидуальном сознании целей обретения материального благосостояния, неизбежным атрибутом системы которых этот массовый человек является.

Это означает, что в обществах, достигших постиндустриальной стадии развития, произошли гигантские сдвиги. Основной эволюции таких обществ становится преодоление системы экономических отношений, базирующейся на трудовой деятельности, стоимостном характере обмена ее результатами и эксплуатации человека человеком. Все эти признаки конституируют историческую эпоху, названную основоположниками марксизма экономической общественной формацией. Их отрицание, напротив, знаменует наступление новой эры, которую можно определить в качестве формации постэкономической. Это состояние общества не тождественно ни новой фазе капитализма, ни ступени развития социалистического общества; оно неопределимо на сегодняшний день в категориях традиционной политической экономии, однако наблюдаемый в последние десятилетия переход является величайшей социальной революцией, которую когда-либо переживало человечество⁷.

Примечания

¹ Ясин Е., Яковлев А. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики. М., 2004. С. 6–7.

² Подробнее об этом см.: Ясин Е., Яковлев А. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики. М., 2004.

³ CIA World Factbook, 2008.

⁴ См.: Ясин Е., Яковлев А. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики. М., 2004.

⁵ Кочетов Э. Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание. М., 2001. С. 133–238, 313–246.

⁶ Там же. С. 347–378, 423–534.

⁷ Иноземцев В. На пути к постэкономической цивилизации. М., 1998.

1991 год: отказ от исторической преемственности

После окончания холодной войны в конце 1980-х — начале 1990-х годов советское, а затем и российское руководство не сумело обеспечить преемственность геополитических интересов России и тем самым спровоцировало невиданное геополитическое наступление США, предпринятое ими после того, как холодная война была объявлена достоянием прошлого. «Распустив» при попустительстве союзной элиты без всякого давления извне СССР (т.е. Большую Россию¹), РСФСР резко преврала преемственность геополитических интересов и СССР, и Российской империи.

В 1991 г. после поражения ГКЧП Б. Ельцин должен был либо назначить дату внеочередных выборов Президента СССР и выставить свою кандидатуру, либо объявить РСФСР правопреемницей подлинной, исторической России, что предполагало начало переговоров о цивилизованном разделе СССР. Нет сомнений в том, что он не проиграл бы ни в том, ни в другом случае. К тому времени и вся власть не только в РСФСР, но и в СССР была сосредоточена в его руках, и симпатии народа были на его стороне. Но он не сделал ни того, ни другого. Тем самым он полностью лишил в глазах окружающего мира всякой легитимности претензии новой России на внешнее влияние и зоны жизненно важных интересов, которые у нее как у государства, публично объявившего себя великой державой, неизбежно возникали. Надо ли удивляться, что запоздалые заявления МИДа РФ в 1993–1994 гг. о том, что Россия считает такими зонами всю территорию СНГ, были всеми квалифицированы как «имперские амбиции».

Несправедливый раздел СССР, при котором историческая Россия (см. Приложение 6) потеряла свои исконные территории, равно как и последующая сдача ее геополитических позиций, произошли при попустительстве и поражении выросших из советской элиты (а точнее —

денационализированной русской элиты) демократических сил, начавших преобразования, но сдавших затем страну российским псевдодемократам, таким же, как и они, лишенным чувства здорового русского национального самосознания.

Для того чтобы в конце 1980-х годов состоялся цивилизованный раздел СССР, были обязательны учет воли народов, уважение их добровольного выбора, переговорный процесс, принимающий во внимание, какой народ в каких границах вошел в состав России и в каких границах он провозглашает свое самоопределение. Беловежские соглашения были заключены наспех и не определили права и гарантии безопасности России как продолжательницы Советского Союза, судьбу народов, его населяющих, игнорировали интересы русских, безвозмездно вложивших свой труд в индустриализацию всей страны. Беловежские соглашения усилили катастрофические последствия распада коммунистического государства, поставили народы бывшего СССР на путь бесконечных распрей и военных конфликтов.

Прошедшие двадцать лет показали, что тогдашние руководители Российской Федерации проявили поразительную беспечность с принятием условий, вернее, отсутствием каких-либо серьезных условий при подписании соглашений о ликвидации СССР, наивно надеясь на некую «самоинтеграцию» в рамках СНГ после ухода М. С. Горбачева. Опротестивым и преступным было одностороннее применение принципа территориальной целостности и нерушимости границ по отношению к самопровозглашенным государствам без соответствующих переговоров по проблемам спорных территорий и границ. Раздел СССР, проведенный вопреки воле миллионов людей, не может быть признан окончательным и исторически справедливым.

На первый взгляд кажется, что сокращение территории России в результате государственного распада СССР не имеет большого значения, ведь Россия остается еще огромной страной. Но это не совсем так. Пространство продолжает играть свою роль, в том числе и в качестве параметра, определяющего влияние государства на мировую политику. Пространство, территория определяют границы государства, а следовательно, и пределы распространения культуры, традиций, национального образа жизни. Они влияют на состояние экономики и международных отношений. Территория — это символ жизненных интересов, жизненное пространство этноса, гарантия его выживания, роли и места в сообществе других этносов. Поэтому территориальные споры и вызывают самые жестокие конфликты и войны. Территория — это необходимая часть национального самосознания и необходимое условие формирования или лечения национального самосознания.

Конец XX — начало XXI в. подтвердили, что старые геополитические истины не ушли в прошлое и сохраняют свое значение. Один из важнейших постулатов геополитики состоит в том, то географическое пространство является не просто территорией государства и одним из атрибутов его силы; пространство само есть политическая сила. Конечно, развитие во второй половине XX в. мировых телекоммуникационных систем, новых средств транспорта, информационных технологий, экономических и финансовых форм взаимодействия во многом снизило значение геополитического пространства. Но оно, несомненно, продолжает играть свою роль, в том числе и в качестве параметра, определяющего статус великой державы в мировой политике.

В современном мире геополитика — это одно из немногих устойчивых понятий, которые следует учитывать при определении национальных интересов. Что, собственно, можно противопоставить геополитике? Лишь идеологические либо идейно-нравственные и эмоциональные факторы, наивную веру в то, что «народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Но эти представления, как показывает исторический опыт, являются несостоятельными. Пять лет реализации внешней политики Андрея Козырева (1991–1995) лишний раз подтвердили, что если государства в своих отношениях с внешним миром отдают приоритет лишь моральным категориям, то рано или поздно они терпят поражение и попадают в зависимость от более сильных держав. Величайшей ошибкой некоторых деятелей, свидетельствующей об их дилетантизме в вопросах политики, является наивная вера, будто хорошие отношения между государствами складываются благодаря взаимным «дружеским» чувствам их лидеров или народов. Можно, конечно, в упоении властью пройти мимо геополитических реалий, но сами они мимо политики не пройдут. Они с неотвратимостью будут мстить тем, кто по невежеству или предумышленно отмахивается от них.

Как известно, в конце 1980-х — начале 1990-х годов руководство бывшего СССР, а затем и Российской Федерации пыталось предложить миру новую, «беспольную» концепцию геополитики, основанную на всеобщей гармонии и сотрудничестве. Однако отказ России от идеи исторической преемственности и, следовательно, от исторических и послевоенных основ своей внешней политики, от традиционных сфер влияния, провозглашение концепции «единого мира» на основе «общечеловеческих ценностей» нашли весьма прагматический ответ западных государств, которые своими действиями в конце XX — начале XXI в. показали, сколь серьезно они относятся к геополитике². Они немедленно заполнили образовавшийся в результате слабости России геополитический «вакуум» в Центральной и Восточной Европе.

События этих лет подтвердили и другой урок всей долгой и кровавой истории международных отношений: если сила одного субъекта геополитики не сбалансирована силой других субъектов, то вся система отношений дезорганизуется и движется в направлении хаоса, конфликтов и войн. Концепция С. Хантингтона, как известно, этот урок отрицает: он полагает, что «по мере формирования нового мирового порядка принадлежность к одной цивилизации придет на смену традиционным соображениям поддержания баланса сил в качестве основного принципа сотрудничества». С. Хантингтон торопится отказаться от идеи «баланса сил» в геополитике, ему хочется верить, что Запад навсегда сохранит свое лидерство в международных отношениях. Опасная поспешность — сбрасывать со счетов опыт мировой цивилизации. Сегодня, как и столетие назад, международная безопасность заключается не в доминировании одной сверхдержавы, пусть и сопровождаемой декларациями о защите демократии и свободы, а в сбалансированной силе взаимодействия основных субъектов геополитики.

После распада Большой России стремление различных государств реализовать свои корыстные интересы способно вызвать настоящую лавину геополитических и геостратегических изменений, которая может стать неуправляемой. Причем дело не закончится реформатированием постсоветского пространства. Цепная реакция грозит распространиться на весь земной шар. Тогда может начаться повсеместный территориальный передел мира, его ресурсов и стратегических рубежей. Как убедительно показали события начала XXI в., США, оставшись единственной сверхдержавой, в одиночку не справляются с этим глобальным вызовом.

Конечно, сейчас геополитическая и геостратегическая ситуация складывается для России неблагоприятно. Однако несмотря на острый экономический и политический кризис, развал существовавших на постсоветском пространстве хозяйственных связей, Россия производит, как минимум, две трети валового национального продукта бывшего СССР, а по военной мощи, прежде всего ракетно-ядерному потенциалу, сохраняет пока место второй «сверхдержавы» в мире. Уже два этих фактора показывают, что внутренние процессы в России не могут не оказывать серьезного влияния на геополитическую, геостратегическую и геоэкономическую обстановку в мире. По сути, своей внутренней политикой (не говоря уже о внешней) — к каким бы результатам она ни вела — Россия формирует важный вектор развития этой обстановки. Какие бы сдвиги ни происходили в ее внутреннем и международном положении, Россия остается прочно встроенной в глобальную международную систему как одна из крупнейших держав Евразии и мира, рас-

полагающая к тому же внушительным ядерным арсеналом. Без учета весомого российского фактора невозможно построить никакую модель стабильного миропорядка. Поэтому любой анализ развития геостратегической и геополитической ситуации в целом без учета динамики положения дел в самой России объективно может носить лишь ограниченный характер.

У России в силу этого и сегодня есть исторический шанс использовать свое уникальное геополитическое и геостратегическое положение. На своем гигантском евразийском пространстве Россия граничит со всеми основными цивилизациями планеты: римско-католической на Западе, исламским миром на Юге и конфуцианской китайской цивилизацией на Востоке. При правильном выборе стратегии развития и проведении соответствующей внешней политики Россия может сыграть роль необходимого «межцивилизационного звена» и стабилизатора ситуации на региональном и глобальном уровнях.

В начале XXI в. геополитическая и геостратегическая роль России заключается главным образом в сдерживании евразийского Юга в самом широком смысле. При этом ярко выраженная роль России как сильной азиатской и тихоокеанской державы только и придаст ей силу в европейских делах. И наоборот, сильная традиционная европейская политика позволит ей сохранить престиж в отношениях с главными партнерами в Азии — Китаем, Индией, Японией, двумя Кореями, Монголией и другими странами АТР. Сохранение исконной геополитической и геостратегической роли России как мирового цивилизационного и силового «балансира» является одним из главных средств предотвращения сползания Европы, да и мира в целом к геополитическому хаосу. Для этого нельзя допустить ослабления России, иначе она сама окажется в состоянии дисбаланса и хаоса. Вот почему основные промышленно развитые страны Европы и Азии, а также США на самом деле должны быть кровно заинтересованы не только в том, чтобы сохранить и укрепить территориальную целостность и единство России, но и в возрождении сильной России, способной проводить в сотрудничестве с ними влиятельную как европейскую, так и азиатскую политику.

Российская политическая элита: болезнь дерусификации

За все промахи и ошибки позднего СССР, его распад и невиданное в истории геополитическое отступление несет ответственность советская элита. Почему же российская политическая элита, сменившая советскую, не последовала примеру немецкой, которая никогда — даже в ус-

ловиях полного разгрома — не признавала справедливость отторжения от исторической Германии ГДР и добилась в конечном счете мирного воссоединения расчлененной нации?

Ответ на этот вопрос следует искать в ее происхождении. Крах коммунистической империи привел к острому идейному кризису, вылившемуся в кризис российской государственности, именно потому, что советская элита (т.е. российская советизированная элита) была начисто лишена национального самосознания. Эта элита, десятилетиями изолированная от мира, толком не знавшая и не понимавшая его, взяла на вооружение псевдолиберальные и псевдодемократические принципы и ценности. Вместо того чтобы воссоздавать российское государство, она увлеклась далекими от реальностей современного мира идеями «демократического братства и солидарности», «мирового цивилизованного сообщества», что было сродни пролетарскому интернационализму коммунистов. Национальные интересы России, необходимость отстаивания в мире своих экономических и политических позиций оказались на периферии формационного преобразования страны.

Словарь С. И. Ожегова определяет понятие «элита» как «лучшие растения, семена или животные, по своим качествам наиболее пригодные для разведения, воспроизводства». Применительно к человеческому обществу эта формула выглядит, разумеется, упрощением. Однако не меньшим упрощением является определение элиты в философских энциклопедиях как «важного, привилегированного слоя или слоев, осуществляющих функции управления, развития науки и искусства». В последнем случае мы имеем дело с обывательским (хотя и общепринятым) определением элиты, тогда как это понятие является системным, междисциплинарным, метафизическим и даже в известной степени мистическим.

Понятие «элита» ни в коем случае не тождественно понятию «власть». Это не правящий класс, не властвующий истеблишмент и не «номенклатура». Такая «элита» по существу является псевдоэлитой, ибо она, во-первых, всегда экстравертна (ее сознание формируется отчужденной от нее актуальной внешней средой) и, во-вторых, в принципе неорганична, нецелостна, что находит выражение и в семантических рядах языка (говорят, например, о научной, художественной, военной, экономической, политической элитах).

По меткому рассуждению философа Ш. Султанова, такая квазиэлита обладает некоторыми внешними, формальными признаками реальной элиты. Но, будучи частным явлением, она никогда не несет ответственности за все органичное общество, которое нередко пытается представлять. Реальная элита связана прежде всего с такими феноменами, как Традиция, Время и Пространство. Она является воплощением высшей,

сакральной ответственности за Целое. Функции власти такая элита может периодически реализовывать (а может и не реализовывать) именно потому, что выражает предельные императивы, т.е. воплощает конкретные традиции, конкретное пространство, конкретное время через причастность к сакральному потоку, сакральной ритмике Целого. Такая элита целостна и органична не потому, что статусно или каким-то иным образом выделена в иерархии социума, а потому, что она целостную стратегию развития того или иного социума в конкретных условиях и конкретном месте воплощает и развивает. Применительно к нации настоящая элита выражает и воплощает глубины вечного национального интереса, отражает традиционное национальное сознание, рефлексивно фиксируя единство прошлого, настоящего и будущего этой нации как некой органической целостности. Иначе говоря, истинная элита занята, собственно, тем, что постоянно проясняет (не только и не столько вербально, сколько созданием соответствующих моделей поведения) своей нации, в чем именно сегодня смысл бытия, жизни, и объединяет в нечто общее различного рода частные ответы на ключевые вопросы: «Кто мы? Откуда мы пришли? Куда идем?»³.

Такая элита характеризуется этической принципиальностью. Ее нравственные принципы незыблемы настолько, что она в известном смысле независима от социума, от самой нации, во всяком случае, от ее низменных интенций и пороков, свойственных любой нации. Истинная элита — это своего рода душа данного живого общества, в котором она является ее вполне автономной, но тем не менее неотъемлемой составной частью. Она символизирует высшую сакральную свободу данной нации во времени. Говоря словами Шопенгауэра, это «аристократия ума и таланта», но также, добавим мы, «аристократия нравственности и совести» нации.

Отсюда ясно, что даже крупный ученый или выдающийся политик, занимая статусные и даже высшие места в истеблишменте, может не входить в национальную элиту, поскольку для этого важен не личный успех, а то, в какой степени тот или иной деятель является выразителем, носителем базовых, традиционных, нравственных ценностей данной нации. В психологическом плане человеческая форма осознания элитой самой себя в качестве такого носителя, такой сакральности — это осознание некой национальной сверхзадачи вне категорий актуального социального бытия и повседневной жизни.

Короче говоря, понятие «элита» тождественно понятию «субъект развития» нации. Реальная элита всегда возглавляет некий устремленный в будущее, но основанный на прошлом исторический проект. Деградация или исчерпание элиты влечет за собой отказ нации от своего

исторического проекта и вливание в чужой национальный проект. Место реальной элиты в этом случае занимают многочисленные квазиэлиты. Они «булькают на поверхности», пытаются выступать от имени нации и весьма преуспевают в личном плане, в то время как социум продолжает погружаться в хаос.

Именно это и происходит сейчас в России. Те, кто называет себя элитой (а им это очень нравится), не являются элитой реальной. Это люди, не только утратившие какую бы то ни было перспективу развития. Они начисто лишены нравственных принципов, цинично ориентированы лишь на власть и богатство. Ради этого в политике идут на любые блоки и коалиции, а в коммерции — на любые сделки. Собственно говоря, это вовсе и не национальная элита, поскольку тут налицо сориентированность на ценности других стран. Развалив национальную систему образования, своих детей эти люди предпочитают обучать в Европе и США. Разрушив национальную систему здравоохранения, они лечатся за границей. Там же и отдыхают. Обвалив национальную валюту, они держат свои деньги в валюте на счетах в иностранных банках. Так наша ли это элита?

Если это бизнес-элита, то она неконкурентоспособна на Западе, потому что там нельзя воровать. Поэтому ворует она в России, а детей отправляет на Запад. В одном из своих выступлений В. Сурков назвал ее «оффшорной аристократией», явившейся на свет в «зоологический период нашего развития». Если это политическая элита, то она на Западе просто не нужна, поскольку там есть своя.

В последнее время наше руководство, включая Президента РФ, много говорит о «коррупционности» элиты. Но это противоречие в определении. Элита — это ведь все лучшее, избранное. Как можно быть коррупционированной элитой? Следовательно, это никакая не национальная элита, а отбросы нации.

Что касается научной и культурной элиты, то государство ее настолько унизило ничтожными зарплатами, что она вынуждена в целях выживания выполнять любую работу, за которую кто угодно платит хоть что-нибудь, вместо того чтобы выполнять свое предназначение — быть духовным локомотивом общества, «совестью нации», служить ей и одновременно возвышать ее до своего уровня. Удачливые деятели культуры у нас живут за границей на выгодных валютных контрактах. Ученые, кто не смог в свое время уехать за границу, либо перебиваются случайными заработками, либо выполняют заказы иностранных компаний. О судьбах Отечества они и помыслить не в состоянии.

Что же касается честных и совестливых людей из сферы науки и культуры, то они себя элитой не ощущают. Как показывают опросы, они

элитой считают помимо олигархов еще и мелких лавочников, доходы которых многократно превышают их зарплаты.

Политологическое и экспертное сообщество лишь безучастно наблюдает и комментирует происходящее. Вряд ли можно сказать даже, что оно формирует общественное мнение, не говоря уже о том, чтобы вмешиваться в реальную политику и влиять на принимаемые решения. Это пораженцы, которые паразитируют на распаде и разложении страны. А поскольку они уже научились это делать, то заинтересованы и в дальнейшем ее распаде и разложении. Таковы деятели многих экспертных советов, исследовательских центров и общественных организаций, которых иначе как «Советом пораженцев» назвать нельзя.

Качество нашего парламентского корпуса всем известно. Это еще раз подтвердили декабрьские выборы 2007 г. Мотивы, по которым все эти «правые», «коммунисты», «кадеты», «демократы», «патриоты» пробивались в депутаты, страшно далеки от желания хоть немного помочь стране. Кто добивался этого ради приобретения иммунитета, кто — чтобы уйти от правосудия, кто — чтобы «отмыть» деньги через выборы, кто — чтобы занять выгодные лоббистские позиции. Иными словами, каждый из них преследовал исключительно личные интересы, а не интересы Отечества. Образ «народных заступников» им удастся, прямо скажем, плохо. Особенно отвратительно выглядит «партия власти», идеологией которой является лишь верность действующему президенту. Как ее ни назови — «Наш дом Россия», «Демократический выбор России», «Единая Россия», эта идеология не изменится.

Остается исполнительная власть, которая, собственно, правит в России. Ее иногда называют «властная элита». Но это определение некорректно. Речь идет всего лишь о новой российской бюрократии, т.е. номенклатуре федерального и регионального уровня, которая коррумпирована больше всех остальных сегментов нашей квазиэлиты, поскольку она вообще неподконтрольна никому — ни парламенту, ни обществу. Сегодня эта номенклатура, находящаяся в тесной, неразрывной связи с финансово-промышленными группировками (по существу, переплетенная с ними), уже также не идентифицирует себя с Россией и в значительной степени ориентирована на свои текущие шкурные интересы и, конечно, на Запад.

Сами же финансово-промышленные группировки нелегитимны вследствие незаконной приватизации. Не только общество, но и сами они это прекрасно понимают. Что бы там ни говорили президент, премьер-министр и другие высшие руководители, пересмотр результатов этой «неправедной» приватизации дамкловым мечом будет висеть над нашими «олигархами» — причем не только теми, которые изгнаны из

страны или пребывают в местах не столь отдаленных, но и теми, кому наша власть выдала индульгенции.

Разве из нелегитимного финансового субъекта может вырасти субъект развития? К тому же действия этих группировок показали, что ни в каком национальном развитии они не заинтересованы. Воплощая собой супермонополизированную, т.е. нерыночную, экономику, они целенаправленно создают условия, при которых малый и средний бизнес — основной мотор экономического развития в любой стране мира — подняться просто не может. Отсюда в свою очередь — невозможность появления в России мощного среднего класса, который во всех западных странах является опорой экономики и государства. При этом ни один из сегментов вороватой российской квазиэлиты и не помышляет о том, чтобы взять ответственность не только за развитие страны, но и за свои собственные решения, в особенности ошибочные.

Но еще более прискорбно, что в России не просматривается и признаков контрэлиты, т.е. элиты, которая находится в реальной (а не декларативной) оппозиции к власти. Все так называемые оппозиционные партии в России — КПРФ, ЛДПР, СПС — являются партиями так называемой «системной оппозиции», которые на словах клянут «антинародный режим», а на деле соревнуются в преданности действующему президенту.

Как же получилось, что в России не оказалось национальной элиты, которая должна была бы взять на себя проект национальной модернизации страны в начале XXI в.? Главное объяснение этому странному, на первый взгляд, феномену состоит в коммунистическом наследстве. Национальная элита дооктябрьской России была, как известно, безжалостно ликвидирована большевиками; ее сравнительно небольшая часть покинула страну.

Сами большевики никакой национальной элитой, разумеется, не стали. Советский исторический проект стал откровенно антинациональным. СССР был анти-Россией.

В коммунистической системе не было места для национальной элиты, поскольку не было каких-либо потребностей в ее специфических функциях. В советский период гуманитарная квазиэлита создавалась искусственно, для обслуживания коммунистической идеологии, лакировки общественных процессов, пропагандистского обеспечения курса КПСС. Это была не созидательная и не творческая сила, а сила чисто функциональная, сервильная.

Коммунисты, возможно, и были субъектом развития на определенном этапе. Но только субъектом развития не России, а СССР, который был государством не национальным, а всемирным. Эманация коммуни-

стической идеи в 1970–1980 гг. привела к деградации антинационального коммунистического субъекта развития и распаду СССР. СССР, таким образом, распался, поскольку исчез субъект его развития. Но беда в том, что на месте этого исчезнувшего субъекта никакого национального субъекта не возникло. Да и не могло возникнуть. Если бы этот субъект был, то СССР распался бы не по сталинским границам, а путем переговорного процесса при сохранении пространства исторической России.

Советский политический субъект развития, не обладавший альтернативными внутренними жизненными средствами, а главное — альтернативным историческим проектом, оказался обреченным на саморазложение. Начался быстрый, лавинообразный процесс его дезинтеграции по национальным, идеологическим, региональным и имущественным основаниям. А поскольку одним из главных последствий советизации была тотальная люмпенизация населения, превращение всех рядовых граждан СССР в *homo soveticus*, т.е. людей-люмпенов, не имеющих ни гражданского общества, ни национальности, ни отечества, то катастрофа развала СССР не вызвала сколько-нибудь серьезного социального протеста.

Попытки правящего класса РСФСР, выломившейся из лоно Советского Союза, консолидировать оставшееся на ее территории население вокруг антикоммунистической идеи успеха не возымели. В качестве альтернативных советскому историческому проекту власть попыталась использовать не только деструкцию, но и конструктивные проекты, такие как «идеалы демократии», «рыночная экономика», «либеральные реформы», «интеграция в сообщество развитых стран» и т.д. Эти попытки, сами по себе весьма дилетантские и некомпетентные, также полностью провалились, поскольку, собственно говоря, подменяли новую «национальную сверхзадачу», по сути дела, средствами ее решения.

Сокрушительный провал затеи Б. Ельцина с «разработкой» национальной идеи сверху в 1996 г., о котором уже говорилось выше, еще раз подчеркнул тот неоспоримый факт, что «национальная элита» и власть — это совершенно разные вещи. Эксперты (с позволения сказать), которые год с лишним работали (кстати, на казенных харчах и за солидные гонорары) в «группе Сатарова», не стремились найти национальную идею для России (которую в глубине души они просто презирали), а по принципу «чего изволите?» пытались «угадать» настроения Кремля и дать им идеологическое, а потом, как они надеялись, и пропагандистское обрамление (ведь они хотели получать гонорары и дальше). Иными словами, эти «эксперты», действуя в соответствии с укоренившимися стереотипами советского агитпропа, по знакомым схемам «промывания мозгов» «спившегося быдла», конечно же даже близко не стояли к высокой категории национальной элиты.

К сожалению, и в последующие годы не наблюдалось признаков зарождения такой элиты. Впрочем, равно как и трансформации люмпенизированного советского общества в гражданское. Что же касается власти, то, как будто забыв о том, с каким треском провалилась затея с «разработкой» сверху национальной идеи, она в 2001 г. на глазах у всего изумленного мира провела вдруг помпезный «Гражданский форум», на котором уже второй Президент России «поставил задачу» в «кратчайшие исторические сроки» «построить» гражданское общество в России. Надо ли говорить, что и эта затея власти насадить что-то хорошее «сверху» также окончилась конфузом? Однако сам замысел этой власти безошибочно указывал на то, что ее советская природа ничуть не изменилась. Да и деятелей культуры, науки и искусства, участвовавших в работе форума, уж никак нельзя было отнести к национальной элите, которая по определению не может заниматься мелким попрошайничеством и присягать на верность «главному начальнику страны». Наша интеллигенция, воспитанная в добрых советских традициях, ни на форуме, ни в ходе других массовых мероприятий, например выборных кампаний, да и во время более страшных событий, например расстрела «Белого дома» в 1993 г., никогда не давала власти повода усомниться «с кем же вы, мастера культуры?». Какая же это, с позволения сказать, национальная элита?!

После провала «Гражданского форума» наша власть и сегодня действует подобно Бурбонам, которые ничего не забыли и ничему не научились. Те же люди — В. Сурков, Г. Павловский, С. Марков и прочие — создали Общественную палату, которой была поручена та же миссия, с которой не справился «Гражданский форум»: формирование в России гражданского общества. Причем В. Сурков полагает, что Общественная палата «стартовала вполне успешно». Между тем очевидно, что Общественная палата, имея в своем составе людей, всех без исключения назначенных Кремлем, способна построить лишь имитацию гражданского общества, полностью подконтрольную действующей власти!

А потому эта «общественная» организация не только бессмысленна, но и крайне вредна. Неудивительно, что она была отвергнута подлинным российским гражданским обществом (пусть пока еще слабым и находящимся в процессе становления). Многие порядочные люди просто отказались от предложения Кремля участвовать в очередном политическом аттракционе, справедливо полагая, что порядочным людям там не место.

Ну да бог с ней, с этой очередной затеей кремлевских политтехнологов. Пусть они еще раз получают граблями по лбу и убедятся в том, что гражданское общество невозможно создать сверху. Важно другое: нынешнее состояние самого гражданского общества.

Если советизированная российская псевдоэлита за годы «демократии» так и не превратилась в подлинную национальную элиту, т.е. в субъект исторического развития России, то и народ из атомизированного человеческого месива (наследие большевизма) в это время не превратился, говоря философским языком, в субстанцию такого развития, т.е. в человеческий «материал», которое способно производить и выдвигать своих лучших представителей (здесь, кстати говоря, определение Ожегова вполне подходит), т.е. элиту. И это, возможно, еще страшнее, ибо элита не может взяться «ниоткуда». Нет субстанции — нет субъекта.

Проведенные в последнее время социологические исследования показывают, что население России воспринимает себя не как субъекта, а как объекта по отношению к социальным процессам, обществу и государству. Такое население не может быть ни зародышем гражданского общества, ни активным элементом каких-либо изменений вообще. И неудивительно, что власть вспоминает об этом населении лишь накануне очередных выборов, воспринимая его исключительно как «электорат». Если вдуматься в это полупренебрежительно-полупрезрительное определение, то оно означает ту массу человеческого материала, которую раз в четыре года необходимо основательно «взнуздать», чтобы власть могла сохранить свои позиции в государстве. Где же здесь зачатки гражданского общества и желание самой власти построить его?

Наконец, о самой власти. Очевидно, что не только национальной идеи, своего исторического проекта, но и сколько-нибудь внятной стратегии у нее нет. Не может быть стратегией концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г., которая периодически то появляется на сайте Минэкономразвития, то исчезает оттуда. «Материальный успех, свобода и справедливость» не могут быть национальными ценностями, как полагает В. Сурков (да будет известно нашему руководству, что эти ценности универсальны). Здесь опять намеренная (или невежественная) подмена целей средствами. Интеграция в мировое сообщество — это, может, и неплохо, да только это интеграция в чужой исторический проект. Где же проект национальный?

Не тянет на эту роль и ни один из заявленных Кремлем так называемых национальных проектов, которые представляют лишь некоторые направления рутинной работы любого мало-мальски ответственного правительства. Поставила ли власть в национальную повестку дня такую задачу, как национальная модернизация? Уверенности в этом ни у кого нет. А ведь подобная задача могла бы способствовать кристаллизации национальной элиты в качестве субъекта модернизации. Понятно, что речь в данном случае идет не о пустых декларациях — их достаточно со стороны высшего политического руководства, — а о долгосрочной

и всесторонней федеральной программе, далеко выходящей за временные рамки президентских циклов. Ясно и то, что такая программа не имеет ничего общего с еще одним «политическим аттракционом» — кремлевским проектом «Россия как энергетическая сверхдержава», который, по оценке многих авторитетных отечественных и зарубежных экспертов, является **проектом демодернизационным**. Впрочем, как говорилось выше, в условиях мирового кризиса некогда популярные разговоры на эту тему сами по себе прекратились.

Вместо серьезной работы по выработке Большого национального проекта в последние три-четыре года в России с подачи именно высшей власти наметилась зловещая, прямо противоположная тенденция: скатывание к махровой «советчине». «Управляемая демократия», при которой все решения принимает Кремль; ликвидация принципа разделения властей, независимого парламента, судебной власти, свободных СМИ; грубое использование «административного ресурса» на выборах, превращение самих выборов в профанацию, «спектакль для дураков»; избирательные правосудие и правоприменительная практика (когда против одних назначенных миллиардеров возбуждаются уголовные дела, а другим разрешается покупать футбольные клубы); полицейские методы давления на крупный капитал (пусть и нелегитимный и очень вороватый); укрупнение органов госбезопасности вне всякого их контроля со стороны парламента и общества; разгром неудобных телеканалов и изданий; возрождение советского гимна и красного флага с пятиконечной звездой (пока, правда, только в Вооруженных Силах РФ); почитание «славных чекистских традиций»; назначение на высшие посты в государстве бывших деятелей КПСС и КГБ — вот далеко не полный перечень шагов власти, сигнализирующих о возврате к старым временам.

Будь в России настоящая национальная элита — она конечно же всего этого не допустила. Будь в России дебольшевизированное население — оно бы вряд ли почти единодушно проголосовало в декабре 2007 г., по существу, за продолжение этого курса. Будь в России гражданское общество, оно бы сформировало эффективную и мощную оппозицию нынешнему режиму.

Но тогда получается, что нынешняя псевдоэлита даже не воспринимает Россию как свою страну. Воистину она живет, «под собою не чуя страны»! Потому-то она и начисто лишена не только чести и нравственности, но и совести. Эгоистическая и вороватая, безответственная и, по сути, разложившаяся, эта квазиэлита живет, конечно, не стратегическими категориями, а сегодняшним днем. Она находится не только вне пространства исторической России, но и вне ее исторического времени. У нее напрочь отсутствует чувство целого, его сакральной ритмики, чув-

ство единства прошлого, настоящего и будущего науки. Подобно большевикам, отказавшимся от тысячелетнего наследия России и начавшим строить новое государство с 1917 г., «с чистого листа», российская квазиэлита вознамерилась строить новую Россию с 1991 г., как будто за ее плечами не одиннадцать веков государственности, а всего лишь двадцать лет. Теперь она, правда, решила частично реабилитировать советский период истории, но лишь с целью повысить капитализацию страны» в своих корыстных интересах. Она с большим удовольствием и вовсе покинула бы «эту страну». Да вот беда: на Западе ее никто не ждет. Она там никому не нужна. Ведь там есть своя национальная элита, свято охраняющая свою Традицию, свое Время и свое Пространство.

Есть ли хоть малейшая надежда на то, что в России эту квазиэлиту заменит элита подлинная? Близкое будущее такой перспективы едва ли просматривается...

Российская Федерация как правопреемница исторической России

Конечно, СССР был лишь искаженным воплощением исторической России, и Российская Федерация возникла на карте мира в результате распада как самый крупный осколок Советского Союза. Менее очевидно, однако, в особенности для остального мира, что в ее нынешних границах Российская Федерация оказалась случайно, исторически непредопределенно и юридически необоснованно. В результате бездарности союзной и советизированной российской политической элиты, недостаточной политической зрелости русской интеллигенции, сильно люмпенизированного населения русская нация, как и некоторые другие (осетины, лезгины, карабахские армяне и др.), оказалась искусственно разделенным народом. Нецивилизованный раздел СССР произошел по чисто формальному признаку — по административным границам, до этого разделявшим единое унитарное государство на весьма условные региональные образования с прозрачными и произвольными границами. Именно это национально-территориальное размежевание, проведенное большевиками в противовес губернскому делению царской России, стало уже в наши дни источником кровавых этнических конфликтов.

И все же легитимность РСФСР и других осколков СССР неодинакова. Юридический статус новых субъектов международных отношений (бывших советских республик) ущербен еще и потому, что он лишен конституционной преемственности. СССР был объявлен распущенным антиконституционным путем, без проведения единой для всех конституционной процедуры выхода, в рамках которой все народы на территории пожелавших стать самостоятельными республик — независимо

от численности населения — получили бы возможность самостоятельно принять решение о своей судьбе. С точки зрения юридической интерпретации права наций на самоопределение именно это право и было попорно и заменено на «право территорий», которые все оказались не моно-, а многонациональными государствами, а некоторые — «мини-империями». Конфликтные ситуации на Украине и в Казахстане, войны в Приднестровье, Абхазии, Осетии и Карабахе были прямо запрограммированы подобным нелегитимным разделом страны. В отношении РСФСР дело обстоит несколько иначе, ибо она единственная не заявила о своем выходе из СССР (хотя и объявила о своей независимости) и теперь является продолжательницей международного субъекта, каковым являлся Советский Союз. Но поскольку Советский Союз в свое время прервал государственную правопреемственность по отношению к Российской империи, то и РСФСР, будучи продолжательницей СССР, в строго юридическом смысле слова не является автоматически правопреемницей Российской империи (по крайней мере, до тех пор, пока она сама об этом не заявит).

В этом состоит юридический парадокс, в свою очередь рождающий политическую и историческую коллизию. Снять этот парадокс можно лишь одним способом: объявить Российскую Федерацию правопреемницей России, т.е. исторической России, существовавшей до 1917 г. И на то есть все юридические и исторические основания — была бы только политическая воля. Ведь если коммунистический СССР был отрицанием Российской империи и лишь искаженным воплощением исторической России, а новая демократическая Россия — отрицанием СССР, то тогда у нее нет другого пути (если она не хочет провалиться в «черную дыру» истории), как объявить себя преемницей именно прежней, дореволюционной России. К сожалению, этого до сих пор не сделано.

Весьма эмоционально по этому вопросу высказались авторы «Манифеста несуществующей партии», опубликованного в 2002 г.:

«Казалось бы, естественным шагом после падения коммунистического режима должно было стать восстановление прерванной связи с исторической Россией. У России есть правовая основа, с которой она могла бы себя связать. Это — основные государственные законы 1906 г. Да, этот акт конституционного значения уже не смог бы действовать в полном объеме. Но он дал бы стране прочный духовно-правовой фундамент, восстановил бы нашу родословную. Сама история предстала бы перед нами тогда не в виде разрозненных кусков, обрывков и заплат, а как единая ткань. Наше общество избавилось бы от мучительного раздвоения сознания, которое подчас приобретает смешные формы, вроде рекламного соединения несоединимого: “Фабрика “Большевик” — Москва, 1855 год”. И это избавление означало бы не плевков на тот или иной кусок исторической ткани. Оно

означало бы обретение людьми понимания своей страны, того, чем в ее истории нужно гордиться, а чего стыдиться; восстановление всей правды без лжи и умолчаний.

Но чем дальше, тем больше мы отдаляемся от понимания этой необходимости. Не дав советскому периоду объективную правовую оценку, по инерции воспринимая научно-технические, военные и культурные достижения как достижения самого коммунизма и не задумываясь, насколько далеко страна ушла бы вперед, не будь этого периода, мы продолжаем терзаться собственным двусмысленным положением. Оно отражается во всем — начиная с официальных символов и кончая вопросами государственных долгов и собственности. Страна который год не может четко определиться ни с друзьями, ни с противниками. В который раз мы пытаемся понять, кто мы в цивилизационном смысле — европейцы или евразийцы. У нас почти ни в чем нет определенности. Ни в оценке прошлого. Ни в восприятии настоящего. Ни в осознании образа будущего. Россия в тумане. И этот туман размывает все устройство жизни»⁴.

Новоогаревский процесс потерпел крушение именно потому, что преследовал цель сохранения модернизированного СССР, а не возрождения исторической России. Беловежский сговор, произошедший за спиной народов, был логическим продолжением этого процесса и его крушения. Россия, искусственно отождествленная с РСФСР, оказалась обокраденной. А преступные, установленные сталинскими картографами внутрисоветские границы были жульнически представлены как якобы легитимные. В результате русские земли, формально отошедшие по этим искусственным и ранее никем не признававшимся границам (сталинская «нарезка»), в одночасье оказались вне России и были закреплены за новообразованными государствами, спешно признанными Россией и мировым сообществом и теперь претендующими на статус «демократических». И это — несмотря на чудовищные нарушения прав человека и народов, «суверенитет и территориальную целостность» которых защищает это же «цивилизованное» мировое сообщество. Произвольно скроенные административные границы СССР (тем более что он уже не существует) юридически ничтожны. Русские земли могли быть переданы Украине, Казахстану, Грузии, Азербайджану, Молдове лишь в результате переговорного процесса.

Нынешние границы Российской Федерации не могут быть признаны незыблемыми и потому, что они препятствуют воссоединению русского суперэтноса — ведь значительная часть русских, а также других народов, населявших СССР, объективно тяготеет к объединению в рамках одного государства. Не только русские, в состав которых входят украинцы и белорусы, но и казахи, абхазы, армяне, осетины, лезгины и ряд других этнических групп были отторгнуты от России помимо их

воли. Более того, проведенные в ряде этих регионов выборы и референдумы однозначно свидетельствовали о воле людей к объединению с их исторической родиной, т.е. с Россией. Русские и другие народы не имеют права игнорировать волю и стремления этих людей. Ошибки и просчеты, обусловленные Беловежскими соглашениями, должны быть признаны, и их исправление должно стать частью новой национальной государственной политики России.

В этом контексте наиважнейшее значение имеют российско-украинские отношения. Пора признать и открыто об этом заявить: украинцы и русские — это разделенная нация. Однако не Россия, как некоторые полагают, отделилась от Украины. Произошел внутриэтнический раскол, утрата внутриэтнической солидарности, что, конечно, является национальной, общерусской катастрофой, но не концом русской истории, истории русского народа. «Украинизация» Украины была спровоцирована не суверенитетом РСФСР, а в первую очередь утратой русским суперэтносом своего национального самосознания в результате последствий событий октября 1917 г. и только во вторую очередь — распадом СССР.

Однако неверно утверждать, что независимое украинское государство строится исключительно на антирусских позициях. Жители Украины подчас демонстрируют, что они являются больше русскими, больше ощущают сопричастность к одному и тому же русскому пространству, чем жители нынешней Российской Федерации. Оно строится скорее на позициях антисоюзных, даже антимосковских. А это большая разница. Бежали не от русских, а от советских людей, вернее от советской партноменклатуры, сидящей в Кремле. И сейчас бегут не от русских, а от тех, кто не помнит своего родства, но пытается предъявить свои права на русские земли, оказавшиеся в составе Украины. Возмущение и обида адресованы с их стороны именно этим, отнюдь не русским людям.

Нашим национальным интересам вредят, конечно, всплески эмоций по поводу «утраченного русского Крыма». Но во сто крат больше им вредит неспособность русских назвать себя русскими, неспособность преодолеть в себе комплекс «совков», «беловежских людей». Именно это закрепляет распад СССР, отделение Украины от России.

Верно, конечно, что украинцы воспринимают граждан Российской Федерации не как русских, не как носителей русского государственного первородства, а как равных им в правах граждан СССР. Однако эта логика останется неизбежной лишь в том случае, если мы и впредь будем соглашаться с тем, что все мы — и русские, и украинцы — «совки», «беловежские люди», не способные обрести национальное самосознание. Русских не воспринимают русскими лишь потому, что они об этом не заявили и не ощущают себя таковыми. Имеются в виду, конечно, не просто

словесные декларации, а реальная, осмысленная, внятная (отнодь не агрессивная), долгосрочная политика. Для этого именно в России надо постоянно помнить о том, что мы — не «беловежские люди», а русский народ.

Преодолеть советскую идентичность

К сожалению, вся сравнительно непродолжительная постсоветская история России (без малого 20 лет) свидетельствует о том, что наше общество и государство ничем не доказали своего права претендовать на тысячелетнее российское историческое наследство.

Более того, и государственная политика этих лет, и настроения общестственности (включая элиту) неопровержимо говорят о том, что Российская Федерация, выделившаяся из состава СССР, считает себя по преимуществу отнодь не возрожденным Российским государством, а государством постсоветским, а потому претендующим на наследство именно советское, а не российское.

Об этом говорят следующие факты, один вытекающий из другого.

Первое. Новая Россия на высшем государственном уровне не заявила о том, что она является исторической преемницей Российской империи. Соответственно не получил должной моральной и исторической оценки большевистский режим и 73-летний период истории СССР. Преступления большевиков не осуждены, и акт всенародного покаяния за богоборчество России в XX в., за убийство миллионов безвинных сограждан и преступления в отношении других народов не осуществлен. Это значит, что не произошло и всеобщего самоочищения, которое является непременной предпосылкой духовного и нравственного возрождения. Русскость в национальном самосознании не вытеснила советскость. Более того, нет даже признаков начала движения в этом направлении.

Второе. В области права мы являемся преемниками советского режима, а не Российской империи, законы которой были отменены большевиками. Новое право строится на советском противоправном правовом фундаменте. Причем одним из неукоснительно соблюдаемых доньше советских законов является Декрет от 22 ноября 1917 г. Совета Народных Комиссаров об отмене всего законодательства Российского государства. Несмотря на принципы второго раздела Переходных положений ныне действующей Конституции РФ, ни один закон, действовавший до 25 октября 1917 г., не рассматривается как актуальный и не применяется ни в одном из судов России.

Право является самым чутким индикатором государственной преемственности. И в этом смысле применяемое советское право, безусловно, свидетельствует о том, что Российская Федерация — это не возрожденная Россия, а продолжение СССР, уничтожившего Россию.

Третье. В основе экономических, хозяйственных и имущественных отношений в Российской Федерации лежит признание законности советской «общенародной» собственности, которая в течение 20 последних лет была «приватизирована», как если бы она была и в самом деле «ничейной». Но на чем основана эта советская собственность? На частной собственности, экспроприированной большевиками у множества владельцев, потомки которых и составляют население нынешней России, ближнего зарубежья (пространств исторической России) или являются эмигрантами, отцы и деды которых были вынуждены покинуть Отечество. Раздав «общенародную» собственность новым владельцам и не вспомнив о правах старых (или их потомков), государственная власть РФ продемонстрировала, что она генетически связана именно с советским режимом, конфисковавшим частную собственность в 1917–1918 гг., и не имеет ничего общего с дореволюционным российским государством, эту собственность гарантировавшим и охранявшим.

К этому следует добавить, что нынешнее государство не признало прав собственности за теми десятками миллионов людей советского государства, которые, повинувшись прямому насилию или крайней нужде, были вынуждены бесплатно или за бесценок строить заводы, энергетические объекты, дороги, мосты, коммуникации, здания и другие материальные ценности, которые сейчас приватизированы. Ни они, ни их потомки не получили никаких имущественных прав или компенсаций за свой труд. И здесь нынешняя власть демонстрирует свою генетическую связь с репрессивным советским государством, поскольку не только не восстанавливает попорченную им несправедливость, но и продолжает по своему усмотрению распоряжаться плодами подневольного труда миллионов советских людей. Стало быть, эти люди для него, как и для советского государства, не более чем «лагерная пыль».

Четвертое. С точки зрения культуры и государственной символики Российская Федерация также демонстрирует преемственность не с дореволюционным русским, а с послеоктябрьским советским периодом. Города, поселки, улицы, предприятия продолжают носить имена советских партийных и государственных деятелей или революционных феноменов, при том, что исторические события и явления, а также деятели антисоветского сопротивления практически не воплотились за двадцать лет ни в топонимике, ни в монументальных формах городской скульптуры. На смену советской идеологии, отрицавшей положительный образ и даже смысл старой России и воспевавшей не ее создателей, а разрушителей России, не пришла идея воссоздания России, «до основания» разрушенной большевиками. Как и восстановленные И. Сталиным погоны и крой старой русской воинской формы, некоторые заимствова-

ния из дореволюционного прошлого (флаг, герб, переименование городов и улиц, захоронение останков последнего императора) не меняют духовной сути нынешней власти, для которой советское — органически родное, а дореволюционное — полуфольклорный декор.

В этом смысле замена «Патриотической песни» М. Глинки музыкой советского гимна особенно показательна. Она наглядно демонстрирует, что бы ни говорилось в поддержку такого решения, наследницей какой государственности является современная Россия. Возвращение к советскому гимну выглядит особенно зловеще, поскольку оно было инициировано вторым Президентом РФ.

Советская псевдогосударственность, созданная большевиками после того, как они уничтожили Российское государство, была не продолжением, а антиподом исторической российской государственности, полный разрыв с которой они всегда и подчеркивали. Она была создана в качестве плацдарма и субъекта мировой коммунистической революции и не имела ничего общего с национально-государственными интересами России, хотя временами и была вынуждена в целях самосохранения апеллировать к патриотическим чувствам русского народа.

Возвращение к советской символике означает не что иное, как отказ от ориентации на правопреемство с исторической российской государственностью. В сочетании с подлинными элементами этой государственности (герб, флаг, Госдума и т.д.) и публичными заявлениями властей о «возрождении великой России» возвращение к советской символике выглядит нелепо и кощунственно и позволяет предполагать, что нынешняя власть желает считать себя прямой наследницей кровавого и преступного коммунистического режима. Но в таком случае ей следует ожидать и соответствующего отношения к себе со стороны всех тех, кому действительно дорога идея возрождения России.

Пятое. Нынешняя Российская Федерация не определила себя как историческая Россия и в пространственном отношении. Ибо выломившийся из состава СССР его осколок (РСФСР) — отнюдь не Россия, а неведомое никому доселе государственное образование. И признать неизбежность его границ — значит признать законность административных границ внутри СССР, скроенных во имя его сохранения сталинскими картографами. Это значит признать, что нынешняя РФ — это всего-навсего «уменьшенный» СССР. Это значит признать историческую правоту большевиков и полностью оправдать советский период истории. И в этом вопросе власть демонстрирует свою генетическую связь с СССР.

Наконец, эта же тенденция прослеживается даже на таком примере, как наши праздники. В современной России — десять государственных

праздников, шесть из которых достались нам прямым от советской власти. Это 23 февраля, День рождения Красной Армии, дарованный нами В. Лениным и Л. Троцким и почему-то названный сейчас «Днем защитника отечества» (как будто день опубликования известного декрета большевиков был важнее, чем все дореволюционные победы русского оружия, вместе взятые); 8 марта, введенный идеологом пролетарского интернационализма К. Цеткин; 1 мая, переименованный в «Праздник Весны и Труда»; 9 мая, почитаемый и любимый всеми День Победы; введенный недавно «День народного единства» — 4 ноября, день освобождения России от польской интервенции, метко названный в народе «днем ненависти»; до недавнего времени — 7 ноября, годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, праздновавшийся нами как «День примирения и согласия» — трудно придумать более неподходящую дату для того, чтобы символизировать примирение, а уж тем паче согласие!; и, наконец, Новый год (праздник идеологически нейтральный, но унаследованный в его нынешнем виде от советских времен). Четыре из этих шести праздников намертво связаны с господствовавшей в СССР идеологией — 23 февраля, 8 марта, 1 мая и 7 ноября. Есть и четыре новых — 7 января — Рождество (ставшее недавно официальным государственным праздником), 12 июня — День независимости РСФСР, 4 ноября и 12 декабря — День Конституции. Из них только второй отражает ценностные основы новой демократической России. Но поскольку в народном сознании он ассоциируется с распадом страны, отношение к нему отрицательное или никакое.

Мы ухитряемся одновременно праздновать победу советской власти и ее крах. Рождество Христово и приход к власти богоборческой безбожной партии. День Конституции, принятой после кровавых столкновений в Москве, и День примирения и согласия — в день, давший старт кровопролитной Гражданской войне. Конечно, народ привык к своим праздникам. Они не могут измениться в одночасье. Но это не освобождает нас от необходимости проделать тяжелую работу по переосмыслению нашей истории. Но именно этого-то наша власть не делает и, похоже, делать не собирается.

Сказанного достаточно, чтобы подвести итог: нынешнее государство и частично общество сохраняет в основном советскую идентичность. Но можем ли мы надеяться на этом фундаменте построить правовое, демократическое государство с рыночной экономикой и приоритетом прав и интересов личности? Можем ли мы, сохраняя советский правовой и идеологический фундамент, вновь стать тысячелетней Россией? Можем ли мы, наконец, рассчитывать на уважение к нашей стране мирового сообщества, на готовность демократических государств сотрудничать с

нами на равноправной основе, если мы остаемся наследниками жесточайшего тоталитарного режима, причинившего столько горя и своему народу, и народам других стран?

Из советского бесправия, начавшегося в 1917 г. и продолжившегося через годы «красного террора» до самого ГКЧП, не может вырасти правовое государство, а только новый тоталитаризм или разбойничье сообщество.

Из советской деспотии, в которой с первого до последнего дня ее существования все демократические принципы оставались только лживой фикцией, не может вырасти правильного народоправства, а демократические учреждения будут оставаться ширмой деспотической власти автократа или олигархии, управляющих Россией не в интересах народа, а исключительно в собственных интересах.

Из конфискации советского периода, из бесконечных обмана и насилий советской власти над собственниками не может возникнуть уважения к частной собственности и гарантий ее надежного потомственного владения. Собственность будет продолжать восприниматься как случайное и краткосрочное приобретение, с характерными для такой психологии собственника эксплуатацией «на износ», вывозом капиталов из страны, нечистоплотностью в сделках с контрагентами и т.п.

Понимание человека как средства и материала для социальных экспериментов и военных авантур не сменится утверждением личности как высшей ценности, ради которой только и существует государство, если советская идентичность не будет преодолена новой Россией.

Страны Запада, к союзу с которым стремится Россия, не примут ее в свои ряды как равную себе по духу и принципам, а будут заключать с ней лишь временные и конъюнктурные соглашения, как в годы Второй мировой войны, продолжая испытывать к ней недоверие, поскольку она не демонстрирует решительного разрыва с ее тоталитарным прошлым и не может определиться в разумных границах и национальных интересах.

Единственный путь создания в нашей стране здорового, демократического и динамичного общества — отказ от больной советской идентичности и осознание себя исторической Россией, освободившейся от 73-летнего большевистского деспотизма. Восстановление исторической российской идентичности — главная задача сегодняшнего дня.

Восстановление российской идентичности может произойти только в результате решительного разрыва с идентичностью советской и возвращения к преемственности с исторической Россией. Это касается в первую очередь трех сфер — государственного права, отношений собственности и исторических идеалов. Если удастся решить проблему преемственности в этих трех сферах, то откроется перспектива для реше-

ния вопроса об исторической преемственности во внешнеполитической, в том числе и территориальной, области, т.е. о восстановлении нашей страны в границах исторической России. Но на самом деле эта проблема, сколь бы важной она ни была, вторична, потому что пространство — это территория расселения народа, но главное — это не где живут, а кто живет.

Как подчеркивают авторы «Манифеста» несуществующей партии (2002 г.):

«Нынешнее состояние России — жизнь без идеалов и больших целей. Принято считать, что для нас главная задача — провести реформы, чтобы экономика стала эффективной. А для этого, мол, нужна стабильность. Мироззрение же, ценности, идеалы — очень зыбкая и к тому же слишком “политизированная” материя, которую как раз во имя стабильности лучше не трогать. И в этом — *стратегическая ошибка*. Прагматизм только тогда дает эффект, когда на чем-то основан, когда решен вопрос, будет ли дом стоять на скале или на песке. Если архитекторы игнорируют свойства основания, не стоит удивляться, что даже в только что возведенных стенах появляются трещины. И уж точно дом рухнет после первого же стихийного бедствия. Пусть нас не обманывает нынешняя стабильность. Она не стратегическая, ибо не основана на твердой основе. Технократический подход к реформам — будь то налоговая, земельная, административная, судебная, жилищно-коммунальная, военная и др. — может, и даст некоторый эффект. Но этот эффект не станет основой для прорыва России в новое духовное и экономическое состояние. Значит, Россия будет и впредь плестись в обозе цивилизации, останется вечно догоняющей и вследствие этого похожей на неуверенного в себе человека, который рефлексирует по всякому поводу, обижается на пустяки и мучается вопросом, уважают ли его или только делают вид из вежливости.

Мы должны завершить войну, развязанную большевиками в 1917 г. против России, и восстановить российский исторический правопорядок, попиравшийся несколько десятилетий. На этом незыблемом камне исторического правопорядка и должно возводить будущую Россию, а не эклектично соединять совершенно непримиримые традиции или пытаться строить государство с тысячелетней историей с нуля.

Мы обязаны оставить нашим детям и внукам Россию, воздвигнутую на твердых началах отечественной государственно-правовой традиции, а не бесформенное, лишенное корней образование, ничего, кроме имени и языка от бывлой России, не унаследовавшее»⁵.

Сегодня в области права мы являемся преемниками советского режима, а должны восстановить правопреемство с Российской империей. Нет иного пути решения этой задачи, кроме как воссоздание в качестве основы нашей государственности и правопорядка законодательства 1906 г., отмененного большевиками в 1917 г., и соответственно признание советского законодательства порочным и юридически ничтожным. Конечно, процесс этот непростой, требующий адаптации старого зако-

подательства к реалиям сегодняшнего дня. Кроме того, потребуются вернуться к некоторым международным обязательствам Российской империи. Но это — дело техники, задача для квалифицированных юристов. Общество же должно принять политическое решение о возвращении в законное правовое пространство, из которого мы вышли в 1917 г. Это проблема государственной души.

Если мы исходим из того, что право — это что-то значимое (а его нельзя разделить с государственностью, это сплав), то должны понять, что таковым может быть не всякое право, а только право законное. Бывает и незаконное право, как бывают преступными приказы. Причем законное право не уничтожается произвольным актом, его действие лишь может быть приостановлено незаконной властью на контролируемой ею территории. Собственно, та власть и является незаконной, которая отказывает законным образом не отмененным законам в их праве применяться. Это и есть критерий незаконности власти.

Сегодня, к сожалению, мы все еще находимся в ситуации, когда законное право, уничтоженное незаконным путем в марте 1917 г., не восстановлено. Но это значит, что нынешняя власть, строго говоря, продолжает оставаться не вполне законной. Мы должны наконец понять, кому мы наследуем в правовом и государственном смысле — тысячелетней России, разбою 1917 г. или вообще никому.

Как подчеркивает известный юрист М. Краснов:

«Собравшись строить правовое государство, мы не озаботились ни установлением момента крушения прав, ни его оценкой (процесс “по делу КПСС” в Конституционном суде мог бы стать формой такой оценки, но оказался бледной немочью). Из-за этого дух и буква законов Российской империи по-прежнему замещены у нас духом и буквой законов советских. В результате Россия остается восприемницей не своего исконного государственно-правового лона, а лона узурпаторской власти, берущей начало с 25 октября или даже 3 марта 1917 г. Юристы, исповедующие естественное право, справедливо называют власть, воцарившуюся с октября 1917 г., властью разбойничьей, суть которой не менялась от того, какого личного склада вождем ею распоряжался. И вот эта государственная система по сей день считается прямой предшественницей власти сегодняшней. Хронологически она предшественница. Но сущностно нам должна предшествовать власть, которая была полностью легитимной. Нам не хватило духу, да и многого другого, чтобы твердо сказать: Россия восстанавливает свой исторический правовой порядок, исходя из духа основных законов 1906 г., действовавших на момент узурпации власти. Единственное, что было сделано (да и то неофициально), — это то, что Государственная Дума, избранная в декабре 1993 г., была названа Пятой. Отчего же мы удивляемся, что не только дух советских законов витает над законодателями, чиновниками и судьями, но зачастую и буква их питает нынешнюю правовую сис-

тему? Вместе с долгами СССР Россия признала и законность СССР. Кредиторам, конечно, это кстати. Но пусть уж тогда не сетуют, что от нынешней России неизвестно, чего ждать, ибо здесь ни диктатуры, ни демократии»⁶.

Сейчас отправной точкой наших хозяйственных отношений является признание законности советской общенародной собственности, которую делят и перераспределяют между собой новые «хозяева жизни». А мы должны в основание хозяйственных отношений положить принцип уважения к частности собственности, а для этого восстановить в той или иной форме (опять же практические решения — дело специалистов) имущественные права, существовавшие на момент большевистских грабежей. Невозможно внушить уважение к собственности сегодня, не признав, что право собственности было нарушено в 1917 г. В противном случае любая собственность здесь будет восприниматься как кража самим ее держателем. А уже тем более обществом. Государство, которое объявляет себя наследником тысячелетней России, не может не принять на себя ответственности за содеянное и не может поступить иначе. В противном случае мы не сможем ничего возродить достойного возрождения и тем более создать что-то новое, достойное, лучшее в нашей истории.

Сейчас наше общество отказалось от советских идеалов, но имена и изображения советских лидеров повсеместны в сегодняшней России. Получается, что разрушители исторической России, а порой и кровавые палачи русского народа занимают в монументальной пропаганде и топонимике место, которое во всех странах принадлежит национальным героям, на образах которых воспитываются новые поколения. И мы должны сменить имена и образы советской пропаганды на имена древние, исторические, на те имена, которые действительно достойны подражания как величайшие деятели отечественной культуры, пламенные патриоты, созидатели и защитники России.

Именно такой путь декоммунизации прошли все восточноевропейские страны, входившие когда-то в «социалистический лагерь», — от ГДР до Эстонии, от Польши до Болгарии. И лишь 12 республик бывшего СССР продолжают строить свою государственность на советских основаниях.

Конечно, наша задача существенно труднее, чем та, которая стояла перед поляками, чехами и латышами. Коммунистический период продолжался в России гораздо дольше, и выкорчевывание докоммунистического прошлого было у нас намного более жестким, глубоким и всеобъемлющим, чем в других странах. Самое же главное то, что мы сами сотворили над собой это страшное национальное самоубийство. Во всех странах Восточной Европы и Прибалтики коммунизм воспринимался как внешняя сила и ассоциировался с СССР. И задача там состояла лишь

в том, чтобы эту силу изгнать и восстановить самостоятельную государственность.

Наше положение неизмеримо сложнее. За многие годы люди срослись с советским режимом и начали воспринимать коммунизм как национальную идею России. Мало того, и во всем мире «советскость» стала отождествляться с «русскостью». Однако привыкание к опасной болезни не приближает исцеления от нее. Напротив, оно особенно опасно, так как уменьшает желание выздороветь.

Для начала поэтому надо недвусмысленно заявить о намерении решить все эти три проблемы правопреемства. И одновременно заявить, что сталинские границы внутри бывшего СССР не могут быть признаны законными, а следовательно, незыблемыми. Ясно, что практическое решение всех этих проблем — труднейшее многолетнее дело. Но уже в процессе их решения, а возможно, и даже после декларации о намерении их решать в глазах внешнего мира Россия станет наконец предсказуемой. А значит, и доверие к ней со стороны международного сообщества будет восстановлено. И тогда логично будет декларировать внешнеполитический принцип, что любая территория, входившая в состав Российской империи, сохраняет возможность вновь актуализировать свое пребывание в ней.

Пока же мы можем заявить, что в наших отношениях со всеми государствами, в том числе и с теми, которые возникли на обломках исторической России, мы будем исходить из общепринятых принципов международного права, в частности, из универсального принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) с неотъемлемой от него оговоркой *sic stantibus* (при существующем положении вещей). Такая декларация позволит нам, оставаясь в рамках международно-правового поля, не закрывать окончательно вопрос о восстановлении территории исторической России.

Историческая Россия как субъект мировой политики

Следует признать раз и навсегда: историческая Россия не тождественна советской РСФСР. Подмена России «РСФСРом» — величайший и беспрецедентный обман во всей мировой истории. И этот обман чрезвычайно опасен, ибо он представляет собой мину замедленного действия, провоцирующую, с одной стороны, пораженчество и национальный нигилизм, а с другой — русский реваншизм, шовинизм и агрессивность, смехотворные претензии на исключительные зоны влияния на всем постсоветском и постсоциалистическом пространстве, иллюзии возрождения СССР и создания новых блоков в противовес западным.

Если Российская Федерация захочет наконец стать не осколком СССР (пусть и самым большим), а исторической Россией, то она наряду с решением проблем правопреемства не может не признать волю других наций (которые выразили ее разными способами, включая общенациональные референдумы и даже вооруженное сопротивление), восстановить свое естественное право жить в составе российского государства. Они также не согласны с теми формальными границами, из-за которых они в одночасье в результате Беловежского сговора, не считавшегося ни с их волей, ни с нормами международного права, оказались в составе других государств. Теперь некоторые из них хотят восстановить свое естественное право жить в составе российского государства или стать независимыми государствами при его патронаже. Это вовсе не означает, что Россия должна воевать со своими соседями (как утверждают противники России, которые шантажируют этим ее и мир) за то, чтобы восторжествовала справедливость и национальные интересы России и ее союзников были законно удовлетворены. Во-первых, некоторые войны уже состоялись, и речь идет о признании их результатов как ясно выраженной воли народов. Во-вторых, Россия должна настаивать на том, чтобы мировое сообщество уважало права всех народов без исключения, исходило из реалий прошлого и настоящего, обеспечило мирный переговорный процесс восстановления исторической справедливости. С этой целью могут быть использованы референдумы под эгидой международного сообщества, итоги которых и должны в конечном счете определить судьбы людей. Возможно, это должно стать предметом переговоров России с ООН и ОБСЕ, а главное — с влиятельными кругами Запада.

Суть позиции, которую Россия должна занять и твердо отстаивать, состоит в том, что крах коммунистического режима, социалистической системы, СССР — это не только возникновение новых и возрождение старых государств, но и возрождение и становление исторической России. Этот процесс начался в 1991 г. и не может завершиться подписанием Беловежских соглашений. Соответственно процесс формирования новых независимых государств не может быть признан окончательным до тех пор, пока не будут удовлетворены законные интересы всех народов Большой России на принципах соблюдения фундаментальных прав человека, без чего не может быть ни мира, ни стабильности, ни развития. При этом Россия имеет полное право оставить за собой территории в рамках исторической России. Определение этих территорий — предмет переговоров. Твердая, но разумная позиция России имеет большую вероятность встретить понимание и поддержку со стороны как Запада, так и Востока.

Позиция России должна быть очень проста и понятна: Россия не возражает против отделения от нее других государств, но при этом ос-

твояет за собой территории в рамках исторической России. Если Украина, Казахстан, Грузия и другие бывшие советские республики хотят стать независимыми государствами — пусть это делают, но в пределах своих исторических территорий.

Россия как продолжательница СССР и правопреемница Российской империи несет ответственность за мир и стабильность в первую очередь на всем постсоветском пространстве. Ее национальные интересы, права и обязательства — это интересы, права и обязательства не только тех, кто с 1991 г. оказался гражданами Российской Федерации, но и всех тех народов и этнических групп, права и интересы которых оказались попранными и ущемленными в результате нецивилизованного раздела СССР.

Твердо заявив о своей государственной стратегии по территориальному и национальному вопросам (а ее пока нет и в помине), Россия обретет долгосрочных верных союзников и партнеров, а противников призовет к более трезвому и честному поведению. История знает примеры, когда твердая и последовательная позиция государств и народов становилась понятной мировому сообществу и получала его поддержку: ФРГ никогда не признавала существования ГДР — и немецкая нация воссоединилась, Китай добился воссоединения с Гонконгом (на что потребовалось почти столетие) и продолжает занимать принципиальную позицию по Тайваню, с которой вынуждены считаться все государства мира.

Следует в полной мере понимать, что распад СССР — это не следствие каких бы то ни было «национально-освободительных движений», а прямой результат распада прежде всего деградировавшей к 1991 г. транснациональной советской политической элиты, над которой союзный центр на определенном этапе не удержал контроль. Московская, «рэсэфэсэровская» элита затем быстро переокрасилась в «российскую» (за исключением близкого окружения М. С. Горбачева, которое было просто выброшено на свалку истории), а элита других частей распавшегося союзного государства сделала ставку на национализм, «независимость» и политическое дистанцирование от Москвы в целях самосохранения и удержания власти, а также получения прямых кредитов от Запада. Попытки строительства собственной государственности в Грузии, Азербайджане, Узбекистане, отчасти в Казахстане и в других бывших частях Большой России в составе бывших советских республик (т.е. не своих исторических территорий) привели к формированию своего рода «мини-империй». В этих условиях признание так называемой «территориальной целостности» новых «независимых» государств означает не что иное, как политику умиротворения «мини-империй». Но ведь «мини-империи» уже, похоже, сделали свой исторический выбор, и он — не в пользу России. События на Кавказе лета–осени 2008 г. показали,

Глава 9. Идентичность и правопреемство

что нечего было опасаться того, что непризнание Абхазии и Южной Осетии частями Грузии еще больше удалит ее от России. В той же мере не следует опасаться, что непризнание Карабаха, Приднестровья, Крыма частями Азербайджана, Молдовы и Украины удалит их от России.

В этом контексте действия Запада идут вразрез с демократическими ценностями и несут явный отпечаток двойного стандарта, а именно: признается независимость бывших союзных республик и их так называемая территориальная целостность и одновременно игнорируется воля народов при изменении государственной принадлежности территории и их гражданства. А ведь миллионы людей против своей воли оказались гражданами других стран.

Конечно, и Россия должна пройти свою часть пути. Пока в ней не произошел акт всеобщего покаяния, самоочищения, духовного и нравственного возрождения, возвращения русскости взамен советскости, пока она не самоопределилась в разумных пределах, она не будет восприниматься в мире как надежный и предсказуемый партнер. Пока Россия не переосмыслит путь, пройденный ею в XX в., не признает своих ошибок и заблуждений, не будет настоящих перемен, полноправных преобразований, подлинного развития и процветания, не будет равноправного доступа и включения в мировое развитие, участия в международном сотрудничестве на условиях равной и честной конкуренции. И напротив, если Россия решительно завершит процесс полной десовиетизации, возвратится к правопреемству России до 1917 г. — четко обозначит свои национальные интересы, она станет предсказуемой и понятной, получит шанс стать неотъемлемой частью мирового сообщества, вносить свой вклад в установление нового, более справедливого и нравственного мирового порядка.

Примечания

¹ Большая Россия понимается автором как пространство исторической России, которое не соответствует территории нынешней РФ. Подробнее об этом см. Приложение 6 настоящей книги.

² Об этом см.: *Нарочницкая Н. А.* Политика России на пороге третьего тысячелетия // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: В 4 т. М., 2002. Т. 1. С. 416–429; *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2004.

³ *Султанов Ш.* Карта элиты: вдох—выдох, ночь—день... // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1995. С. 182.

⁴ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: indem.ru/krasnov/manifest.htm.

⁵ *Ibidem*.

⁶ *Гражданинь*. 2001. № 8.

Говоря о национальной идентичности России, невозможно пройти мимо Второй мировой войны. Для нас же, русских, не подлежит сомнению и то, что главной ее составной частью была Великая Отечественная.

Вряд ли сегодня найдется хоть один гражданин России, который заявит с чистой совестью, что война 1941–1945 гг. его не касается и не волнует. Любое заявление такого рода будет звучать фальшиво и неискренне, ибо события прошлого XX века — пусть и 65-летней давности — особняком стоят и в отечественной, и в мировой истории. Они качественно отличаются, например, от событий 1914–1918 гг., которые хотя и были не менее страшными и по количеству жертв, и по масштабам разрушений, для современников, живущих будь то в России, Европе или Америке, давно уже стали музейным экспонатом. Память о Первой мировой войне уже перестала быть личным переживанием, пропущенным через собственную судьбу. В русском сознании отошла в прошлое и Октябрьская революция, так же как и Отечественная война 1812 г., Смутное время, Куликовская битва, Крещение Руси... Все эти события — при их несомненной эпохальной значимости — поставлены на полку исторических воспоминаний.

А вот Великую Отечественную войну на полку не поставишь. С 1945 г. в России сменилось не одно поколение, в стране произошли новые, не менее драматические события. Сдана в архив коммунистическая идеология, под знаменем которой страна выстояла в войне, развенчан культ Сталина, рассекречены многие документы о преступлениях советской системы. Распались Варшавский Договор, социалистическое содружество, СССР, Ялтинский мировой порядок в целом... А День Победы — 9 Мая до сих пор остается не просто официальным праздником государственного календаря, но совершенно особой датой в сознании подавляющего большинства не только граждан России, но и других жителей бывшего Советского Союза (такой датой, к примеру, никогда не станет придуманный

официальный праздник — 4 ноября, «День народного единства», хотя освобождение Москвы от польских интервентов — важное событие в национальной истории). Да, мы смеемся над анекдотами про храбрых советских партизан и неуловимых разведчиков, беспечно оставляющих отпечатки пальцев на секретных объектах и чемоданах Третьего рейха. Но кого из нас не проберет дрожь от симоновского «Жди меня» или «Священной войны» в исполнении хора им. Александрова? Да, мы раздражаемся, застряв в пробке из-за перекрывших федеральную трассу стариков. Но кто из нас, увидев тяжелый от орденов китель, не остановится на секунду и не испытает гордость, что он тоже русский? Да, мы вполне симпатизируем современным немцам, многократно покаявшимся за ошибки своих отцов и дедов. Но кто из нас не подумает однажды: «А все-таки врезали же мы этим фрицам по первое число!»?

Для сотен миллионов людей 9 мая с его живым символическим рядом образов — 22 июня 1941 г., Брестская крепость, «Вставай, страна огромная», «Родина-мать зовет», «Ни шагу назад», подвиг Гастелло, блокада Ленинграда, Сталинградская битва, Курская дуга, «Т-34» и «Катюши», маршал Жуков, Неизвестный солдат, взятие Берлина, встреча на Эльбе, Парад Победы и пр. — остается общим языком, объединяющим людей на огромных пространствах и формирующим национальную идентичность куда надежнее общей границы, государственного флага или единой национальной валюты.

Все это заставляет нас вновь и вновь возвращаться к оценкам итогов Второй мировой войны. Нюансы этих оценок у разных поколений наших граждан могут быть различными. Но они не могут различаться по принципиальным основаниям. В этой главе предпринимается попытка изложить некоторые соображения на этот счет представителей уже второго послевоенного поколения страны. Главное же из них состоит, на наш взгляд, в том, что Великая Победа по всем политическим, морально-нравственным и философским меркам стала моментом истины, главным событием и наивысшей точкой и в истории России, а следовательно, важнейшим фактором национальной идентичности.

Смысл Великой Победы

В 1941–1945 гг. Россия отстояла свое право на независимое историческое существование, т.е. спасла свою цивилизацию. А потому и внуки наши будут гордиться нашей Великой Победой — а именно тем, что мы сохранили нашу Родину в качестве самостоятельного государства. А в конечном счете — право нашей страны быть субъектом всемирной истории.

Парадокс советских времен состоял в том, что люди, попавшие под безжалостное колесо немецкой военной машины, не только не согну-

лись под его тяжестью, но выпрямились во весь рост, испытали невиданный доселе физический и духовный подъем. Причем ужас чудовищной бойни не разобщи, а напротив, сплотил огромный Советский Союз, позволил многомиллионным массам ощутить себя единым целым, осознать общую цель, выходящую далеко за пределы личных, местных или конфессиональных интересов. А это нечто гораздо большее, чем приказ «ни шагу назад!». Легендарными стали рассказы о том, как сражались на фронтах Великой Отечественной не только этнические русские, но и представители кавказских народов, как принимали беженцев узбекские, таджикские и туркменские семьи, как день и ночь качал каспийскую нефть Баку, как за Уралом в считанные месяцы воздвигли мощную сеть военно-промышленных предприятий. Победа была мощным, неодолимым, всеокрушающим валом народной стихии, объединенным единой волей, единым разумом, единими чувствами¹.

Именно это — генетическая память о великом единении миллионов самых разных людей и о совокупной тяжести понесенных ими жертв — и делает Великую Отечественную действительно Великой и для тех, кто никогда ее не видел и чьи родители либо застали ее детьми, либо родились уже в мирное время. В этом смысле — как это ни парадоксально — именно в нашей стране, т.е. в безбожной, богоборческой, коммунистической России, в ходе этой страшной войны оказались преодоленными явления XX в., свидетельствующие о глубоком кризисе христианства, — крайний индивидуализм, отчуждение человека, греховная человеческая гордыня, богоборчество «сверхчеловека», экзистенциальное одиночество, воля к смерти, гедонизм и пр. Коммунистическая Россия показала человечеству выход из лабиринта разобщения и одиночества, пример соборного единения всех людей независимо от различий в социальном положении, в расах и национальностях, из того, как казалось тогда, тупика, в котором оказалась Европа к середине XX в.

Россия в этом плане показала свое моральное превосходство не только над фашистской Германией, но и над всей Европой. Война стала не только пиком военной мощи советского строя, которая была доказана не на бумаге и не на парадах, а непосредственно на полях сражений с сильнейшей в истории армией мира, но и пиком морально-нравственной мощи исторической России.

Видный германский историк и публицист Себастиан Хаффнер в 1971 г. писал:

«Они (немцы) ничего не имели против создания Великой германской империи... И когда... этот путь, казалось, стал реальным, в Германии не было почти никого, кто не был бы готов идти по нему... Но с того момента, когда

русскому народу стали ясны намерения Гитлера, немецкой силе была противопоставлена сила русского народа. С этого момента был ясен также исход: русские были сильнее...прежде всего потому, что для них решался вопрос жизни и смерти»...²

Русские до Берлина дошли и руководителей Рейха наказали. Но беспощадно мстить всем немцам не стали. Даже к военнопленным, попавшим в советские лагеря, отнеслись по меркам того времени терпимо, что этими военнопленными не раз впоследствии было отмечено. Конечно, Сталин, запретив такое мщение, преследовал политические цели: он хотел показать всему миру не только мощь советского оружия, но и гуманность советского строя. И это ему удалось: мир увидел, что либеральные Европа и Америка не смогли справиться с Гитлером, а СССР смог, причем одержал над врагом не просто военную, но и убедительную моральную победу.

Так что же мы празднуем 9 Мая? В этот день восстанавливается связь с тем высшим моментом истины тысячелетней истории России, когда напряжением всех своих сил страна не просто устояла перед лицом гибели, но и достигла максимального духовного расцвета, доказала свое морально-нравственное величие, завоевала право на достойное место в семье великих мировых цивилизаций. А значит, мы еще долго будем помнить Великую Отечественную и находить в Победе над фашизмом то общее, что объединяет и возвышает нас даже сегодня.

Автор полностью солидаризируется с С. Черняховским, который полагает, что тема Великой Отечественной войны, тема Великой Победы при всей своей ритуальности является абсолютно уникальной для истории страны и обладает особой значимостью для самоидентификации нации.

С одной стороны, на сегодня это единственное из официально отмечаемых исторических событий, в положительной оценке которого сходятся все основные силы страны. Все остальные даты в той или иной степени являются предметом раскола в политическом сознании. Ни призвание Романовых, ни свержение самодержавия, ни Октябрь 1917-го, ни пертурбации 1989–1993 гг., при всей своей колоссальной роли в судьбе страны не только не могут претендовать на какое-либо согласие в оценках, но просто разводят различные силы по разные стороны баррикад.

С другой стороны, Победа в войне — это единственное из исторических событий, которое не только принимается обществом, но и обладает актуальным политическим смыслом. А потому в нем имеется актуальный мобилизационный потенциал. В отношении к войне сходятся героическая традиция и современность, подвиг перед Отечеством и дело

спасения всего гуманистического вектора цивилизации. Трагический ход войны, сверхнапряжение народа, колоссальность нависшей над нами и всем миром угрозы, огромные жертвы и грандиозность Победы: вместе все это определяет не просто историческое и патриотическое, а действительно сакральное значение событий, начавшихся 22 июня 1941 г.

Российское общество сегодня не может идентифицировать себя ни на этнической, ни на конфессиональной основе. После трагедии 1991 г. оно лишилось и проектного единства, которым обладало в советский период. На вопрос «Кто вы?» ему сегодня пока нечего отвечать. Кроме одного, еще оставшегося: «Мы — народ, спасший мир от нового варварства, от фашизма. Мы — народ, своей кровью и своим подвигом очистивший мир от той мерзости, которую вы породили, которой вы осквернили историю, которой вы испугались и перед которой вы почти капитулировали». Сейчас верность Победе — смысловая площадка, позволяющая осуществить национальную самоидентификацию и тот новый прорыв, без которого Россия практически обречена на выпадение из истории.

Поэтому обсуждение различных экстравагантных версий, имеющих отношение к Великой Отечественной войне, — это сегодня далеко не только вопрос о познании исторической правды. Это вопрос о принятии или непринятии и соответственно разрушении последней сакральной даты, последней площадки, от которой можно стартовать уже не для спасения мира, а для спасения самих себя³.

А потому Победа — это не только обелиск, возведенный в память о Великом Подвиге нашего народа, это и наша вера в собственные силы. Вера в то, что, как по Гоголю, «нет такой силы, которая победила бы русскую силу!». Вера в то, что мы, сегодня разобщенные, униженные, лишенные четких и всеми признанных нравственных ориентиров, можем быть сильны и едины. И вновь, как 70 лет назад, встать в полный рост в иной, но вполне реальной битве за сохранение тысячелетней России, за ее вековые ценности и исторические перспективы, которая уже началась. И что мы можем пойти не по пути золотого тельца, а по дороге Солдат Победы, по дороге торжества великой страны и великого народа.

Здесь, таким образом, восстанавливается та «связь времен», которая, казалось бы «распалась» в России в XX в., *совершается историческое примирение между белыми и красными*. Славное прошлое русской истории становится фундаментом ее великого будущего, ибо у нынешнего поколения русских людей нет иного выбора, кроме как стать достойными поколения воинов-победителей, которые сражались не просто против мирового зла, но и за торжество Добра. Как сказал поэт:

«Вы должны были, братья,
Устоять, как стена.
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна...».

И ныне живущие русские, как потомки этих соотечественников, святых людей-мучеников, которые положили свои жизни в борьбе с абсолютным злом, обязаны и дальше бороться с этим злом. Победители нам это завещали, погибая под Москвой, Сталинградом, Курском, Берлином и, кстати говоря, Варшавой и Прагой. И только восстановив реальный смысл той Великой войны и нашей Победы и предъявив правильные знания миру, мы сможем в XXI в. построить Россию как великую мировую державу.

Это о смысле Победы для нас, русских, для России. А что она означает для Европы?

...Проезжая современную благоустроенную Европу и выглядывая из окна поезда или автомобиля, видишь красивые и аккуратные домики фермеров в окружении сосен, дубов, буков и берез. Солнечным днем картина весьма идиллическая. Но тот, кто хоть немного знает историю, понимает, что корни этих деревьев питаются компостом из похороненных человеческих тел. Тел поляков, отдавших жизнь в борьбе с немецкой оккупацией. Тел евреев, погибших, пытаясь сбежать по пути в нацистские лагеря. Тел немцев, убитых во время бегства на запад от наступающей Красной Армии. И не в последнюю очередь тел сотен тысяч молодых русских солдат, погибших на подступах к Берлину. Современная, вполне сытая Европа в буквальном смысле стоит на человеческих костях. И, конечно, она обязана об этом помнить. Поэтому Вторая мировая война для нее — это также высший момент истины и истории, ибо именно в Европе родился и получил развитие феномен фашизма — этого величайшего зла, варварства XX в., нового язычества. Именно Европа, совершив свое самое большое грехопадение, легкомысленно взрастила его. И не будь России — стала бы его жертвой. Очень многим европейским народам — еврейскому, польскому, французскому, прибалтийским и др. — в этом случае грозило бы или полное уничтожение, или судьба рабов Третьего рейха. Фашистская Германия добивалась мирового господства — и она уже почти получила его. Для Европы День Победы — это поражение нового язычества, разбившегося о монолит гуманистического Просвещения, в который, как бы кому это ни хотелось забыть, входил и коммунистический Советский Союз. Поэтому, кстати говоря, современная Европа (не вся, конечно) лукавит, когда утверждает, что ценности СССР ничем не лучше ценностей гитлеровской Германии и что Вторая мировая война — это, мол, «схватка двух империй зла»,

в которой гуманистической была лишь третья сила, представленная США и Великобританией. Если встать на эту точку зрения, то можно обосновать и такое чудовищное по своей кощунственности утверждение, что «на Западе 1945 год стал годом победы добра над злом, а в сталинской части Европы зло разгромило зло»⁴.

Поэтому 9 Мая для Европы — это день нового рождения, нового крещения и возврата к идеалам Просвещения. Не случайно именно 9 мая 1950 г. в Европе была озвучена так называемая «декларация Шумана», с которой тогдашний министр иностранных дел Франции Робер Шуман обратился к правительствам европейских стран, призвав их к прочному и длительному партнерству.

Таким образом, 9 Мая — это и день Европы. Европы, вместе с Россией преодолевшей фашизм (что еще раз доказывает неопровержимо, что Россия — органическая ее часть), добившейся примирения с побежденной Германией. Символично, что ООН по инициативе России объявила 8 и 9 Мая Днями памяти и примирения.

Наконец, чрезвычайно важно и то, что одержав победу над нацизмом, русские подтвердили свою европейскую идентичность. То, что он ощущает себя частью большой европейской семьи, был связан с ней единичными культурными, моральными, духовными ценностями. И потому демократический и европейский выбор русского народа вполне закономерен. Это суверенный выбор европейской нации, победившей нацизм и знающей цену свободе. Сражаясь с нацизмом, наш народ не только нес свободу другим, но и сам расправлял плечи, укреплял внутреннее достоинство. И в этом смысле истоки демократических перемен 1990-х годов, преобразивших наше общество и государство, находятся в том числе и в победном мае 1945 г.⁶

Теперь о смысле Великой Победы для мира в целом.

«Вторая мировая война была не только глобальным сражением, превосходившим по своим масштабам все предыдущие вооруженные конфликты в мировой истории. В ней столкнулись не просто различные интересы государств или различные идеологии, а диаметрально противоположные, непримиримые подходы к самим основам существования человечества. Впервые в истории ценой Победы было сохранение жизни целых народов» — так характеризует Вторую мировую официальный представитель МИДа России. При этом он недвусмысленно указывает сторонникам пересмотра итогов войны:

«Газовые камеры и крематории Бухенвальда, Освенцима, Саласпилса, других лагерей смерти показали, что нес с собой фашизм, какое будущее готовили миру Адольф Гитлер и его “новый порядок”. Место в таком “коричневом” мире было уготовано только одной нации, одному государству»⁷.

В свете этой оценки порадовало заявление главного раввина России Адольфа Шаевича, приуроченное к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Как отмечается в обращении, «еврейский народ гордится тем, что в числе тех, кто внес свой вклад в историческую Победу, вместе с народами всех национальностей и вероисповеданий были и его славные сыны и дочери. В памяти евреев навечно останется благодарность русскому человеку — ведь именно Ивановы, Петровы, Сидоровы, приняв на себя страшный удар нацистской военной машины, потеряв миллионы жизней, спасли народы Европы от унижения и порабощения, а еврейский народ — от полного уничтожения»⁸.

Что еще важно: 9 Мая — это ведь не просто День Победы СССР и его союзников над гитлеровской Германией, но и День Победы Цивилизации над нецивилизацией. В истории человечества нет более общего и объединяющего праздника. В связи с этим всем важно вспомнить знаменитую речь Черчилля, где он, в частности, сказал:

«На протяжении последних двадцати пяти лет никто не был таким упорным противником коммунизма, как я. Но все это бледнеет перед тем зрелищем, которое раскрывается перед нами теперь. Прошлое с его преступлениями и трагедиями отступает в сторону. Дело каждого русского, борющегося за свой дом, является делом свободных людей во всех уголках земного шара»⁹.

А с этой точки зрения что есть наша Великая Победа? Это победа человеческой истории над антиисторией. Почему? Потому что проект фашизма был антиисторией. Он противоречил главной заповеди христианства: «нет ни эллина, ни иудея». Фашистский проект был основан на том, что есть нации, «более равные», чем другие. В этом, собственно говоря, суть фашизма. И именно против этого выступила Советская Россия (СССР). Поэтому она и снискала симпатии многих западных интеллектуалов, которые хорошо понимали, что фашизм — это конец человеческой истории.

Правда состоит в том, что Вторая мировая война действительно была главной во всемирной истории схваткой Добра и зла. И в этой схватке Германия выступала как цитадель зла, а СССР — как цитадель Добра. И Добро победило зло. В этом — суть вопроса. С этих позиций известные заявления руководителей стран Балтии о «русской оккупации» — это зло. Фашистские марши там — абсолютное зло. Антиистория. Поощрение этих процессов там со стороны некоторых кругов США и Евросоюза — очевидное зло. Ибо слишком много человеческих жизней было в 1939–1945 гг. положено на алтарь Добра.

Ведь если предельно огрубить суть конфликта 1939–1945 гг., то это была борьба двух идеологий. Первая: люди созданы равными (основ-

ная заповедь Христа). Вторая: люди не созданы равными. Из второй идеологии следует: раз люди не равны, то «высшие» люди имеют право уничтожать «низших». И СССР, будучи носителем первой идеологии, выступил в 1941–1945 гг., по сути, на стороне христианства. Содержанием этого этапа мировой истории с религиозной точки зрения было не противоборство «двух тираний», а схватка Добра и зла, т.е. христианства (замысла Бога) и антихристианских сил (т.е. антихриста). Именно по этой причине вмешательство СССР во Вторую мировую войну подняло авторитет нашей страны на небывалую высоту. Советский Союз получил много друзей, и не только среди беднейших стран мира.

Это значит, что Великая Отечественная война — не просто война отечественная (т.е. местная, локальная), а война Великая, Всемирная и действительно Священная. Поскольку это была война за ценности всемирной истории и христианства и фундаментальный принцип равенства всех людей перед Господом. Победа в этой войне только и позволяет сегодня ставить вопрос о правах человека. И со стороны СССР со злом воевал весь христианский мир, в основе которого лежит принцип уникальности и неповторимости личности каждого человека, народа, цивилизации. И потому этот мир можно с полным основанием считать Русским миром.

Смысл Великой Победы — это не только торжество русского духа (а отнюдь не «сталинизма»), но и триумф человеческого разума, морали, ценностей (которые гораздо шире партикулярных ценностей западной демократии и рыночной экономики), а потому и торжество Добра, Справедливости, Свободы и в конечном счете торжество Бога.

Наша Победа — это событие столь же всечеловеческое и всемирно-историческое, как и возникновение христианства. Она знаменует тот факт, что человеческая жизнь стоит того, чтобы ее прожить. Это праздник всех праздников. Торжество всех торжеств. Триумф всех триумфов. Это самое великое событие не только в русской, но и во всемирной истории. Это всемирная Пасха. Это духовная и религиозная Победа человечества.

Прославляя Великую Победу, мы не только прославляем русских людей, которые спасли весь мир от фашистской чумы, фашистского порядка, в котором люди делятся на «равных» и «более равных», мы воспроизводим всемирную историю и христианские принципы любви и личности, согласно которым каждый без исключения человек является уникальной, неповторимой и абсолютно незаменимой и необходимой для миропорядка личностью.

В этом и состоит смысл Великой Победы для России, Европы и всего мира.

О правопреемстве и покаянии

Каждую весну в преддверии и в ходе празднования Великой Победы про нас говорят гадости. Причем объектом очернения является не давно канувший в небытие СССР, выигравший Великую Отечественную, а нынешняя Российская Федерация, которая, строго говоря, как, впрочем, и другие жалкие осколки когда-то могущественной сверхдержавы, к Великой Победе имеет мало отношения. Ведь совсем нетрудно представить себе результат войны, если бы супротив нацистской Германии полвека назад оказался не Советский Союз, а РФ.

Внешних субъектов этой кампании довольно много. Это и наши бывшие «союзники» (о них теперь можно говорить только в кавычках), такие как Польша, и бывшие союзные республики, такие как Литва, Латвия и Эстония, и определенные круги Японии, США, Финляндии и даже Украины. У каждого из этих субъектов, безусловно, свои цели.

Надо признать, что наша власть в этом вопросе держится, как правило, вполне достойно. Выбрав правильную тональность, МИД РФ жестко разъясняет наши позиции по поводу Пакта Молотова—Риббентропа, ялтинско-потсдамских соглашений, «оккупации» Балтии и Восточной Европы, «геноцида» поляков и пр. Да и высшее политическое руководство РФ все эти годы не «давало слабину» и выносило в целом верные исторические и политические оценки событий Второй мировой войны.

Одним словом, всем клеветникам России дается должный отпор.

И все же в сознании (или даже подсознании) русского человека, безусловно негодующего по поводу стремления известных стран и политических кругов в Европе и Америке оболгать и дискредитировать великий подвиг русского народа, все время шевелится какая-то червоточина: а вся ли правда находится на нашей стороне?

Если без эмоций поразмыслить над этим вопросом, то однозначно ответить на него нельзя. И прежде всего потому, что он безжалостно и рельефно обнажает нашу собственную историческую драму. Победа для нас, как поется в известной песне, — «это радость со слезами на глазах», т.е. праздник пополам с горечью и болью. И не только по погибшим, раненым и искалеченным, а также по неродившимся детям. Ибо и мы сами не можем простить Сталину и сталинскому режиму их преступлений. Значит, никуда не денешься от того, что, прославляя Победу, необходимо давать весьма жесткие и нелюбимые оценки нашему прошлому. А вот с нашим прошлым мы-то как раз пока до конца и не разобрались. А это значит в свою очередь, что и наше будущее весьма туманно.

Ежегодное празднование Великой Победы показывает, насколько расколотым является наше общество в вопросах событий национальной истории. В нем, по существу, по-прежнему идет холодная семантическая война. Только уже не межгосударственная, а гражданская, что еще более противно и мучительно. И вот здесь-то наша власть — далеко не на высоте. Не имея своего национального проекта и стратегии, не в силах определиться, что она наследует в национальной истории, а что отвергает, от какого государства строит историческую преемственность — Российской империи, СССР или существующей меньше 20 лет новой, никому неведомой РФ, эта власть своими действиями (а иногда и бездействием) способствует этой гражданской войне в российском обществе, что весьма и весьма опасно, ибо «внутренняя» холодная война при определенных обстоятельствах способна перерасти в горячую. Власть сама дает бесконечные поводы для гражданской семантической войны: гимн, флаг, мавзолей, памятники бывшим вождям, советские праздники, учебники истории, мифы о героях и злодеях нашего недавнего прошлого... Это ведь, как удачно выразился Ю. Богомолов:

«все баррикады и брустверы, окопы и долговременные огневые точки, неразорвавшиеся снаряды и плацдармы как для наступлений, так и для контр-наступлений»¹⁰.

Что все это значит? А то, что Великая Победа вновь властно ставит вопрос всех вопросов современной России, не решив который двигаться вперед, в будущее, невозможно. Это вопрос о национальной идентичности России. А он неразрывно связан с вопросом об исторической преемственности.

В отличие от Германии и стран Восточной Европы, безоговорочно осудивших коммунистический этап своей государственности, Россия не заняла в отношении этого этапа однозначно отрицательной или положительной позиции. Ее позиция оказалась двусмысленной и непоследовательной. Это не могло не иметь своих последствий. И весьма серьезных.

В свете Великой Победы вопрос стоит в такой плоскости: если Россия — это абсолютно новое государство, возникшее на развалинах СССР и Российской империи всего лишь около 20 лет назад, то она не обязана платить по историческим счетам, отвечая за злодеяния и преступления этих государств; если же она продолжает историю Российской империи и СССР, то тогда она обязана взять на себя все исторические грехи этих государств и нести за них по крайней мере моральную ответственность.

Очень велик соблазн пойти по пути «белой и пушистой», девственно чистой и незапятнанной «новой» России. В этом случае претензии,

например, прибалтов выглядят странно и нелепо. Какое отношение современная Россия имеет к оккупации Сталиным в 1940 г. трех лимитрофных республик, разделивших СССР и Третий рейх? На каком основании граждане Российской Федерации должны нести ответственность за действия коммунистического режима, ушедшего в историю вместе с развалом Советского Союза? Причем режима, созданного в немалой степени руками соотечественников тех, кто предъявляет нам претензии? Однако давайте отнесемся ко всей этой ситуации спокойно и непредвзято, рассмотрев ее с разных точек зрения.

Вот как рассуждает, например, В. Ольжич, человек, казалось бы, искренне желающий найти выход из того тупика, в котором оказалась внешняя политика России. Он ставит следующий вопрос: не поддались ли российские политики и политологи на им предложенное оперирование понятиями «Россия» и «русские» вместо «СССР» и «советские»? Это, на его взгляд, может быть самой крупной ошибкой внешней политики России в отношении постсоветских стран. Конечно, внешнему миру выгодно соотносить Россию с СССР, но самой России это не должно быть так уж выгодно, поскольку в этом случае она должна нести ответственность за каждый чих, имевший место на территории СССР за 70 лет его существования (а это и происходит сегодня, свидетельством чего прежде всего является Прибалтика)! С какой стати? Такой ответственностью Россия может подавиться. Ведь количеству «претензий к СССР» нет конца.

Скажем, рассуждает он далее, само собой понятным считается в Прибалтике, что страну «оккупировали русские». Но позвольте, при чем здесь «русские»? Среди входивших в 1940 г. в Прибалтику советских солдат не было украинцев, белорусов, грузин? Почему же не говорится, что Прибалтику «оккупировали украинцы, белорусы, грузины»? Такая фраза даже звучит смешно. Но то, что она смешно звучит (несмотря на соответствие правде!), — лишь свидетельство того, что идеологема так глубоко проникла в сознание, что определила уже и язык. Между тем у России в этом плане есть множество аргументов, позволяющих требовать не соотносить ее с СССР. Один из принципиальных, скажем, тот, что СССР руководили выходцы из краев, которые сегодня не принадлежат к России. И прежде всего нужно было бы говорить о том, что тем диктаторским режимом, грехи которого сегодня Прибалтика пытается приписать сегодняшней России, руководил, этим самым диктатором являлся фактически иностранец, человек, говоривший по-русски с сильным акцентом. А роль других выходцев с Кавказа, с Украины, с той же Прибалтики (вспомним хотя бы латышских стрелков)? Сталин был грузином, Хрущев пришел с Украины. А кто был Брежнев — не с Украины?

Не привел ли он за собой в руководство целый отряд украинцев (однако Украину в Прибалтике сегодня очень любят)? Какое еще нужно лучшее доказательство того, что речь должна идти об СССР как особой стране, качественно отличной от сегодняшней России? Если мы сравним режимы в СССР и современной России, то и на этом основании мы вправе говорить о совершенно разных странах. Достаточно сказать, что в СССР вообще был запрещен бизнес, доступ к мировым СМИ полностью перекрыт, а за границу без тщательной проверки о благонадежности выехать никто практически не мог. А что мы имеем сегодня? Даже если кому-то не нравятся какие-то действия современных российских властей, никто не осмелится отрицать, что эти и сотни других сторон жизни совершенно преобразились, что, повторяем, делает Россию совершенно другой страной, чем СССР.

«По существу, — полагает В. Ольжич, — у другой стороны нет достаточных оснований для того, чтобы путать современную Россию и СССР, если только сама Россия воспротивилась бы такому смешению понятий. Аргумент вроде того, что географически совпадают столица и часть территории, вообще наивен и не выдерживает критики. Россия имеет ту же столицу, что СССР? Но не считаем же мы Германию Гитлера той же страной, что современная Германия, лишь на том основании, что у той и у другой та же столица — Берлин? Это две совершенно разные страны. Что, Россия — «правопреемница» СССР? Но это лишь юридический аспект, не более того. Многие страны были правопреемниками стран, прямая ответственность за прошлое которых на них не распространяется».

Исходя из этих рассуждений В. Ольжич предлагает свою новую концепцию для России. Россия — новое государство, возникшее после развала СССР точно так же, как возникли независимые государства Прибалтики, Закавказья, Средней Азии, Украины, Молдавии и т.д., и имеет точно такое же отношение к СССР и его прошлому, как и перечисленные государства. И хотя она, быть может, более других государств связана с прошлым СССР (отчего ее отношение к СССР может быть особым), это отнюдь не означает, что о действиях СССР позволительно говорить как о действиях России. Да, то-то и то-то было в прошлом, но, позвольте, мы-то здесь при чем? На каком вообще основании от нас требуют оценки того или иного исторического момента? Почему того же не требуют у Украины? У Грузии? Был СССР, и эта Атлантида погрузилась в глубины прошлого.

Вот какой должна быть позиция России в случае принятия такой концепции. Почему-то для российской дипломатии эта само собой разумеющаяся безупречная и вполне соответствующая реалиям позиция остается вне поля зрения. Ей навязали ответственность за действия

СССР, и Россия пытается на этом поле воевать «за СССР», стараясь, к примеру, доказывать, что у руководства СССР не было другого выхода накануне Второй мировой войны ввиду реальной агрессии Гитлера, как первой войти в Прибалтику и т.п. (чем провоцирует возмущение прибалтов, обвиняющих Россию в «оправдании оккупации»).

Тут проблема вовсе не в том, что у России аргументы слабы. Они могут быть очень даже сильными, но зачем, скажите, России вообще безысходно (потому что никогда эти аргументы не будут услышаны) спорить с прибалтийскими политиками по вопросам, которые она, проявив дипломатическую мудрость, может просто вынести за скобки, как не относящиеся непосредственно к ней как к новому государству, возникшему после развала СССР.

Другими словами, считает В. Ольжич, современной России, по крайней мере в дипломатической сфере, не хватает дистанции по отношению к СССР. Оптимальная, на наш взгляд, позиция России в отношении Прибалтики: такой же взгляд на СССР со стороны, как и у прибалтов (пусть даже вопреки настроениям определенной части своего населения: дипломаты решают другие задачи и исходят из собственных потребностей). Мы тоже новая страна и не несем никакой ответственности за то, что делали Сталин с Берией. Мы-то здесь при чем? Мы возникли вместе с вами. Такой шаг обезоружил бы любого прибалтийского дипломата. Пусть он доказывает, что это все-таки Россия, а ему нужно упорно отвечать, что мы с этим не согласны. Это СССР. В конце концов, взяв на вооружение этот подход, Россия предстанет совсем в другом свете — как одна из стран, возникших на развалинах СССР (что ведь и соответствует действительности!), обладающих, стало быть, дистанцией — пусть и особой — по отношению к нему. Кстати, в начале независимой России (характерно опять же, что подобное словосочетание не в ходу, в то время как в ходу «независимая Украина», «независимая Литва» и т.д.!) такое дистанционное отношение к СССР имело место, и не случайно тогда, в первые годы, в начале правления Ельцина, не было стольких претензий к ней «по счетам СССР».

Итак, настаивает В. Ольжич, из языка — в том числе и языка прибалтов — должны уйти фразы типа «Россия, русские вошли в Прибалтику в 1940 г.». Вместо этого там должны быть фразы «СССР, советские солдаты вошли в Прибалтику в 1940 г.». Это не мелочь, а принципиальная разница, которая ставит многое на свои места. А уже вслед за этим можно договариваться с прибалтами, что именно стоит за этим фактом (как можно искать компромисс, скажем, на пути отказа от слова «оккупация» в пользу слова «аннексия»). И так во всех других случаях.

В. Ольжич делает следующие выводы:

«Мы должны понять, что имеем дело с языком, а не с реалиями и что “Россия” для прибалтов давно уже стала словом. Это слово давно уже живет само по себе и является не реальной страной, а архетипом, можно сказать, автоматически срабатывающим архетипом подсознательного. Мы недооцениваем силы и значения слов, а также того, что язык управляет сознанием и политикой. Достаточно в определенной ситуации одного употребления слов “Россия” или “русские”, чтобы вызвать архетип, который в дальнейшем уже управляет поведением людей — от политика, политолога и до простого человека. Мы находимся не на поле фактов, а на поле психических феноменов. Нужно изъять слово, чтобы освободиться от отношения к себе как к чудовищу. Пока вы этого не сделаете, что бы вы ни говорили, как бы ни оправдывались, вы все равно для этих наполненных ужасом глаз будете чудовищем. Чем больше будете оправдываться, тем больше будете чудовищем. Но стоит перестать подыгрывать чужим идеологемам, как мираж разветается и сложная картина прояснится. Новое значение слова “Россия” (не соотносимое с “СССР”) не появится без определенной работы со стороны России и изменения идеологической установки. Дипломатия — это искусство создавать простые схемы. У Прибалтики такая схема есть: Россия, возмести ущерб за СССР. Гениально просто. Если Россия начинает дискуссии на тему «оправданности» претензий Прибалтики, ввязывается в дискуссии по поводу исторического прошлого, она уже проигрывает, поскольку в дипломатии выигрывают предельно простые и категоричные схемы, а все сложное и не короткое проигрывает. В то же время ответ: “А мы не СССР, мы такая же новая страна, как вы, возникшая на его развалинах” — был бы адекватным по простоте и заставил бы дипломатических оппонентов, лишенных своего главного аргумента, быть более реалистичными в своих претензиях и более стоворчивыми в других аспектах»¹¹.

Если бы все было так просто, как предлагает нам В. Ольжич... На самом деле, как справедливо подчеркивает Б. Межуев, в требовании прибалтийских государств имеется один серьезный момент, в котором следует разобраться. Речь идет о так называемом «правопреемстве» нашей страны по отношению к Советскому Союзу. Часто употребляемый в популярных статьях термин «правопреемство» довольно неточно выражает юридическую суть дела. Россия — не правопреемник Советского Союза, таковыми правопреемниками, согласно Договору 4 декабря 1991 г., заключенному накануне образования СНГ, считаются все бывшие союзные республики. У России несколько больший статус, она — государство-продолжатель Советского Союза. Иначе говоря, Россия сохраняет континуитет по отношению к бывшему Союзу. Наша страна как бы и есть этот сократившийся до размеров одной республики СССР. Именно на основании международного признания статуса «продолжа-

теля» Россия сохранила свое место в Совете Безопасности, монополию на ядерное оружие среди бывших республик СССР, но вместе с тем была вынуждена записать на свой счет большую часть советского долга.

Но, может быть, задает вопрос Б. Межуев,

«решение проблемы заключается в добровольном отказе России от статуса государства-продолжателя Советского Союза. Может быть, нам стоит сбросить с себя тяжелое бремя континуитета и начать строить новую государственность, так сказать, с чистого листа. К чему-то подобному призывал в 2001 г., в самом начале путинской эры, Глеб Павловский, утверждавший, что пресловутая “преемственность” с советским строем, утвержденная в свое время исключительно под давлением Америки, не нужна молодой “демократической” России. Да и наш президент (В. Путин. — С. К.), вероятно, размышлял на ту же тему, чему свидетельство — его заявление о “долгах Советского Союза”, которые в 1992 г. неосмотрительно взяла на себя Россия. Для значительной части отечественного истеблишмента такой “нулевой вариант” решения проблемы континуитета, думаю, покажется весьма привлекательным. Но боюсь, что отказ России от бремени континуитета и есть цель всей этой развернувшейся в Европе и Америке антироссийской кампании. Именно этого от нас и добиваются нынешние критики. В этом отношении весьма любопытна политика современной Турции. Многие историки полагают, что у нее существует проблема правопреемства по отношению к Османской империи, аналогичная проблеме правопреемства Российской Федерации по отношению к СССР»¹².

Эта проблема в случае Турции выявляется на примере ее отказа признать геноцид армян в 1915 г., который на самом деле имел место. Именно официальная интерпретация событий 1915 г. как геноцида (а не гражданской войны, «резни» или депортации армян, как это принято в современной турецкой историографии) считается одним из главных критериев «европейскости» Турции. Между тем у турецких историков и политиков, занимающихся «армянским вопросом», есть своя серьезная контраргументация. По словам профессора Халила Берк-тая, «это очень серьезный вопрос. Это ошибка со стороны Турецкой Республики. Турция никак не определится по поводу своего политического и правового отношения к Османской империи. Турция не вполне осознала и не до конца усвоила тот факт, что она свергла старый османский порядок и на его месте установила современную республику. Здесь заключается очень серьезное противоречие. Республика не несет ответственности за эти события... Турецкая Республика сегодня может сказать одну очень простую вещь: она была основана в 1923 г. Обсуждаемые же события произошли в 1915 г. Армия Турецкой Республики и ее государственные институты непричастны к этим событиям. Турецкая Республика — это новое государство. С правовой точ-

ки зрения она не является преемницей ни османского правительства, ни правительства партии “Единение и прогресс” (известной как “младотурки”)). Сегодня многие исследователи армяно-турецких отношений в Турции призывают деполитизировать «проблему 1915 г.», «оставить этот вопрос историкам». Однако даже высказывания, подобные тому, что было процитировано выше, рассматриваются многими учеными, чиновниками и политиками Турции как чрезвычайно либеральные. А Танер Аксам, первый турецкий историк, использовавший определение «геноцид» для характеристики трагедии 1915 г., в настоящее время преподает далеко за пределами своей исторической родины — в Мичиганском университете.

«На первый взгляд, — отмечает в связи с этим С. Маркедонов, — Анкара могла бы с блеском разыграть карту “прощания с прошлым”. Достаточно было просто развить тезис турецких историков-“либералов” о том, что между республикой и империей нет никакой правовой преемственности (а это одна из ключевых идеологем Турции начиная со времен основателя республики Кемаля Ататюрка), и осудить проклятое “османское прошлое”, во времена которого геноцид армян был возможен. Более того, Анкара могла бы принять “пас” официального Еревана, отказавшегося от территориальных претензий на Западную Армению, находящуюся сегодня под турецкой юрисдикцией...

Однако с признанием геноцида армян и прощением с “проклятым прошлым” не все так просто. Кемалистская Турция, отвергающая наследие “антинародного османского режима”, во многом проводит хорошо знакомую старую внешнюю и внутреннюю политику. Это касается и проблемы Кипра, и взаимоотношений с Грецией и Болгарией, и политики на “постъюгославском пространстве”, и армяно-турецких отношений, и политики по отношению к этническим меньшинствам (курдский вопрос). Более того, Турецкая Республика в течение всего XX столетия умела, мастерски играя на противоречиях великих мира сего, добиваться усиления своих позиций в мире. В ходе кемалистской революции турки прекрасно “развели” Советскую Россию и Антанту, а в годы холодной войны, используя фактор левой опасности для Греции и Кипра, успешно решили для себя “кипрский вопрос”. Отсюда и опасения Армении и “армянского мира” относительно европейских перспектив Турецкой Республики. Ресурсы НАТО Турция использовала для себя на все 100%, не слишком заботясь о соответствии своих действий высоким стандартам “европейской безопасности”. В этом контексте вопрос об умелом приспособлении и использовании Турцией ресурсов ЕС для собственных внешнеполитических амбиций не кажется праздным любопытством. За весь период существования “объединенной Европы” не было случаев исключения кого-либо из ее рядов.

В ситуации особого поведения Турции в ЕС будет ли это государство лишено “европейской прописки”? Став членом Евросоюза, Турция будет проводить активную политику на Кавказе, прикрываясь европейской “пропис-

кой”. Все ее действия в регионе в этом случае будут проводиться в формате “европейского вмешательства”. С помощью членства в ЕС Турция сможет не столько ради “объединенной Европы”, сколько ради собственных целей минимизировать российское “имперское” влияние в регионе, прикрываясь при этом демократической риторикой»¹³.

Независимо от того, как в дальнейшем Турция определится в «армянском вопросе», следует признать, что, по сути, современная Турция изо всех сил стремится остаться субъектом истории и именно в этом ракурсе рассматривает вопрос о правопреемстве по отношению к Османской империи.

И новой России следовало бы в известной мере в этом вопросе брать с нее пример, тем более что она не проиграла, а выиграла Вторую мировую войну, если, конечно, она настаивает на исторической преемственности по отношению к СССР. Только осознавая себя продолжателями Российской империи и СССР, взвалив на себя тяжкое бремя континуитета, мы сможем двигаться в мировой истории дальше в качестве ее субъекта, а не объекта (остальные осколки СССР — Украина, Грузия, страны Балтии — никогда, подчеркнем, никогда уже не будут субъектами истории, поскольку ни они сами, ни весь мир не считают их продолжателями СССР).

Надо ли нам каяться?

Недоброжелатели России, упорствуя в отождествлении немецкого фашизма и советского коммунизма, призывают нас покаяться «по немецкой модели», т.е. в качестве «побежденной страны».

Понятно, что такая модель покаяния для России абсолютно неприемлема. И не только потому, что коммунизм — это не фашизм, но и потому, что в отличие от Германии Россия — не побежденная страна. Следует помнить о том, что Германия каялась и продолжает это делать, будучи страной, оккупированной иностранными государствами, в связи с чем возникают вопросы относительно глубины и искренности этого акта, который в христианском сознании ни в коем случае не должен происходить под внешним давлением, а быть исключительно мотивированным внутренним переживанием и глубоким переосмыслением своих поступков. Как подчеркивает Г. Гросс:

«мы, немцы, постоянно ощущаем на себе ответственность за тот позор, который нам передали по наследству, и нас принуждали нести эту ответственность, когда мы колебались. Многие поколения пережили это ощущение страданий, которые мы причинили другим и испытали сами. Мы часто должны были себя к этому принуждать. В отличие от других держав, которые живут со своим позором, — Японии, Турции, бывших колониальных дер-

жав, мы не освободились от тяжелого груза нашего прошлого. Оно станет частью нашей истории, постоянной угрозой нашей демократии»¹⁴.

В силу вышеперечисленных соображений русские не могут испытывать таких же чувств. Это было бы даже странно.

Но что же тогда делать с претензиями прибалтов и восточноевропейцев? Стоит ли нам извиняться за послевоенную «оккупацию» части Европы, а в перспективе — еще и за Катынь, поддержку арабского национализма, интервенцию в Афганистан и т.д.? Тут отдельными экскурсами в историю не отделаешься, здесь нужен четкий и системный ответ, раз и навсегда пресекающий все эти своекорыстные призывы к чужому покаянию. Достаточно ясно, на наш взгляд, что не стоит отвечать в духе С. Ястржембского, что, мол, мы никого не оккупировали, а лишь защищали собственную территорию. Такие слова в лучшем случае подстегнут дискуссию о том, каким средствами позволительно защищаться и может ли политика Сталина в 1939–1941 гг. быть названа оборонительной. В этой дискуссии мы можем выиграть, но рискуем и проиграть.

У темы покаяния имеется еще один аспект, который состоит в вопросе о моральном праве нынешнего поколения нашей страны осуждать своих великих предков. На это обратил внимание М. Демурин:

«Есть в проблеме покаяния и исторической ответственности и другая сторона: необоснованное взятие на себя морального права судить прошлое. Давайте честно ответим себе на вопрос: а кто мы такие, чтобы осуждать наших предков за то, как они управляли страной в 1920–1970-е годы? Что мы сделали равного их свершениям? Или, может быть, поколение тех, кто сегодня берет на себя смелость “чувствовать моральную ответственность” за “грехи” отцов и дедов, тем самым осуждая их, сами сумели уберечь родину от катаклизмов в 1980–1990-е годы? Сумели сделать жизнь соотечественников настолько же лучше, насколько она улучшилась в 1950–1970-е годы? Сумели укрепить авторитет России в мире, усилить ее оборонную мощь, расширить границы ее влияния, двинуть вперед ее культуру, науку и образование? Ничего этого мы не видим, как не видим и честного и глубокого анализа “свершений” периода 1990–2000-х. Так что, давайте начнем с того, что почувствуем моральную ответственность и покаемся за это. Принесем извинения своему народу. А потом... остановимся и, помня о прошлом, будем смотреть и идти в будущее»¹⁵.

И все же аргументы противников покаяния не вполне корректны. И, кстати говоря, не соответствуют православным ценностям русской цивилизации. Покаяние — это вполне христианское и весьма здоровое действие. Покаяние в переводе с греческого («метанойя») — очищение. А что может быть более здоровым, чем очищение? Это ведь неперемное условие существования здорового организма. Другое дело, что в

России покаяние зачастую превращалось в ерничество, самобичевание, граничащее с самоунижением и самоотрицанием, с битьем головы об стену, расцарапыванием в кровь лица, посыпанием себя грязью и нечистотами, катанием по земле и пр. Но это — крайность, из ряда тех, которые всегда были присущи русским. Такое «покаяние» покаянием, собственно, не является. Это его полная противоположность.

Каяться же в русской православной традиции можно и нужно. Только при этом следует сохранять свое достоинство. Более того, покаяние и есть проявление этого достоинства: сбрасывая с себя свои грехи, человек осмысливает их, ищет в себе причины, побудившие эти грехи совершить, и берет перед самим собой моральное обязательство не совершать их впредь. Тем самым он возвышается над самим собой в человеческой греховной ипостаси, которая, увы, дана ему от рождения, и приближается к ипостаси духовной, а следовательно, к Богу. Тем самым он сигнализирует, что божественный замысел в отношении человека удался. Вот что такое реальное и подлинное покаяние! Почему же народы, как и люди, не могут каяться?! Могут и должны. И те народы, которые, сохраняя свое достоинство, умеют это делать, обладают морально-нравственным превосходством по сравнению с теми народами, которые этого не умеют и не делают. Они просто стоят на ступень выше в своем культурном и духовном развитии, и потому являются примерами для других народов.

В этом смысле мы не должны предлагать каяться вместе с нами американцам, французам или японцам. Если США не хотят каяться за геноцид (действительно геноцид) индейцев, французы — за Индокитай, а японцы — за нанкинскую резню, это их дело. Что ж, значит, они не являются в полной мере зрелыми нациями... Покаяние — это внутренний, сугубо интимный выбор и человека, и народа. Это решение требуется выстрадать. И навязать его невозможно. Навязанное извне покаяние станет неискренним, а следовательно, лишится своего смысла и глубины: духовного очищения не произойдет.

На наш взгляд, что русский народ является достаточно зрелым и мудрым, чтобы, сохраняя достоинство, каяться за свои грехи и, не очерняя своего славного прошлого, тем самым открыть себе путь для еще более славного и блистательного будущего. Это, кстати говоря, признак не только духовного и нравственного здоровья, но и *спокойной силы* (которая всегда была присуща России), а вовсе не слабости.

В чем же надо каяться?

На наш взгляд, верную тональность покаяния в случае Германии выбрал бывший канцлер ФРГ Г. Шредер:

«Одна из самых страшных войн в истории человечества была спровоцирована и начата Германией. Даже если наше поколение лично не виновато в этом, мы несем ответственность за все периоды нашей истории. В нашем понимании это означает, что наша главная задача — строить мирное будущее для нашей страны в рамках единой Европы. Возможность участвовать в ее реализации я рассматриваю одновременно как вызов и обязанность. Память о войне и национал-социализме стала частью нашей национальной идентичности. Хранить ее — наша моральная обязанность, которую мы должны будем нести всегда. Поэтому мы, представители демократической Германии, не допустим, чтобы несправедливость и насилие, расизм и ксенофобия когда-либо еще получили шанс»¹⁶.

Но такая модель покаяния России не подходит. А ведь именно ее пытаются нам навязать отечественные либералы. Так, бывший помощник Президента РФ, курировавший в 1991–1998 гг. внутреннюю политику, Г. Сатаров связывает тему покаяния с проблемой гражданской ответственности, что само по себе не плохо, однако с самого начала весьма уязвимо, ибо покаяние — это не гражданское, а религиозное чувство.

В статье «Что нам покаяние?» он отмечает, что при этом вспоминается знаменитое сталинское «сын за отца не отвечает»:

«Обычно эта фраза трактуется однозначно и примитивно: “Если отец — “враг народа”, то детей за это наказывать не обязательно”. Однако у сталинских слов есть другой смысл — более глубокий, важный, страшный, если угодно, для власти. Дело тут не только в лукавстве, не только в противоречиях между этой фразой и сталинской дефоуливающей практикой. Смысл вот какой. “Безответственный” сын может спокойно отречься от безвинно загубленного отца. Он свободен от анализа причин, почему такие убийства стали возможны в столь страшных масштабах. Ему незачем думать о том, что злодейство может повториться, в том числе — обращенное против него и его детей. Можно не замечать явные признаки угрозы. “Не отвечать за отца” — значит оставаться покорным быдлом, ожидающим свою пайку и соглашающимся со всем, что творилось и творится в твоей стране. Отвечать или не отвечать — это выбор между ответственной гражданской позицией и готовностью оставаться в стаде, погоняемом пастухами и сбиваемом в кучу овчарками. Сталину не были нужны граждане. Он хотел управлять стадом. Поэтому он великодушно разрешил “не отвечать”»¹⁷.

Нынешнюю власть, полагает бывший помощник Президента РФ, который ее, эту власть, во многом и создавал, многое роднит со сталинской.

«Сталин говорил нашим предкам: “Успокойтесь, не отвечайте за своих отцов, все будет хорошо”. Путин говорит нам: “Я за все в ответе, а вам отвечать не надо. Не надо отвечать за свой политический выбор. Да вы и не уме-

ете. Я все сделаю сам”. И той, и другой власти не нужны ответственные граждане. Именно в силу этого родства нынешняя власть бежит от ответственности за прошлое и боится покаяния. Люди, разобравшиеся в своем прошлом, начинают яснее понимать настоящее. Граждане, осознавшие свою ответственность за прошлое и перед будущим, могут призвать власть к ответу. Это опасно для нее. Страшно. Поэтому она повторяет: “Дети за отцов не отвечают. Каяться незачем. Все хорошо. Жуй, стадо, свою жвачку”.

Не буду. Я — не стадо... Я ответствен за своих предков, и я горжусь ими. Я ответствен за мою страну. Я прошу прощения за все зло, которое она причинила своим и не своим детям. И я горжусь своей страной, славными страницами ее истории, ее людьми. Я имею на это право. Я — гражданин»¹⁸.

Логика Г. Сатарова, конечно, небызупречна. Прав же он в том, что при ответе на вопрос, в чем может и должна каяться Россия (не перед миром, Европой, а перед самой собой), следует понимать, что так же как любой сильный и активный человек совершает в своей жизни поступки, за которые ему бывает стыдно, так же обстоит дело и с сильными и активными народами. Русскому народу, вне всякого сомнения принадлежащему к их числу, следовало бы признать, что и в его истории были события, достойные сожаления и осуждения. Вспомним слова А. Солженицына из его знаменитой статьи «Образованщина»: «Как человеку не прожить, не совершив греха, так не прожить и нации. И нельзя представить себе такой, которая за всю длительность своего бытия не имела бы, в чем покаяться. Без исключения каждая нация, как бы она ни ощущала себя сегодня гонимой, обделенной и неущербно-правовой, — в какое-то время несомненно внесла и свою долю бессердечия, несправедливости и надменности». И далее Солженицын ярко и искренне (тот самый человек, которого на Западе критикуют за «национализм» и «религиозную ортодоксальность») пишет о вине России перед Польшей, кавказскими народами, Венгрией.

Никакие события из русской истории вычеркнуть нельзя, но дать им честную оценку можно и нужно. Какие это события? Прежде всего это, конечно, поддержка русскими богоборческого исторического проекта большевиков, который к интересам русских не имел ни малейшего отношения: ведь большевики «первой волны» рассматривали Россию лишь как «вязанку хвороста», призванную разжечь пожар мировой революции. Несомненными грехами русских стали предательство идеалов и ценностей православия, разрушение церквей и храмов, грабежи русских помещиков и владельцев предприятий, расстрелы миллионов своих соотечественников во время массовых репрессий. Ведь все это делали не сами большевистские вожди, а по их приказу — представители народа. А из кого Сталин и Берия рекрутировали сотрудников НКВД?

Из представителей народа (правда, не только русского). А кто расстрелял царскую семью?

Н. Бердяев называл большевизм «болезнью русского народа». И был прав. И сегодня, когда эта болезнь постепенно преодолевается, можно было бы публично принести покаяние за преступления народа, который пошел на поводу у богоборческой, бесовской, по сути дела, антинациональной силы. Этот главный грех и стал источником других грехов советского народа в XX в., в том числе и во время Второй мировой войны, а также после нее.

Собственно говоря, Россия уже каялась по поводу некоторых событий отечественной истории. Б. Ельцин, как первый Президент РФ, в 1998 г. принес покаяние за расстрел царской семьи. В 1989 г. Верховный Совет СССР осудил закрытые протоколы Пакта Молотова—Риббентропа. Расстрел польских офицеров в Катыни был назван военным преступлением. В 2006 г. В. Путин выразил сожаление по поводу вторжения советских войск в 1956 г. в Венгрию и в 1968 г. в Чехословакию.

Уважение к России в мире, конечно, не упало бы, если бы она официально выразила сожаление и по поводу других событий русской истории, даже если они произошли в ее советский период, например, событий в Вильнюсе, Баку и в Тбилиси в 1990 г. (это уже при «демократе» М. С. Горбачеве), расстрела парламента в 1993 г. и начала первой чеченской кампании в 1994 г. (а это при «демократе» Б. Н. Ельцине).

Вообще нашей власти пора понять, что прошлое не делится на хороший и плохой пиар. И нельзя замалчивать сомнительные моменты в истории, а напоказ выставлять только подвиги. Не прятать надо мавзолей на праздновании Великой Победы (как это было сделано в 2005 г.), а сказать: «Да, мы дикие. У нас на главной площади страны лежит незахороненный труп. Кто хочет — зайдите и посмотрите. Но при этом учтите, что в самой страшной войне в истории человечества мы победили немецкую армию, самую мощную во всемирной истории, отлаженную, как хорошо смазанная машина. Впрочем, и Прибалтику аннексировали. Мы такие. А были бы другие — может, и войну не выиграли бы».

А вот оккупации стран Балтии, а тем более стран Восточной Европы действительно не было! Но в связи с этим можно было бы публично выразить сожаление, что окончание Второй мировой войны не принесло им подлинной свободы. Ведь и это исторический факт, от которого уйти невозможно. Да и не мог несвободный народ дать подлинную свободу другим народам... Почему же этого не признать? Мы бы ровным счетом ничего не потеряли, а наши отношения со странами Балтии и Восточной Европы от этого только выиграли бы. А 1956 г. в Венгрии,

1968 г. в Чехословакии, 1979 г. в Афганистане? Их также не отнесешь к славным страницам русской истории. Так почему бы об этом публично не сказать? Конечно, и другим народам есть в чем каяться. Японцы не признали себя виновными и не извинились за зверства и убийства, что в тридцатые годы прошлого века их армия совершила на большей части Азии. Китай вычеркнул из своих учебников «Большой скачок» Мао, который привел к голодной смерти 30 млн китайцев. Не изучают в китайских школах и подавление протеста на площади Тяньаньмынь в 1989 г.

Замечательно, что Испания принимала участие в московских торжествах в мае 2005 г., но было бы не лишним, чтобы она принесла извинение за участие нескольких десятков тысяч испанцев из Голубой дивизии в войне на стороне Гитлера (впрочем, и России стоило бы покаяться за действия в Испании НКВД). Франции тоже есть в чем покаяться, так же как и большинству стран континентальной Европы. Когда исход войны был уже решен, французы, например, убили десятки тысяч немцев при своем марш-броске к Берлину. Все это в конце концов произошло, и с высоты нашего времени необходимо это признать, потому что История рано или поздно восстановит те события.

В свете этого и В. Путин, повесив себе в 2005 г. на грудь медаль за Победу над нацизмом на Западном фронте и освобождение Берлина, должен был бы признать, что у некоторых освобожденных европейских стран свобода затем была отнята, а миллионы советских людей отправлялись на гибель в ГУЛАГ, трудовые лагеря и становились жертвами безжалостных чисток. Все это было, и история позаботится о том, чтобы восстановить и сохранить в памяти людей эти события.

Волна взаимного примирения

Следует признать, что в последние годы наша власть стала делать первые робкие шаги в этом направлении, о чем свидетельствует визит В. Путина в марте 2006 г. в Венгрию и Чехию. В Будапеште он возложил венок к памятнику погибшим в ходе венгерского восстания 1956 г., раздавленного гусеницами советских танков. В одном из выступлений В. Путин заявил: «Россия — это не Советский Союз, но должен вам откровенно сказать: все мы в душе чувствуем какую-то моральную ответственность за эти события». Кроме того, он передал венграм ценное собрание старых книг и рукописей, принадлежавшее протестантской семинарии и захваченное советскими солдатами в 1945 г. (Ранее Венгрия сделала шаг навстречу России, извинившись за союз с нацистами в годы Второй мировой войны.) Позднее, посетив Прагу, В. Путин признал «моральную ответственность» России за вторжение в Чехословакию в 1968 г. (Со своей стороны чехи возвратили России картину Ива-

на Крамского, похищенную нацистами в годы войны и в конце концов оказавшуюся в картинной галерее г. Брно.)¹⁹

В России эти шаги, однако, вызвали далеко не однозначную реакцию. Некоторые политологи назвали их «покаянным бесстыдством». Самобичевание по поводу роли СССР в событиях 1956 и 1968 гг. если и были задуманы как акт политкорректности и своеобразного уважения к утвердившимся в этих странах режимам, отметили они, то одновременно они стали и актом высочайшей бестактности как по отношению к СССР и его народам, так и по отношению к нынешней России.

По их мнению, если наша власть встала на путь горбачевских самоистязаний, то с учетом ее молчаливого одобрения монархических настроений нынешней российской элиты надо было бы покаяться заодно и в подавлении Россией венгерской революции 1848 г., которое является уж куда более бесспорной виной царизма. Политика Николая I на десятилетия лишила Венгрию возможности суверенного развития. А тогда надо еще было каяться перед Италией — за подавление царскими войсками революций в конце XVIII в., перед Францией — за Реставрацию Бурбонов в 1813–1815 гг., перед Польшей — за разделы в XVIII в., за подавление восстания 1830 и 1860-х годов, перед Турцией — за русско-турецкие войны, перед Швецией — за «аннексию» ее прибалтийской территории, перед Германией, Ливонским орденом — и т.д., и т.п., и пр.²⁰

В связи с этим приходится согласиться с Ф. Лукьяновым, который в своей блестящей статье «Покаяние и целесообразность» отмечал, что «способность к примирению и покаянию — черта, характеризующая принадлежность той или иной нации к новой Европе. Страны Западной Европы сумели, ничего не забыв, вынести исторические предубеждения за рамки прикладной политики — будь то заклятые враги Франция и Германия или Испания, преодолевшая внутреннюю гражданскую рознь. Странам Центральной Европы такой морали еще предстоит учиться: когда Вацлав Гавел в 1990-е годы принес извинения немцам, высланным после войны из Судетской области, это вызвало в Чехии шквал негодования. Немцы же, депортированные из Силезии, отошедшей после войны к Польше, извинений так и не дождались. Пару лет назад бурю негодования вызвала книга польского историка, в которой доказывалось, что виновниками массовой гибели евреев в городе Едвабне были не немцы, а поляки. Правда, официальная Варшава польскую ответственность потом все-таки признала.

На территории бывшего СССР процесс примирения не начинался, и трудно сказать, начнется ли он вообще. До тех пор, пока Эстония

и Латвия продолжают призывать с пониманием отнестись к ветеранам СС, марширующим в память о своей славной борьбе, а Россия считает кощунством и оскорблением любую попытку поднять вопрос об оборотной стороне Второй мировой войны и победы над фашизмом, не откроется никакой “новой страницы” в отношениях.

Бесмысленно делать вид, что СССР не виноват в депортациях латышей и литовцев или в расстреле польских офицеров в Катыни, особенно после того, как в 1990-е годы последнее было официально признано. Сравнение же Пакта Молотова — Риббентропа с Мюнхенским сговором, которое привел недавно в оправдание этого документа Президент Путин, только подтверждает правоту тех, кто требует осуждения Пакта. Потому что Мюнхенские соглашения признаны на Западе одним из самых позорных деяний современной истории. И это при том, что Франция и Великобритания, отдавшие Чехословакию на растерзание нацистам, все-таки не были прямыми “выгодополучателями” в отличие от сталинского Советского Союза, которому в результате Пакта достался солидный трофей. И, ставя советско-германский Пакт в один ряд с Мюнхеном, придется со всей решительностью осудить его как циничное и противозаконное действие»²¹.

В другой своей статье, «Между забвением и покаянием», Ф. Лукьянов отмечает, что «всемирная история, изобиловавшая войнами, до недавнего времени не содержала прецедентов извинения за их развязывание и тем более за участие в боевых действиях. Победителей, как известно, не судят, а побежденные расплачивались не покаянием, а территориями, контрибуциями либо вовсе утратой политической самостоятельности.

Идея создания из заклятых врагов — Германии и Франции — стержня для прочного альянса, высказанная 55 лет назад, 9 мая 1950 г., французами Жаном Моннэ и Робером Шуманом, стала прообразом европейской политики нового типа. Фактически в обмен на признание Германией своей вины и отказ от амбиций державы-победительницы открыли перед страной-агрессором двери клуба. Это был подход прагматиков. Вражда и ненависть, неизбежные после такой чудовищной войны, конечно, никуда не делись, но они по всеобщему согласию были вынесены за скобки во имя спокойствия и развития. Освободившись от советского диктата, бывшие участники соцлагеря потребовали от Запада компенсации и за Мюнхенский сговор, и за Ялтинское соглашение, по которому западные демократии отдали Восточную Европу под власть Сталина. Подобной компенсацией стала быстрая интеграция бывшего соцлагеря в евроатлантические структуры»²².

В результате Европа пришла к негласному соглашению: мы помним наше прошлое, признаем ошибки и сожалеем о совершенных жестокостях и несправедливостях. Однако во имя всеобщего блага лучше его не ворошить, поскольку сведение исторических счетов только отдалит нас от общей цели — сделать так, чтобы подобное более не повторилось. За рамками этого компромисса как раз и осталась Россия.

По мнению английского историка Э. Бивора, «должно смениться чуть ли не два поколения, пока русские обретут достаточную уверенность в себе благодаря экономическому росту, чтобы преодолеть унижительный для них исход холодной войны и честно взглянуть на ужасы собственного прошлого»²⁴. Хотелось бы надеяться, что произойдет это гораздо раньше...

«Тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее» — такая оруэлловская формула для тоталитарных режимов. Современный мир уже не живет в тоталитарное время. А поэтому сегодня появилась более мягкая версия этой формулы: «Тот, кто формирует наши взгляды на прошлое, может влиять на будущее». Однако в этом вопросе, как представляется, необходим поиск некоего компромисса, по возможности, избавленный от политизации исторических событий. Вариант такого компромисса предлагает российский публицист Я. Шимов. Отмечая наличие трех противоречивых интерпретаций Второй мировой войны — советского, западного и восточноевропейского, он полагает, что безупречными с исторической и, наверное, моральной точки зрения трудно назвать позиции сторонников каждого из них. Их несовместимость, судя по всему, будет сохраняться до тех пор, пока не будет выработана и признана всеобщей некая основополагающая система взглядов на события, определяющая границы приемлемых для современной европейской цивилизации оценок того, что случилось в 1939–1945 гг. По мнению Я. Шимова, такая система взглядов могла бы строиться по принципу «от противного» и включать в себя то, что заведомо не соответствует историческим фактам и основополагающим ценностям современной Европы.

Во-первых, это релятивизация преступлений нацизма и роли гитлеровской Германии как основного агрессора, виновного в развязывании Второй мировой войны. Во второй половине 1930-х годов по меньшей мере десять европейских государств — от Германии и СССР до Литвы и Словакии — совершили большие или меньшие акты агрессии по отношению к своим соседям. Это, однако, не отменяет другого факта: только Третий рейх имел четко разработанную стратегию внешней агрессии, прежде всего в Восточной Европе, которая являлась составной частью идеологии «обеспечения жизненного пространства герман-

ской нации», каковая в свою очередь была частью доктрины немецкого национал-социализма. Только Германия обладала к концу 1930-х годов силами и средствами для реализации подобной доктрины. Большевики, свидетельств изначальной агрессивности которых тоже хватает, уже к середине 1930-х отошли от доктрины «мировой революции» Ленина—Троцкого, заменив ее более осторожным сталинским учением о «построении социализма в одной стране». Кроме того, в 1939–1941 гг. СССР не обладал ни политическим, ни военно-техническим, ни социально-экономическим потенциалом для развязывания крупномасштабной европейской войны, к чему привело бы «превентивное» или любое другое его нападение на Германию в духе фантазий Суворова-Резуна или иных подобных теорий. Реальные действия СССР в 1939–1940 гг. (захват Восточной Польши, Прибалтики и Бессарабии, «зимняя война» против Финляндии), при всей их агрессивности и катастрофических последствиях для значительной части населения данных территорий, все же имели локальный характер.

Во-вторых, это стремление к изменению государственно-правовых итогов Второй мировой войны — от пересмотра сложившихся после 1945 г. государственных границ до стремления обеспечить беспрепятственный и безвозмездный возврат в прежние места обитания лиц, депортированных после окончания войны, или их потомков. Речь идет главным образом о немецком населении нынешней Калининградской области РФ, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии и ряда балканских стран, но не только о нем — можно вспомнить также, например, об этнических чистках на западе Украины и юго-востоке Польши, где в 1945–1947 гг. был осуществлен насильственный «обмен» польским и украинским населением. При всей сомнительности многих из этих актов с точки зрения сегодняшнего правового сознания и аморальности их с точки зрения общегуманистической не следует забывать, что нынешняя ЦВЕ — во многом плод этих послевоенных действий, и их пересмотр мог бы привести только к разжиганию множества новых конфликтов с непредсказуемыми последствиями.

В этих минимальных «рамках приличий» открывается широкий простор для нормальной дискуссии о событиях Второй мировой. Никто не мешает в таком случае говорить, к примеру, о том, что бомбардировки многих немецких городов союзной авиацией, возможно, были таким же военным преступлением, как Хиросима и бомбардировки самими немцами городов английских; что Красная Армия в 1944–1945 гг. совершила немало жестокостей по отношению к населению как Германии, так и восточноевропейских стран; что не только в Югославии и Греции, но и

на Украине и в Белоруссии в 1940-е годы фактически шла гражданская война и количество антикоммунистических вооруженных формирований там было сопоставимо с численностью советских партизан; что советские войска, занявшие Польшу, осуществляли массовые репрессии по отношению к фактическим союзникам по антигитлеровской коалиции — партизанам Армии Крайовой; что «чемпионом холокоста» является Литва, где было — при активном участии местного населения — уничтожено до 98% еврейской общины, и т.д. Все эти и многие другие факты, «неудобные» для той или иной стороны тогдашнего многостороннего конфликта, не перестают быть таковыми, но по крайней мере становятся обсуждаемыми и «перевариваемыми» с того момента, как устанавливается консенсус относительно истоков и главных виновников войны²⁵.

Осмыслить прошлое, чтобы двигаться в будущее

Каждый народ рано или поздно должен разобраться со своей национальной историей, которая не может быть сплошной чередой побед и триумфов, и, взвесив ее на весах совести и морали, решительно отделить добро от зла. Чтобы двигаться в будущее, преступления прошлого должны быть беспощадно осуждены. Как верно заметил Ортега-и-Гассет:

«превзойти прошлое можно только при одном неумолимом условии — надо его целиком, как пространство в перспективу, вместить в себя. С прошлым не сходятся врукопашную. Новое побеждает, лишь проглотив его, а подавившись, гибнет»²⁶.

Можно сослаться также на С. Кьеркегора:

«История в малых дозах всегда опасна, потому что даже то небольшое, что нам известно, всегда мобилизуется на благо тех, кто обслуживает конкретные интересы властей предрержащих, дабы оправдать их власть».

Помимо всего прочего, это означает, что о преступлениях прошлого следует помнить. Как сказал бы З. Фрейд, чтобы забыть прошлое, не говоря уже о том, чтобы его не повторять, об этом прошлом надо помнить. А это очень непросто. Ведь история представляет собой нестабильную, взрывоопасную материю, с которой надо обращаться осторожно. Тот, кто не знает своего прошлого, не знает, кто он. Когда пожилой человек постепенно теряет память, то он становится ребенком. А нация без памяти — это не нация. И Европа без памяти уже не была бы Европой, и Россия — Россией.

Осмыслила ли Россия свое прошлое? Если честно отвечать на этот вопрос, то следует признать горькую правду: нет, пока не осмыслила.

И ежегодное празднование Великой Победы это демонстрирует особенно ярко. Ни руководство страны, ни политический класс России, ни общество в целом оказались пока не способны к честному и непредвзятому концептуальному осмыслению национальной (в данном случае советской) истории — такому осмыслению, которое провела, например, новая историческая школа во Франции в отношении Великой французской революции и XIX в. или немецкие историки и политики в отношении Второй мировой войны, Третьего Рейха в XX в. В результате Россия в ходе юбилейных дней, по меткому выражению Ф. Брауна, каждый год нередко похожа на «этакого городского сумасшедшего с углубляющимся раздвоением личности»²⁷.

Де Голль высказал как-то весьма глубокую мысль: «Если вы хотите понять суть какого-то сложного явления, поднитесь на звезду и посмотрите на него сверху».

Вторая мировая война, вне всякого сомнения, принадлежит к числу таких явлений. Способны ли мы, т.е. нынешнее поколение людей, подняться на звезду и взглянуть на нее сверху? Боюсь, что нет. Во всяком случае именно об этом свидетельствует весьма ожесточенная полемика, которая по-прежнему, а может быть, и более остро, чем 50–60 лет назад, идет вокруг событий середины XX века. Раны той страшной войны еще не зарубцевались и кровоточат, как и раньше, теперь уже, правда, в наших душах. Мир по-прежнему глубоко расколот и не представляет собой единую человеческую цивилизацию. И Россию, несмотря на все ее заслуги перед миром, в этом мире не любят...

Вполне возможно, что лишь следующее поколение, идущее вслед за нами, сможет более спокойно, а следовательно, и более объективно оценить события тех лет.

Тем не менее для автора этой книги некоторые выводы сомнению не подлежат и будут подтверждены и третьим послевоенным поколением.

Первое. Вторая мировая война была самой страшной войной в истории человечества, когда оно и в самом деле остановилось на грани пропасти — и в онтологическом, и в метафизическом смысле этого слова.

Второе. Эту войну выиграл русский народ. И если он — не «народ-богоносец», то уж точно народ-победитель. И потому это был наивысший момент в его национальной истории, поскольку он спас не только себя, но и весь мир от абсолютного зла. Однако XX в. в силу заблуждений, ошибок и преступлений СССР не стал, к сожалению, *русским веком*.

Третье. Народ, выигравший такую войну, стал другим. Прежде всего он стал внутренне свободным, и коммунистический режим не имел права оставлять его в положении подданных власти. Этому народу не-

обходимо было предоставить статус свободных граждан. Но этого сделано не было. По всей вероятности, мина замедленного действия под коммунистический Советский Союз была подведена именно тогда.

Четвертое. Хотя русские освободили Европу и мир от «коричневой чумы» фашизма, они не смогли дать народам Европы подлинной свободы, поскольку им не удалось отстоять свою собственную свободу. А несвободный народ не был способен дать свободу другим.

Пятое. Воздействие войны на массовое сознание еще не оценено в полной мере. Не случайно (частный, но характерный факт) в «подковерной» борьбе за власть одерживали те партийные функционеры, кто в годы войны находился в действующей армии — Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев и др.

Отношение к войне — очевидное противоречие между восприятием ее в народных массах и официальной, навязываемой «сверху» отлакированной версией, по которой великая трагедия приобретала характер народного спектакля, в котором статисты самозабвенно выполняли указания Главного режиссера. XX съезд КПСС и последовавшее разоблачение культа личности Сталина вызвали попытки честного переосмысления пережитого, возвращения вычеркнутых имен и событий. Историческая наука, и литература, и искусство, прежде всего кинематограф, испытали мощное воздействие так называемой «окопной правды», «лейтенантской прозы» и т.д. Однако «оттепели» в России скоротечны, и «новая», «объективная» версия отличалась от предыдущей также, как «Краткий курс ВКП(б)» от «Истории Коммунистической партии Советского Союза». Противостояние по вопросам оценки войны и ее последствий не преодолено и сегодня. Война не закончена, пока не похоронен последний погибший солдат. А до этого в России еще далеко.

Шестое. Момент Великой Победы был моментом Великого Смысла для русских, смыслом русской истории. Кажется, что этот Великий Смысл был затем нами утерян, и дети и внуки победителей оказались далеко не на уровне Великой Победы. Уж во всяком случае мы не сумели должным образом распорядиться ее плодами, а многие завоевания наших отцов и дедов оказались и вовсе впустую растраченными. В этом смысле символически чудовищен фильм «Белорусский вокзал», на что обратил внимание С. Кургинян. Это признание в самоисчерпании. Герои не могут выйти на собственный смысл. Они не знают, что с этим смыслом делать. Они, однако, ощущают обязательность этого смысла и, празднуя Великую Победу, празднуют именно свою сопричастность этому Великому Смыслу, ощущая его на уровне подсознания и будучи не в состоянии понять его рассудком, осознавая скорее иррационально, чем рационально. И потому в финале фильма показана Война и Победа. Мол,

Глава 10. Великая Победа как ресурс национальной идентичности

мы вне смыслов, но они где-то блуждают, путешествуют в отчужденно изгнанном сознании. Но у нынешнего поколения людей подсудно, также на уровне подсознания, возникают вопросы: кто эти изображенные в фильме герои? что это за чудо-богатыри? как до них дотянуться?

И если такие мысли и вопросы возникают хотя бы у половины наших граждан (которые, кстати сказать, до сих пор не являются полноценными гражданами, поскольку подлинной свободой они так и не получили), то еще не все потеряно, и русская история, а с нею и история всемирная, будет продолжаться.

Примечания

- ¹ *Разумный В.* Моя война // СМИ — «Интеллигент». 2005. 3 мая.
- ² *Можегов В.* Вечный огонь милосердия. АПН.ру. 10.05.2006.
- ³ *Черняховский С.* Великая война и гражданская религия России. АПН.ру. 22.06.2005.
- ⁴ The Irish Times. 12.05.2005.
- ⁵ The Financial Times. 13.05.2005.
- ⁶ Figaro. 2005. Mai 7.
- ⁷ Российская газета. 2005. 5 мая.
- ⁸ ИА REGNUM. 5.05.05
- ⁹ Globalaffairs.ru. 1.04.05
- ¹⁰ Весеннее обострение холодной войны. Globalaffairs.ru. 2005. 1 апреля.
- ¹¹ *Ольжич В.* Прибалтика и возможная ошибка российской идеустановки // Regnum. 2005. 3 мая.
- ¹² *Мешуев В.* О Великой победе. АПН.ру 15 мая 2005.
- ¹³ *Маркедонов С.* Цена европеизации. APN.ru.
- ¹⁴ Le Nouvel Observateur. 2005. May 13.
- ¹⁵ Iamik.ru. 2006. 17 апреля.
- ¹⁶ Bild. 2005. May 6.
- ¹⁷ *Сатаров Г.* Что нам покаяние? // Ежедневный журнал. 2005. 14 мая.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ The Economist. 03.03.2006.
- ²⁰ APN.ru. 10.03.2006
- ²¹ <www.globalaffairs.ru>. 2005. 10 марта.
- ²² <www.globalaffairs.ru>. 2005. 29 апреля
- ²³ The Financial Times. 27.06.2005.
- ²⁴ ABC. 2005. May 24.
- ²⁵ Полит.Ру. 24.03.2005.
- ²⁶ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2003. С. 84–85.
- ²⁷ Newsweek. 2005. May 3.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Общая характеристика внешней политики России

Кризис национальной идентичности напрямую затрагивает внешнюю политику России и, на наш взгляд, является первопричиной ее неудач и поражений на международной арене. Отсутствие жизнеспособной и реалистичной концепции внешней политики, сопряженной со Стратегией национальной безопасности и со Стратегией национального развития, приводит к тому, что такая политика формируется стихийно, строится как система ответов, а не превентивных шагов, носит не продуманный на перспективу, а чисто ситуативный характер.

12 июля 2008 г. Президент России Д. Медведев утвердил новую Концепцию внешней политики Российской Федерации. Вкупе с его выступлениями по международным вопросам в 2008 г. ее можно считать заявкой на новый этап внешнеполитической деятельности нашей страны.

Основными заявленными положениями и принципами международного курса России являются следующие.

Первое. Преемственность по отношению к внешней политике В. Путина. Это сигнал российскому обществу и миру в целом о том, что никаких неожиданностей во внешней политике России, серьезных поворотов и изменений ранее декларированных внешнеполитических приоритетов ожидать не следует. Принцип преемственности означает также, что Д. Медведев берет на себя ответственность не только за успехи, но и за ошибки и поражения внешней политики предшествующего президентского цикла. Кроме того, он разделяет и поставленную В. Путиным в конце этого цикла весьма амбициозную цель — вывести к 2020 г. Россию в пятерку глобальных лидеров, определяющих мировую политику и формирующих новый международный порядок XXI в.

Второе. Подтверждены ранее заявленные принципы внешней политики: открытость, предсказуемость, прагматизм, многовекторность и

приоритет в твердой защите национальных интересов при отказе от скатывания в конфронтацию в международных делах.

Третье. Внешняя политика объявлена как важнейший ресурс и инструмент политики внутренней. В частности, уточняется, что ее целью будет создание благоприятных внешних условий для национальной модернизации, перехода России на инновационный тип развития.

Четвертое. Поставлена задача адекватного ресурсного обеспечения внешней политики. Это не только подтверждает заявленный в Концепции 2000 г. принцип соразмерности ее целей и средств, но и предполагает весьма серьезное увеличение финансирования внешнеполитической деятельности России, если исходить из того, что вышеупомянутая амбициозная задача, декларированная вторым Президентом РФ, — вывести Россию в лигу мировых лидеров, поставлена не в пропагандистских целях, а всерьез.

Пятое. Отсюда вполне понятным является следующий принцип новой Концепции внешней политики: Россия не довольствуется статусом региональной державы, но делает заявку на свою роль и место в современной политике в качестве мировой державы с глобальными внешнеполитическими интересами.

Шестое. В новом внешнеполитическом курсе подтвержден и усилен его европейский вектор, который заявлен как основной (несмотря на общий принцип многовекторности). Д. Медведев настойчиво акцентирует тезис об общих ценностях трех ветвей европейской цивилизации — России, Европейского союза и США, что, по мнению политического руководства России, составляет основу для формирования конфигурации коллективного лидерства этих стран в мировой политике в противовес единоличному лидерству США. Отсюда главной целью провозглашено создание усилиями этих стран эффективной системы коллективной безопасности от Ванкувера до Владивостока и выработка нового всеобъемлющего Договора о европейской (даже евроатлантической) безопасности — как подразумевается, вместо НАТО.

Седьмое. Подтверждается приоритетное направление внешней политики России — всемерное укрепление интеграционных процессов на постсоветском пространстве и соответственно усиление интеграционного потенциала международных структур СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и особенно Союзного государства России и Белоруссии. Акцентируется необходимость повышения эффективности работы с российской диаспорой на всем этом пространстве и в мире в целом.

Восьмое. На американском направлении ставится задача подведения под двусторонние политические отношения солидного экономического фундамента.

Девятое. Потенциал связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона рассматривается в первую очередь в качестве инструмента экономического подъема российской Сибири и Дальнего Востока.

Десятое. В глобальных делах декларируется цель повышения уровня управляемости процессами мирового развития. В принятии решений по вопросам международной безопасности и глобального развития акцентируется роль ООН как организации, наделенной уникальной легитимностью. Подчеркивается необходимость всемерного укрепления ее институтов и структур, в особенности Совета Безопасности. Особо акцентируются принципы и нормы международного права. Наконец, ставится задача формирования коллективными усилиями позитивной повестки дня мирового сообщества.

31 августа 2008 г. в интервью российским телеканалам Д. Медведев сформулировал пять основополагающих принципов российской внешней политики.

«Первая позиция — Россия признает первенство основополагающих принципов международного права, которые определяют отношения между цивилизованными народами. И в рамках этих принципов, этой концепции международного права, мы и будем развивать наши отношения с другими государствами.

Второе — мир должен быть многополярным. Однополярность — неприемлема. Доминирование — недопустимо. Мы не можем принять такое мироустройство, в котором все решения принимаются одной страной, даже такой серьезной и авторитетной, как Соединенные Штаты Америки. Такой мир неустойчив и грозит конфликтами.

Третье — Россия не хочет конфронтации ни с одной страной. Россия не собирается изолироваться. Мы будем развивать настолько, насколько это будет возможно, наши дружеские отношения и с Европой, и с Соединенными Штатами Америки, и с другими странами мира.

Четвертое — безусловным приоритетом является для нас защита жизни и достоинства наших граждан, где бы они ни находились. Из этого мы будем исходить при осуществлении своей внешней политики. Мы будем также защищать интересы нашего предпринимательского сообщества за границей. И всем должно быть понятно, что если кто-то будет совершать агрессивные вылазки, тот будет получать на это ответ.

И, наконец, **пятое.** У России, как и у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы. В этих регионах расположены страны, с которыми нас традиционно связывают дружеские, добросердечные отношения, исторически особенные отношения. Мы будем очень внимательно работать в этих регионах и развивать такие дружеские отношения с этими государствами, с нашими близкими соседями»¹.

Разумеется, в ходе практических мероприятий внешней политики все эти задачи будут дополняться и уточняться, но не в части общих

положений и принципов. Можно спорить по поводу их реалистичности (что, на наш взгляд, безусловно, нужно делать), но следует констатировать, что внешнеполитическая программа Д. Медведева в целом уже озвучена.

Обращает на себя внимание то, что в этой программе по-прежнему не решена проблема национальной идентичности России, что приводит к укреплению подозрений Запада, что он имеет дело с прежним СССР или пародией на него, а потому и далее, скорее всего будет тормозить проект интеграции России в Большую Европу и в трансатлантическое сообщество в целом. К сожалению, новая внешнеполитическая платформа РФ не дает оснований Европе и США воспринимать нас иначе, чем страну, «находящуюся в переходном состоянии», которая до сих пор не сказала, готова ли она в союзе с Западом решать стратегические проблемы международной безопасности и вместе с ней формировать новый мировой порядок. Она не сделала стратегический выбор, с кем она хочет быть и «против кого дружить».

Возникает, например, вопрос: не поступила ли Россия неосмотрительно или даже беспечно, когда присоединилась (или встала на путь к присоединению) к организации «Исламская конференция»? Ведь, в общем-то, этот шаг находится в явном противоречии с продекларированным партнерством с Соединенными Штатами Америки и ЕС. Это означает, что мы по-прежнему не можем сделать выбор не только между Востоком и Западом, но даже между Севером и Югом...

Конечно, четкой внешнеполитической стратегии нет и у ряда других великих держав, у тех же США. Но в отличие от них Россия сегодня не обладает таким «запасом прочности», который страхует даже от серьезных ошибок и провалов. А потому нечеткость внешнеполитической стратегии для нее — непозволительная роскошь.

Как и раньше, при В. Путине, наша внешняя политика не опирается на систему стратегического планирования, которая должна обеспечивать просчет краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных вариантов внешнеполитических решений, соразмерность целей и средств. Отсутствие же системы стратегического планирования, опирающейся на солидную аналитику, уже в 2004–2008 гг. привело к кризису внешней политики России. При этом речь идет не о каком-то маргинальном кризисе или о кризисе внешней политики РФ на отдельных направлениях. Кризис является всеобъемлющим и всесторонним, системным и структурным, развивающимся как «по вертикали», т.е. сверху донизу, так и «по горизонтали», т.е. во всех мыслимых аспектах. К тому же это кризис, сопровождающийся синхронизированным и нарастающим давлением основных международных субъектов на Россию.

Непросчитанность соразмерности внешнеполитических амбиций и возможностей (ресурсов) страны, неспособность осознать характер происходящих в мире процессов, восприятие их сквозь призму традиционных, свойственных советскому периоду представлений привели к тому, что ни одна из стратегических целей, сформулированных политическим руководством России в Концепции внешней политики 2000 г., не была достигнута. Не удалось ни предотвратить расширение НАТО, ни построить реальное партнерство с этим альянсом, равно как и сохранить необходимый уровень отношений со странами ЦВЕ и Балтии. Все красивые программы построения европейской безопасности, в частности через механизмы ОБСЕ, остались на бумаге. Операция НАТО против Югославии произошла вопреки позиции России, а упорная поддержка режима С. Милошевича обернулась после его поражения потерей российского влияния на Балканах. Не был сохранен Договор по ПРО — главным образом потому, что Москва отказалась вести переговоры о его модификации. Переговоры с США о дальнейшем сокращении ядерных вооружений были прерваны. Повисла в воздухе ранее декларированная концепция стратегического партнерства с США. Нереалистичной оказалась идея создания стратегического треугольника Москва—Пекин—Дели. Не выведены из тупика политические отношения России с одной из крупнейших (до недавнего времени — второй) экономик мира — Японией. Не сработал практически ни один из стратегических замыслов в отношении СНГ и ДКБ на постсоветском пространстве. Это касается не только союза России с Белоруссией, но и российско-украинских отношений, партнерства с государствами Центральной Азии и Кавказа (в первую очередь с Грузией). Никакого серьезного продвижения не произошло в важнейших для России вопросах интеграции в мировое, прежде всего европейское, экономическое пространство и привлечения масштабных инвестиций в российскую экономику.

Текущий кризис внешней политики России не стоит драматизировать. Вообще кризис системы — это неплохо, если за ним следуют шаги по ее радикальному обновлению и модернизации. А нынешний период в истории России — далеко не худший для того, чтобы сделать эти шаги в сфере внешней политики.

Для преодоления концептуального кризиса внешней политики Россия должна в первую очередь разобраться со своей национальной идентичностью. Оставив нелепые потуги наших либералов (а на самом деле — псевдолибералов, наследников большевиков) предстать в мире «белой и пушистой» некой «новой» Россией, которая строит свою государственность якобы лишь двадцать лет, она должна недвусмысленно и безусловно определить себя в качестве наследницы исторической, т.е. тыся-

четлетней России. Понятно, что в этом случае придется взять на себя и все ее грехи, включая — хоть это и неприятно — грехи СССР. Но, право, игра стоит свеч: тогда Россия остается субъектом мировой истории, всем понятным и узнаваемым. До тех пор, пока этого не сделано, наши зарубежные партнеры, включая США, вряд ли смогут правильно определить свою политику в отношении России и будут по-прежнему занимать выжидательную позицию. И все попытки отстаивать национальные интересы России — будь то наши возражения против расширения НАТО, политика сближения со странами СНГ или попытки заблокировать в Совете Безопасности ООН решение о военной операции США против очередного диктаторского режима — будут ставиться ими под подозрение. В худшем случае они будут восприниматься как рецидивы советской внешней политики, выстраиваемой большевиками в духе «игры с нулевой суммой»: все, что хорошо для США, плохо для СССР и наоборот. Тогда, как известно, умение как можно больше напакостить американцам считалось высшим искусством мудрого государствования.

Иными словами, мы должны определиться и объявить всему миру, кто мы есть. Мы не новое, неведомо откуда взявшееся в 1991 г. государство и не уменьшенный СССР, который берет свое начало лишь с октября 1917 г., а тысячелетняя Россия. От этого главным образом и зависят, в частности, российско-американские отношения. Если, например, мы существуем лишь двадцать лет, то на роль, большую, чем клиент США, мы претендовать не можем. Если мы «мини-СССР», то мы обречены на «мини-конфронтацию» с США, на поражение в «мини-холодной войне» и в конечном счете на «мини-распад». Если же мы тысячелетняя Россия, то партнерство и даже стратегический союз с Америкой (уже не говоря о Европе) для нас — естественное состояние.

Делая однозначный выбор в пользу европейского и трансатлантического сообщества, Россия должна показать, что может стать его полезной частью. Таковой она сможет быть лишь в качестве исторической России, которая до октября 1917 г. так всеми и воспринималась. В то же время Россия не может вычеркнуть из своей истории советский период, объявив его некой «черной дырой». И в международно-правовом смысле она является субъектом, продолжающим субъект СССР.

Таким образом, Россия должна строить государство не с чистого листа, или с 1991 г., а исходя из того, что нынешняя Российская Федерация — правопреемница тысячелетнего российского государства, в том числе Российской империи, и продолжательница СССР. Иными словами, в области государственного строительства она твердо придерживается доктрины непрерывного правопреемства и континуитета.

Внешнеполитические интересы России: глобальное измерение

Имеют ли внешнеполитические интересы России глобальное измерение? Вопрос этот сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Для начала следует разобраться в методологии и терминах. Что такое держава с глобальными внешнеполитическими интересами?

Самый простой ответ на этот вопрос следующий: это государство, которое участвует в решении глобальных проблем. Если принять за основу такое определение, то Россия, несомненно, входит в эту категорию стран. Она — постоянный член Совета Безопасности ООН и по этому признаку наряду с другими государствами—постоянными членами СБ несет по Уставу ООН ответственность за международную, т.е. глобальную, безопасность. Эту же ответственность она несет и по другому признаку — по своему ядерному статусу. Россия является глобальным «игроком» в решении таких проблем международной безопасности, как урегулирование региональных конфликтов, контроль над вооружениями, нераспространение ОМУ и средств его доставки, торговля обычными вооружениями, мировая энергетика, экологическая безопасность, противодействие транснациональному терроризму и другим новым вызовам и угрозам глобального характера.

Но здесь не все так просто. Что это такое — глобальные внешнеполитические интересы? Ведь они возникают не сами по себе. Должны сложиться некоторые исторические обстоятельства, которые будут их генерировать. Глобальные интересы — это интересы общепланетарного масштаба. Когда они появляются? Когда государство выдвигает исторический проект общепланетарного масштаба. Но этого мало. Еще и тогда, когда оно располагает адекватными идеальными и материальными ресурсами для его реализации. А еще когда оно способно эти ресурсы мобилизовать. Но и этого мало. Еще и тогда, когда оно создает привлекательную модель развития, которой готовы следовать многие. Одним словом, когда оно идет в ногу с историей.

Носителем глобального исторического проекта не было ни одно из существовавших национальных государств и ни одна из известных империй. Великий Рим по нынешним меркам был державой региональной. Византия также решала локальную задачу: защищала восточнохристианскую цивилизацию. После падения Константинополя под ударами турок в 1454 г. эту миссию взяла на себя Россия. Еще меньше оснований претендовать на общепланетарный исторический проект имелось у Священной Римской империи германской нации, Британской и Испанской империй.

Строго говоря, единственный пример такого рода в истории — это коммунистическая Россия, которая была затем преобразована большевиками в СССР. Они и выдвинули на авансцену всемирной истории проект общепланетарного, даже космического масштаба (поскольку он был антропоцентричным). И у СССР сразу же появились глобальные внешнеполитические интересы. Необходимые ресурсы были мобилизованы тираническим путем. Была создана и достаточно привлекательная модель развития. Внешнеполитические интересы СССР носили глобальный характер вплоть до его распада.

Могут возразить: у США еще раньше появился свой глобальный исторический проект. Для подкрепления этого тезиса обычно ссылаются на уже приводимое выше заявление губернатора штата Массачусетс Джона Уинтропа, который в 1630 г. призвал соотечественников создать в США «город на холме», своего рода идеальную модель развития, «маяк для человечества». Однако такое пожелание можно отнести лишь к разряду национальных исторических мифов, который не имел никакого отношения к реальности, ведь в 1630 г. никаких Соединенных Штатов Америки, собственно говоря, не было. В то время шли ожесточенные войны индейцев с английскими и французскими колонистами. Лишь через полтора столетия, в 1775–1783 гг., в этом весьма и весьма аморфном государственном образовании, находящемся во внешнем управлении европейских держав, прошла война за независимость, а еще через сто лет, в 1861–1865 гг., — гражданская война. Лишь в 1865 г. в США было отменено рабство, что никак не могло делать их до этого «городом на холме». Что же касается геополитических притязаний Вашингтона, то они вышли за пределы Американского континента лишь в 1917 г., в самом конце Первой мировой войны, когда Вудро Вильсон объявил войну уже де-факто проигравшей Германии. Кстати, США уже в межвоенный период так и не вступили в общеевропейскую международную организацию того времени — Лигу Наций, поскольку конгресс не ратифицировал Версальский договор.

Будет правильным констатировать, что никакого глобального проекта у США не было вплоть до начала холодной войны, когда США вступили в военно-политическое, а что еще важнее — идеологическое противоборство с реальным носителем такого проекта — Советским Союзом. Советскому глобальному (коммунистическому) проекту они были вынуждены противопоставить альтернативный, западный глобальный (либеральный) проект. Тогда и только тогда у Вашингтона появились глобальные внешнеполитические интересы.

Таким образом, глобальные внешнеполитические интересы были во всемирной истории только у двух государств — СССР и США как двух

сверхдержав — носителей противоположных исторических проектов. В отличие от СССР на США, однако, это бремя свалилось неожиданно, волею истории. Кроме того, к середине XX в. США, имея 4% населения земного шара, потребляли (и потребляют сегодня) примерно 40% мировых ресурсов. Это обстоятельство, собственно, и вынудило их придать своим внешнеполитическим интересам глобальное измерение и, как следствие, построить авианосный флот, создать ядерное оружие, разместить базы и военные опорные пункты по всему миру и т.д. Глобализм США — это своего рода их модус вивенди в современном мире. США просто не являются самодостаточной страной. Лиши их внешних ресурсов — и американская экономика тут же рухнет. Впрочем, в этом случае рухнет и вся мировая экономика.

Вернемся к России. Выйдя из СССР без всякого давления извне, она отказалась от своего глобального исторического проекта. Тем самым она перестала быть глобальной державой. Россия объявила себя национальным государством. Но национальное государство по определению не может быть носителем глобального проекта. В силу этого полноценных глобальных внешнеполитических интересов у нее нет и быть не может.

Конечно, некоторые внешние признаки глобальности наших интересов, о которых говорилось выше, налицо. Но это лишь внешние признаки, которые к реальной политике имеют косвенное отношение.

Первый признак — наше постоянное членство в Совете Безопасности ООН, унаследованное нами от СССР. Но этот признак носит лишь формальный характер, поскольку всем очевидно, что стратегические решения глобального характера принимаются не в Нью-Йорке, в штаб-квартире ООН, а в Вашингтоне, в резиденции президента США.

Мы также унаследовали от СССР ядерный статус. Но это скорее всего фактор временный. Ядерный комплекс России стремительно деградирует, и если его не модернизировать, то через 20 лет он будет, вероятно, обесценен не только американской системой ПРО, но и высокоточными обычными вооружениями «пятого», а затем и «шестого поколения». Вообще нельзя рассчитывать на то, что весь XXI в. будет, как и вторая половина XX в., эпохой ядерного оружия. Мировая военная история показывает, что против любого меча в конечном счете создавался щит.

Спору нет, Россия принимает участие в решении некоторых глобальных проблем, таких как международная безопасность (урегулирование региональных конфликтов, контроль над вооружениями, нераспространение оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, транснациональный терроризм и т.д.), мировая энергетика, охрана окружающей среды и др. Однако ни в одной из этих сфер, за исключением, быть может, энергетики, голос России не является не только ре-

шающим, но и достаточно влиятельным. Привилегированное же положение России в области энергетической безопасности носит опять-таки временный характер, связанный с исключительно благоприятной мировой энергетической (а точнее, углеводородной) конъюнктурой. Типичность такого положения для России в начале 2008 г. в резкой и очень артикулированной форме признал В. Путин². Мировой экономический кризис, разразившийся осенью того же года и сопровождавшийся обвалом цен на энергоносители, лишь подтвердил эту оценку.

Имеет значение и геополитика. СССР, занимавший $\frac{1}{6}$ часть мировой территории, геополитически был просто обречен играть глобальную роль в мировой политике. Российская Федерация, потерявшая в сравнении с ним почти половину населения, не менее $\frac{2}{3}$ ВВП и значительную часть территории, не может претендовать на такой глобальный охват национальных интересов, как, например, США.

Конечно, геополитическое положение России уникально. Россия присутствует и в Европе, и в Азии, и на Севере, и на Юге. Естественно, что там есть наши интересы. В геостратегическом плане Россия занимает внутреннее пространство Центральной Евразии, являющейся своего рода «осевым» районом мировой политики. Такое положение России подкрепляется ее культурной традицией, соединившей три основные мировые конфессии — христианство, ислам и буддизм. На своем гигантском евразийском пространстве Россия граничит со всеми основными цивилизациями планеты: римско-католической на Западе, исламским миром на Юге и конфуцианской китайской цивилизацией на Востоке. Именно это положение России создает предпосылки для осуществления ею геополитической миссии евразийского стабилизатора. Именно это и подтверждает ее статус глобальной державы. Но такая миссия России в настоящий момент является лишь потенциальной. Реальные глобализационные экономические, финансовые и информационные потоки сегодня по-прежнему идут в обход России.

Вместе с тем важно иметь в виду, что в условиях глобализации стираются грани между региональными и глобальными проблемами. В связи с этим многие региональные интересы крупных стран приобретают глобальное измерение. Для России это прежде всего ее интересы на постсоветском пространстве и в зонах традиционного присутствия. Их значение для России не только не падает, а напротив, возрастает, поскольку здесь появляется множество новых как региональных, так и глобальных задач, не решив которые Россия рискует скатиться в изоляцию в мировом геополитическом, а главное — геоэкономическом пространстве и надолго (если не навсегда) потерять позиции не только глобальной, но и просто великой державы.

Основные внешнеполитические интересы России

Опираясь на опыт истории, можно утверждать, что национальные интересы — это совокупность общих для членов данной социокультурной общности интересов и потребностей, удовлетворение и защита которых является необходимым условием ее существования и идентичности в качестве субъекта истории. В национальных интересах выражается потребность национальной общности занимать то место в мировом сообществе, которое максимально соответствует ее (общности) культурно-историческим и духовным традициям, позволяет наиболее полно реализовать ее потенциальные ресурсы.

Окончание глобальной конфронтации двух сверхдержав, крушение биполярного мира, развитие процессов глобализации не привели, как полагали некоторые политики (в том числе и бывшего СССР), к «растворению» национальных интересов в «общечеловеческих». Напротив, традиционно узкое понимание национальных интересов, а в ряде случаев и просто национальный эгоизм, вновь вышли на первый план. В условиях дальнейшей демократизации мирового сообщества национальные интересы, вероятно, будут не просто отмирать, а все более расширяться, впитывая в себя новые характеристики мировой политики, наполняясь новым содержанием, учитывающим интересы других стран и мирового сообщества в целом.

Новые подходы к национальным интересам и национальной безопасности утверждаются при одновременном сохранении, а порой и доминировании старых. Наряду с утверждением видения национальной безопасности с позиций целостности и взаимозависимости современного мира, сохраняется, а в ряде случаев и преобладает подход к этой проблеме с позиций противопоставления «своего» и «чужого». Его невозможно просто отбросить, а надо изжить, рационализируя и гуманизируя его содержание, освобождая от идей подчинения интересов живых людей некой общей абстракции, приблизить к чаяниям и стремлениям отдельной личности.

Пока же благие стремления к слиянию национально-государственных общностей в едином человечестве, к их объединению в цивилизованную кооперацию всех наций и государств — не реальность. Ссылки на начавшуюся глобализацию и демократизацию мирового сообщества и перспективу мирового порядка, в котором не будет статуса великих держав, не могут служить доводом и основанием для пренебрежения национальными интересами и национальной безопасностью. Во-первых, само слияние человечества в едином сообществе вряд ли будет выглядеть идиллическим, свободным от межнациональных и межгосудар-

ственных конфликтов. Во-вторых, дорога к этой цели долгая и трудная. На ней непременно проиграет тот, кто опрометчиво забывает о национальных интересах. Они в наше время играют не меньшую роль, чем в XIX или XX вв., и будут сохранять свое значение в мировой политике очень долго.

Если в мире сформируется международное гражданское общество, то в этот момент и возникнут условия для утверждения нового демократического международного порядка, обеспечивающего демократические принципы взаимоотношений всех элементов и частей мирового сообщества. Только тогда национальный интерес действительно сможет быть поднят до уровня планетарного, общечеловеческого. Однако до этого еще далеко. Пока же национальный интерес остается базовой категорией политики всех без исключения государств мира, и пренебрегать им было бы не просто ошибочно, но и крайне опасно. Именно поэтому США все время твердят о своих национальных интересах и об их защите. И не только твердят, но и действуют соответственно. Не худо бы и России следовать этому примеру.

После рокового 1991 г. формирование новой внешнеполитической стратегии происходило весьма болезненно. Новая Россия, возникшая на обломках СССР, долго, во всяком случае в течение не менее пяти лет (1991–1995), не могла четко определиться со своими ролью и местом в мировой политике, что негативным образом сказывалось на ее способности влиять на ход международных событий. Курс, при котором в условиях крайней внутренней слабости России национальная специфика внешнеполитического интереса оставалась размытой и подчиненной абстрактной задаче «международной солидарности демократических государств», не позволял ни начать серьезный разговор с потенциальными партнерами, ни проводить взвешенную линию по отношению к возможным противникам. Российские международные контрагенты в эти годы, по существу, не шли дальше принятия политических деклараций о партнерстве, что никак не говорило об отношении к России как к серьезному партнеру, а скорее свидетельствовало о настороженном к ней отношении со стороны внешнего мира. Правда, из Москвы настойчиво звучали призывы к партнерству с промышленно развитыми или так называемыми цивилизованными странами, однако у нее не было четких представлений ни о целях, ни об оптимальных его формах.

В 1991–1995 гг. внешняя политика России носила пассивный реактивный (в смысле ответный) характер. Однако эти пять лет не пропали даром. Набив тогда много шишек, новая Россия значительно продвинулась в осознании национальных интересов, а следовательно, и приоритетов внешней политики. А это в свою очередь позволило говорить о

потенциальных друзьях, союзниках, партнерах и, естественно, оппонентах. Это оказалось плодотворным не только для России, политика которой из пассивной и зависимой постепенно стала превращаться в более активную и самостоятельную (правда, пока по-прежнему во многом реактивную), но и для всего мира, поскольку эта политика стала в целом более предсказуемой.

Во всяком случае, похоже, что сегодня российская дипломатия оставила нелепые претензии на возможность полного совпадения интересов России и всех развитых членов мирового сообщества и наконец начала стремиться к тому, чтобы четко заявлять о наличии у нее специфических национальных интересов в сфере международной политики. Как показала практика, «стыдливое умолчание» этих интересов и реактивное следование за Западом беспокоило и сам Запад, представители которого воспринимали это как пугающий признак новой, теперь уже посткоммунистической непредсказуемости.

В 1998 г. стратегия внешней политики России была сформулирована Председателем Правительства РФ Е. М. Примаковым следующим образом: «защита в широком плане, широким фронтом государственно-национальных интересов России с помощью диверсификации и активизации внешней политики и при одновременном стремлении не скатиться к конфронтации».

При этом перед МИДом РФ были поставлены конкретные задачи: 1) сохранение территориальной целостности; 2) плановое вхождение в мировое хозяйство в качестве равноправного участника; 3) противодействие негативному влиянию извне на СНГ; 4) способствование реструктуризации промышленности главным образом через экспорт вооружений; 5) продвижение российского капитала за рубеж³. Эти идеи получили затем развитие в Концепции внешней политики РФ, утвержденной В. Путиным 28 июня 2000 г.

Поворот, произошедший во внешней политике в конце XX в., имел крайне важное значение как для самой России, так и для всего мира. Взаимоотношения России с другими странами в целом, как представляется, стали более стабильными и сбалансированными. Подтвердилась старая истина: только глубоко осознанные и четко сформулированные национальные интересы могут быть прочным строительным материалом для сотрудничества, для жизнеспособной и юридически оформленной системы партнерских связей. Не вступая в конфронтацию ни с одним государством или союзом государств, Россия начала гораздо спокойнее и вместе с тем тверже отстаивать на мировой арене свои национальные интересы. При этом она стала стремиться к тому, чтобы ее национальная безопасность была состыкована с системами региональ-

ной и международной безопасности в формирующемся новом мировом порядке (см. Приложение 7). Однако серьезных успехов в реализации Концепции 2000 года достичь, как уже говорилось выше, не удалось.

К сожалению и Концепция 2008 года содержит немало нереалистичных положений. В новой Концепции содержатся три ключевых тезиса: упор на всемерное укрепление международного права как основы межгосударственных отношений и формирования системы международной безопасности, ставка на ООН и ее Совет Безопасности как на безальтернативную международную организацию, наделенную уникальной легитимностью, и задача снижения фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности. Конечно, все эти задачи благородны и пронизаны высоким морально-нравственным пафосом, что само по себе следует приветствовать. Другой вопрос, как они соотносятся с современными реалиями мировой политики.

История международных отношений, например, свидетельствует, что международное право — это не столько свод неких абстрактных, пусть и благородных, принципов поведения во внешней политике, сколько фиксация имеющегося на данный момент соотношения сил на мировой арене.

Например, Вестфальский мир 1648 г., заключенный после Тридцатилетней войны, констатировал разгром Священной Римской империи германской нации и папства — двух главных субъектов мировой политики, определявших ее до этого времени. По условиям этого мира Франция обеспечила себе доминирующие позиции в Европе на 150 лет, отодвинув на второстепенную роль Испанскую монархию. После поражения наполеоновской Франции в 1812 г. лидирующие позиции на несколько десятков лет заняла Российская империя, что было закреплено в документах Венского конгресса и в международной конфигурации Священного союза. После поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. новое соотношение сил было зафиксировано в документах Парижского конгресса, по условиям которого Россия потеряла позиции лидера. Франкфуртский мир 1871 г. констатировал ослабление Франции и серьезное усиление Германии, объединенной «железным канцлером» О. Бисмарком. Версальский мир 1919 г. означал закрепление в международном праве, в том числе и в Лиге Наций, нового соотношения сил: Германия как побежденная страна была вынуждена согласиться на унижительное для себя положение в мировой системе, Оттоманская империя была ликвидирована, и на первые позиции вышли Великобритания, Франция и США. После Второй мировой войны в лигу «сверхдержав» вышли лишь две страны — СССР и США, что и было

закреплено в документах послевоенного урегулирования, включая документы ООН (при формальном равенстве всех пяти постоянных членов Совбеза — СССР, США, КНР, Великобритании и Франции).

Вполне очевидно, что после распада СССР в 1991 г. в мире сложилось новое соотношение сил, которое уже не отражало основных положений ялтинско-потсдамской системы международных отношений. В этих условиях подписанные в 1945 г. документы уже не могут быть единственным источником международного права, и настаивать на этом бессмысленно и контрпродуктивно. Можно, конечно, осуждать односторонние действия США, в частности в Югославии и Ираке, однако нельзя не видеть, что они лишь свидетельствуют о разрушении того международного права, которое фиксировало соотношение сил, сложившееся более 60 лет назад. Апелляция же к этому международному праву (а в новой Концепции внешней политики РФ это делается 22 раза) есть уже признак не силы, а слабости.

Столь же бессмысленно в современных условиях педалировать исключительную роль Организации Объединенных Наций (это делается в Концепции 23 раза) в построении новой системы международной безопасности. Эффективность и авторитет этого механизма год от года падает по вполне объективным причинам; анахронизм его процедур, включая процедуры принятия решений в Совете Безопасности, становится все более очевиден. Попытки же реформировать эту организацию на данном этапе полностью провалились.

Наконец, нельзя признать политически перспективным и призыв к снижению фактора силы в международных отношениях: напротив, в них налицо тенденция к возрастанию этого фактора, в том числе и фактора военной силы, как бы нам ни хотелось обратного.

Таким образом, следует констатировать, что все три основополагающих тезиса новой Концепции, утвержденной третьим Президентом России, — апелляция к укреплению норм международного права, авторитета ООН и к снижению фактора силы в мировой политике, — к сожалению, плохо реализуемы в современных условиях и, следовательно, не могут служить сколько-нибудь убедительным признаком роста внешнеполитического потенциала России. В отсутствие реальной силы, в том числе и военной, подобная внешняя политика неизбежно сводится к бесконечной подаче жалоб, и ни к чему более. Сами же по себе благородные призывы к «гуманизации международных отношений», не подкрепленные «мягкой» и «жесткой» силой, не способны стать реалистичной основой роста международного влияния кого бы то ни было в современном прагматичном и даже во многом циничном и жестоком мире.

И это убедительно подтвердили события на Кавказе лета 2008 г. Вторгнувшись на территорию Южной Осетии, Грузия при полном попустительстве (а точнее, покровительстве) США просто наплевала на международное право. Совет Безопасности ООН, отказавшийся осудить агрессию, в который раз показал себя беспомощным и малополезным органом. Россия, до последнего момента пытавшаяся предотвратить войну, была обязана принять адекватные меры для защиты своих миротворцев и народа Южной Осетии от грузинских агрессоров, что она и сделала. Таким образом, военная сила вновь оказалась верховным арбитром мировой политики. Применив ее, Д. Медведев в известной мере пересмотрел утвержденную им 12 июля 2008 г. (т.е. за три недели до начала конфликта) новую Концепцию внешней политики Российской Федерации, которая не выдержала столкновения с реальностью.

Из этого следует, что задачи, поставленные в официальных документах по национальной безопасности и внешней политике Российской Федерации, должны быть сегодня переосмыслены усилиями всего политического класса России, включая ее экспертное сообщество.

Союзники, партнеры, оппоненты

Прежде всего хотелось бы сформулировать следующий, на первый взгляд, необычный для российской и зарубежной науки о международных отношениях тезис: в условиях постконфронтационного мира складывается новая конфигурация международных субъектов — если в годы холодной войны такими субъектами были союзники и противники, то сейчас ими становятся партнеры и оппоненты. Категории «союзник» и «противник» уходят в прошлое и могут вновь появиться лишь в условиях потенциальных войн и военных конфликтов. В этом смысле такой военный союз, как НАТО, стал, несомненно, политическим анахронизмом, унаследованным от прошлой эпохи. То же самое касается и военного союза между США и Японией или, например, союзного государства России и Белоруссии.

В нынешних, стремительно меняющихся условиях международной среды США, например, предпочитают формировать кратковременные коалиции и союзы в режиме *ad hoc* для решения вполне конкретных задач. Таковой стала антитеррористическая коалиция 2001 г., которая была нацелена на разгром талибов в Афганистане. Когда эта задача оказалась, как полагали американцы, решена, коалиция рассыпалась. Россия участвовала в ней как союзник США, Великобритании и других стран, поскольку ее национальные интересы на тот период совпали с интересами этих стран. В 2003 г. сложилась иная ситуация, и Россия уже не стала воевать в Ираке на стороне американцев и их союзников. Как представляется, России от-

ныне надо следовать примеру США, создавая временные союзы для решения конкретных задач. В этих условиях искать постоянных («вечных») союзников в современном мире, на наш взгляд, бессмысленно. Важно никогда не забывать классическую максиму внешней политики, сформулированную лордом Пальмерстоном: «У нас нет постоянных друзей и постоянных врагов. У нас есть постоянные интересы».

События на Кавказе летом 2008 г. убедительно показали, что постоянных союзников у России быть не может: даже Украина выступила в грузино-российском конфликте отнюдь не на нашей стороне. А Турция и Франция, например, по большому счету нас поддержали, хотя и являются членами НАТО. Гораздо продуктивнее поэтому сосредоточиться на партнерах и оппонентах, хотя и они, как показывает мировая практика, могут меняться местами в зависимости от конкретной ситуации.

У России, как у любой великой державы, имеющей свои как региональные, так и глобальные национальные интересы, объективно не может не быть партнеров и оппонентов, а также временных союзников.

Задача активного участия Российской Федерации в создании качественно новой системы международных отношений обуславливает необходимость гармонизации интересов Российской Федерации с другими странами и путей их согласования. При этом внешняя политика, как и внутренняя — и это стоит еще раз подчеркнуть, — должна основываться на максимально возможном общественном согласии. Между группами интересов могут существовать и существуют остреешие противоречия, но именно здесь должен быть хотя бы минимум базовых пониманий, о которых не спорят. К таким пониманиям относятся, например, необходимость налаживания конструктивного взаимодействия с партнерами, поиск общих интересов с оппонентами и создание временных союзов и коалиций для решения конкретных внешнеполитических задач. Причем в зависимости от решения таких задач союзники и партнеры могут превращаться в оппонентов, а оппоненты — в партнеров и союзников. Таковы «правила игры» в XXI в.

В 1991–1995 гг. у многих российских международныхников сложилось впечатление, что Россия, не приобретя новых друзей, растеряла всех союзников СССР. Более того, в этот период страна утратила понимание того, должны ли быть у нее союзники в принципе. Во всяком случае, американское понимание «партнерства» с США, при котором Россия является лишь послушным «младшим партнером», не оставляло за Россией права иметь союзников, равно как и самостоятельную внешнюю политику вообще.

К счастью, эти времена закончились. В настоящий момент в стране созрело понимание, что Россия может и должна иметь партнеров и со-

юзников, более того, их поиск — жизненно важная для нас проблема. Позволительно, однако, спросить: реалистично ли ее решение? Для этого следует честно ответить на другой вопрос: а были ли у СССР реальные союзники?

Ответ будет, к сожалению, отрицательным. Например, страны Центральной и Восточной Европы, входившие в Организацию Варшавского Договора, вопреки избитому политическому клише, никогда нашими подлинными союзниками не были. Пора сознаться хотя бы самим себе: эти страны были не чем иным, как стратегическим предпольем СССР в условиях доядерного мира. В век ракетно-ядерного оружия этот «союз по принуждению» потерял всякий смысл — жаль, что осознали это не сразу. Он держался лишь на конфронтации и потому был обречен. Сняли конфронтацию — и «союз» рассыпался в одночасье, лопнул как мыльный пузырь. Опыт наших отношений с этими «союзниками» показал, что построить настоящий союз с зависимыми странами, которые столетиями в целях национального выживания переходили из рук в руки (впрочем, это и не их вина — таков удел почти всех малых стран), невозможно.

В той же мере и страны Балтии никогда союзниками России не были. В 1939 г. они оказались жертвой предвоенного исторического компромисса между великими державами. Таковы были жесткие «правила игры» середины XX в., не Россией придуманные. Удержать эти страны в составе Большой России к началу 1990-х годов было невозможно. И сожалеть об этих «геополитических потерях» тоже не стоит, если Россия и впрямь встала на путь демократического развития. В условиях нарастающей экономической взаимозависимости и «прозрачности» государственных границ, позволяющих, по существу, беспрепятственно строить хозяйственные и производственные связи на строго взаимной основе, а также почти полного исчезновения возможности глобального военного конфликта, когда геополитическое пространство уже не играет прежней роли — ни в плане укрепления военной безопасности, ни в плане национального развития, следовало бы лишь радоваться тому, что Россия сбросила с себя непосильное бремя, перестав быть донором целых регионов. Отношения с прежними «союзниками» отныне должны выстраиваться исключительно на равноправной основе, в соответствии с законами мирового рынка.

Центральноевропейский регион — это прежде всего Польша, Словакия, Чехия и Венгрия — сохраняет свое значение для Российской Федерации как исторически сложившаяся сфера интересов с разветвленной системой экономических связей, нарушение которых наносит ущерб всем вовлеченным в них странам. Восстановление взаимного доверия с этими странами не только помогло бы развитию этих связей, но

и внесло бы вклад в развитие общеевропейского сотрудничества, в том числе и в политическом плане. Вступление государств региона в НАТО не должно вести к ограничению их отношений с Россией.

Страны Балтии в силу своего геополитического положения и длительных тесных связей с Россией объективно должны быть заинтересованы во взаимодействии с Россией, по крайней мере в хозяйственной и культурной областях. Однако в силу определенных психологических причин, ставших политическим фактором, формирование такого взаимодействия осложнено. Долгосрочный интерес России в отношениях с этими странами состоит в налаживании нормального конструктивного диалога и снятии взаимных озабоченностей, имеющих исторические корни. Россия заинтересована, чтобы ее ближайшие соседи чувствовали себя в безопасности и не рассматривали ее как источник военной угрозы.

Для интеграции в мировой рынок, причем в качестве великой державы, а не «бедного родственника», России нужны надежные партнеры, мощные, сильные, предсказуемые, способные в случае необходимости оказать ей реальную поддержку.

Очевидно, что твердая на них опора выглядела бы внушительно в глазах мирового сообщества, помогла бы и нашим отношениям с основными центрами силы, с которыми мы будем одновременно и партнерами, и соперниками, поскольку заставила бы их больше считаться с Россией. Такую опору можно обеспечить за счет активизации политики России в различных регионах мира. Здесь ни в коем случае нельзя пренебрегать сравнительно небольшими государствами, ибо и они в некоторых ситуациях способны обеспечить необходимую «критическую массу» для решения вопросов мировой политики в пользу России.

Будучи в геополитическом отношении евразийской державой, Россия «обречена» взаимодействовать со всеми крупными геополитическими субъектами, которые ее окружают — Европейским союзом, США, КНР, Индией, Ираном, с арабскими странами, Турцией и т.д. Однако следует в полной мере отдавать себе отчет в том, что ни с одним из существующих или формирующихся основных центров силы, таких как США, Китай, Евросоюз и Япония, у России никогда не будет прочного и постоянного стратегического союза. Это подтверждает и история: все внешнеполитические, военные и экономические союзы, выстраивавшиеся когда-либо Россией с этими странами, рассыпались гораздо быстрее, чем успевали окончательно сойти со сцены поколения политиков, заключавших их. Эти страны объективно являются геополитическими, экономическими и военными оппонентами и по отношению к России, и по отношению друг к другу. Вследствие этого наилучшей политикой для нас является поддержание динамичного равновесия между ними, в условиях кото-

рого при взаимном сдерживании этих центров силы Россия получает возможность для достаточно большого и вместе с тем необременительного в экономическом отношении внешнеполитического маневра.

Хотя вышеупомянутые страны не могут быть постоянными стратегическими союзниками России, они способны стать ее важнейшими партнерами прежде всего в решении вопросов обеспечения международной безопасности. Без их помощи трудно рассчитывать на успех в осуществлении национальной модернизации, создании современной рыночной экономики, не говоря уже об интеграции в мировое пространство демократических государств.

Отсюда **вывод:** в отношениях с этими странами необходимо четко разграничить сферы жизненно важных интересов, договориться о взаимном невмешательстве в эти сферы, а также определить реальные сферы взаимодействия по стратегическим вопросам, представляющим долгосрочный взаимный интерес, и сосредоточиться именно на них. При этом следует иметь в виду, что каждый из центров силы будет жизненно заинтересован в широком взаимодействии с Россией в целях сдерживания других центров и недопущения возникновения новых сверхдержав — будь то в военно-политическом или экономическом измерении. Оптимальной стратегией в ближайшие годы могла бы стать стратегия «равноприближенности» (в противовес «равноудаленности»), т.е. взвешенный курс в отношении всех основных международных центров силы, исключающий конфронтацию или одностороннюю зависимость от какого-либо из них⁴.

Достигнутое к настоящему времени практическое наполнение сотрудничества России с США, Германией, даже Китаем, не говоря уже о Японии, еще далеко от настоящего партнерства, предполагающего высокую доверительность, а в некоторых случаях и взаимопомощь, позволяющие координировать, согласовывать и вырабатывать общую политику в отношении третьих стран. Помимо общих интересов равноправное партнерство подразумевает механизм консультаций при принятии решений, а также органы постоянного взаимодействия на рабочем уровне. В этой связи России необходимо создавать серьезную инфраструктуру взаимодействия с вышеперечисленными странами. Имеется в виду система разного рода согласительных комиссий и подкомиссий, комитетов, регулярных рабочих встреч на всех уровнях, которая, как показывает практика, выступает мощным регулятором партнерства внутри постиндустриального мира и одновременно амортизирующим механизмом, служащим гарантией его прочности и даже необратимости. Создание именно такого механизма стоит сегодня в повестке дня отношений России с этими странами. Эта задача требует длительной и кропотливой работы, результаты которой никогда не бу-

дут внешне выглядеть слишком эффектно, как, например, выглядели соглашения в области ограничения гонки вооружений и разоружения.

В 2000–2008 гг. на первом месте в международных приоритетах России стояли ее интересы в СНГ, на втором — в Европе, а также на Дальнем (КНР, Индия) и Ближнем Востоке, на третьем — в США⁵. Такая иерархия приоритетов, однако, показала свою несостоятельность. И надо это честно признать. Выше уже говорилось о провале интеграционных проектов на постсоветском пространстве. На деле отношения с Евросоюзом и США оказались для нас значительно важнее отношений с новыми независимыми государствами в рамках СНГ, не говоря уже об отношениях со странами Дальнего и Ближнего Востока. Если переход к инновационному развитию, что постоянно подчеркивает третий Президент РФ, — это не простая риторика, а взвешенная и просчитанная политика, то на первом месте в нашей внешней политике должны стоять отношения с теми странами, которые уже давно и успешно идут по этому пути. К таковым ни страны СНГ, ни тем более страны Дальнего и Ближнего Востока как раз не относятся.

В связи с этим в вопросах внешней политики следует ориентироваться прежде всего на те страны, которые способны помочь нам осуществить модернизацию (это те государства, которые уже перешли на инновационный тип развития и построили постиндустриальное общество), а также на страны, находящиеся в едином с Россией культурном и ценностном поле (это в первую очередь страны Европы и США, составляющие колыбель и основу христианской цивилизации). Важно настаивать на европейской идентичности России. Россия является неотъемлемой частью Большой Европы (в которую входят и США), и потому европейский вектор движения страны является наиглавнейшим.

Такая линия, конечно, не исключает элементов здорового консерватизма в вопросах внешней политики, будь то американское или европейское направление, и жесткого отстаивания российских национальных интересов — как геоэкономических, так и геополитических — в нашем диалоге с Западом.

Однако если с Америкой мы интегрироваться не можем (даже по чисто географическим причинам), то с Европой — можем и должны. И другого пути у нас нет. Тем более что и по культуре, и по основополагающим ценностям мы — одна цивилизация. Нашим главным вектором не может быть, например, Китай или мировой ислам. Мы просто другая цивилизация, входящая в семью европейских народов, чего не отрицал и не отрицает ни один из серьезных историков, философов или культурологов. Исходя из этого главными экономическими и политическими партнерами России остаются сегодня страны Европы. В этой связи Рос-

сия должна продолжать активное взаимодействие с ЕС, Советом Европы, участвовать в других европейских структурах. Следует переосмыслить и такую внешнеполитическую установку, на которой настаивают некоторые наши эксперты, как «особый путь развития», отличный от развития Большой Европы. Путь развития у нас один, если мы сами претендуем на то, чтобы быть частью Большой Европы. Недопустим отрыв России от Европы, в том числе и в свете усиления «внеевропейских рисков».

Объективной основой для развития отношений Российской Федерации с Соединенными Штатами Америки является заинтересованность в формировании стабильной и безопасной системы международных отношений. Поддержание партнерских, равноправных отношений с США остается одним из важных направлений российской внешней политики. Развитие такого партнерства должно определяться, разумеется, российскими интересами, которые в ряде случаев могут не совпадать с интересами США. Возникающие разногласия должны урегулироваться неконфронтационным путем.

Россия в формирующемся новом мировом порядке

России, которая стремительно формирует свою национальную идентичность XXI в., не пристало, будучи великой державой, суетиться и впадать в панику по поводу естественных процессов, происходящих в Европе и на Западе в целом, тем более по поводу заведомо обреченных на провал мессианских притязаний единственной пока оставшейся в мире сверхдержавы. Используя в целом благоприятную международную ситуацию для решения своих внутренних проблем, экономя свои силы, занимая в ряде случаев выжидательную позицию, российские политики должны на данном этапе следовать словам Отто фон Бисмарка: «Политик ничего не может сделать сам. Он должен только ждать и вслушиваться — до тех пор, пока сквозь шум событий не услышит шаги Бога, чтобы затем, бросившись вперед, ухватиться за край его мантии»⁶. Вместе с тем Россия должна спокойно и твердо заявлять и отстаивать национальные интересы, участвуя по возможности в европейских и международных делах.

В противовес мнению некоторых российских политологов хотелось бы заметить, что ялтинско-потсдамский порядок был разрушен не в 1997-м, а в 1990–1991 гг., и не в Париже, а в Варшаве и Минске. Уже после распада Варшавского договора стало ясно, что грядет геополитическая перегруппировка сил, причем именно в глобальном, а не только в региональном (европейском) масштабе. Жалеть о разрушении этого порядка, возможно, и не стоит, ведь именно он при сложившейся тогда

биполярной системе международных отношений привел к перенапряжению и последующему распаду СССР. Однако это событие имеет непосредственное отношение к самоидентификации России в современном мире, к определению ее места и роли в формирующемся новом мировом порядке.

Важно отметить, что для граждан России этот вопрос далеко не безразличен. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в ходе общероссийского опроса задал респондентам вопрос: «Какой, на Ваш взгляд, может быть основная цель российской внешней политики на ближайшие 10–15 лет?» Итог: 31% опрошенных полагает, что Россия должна вернуть себе статус сверхдержавы; 23% — что важно войти в первую пятерку наиболее развитых стран мира; 16% граждан РФ считают, что страна должна отказаться от внешнеполитических амбиций и сосредоточиться на решении внутренних проблем; 12% — что необходимо войти в число экономически развитых стран мира, таких как Бразилия, Южная Корея, Тайвань и др.; 6% граждан полагают, что главная цель на ближайшее время — стать лидером в рамках СНГ; 5% опрошенных считают самым актуальным для России — стать лидером широкого блока государств, противостоящих глобальным претензиям США. Затруднились с ответом 7% опрошенных⁷.

Встречаясь в сентябре 2006 г. с группой западных политологов из дискуссионного клуба «Валдай» и отвечая на один из их вопросов, В. Путин заявил: «Я бы предпочел уйти от терминологии прошлых лет: “сверхдержава” — это то, чем мы пользовались во времена холодной войны. Зачем — “державность”, “сверхдержавность”?..».

Это заявление дало повод некоторым отечественным и западным СМИ поднимать тему отказа России от сверхдержавных амбиций. Многие политологи, типа С. Белковского, стали говорить о том, что правящая элита не думает о величии России или восстановлении страны. На одном из этапов обсуждения в словах Президента появилось уточнение — якобы В. Путин имел в виду ядерный потенциал. «На встрече прозвучал очень важный тезис, с которым я абсолютно согласен, что России нужно отказаться от звания “ядерная супердержава”», — заявил директор российских и евразийских программ Института мировой безопасности (Вашингтон) Н. Злобин, также присутствовавший на встрече. На самом деле, как стало ясно из текста позднее опубликованной стенограммы валдайской встречи, В. Путин говорил совсем об ином — о больших возможностях России в области энергетики, даже не упоминая термина «ядерная сверхдержава». Но и в «энергетическом контексте» Президент отмежевался от термина «сверхдержава»:

«Я, если вы обратили внимание, никогда не говорил о том, что Россия — какая-то энергетическая сверхдержава. Но у нас больше возможностей, чем почти у всех других стран мира. Это очевидный факт»⁸.

В этом вопросе следует разобраться. Стоит ли России претендовать на статус великой державы? Или же стремиться восстановить статус сверхдержавы, каким обладал бывший Советский Союз, чтобы вновь бросить вызов США (ведь понятие «сверхдержава» прочно ассоциируется во всем мире исключительно с этими двумя странами)?

Следует заметить, что, как бы мы ни относились к СССР, в сознании подавляющего большинства граждан России (да и всех постсоветских государств) с его распадом связано чувство утраты. Утраты великого и сильного государства. А так называемый День национальной независимости — 12 июня — не стал, конечно, радостным народным праздником, ибо народу до сих пор непонятно, независимость от чего и кого отстаивала тогдашняя РСФСР и почему нужно праздновать день, когда «Россия вышла из России».

И сегодня любому российскому политику следует считаться с тем, что в сознании русского народа глубоко укоренен идеал сильного государства, с которым ассоциировался СССР, но никак не нынешняя Российская Федерация, лишенная в результате распада Союза столь многих преимуществ — второй (по объему ВВП, но, конечно, не по эффективности) экономики мира, огромной военной мощи, политического веса и мирового влияния, половины населения, да к тому же и исконных исторических земель.

Конечно, и желание возродить СССР в прежнем виде в нашем обществе невелико. Как показывают итоги массовых опросов, большинство российских граждан не согласилось бы с возвратом России статуса сверхдержавы, если бы он сопровождался ухудшением и без того бедственного положения людей. Наблюдающееся в последнее десятилетие уменьшение сторонников объединения России со всеми государствами СНГ связано именно с этим. Тем не менее ощущать свою страну державой, которую в мире уважают и с которой везде считаются, хотело бы большинство нашего народа и политической элиты. Этим в свою очередь объясняется заметный и повсеместный рост «державных» настроений в обществе, его интерес к дискуссиям политологов и экспертов о «суверенной демократии», «энергетической сверхдержаве» и т.д.

Но является ли Россия сегодня великой державой? Это положение и на Западе, и в самой России постоянно ставится под сомнение. Ссылаются, как правило, на экономические показатели, касающиеся ее доли в мировом доходе и мировой торговле, структуры внешнеэкономических связей, ВВП на душу населения, структуры экономики России и пр.

Конечно, экономическое и военно-политическое положение Российской Федерации в современном мире просто несопоставимо с положением СССР. До 1989 г. Советский Союз был второй экономикой мира. Его ВВП составлял не менее 60% ВВП США (а объем промышленного производства — 80%) и в четыре раза (!) превосходил ВВП КНР. В 2008 г., несмотря на пресловутый экономический рост в среднем на 7% в год, после дефолта в 1998 г. ВВП РФ по номинальному потенциалу составил 6% ВВП США (по паритету покупательной способности — 10%) и 18% ВВП КНР (по ППС — 24%).

К этому следует добавить, что, по мнению ряда отечественных экономистов, экономический рост Российской Федерации в 1999–2008 гг. был большей частью восстановительным, а во многом определялся ростом мировых цен на энергоносители, не ведущим к увеличению их производства в тоннах (нефть) и кубометрах (газ), но увеличивающим их стоимость, что соответственно увеличивает показатель номинального ВВП. Таким образом, наш хваленый экономический рост, не будучи ростом качественным, в значительной степени представляет собой самообман. Конечно, доля России в мировой энергетике весьма значительна: 10,3%. Однако наша доля в инновационной экономике мира, в которую мы хотим интегрироваться, катастрофически ничтожна — 0,3% (!).

По данным ЦРУ, в 2008 г. ВВП РФ достиг лишь 77% ВВП РСФСР и 47% ВВП СССР в 1989 г., а на душу населения — соответственно, 94,4 и 80%. При сохранении темпов роста российской экономики в 6–7% только через пять лет ВВП РФ превзошел бы уровень ВВП РСФСР в 1989 г.⁹ Мировой кризис опрокинул и эти планы и расчеты.

Данные же МВФ, приводимые известным российским экономистом В. Кудровым, показывают и другую весьма неблагоприятную для России реальность — значительное снижение ее доли в мировом ВВП: по сравнению с 1950 г. — на 56,2% и по сравнению с 1990 г. — на 44,8%¹⁰.

Если в 1985 г. внешний долг СССР составлял всего 20 млрд долл. (4,6 % ВВП), то летом 2008 г. внешний долг России составлял 460 млрд долл. (36% ВВП), а зимой 2009 г. — более 1500 млрд долл. (100% ВВП). По критическому уровню некоторых жизненно важных показателей Россия также по-прежнему находится в весьма плачевном положении: по продовольственной безопасности она зависит от импортной продукции на 50% (критический уровень — 30%), при этом Москва и Санкт-Петербург зависят от импортного продовольствия на 90%, а другие крупные города России — на 70%; потребление чистого алкоголя составляет в России 16 литров в год на каждого человека (критический уровень — 8 литров); разрыв уровня жизни в различных регионах в России достигает 25 раз (критический уровень — 5).

На этом основании многие западные политологи призывают свои правительства особо «не церемониться с Россией» и проводить политику, не считаясь с ее национальными интересами. Как однажды сказал З. Бжезинский, «стране с экономикой, сопоставимой с голландской, не пристало думать о геополитике».

На наш взгляд, подобные заявления крайне недальновидны и не соответствуют складывающимся реалиям мировой политики. Ведь не случайно же сам Запад, признавая политический вес и потенциальную экономическую мощь России, включил именно ее (не Бразилию, не Индонезию и даже не Индию и Китай) в «Группу восьми», т.е. в восьмерку ведущих стран мира. Правда, в данном случае сыграли свою роль и другие факторы: понимание западными лидерами того, что без участия России невозможно решить многие проблемы глобальной безопасности и развития, а также их стремление вовлечь Россию в сообщество демократических государств.

По своей политической значимости, интеллектуальной силе и влиянию на ход дел в мире, в том числе в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН и по вытекающей из этого статуса ответственности, Россия остается одной из великих держав. Помимо этого, а также геополитического и геостратегического положения, делающего Россию «осевым районом мира», и наличия ядерных вооружений (а в этой сфере Россия и в самом деле является второй «сверхдержавой» мира), к основным признакам, позволяющим в современных условиях считать Россию великой державой, относятся ее возможности и перспективы в области ресурсного обеспечения, достаточно продуктивного и интеллектуального населения, сохраняющегося донныне высокого научно-технического потенциала и ряд других. Эти же факторы, т.е. масштабы страны, ее технологический потенциал и человеческий капитал, наличие практически всех видов сырья и ресурсов, объективно (но сейчас пока лишь потенциально) делают Россию одним из важнейших мировых центров. Немаловажное значение для позиционирования России в современном мире имеет ее солидный исторический капитал, если, конечно, она считает себя наследницей тысячелетней России, а не новым, неведомо откуда взявшимся в 1991 г. государством.

Конечно, все эти позиции обеспечиваются не автоматически. Они могут быть утеряны страной в ближайшие годы, если она не преодолеет ущербную сырьевую ориентацию экономики и не перейдет к инновационному типу развития. Напротив, возможности России обеспечивать высокое качество жизни граждан и оказывать влияние на ход событий в мире будут расширяться при условии успешного решения этих задач,

поставленных политическим руководством России, в том числе и третьим Президентом РФ Д. Медведевым.

Все сказанное позволяет характеризовать Россию сегодня как великую державу, временно переживающую крупномасштабные экономические трудности, вызванные изменениями экономической, геополитической и геоэкономической ситуации, а также переходом к новому типу общественного развития. Сохранение и рациональное использование имеющихся внутренних резервов обеспечит потенциальную возможность для скорейшего оздоровления экономики и перехода на модель инновационного (постиндустриального) развития. Позитивные в целом перемены в мире предоставляют благоприятные возможности для решения этой задачи.

Если же предположить почти невозможное сегодня, а именно — вокруг России сложится экономическое сообщество наиболее крупных новых независимых государств, то откроется возможность восстановления экономического потенциала того класса, каким обладал СССР. В любом случае, даже если это произойдет не скоро или не произойдет вообще, ситуацию не стоит чрезмерно драматизировать. Потеря статуса «сверхдержавы» отнюдь не лишает страну возможностей социального прогресса и процветания, более того, может стимулировать рост этих возможностей.

Крушение СССР, как подчеркивал В. Путин, несомненно, «крупнейшая геополитическая катастрофа XX века». Кроме того, это и национальная катастрофа. Но катастрофы, добавим к этому, бывают трех типов. Во-первых, катастрофы исчерпания, при которых потенциал цивилизационного сообщества выработан и в связи с этим возникает цивилизационный фатум — смерть цивилизации. Во-вторых, катастрофы сдвига, при которых механизмы влияния общества на элиту и механизмы выдвижения обществом своего управляющего меньшинства становятся неэффективными. И, в-третьих, катастрофы инверсии, или инверсионные катастрофы, когда происходит перерождение управляющих систем при сохранении национальной идентичности. Катастрофа крушения СССР — это катастрофа сдвига и в какой-то степени — инверсии. Но никак не катастрофа исчерпания. А потому это устранимая катастрофа.

Сегодня у России есть все средства обеспечить не только выживание Отечества, национальную безопасность, развитие общества, но и достоинство личности, ее основополагающие права и свободы, благополучие человека и его семьи. Ибо одно дело — борьба за мировое господство, которая велась между СССР и США и требовала неимо-

верных расходов, а другое дело — обеспечение собственной национальной безопасности и развития, что требует от России гораздо меньших затрат и сил, но от чего зависит само ее физическое существование. Идея же мировой экспансии в геополитическом и территориальном аспектах исчерпана русским народом до дна. Кстати говоря, идея непосильной ноши нашла отражение в образе богатыря Святогора, который не смог поднять крестьянскую переметную суму Микулы Селяниновича. Святогор увяз сначала по колени, потом по пояс, потом по грудь. А Микула, которого Святогор мог держать с конем на ладони, сказал ему то, что содержит возможное предсказание дальнейшего пути развития России в XXI в.: «Мне твоей силушки не надобно, мне своей силушки достаточно».

Таким образом, на вопрос, стоит ли России претендовать на великодержавие, следует ответить — да, стоит. Но не на роль сверхдержавы, конкурирующей на равных с США (с окончанием холодной войны это понятие и в самом деле ушло в прошлое), а скорее на равноправное место в пятерке ведущих держав мира, что и соответствует задаче, поставленной В. Путиным и Д. Медведевым. И не потому, что этого кому-то хочется, а кому-то нет. Это объективный процесс, естественный для России, не считаться с которым просто нельзя.

Следует, конечно, осознавать и огромную трудность такой задачи, на пути решения которой Россию подстерегают новые риски, вызовы и угрозы, а также жесткая конкурентная борьба с другими центрами силы современного мира.

Ресурсы внешней политики

Никакой реалистичный и рассчитанный на успех политический курс не может быть избран и последовательно осуществлен без предварительной оценки ресурсов и просчета возможных вариантов действий, оценки положительных и отрицательных последствий тех или иных акций, их взаимосвязи с возможными, вероятными или иными предсказуемыми событиями и, наконец, просчета их последовательности во времени. Именно к этому в конечном итоге и сводится суть стратегического планирования. Вот почему необходимо обеспечить сопряжение принимаемых внешнеполитических решений с имеющимися ресурсами, в первую очередь экономическими ресурсами страны.

В США, например, просчитывается любой вид деятельности по реализации национальных интересов, или Стратегии национальной безопасности. В этих подсчетах участвуют не только государственные или представительные органы, но и специально создаваемые по случаю группы типа *overseas advisory panel* (совещательная группа по присутствию за рубежом).

Финансирование международной политики США закладывается в раздел Function 150 федерального бюджета, а точнее — Function 150 Account. Поначалу этот раздел верстается в разделе ресурсов планирования политики госдепартамента. Затем передается в администрацию президента, где самую важную роль играет служба по управлению бюджетом. После утверждения президентом проекта бюджета документы передаются для обсуждения в конгресс. А часть, касающаяся международной политики, — в подкомитеты конгресса: внешние операции, коммерция и государство и другие, затем проекты вновь возвращаются в администрацию президента для доводки и подписания. Причем весь процесс строго расписан по срокам.

Финансирование международной политики распределяется по программам через четыре департамента: госдеп, департамент финансов, агентство по сотрудничеству в области оборонной безопасности (в Пентагоне), департамент сельского хозяйства, а также через 7 независимых агентств (агентства по международному развитию, международной торговле, корпорацию по зарубежным частным инвестициям, корпус мира, агентства по торговле и развитию, институт мира) или через ряд фондов, например, американского развития, азиатского фонда и межамериканского.

Чтобы правильно просчитать бюджет, в США разработана система категорий и понятий. Эта система прописана в документе «The Budget Systems and Concepts». В нем объяснены все бюджетные термины. Причем надо иметь в виду, что финансирование международной политики — не то же самое, что финансирование внешней политики. Понятие «цель» определяется через разные термины в зависимости от содержания. Например, «goal» — это принципиальная цель с нефиксированным временем ее достижения, а «objective» — конкретная цель с обозначением сроков достижения. Возьмем, например, «strategic goal». К этой категории относится уменьшение угрозы для США и их союзников от оружия массового уничтожения или дестабилизирующего обычного оружия. «Operational goal» — это операционная цель (например, ядерная самозащита на международной арене). В соответствии с документами США перечень национальных интересов состоит из семи пунктов. Стратегические цели, «goals» в международных делах, сгруппированы в 16 пунктов, и т.д. Весь бюджет «150» делится на четыре неравные части. Наибольшая сумма приходится на раздел «внешние операции», вторая по значимости часть расходов — на раздел «Коммерция и государство», в рамках которого финансируется и госдепартамент. В частности, расходы на функционирование госдепартамента составляют приблизительно 28% всей суммы на внешнюю политику. Основная доля этих расходов (порядка 65%) падает на содержание административного аппарата внутри страны и за

рубежом. Это также деятельность международных организаций и организация международных конференций — 24%. Расходы по другим частям относительно незначительны. В разделе «Сельское хозяйство» финансируется продовольственная помощь. Службу труда финансирует Институт мира США. Расчет расходов на внешнюю политику США учитывает даже такие детали, как выходные дни в стране пребывания для американских дипломатов. И если американский дипломат работает в выходной день в стране пребывания, ему положена дополнительная оплата и другие компенсации. Все это учитывается до дня и до доллара.

А как обстоит дело в России? В федеральном бюджете России многие статьи, имеющие отношение к внешней политике, или слишком общи, или засекречены. Из бюджета России можно понять, например, что внешняя политика означает международное сотрудничество, участие в миротворческой деятельности, реализацию международных договоров в рамках СНГ, международные, культурные, научные, информационные связи, экономическую, гуманитарную помощь другим государствам. Если по таким данным сравнить США, Японию, Англию и Россию, то окажется, что на внешнюю политику в США тратится 300 млрд долл., в Японии — более 50 млрд долл., в Англии — около 40 млрд долл., а в России — около 8 млрд долл. Даже если принять во внимание, что мы не все учли в бюджете из трат на внешнюю политику, соотношение сил более чем понятно. И Англия, и Япония значительно превосходят Россию в расходах на внешнюю политику. Причем эти страны не ставят себе задачу, по крайней мере на официальном уровне, стать мировыми лидерами. Россия же не только претендует на статус великой мировой державы, но и заявила о своем намерении войти в пятерку мировых лидеров. Совершенно очевидно, что с имеющимся финансированием внешней политики Россия не добьется такого статуса, как бы мы ни убеждали себя и других, что достойны его. Вот почему все разговоры о наших национальных интересах, о нашей национальной безопасности и внешнеполитических целях останутся пустой болтовней, если заранее не оговорить стоимость их реализации и финансовое обеспечение этой стоимости.

Поначалу надо научиться считать хотя бы теоретически. Видимо, необходимо использовать категорию, например, внешнеполитического потенциала как суммарного ресурса, затрачиваемого государством на проведение внешней политики. Разделим, скажем, внешнеполитический потенциал на три части: «расходы на национальную оборону», «расходы на международную деятельность», «расходы на внешнюю экономическую деятельность». Эти три компонента, по-видимому, составят порядка 85–90% всего внешнеполитического потенциала. Будут, видимо, и другие позиции.

Как бы то ни было, соразмерность целей и средств — важнейший принцип внешней политики. В связи с этим все более явной становится и необходимость разработки государственной ресурсной политики — и в целях обеспечения национальной безопасности, и в интересах стратегии развития. Здесь у нас также — явный провал. Именно хорошо продуманная и взвешенная ресурсная политика призвана обеспечить не только эффективность внешней политики, но и конкурентоспособность России как государства, национальной экономики, ее отдельных отраслей, отечественных частных компаний, инновационных систем и пр. в глобальном мире, что является одной из главных предпосылок национальной безопасности. Кстати, и эффективный механизм разработки, принятия и реализации государственных решений в этой области также тесно связан с ресурсной политикой, т.е. с просчетом актуальных ресурсов. Если кто-то, например, «принял решение» поехать с семьей на Багамы, имея в кармане 10 долл., то это значит, что он никакого решения не принял, ибо не просчитал свои ресурсы.

В этом контексте наиважнейшим ресурсом является ресурс демографический, т.е. человеческий капитал — его количество и качество. Сегодня мы живем в ситуации демографического кризиса — население сокращается, а его качество падает. А значит, испытываем и будем испытывать нарастающее серьезное демографическое давление — со стороны преимущественно мусульман и китайцев.

По мнению выдающегося российского демографа А. Вишневого, новый виток демографического упадка России может быть самым опасным за всю русскую историю. При этом с самых высоких трибун говорят о необыкновенных успехах нашей демографической политики и прямо заявляют о том, что в ближайшие 3–4 года будет ликвидирована естественная убыль российского населения. Официальные документы также говорят о предстоящей в скором времени стабилизации и даже росте населения. Все это, по мнению А. Вишневого, может означать только одно: руководство страны дезинформировано, и его дезинформированность передается обществу¹¹.

В последнее время действительно отмечено некоторое улучшение ряда демографических показателей, однако оно не таково, чтобы говорить о переломе ситуации. Главное же заключается в том, что это улучшение имеет в основном временный характер, обусловленный глубинными механизмами формирования демографической ситуации и тенденций ее развития. В долговременном плане эти тенденции зависят не столько от текущих показателей, сколько от многолетней инерции, накопленной в возрастной структуре населения.

Ни одно поколение граждан России, родившихся после 1910 г. и вступивших в активный репродуктивный возраст, начиная с конца 1920-х — начала 1930-х годов не воспроизводило себя. Сейчас вся российская возрастная пирамида состоит из таких поколений. К тому же она сильно деформирована катастрофическими событиями первой половины XX в. Исправить это положение ни за два, ни за четыре года, ни даже за двадцать лет невозможно. Увеличение рождаемости, если бы оно сейчас и началось, означало бы начало «ремонта» возрастной пирамиды снизу. Такой ремонт, безусловно, желателен, но должно пройти лет 40, прежде чем он принесет желаемые результаты.

К этому надо добавить, что даже самые смелые оптимисты не предполагают до 2025 г. роста рождаемости до уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Ожидать при этом исчезновения естественной убыли населения можно только в состоянии крайней неадекватности, доходящей до незнания школьной арифметики.

Увеличение числа рождений, о котором сейчас много говорят, еще не означает роста рождаемости. Хотя нельзя отрицать и некоторого влияния пронаталистских мер 2007–2009 гг., в решающей степени оно предопределено благоприятными изменениями возрастной пирамиды. Это увеличение идет с 2000 г. и, согласно всем прогнозам, продлится примерно до 2010–2012 гг. Однако затем, согласно тем же прогнозам, число рождений снова начнет быстро падать из-за резкого сокращения числа потенциальных матерей. То же относится к естественной убыли населения. Сейчас оно сокращается, и если встать на путь примитивной экстраполяции, то можно предположить ее снижение до нуля. Трудно представить себе что-нибудь более ошибочное. Снижение естественной убыли также имеет конъюнктурный характер, предвиделось всеми прогнозами, но они же предсказывают его последующий рост.

Добиться стабилизации численности населения можно лишь за счет иммиграции, но ее масштабы должны быть настолько большими, что сейчас это представляется малореальным.

Отличие начинающегося сейчас этапа демографического кризиса России от предыдущего (1992–2007) заключается в том, что страна уже не сможет использовать «демографический дивиденд». На предыдущем этапе сокращение населения сопровождалось крайне выгодными изменениями возрастных соотношений. Росла численность трудоспособного населения, уменьшалась иждивенческая нагрузка на него, увеличивалось число потенциальных матерей, несколько замедлилось старение и т.п. Теперь все эти изменения будут происходить в противоположном направлении. Быстрое сокращение численности трудоспособного населения и одновременно его доли во всем населении будет сопровождаться столь же быстрым ростом иждивенческой нагрузки на одного трудо-

способного человека. К 2015 г. она возрастет на 20%, к 2020 г. — почти на 40%. Это приведет к огромному росту потребности в социальных расходах и социальных обязательствах государства, с которыми оно и сейчас не слишком хорошо справляется. Еще быстрее будет расти нагрузка лицами пенсионного возраста — после только что закончившегося благоприятного периода, когда эта нагрузка сокращалась (а Пенсионный фонд жаловался на то, что у него не хватает средств), она увеличится почти на четверть к 2015 г. и почти вдвое к 2025 г. Число потенциальных матерей к 2015 г. сократится на 5 млн, к 2025 г. — на 7 млн (против нынешних 39–40 млн). Число юношей в возрасте 18–19 лет — основа призывного контингента — уже к 2015 г. упадет почти вдвое.

Демографический кризис разворачивается в России давно. Его основы были заложены в первой половине XX в. Первый диагностируемый этап начался в 1964 г., когда рождаемость упала ниже уровня простого воспроизводства населения. При таком уровне рождаемости появление естественной убыли населения — вопрос времени, на протяжении которого исчерпывается накопленная ранее инерция демографического роста. Население не воспроизводит себя, но все еще растет. Этот период скрытой, латентной депопуляции длился в России около 30 лет и закончился в 1992 г.

1992 год стал второй поворотной точкой в развитии российского демографического кризиса. Он перешел из латентной в явную форму, население России стало сокращаться. К началу 2008 г. естественная убыль населения России составила 12,2 млн человек. При том что она частично была компенсирована миграцией — 5,7 млн человек, фактическая убыль составила 6,5 млн человек. Сейчас мы входим в новый этап демографического кризиса, который поставит российское общество перед крайне серьезными социальными и политическими вызовами. Пора над ними задуматься¹².

В начале XX в. замечательный русский ученый Дмитрий Менделеев, учитывая прирост населения России, предполагал, что к рубежу XX–XXI вв. население Российской империи будет составлять 500–560 млн жителей. Параллельно с этим и независимо от этого французские социологи пришли к тому, что население России в начале 1960-х годов должно достичь 350 млн человек. Но в силу революционных потрясений и трагических коллизий XX в. этого не произошло.

Можно ли все же достичь этого полумиллиарда хотя бы в долгосрочной перспективе? Известный российский историк, религиовед и культуролог В. Махнач отвечает на этот вопрос положительно. Для его решения он предлагает пять ключевых мер.

Первое. Необходимо разработать поощрительное налоговое законодательство, без которого усилия Церкви в противодействии абортам и

проповеди ценностей многодетной семьи, как и усилия общества на том же направлении, будут малоэффективными. Опыт, который спас, например, Францию от катастрофического падения народонаселения, известен со времен Шарля де Голля. Бездетный налог во Франции того времени был очень высоким, с рождением одного ребенка он не отменялся, но сокращался, а при наличии двух детей в семье достигался так называемый нулевой баланс. Начиная с третьего ребенка французские семьи уже получали прогрессивно возрастающие пособия. Этот принцип может быть усовершенствован, однако смысл его универсален и весьма действен.

Второе. Нам нужно конечно же не просто полмиллиарда, но полмиллиарда образованных и воспитанных людей. Если вопрос образования — это вопрос совместной деятельности семьи и школы, а следовательно, общества и государства, то проблема воспитания — поле для совместной деятельности Церкви и общества, где государство может лишь благожелательно поддерживать процесс.

Третье. Нам необходимо полмиллиарда собственников. О том, что настоящий член общества — это собственник, знали уже древние. Причем это не обязательно богатый человек, но гражданин среднего и даже небольшого достатка, обладающий каким-либо своим делом — предприятием, мастерской, блоком акций или, как минимум, собственным жилищем.

Четвертое. России нужен полумиллиард граждан — иначе мы получим просто полумиллиардную толпу, которая никак не сможет противостоять демографическому давлению соседей. Чтобы не быть толпой, любое общество всегда структурировано в гражданское общество. Среди наиболее естественных типов гражданских общественных структур следует различать два — муниципальный тип и религиозное сообщество. Муниципальная корпорация — это, собственно, то же самоуправление. Не хочет гражданин становиться политиком — он должен чувствовать себя обязанным принимать участие в работе органов самоуправления.

Пятое. Россию в идеале должен населять полумиллиард патриотов. В этом положении более всего, пожалуй, заинтересована власть. Патриоты — люди, не шарахающиеся от того или иного вида воинской службы (при полумиллиарде, кстати, нет необходимости производить такой воинский призыв, который ныне шокирует общество). В принципе нормальным было бы такое положение: не хочешь служить — ну и пожалуйста! Только при этом надо знать, что отказывающийся от службы родной стране отказывается и от своих гражданских прав. В некоторых европейских странах, например, коли не служил, не станешь ни серьезным госслужащим, ни предпринимателем, ни учителем. Патриотов не вырастишь, не осуществив четырех вышеназванных принципов, одна-

ко это не означает, что сначала, к примеру, надо нарастить население, а потом уж браться за его воспитание, в том числе и патриотическое. Всем надо заниматься параллельно.

Сколько нужно времени для выполнения подобной программы? — задается вопросом В. Махнач. Не надо строить иллюзий — при расчете на четырехдетную семью следует вырастить четыре поколения граждан. Это время порядка одного столетия. Долго?

«Сегодня, — заключает он, — надо быть реалистами-делателями без радужных планов. Трудно себе представить теперешнюю массовость русских семей даже в четыре-пять человек. Хотя совсем недавно жил и творил мной уже упоминавшийся великий Дмитрий Иванович Менделеев — девятнадцатый ребенок в семье. Братья и сестры Дмитрия Ивановича были, верно, хорошими людьми, однако о них мы знаем не так много. Остановись, рожая чад, супруги Менделеевы чуть раньше — и периодическая система элементов была бы, вероятно, открыта не нашим соотечественником...»¹³.

Изложенные мнения А. Вишневого и В. Махнача, которые не противоречат друг другу, а скорее друг друга дополняют, можно было бы оставить без комментариев. Здесь важно лишь отметить, что сложившаяся в современной России катастрофическая ситуация ставит под сомнение задачу превращения ее в пятерку лидеров не только к 2020 г., но и в более отдаленной перспективе. Не дает она оснований и для слишком амбициозной внешней политики России, по крайней мере, в первой половине XXI в.

Стратегия избирательной вовлеченности

Вероятно, никогда в истории России ее ресурсы не были столь ограниченными для осуществления не только своего внутреннего развития, но и проведения политики внешней. Отсюда вывод: с учетом безусловной приоритетности решения внутренних проблем, связанных с императивом национальной модернизации и перехода страны к инновационному типу развития, а также ограниченности ресурсов, Россия не может позволить вовлечь себя в чужие войны и авантюры. Ей необходимо беречь силы и экономить ресурсы, занимая в ряде случаев выжидательную позицию. В этом контексте внешняя политика России не может быть не только наступательно-агрессивной, но даже слишком амбициозной. Ее внешнеполитическую стратегию, которая отвечала бы национальным интересам страны, вероятно, следовало бы назвать **«стратегией избирательной вовлеченности»**. Трезвое соизмерение целей и средств, собственно говоря, и делает приоритетным европейский вектор развития России, в особенности учитывая ее демографическую деградацию. Это — стратегический вектор. В то же время тактичес-

ки, например, сегодня у России возникает довольно широкое поле для внешнеполитического маневра с учетом временного кризиса ЕС и вовлеченности США в Ираке. Это — тоже своего рода ресурс внешней политики, и немалый, которым следует суметь грамотно распорядиться. Так что, российская внешняя политика должна стать сегодня активной как никогда ранее, компенсируя временную слабость страны высоким профессионализмом и дипломатическим искусством.

Слишком же сожалеть о нынешней внешнеполитической слабости России не стоит. Примеры послевоенного развития Японии и Германии показывают, что статус (де-факто) великих держав возможно удерживать при значительном ограничении внешнеполитических претензий. Правда, в Европе был план Маршалла, а в Японии — некий его системный аналог. Но ведь Россия зато не проиграла мировой войны, как Германия и Япония, и ее юридический статус великой державы, подкрепленный к тому же статусом державы ядерной, никто не оспаривает.

Отечественная история в этом отношении также весьма поучительна. Возьмем хотя бы последние четыре столетия. После окончания Смуты, со времени Деулинского перемирия с Польшей в 1618 г., Россия была не просто слаба, она была дотла разорена и физически обескровлена. До конца XVII столетия — т.е. примерно 80 лет — Россия старалась не ввязываться в крупные затяжные войны со своими основными и наиболее сильными противниками (хотя и воевала с поляками, шведами, крымскими татарами, турками, подавляла внутренние бунты, в том числе С. Разина и т.д.). Однако за это же время, сначала при Михаиле, а затем при Алексее Романове, благодаря достаточно умелой внешней политике и инициативе она присоединила левобережную Украину и Киев, а также Сибирь вплоть до Тихого океана и Китая. Именно тогда, уклоняясь от крупных внешних конфликтов, не проводя агрессивной политики, территориально страна увеличилась больше, чем когда-либо еще в своей истории. За восемь десятилетий военно-политического «прозябания» некогда разоренная Россия накопила такой потенциал, в том числе и экономический, что потом непрерывно воевала двадцать один год (по меркам той эпохи способность вести успешные войны была показателем государственного могущества) и нанесла такое поражение одной из мощнейших держав Европы — Швеции, от которого та уже никогда не смогла оправиться.

После смерти Петра Великого вплоть до Семилетней войны почти разоренное государство вновь минимизировало свои внешнеполитические амбиции, особенно на самом опасном направлении — в Европе. Казалось, что она вообще не вела самостоятельной внешней политики, а действовала лишь как чей-то союзник. Однако и этот период мира и будто

бы даже некоторого унижения России обернулся в итоге накоплением сил для последовавших вскоре внешнеполитических побед и триумфов Екатерины Великой, когда к России была присоединена почти вся Западная Русь, нанесено сокрушительное поражение Турции и «российская государственная территория почти достигла, — по словам В. Ключевского, — своих естественных границ как на Юге, так и на Западе»¹⁴. Из 50 губерний, на которые делилась Россия, 11 были приобретены в царствование Екатерины. Если в начале этого царствования российское население не превышало 20 млн человек, то к его концу — составляло не менее 34 млн человек (т.е. увеличилось на три четверти). При этом сумма государственных доходов увеличилась более чем в четыре(!) раза. Россия прочно встроилась в мировую (тогда это была европейская) политику в качестве одной из самых влиятельных держав. Граф Безбородко получал молодых дипломатов России: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела»¹⁵.

После поражения в Крымской войне в 1856 г. Россия вновь ограничила свои внешнеполитические претензии и геополитические аппетиты. Двадцать лет она, по словам А. М. Горчакова, «не сердилась, а сосредоточивалась», т.е. занималась по преимуществу внутренними делами, накапливая силы. В это время у Российской империи не было союзников. Но уже в момент подписания унижительного для России мирного договора в Париже в 1856 г. русский дипломат граф Орлов сказал: «Да, господа, мы потерпели поражение. И мы уходим с Балкан. Но вы не беспокойтесь, мы вернемся». Прошло всего 15 лет — и Франция потерпела поражение в войне с Пруссией, а Россия вернулась на Балканы и Черное море. И никто, даже «единственная сверхдержава» тогда — Великобритания, проводившая антирусскую, даже русофобскую политику, ничего не смогла сделать.

Таким образом, периоды относительной внешнеполитической пассивности далеко не всегда являются абсолютным злом. И сегодня об этом стоит задуматься некоторым российским «державникам», которые — кто искренне, а кто и в личных популистских целях — разыгрывают карту «великодержавности», не утруждая себя просчетом имеющихся у страны ресурсов. Следование их рекомендациям может привести страну к национальной катастрофе, что уже не раз происходило в отечественной истории, в том числе дважды — в близком нам XX в. Напротив, сосредоточенность на внутренних делах, накопление сил, актуализация ресурсов, динамичное экономическое развитие страны в ближайшие годы (а может быть, если позволит международная обстановка, и десятилетия) является залогом ее грядущих, в том числе и внешнеполитических триумфов.

В новую Внешнеполитическую стратегию России следовало бы поэтому взять следующий совершенно верный пассаж из Концепции 2000 г.:

«Успешная внешняя политика Российской Федерации должна быть основана на соблюдении разумного баланса между ее целями и возможностями для их достижения. Сосредоточение политико-дипломатических, военных, экономических, финансовых и иных средств на решении внешнеполитических задач должно быть соразмерно их реальному значению для национальных интересов России, а масштаб участия в международных делах — адекватен фактическому вкладу в укрепление позиций страны».

Золотые слова! Неплохо бы еще им твердо следовать.

Внешняя политика в контексте инновационного проекта

Выше уже говорилось: если за основу национального проекта мы берем движение в сторону перехода к инновационному пути развития и построения постиндустриального общества, то в вопросах внешней политики следует ориентироваться прежде всего на те страны, которые уже перешли на инновационный тип развития и построили постиндустриальное общество, а также на страны, находящиеся в едином с Россией культурном и ценностном поле. Это прежде всего Америка и страны Европы.

Конечно, Россия будет взаимодействовать и со всеми другими крупными геополитическими субъектами, которые ее окружают. Но такие установки, присущие нынешней внешнеполитической стратегии, как «многовекторность», «многополярность», «особый путь развития», отличный от развития Большой Европы, следует переосмыслить. Главным вектором движения России может быть только один — Большая Европа без разделительных линий, в которой Украина, например, не стояла бы перед выбором — Россия или Европа. Аргумент о том, что «Россия слишком велика для Европы», по меньшей мере несерьезен для XXI в.

«Многополярный мир», на котором настаивают наши дипломаты и некоторые эксперты, при ближайшем рассмотрении оказывается крайне опасным для России. Россия в своем нынешнем состоянии просто не дотягивает до того, чтобы оказаться одним из «полюсов» в этой конструкции, которая сама по себе стала бы весьма неустойчивой, да и просто сомнительной (ведь даже в физике не может быть больше двух полюсов). Если же Россия будет упорно претендовать на роль самостоятельного полюса (а это официальная позиция нашего МИДа), то с учетом необратимого демографического упадка русского народа ее терри-

тория в обозримом будущем будет в буквальном смысле слова разорвана на куски более динамично развивающимися «полосами». А для России это смертный приговор.

Интеграция в Большую Европу, которой без России трудно будет существовать и в экономическом, и политическом, и культурном, и военном отношении, — вот наш главный ориентир и вектор движения. Это, конечно, не означает передачу национального суверенитета Евросоюзу. Это означает другое: совместную работу по формированию объявленных «четырех общих пространств» — внешней безопасности (кстати говоря, это пространство на самом деле не может быть ограничено Европой; оно состоит лишь как евроатлантическое, т.е. как общее пространство безопасности России, ЕС и США), внутренней безопасности и правопорядка, экономического пространства и пространства культуры, образования и науки (разумеется, не ценой односторонних уступок со стороны России). Причем сами «общие пространства» — это не самоцель, а лишь платформа для решения общих вопросов и запуска совместных проектов. Именно при подобном понимании возможны такие совместные проекты, как, например, развитие Калининградской области. Именно под этим углом зрения необходимо сейчас задуматься над новым соглашением о партнерстве и сотрудничестве с ЕС.

Если принять европейский вектор развития России в качестве приоритета, то нетрудно выстроить наши отношения с новыми независимыми государствами на постсоветском пространстве.

Продвигая Россию в Европу, не следует препятствовать движению в этом же направлении соседей России. Однако нельзя допускать и того, чтобы Россия оплачивала такое движение. Россия не станет принуждать соседей к вступлению в какие бы то ни было союзы с ее участием, но и дотировать их экономическое развитие за счет своего налогоплательщика тоже не станет. Россия будет иметь моральное право и практическую возможность создавать союзы на постсоветском пространстве только в том случае, если окажется привлекательной для своих соседей. В этом смысле так называемая либеральная империя — это не более чем выдуманная обанкротившимися отечественными псевдолибералами химера, используемая исключительно в политических целях.

Следует также дать понять всем, что впредь Россия не будет тратить огромные ресурсы и идти на невообразимые уступки (как это было последние двадцать лет) лишь для того, чтобы сохранить видимость какого-то союза между ней и бывшими республиками СССР. Россия больше не будет донором распавшейся империи. Отсюда вывод: России необходимо прекратить игру в «дружбу народов», в которой постоянно выигрывают лишь ее соседи, теперь — новые независимые государства.

При таком подходе постсоветское пространство перестает быть полем соперничества России и Запада и превращается в поле партнерства. В частности, европейские государства СНГ (Украина, Молдавия и Белоруссия) становятся полем партнерства преимущественно между Россией и ЕС; государства Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Киргизия) — полем партнерства между Россией и США (в недалекой перспективе — с участием КНР); государства Южного Кавказа — полем партнерства России, ЕС и США (с участием Ирана). Такой подход, помимо всего прочего, полностью развязывает нам руки для работы с оппозицией в этих странах.

Сближение и интеграция с Большой Европой не означает, однако, полного слияния с ней. Россия должна сохраниться как уникальная ветвь европейской цивилизации. Более того, именно этим она и интересна Большой Европе. Именно это, собственно говоря, и делает Европу Большой. Следует помнить, что Россия, будучи неотъемлемой частью европейской цивилизации, в то же время является особым смысловым пространством, чем и интересна Западу. Она — оппонент Запада в глобальном развитии в рамках единой цивилизационной парадигмы. И Россия, и Запад — лишь составные части общеевропейского, а еще шире — общечеловеческого универсума, который не имеет ничего общего с унифицированным человечеством. В этом — философские основы российской позиции в отношении НАТО, которые ни в коем случае нельзя размыывать. Согласившись с расширением западной НАТО без своего участия, Россия согласилась бы с тем, что российское смысловое пространство периферийно по отношению к западным смыслам. Подав заявку в западную (не модернизированную) НАТО, Россия признала бы, что лишена собственного смысла, своей идентичности.

Итак, важнейший внешнеполитический национальный интерес России как на ближайшую, так и на долгосрочную перспективу — это максимальное политическое и экономическое сближение с Западом, формирование единого евроатлантического пространства безопасности (что предполагает тесное военно-политическое взаимодействие с крупнейшими странами) при сохранении собственной уникальной культурно-цивилизационной составляющей. Такая линия, конечно, возможна и в том случае, если Россия сохранит сырьевую ориентацию своей экономики, — и тогда она станет интегрированным в евроатлантическое пространство сырьевым придатком Запада. Если же мы хотим быть на деле равноправными партнерами стран Большой Европы, то у нас нет иного пути, чем технологический модернизационный рывок через переход к инновационному типу развития. Только в этом случае Россия займет место в мировом разделении труда, достойное ее великой истории и со-

ответствующее ее колоссальному потенциалу. Вопреки мнению скептиков, считающих, что Запад опасается такого развития событий и предпочитает сохранить Россию в качестве своего сырьевого предполья, мы полагаем, что Большая Европа будет только рада приветствовать инновационную Россию, которая войдет в качестве органической составной части в мировое технологическое пространство. Хотя бы потому, что ее перспективы станут совершенно понятны и предсказуемы.

Примечания

¹ Официальный сайт Президента РФ.

² Там же.

³ Выступление Е. М. Примакова на VI Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 14 марта 1998 года.

⁴ Этот тезис вошел в текст Послания по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию от 13 июня 1996 г.

⁵ Именно так были расставлены приоритеты в ежегодных посланиях Президента РФ В. Путина Федеральному собранию, в частности, в Послании от 26 мая 2004 г., а также в других его заявлениях.

⁶ *Бисмарк О.* Соч. Т. 2. С. 98.

⁷ Профиль. 2001. № 29. С. 2.

⁸ Официальный сайт Президента РФ.

⁹ CIA World Factbook 1990 and CIA World Factbook 2008.

¹⁰ *Кудров В.* Место Европы в мировой экономике // Современная Европа. 2000. № 2.

¹¹ *Вишневский А.* Выступление на Ассамблее СВОП 14 апреля 2008 г.

¹² Там же.

¹³ *Махнач В.* Достичь полумиллиарда. Махнач.ру.

¹⁴ *Ключевский В. О.* Русская история. М., 1993. Кн. 3. Т. 3. С. 354.

¹⁵ Там же.

Этот вопрос является одним из основных вопросов современной мировой политики. Ответ на него, однако, по-прежнему остается открытым. Скорее всего, в этом основная причина того — если отбросить русофобство известной части западных политических кругов, — что любые попытки новой России сформулировать свои национальные интересы ставятся под подозрение.

Этот подход особенно заметно проявляется в политике США. Между тем отношения с Соединенными Штатами Америки — ключевая проблема российской внешней политики. Практика показала: при решении любого мало-мальски серьезного вопроса с какой-либо страной или группой стран, будь то Китай, Евросоюз или государства постсоветского пространства, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью его урегулирования в контексте двусторонних российско-американских отношений. По каждому из таких вопросов приходится в конечном счете договариваться с американцами. Поэтому без нормального сотрудничества и взаимодействия России и США наша внешняя политика будет обречена на неэффективность. Партнерство с США для России поэтому является незаменимой предпосылкой эффективности ее внешней политики вообще.

Более того, если мы претендуем на то, что мы держава с глобальными интересами и хотим участвовать в формировании нового мирового порядка, то партнерство с Соединенными Штатами Америки является абсолютно необходимым. Только в сотрудничестве с ним мы сможем участвовать в формировании этого нового мирового порядка. От этого нам никуда не уйти.

Как к России относятся в США

В 90-е годы XX в. руководство США и других западных стран сделало ставку на безальтернативную и некритическую поддержку либерал-реформаторов (радикал-демократов), превратившихся в России в

концу минувшего века в полумаргинальную группировку, поддержку их порочного экономического курса, криминальной приватизации, не продуманных социальных и административно-управленческих реформ, приведших Россию на грань национальной катастрофы. В докладе Фонда Карнеги «Американо-российские отношения на рубеже веков» (2002 г.) констатируется:

«Стратегия американской администрации, направленная на трансформирование России, дискредитировала себя, российские “партнеры” американской стороны оказались удаленными из правительства, а былой оптимизм администрации Клинтона — испарившимся»¹.

В результате в 1990-е годы США все более отстранялись от России, без лишнего шума определив для нее второстепенное место в системе своих внешнеполитических приоритетов. Решения по вопросам о расширении НАТО, урегулирования в Югославии, иракском кризисе говорили о том, что США более не рассматривают Россию в качестве приоритета своей внешней политики.

В докладе Фонда Карнеги говорится:

«Разговор о “стратегическом партнерстве” в настоящее время выглядит в лучшем случае преждевременным... Вопиющие асимметрии между США, находящимися на вершине своей мощи, и Россией, переживающей период упадка, почти не дают оснований для поддержания всеобъемлющего и держательного партнерства»².

Сегодня США больше беспокоят слабость и немощь России, чем то, на что она способна. Озабоченность, в частности, вызывают не столько агрессивные устремления России, ее попытки противостоять американскому влиянию в современном мире, сколько ее неспособность контролировать ОМУ на своей территории, предотвращать техногенные катастрофы, сохранять свою территориальную целостность, не допускать самораспада, способного дестабилизировать весь евро-азиатский континент, превратив его в арену соперничества крупнейших мировых держав.

В то время как США, ставшие ведущей мировой державой, переживают — несмотря на мировой экономический кризис — беспрецедентный по длительности период экономического процветания при отсутствии каких-либо потенциальных конкурентов на горизонте, Россия находится лишь в самом начале неустойчивого экономического оживления после продолжительной социально-экономической депрессии; при этом кризис ударил по ней, как по периферии мирового капитализма, сильнее всех. В то время как за публичной риторикой российских политиков о России как о великой державе скрывается обеспокоенность ее убывающим влиянием в мире, США довольно легко и

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

вполне серьезно заявляют о себе как о «незаменимой нации». США рассматривают процесс глобализации как возможность распространить свои ценности и создать систему международных отношений по своим представлениям о должном мировом порядке, тогда как экономически ослабленная Россия относится к глобализации скорее как к угрозе, чем к благу. Даже после 11 сентября 2001 г. США чувствуют себя в относительной безопасности; Россия же сталкивается с нарастающими внутренними и внешними угрозами. Одним словом, две страны живут в полностью противоположных мирах и решают разные проблемы. Как отмечал высокопоставленный сотрудник Совета национальной безопасности Т. Грэхем, американец, который хорошо знает Россию и неплохо к ней относится:

«США и РФ вступили в XXI век с разными задачами и целями. Перед США, оставшимися единственной сверхдержавой, стоит задача реорганизации мирового порядка для обеспечения всеобщей безопасности и процветания. Российские лидеры стремятся обеспечить устойчивость процесса восстановления страны, чтобы вновь стать вровень с ведущими мировыми державами. Столь серьезная разность задач и перспектив объективно усложняет диалог между двумя странами»³.

К этому следует добавить и то, что глобализация рынков и появление новых центров влияния в мире радикально изменили подходы к формированию внешней политики каждой из стран. В результате российско-американские отношения утратили свое ключевое положение в системе международных отношений. Во всяком случае, эти отношения перестали быть центром внимания внешней политики США. В настоящее время Европа, Япония и Китай наряду с другими странами и регионами конкурируют с Россией в стремлении привлечь к себе наибольшее внимание США. Многие в Америке полагают, что эти страны и регионы более важны для ее долгосрочных стратегических интересов, чем Россия. В докладе Фонда Карнеги сказано:

«Россия не может рассчитывать на такой же объем внимания со стороны США, какой уделялся Советскому Союзу в годы холодной войны. Россия теперь должна бороться за внимание к себе со стороны США, конкурируя с другими странами, регионами и проблемами»⁴.

В докладе также отмечается, что

«нынешняя слабость Российского государства ограничивает его способность к широкой и эффективной вовлеченности, и возможно, что его способность влиять на международные дела будет продолжать сокращаться в течение последующих нескольких лет»⁵.

Кроме того, бесспорным историческим фактом является и то, что в отличие от США СССР как лидер коммунистической системы проявил

полную несостоятельность, заведя группу возглавляемых им государств в кризис, а по существу — в исторический тупик, закончив дела вначале роспуском «социалистического лагеря» (откол Югославии и КНР), позднее — соцсодружества (СЭВ), военно-политического союза (ОВД) и в конечном счете — роспуском СССР. Для России это был наихудший вариант, поскольку все государства, включая бывшие советские республики, именно на нее возложили вину за историческое поражение и немедленно отrekliсь от «проигравшего».

Для нормализации российско-американских отношений в первую очередь необходимо устранить фундаментальное препятствие, стоящее на этом пути, — все еще остающееся взаимное недоверие. Этот фактор бесспорен, но его уже нельзя относить к «рудиментам» холодной войны, которую похоронили уже по крайней мере трижды — в 1989, 1991 и в 2001 гг. Значит, корни взаимного недоверия находятся глубже. И связаны они с проблемой восприятия друг друга в качестве именно противников (хотя бы и потенциальных), а не партнеров.

Конечно, это восприятие находится в плену стереотипов прошлого. Российские руководители, воспитанные в СССР, по-прежнему воспринимают Америку как враждебную страну, политика которой направлена на ущемление национальных интересов России. Американские руководители, также воспитанные в период конфронтации двух сверхдержав, по-прежнему относятся к России с подозрением, ожидая от нее в основном неприятностей.

В современных российско-американских отношениях отсутствует фундаментальный конфликт интересов, ведущий к жесткому противостоянию. Тем не менее обе стороны все еще находятся в плену стереотипов холодной войны. Значительная часть российского политического класса склонна рассматривать политику США в отношении стран СНГ, в том числе на Каспии и на Кавказе, как антироссийскую в своей основе. В свою очередь в руководстве США существует мнение, что внешняя политика России в этих регионах носит неоимперский характер и строится так, чтобы в максимальной степени противодействовать интересам США. Эти оценки в значительной степени не адекватны действительному положению дел. Но они являются политической реальностью. И изжить их — дело не одного десятилетия.

Свидетельством того, что США относятся к России именно как к проблеме, является следующая оценка Фонда Карнеги:

«...Даже в своем ослабленном состоянии Россия может затормозить процесс разрешения того или иного регионального конфликта... Россия может ослабить легитимность инициатив США угрозой применения своего права вето в Совете Безопасности ООН и тем самым подтолкнуть США к дей-

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

ствиям в обход ООН. Россия может содействовать созданию оппозиционного блока, в рамках которого союзники США и другие важные страны будут противостоять политике США (даже если Россия окажется не в состоянии возглавить такой блок). Она может отказаться от применения санкций и пойти по пути саботирования усилий по нераспространению ОМУ. Россия может подкрепить способность и решимость некоторых региональных держав в их противостоянии американской политике путем военных поставок или передачи разведывательной информации этим странам, что может обернуться для США ростом материальных затрат, а порой и людских потерь». И далее: «В общем, Россия недостаточно сильна для того, чтобы обеспечивать мир. Однако она достаточно сильна для того, чтобы срывать усилия по обеспечению мира»⁶.

Больше всего американцев беспокоит, что Россия является крупнейшим в мире потенциальным распространителем технологий и уникальных разработок ОМУ. По их мнению, Россия может стать таким распространителем либо в соответствии с государственной политикой, либо в результате неспособности государства обеспечить реализацию официального курса на нераспространение.

Несостоявшийся союз

Широко распространено убеждение, что российско-американские отношения находились в зените после окончания холодной войны. Но это не так. Наилучшими с этой точки зрения были даже не годы совместной борьбы с фашизмом во Второй мировой войне, а сто лет до Октябрьской революции.

Общезвестно, что когда американский народ вел борьбу за независимость, правительство России своими внешнеполитическими акциями способствовало ее успеху. Еще до установления дипломатических отношений с США русское правительство не только отказалось удовлетворить просьбу английского короля Георга III о посылке русского экспедиционного корпуса в Северную Америку, но и провозгласило отвечающий интересам США принцип «вооруженного нейтралитета». В 1822 г. оно помогло США разрешить спор с Англией по поводу эвакуации английских войск с территории США. В годы гражданской войны в Америке Россия в ответ на обращение президента Авраама Линкольна осенью 1863 г. направила военную эскадру в Сан-Франциско и Нью-Йорк. Это помогло северным штатам справиться с угрозой иностранной интервенции, выдержать решающий год гражданской войны, одержать победу над южными штатами.

В годы Первой мировой войны Россия и США вели совместно борьбу против Германии. Посол в Вашингтоне Ю. П. Бахметьев писал в декабре 1914 г. в своем донесении министру иностранных дел С. Д. Сазонову:

«Францию всегда любили (в США) и продолжают ей выказывать сердечное и глубокое сочувствие, но теперь в глазах американцев Россия возвышается над всеми как колосс силы, как пример разума, спокойствия и “скромности” в сравнении с немецким бахвальством... Мне постоянно приходится слышать: “Французы делают все, что могут, но ведь войну ведете вы одни!”»⁷.

Российско-американские отношения достигли своего апогея в период между Февральской и Октябрьской революциями. Либеральные министры иностранных дел России П. Н. Милуков и М. И. Терещенко не ограничились вопросами тактического взаимодействия с Вашингтоном, а строили, как свидетельствуют документы, далеко идущие планы стратегического сближения. В апреле 1917 г. президент США В. Вильсон в своем выступлении заявлял:

«...Теперь, когда автократический режим (в России) ликвидирован, великий, благородный русский народ присоединится в своем природном величии и мощи к силам, которые сражаются за всеобщую свободу, справедливость и мир. Теперь Россия является подходящим партнером для лиги чести»⁸.

Посол США Д. Фрэнсис в конце марта 1917 г. после формирования Временного правительства по поручению американско-русской торговой палаты писал министру П. Н. Милукову: «...Борьба за народное правительство в России завоевала уважение каждого американца». Палата «верит в тесное единение России и США через взаимный прорыв, общие чаяния и цели». И это была отнюдь не риторика. Простые американцы испытывали в тот момент искреннюю симпатию к России. Об этом, например, говорит резолюция, принятая генеральной ассамблеей штата Огайо в конце марта 1917 г., в которой по случаю свержения самодержавия в России, в частности, отмечалось, что Ассамблея «празднует вместе с Россией осуществление ее мечты об установлении демократии, гарантирует помощь и поддержку свободолюбивому народу данной страны и рассматривает прогрессивный шаг России как великий успех в деле борьбы за приближение того времени, когда все правительства Европы будут опираться на власть народа, осуществляемую народом и существующую для народа»⁹.

Известно, что США были в числе первых государств, которые медленно признали Временное правительство, что с благодарностью отмечал П. Н. Милуков в своем письме В. Вильсону 27 марта 1917 г.¹⁰. А в официальной телеграмме правительства США Временному правительству (май 1917 г.) говорится о поздравлении Америки «новому и могущественному члену, который ныне вступил в великую семью демократических народов». Там есть и такие теплые слова:

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

«Соединенные Штаты ручаются за сотрудничество и помощь России в деле достижения цели увековечивания демократии, которая ныне, более чем когда-либо, является русской; именно желание Соединенных Штатов стать бок о бок, плечом к плечу против автократии соединит русский и американский народы дружбой через Тихий океан»¹¹.

Многие наши «американисты» забыли, что именно в мае 1917 г. в российско-американской официальной переписке впервые появился термин «партнерство». Этот термин, в частности, фигурирует в послании В. Вильсона Временному правительству от 13 мая 1917 г.¹².

Доброе отношение американцев к новой демократической России, сбросившей с себя оковы самодержавия, конечно же находило отклик в русских сердцах. Министр иностранных дел М. Терещенко на приеме в честь приезда в Россию Чрезвычайной миссии Э. Рута в июне 1917 г. заявлял:

«...нет никакой идеи или фактора нравственного или материального порядка, который разъединил бы нас или препятствовал бы протянуть друг другу руки через Тихий океан. Эти два великих народа — свободный народ России и свободный народ Америки, великий народ Соединенных Штатов, представляющих самую старую, сильную и чистую демократию, — пойдя рука об руку, покажут путь, по которому пойдет человечество к счастью в будущем»¹³.

Дипломатическая переписка между двумя странами в течение нескольких месяцев весны—лета 1917 г. убедительно свидетельствует о том, что в этот период Россия и США начали согласовывать такие вопросы, как, например, послевоенное устройство Германии или судьба Османской империи, т.е., по сути дела, приступили к координации своей внешней политики по отношению к третьим странам и важнейшим проблемам глобальной безопасности. А это уже несомненный признак установления союзнических отношений. Ни с Великобританией, ни с Францией у США такого уровня доверительности на тот момент достигнуто не было.

Восходящая линия русско-американского военного, политического и гуманитарного сотрудничества была вскоре прервана в результате прихода к власти большевиков, перехода их в стан тогдашних злейших врагов России — милитаристской Германии и агрессивной Турции и последовавшего подписания ими сепаратного договора с ними в Брест-Литовске. По существу, холодная война берет свое начало в октябре 1917 г., когда большевики, по словам К. Каутского, «объявили войну демократии как форме государственного строя». Экспорт революции, экспансия коммунистической идеологии и строя в мировом масштабе были объявлены конечной целью. Насильственное насаждение большевист-

ского режима началось с порабощения русских, оккупации Красной Армией отколовшихся бывших российских губерний от советского Центра и большей частью вынужденно создавших независимые государства.

В ноябре 1918 г. Вильсон так выразил свое отношение к Советской России:

«Союзные державы не имеют более намерения придерживаться пассивной тактики по отношению к большевизму. В нем они видят единственного врага, против которого следует бороться... Большевицкая Россия не может быть принята в союз демократических и свободных народов».

Такую жесткую позицию США, однако, заняли не сразу. До этого, как известно, в январе 1918 г. Вильсон обратился с посланием к конгрессу, перечислив в 14 пунктах предлагаемые им условия послевоенного устройства. Урегулированию «русского вопроса» был посвящен 6-й пункт, который был предварительно согласован с не отозванным тогда еще из Вашингтона русским послом Бахметьевым. Этот пункт предусматривал «очищение всей русской территории» (от большевизма) и гарантирование России «искреннего радушного приема в содружество свободных наций»¹⁴.

Таким образом, правящий класс США видел отчетливую разницу между демократической Россией, покончившей с царизмом, и режимом большевиков, для которых демократия была лишь декларативным прикрытием установления тоталитарной власти. В первом случае Россию воспринимали в качестве составной части «демократической семьи народов», во втором — как инородное тело, которое не могло быть принято в сообщество свободных наций. Именно поэтому США сразу же признали Временное правительство и тянули с признанием СССР 16 лет.

После такого признания 16 ноября 1933 г. началась история не российско-американских, а советско-американских отношений, развивавшихся преимущественно в негативной парадигме. Конечно, и эта история знала не только падения, но и взлеты. Однако моменты сближения между СССР и США были связаны с совместным временным противоборством с общими угрозами. Такое сближение, в частности, стало возможным в ходе Второй мировой войны, когда был создан временный тактический союз для противоборства с фашистским режимом в Германии и милитаристским режимом в Японии. После Победы в 1945 г. холодная война между СССР и США была продолжена с удвоенной силой и не прекращалась вплоть до разрушения Берлинской стены в 1989 г.

Конечно, история не имеет сослагательного наклонения. И все же в ней, как известно, нет изначальной жесткой предопределенности, ведь ее творцами являются свободные люди, а не послушные автоматы. Это

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

значит, что каждый момент истории следует рассматривать как некий набор альтернатив. И мыслительный эксперимент поэтому здесь вполне допустим. Если говорить о 1917 г., то на основе приведенных выше документов очевидно, что в то время Россия и США стояли на пороге стратегического союза с полным совпадением национальных интересов по ключевым вопросам тогдашней мировой политики. Нетрудно себе представить, каким мир был бы в XX в. и каких бед удалось бы избежать, если бы этот намечающийся союз двух крупнейших тогда и наиболее динамично развивающихся (Россия развивалась тогда даже быстрее Америки) государств мира стал реальностью. А каким мир был бы сегодня, в начале XXI в. ...

Причина недоверия

Можно до бесконечности спорить, кто виноват в кризисном состоянии российско-американских отношений больше — русские или американцы. Но мы, русские, должны в первую очередь спросить сами себя: почему новая демократическая Россия находится у Америки на подозрении? Почему ее там нередко воспринимают как уменьшенную копию СССР, как своего рода «ядро империи зла»? В чем причина того, что американцы никак не могут определиться, как относиться к России — как к «побежденной» стране или как к полноценному партнеру, в сотрудничестве с которым можно строить новый мировой порядок?

Справедливость требует признать, что виноваты в этом прежде всего мы сами. Те сигналы, которые мы посылаем во внешний мир, носят крайне противоречивый характер. Мы словно задались целью всех запутать, сбить с толку. Сначала мы называем себя «Российской Федерацией» (в скобках «Россией») и яростно отрекаемся от всего советского. При этом новым (или старым) гербом провозглашается имперский двуглавый орел, а государственным флагом — «триколор». Советская пятиконечная звезда, однако, остается и на башнях Кремля, и на погонах российских военнослужащих. Красный советский флаг со звездой остается флагом Вооруженных Сил РФ. Далее президент новой России, покончившей, по его собственным словам, и с советским, и с имперским прошлым, утверждает советский гимн, из которого, правда, тот же автор выбрасывает слова про СССР.

Приезжающий в Москву иностранец видит памятники В. Ленину, К. Марксу, Ф. Энгельсу, Э. Тельману и Г. Димитрову, улицы — Большую и Малую Коммунистическую, Марксистскую, Товарищеский переулок, площадь Ильича, Ленинский проспект, станции метро — «Пролетарскую», «Бауманскую», «Октябрьскую», «Кропоткинскую» и т.д. В Санкт-Петербурге, Ростове, Казани, Новгороде, Уфе, Иркутске, Владивосто-

ке, Калининграде — все то же самое. Правда, при этом идет бурное восстановление православных храмов и мечетей, открываются воскресные школы и медресе.

Как это все понять? Мы сами не можем ответить на этот вопрос. Чего же мы требуем от американцев? Мы сами не знаем, что мы от них хотим, потому что не знаем, какую страну строим. В докладе Фонда Карнеги признается, что «США не располагают достаточно полным пониманием сути процессов, происходящих в России».

Отсюда — двойственное отношение американского политического класса к России. С одной стороны, в Стратегии по национальной безопасности 2006 г. четко сказано: «Россия и Америка имеют общие стратегические цели во многих областях международных отношений»¹⁵. Официальные лица США отмечают:

«Мы должны подтвердить свою приверженность укреплению нашего партнерства, потому что у наших стран слишком много общих интересов и нам брошено слишком много общих вызовов, чтобы мы могли позволить себе стоять врозь»¹⁶.

С другой стороны, в той же Стратегии по национальной безопасности говорится:

«В то же время мы объективны в оценке разногласий, которые разделяют нас, а также усилий и времени, которые потребуются для формирования прочных стратегических отношений между двумя нашими странами. Существующие в течение длительного времени сомнения и недоверие российской политической элиты к нашим инициативам замедляют развитие двусторонних отношений. Неоднозначная позиция России по базовым ценностям демократии и свободных рыночных отношений и имеющиеся у нас претензии к ней в области нераспространения ОМУ по-прежнему являются предметами серьезной озабоченности. Чрезмерная слабость России также ограничивает возможности для сотрудничества. Тем не менее предпосылок к его развитию сейчас значительно больше, чем в последние годы или даже десятилетия»¹⁷.

Разумеется, ни Америка, ни Европа сами не в силах наставить Россию на истинный путь и преобразить ее, как это было сделано в отношении побежденных Германии или Японии. Поскольку Россия не проиграла войны и не является побежденной страной, то прозрение у нас должно прийти изнутри. И первый шаг на этом пути — признание того, что весь XX в. мы шли по ложному пути. Давно пора перестать гордиться тем, что «Красная Россия» (СССР) обладала сверхдержавной военной мощью, создала ядерное оружие и контролировала треть стран земного шара. Горькая действительность заключается в том, что от коммунистического эксперимента русский народ унаследовал разрушен-

ное сельское хозяйство, слаборазвитую, а порой примитивную социальную инфраструктуру, отсталую экономику, которой все больше грозит опасность прогрессирующей деиндустриализации, изуродованную окружающую среду и неблагоприятные демографические тенденции.

О нынешнем состоянии страны нельзя судить ни по поверхностному блеску Москвы и Санкт-Петербурга (куда идет основной поток финансовых средств из регионов и из зарубежных стран), городов, которые пытаются сверкать как алмазы в сумерках русской ночи, ни по происходящим время от времени изменениям в темпах экономического роста. Нынешнее квазисоветское государство предлагает обществу жалкие формулы частичного выживания, следуя которым оно лет эдак через двадцать выйдет на уровень Португалии, потеряв 20 млн населения. Ведь даже если предположить, что мирового экономического кризиса не было бы и в ближайшее время в стране наблюдался устойчивый экономический рост в размере 7–8% в год, то к 2015 г. на долю России пришлось бы всего около 2,5% мирового ВВП, тогда как доля США вместе с ЕС сегодня составляет 45–50%, а Японии вместе с Китаем — 25%. Текущий мировой экономический кризис, больно ударивший Россию как периферийную экономику, не позволяет рассчитывать даже на двухпроцентную долю российской экономики в мировом ВВП к 2015 г. К 2025 г. население России может насчитывать 135 млн человек, тогда как население Китая уже сегодня составляет 1,5 млрд, население стран ЕС — 375 млн, население США — около 300 млн, а исламское население стран, примыкающих к России с юга (не считая турок), в 2025 г. составит 450 млн человек. Удвоение ВВП нельзя, разумеется, считать стратегией России, однако и этот тезис не является оригинальной выдумкой В. Путина и его окружения. Он перекочевал из Стратегии по национальной безопасности США 2002 г., в которой сказано: «Соединенные Штаты и другие развитые страны должны поставить перед собой смелую и конкретную цель — за десять лет удвоить объемы валового внутреннего продукта беднейших стран мира»¹⁸. Таким образом, и здесь у нас не своя, а чужая стратегия.

Как воспринимают нашу элиту

Российская правящая элита тем не менее как будто всего этого не замечает. Мы по-прежнему требуем «равенства» в партнерских отношениях с США, страной, которая превосходит Россию по численности населения вдвое, по объему ВВП — более чем в десять раз, по военным расходам — в тридцать раз, а по современным технологиям и экономической конкурентоспособности — еще больше.

Как же выглядит в глазах окружающего нас мира, в том числе и Америки, российская политическая элита? Все прекрасно видят, что в ее нынешнем виде она включает в себя в основном бывших советских аппаратчиков, криминализованных олигархов, руководителей КГБ и армии. От советского прошлого эти люди если и отрекаются, то лишь поверхностно: их умонастроения ярко отражает тот факт, что посреди Москвы, у Кремля, по-прежнему стоит Мавзолей, где в почете покоится забальзамированный труп основателя ГУЛАГа. За рубежом все превосходно понимают и то, что руководящий политический класс Российской Федерации в основном состоит из таких людей, которые, существуя Советский Союз и поныне, вполне могли бы сейчас трудиться на высоких должностях в советских руководящих органах, особенно в КГБ. В этом отношении наводит на размышления, например, политическая родословная В. Путина. Его отец был членом партбюро цеха, а дед служил поваром сначала у Ленина, а потом у Сталина.

Конечно, Запад и, в частности, Америка принимают политических лидеров РФ как руководителей новой России, имеют с ними дело, произносят правильные протокольные речи, тосты и пр. Но при этом там подозревают, что очень многие из них, хотя и избегают открытой враждебности по отношению к Западу, в сущности, остаются советскими людьми и советскими лидерами, которые стремятся прежде всего к восстановлению «великого и могучего» государства именно в качестве скорее СССР, чем исторической России.

Ничто так не показывает сохранение большевистского сознания нынешнего руководства России, как война в Чечне. С первой войной, надо полагать, все ясно. Именно она поставила Россию вне сообщества цивилизованных стран. Но вторая война началась как оборонительная — после вооруженного вторжения чеченских боевиков в соседний Дагестан. Месяц спустя последовала серия крупных террористических актов в российских городах. Это были действия, на которые было бы вынуждено ответить силой и любое западное государство. Однако шаги, предпринятые Россией, были таковы, что ни одно западное государство не то что не могло бы сделать нечто подобное, но даже и помыслить об этом. Массированные военные операции против части населения самой России — без видимых попыток ограничить потери среди гражданского населения и с многочисленными случаями массовых убийств и иных зверств.

Вот авторитетное суждение Т. Грэхема:

«Распад СССР не затронул политическую и социально-экономическую основу системы. Власть попросту упала в руки Ельцина и его сторонников, как перезревшее яблоко. Произошел почти незаметный переход старой по-

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

литической элиты в новую постсоветскую эру, при этом ее взгляды на политическую стратегию и природу власти ничуть не изменились. В результате за демократическим и рыночным фасадом “новой России” скрывалось хорошо узнаваемое “советское лицо”. Запад полагал, что идет политическая борьба между новым и старым, а на самом деле это было противостояние между разными вариантами старого. Неудивительно, что в отсутствие фундаментальных перемен в России начался процесс упадка и деградации. До того как СССР исчез с карты мира, в нем на протяжении двух десятилетий шел точно такой же процесс. Весь вопрос заключался в том, как глубоко и насколько долго будет падать “новая Россия”». И далее: «Она появилась на обломках СССР не как результат успешно реализованной стратегии, а скорее как историческая случайность, побочный продукт борьбы за власть и собственность в распадающемся государстве»¹⁹.

Официально коммунистическая система перестала существовать. Но «закрыв» одну идеологию, страна не создала новой. Национальное самосознание не могло возникнуть в одночасье — ему необходимо было преодолеть интернационализм и советскую идентичность. Тип государства, который сложился в России, не поддается никакому определению, кроме как «переходный» — при полной неясности, от чего к чему. На уровне бытовой и даже элитарной психологии новая Россия еще долгое время продолжала представляться прежним Союзом, только меньше. Многие и по сей день полагают и надеются, что СССР вот-вот возродится. Утратив принадлежность к соцсодружеству, Россия не обрела новой принадлежности к международной системе; все бывшие союзники разбежались; СНГ стало процедурой «цивилизованного развода»; в число западных государств Россия не вошла.

Во многом поэтому американские оценки происходящего в России и с Россией несли и несут на себе до сих пор отпечаток прежнего отношения к СССР. Россия рассматривается в США как прямая наследница СССР не столько в международно-правовом, сколько в историческом и социально-экономическом отношении. Для политического сознания существенно и то, что США всегда называли СССР Россией, а советских людей — русскими, не осознавая различия между этими понятиями. А потому с распадом СССР никаких изменений в восприятии нашей страны за океаном не произошло. Угроза возрождения СССР или коммунистической системы по объективным причинам может исходить только из России. Психология политической элиты США такова, что сама новая Россия должна доказать: она отличается от прежнего СССР. Изменение американских представлений — это проблема России, а не США. Такова реальность.

Еще раз подчеркнем: Россия должна недвусмысленно и безусловно определить себя в качестве наследницы не только СССР, но и всей ис-

торической России. Она не может тащить за собой в Европу лишь советское наследие. Она не может быть одновременно европейской и полусоветской-полуроссийской. До тех пор, пока этого не сделано, Запад, особенно США, будет оставаться начеку. И все попытки отстаивать наши национальные интересы — будь то возражения против расширения НАТО, политика сближения со странами СНГ или попытки заблокировать в Совете Безопасности ООН решение о военной операции США против очередного диктаторского режима — будут восприниматься там как «имперские амбиции». Россия может стать полезной частью европейской цивилизации, а еще шире — трансатлантического сообщества, лишь в качестве исторической России, которая до 1917 г. так всеми и воспринималась.

Пока же в Европе и США нас воспринимают в лучшем случае как страну, «находящуюся в переходном состоянии». В Стратегии по национальной безопасности 2006 г. так и говорится: «Россия находится в середине переходного периода на пути к демократическому будущему и партнерству с нами в войне против терроризма»²⁰. В другом месте Россия определяется как «потенциально великая держава», которая в настоящее время наряду с Китаем и Индией «находится в состоянии переходного периода»²¹. Неудивительно поэтому, что на ведение операций против России и поныне уходит свыше 50% средств разведсообщества США (ЦРУ, АНБ, РУМО, ФБР). Даже на все операции против терроризма американцы тратят меньше, чем против России. А в новой Стратегии национальной обороны США, утвержденной летом 2008 г., сказано, что потенциальную угрозу для Вашингтона в настоящее время представляют две страны — Россия и Китай²².

Почему пробуксовывает интеграция

Одна из коренных причин нестабильности политической составляющей отношений России и США заключается в том, что под всю конструкцию этих отношений до сих пор не подведена надежная экономическая основа. Главный национальный интерес России в этой сфере состоит в создании материальных условий для возрождения страны как мощной процветающей экономической державы на базе эффективных структурных преобразований в экономике в русле рыночных реформ и ее интеграции в мировое хозяйство.

Нашим «патриотам», подозревающим Америку в тайных кознях против России, небезынтересно будет узнать, что этот российский интерес полностью отвечает американским представлениям о будущем России. В Стратегии по национальной безопасности 2006 г. ставится задача «ускорить процесс интеграции России в евроатлантическое со-

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

общество». И даже такой «заклятый враг» России, как З. Бжезинский, которого у нас считают «зоологическим русофобом», писал в 1997 г.:

«Постепенное включение России в расширяющееся трансатлантическое сообщество — необходимая составная часть любой долгосрочной стратегии Соединенных Штатов Америки, нацеленной на укрепление стабильности на гигантском Евразийском континенте. Стремление к этой цели потребует терпения и стратегического упорства. Тут не может быть короткого и простого пути. Следует создать такие геостратегические условия, чтобы русские убедились: для самой России было бы лучше всего стать по-настоящему демократическим европейским постимперским государством, тесно взаимодействующим с трансатлантическим сообществом»²³.

В этом высказывании трудно уловить очередной «заговор против России». Ведь несмотря на распространенное мнение о том, что Россия является евразийской державой (она действительно является таковой, но лишь в геополитическом смысле), российская политическая элита и общественность видят свою страну европейской державой. Российская политическая и экономическая системы базируются на европейских традициях. Россия, безусловно, является органической частью европейского геокультурного пространства. Принадлежность к Европе — важнейший элемент осознания Россией своей сущности, самоидентификации. Именно осознание принадлежности к Европе лежит в основе недовольства России своей невовлеченностью в общеевропейские процессы — расширение ЕС и НАТО, о чем говорил Д. Медведев в декабре 2008 г. в Вашингтоне²⁴.

Справедливости ради следует, однако, заметить, что за последние двадцать лет Россия сделала для своей интеграции с Западом лишь немного из возможного. И главная причина состояла в отсутствии у нее четкого, целеустремленного курса.

В самом деле натовская программа «Партнерство ради мира», запущенная еще в 1994 г., действует в отношении со всеми посткоммунистическими странами, кроме России. Подписанный в 1997 г. основополагающий акт между Россией и НАТО не создал механизма подлинного сотрудничества в первую очередь по нашей вине. Не более эффективно работает и механизм совета «Россия—НАТО», созданный в 2001 г. А после событий в Южной Осетии, летом 2008 г., его работа и вовсе заморожена.

В 1994 г. Россия заключила Соглашение о стратегическом партнерстве и сотрудничестве (СПС) с Евросоюзом. Однако это соглашение осталось на уровне политической декларации: не был создан ни механизм подлинного партнерства с ЕС, ни механизм реализации крупных совместных проектов, не была разработана даже общая стратегия отно-

сительно развития Калининградской области. 1 декабря 2007 г. срок действия СПС истек, а нового соглашения до сих пор разработать так и не удалось. Отношения с ЕС (не с отдельными странами — Германией или Францией, а с Евросоюзом в целом) явно пришли в состояние серьезного упадка уже после тех событий, которые произошли в 2004 г. на Украине, а затем после событий 2008 г. в Южной Осетии. В этой ситуации разговор о четырех общих пространствах Большой Европы выглядит достаточно туманным и, прямо скажем, малоперспективным. Помпезный ритуал подписания «дорожных карт» ничуть не изменил эту безрадостную картину. В Европе вновь заговорили о разграничительных линиях, причем эта линия проходит теперь по границе Украины и России, которая стала объектом уничижительных замечаний и насмешек со стороны основных европейских элит как на общественном, так и на государственном уровне. С некоторых пор к ней стали относиться как к «большому человеку Европы». Все чаще ставится под сомнение сама принадлежность России к европейской цивилизации. С приходом в ФРГ и во Франции нового руководства полностью разрушен трехсторонний механизм политических консультаций Берлин—Париж—Москва. В полном тупике по-прежнему находятся российско-британские политические отношения.

Правда, на одном из саммитов Россия—ЕС было обещано сформулировать и представить концепцию единого экономического пространства. Все, однако, понимают, что это будет только новая политическая декларация, ведь для создания лишь предпосылок единого экономического пространства нужна тщательно продуманная поэтапная программа перехода России на общеевропейские экономические и правовые стандарты. Ясно, что реализация такой программы растянется на многие годы. Пока мы не можем создать единое экономическое пространство даже в рамках четырех стран — России, Украины, Белоруссии и Казахстана. О каком же общеевропейском экономическом пространстве можно говорить?

В то время как большинство посткоммунистических стран, включая бывшие союзные республики, уже давно состоят в ВТО, Россия продолжает вести многолетние переговоры с этой ключевой экономической организацией Запада об условиях своего в ней участия.

Наконец, российское участие в «Группе восьми» носит в основном ритуальный характер и потому мало что говорит о ее общем отношении к интеграции с Западом. В ближайшие годы процесс интеграции будут определять уже не столько политические жесты, сколько то, в какой мере Россия соответствует международным экономическим и правовым стандартам ключевых западных институтов. Необходимо, чтобы и Россия к

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

вступлению в эти институты, например в ВТО, относилась не как к очередным «политическим трофеям», а как к средству, позволяющему завершить экономические преобразования и обеспечить прочное, признаваемое всеми место в мировой экономике. Такого подхода придерживался в течение последнего десятилетия, в частности, Китай. В результате сегодня эта азиатская страна неизмеримо больше интегрирована в мировое экономическое пространство, чем «европейская» Россия.

Явно заторможенный процесс интеграции России в международные экономические и военно-политические институты, пробуксовывающий во многом лишь из-за рудиментов неизжитого советского внешнеполитического мышления, в частности антиамериканских комплексов, сопровождается к тому же весьма ревнивым отношением к более успешным интеграционным шагам наших соседей, в том числе и постсоветских государств. Иначе как абсурдным такой подход и назвать нельзя. Ведь мы сами провозгласили в качестве стратегической цели такую интеграцию! Все это вызывает у наших партнеров по меньшей мере недоумение.

Представим себе, что Россия двадцать лет назад не только объявила бы миру, что приветствует расширение европейских экономических и политических организаций, не возражает против вступления в эти и другие западные структуры всех желающих и надеется, что и сама сможет со временем к ним присоединиться, но и все эти годы последовательно придерживалась бы этого курса. Такая линия не только в огромной мере ускорила бы интеграцию России в сообщество развитых стран, но и способствовала бы социальному оздоровлению ее элиты, избавлению от стереотипов советского антизападного мышления, которые и являются главным тормозом на пути России в трансатлантическое пространство.

Пора делать выбор

Выход на новые отношения с Западом требует от России скорейшего преодоления ее внутреннего разлада с собой, трезвого осознания своего нового качества и возможностей, своих национальных интересов, самодисциплины и ответственности. От Запада также требуется немало, в том числе преодоление инерции «самонадеянности силы», ложного комплекса «победителя в холодной войне», в частности, от США — позиционирования себя как «незаменимой нации». Вашингтону предстоит осознать, что с распадом СССР в мировой политике перестало существовать явление сверхдержавности как таковое. США должны признать, что внешнеполитический курс, ориентированный на получение от России односторонних уступок в качестве цены за политическую поддержку российских реформ, себя не оправдал; оставить иллюзию о том, что с ней можно построить партнерство патерналистского

типа, навязав роль младшего партнера. Стремление России к влиятельному положению в мире должно восприниматься с пониманием, и не по причине ее прошлого, а в предвидении ее возможной роли в будущем.

И все же российскому политическому классу по сравнению с западноевропейским и американским предстоит пройти более далекий путь, ибо он связан с весьма болезненной ломкой советского мышления. Как справедливо отмечает Т. Грэхем, «успех лежит в новой самоидентификации страны в современном мире, к чему большинство россиян и политической элиты страны еще не готово»²⁵.

Если, например, мы позиционируем себя в качестве тысячелетней России, то партнерство и даже стратегический союз с ЕС и США для нас — естественное состояние, поскольку в этом случае наши стратегические интересы в целом совпадают. Тогда, например, размещение американских вооруженных сил в Центральной Азии, в Восточной Европе, на Кавказе, уже не говоря о Ближнем Востоке и Афганистане, — величайшее благо для России, которая сама конечно же пока не может справиться ни с проблемой Афганистана, ни с проблемами Кавказа.

Если мы — тысячелетняя Россия, тогда возможны такие совместные с Западом проекты, как проект по Кавказу, проект по Ирану, проект по демократическому реформированию Белоруссии и т.д. Это, конечно, не означает, что национальные интересы России и западных стран будут совпадать везде и во всем. Но только определившись в своей глобальной стратегической ориентации, Россия сможет четко сформулировать и свои приоритеты по проблемам региональной безопасности. Тогда у руководства США и других западных стран будет ясное представление о тех пределах, за которыми может начаться прямое столкновение их национальных интересов с интересами России.

Например, очевидно, что разгром Талибана в Афганистане, удары по «Аль-Каиде», ликвидация режима С. Хусейна существенно подрывают транснациональный терроризм, замешанный на исламском экстремизме. Это злейший глобальный враг России, угрожающий ее национальной безопасности, самому государственному выживанию страны. Совершенно очевидно, что его поражение в сто раз важнее, например, всех контрактов «Лукойла» с Ираком. Так почему же мы в одном случае поддержали США и их союзников, а в другом не договорились с ними о взаимодействии?

Россию и Америку, в частности, объединяют, помимо торгово-экономических интересов (эти интересы в основном нас объединяют с Европой), стратегические интересы в области глобальной безопасности. И американцы прекрасно понимают, что без Франции и Германии эти интересы могут быть обеспечены, а без России как страны, занимаю-

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

щей ключевые позиции на самом важном с точки зрения глобальной безопасности континенте Евразии, нет.

К этому следует добавить, что трезвомыслящие американцы прекрасно понимают пределы могущества Америки. В самих США даже сторонники однополюсного мира еще в начале 1990-х годов говорили о доминировании США как **о моменте однополярности**²⁶. О моменте, а не об эпохе. Они далеко не были уверены, что момент перейдет в эпоху или эру однополярности. И правильно сомневались. Торжество одного полюса миру не грозит, и в одиночку с новыми угрозами и вызовами XXI в. этот полюс, как убедительно показали события начала XXI в., не справляется.

Например, в проведении долгосрочной кампании против транснационального терроризма обойтись без России американцам оказалось весьма сложно. Кризис показал, что в районе Центральной Азии ни одно государство не обладает такими политическими и военно-техническими возможностями, как Россия. Сотрудничество с ней, ее поддержка для США оказались незаменимы.

В этих условиях у Запада на всем земном шаре нет более перспективного и эффективного партнера, чем Россия. Россия, разумеется, прозревшая и определившаяся в своих глобальных и региональных национальных интересах. Это настроение точно уловил Т. Грэхем:

«Глядя на современную Россию, многие на Западе и на Востоке готовы списать ее со счетов. Однако это опасное заблуждение, поскольку сверхслабленная Россия продолжает оставаться важным фактором для безопасности США. Дело в том, что само ее существование и географическое положение обеспечивает геополитический и геоэкономический баланс в Европе, Восточной и Южной Азии, включая нефтеносный Персидский залив. Кроме того, Россия остается доминирующим государством на территории бывшего Советского Союза и сохраняет здесь значительные рычаги влияния, обладает правом вето в Совете Безопасности ООН, большим арсеналом ядерного оружия, а также богатейшими природными ресурсами, от которых в значительной степени зависит экономика Европы и мира в целом»²⁷.

Пока, однако, сотрудничество России и Запада не носит устойчивого и долгосрочного характера. В Москве, например, считают, что под знаменем борьбы с терроризмом США осуществили очередное крупное геополитическое наступление, прежде всего в Центральной Азии и на Кавказе — регионах, которые Россия ранее объявила зонами своих жизненно важных интересов. Многие по-прежнему не довольны демонстрацией Договора по ПРО, ужесточением США своей военной доктрины, форсированием планов расширения НАТО, нежеланием отменить поправку Джексона—Вэнника, нажимом на Россию в плане ядерного

сотрудничества с Ираном, односторонними действиями в Северной Корее, малым объемом американских инвестиций в российскую экономику и т.д. и т.п. Большинство российской элиты, таким образом, убеждено, что сотрудничество с американцами вновь оказалось «улицей с односторонним движением» — движением России в направлении учета интересов США при продолжении их прежней линии, пренебрегающей интересами России.

Однако вместо того чтобы стенать по поводу некоторых достаточно эгоистичных действий американцев, российский политический класс должен осмыслить то, что произошло в России и в мире за последние двадцать лет. И сформулировать наконец новую, новаторскую концепцию российско-американских отношений, отбросив стереотипы старого, по существу советского мышления. Из своего рода самоцели, как это было в недавнем прошлом, отношения с Западом для России должны приобрести значение мощного средства решения российских внутри- и внешнеполитических задач, обеспечения как национальной, так и международной безопасности.

Евразийский геополитический балансир

Сохранение геополитической миссии России как евразийского стабилизатора является одним из главных средств предотвращения сползания Европы, да и мира в целом, к геополитическому хаосу. В нынешней неразберихе, порожденной окончанием военно-силовой конфронтации между двумя сверхдержавами и распадом одной из них, различные политические силы стремятся реализовать свои интересы. В совокупности это способно вызвать настоящую лавину геополитических изменений, которая может стать неуправляемой. Причем дело не закончится изменением границ лишь России или других сопредельных новых независимых государств. Цепная реакция грозит распространиться на весь земной шар. Тогда может начаться повсеместный территориальный передел мира, его ресурсов и стратегических рубежей. Уже стало вполне очевидным, что США как единственная оставшаяся сверхдержава в одиночку не справляются с этим глобальным вызовом. Однако для того, чтобы Россия была способна выполнять роль силового балансира и гасителя катаклизмов — роль, которую она уже неоднократно играла в мировой истории, нельзя допустить дробления самой России. В противном случае, если она сама окажется в состоянии дисбаланса и хаоса, последние, подобно волнам, начнут распространяться от нее по всем направлениям вовне.

Ослабление России неизбежно приведет к резкому обострению военно-политической ситуации в странах СНГ, Прибалтики, Восточной

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

Европы, Средней Азии, Ближнего Востока и, как следствие, в Западной Европе и во всем мире. Укрепление новых центров силы на мировой арене (США, Евросоюз, Япония, Китай) ставит Россию, занимающую важное геостратегическое положение, под активное влияние этих центров, которые стремятся вовлечь в свою орбиту сопредельные России государства. Иными словами, в XXI в. не исключен новый передел мира, передел сфер влияния. Чтобы не стать яблоком раздора и предметом дележа, Россия должна быть мощным в экономическом и военном отношении, стабильным государством и ядром евразийского центра сил, по крайней мере на территории постсоветского пространства.

Чечня — это иллюстрация того, к чему может привести ослабление России. Сегодня по-прежнему реальна угроза тотальной геополитической нестабильности в Евразии: слабая Россия — предмет экспансии исламского фундаментализма, Турции, бурно развивающегося Китая и некоторых других стран. Нельзя поэтому допустить разрушения евразийского геостратегического монолита, низведения России до положения третъестепенной державы в Европе и Азии. Россия никогда не превратится в средневропейскую страну по типу Финляндии, своего рода «задворки Европы». Глобальная, общеконтинентальная роль состоит в укреплении ее среднеазиатских границ, которые для России являются не мягким подбрюшьем, а форпостом. В условиях, когда исламский экстремизм в мире приобретет новые, более агрессивные формы, Россия объективно превращается в преграду угрозе с Юга, причем столь же иррациональной, что и угрозы, исходящие от агрессивных режимов Ближнего и Среднего Востока. Это отвечает национальным интересам Западной Европы и США, которые заинтересованы в сохранении подобной миссии за Россией, поскольку евроатлантическое сообщество нуждается в сдерживании непредсказуемого и конфликтующего Юга. А потому они объективно заинтересованы и в том, чтобы сохранить и укрепить территориальную целостность и единство России, возродить ее как сильную державу, способную проводить в сотрудничестве с ними сильную как европейскую, так и азиатскую политику. Без сильной и дружественной России Западу вряд ли удастся создать стабильный и предсказуемый мировой порядок в XXI столетии. Если Россию бездумно оттолкнут в лагерь маргиналов, вся международная система повиснет в воздухе, лишится солидной опоры. Ведь демонстрируемая Вашингтоном сейчас опора на военную силу просто не срывается.

А соответствует ли такая роль интересам самой России? Дело в том, что у нее просто нет выбора: она не может «укрыться» от потенциально

грозного Юго-Востока. С другой стороны, быть опорой стабильности в Центральной Евразии — это не только неизбежный жребий, но и открывающаяся перспектива возрождения авторитета России, исторический шанс, позволяющий ей занять свое законное место в системе международных отношений. В этой связи вполне естественно, что сегодня в российских политических и государственных кругах, вне зависимости от их политической ориентации, растет озабоченность одной проблемой: восстановлением возможностей России выполнять в мире предназначенную ей роль. И это не пресловутые «имперские амбиции», а забота о собственном безопасном развитии и о таком же развитии мира. Это понимают и наиболее дальновидные политики США, Германии, Франции, Китая, Японии и других стран, которым нужна сильная Россия, мирно взаимодействующая со всеми остальными государствами мира. Речь при этом идет не о «малой России», которая в 1991 г. вышла из «России Большой», а именно о евразийском геополитическом монолите, каковым была Российская империя и на путь формирования которого рано или поздно должна встать современная Россия и другие государства СНГ.

В связи с этим крайне недальновидным является политика «геополитического плюрализма», которую проводят определенные круги США и Западной Европы, дипломатическая игра на противоречиях между Россией, Украиной, Казахстаном и другими бывшими республиками СССР в соответствии с извечным принципом баланса сил: «разделяй и властвуй». Невильсонизм является провокацией по отношению не только к России, но и к миру, где сегодня взаимодействуют силы, которых подчас недооценивают. Многополярное балансирование и раньше с абсолютной неизбежностью вело к мировым войнам. В век ракетно-ядерного оружия эта политика самоубийственна. Все отлично знают, что слабость провоцирует агрессию — такова аксиома мировой истории. Поэтому и Запад, и весь мир должны быть заинтересованы в сохранении определенного равновесия сил в мире. Нарушение этого баланса, стремление использовать временную слабость России, могут окончиться катастрофой для всего мира.

В этой связи далеко не случайны такие вот, например, высказывания американских экспертов из корпорации РЭНД:

«Россия является главной среди бывших советских республик и государств Варшавского Договора. Россия имеет долговременный военный и стратегический потенциал, которого нет ни у одной из стран мира, за исключением США. Отношения США с Россией — основополагающие для будущего международной безопасности. Отношения с другими государствами, преж-

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

де входившими в бывшую советскую империю, никогда не будут столь же важны. ... Сильная Россия более желательна и в качестве конструктивного участника сложного процесса национальных реформ, чем разочарованная, деморализованная и озлобленная. Она будет больше сосредоточена на законных региональных интересах и меньше склонна к авантюрам, чего нельзя будет сказать о раздробленной, страдающей ксенофобией России, имеющей на вооружении 27 000 единиц ядерного оружия»²⁸.

Можно сослаться также на мнение депутата бундестага графа Ламбдорфа:

«В первую очередь нам необходима сильная, внутренне прочная демократическая Россия с народом, являющимся полноправным сувереном страны. Только такая страна способна реализовать те важнейшие задачи, которые стоят перед ней: достижение внутренней стабильности и — как обязательное условие — интеграция большей части постсоветского евразийского пространства в единое цивилизованное экономическое сообщество».

Смысловое пространство

Встречая XXI век и второе тысячелетие нашей эры, многие люди ждали конца света. Страх перед будущим, которое предстает как соотношение опасностей и возможностей, тревог и надежд, характерен и для ныне живущих поколений. Боязнь грядущего коренится в тревожных, а порой и драматичных реалиях нашего времени, рождает непонимание и сопротивление, панику и жестокость, другие опасные проявления цивилизации конца XX в.

Особенно актуально это для России, которая не впервые переживает кризисный период своего развития и вновь находится в процессе перемен. Ей особенно важно найти пути преодоления страха перед будущим. Настроения народа в ситуации неопределенности на рубеже веков могут критически обостриться, дать выброс негативной социальной и духовной энергии. В этих условиях необходимо общими усилиями возродить в людях надежду и веру в будущее своей страны, в самих себя. Россия осознает масштаб вызова и способна с ним справиться. В конце концов, Россия находила выход из куда более драматичных ситуаций в ходе национальной истории, добиваясь затем больших успехов в своем развитии. Так будет и впредь.

Лучшее, что может Россия сделать для мира в целом, — это не погибнуть. Сегодня ее историческая миссия — уцелеть. А для того чтобы уцелеть, Россия должна по крайней мере обеспечить свою территориальную целостность, т.е. удерживать то, что есть, не допустить демографической катастрофы. Она должна терпеть и много, упорно работать.

Российская цивилизация на рубеже тысячелетий, отказавшись от своего универсального проекта, столкнулась с натиском других универсальных культур — «американоцентризма» и исламизма. Обе эти культуры представляют собой исторические проекты, которые претендуют на глобальность и предлагают современному человеку относительно простые решения сложных проблем нашего мира. Поэтому Россия, по сути дела, стоит перед выбором: либо уступить этому натиску и раствориться в одном из них, а может быть, частями в обоих, или же выдвинуть свой универсальный проект, подтвердив свою историческую традицию и способность мыслить проектными формами истории. И если «исламский вызов» России вряд ли грозит (ведь она всегда была не только православной, но и мусульманской страной), то смысловая агрессия американской массовой культуры для нее — реальная опасность.

Роль и место России в мире никогда не сводилось лишь к геополитическому измерению. Они неизмеримо более значительны. Россия всегда была особой цивилизацией, особым миром со своими ценностями и интересами, более того — особым смысловым пространством. Она выполняла в мире свою особую сущностную и цивилизационную роль.

Соприкасаясь почти со всеми основными мировыми религиями, культурами и цивилизациями, Россия представляет собой своего рода собирательный образ мира, тогда как США — скорее, «сборная» мира. Это и есть роль России в системе различных цивилизаций и центров мира. Ею предопределены национальное самосознание и мироощущение русского народа, совокупность интересов России, которым должно соответствовать государственное, общественное, экономическое устройство.

Единство империи в России по ее высшему замыслу не означало единообразия или единомыслия. Более того, когда единство заменялось единообразием и единомыслием, империя терпела крушение, и во всем мире возникали конфликты и бедствия (так как нарушался весь миропорядок). Российская духовная иерархия существовала как сочетание граней других духовных иерархий мира. Да, Россия, конечно, православная страна, но она и мусульманская, и буддийская, и католическая, и протестантская, и иудейская страна. Граждане России могут принадлежать к разным религиям или быть атеистами. Но российский человек является именно российским православным, мусульманином, буддистом, католиком, протестантом, иудеем, а не представителем этих конфессий вообще.

Что касается имперского сознания, то его можно определить как систему ценностей, в которой приоритетное место отведено поиску некоего общего пути. В этом смысле полной противоположностью имперскому сознанию является сознание, так сказать, большевистское. Это

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

система таких «ценностей», где во главе угла — сиюминутная выгода правящей верхушки. Если, например, верхушке кажется, что это укрепит ее власть, она может пожертвовать и собственным народом, натравливая одну его часть на другую по национальному, конфессиональному или любому иному признаку.

Поэтому бездумное и неосмотрительное вхождение России в «цивилизированное евроатлантическое сообщество» может означать замену своей системы ценностей на чужую, вхождение в чужое смысловое пространство и отказ от своего смысла, реальную угрозу уничтожения смысловой основы российской цивилизации. В связи с этим возникает вопрос: не явились ли сепаратистские устремления сначала бывших советских республик, а затем и ряда регионов России (Чечня, Татарстан, Тува и др.) в большой степени следствием принятия федеральным центром однозначной ориентации на западный образец развития, чуждый по сути отделяющимся народам и всей Евразии? Не исключено, что это именно так, и в ряде случаев срабатывал почти физиологический механизм отторжения подобного образца в целях самосохранения.

Дважды в XX в. смысловая основа российской цивилизации ставилась под удар. Следствием этого было крушение огромной империи, а весь мир начинал колебаться на грани катастрофы. Не пора ли сделать из этого выводы? Вместо того чтобы навязывать друг другу системы ценностей, порожденные предназначением своих цивилизаций (это вредно, а иногда и губительно, как переливание крови несовместимых групп), нужно помогать друг другу в самоосознании своего предназначения. Плавное и безопасное развитие мира — в сохранении и сосуществовании цивилизаций, его образующих. Пока будет игнорироваться этот принцип, о плавном и безопасном развитии мира и речи быть не может.

Мир полицентричен — это его сущностная основа. Каждая из цивилизаций, будь то Запад, Россия, мусульманский мир или Китай, играет в мире свою роль и развивается в общецивилизованном потоке самостоятельно, своим путем, не отказываясь от своих, только им присущих ценностей. Причем каждая из них сама по себе является сложнейшей системой. Например, Запад — достаточно сложно взаимодействующая триада: Европа—США—Япония. Как невозможно отменить закон тяготения, так невозможно отменить принцип полицентризма. Это не удалось в 1917 г. коммунизму, в 1941-м — фашизму, не удастся это никому и сегодня, в том числе США с любым новым вариантом «общечеловеческих ценностей». Имеющие общий источник, цивилизации разнообразны, но не враждебны друг другу. В этом устойчивость мира — любое слияние смыслов уничтожит их сочетание в многообразии, и мира не будет.

Покушение на многогранность мира — посягательство на законы мироздания. Стремление одного из центров достичь за счет других преобладания того смысла, хранителем которого он является, господства над другими центрами создает угрозу вырождения всей мировой системы центров. Вот почему сегодня следует отказаться от таких aberrаций массового сознания, как американоцентризм, европоцентризм, разобрататься в истории человечества, рассматривая последнее не как единое целое с единственным центром где бы то ни было, а как мозаичную целостность, вид, разбитый на разные ландшафты. Европа — центр мира, но и Палестина — центр мира. Иберия и Китай — центры, и т.д. Европоцентризм или американоцентризм — явления бедственные, а иногда даже губительные. По меньшей мере опрометчиво рассматривать будущее мирового сообщества как вестернизацию мира.

Система цивилизаций, центров мира воплощает его сущность. Он живет как бесконечно обновляющееся единство частных, проявлений целого. Многоликость цивилизаций — сущностная основа мироздания. Каждый из центров мира воплощает одно из его идейных проявлений, и этим создается и поддерживается мировая цивилизация в целом. Франция — «прекрасная», Англия — «старая добрая», Германия — «ученая», Америка — «деловая», Россия — «святая». При этом каждая цивилизация выполняет свое предназначение, и когда ее миссия сталкивается с внешним непониманием и неприятием или теряется смысл существования у самой цивилизации — это всегда выливается в трагедию, нередко выплескивающуюся на соседей.

Например, западное смысловое пространство создало необычайно предприимчивую техногенную, по определению В. Шубарта, прометеевскую цивилизацию и, как следствие, высочайший уровень жизни, при котором потребляется ресурсов больше, чем производится самой цивилизацией. Российская цивилизация, будучи, по А. Тойнби, «сестринской» по отношению к западной, не столь преуспела, как западная, в производстве материальных благ и услуг, но создает для всего мира уникальные условия для производства новых нетленных ценностей. Отечественные «высокие технологии» ценны не сами по себе, а тем, что при их создании были выращены целые «школы кадров», способные вновь и вновь создавать еще более «высокие технологии».

Проблема унификации мировых культур в известной степени была обусловлена напористым мессианством США после распада биполярного мира. Из среды американских политиков стали раздаваться призывы воспользоваться «победой» в холодной войне и развалом Советского Союза для дальнейшего продвижения американских ценностей в Европе и других регионах. США восприняли окончание холодной вой-

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

ны как крупнейшую победу и возможность направлять развитие всего мира в направлении, отвечающем свойственному им специфичному видению будущего. Именно этим объясняется последовательно вводимый в практику международных отношений принцип «двойного стандарта», предполагающий заведомо разные правила игры на мировой арене для государств, представляющих различные культурно-религиозные ареалы. Именно этим диктуется и непреодолимое стремление расширить НАТО, довести ее границы до «естественных» границ западной цивилизации и превратить в ее военно-политическую основу.

Идеологический абсурд — везде абсурд, даже если дело происходит в стране — «лидере свободы». США не просто стремились превратить бывшего стратегического противника в предсказуемую и управляемую страну, где ключевую роль играют «атлантисты», они еще хотели, чтобы Россия обязательно стала похожа на Америку, чтобы русские верили в то же, во что верят американцы. Подобное идеологическое мессианство американцев до карикатурности было похоже на прежнее идеологическое мессианство КПСС. Отсюда неспособность увидеть ничего, кроме того, что похоже на родное, американское.

Сегодня мессианство американской культуры уже не столь популярно в мире. Оно вызывает противодействие на Ближнем Востоке, в Африке, Азии и Латинской Америке, диктуемое не чем иным, как простым инстинктом сохранения собственной идентичности. Это в свою очередь вызывает культурно-религиозное противостояние, которое нередко превращается в политическое. В самом же худшем случае оно приводит к войнам. Холодная война началась в конце 1940-х годов во многом из-за желания Сталина распространить советскую, коммунистическую систему на весь мир. Сегодня мы являемся свидетелями того, как желание США ускорить победу «демократии» во всем мире начинает провоцировать новые конфликты, новое отчуждение между народами.

Россия и Запад

То, что мы видим сейчас, — это не «конец истории». Даже для Запада. У него есть свое будущее. Но новая весть для Запада, возможно, придет из России. Кризис общества потребления — это симптом ухода не цивилизации, а лишь устаревшей формы ее существования.

Как справедливо полагает С. Кургинян, Запад — это нечто большее, чем общество потребления. А человеческий универсум — это нечто большее, чем Запад. По большому счету он ничего общего не имеет с унифицированным человечеством. Верно утверждение А. Герцена: «Без западной мысли никогда не поднимется наш российский собор выше

фундамента». Однако и Запад должен понять, что Россия — то место, откуда видны и его перспективы, и его болезни. Это не помойка Запада, а его очиститель, его смысловой дренаж. Перекрывая этот дренаж своими отходами, Запад убивает себя. Ненавидя Россию, он тоже убивает себя. Превращая Россию в себя, он убивает и себя, и весь будущий универсум.

Раньше Запад понимал это, но он об этом забыл. И теперь в эйфории, связанной с победой, как ему кажется, либеральных ценностей, так и не может вспомнить, были ли общечеловеческая История и Культура. И это страшно. Еще страшнее, когда, будучи неспособным вспомнить о них, Запад, точнее не самая дальновидная его часть, цепляется за технику и дегуманизованную науку как за Всеобщее. И совсем страшно, когда, мучаясь амнезией, Запад упражняется в русофобии. Россия — память Запада о Всеобщем, память Запада о себе самом, а Запад хочет именно убить эту память. Вот почему подлинный патриот России одновременно является и патриотом Запада. Тайна России в том, что она не элемент, вычлняемый из системы, который можно так или иначе использовать, и даже не часть некоего целого, а одно из его начал. Россия — это империумное начало универсума, его духовная ипостась, воплощение его свободы воли. Конечно, без нее — Большой Проблемы для Запада нет, но значит, нет ни Большой Культуры, ни Большой Теории, ни Большой Политики, ни Большой Истории. Нет России — нет универсума.

Мессианские притязания России, вытекающие из глобального восточно-христианского универсализма, включающего и Запад, и политически выраженные в знаменитой идее Третьего Рима, отражают лишь тот факт, что она является оппонентом Запада в вопросе о глобальном развитии. При этом российская парадигма носит фундаментальный характер и предполагает не отрицание развития и не копирование чужих наработок, а именно поиск *иного развития*, возможного его варианта или разновидности. В этом смысле, в этом (и только в этом!) качестве Россия может называться Восточной империей. Если есть История, т.е. динамика мирового развития, и есть Запад, что, в общем-то, условно в контексте мироздания, со своей исторической версией, то у него должен быть и исторический оппонент. Причем здесь история имеется в виду именно как Всеобщая история (т.е. история человечества), а не истории, в том числе истории отдельных цивилизаций. В этом же смысле понимается и Развитие. В классической теории западной модернизации есть субъект, но нет диалектики, нет преодолеваемой двойственности в модели развития, т.е. отсутствует подлинная динамика исторического процесса, подменяемая одномерной, упрощенной, а значит, неисторической схемой, выдаваемой за Историю²⁹.

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

Возрождение России предполагает не формальную реставрацию, а нечто гораздо большее — восстановление кодов альтернативности. На первый взгляд кажется, что вероятность успешной модернизации по западному образцу намного превышает вероятность успеха стратегии прорывного развития, но при тщательном рассмотрении выясняется, что это не так. Во-первых, есть серьезные основания сомневаться в принципиальной и реальной осуществимости проекта модернизации в России по западному образцу. Во-вторых, существует альтернатива западному варианту модернизации. России категорически необходимо перейти в парадигму не имитационного, т.е. догоняющего, а именно опережающего развития, а следовательно, альтернативного.

Опережающее развитие России может идти лишь с опорой на инновационный проект и в парадигме альтернативности, парадигме прорыва. При этом прорыв вовсе не предполагает возвращения к мобилизационной модели. Он апеллирует не к реставрации, а к радикальной, коренной Реформации.

Безальтернативность западного пути развития внушалась России отечественными и зарубежными либералами почти гипнотически. Но теперь уже можно сказать точно: страна отвергла этот проект, поняв, что у нее иной путь. Столь же сознательно Россия несколько раз срывала становление национального государства. То, что мы видим сейчас, — это своего рода очередной протест русского духа против слишком простых, не адекватных ему форм самоидентификации.

Впрочем, не следует забывать, что борьба России с Западом, которую Н. Бердяев называл борьбой духа и машины, — не такая простая вещь. Машина, говорил Н. Бердяев, — это момент пути духа. Запад, выбросив машину из недр своего духа, стал ее рабом. Россия не стала рабом машины, но это не значит, что Россия должна материальной силе предпочесть лишь силу духа. Дух России должен бесстрашно идти по пути материального развития, который только и может его раскрепостить окончательно, открыв совершенно новые горизонты. Поэтому нельзя, строго говоря, противопоставлять дух машине. Можно противопоставлять низкому, рабскому духу, поработанному машиной, дух свободный и высокий³⁰. В той же мере и такие институты как социально ориентированный рынок, гражданское общество, правовое государство, частная собственность, права человека — являются универсальными ценностями, создающими предпосылки для устойчивого демократического развития любого общества. И Россия должна, не колеблясь, внедрять их в свою национальную модель. Однако не слепо, а сообразуясь с культурно-исторической спецификой страны, учитывая ее цивилизационную вековую традицию.

Русский народ и его миссия

Предположим, что у каждого народа своя историческая миссия. Модели развития могут быть разными. Миссия — одна-единственная. Она есть содержание, стержень, душа народа. Модель развития, форма государственности — лишь ее тело, оболочка. Ведь вековой интерес народа не может сводиться лишь к самосохранению этноса (суперэтноса), его развитию и распространению влияния. Это относится к средствам выполнения миссии и не выходит за пределы этих средств. Миссия же — это цель, национальная идея, выходящая в трансцендентное. «Нации — это мысли Бога», — афористично выразил эту мысль Г. Гегель.

У каждого народа в период кризиса или подъема появлялась национальная идея, стоящая выше утилитарной задачи самосохранения, воспроизводства и развития этноса. В такие переломные моменты своей истории этот народ инстинктивно сознавал себя носителем некоей исторической миссии, выходящей за пределы обыденной жизни.

Если предположить, что каждая нация во всемирной истории выполняет свою историческую миссию, то нельзя не видеть, что у некоторых наций имеется и сверхзадача. Такие нации Л. Гумилев и Д. Андреев относили к категории супернаций, или сверхнародов, представляющих собой совокупность наций, объединенных общей, совместно создаваемой культурой. Понятие «сверхнарода», таким образом, идентично понятию «суперэтноса».

Если говорить о русском народе, то, как уже говорилось выше, он всегда был центром этнического и культурного притяжения не только славян, но и сопредельных народов. И в геополитическом, и в этническом, и в культурно-цивилизационном отношении русский народ, держатель великой империи, был в большей степени «российским», чем «русским», и в силу этого никогда не был «нацией» в западном смысле слова. В отличие от стран Западной Европы Россия никогда не руководствовалась идеей создания национального государства, никогда не ставила знака равенства между нацией и государством.

В связи с этим русская национальная идея не имеет никакого отношения к русскому национализму. Именно русские философы и этнографы всегда настаивали на том, что в культурно-цивилизационном плане человечество едино и представляет собой, по выражению В. Соловьева, «некоторый большой организм» или «великое собирательное существо», а нации являются лишь переходным, промежуточным звеном развития этносов в направлении сверхнационального, планетарного единства³¹.

Более того, чтобы приблизиться к пониманию русской национальной идеи, нужно отказаться от самой основы национализма и признать,

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

что история этносов и цивилизаций — это общая история человечества. Россия же всегда была частью этой единой цивилизации. Она никогда из нее «не выпадала». Разговоры о «возвращении» России в «общество цивилизованных стран» не только не историчны — они абсурдны.

Процессы глобализации дали новое подтверждение этого тезиса. Сейчас стало особенно ясно, что при всей кажущейся драматической разделенности современного мира, в котором, казалось бы, стремительно нарастают мощнейшие импульсы национализма и господствует глубокая социально-экономическая, политическая и идейная разобщенность, он, несомненно, движется к некой новой исторической общности, медленно, но неуклонно интегрирующей разрозненные его части в единое целое. Но может ли это движение осуществиться автоматически, без какого бы то ни было осмысленного проекта? Вероятно, нет. Иначе чем объяснить непрекращающиеся и многочисленные, хотя и до сих пор неудачные, эксперименты, такой проект не только изобрести, но и внедрить в практическую жизнь, и испробовать на себе? Если это так, то рано или поздно должен заявить о себе и носитель великой объединительной миссии. Претендентов на эту роль в мировой истории было немало: и Юлий Цезарь, и Александр Македонский, и Чингисхан, и Тимур Тамерлан, и Карл Великий, и Наполеон, и Гитлер, и Ленин.

Идея объединения человечества воплощалась в разной форме — имперской, религиозной, фашистской, коммунистической. В настоящий момент к реализации этой идеи, казалось бы, в наибольшей степени приблизились Соединенные Штаты Америки. Но есть ли в этой стране необходимые морально-волевые, идеологические, духовные, национал-этнические и культурно-исторические факторы, которые необходимы больше, нежели военные, экономические, финансовые и политические, для осуществления функций доминирующей, объединяющей и господствующей новой цивилизации? Есть ли у нее в запасе другой мессианский текст, кроме «американской мечты», в которую не верят уже сами американцы, кроме стандартов материального потребления, которые не могут стать общемировыми в силу ограниченности природных ресурсов, кроме насильственного «распространения демократии», которое вызывает протест повсюду в мире? Ответ на этот вопрос более чем очевиден.

Какой же народ среди прочих народов больше всего подходит к выполнению этой миссии? Какой из народов обладает такими качествами, как всечеловечность, восприимчивость к другим культурам, терпимость, экстенсивность душевных качеств и т.д.? Великие русские писатели и философы, такие, например, как Ф. Достоевский и Н. Бер-

даев, высказали предположение (с которым, разумеется, можно спорить), что все эти качества более всего присущи именно русскому народу.

С этих позиций можно предположить и то, что историческая миссия русского народа, его сверхзадача, лежит прежде всего в духовной сфере — создании интеркультуры. Пробуждение духовности русского народа — неременное условие выполнения данной сверхзадачи. Только народ высокого духа — а наш народ всегда бы таковым и потенциально является сейчас — способен к выполнению этой объединительной миссии, которая по своему характеру является исторической и всемирной. Через духовность привести человечество к единству — так определял эту миссию Ф. Достоевский.

Если эта гипотеза верна, то становится понятной и вся русская история: на протяжении веков русский народ готовился к выполнению этой исторической миссии, преодолевая неисчислимые препятствия на своем пути. Каждый государственный деятель России получал особое историческое задание на этом поприще.

Одна из самых глубоких загадок русской истории заключается в следующем: чем объяснить русскую экспансию по всем направлениям, почему и ради чего русский народ, и без того донельзя разреженный на громадной, необжитой еще Восточно-Европейской равнине, за какие-нибудь 300–400 лет усилиями не только мощного государства, но и частных лиц занял пространство, в три раза превышающее территорию его Родины, пространство суровое, холодное, неудобное, почти необитаемое, богатое только зверем, птицей да рыбой, а затем перешагнул через Берингово море и дотянулся до Калифорнии? Разве только тем, что русские бежали от податей, крепостного права, произвола властей? На наш взгляд, не только этим. Необходимо было занять и закрепить за русским народом грандиозные пространственные резервы — всю пустующую территорию между массивами всех существующих ныне на земле культур.

Превращение России из окраинной восточноевропейской страны в великую евразийскую державу, заполняющую все пространство между романо-католической, мусульманской, индийской, конфуцианской и синтоистской (т.е. практически между всеми ныне существующими) культурами, имело особое значение. Можно предположить, что это развитие имело отношение ко всемирно-историческому назначению России и что занятые (а не захваченные) пространственные резервы должны послужить ареной для тех творческих деяний русского народа, свидетелем которых, будем надеяться, явится XXI в. Культура, призванная перерасти в интеркультуру, может осуществить свое назначение, лишь тесно сопри-

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

касаясь со всеми культурами, которые она должна объединить, переплавить и в конечном счете претворить в планетарное единство.

Безусловно, создание интеркультуры (скажем мягче — внесение значительного вклада в ее создание) — это лишь моральный долг России, но не более того. Однако, если верить В. Соловьеву в том, что народы, так же, как и люди, суть существа моральные, то их историческое призвание определяет их бытие «двумя противоположными способами: как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места»³². История убедительно показала, что, если народ уклоняется от выполнения своего морального долга, он вянет и чахнет и в конце концов растворяется в других этносах. Случалось это неоднократно. Поэтому выполнение Россией своей исторической миссии — это не только моральный императив, но и императив этнокультурного выживания.

Если историческая миссия России состоит в создании интеркультуры, то становятся совершенно ясны истоки русского коммунизма. Русский коммунизм представляет собой лжеинтеркультуру, лжеинтеррелигию. Россия, полагал Н. Бердяев, приняла антихриста за Христа. Русская идея деформировалась, а вернее сказать, исказилась в идее пролетарского интернационализма. Нация оказалась восприимчивой к коммунизму именно благодаря своей культурно-исторической традиции, благодаря заложенной в ней сверхзадаче космического масштаба.

Это затмение, правда, продолжалось недолго. Не прошло и трех десятилетий после 1917 г., как в стране начался большой террор, который, помимо всего прочего, сигнализировал о том, что далеко не все советское общество продолжало верить в идеалы коммунизма. Сталину удалось сплотить народ в годы Великой Отечественной войны — в том числе и репрессивными методами. Но уже тогда народ воевал не за мифические коммунистические ценности, но за национальное выживание. А после войны веру в эти ценности постепенно утрачивает даже партноменклатура.

Тем не менее русская идея очень рано приобрела мессианский характер. Уже после падения Константинополя (Второго Рима) Россия сознавала себя как главную носительницу христианских ценностей православной государственности, что было выражено в идее Москвы как Третьего Рима. Эта программа предопределила и средство ее реализации: российскую государственность как способ самосохранения и совершенствования русского суперэтноса. Отсюда понятно, почему русская идея (как зачаток несформулированной русской идеологии) включала в себя такие понятия, как соборность, т.е. общенациональное единство (не только этнических русских) ради торжества православия

и процветания отечества; государственность — способ, метод, средство достижения цели реализации русской идеи; космизм — вселенский характер российской жизни, всечеловечность, терпимость, комплиментарность русского этноса в отношении других народов.

Если развитие страны в дальнейшем пойдет по этому пути — при сохранении и развитии уже принятых обществом универсальных ценностей, таких как открытое общество, рыночная экономика и правовое государство, — то в ближайшем будущем, вероятно, уже в этом веке, должно сбыться пророчество об особой роли России, ее особой исторической миссии, имеющей планетарный, даже космический характер. В силу своего духовно-культурного потенциала и исторического наследия России — наряду с некоторыми другими странами мира — предстоит стать лидирующей в судьбах человечества, земной цивилизации. В настоящий момент русский народ как бы держит исторический экзамен — останется он или нет на уровне своей исторической сверхзадачи. Великая держава стоит на историческом перекрестке: назад пути нет, все мыслимые и немыслимые модели развития испробованы и отвергнуты, выбор нового пути еще предстоит сделать.

Вот почему выбор России — это не только ее национальный выбор. Это выбор всего человечества, которое сейчас также испытывает кризис. Кризис в России — это лишь симптом глобального кризиса, охватившего всю цивилизацию. Погрязнет ли человечество в экономическом обществе всеобщего потребления, что чревато его гибелью, или перейдет в иное, духовно-культурное измерение — вот в чем состоит исторический выбор человечества в начале третьего тысячелетия. И слово России в выборе дальнейшего пути развития может стать далеко не последним.

Конечно, время единой человеческой цивилизации, вероятно, еще не пришло. В XXI в. она будет находиться в динамичном равновесии, удерживать которое будут несколько геополитических и одновременно этноконфессиональных центров. По всей вероятности, помимо Америки, такими центрами станут Китай, Япония, Индия, Объединенная Европа, Россия. В настоящий момент подспудно идет внешне незаметный поиск оптимальной модели развития каждого из этих центров. Кроме того, каждый из них ищет свою роль в будущей цивилизации. Для России этот поиск носит характер поиска пути к национальному выживанию: будет ли страна вытеснена на периферию мирового развития или выйдет на его центральную магистраль.

Россия на пути к мировому лидерству

В 2008 г. политическое руководство Российской Федерации поставило перед собой амбициозную задачу: вывести к 2020 г. страну в пятер-

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

ку мировых лидеров. Тем самым оно ответило на запрос российской политической элиты, которая не удовлетворена нынешним положением России в современном мире. Во многом такая задача совпадает с чаяниями русского народа, в национальном самосознании которого глубоко укоренено представление о России как о великой державе, на протяжении многих веков игравшей ключевую роль в мировой истории.

Очевидно, однако, что новая Концепция внешней политики России от 12 июля 2008 г. не отвечает этой задаче. Нет пока у страны и внятной стратегии развития, которая позволяла бы рассчитывать на ее решение. Наконец, вполне очевидно и то, что «коллективное лидерство», на котором настаивает наш МИД, — это термин, содержащий противоречие в определении: такого явления, как «коллективное лидерство», всемирная история не знает.

Однако и все претензии на единоличное лидерство в мировой истории в конечном счете терпели поражение. Конечно, на отдельных ее этапах разным странам удавалось занимать лидирующие позиции. Таковы примеры Римской империи, Китая, Испании, Франции, Британской и Российской империй, СССР и США. Однако в каждом из этих случаев лидерство той или иной страны жестко оспаривалось другими странами (которые, как правило, создавали против новоявленного лидера мощные коалиции) и длилось не слишком долго (исключение, возможно, составляет лишь Римская империя). В мировой политике есть примеры того, как страны с весьма ограниченными ресурсами очень быстро становились державами мирового класса: помимо перечисленных, это Португалия, Голландия, Германия, Индия. Всем этим странам удавалось мобилизовать свои ресурсы (в ряде случаев тираническим путем — СССР, Германия), для того чтобы войти в первую лигу мировых держав в исторически короткие сроки. Исторической реальностью, однако, является и то, что никому из них не удавалось постоянно удерживать эту высокую планку. И у каждой такой державы были свои взлеты и падения.

Конечно, очень хочется верить в то, что в XXI в. мировым лидером станет Россия. Но реально ли достижение этой цели? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо в первую очередь тщательно просчитать наши возможности и ресурсы, причем во всех возможных измерениях — экономическом, политическом, демографическом, военном, культурно-цивилизационном, идеологическом, наконец, морально-нравственном. Все эти ресурсы у нас крайне ограничены.

Отсюда вторая задача — оценить способность современной России к мобилизационному развитию. На данном этапе такая способность представляется минимальной. Более того, мобилизационное развитие,

по существу, не совместимо с инновационной моделью модернизации, которую хочет реализовать наше руководство и которая представляет единственно возможным вариантом модернизации для нашей страны.

Третья проблема, которую следует решить при оценке реалистичности вышеупомянутой задачи, — это просчет потенциала других субъектов мирового сообщества и их способности мобилизовать его для создания привлекательной для всех модели развития. Это США, Европейский союз, КНР, Индия, возможно, наиболее динамично развивающиеся страны Латинской Америки. Сегодня экономика этих стран в абсолютном выражении растет значительно быстрее российской. А привлекательность американской и европейской социально-экономических моделей просто несопоставима с привлекательностью модели отечественной.

«Коллективное лидерство» в этих условиях, по сути, равнозначно положению «младшего партнера» России в коалиции с США и Евросоюзом. Мировое же лидерство (которое, как показал исторический опыт, может быть лишь временным) предполагает не просто самую привлекательную модель развития, но и наличие своего глобального исторического проекта, которого у России в настоящий момент нет и в помине. Пока Россия представляет собой — как это ни прискорбно осознавать — периферию глобального либерального проекта (т.е. периферию капитализма), который осуществляют, и весьма успешно, Америка и Европа. Более того, современная Россия признала его историческую безальтернативность. Понятно, что на этом чужом «поле», на котором наши сегодняшние партнеры работают сотни лет, выиграть у них невозможно.

Выиграть же можно лишь на каком-то новом «поле», которое на обозримый период времени не просматривается.

Впрочем, пофантазировать на эту тему не будет большим грехом.

Исторически Россия утверждала себя как великая держава, делая заявку на лидерство в решении какой-то назревшей общечеловеческой задачи. Например, задачи достижения социальной справедливости. Можно предположить, что на данном историческом этапе развития человечеству нужна альтернатива обществу всеобщего потребления, которое начинает себя исчерпывать. На смену ему идет «постэкономическая» эпоха с информационным обществом, в центре которого будет стоять «постэкономический человек» с иной структурой потребностей и потребления и «постэкономическая» (т.е. гуманитарная) культура с иными — в первую очередь интеллектуально-духовными — ценностными ориентациями. Основной же общечеловеческой задачей уже сегодня становится не увеличение объема потребления ресурсов, а предотвращение глобальной экологической катастрофы (порожденной главным образом именно хищническим режимом потребления природных ресур-

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

сов техногенной цивилизацией). Утверждение России как великой державы, вероятно, должно пролегать через активное участие в решении этих задач.

В настоящий момент все большему числу людей становится очевидно, что ресурсопотребляющая стратегия, нацеленная на сохранение и воспроизводство западной модели развития за счет всего остального мира, бесперспективна. Ясно, что распространение такого рода глобализации на весь мир просто невозможно, поскольку ресурсов на это не хватит. Стало быть, подобная стратегия представляет собой не что иное, как попытку продлить жизнь зашедшей в тупик техногенной («прометеевой») цивилизации. Эта тенденция будет вызывать все большее сопротивление во всем мире. Стратегия развития мира должна быть принципиально иной: нацеленной на улучшение качества жизни людей текущего поколения без подрыва возможности улучшения жизни будущих поколений. Она должна включать в себя и такие ценности, как не только права, но и обязанности человека, его ответственность за судьбы планеты, природы, за последующие поколения людей, т.е. его детей, внуков и правнуков. Она должна включать в себя также идею культурного многообразия мира в противовес попыткам ее повсеместной унификации. Развитие должно включать в себя идею безопасности, ненасилия, культуры мира, толерантности. Нельзя забывать также и об экологии и ненанесении ущерба окружающей среде, сохранении многообразия флоры и фауны.

Вполне вероятно, что в обозримом будущем либеральная модель развития, породившая зашедшую в тупик техногенную цивилизацию, будет исчерпана, и начнет формироваться новое поле глобальной постэкономической конкуренции. Тогда возникнут предпосылки для становления новой цивилизации. И если уникальное российское культурно-цивилизационное ядро к этому времени не растворится в процессах глобализации, то у России может появиться шанс на мировое лидерство в этой постэкономической сфере.

Основные тенденции мирового развития говорят о реальности такого кардинального поворота исторического масштаба. Современный мир втягивается в трудные времена, когда человечество будет вынуждено существовать и развиваться в режиме строгой экономии, переходить от гармонизации жизненных интересов на основе их баланса к жесткому регулированию социальных процессов на основе общественного согласия и фундаментальных нравственных ценностей. Именно такой подход может лечь в основу стратегии развития России.

Другой важнейший выбор, с которым сталкивается человек XXI в., — это выбор между материальным и духовным, который сформулировал

Эрих Фромм в своей знаменитой дилемме «иметь или быть». Для России эта цивилизационная трансформация в направлении ценностных изменений от «иметь» к «быть», возможно, пройдет наименее болезненно, поскольку национальное самосознание ее народа пока не столь отягощено многовековыми традициями индивидуализма, накопительства и потребления, намертво «въевшимися» в сознание народов Запада. Утверждение места России в мире и ее будущего высокого статуса может пролегать в русле этой новой парадигмы и модели развития (если, конечно, Россия не погонится вслед за Западом за «золотым тельцом»).

Уже сейчас очевидно, что религией XXI в. становится не количественная парадигма развития, а парадигма качественная — во всех измерениях этого понятия. Формируются принципиально новые стандарты как ключевые нормы дальнейшего выживания и развития мировой цивилизации. Только в этом контексте следует понимать роль и место России в XXI в. Здесь важен честный взгляд на национальную историю, трезвые оценки сегодняшнего состояния России и, соответственно, взвешенный подход к будущему.

Если говорить о прошлом, то на протяжении последней тысячи лет — до революции 1917 г. — Россия складывалась в первую очередь как империя, хотя и не в западном смысле этого слова: это была «империя наоборот», в том смысле, что метрополия являлась донором своих национальных окраин. Как и многие другие страны мира, это было закрытое общество. К началу Первой мировой войны в ней сформировались элементы демократии, и она начала интегрироваться в мировое экономическое хозяйство.

В коммунистический период развития Россия перестала быть империей даже в специфически российском понимании этого слова. Коммунистическая Россия оставалась закрытым обществом. На первом этапе ее существования в ней господствовал тоталитаризм, который затем перерос в бархатный авторитарный режим. Советская Россия, в отличие от Российской империи, оказалась изолированной от мирового хозяйственного пространства. В ней в эти годы не сложилось, да и не могло сложиться гражданское общество.

Сегодня Россия уже не является империей. Это еще не открытое общество, но уже общество «прозрачное», в котором пока не сложилась полноценная демократия, однако созрели ее основные элементы и институты — парламент, основные свободы, права человека и т.д. Уже сейчас Россия глубоко и необратимо интегрирована в мировое экономическое пространство. В ней пока, однако, не сформировалось гражданское общество.

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

Очевидно, что Россия уже никогда не вернется к коммунизму. Есть серьезные предпосылки к тому, что Россия станет открытым обществом, в котором сложится знаменитая «пошперовская триада»: гражданское общество, рыночная экономика, правовое государство. Имеются важные основания предполагать, что Россия станет подлинно демократическим обществом, но не полной копией западного, а национального типа. Россия XXI в. будет еще более глубоко интегрирована в мировое экономическое, а затем и технологическое пространство. Складываются условия для того, чтобы она стала «технологической республикой» и информационным обществом, как и многие другие развитые страны мира.

Развитие России в XXI в. следует мыслить не столько в индустриальной, сколько в постиндустриальной ипостаси, не столько в экономическом, сколько в постэкономическом формате и не столько в либеральной, сколько в постлиберальной парадигме. Все эти предположения, разумеется, требуют дальнейших кропотливых исследований и разработок усилиями интеллектуальной элиты страны.

Особый вопрос — это технологический образ мира XXI в. и его влияние на человека. Современная наука, а также социальное развитие способствуют все в большей степени технологизации как человека в целом, так и его социальных отношений. Многие исследователи считают, что мы находимся на пороге формирования человека принципиально нового типа. Этот революционный сдвиг по своему значению можно сравнить лишь с превращением неандертальца в хомо сапиенса. Генетическая революция, появление принципиальной возможности клонирования создают еще одну область неопределенности. Влияние информационных технологий на возможность массовой манипуляции человеческим сознанием — еще одна важная проблема. Пока никто не возьмет на себя риск прогнозировать, как эти процессы повлияют на общество, межличностные отношения, на моральные ценности и т.д. Уже сейчас видно, что тип мужчины, равно как и тип женщины начала XXI в. принципиально иной — даже по сравнению с началом XX в. Соответственно меняется, причем радикальным образом, институт семьи, который также оказывается в состоянии глубокого кризиса. Одна лишь возможность четкого планирования семьи (в XXI в. проблема абортот будет не актуальна) коренным образом меняет внутрисемейные отношения.

Человек XXI века уже сейчас сталкивается с двумя вызовами, которые являются двумя сторонами одной медали. Во-первых, это свобода выбора, во-вторых — неопределенность будущего. Свобода выбора — казалось бы, позитивный фактор, хотя свобода — это большое бремя. Неопределенность будущего — фактор скорее негативный. Парировать

этот вызов смогут лишь те, кто воспитает в себе способность быстро переучиваться, менять профессии многократно в течение своей жизни, т.е. адаптироваться к быстро меняющемуся миру.

XX век, пожалуй, был самым жестоким веком в истории человечества. Однако XXI век не обещает быть менее жестоким. Жестокость научилась прикрываться всякого рода благородными личинами. В первой половине XX в. это была личина социальной справедливости. Во второй половине XX в. такой личиной стала борьба за права человека. Иначе говоря, в XX в. дьявол показал себя чрезвычайно изобретательным, способным ставить на службу зла самые привлекательные, самые благородные идеи и ценности. Во многом благодаря этому такие ценности, как равенство, свобода, справедливость, были в XX в. частично дискредитированы. Во всяком случае, эти идеи оказались очень тяжелой ношей для современного человека.

Злую шутку дьявол сыграл и с демократией. За фасадом этой, казалось бы, непререкаемой ценности в XX в. скрывалось стремление одних личностей, групп или народов обосновать и закрепить свое господство над другими. Это в свою очередь породило многие конфликты и революции. Такое стремление чревато в XXI в. новыми конфликтами, возможно, глобальными. XX век показал, что демократия не только не идеальна, но и легко переходит в охлократию. Собственно говоря, даже в золотой век демократии, в эпоху Перикла, толпа вполне демократически проголосовала и приговорила к смерти Сократа — только за то, что он думал и говорил не так, как большинство. В XX в. при большевиках демократию удалось превратить в «демократический централизм», который выхолащивал саму ее идею. В других странах Европы многие диктаторы (например, Гитлер) пришли к власти вполне демократическим путем. Сегодня мы видим, как под лозунгами демократии при помощи так называемых выборных технологий осуществляется манипулирование массовым сознанием.

Как бы ни складывались судьбы человечества в XXI в., ясно одно — не только «конца истории», но и конца света, который предрекали еще шумеры четыре тысячи лет назад, не будет. А при условии осознания современным человеком своей ответственности за будущее детей и внуков именно в XXI в. начнется по-настоящему всемирная история, история не столкновений, а сосуществования и взаимодействия различных культур и цивилизаций. Однако и Царство Божие на Земле не наступит. Жить человеку, возможно, будет удобнее, но гораздо тяжелее.

Сегодня и Россия, и мир в целом нуждаются в новой концепции развития, построенной на примате интеллекта, духовности. События, происходящие в духовной сфере, составляющей своеобразный мир ценно-

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

стей, сегодня, как никогда ранее, прямо влияют на положение любой страны в мировой политике и соответственно отражаются, например, в политике национальной безопасности.

Безопасность — это не только и не столько физическая защита, а в первую очередь духовное состояние и развитие общества в целом. Главной причиной социальных и иных катаклизмов повсюду в мире являются мировоззренческие характеристики, агрессивный тип сознания современного человека. Для того чтобы изменить мир, сделать его безопасным, надо преодолеть агрессивный образ мышления и поведения. Вот почему сегодня всем странам мира необходимо мобилизовать государственные структуры, общественность, семью и школу на формирование личности неагрессивного типа, которая сформирует общество безопасного типа и государство безопасного типа.

Такой личностью мог бы считаться человек, осознающий самого себя, высокий смысл своей деятельности, свое предназначение, стремящийся жить в согласии с самим собой, окружающей средой и обществом, гармонично сочетающий в себе активное созидательное начало с противодействием злу, с сохранением и развитием жизни на Земле и во Вселенной, уважающий историю и традиции своей родины, сложившуюся систему ценностей, законов, проявляющий заботу о жизни, здоровье и безопасности людей.

Безопасными можно считать то общество и то государство, которые реализуют складывающуюся таким образом модель устойчивого развития на национальном и международном уровнях, тогда как опасными — те общества и государства, которые ориентируются на узкопрагматичные своекорыстные цели, провоцирующие тем самым неустойчивость развития и ведущие человечество к глобальной катастрофе (против которых и должны применяться международные санкции).

При этом основой безопасного развития России должна быть неформальная система взаимодействий всех носителей смысла российской цивилизации. К ним относятся и духовные учителя, и ответственные государственные деятели, и просто русские люди, относящиеся к своему труду как к духовному творчеству. Только люди высокого духовного смысла могут воссоединить народы России. Если мы не будем вместе — не будет России, а не будет России — возможно, рухнет и весь мир.

Сейчас в России идет поиск, поиск мучительный и напряженный — нового способа существования. Способ этот лежит в плоскости духовного возрождения и развития русского народа. Это поле, традиционно выигрышное для России. Следовательно, это единственно возможный путь выживания суперэтноса и сохранения национальной идентичности. Здесь вновь должен сработать инстинкт самосохранения великого

народа, ранее неоднократно спасавший Россию. Духовный подъем страны неизбежен, он уже происходит, что это совпадает с развитием мировой цивилизации в целом. России предстоит сыграть роль одного из мировых лидеров человечества именно в духовной сфере. В этом и состоит ее миссия: через духовность привести человечество к единству, о чем говорил много лет назад Ф. Достоевский.

Почему духовное поле соревнования выигрышно для России? Дело в том, что России вряд ли грозит духовное порабощение со стороны Запада или, тем более, Востока. Напротив, ее духовный потенциал таков, что она сама способна к неограниченной духовной экспансии. Здесь также должен сработать инстинкт самосохранения — на этот раз человеческой цивилизации в целом.

Создание новых нравственных и интеллектуальных ценностей, новых человеческих качеств — в этом и должен быть исторический выбор и предназначение России. А в более широком плане — в создании культуры планетарного масштаба и мирового значения. Только народ высокого духа — а русский народ, безусловно, является таковым — способен к выполнению этой миссии, которая по своему характеру является исторической и всемирной. Следует, однако, понимать и то, что на этом пути Россия столкнется с жесткой конкуренцией с другими странами, ведь и немцы, и французы, и англичане, и китайцы, и индусы, и японцы — это также народы высокого духа, имеющие свои уникальные духовные традиции и культуры. В этом плане России вряд ли стоит кичиться своей «духовностью» или претендовать на роль «духовного лидера человечества». Более реалистично укреплять и развивать свою уникальную национальную культуру, которая станет незаменимой составной частью формирующейся в мире интеркультуры. Ведь любая высокая национальная культура в конечном счете становится достоянием мировой. Никакая другая культура не подтверждает этого столь убедительно, как русская культура, которой интересуются повсюду в мире.

При такой постановке вопроса, в контексте становления мировой духовной культуры, мировое лидерство и в самом деле может стать «коллективным», т.е. лидерством наиболее развитых в духовно-культурном отношении стран мира.

Россия, сохраняя свои особенности, «вписываясь» в мировой цивилизационный процесс, будет одновременно переходить на новую национальную модель развития. Российское государство должно будет не только нести за это ответственность, но и трансформироваться в соответствии с требованиями и принципами новой цивилизационной модели. Это будет новое наднациональное государство, способное стать аль-

Глава 12. Какая Россия нужна миру?

тернативой фашистской и коммунистической мутации и либеральному «рассеянному склерозу». В ее ядро должны быть положены самые новые и даже сверхновые западные идеи, соединенные с традициями российского развития и с достижениями русской философской мысли, в частности, с разработанной В. Вернадским концепцией ноосферного взаимодействия человечества. В ней должны сочетаться динамизм XXI в. и великие национальные духовные традиции и ценности. Все это превратится в нечто абсолютно новое, искомое и не находимое миром ни на Западе, ни на Востоке. Формирование нового идейного потенциала человечества, потенциала гуманистического и вместе с тем свободного от «смертной болезни», которой поражен сам стержень старого западного гуманизма, через симбиоз русского общества и постиндустриальных технологий — вот что может и должно состояться в России. Причем Русское в этом проекте не должно раствориться, а найти и узнать себя, свой максимализм и симфонизм, универсализм и космизм.

В этом случае в России состоится большее, чем модернизация: альтернативное прорывное развитие не на западных, а на своих (без отторжения Запада, но в партнерстве с ним, с использованием его достижений) основаниях. В России состоится большее, чем национальное, государство — государство наднациональное, с соборным, всечеловеческим духовным началом. В России, таким образом, состоится большее, чем материальная, экономическая цивилизация: цивилизация постматериальная, постэкономическая и ноосферная. Наконец, в России состоится большее, чем оказавшееся в историческом тупике, общество всеобщего потребления: интеллектуальное сообщество творцов, создающих все новые высокие технологии и все новые человеческие ценности.

И тогда Россия станет нужна не только нам, гражданам страны, которые будут строить и обустраивать ее в ипостаси новой, неведомой миру цивилизации, — она станет нужна всем: и Европе, и Азии, и Америке, и Африке. В партнерстве с другими народами высокой духовной культуры она тогда станет одним из мировых лидеров. В онтологическом плане (и это подтверждено всем ходом мировой истории) Россия — связующее звено между тремя континентами. Великая национальная идея России заключается в превращении этого звена между континентами и разными цивилизациями в надежную опорную конструкцию миропорядка XXI в.

Именно такая Россия нужна миру.

Примечания

¹ Российско-американские отношения на рубеже веков. Доклад рабочей группы Фонда Карнеги. М., 2002. С. 57.

² Там же. С. 51.

³ *Graham Th. E., JR. Russia's Decline and Uncertain Recovery.* Washington, 2002. P. 82.

- ⁴ Российско-американские отношения... С. 70.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 71.
- ⁷ Россия и США: Дипломатические отношения 1900–1917. Документы. М., 1999. С. 606–607.
- ⁸ Там же. С. 655.
- ⁹ Там же. С. 652.
- ¹⁰ Там же. С. 656.
- ¹¹ Там же. С. 672.
- ¹² Там же. С. 672.
- ¹³ Там же. С. 677.
- ¹⁴ Цит. по: Краткая история США. Харвест, 2003. С. 195.
- ¹⁵ National Security Strategy. Washington, 2006. P. 30.
- ¹⁶ Независимая газета. 2003. 11 сентября.
- ¹⁷ National Security Strategy. P. 30.
- ¹⁸ National Security Strategy. P. 4, 30.
- ¹⁹ *Graham Th.* Op. cit. P. 60.
- ²⁰ National Security Strategy. P. 4.
- ²¹ Ibidem. P. 30.
- ²² АПН.ру.16.07.2008.
- ²³ Коммерсантъ. 2004. 11 октября.
- ²⁴ Официальный сайт Президента РФ.
- ²⁵ *Graham Th. E., JR.* Op. cit. P. 82.
- ²⁶ *Краутхаммер Ч.* Момент однополярности («El momento unipolar») // The Washington Post. 1990.
- ²⁷ *Graham Th. E., JR.* Op. cit. P. 74–75.
- ²⁸ Российско-американские отношения... С. 70.
- ²⁹ *Кургинян С.* Власть и оппозиция. М., 1995.
- ³⁰ *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990. С. 89.
- ³¹ О соборности в русской философии. М., 1990. С. 5–6.
- ³² Там же. С. 62.

Коммунизм и христианство

Гуманизм. Подлинное христианство, доведенное до своей евангелической сути, интересуется не столько Небом, сколько Землей, не столько потусторонним миром, сколько миром посюсторонним, не столько Богом, сколько человеком.

Трактовка христианской истории спасения целиком определяется стремлением добиться для человека, для каждого человека, возможности реализовать себя в качестве цели. Понимая под свободой полное самовыражение человека и преодоление всего того, что стоит между человеком в истории и его идеальной сущностью, христианство приобрело характер широкого освободительного движения. Если все то, что противопоставляется человеческой свободе, есть отчуждение, христианство ставит своей целью полное и окончательное преодоление подобного состояния в ходе борьбы между добром и злом, которая является смыслом и душой истории.

Конечно, христианство — это религия, то есть определенное отношение человека к Богу, при котором человек безоговорочно признает примат Бога. Однако несомненно и то, что христианство — это не просто утверждение примата Бога, а освященный Богом путь решения проблемы человека, его земного существования.

Бог — это существо бесконечно большее, чем человек, существо всемогущее, в руках которого сосредоточены судьбы Вселенной и самого человека. Коммунизм утверждает, что здесь кроется источник отчуждения. Однако положение о примате Бога привело бы к отчуждению, если бы в отношениях с Богом человек низводился бы до положения средства и если бы взаимоотношения между ними исчерпывались диалектикой отношений хозяина и раба. Но такого отчуждения не было бы, если бы человек рассматривался как цель, если бы указанное взаимоотношение понималось как диалектика отношений дружбы, как сосуществование двух свобод.

Между тем именно в этом состоит суть христианства. Бог так далек от желания вступить в конкуренцию с человеком, что все его действия направлены на освобождение человека путем слияния его с собой. Судьба человека находится не в руках хозяина, который рассматривает его как средство, а в руках бесконечной божеской любви. Диалектика отношений хозяина и раба преодолевается здесь диалектикой отношений любви, которая родственна великой и бескорыстной любви матери.

Свобода. Может ли человек добиться окончательного преодоления отчуждения, добиться полного самовыражения и полной свободы, если принять гипотезу о несуществовании Бога? Содержание свободы не исчерпывается аксиологической абсолютностью, оно включает в себя также реализацию глубоких коренных устремлений человека. Быть свободным — хорошо, но ради какой-то цели. Эти устремления коммунизм объявляет земными. Но являются ли они только таковыми? Достаточно ли достижения земных целей для того, чтобы полностью удовлетворить человеческие чаяния?

Можно исходить из самой прекрасной гипотезы — гипотезы построения идеального общества, обещанного коммунизмом. Однако миллиарды людей погибли и еще погибнут, так и не увидев ни того, ни другого. Как расценивать мир, в котором столько людей не могут добиться самовыражения в качестве цели и являются совершенно отчужденными? Коммунисты могут сказать, что их жертвы не напрасны, что их кровь

орошает поля будущего. Фактом остается, однако, то, что отдельное лицо принесено в жертву и в конечном счете низведено до положения средства.

Но даже те, кто увидит восход нового солнца, однажды очутятся перед лицом смерти, перед уходом в ничто. Достаточно ли будет для них уверенности в том, что они прожили жизнь ради благородного дела, чтобы задушить тоску и смятение, вызванное наблюдением за собственным угасанием? Достаточно ли окажется для умирающего коммуниста уверенности в том, что человечество будет по-прежнему жить и процветать, чтобы без сожаления и внутреннего сопротивления смириться со своей неизбежной судьбой?

Какие бы ответы ни были даны на эти вопросы и даже если бы они драматически остались без ответа, было бы все же трудно отрицать, что они возникают из самых глубин человека, что они отражают подлинно человеческие проблемы. Можно не соглашаться с тем ответом, который дает религия, но невозможно отрицать существование самих этих проблем или утверждать, что они отражают классовую борьбу. Как бы ни представлялись будущие судьбы религии, трудно согласиться с тем, что однажды удастся вырвать из тайников души человека сомнения и вопросы, касающиеся конечного смысла жизни и смерти.

В коммунистическом мире между смертью и свободой существует неразрешимый конфликт: фактически что может более противоречить полному самовыражению человека, что может представлять собой большее отчуждение, чем его полное уничтожение? Смерть — высшее отчуждение, и коммунистический деятель после своей победоносной борьбы против различных видов частных отчуждений оказывается перед лицом всеобщего отчуждения, которое несет с собой смерть, и вынужден проиграть решающую битву.

Если это верно, то освобождение человека не может быть полностью осуществлено при жизни. Подлинная свобода предполагает тип существования, побеждающий смерть: человек не должен испытывать страха потерять себя. В тайниках его души, в том, в чем он себя обретает, заключено обращение к миру действительности и ценностей больших, нежели человеческие, больших, нежели земные. Полное освобождение человека предполагает преодоление человека.

Но чтобы удовлетворить это стремление человека, имманентно ему присущее, должен существовать Некто, совершенно отличный от него, бесконечно больший, чем он сам, кто воплощал бы в себе всеобщность бытия и ценности и кто был бы настолько всемогущ, что мог бы помочь человеку преодолеть его последний предел — смерть. Этим Некто и является Бог.

Идея величия Бога, его неизмеримого превосходства и всеобщего господства в христианской трактовке ни в малейшей степени не подрывает, таким образом, величия человека, а напротив, утверждает его. Поэтому не существование Бога ведет к отчуждению человека, а его отсутствие могло бы повести к этому. Фактически если бы Бога не было, человек не смог бы достичь самовыражения: смерть Бога означала бы в конечном счете смерть человека. Чтобы полностью преодолеть отчуждение и реализовать свои самые сокровенные чаяния, человек нуждается в том, чтобы его судьба находилась в руках бесконечной божеской любви.

В конечном счете фундаментом христианского гуманизма является именно тождественность бытия и божеской любви. Это дает гарантию того, что законы бытия в итоге являются законами любви, и позволяет тем самым дать положительный ответ на вопрос о смысле бытия.

Мораль. Никто не сомневается, что христианство — это система этических ценностей, комплекс моральных законов. Речь идет о выяснении того, является ли эта этика, как утверждает ортодоксальный коммунизм, чисто «религиозной» или же также и гуманистической. Другими словами, имеет ли она в качестве высшего принципа лишь

прославление Бога или же и освобождение человека, а также основывается ли она лишь на свободной воле Бога или же на том, что неизбежно присуще человеческой природе?

Христианство дает следующий ответ на эти вопросы. Поскольку в христианском мире не только Бог, но и человек обладает абсолютной ценностью, этика ориентирована не только на прославление Бога, но и на освобождение человека. Уважение к человеку, на которого Бог простер свое созидательное действие, должно вдохновлять также и поступки человека, который должен продолжить миссию Бога, преследуя те же цели, что и Бог.

Уважение к человеку присуще самому Богу, потому что это требование присуще его природе: если человек верен самому себе, Бог верен человеку. Этические законы поэтому не являются волеизъявлением Бога, а выражают определенные онтологические требования, органически присущие человеку, прежде всего требование уважения человеческой личности.

Отсюда следует, что категорический императив «действуй так, чтобы личность была для тебя всегда целью и никогда — средством» следует расценивать как глубоко христианский. Если уточнить, что это относится как к человеческой, так и к божественной личности, то становится очевидным, что такое требование совпадает с заповедью о любви, которая является существом христианской морали и ее исторической самобытностью.

Но достаточно ли человеку добиться счастья других людей, чтобы избавиться от крушения собственных надежд и устремлений? Христианин отвечает отрицательно на этот вопрос. Какими бы благородными ни выглядели бескорыстная жертва и чистое великодушие, нельзя не осудить несправедливость мира, в котором наиболее благородные люди не могут реализовать самые сокровенные свои чаяния, а следовательно, добиться счастья! Поэтому христианство считает правильной идею Канта, согласно которой моральная жизнь предполагает существование Бога и бессмертие души, необходимые для обеспечения конечного слияния нравственности и счастья.

Любовь. Коммунизм полагает, что христианская любовь стерильная, платоническая и поэтому в конечном счете иллюзорная, и противопоставляет ей любовь «действительную, созидательную». Эта посылка абсолютна не верна.

Христианская история спасения — это не только история единения человека с Богом, но и история единения всего человечества, то есть Богочеловечества. Каждый человек является в одно и то же время и отдельным человеком, и частью нового человечества, история которого должна слиться с историей Бога.

Речь идет не об особом аспекте христианской миссии, а о качестве, которое пересекает ее из конца в конец. Совершенствование человека, его жизнь воплощается в единстве. Но единство личности зависит, в сущности, от отношений личностей между собой: человеку не удастся достичь внутреннего единства, если он не соединяется с Богом, не приближается к интимному союзу Троицы. Но нет союза с Богом без союза с братьями-людьми. Сообщество Троицы продолжается в сообществе человеческом. Отсюда — внутреннее единство личности осуществляется лишь в общности с людьми.

Первородный грех привел не только к потере милости, дружбы Бога, но и к разрыву органического единства, внутреннего и общественного. Вавилон символизирует это распыление человечества, сопровождавшееся смешением языков: связь между людьми стала невозможной, потому что между ними исчезла общность. С тех пор была нарушена и психическая уравновешенность человека, ему стал присущ дуализм «плоти» и «духа», т.е. конфликт между двумя системами ценностей, между эгоизмом и благородством.

Для того чтобы человек вновь обрел утраченное душевное равновесие, преодолев внутреннюю расколотость своей души, а также для того чтобы человечество достигло общественного единства, человек должен преодолеть свой индивидуализм. И нет другого способа его преодоления, кроме братской любви.

Братская любовь, то есть любовь человека к человеку, является в связи с этим сердцевинной христианской системы. Эта любовь предполагает, как и в случае божеской любви, признание каждого человека как цели. В основе христианства лежит гармоническая связь человека с Богом, спасения человека и величия Бога. Однако невозможно быть верным Богу, не будучи верным человеку; невозможно защищать Бога, не защищая прав человека. Христианин по призванию — это не только человек Бога, но также и человеческий человек.

Новый Завет трактует христианское призвание именно как призвание братской любви. Иисус, являясь Богом, спустился на Землю и получил возможность сообщить людям о бесконечном множестве чудесных вещей. Но среди прочих доминировала одна идея, с которой он связывал успех своей миссии в мире, — идея братской любви. Эту любовь он не ставил ниже любви к Богу: ибо человек, не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит? Эти два типа великой любви являются синтезом и вершиной закона, условием пребывания божеской любви в нас.

В этом состоит революционный манифест Христа, его главная заповедь, согласно которой мы предстаем перед судом Христовым и которая будет в конце концов мерой ценности нашей жизни, наших успехов. В связи с этим христианский принцип любви предъявляет исключительные требования: он накладывает на нас обязательства, которые мы должны нести вплоть до смерти. Речь идет не о совете, не о каком-либо благом намерении, необязательном для спасения, а о заповеди, о первой заповеди Христа, которой каждый свободен следовать или не следовать, точно так же, как каждый свободен быть или не быть христианином; но никто не может претендовать на то, чтобы быть христианином и в то же время отвергать первую заповедь.

Земная миссия. Коммунизм утверждает, что вера отрывает человека от земных общественных обязательств по искоренению зла в этом мире. Между тем первая заповедь обязывает христианина добиваться для людей не только вечного спасения, но и преодоления отчуждения в этой жизни. На нем лежит поэтому земная миссия, которая является продолжением миссии Бога. Хотя его призвание имеет своей конечной целью вечное освобождение, евангелизацию, оно тем не менее распространяется в такой же степени и на мирское освобождение, гуманизацию. Поэтому подлинная христианская религиозность предполагает нормализацию мирской экономической, социальной и политической жизни и видит необходимость в том, чтобы дети Церкви брали на себя обязательства по сооружению земного общества, основанного на справедливости, братстве и гуманизме. И даже если для того, чтобы отстаивать человеческие ценности, христианин применяет религиозные мотивировки, тем не менее он сознает, что созидает земной Град, в котором человек мог бы добиться самовыражения.

В то же время, преодолевая разрыв между религией и мирской цивилизацией, христианство вскрывает несовершенство последней в смысле полного и окончательного разрешения всех человеческих проблем. Христианин, с одной стороны, видит те опасности для человека, которые таит в себе прогресс сам по себе, а с другой — он знает, что корни отчуждения лежат не только вне человека, но и в нем самом, что отсутствие у него душевной гармонии рождается вместе с ним и должно исчезнуть только тогда, когда закончится его земное существование.

Высоко оценивая успехи науки, христианин тем не менее полагает, что она не может разрешить все человеческие проблемы, в особенности те, которые касаются конечного смысла бытия и Вселенной. Когда космонавт после своего чудесного полета опускается на Землю, отягощенный весомым грузом нового опыта, христианин полагает, что этот опыт, каким бы удивительным он ни был, не дает решения его проблемы, ибо этого опыта недостаточно, чтобы сделать человека счастливым. Ему требуются более широкие горизонты, более необъятные, чем мир, более великие, чем Вселенная. Человек величественнее космического пространства, которое он исследует.

Перед человеком стоит следующая дилемма: либо ограничиться миром понятных вещей, слишком маленьким, однако, для него, его проблем, его устремлений, либо же выйти в мир более великий, чем он сам, скрытый за покровом неизвестного. Оправдан ли отказ от иной реальности из-за одного лишь факта, что она больше нас? Во имя какого прогресса стоит убивать последнюю и самую великую надежду человека?

В конечном счете тот, кто отрицает этот мир, отрицает и надежду. Каким жалким и гнетущим был бы мир ясности, лишенный надежды! Каким он стал бы в какой-то определенной момент, когда был бы разведан и изучен до конца, когда в нем было бы найдено все, за исключением того, что действительно нужно было найти!

Если для коммунизма корень всех отчуждений заложен в экономике, то для христианина экономика составляет лишь сферу более широкого конфликта, корни которого лежат в природном эгоизме и ограниченности человека. В самом деле, если бы человек независимо ни от чего стал бы однажды великодушным и благородным, развивались бы экономические отношения с этого момента в плане соперничества и конфликта?

Поэтому преодоление отчуждения для христианства составляет не только внешнюю проблему (ниспровержение экономически несправедливых режимов), но и проблему внутреннюю, корни которой лежат в глубинах человеческой души. А потому и решаться она должна не только в плане изменения внешних условий человека, но и в плане его внутреннего самосовершенствования. Необходимо, таким образом, не только сделать человеческими условия существования человека, но и очеловечить самого человека. Иначе говоря, если внутренний конфликт между эгоизмом и благородством предшествует экономическому отчуждению, он должен пережить всякую внешнюю реформаторскую деятельность и составить для каждого человека проблему, которую он должен решить не только в ее историческом контексте, но и целиком индивидуально.

Приложение 2

Протестантская этика*

М. Вебер проводит детальный анализ статистических показателей, отражающих распределение протестантов и католиков в различных социальных слоях. На основании данных, собранных в Германии, Австрии и Голландии, он приходит к выводу, что протестанты преобладают среди владельцев капитала, предпринимателей и высших квалифицированных слоев рабочих.

В Германии, Англии и Голландии, где католиков одно время преследовали, они не проявили склонности к капиталистической и индустриальной деятельности. Протестанты — и как господствующий, и как подчиненный слой населения, и как большинство, и как меньшинство — везде и всюду обнаруживали и обнаруживают тяготение к экономическому рационализму, в то время как католики не проявили его ни в качестве большинства, ни в качестве меньшинства. Это особенно характерно для кальвинизма и как раз для тех направлений англо-американского пуританизма и немецкого протестантизма, которые отличались повышенно отрицательным отношением к радостям жизни, т.е. для квакеров, пиетистов, меннонитов.

Под духом капитализма Вебер понимает следующее: «комплекс связей, существующих в исторической действительности, которые мы в понятии объединяем в одно целое под углом зрения их культурного значения».

---

* Использована статья: *Неусыхина А. И.* «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки // Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. М., 1994 С. 589–657.

Вебер замечает такую характерную особенность: если рассматривать капитализм с точки зрения марксизма, то все его характерные черты можно обнаружить в Древнем Китае, Индии, Вавилоне, но всем этим эпохам не хватало именно духа современного капитализма. Там всегда были жажда наживы, деление на классы, но не было нацеленности на рациональную организованность труда. Так, южные штаты Америки были созданы крупными промышленниками для получения наживы, но там дух капитализма был менее развит, нежели в позднее образованных проповедниками северных штатах. Исходя из этого, Вебер разделяет капитализм на «традиционный» и «современный» — по способу организации предприятия.

Радикальное различие между традиционным и современным капитализмом не в технике, а в человеческих ресурсах, точнее, отношении человека к труду.

Традиционный человек	Протестант
Работает, чтобы жить	Живет, чтобы работать
Профессия — бремя	Профессия — форма существования
Простое производство	Расширенное производство
Не обманешь — не продашь	Честность — лучшая гарантия
Основной вид деятельности — торговля	Основной вид деятельности — производство

Идеальный тип капиталиста, к которому приближаются некоторые немецкие промышленники того времени, Вебер обозначал так: «Ему чужды показная роскошь и расточительство, упоение властью, ему присущи аскетический образ жизни, сдержанность и скромность». Богатство дает ему иррациональное ощущение хорошо исполненного долга. Поэтому этот тип поведения так часто осуждался в традиционных обществах: «Неужели нужно всю жизнь напряженно работать, чтобы потом все свое богатство унести в могилу?»

Далее Вебер анализирует современное общество и приходит к выводу о том, что капиталистическое хозяйство не нуждается больше в санкции того или иного религиозного учения, и видит в любом (если это возможно) влиянии Церкви на хозяйственную жизнь такую же помеху, как и регламентация экономики со стороны государства. Мировоззрение теперь определяется интересами торговли и социальной политики. Все это — явления той эпохи, когда капитализм, одержав победу, отбрасывает ненужную ему опору. Подобно тому как он в свое время сумел разрушить старые средневековые формы регламентирования хозяйства только в союзе со складывающейся государственной властью, он, может быть, использовал и религиозные убеждения. Едва ли требует доказательств то, что концепция наживы противоречит нравственным воззрениям основных конфессий.

Основные значимые догматы протестантизма:

- Человек изначально грешен.
- До начала жизни все предопределено.
- Знак о том, спасен ты или нет, можно получить, лишь совершенствуясь в своей профессии.
- Послушание властям.
- Примирение со своим местом в мире.

Взаимоотношения Бога и человека были определены предельно жестко — есть избранные и есть неизбранные, изменить ничего нельзя, но можно почувствовать себя избранным. Для этого необходимо, во-первых, тщательно исполнять свой профессио-

нальный долг, а во-вторых, избегать наслаждений. И в совокупности это должно обеспечить рост богатства. Так появился веберовский предприниматель — трудолюбивый, инициативный, скромный в потребностях, любящий деньги ради самих денег.

М. Вебер приводит выписки из двух сочинений Вениамина Франклина: «Необходимые предостережения для тех, кто хотел бы разбогатеть» (1736) и «Советы молодым кушам» (1748). Эти цитаты необходимы для понимания протестантской трудовой этики, поэтому приведем их полностью.

«Помни, что время — деньги. Тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по 10 шиллингов и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает у себя в комнате, должен, если он расходует на себя всего только шесть пенсов, не только учесть этот расход, но и считать, что он истратил, или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов. Помни, что кредит — деньги. Если кто-нибудь оставляет у меня еще на некоторое время деньги, после того как я должен был заплатить их ему, то он дарит мне свои проценты или дарит мне столько, сколько я могу заработать при их помощи за это время. А это может составить значительную сумму, если у человека хороший и обширный кредит и если он умеет хорошо пользоваться им. Помни, что деньги по природе своей плодородны и способны порождать новые. Деньги могут родить деньги, их отпрыски могут породить еще больше и т.д. Пять шиллингов, пущенные в оборот, дают шесть, а если эти последние опять пустить в оборот, будет семь шиллингов три пенса и т.д., пока не получится сто фунтов стерлингов. Чем больше у тебя имеется денег, тем больше денег порождают они в обороте, так что выгода растет все быстрее и быстрее. Кто убивает супоросую свинью, тот уничтожает все ее потомство, вплоть до тысячного ее члена. Кто изводит одну монету в пять шиллингов, тот убивает (!) все, что она могла бы произвести: целые колонны фунтов стерлингов. Помни, что, по пословице, хороший плательщик — господин кошелька каждого человека.

Тот, о ком известно, что он всегда аккуратно уплачивает в условленное время, может всегда занять у своих друзей деньги, которые им в данный момент не нужны. А это иногда бывает очень выгодно.

Наряду с прилежанием и умеренностью ничто не помогает в такой степени молодому человеку завоевать себе положение в жизни, как пунктуальность и справедливость во всех его делах. Поэтому никогда не задерживай взятые тобою взаймы деньги хотя бы на один час сверх условленного срока, чтобы гнев твоего друга не закрыл для тебя навсегда его кошелек.

Следует учитывать самые незначительные действия, оказывающие влияние на кредит. Удары твоего молотка, которые твой кредитор слышит в 5 часов утра и в 8 часов вечера, вселяют в него спокойствие на целых шесть месяцев; но если он увидит тебя за бильярдным столом или услышит твой голос в трактире в то время, когда ты должен был бы работать, то он на следующее же утро напомнит тебе о платеже и потребует свои деньги в тот момент, когда у тебя их не окажется.

Кроме того, аккуратность показывает, что ты помнишь о своих долгах, т.е. что ты не только пунктуальный, но и честный человек, а это увеличивает твою кредитоспособность.

Берегись считать своей собственностью все, что ты имеешь, и жить соответствующим образом. В этот самообман впадают многие люди, имеющие кредит. Чтобы избежать его, веди точный учет твоих издержек и поступлений. Если ты дашь себе труд обращать внимание на все мелочи, то это будет иметь следующий хороший результат: ты обнаружишь, как изумительно маленькие издержки могут вырастать в огромные суммы, и заметишь, что можно было бы сберечь в прошлом и что можно будет сберечь в будущем».

«За 6 фунтов стерлингов годового процента ты можешь получить в пользование 100 фунтов, если только ты известен как человек умный и честный. Кто тратит без

всякой пользы один грош в день, тот тратит бесплодно 6 фунтов стерлингов в год, а это — плата за право пользования 100 фунтами стерлингов. Кто ежедневно тратит часть своего времени стоимостью в один грош — пусть это будет всего несколько минут, — тот теряет в общей сумме дней возможность использовать 100 фунтов стерлингов в течение года. Тот, кто бесплодно растрчивает время стоимостью в 5 шиллингов, теряет 5 шиллингов и мог бы с тем же успехом бросить их в море. А кто теряет 5 шиллингов, теряет не только эту сумму, но и все, что можно было бы заработать, вложив ее в дело; а это могло бы составить к его старости довольно значительную сумму».

Две основные особенности проповеди Франклина делают ее классическим образчиком капиталистической идеологии: идея призвания (*Beruf*) как цели жизни и сверхличная трансцендентная концепция наживы.

Вебер проводит морфологический разбор слова «призвание» в немецком и английском языках. Это слово впервые появилось в Библии, и далее оно обрело свое значение во всех светских языках народов, исповедующих протестантизм. Новое в этом понятии то, что выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая нравственная задача человека. В этом утверждении находит подтверждение центральный догмат протестантской этики (в противовес католицизму), отвергающий пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы и предлагающий выполнение мирских обязанностей так, как они определены для каждого человека его местом в жизни. Тем самым обязанность становится его призванием, т.е. декларируется равенство всех профессий перед Богом.

Каждый человек должен выполнять свой долг; этот долг заключается в том, чтобы быть дельным работником в своей профессии, чтобы знать твердо свое место, призвание и работать во имя его и только во имя его не покладая рук. Применительно к купцу и предпринимателю это понимание долга модифицируется следующим образом: следует работать, чтобы процветала человеческая деятельность данной профессии, т.е. нужно наживать деньги для того, чтобы наживать еще деньги, и т.д. Нажива денег — самоцель; «человек существует для приобретательства, которое является целью его жизни, а не приобретательство служит человеку как средство удовлетворения его материальных потребностей». На вопрос, для чего же «надо делать из людей деньги», Франклин, сам уже неверующий, отвечает, однако, в своей автобиографии библейским изречением, которое часто повторял его отец-кальвинист: «Если ты увидишь человека дельного в выполнении своего призвания, то поставь его превыше королей». «Приобретение денег, поскольку оно протекает в легальной форме, при современном хозяйственном строе является результатом и выражением деловитости человека в своем призвании, и эта деловитость составляет альфу и омегу всей морали Франклина».

В его понимании идеальный человек — «кредитоспособный, добропорядочный, долг которого — рассматривать приумножение своего капитала как самоцель». На первый взгляд, речь идет о чисто эгоистичной, утилитарной модели мира, когда «честность полезна только потому, что дает прибыль». Но высшее благо этой этики — в наживе при полном отказе от наслаждения. И, таким образом, нажива мыслится как самоцель. В данном случае речь идет не просто о житейских советах, а о некоей своеобразной этике. Кроме того, можно сказать, что такая позиция является прекрасным этическим основанием теории рационального выбора. Вебер считает, что честность, если она приносит прибыль, так же ценна, как и истинная честность.

Нажива денег как самоцель противопоставляется всякому непосредственному их потреблению, «освобождается от всяких эвдемонистических или гедонистических точек зрения и становится по отношению к «счастью» или «выгоде» отдельного индивидуума чем-то совершенно трансцендентным и даже просто иррациональным». С точки зрения личного счастья, конечно, совершенно иррациональна та мотивировка, которой современный капиталист мог бы обосновать смысл своей бесконечной погони за

наживой, а именно — что он не может жить без своего дела и постоянной работы в нем, ибо такая мотивировка означает в сущности, что человек живет для своего дела, а не наоборот. А между тем «идеально-типичский» капиталистический предприниматель не имеет, собственно говоря, почти никакого личного удовлетворения, кроме «иррационального ощущения хорошо исполненного призвания».

В немецком слове *Beruf*, как и в английском *Calling*, означающем и профессию, и призвание одновременно, звучит наряду с другими мотивами и религиозный мотив — представление о поставленной Богом задаче. Бог — трансцендентное существо, абсолютно свободное в своей воле, которая понятна людям лишь настолько, насколько Он этого хотел. Почему Он хотел так, а не иначе, людям никогда не может и не должно стать понятным. Всякие попытки познания истины в этой сфере — дерзость, богохульство и грех. Бог действует по своим особым законам, свойственным Его непостижимой для нас сущности. Он открывает нам лишь фрагменты вечной истины; мир противопоставит Богу как дело Его рук, и изучение этого мира может открыть людям те частицы божественной истины, которые Бог хотел сделать доступными их пониманию: по делам Творца можно познать Его величие, но лишь в той мере, в какой Он сам хотел этого. Поэтому кальвинизм не ставит никаких границ свободному естественно-научному исследованию природы. По той же причине Богу угодно и устройство социального космоса, в котором живут люди, ибо Он создал мир и людей исключительно для своей славы, для прославления себя, и потому Ему угодно деятельность людей, направленная к совершенствованию людского общежития.

Но все сотворенное людьми само по себе несовершенно. Богу угодно лишь деятельность, направленная к совершенствованию того, что является делом рук людских, но не самые ее результаты, ибо в этой деятельности выражается стремление человека к совершенству, к Богу. У человека нет способов иначе проявить его, как путем работы в этом несовершенном, греховном людском космосе. Но работая в нем, он должен помнить, что работает не для него, а во имя других, высших целей. Всякое превращение социальной деятельности в самоцель есть греховное обожествление рукотворного.

В этом противопоставлении трансцендентного, самовластного, самодержавно-деспотического Бога погрязшим в грехе людям и их несовершенным творениям уже заключен собственно *in nuce** весь догмат предопределения.

Для проявления своего величия Бог одних предназначил к вечной жизни, а других — к вечной смерти. Тех людей, которых Бог предназначил к жизни, он избрал еще до основания мира для вечного блаженства во Христе, и сделал Он это по вечным и неизменным основаниям, во исполнение своего таинственного решения и свободного хотения своей воли.

Итак, вот каким образом грозный Бог обращается в Спасителя: Он — Спаситель лишь для некоторых, для тех, кого он — совершенно произвольно и по непостижимым соображениям — избрал для вечной жизни, т.е. для потустороннего блаженства. Остальных Он проклял и осудил. Он сделал это не за грехи или заслуги людей, а просто потому, что так хотел. Мало того, он не дал людям никаких средств для приобретения избранности и даже не указал никаких признаков, по которым человек мог бы судить о том, избран он или проклят, и мог бы отличить избранных от осужденных среди своих спутников на жизненном пути. Ни проповедник, ни Церковь, ни крещение, ни исповедь не могут служить орудием спасения: к Церкви принадлежат ведь и осужденные. Правда, «вне Церкви нет спасения», но это не значит, что Церковь способна стать его орудием или дать уверенность в избранности. Каждый верующий должен принадлежать к Церкви лишь для того, чтобы не противиться божьей воле, ибо Бог во славу свою создал и Церковь и опять-таки для той же цели заставил осужденных принадле-

---

* *In nuce* — сжато, вкратце (лат.)

жать к ней наравне с избранными. Удостовериться в своей избранности здесь, в течение мирской, земной жизни, вообще нельзя никоим образом, ведь эта избранность относится к потусторонней жизни, а потому дерзко было бы и помешлять о том, чтобы приоткрыть завесу потустороннего мира и проникнуть в тайные решения Бога. Даже Иисуса Христа далеко не каждый христианин может считать Спасителем и искупителем своих грехов, ибо Христос умер только за избранных.

Ближайшим психологическим результатом этой суровой богословской концепции явилась исключительная, дотоле неслыханная внутренняя отъединенность индивидуума. Каждый христианин одиноко идет по своему пути навстречу вечному спасению или вечной гибели. Уже эта, так сказать, первичная концепция учения о предопределении имела важные последствия в области практической этики. Она создала, во-первых, очень своеобразное отношение верующего к окружающим его людям, а во-вторых, оригинальное толкование понятия *Beruf*. Человек, считающий себя верующим христианином, должен надеяться только на Бога и отнюдь не полагаться на людей. «Проклят тот, — говорил Иеремия, — кто надеется на людей». Наряду с таким своеобразным человеконенавистничеством на христианской подкладке и в тесном сплетении с ним резко выступает прославление неустанной работы христианина в его *Beruf*. Для этого необходим систематический самоконтроль своего ощущения избранности, но не пассивный, а активный контроль: не исповедь М. Лютера, время от времени возобновляющая утерянное или восстанавливающая поколебленное сознание избранности, а каждодневное практическое разрешение одного и того же вечного вопроса: «Избран я или нет?» в самом процессе систематической работы во славу Божию. Все, что делается здесь, на земле, делается для потусторонних целей и только в их свете получает смысл. Но именно поэтому вся земная деятельность должна быть рационализирована до последней степени, ибо только тогда она сможет выражать то стремление рукотворного к совершенству, которое угодно Богу. Бог требует делания добра, возведенного в систему, превращенного в идеал земного угождения потустороннему Богу. Поэтому один-единственный грех уничтожает все. Все делается во славу Божию, и каждый день верующий член незримой Божией Церкви должен спрашивать себя: «Избран ли я?» — и отвечать: «Да, я делаю угодное Богу — ergo, я избран». Это — декартовское *cogito ergo sum* («Я мыслю — следовательно, существую» — *lat.*), перенесенное в этическую сферу.

Охарактеризованную выше религиозную этику кальвинизма Вебер называет мирским аскетизмом. Основные особенности этой этики — преодоление *status naturae* (природного состояния — *lat.*) путем передачи себя в руки Бога, систематическая работа во славу Божию, преобладание постоянных мотивов психики над искусственно подавляемыми аффектами — свойственны всякому аскетизму, в том числе и католическому, внемирскому аскетизму, ведь каждый католический монах воспитывался как работник Божий. Но глубокая пропасть лежала между католическим и протестантским аскетизмом: кальвинисты были монахами, оставаясь в миру. Если католики из монахов делали Божьих работников, то кальвинисты, наоборот, Божьих работников превращали в монахов. Их «избранные», становясь аскетами и оставаясь в миру, проникались ненавистью и презрением к ближним, не умевшим в процессе аскетического труда и самоконтроля дать доказательств своей избранности. «Бог помогает тому, кто сам себе помогает» — этот девиз сделался основным нравственным принципом их отношения к людям.

Да и самый контроль своей избранности выливался в неслыханно мирские формы. Место исповеди заняли религиозные дневники, которые должны были содержать точный отчет об отношениях между верующим и Богом, причем Р. Бакстер и Л. Бениан сравнивали их с отношениями между кредитором и должником (!). И над всем этим тяготел дамоклов меч потусторонней осужденности, которая уже, наверное, грозит всякому, не умеющему доказать свою «кредитоспособность» по отношению к Богу.

Человек в земной жизни свободен: предопределена только потусторонняя его жизнь. Но она бросает огромную тень на всю его земную жизнь, которая становится лишь подготовлением к потусторонней участи. Наслаждение земными радостями ради наслаждения ими — величайший грех: греховны «искусство для искусства», эротика во имя эротика, богатство для богатства. Греховно и инстинктивное бессознательное стремление к этим земным радостям. Греховна любовная страсть, ведущая к бездельному наслаждению радостями чувства и чувственности; но законный и степенный брак на всю жизнь, брак не по любви и не по расчету, а по рассудку — угоден Богу, ибо он становится средством прославления Бога путем усиленного производства здорового и работающего потомства; жизнь в таком браке тоже превращается в один из видов работы во имя Божие и во славу Божию. Недаром сказано: «Плодитесь и размножайтесь».

Точно так же греховно наслаждение богатством. Методический же труд по приобретению богатства угоден Богу, ибо потребление богатства отрывает от стремления к святой жизни: «вечный покой святых» возможен лишь в потустороннем мире; в земной жизни покой — не признак святости, а наоборот, знамение греховности и осужденности. Тот, кто «почивает на лаврах», тем самым показывает, что он не принадлежит к числу избранных, что он охотно поддается искушению заменить тяжкий труд прославления Бога делами своими — гораздо более легким трудом обожествления рукотворного. Греховно стремление к барышу ради барыша, но это же самое стремление как средство прославления Бога и служения Ему свято. Если верующему и разрешается иногда «погружаться в искусство, в науки, предаваться мечтам и страстям» (ибо слаб человек), то это, во всяком случае, не должно ничего стоить. Человек ведь только управитель Божьего имущества и не должен расточать его иначе, как во славу Божию.

Некогда было сказано: «Отдайте кесарю кесарево, а Богу — Божье». Ничто не может быть столь враждебно пуританству, как эта евангельская формула. Нет на свете ничего, что принадлежало бы кесарю; все — и сам кесарь, и царство его — принадлежит Богу. «Отдайте Богу и Божье, и кесарево, ибо все — Божье» — так можно было бы перефразировать в пуританском духе евангельское изречение. Но отдавать себя Богу нужно, оставаясь в миру и работая в нем, ибо Бог так хотел: он поставил слабых людей блюстителями своего великого дела и обратился к ним не с христианской, а с грозной Заратустровой заповедью: «Werdet hart!» («Будьте стойкими»). И главное: «Arbeitet hart!» («Трудитесь стойко!»). Работа выполняет две одинаково важные функции: 1) дает в руки человеку могучее орудие против всяческих плотских (в том числе и сексуальных) искушений и 2) делает осмысленным земное странствие верующего, становясь самоцелью, а тем самым и основной целью его жизни. Каждый час должен принадлежать Богу. Потеря времени — величайший грех. «Отсутствие желаний на земле недостижимо, — говорит один из пуританских богословов, — и оно недостижимо именно потому, что Бог не хотел этого». Поэтому следует не избегать желаний, а направлять их в сторону, угодную Богу, т.е. работать. Здесь работа, как видим, становится уже самоцелью. Воздержание от плотских искушений — первая функция работы — создало единый образный стиль жизни, привело все к одному знаменателю.

Работа хорошо выполнила свою первую функцию — служить оградой от земных вождлений: она зажала в железные тиски аскетического долга личное потребление. Но, пожалуй, еще важнее была вторая ее функция, ибо работа как самоцель развязала руки безграничному производству ради производства. Все, что способствовало личному потреблению, признавалось греховным обожествлением рукотворного; все, что развивало и толкало вперед производство, награждалось религиозной премией — сознанием избранности, объявлялось богоугодным делом и священной обязанностью верующего.

И богач должен трудиться: его богатство отнюдь не освобождает его от выполнения заповеди апостола Павла: «Не трудящийся да не ест» и он не должен есть, не работая. Пусть он материально не нуждается в заработке, но в религиозном отношении труд

так же необходим ему, как и бедняку, ибо для всех без различия Бог приготовил *Beruf*, и работа в нем — веление, исходящее от Бога и предписывающее индивидууму действовать во славу Божию.

В пуританской литературе неоднократно подчеркивается, что Бог нигде не повелевает любить ближнего больше, чем самого себя, он заповедал лишь любить ближнего как самого себя. А следовательно, существует и долг любви к самому себе. Так, если кто-нибудь знает, что сумеет лучше распорядиться своим имуществом, чем его ближний, а значит, и лучше употребить его во славу Божию, то долг любви к ближнему отнюдь не может предписать ему отдать этому ближнему свое имущество. Приобретение личного богатства во имя безличных и сверхличных целей (устроения социального космоса и служения Богу) является платой за вечное блаженство в потустороннем мире.

Приложение 3

Либеральный манифест

(двенадцать принципов современного либерализма)*

1. Либерализм в современном понимании — это инновационный путь развития, построение постиндустриального общества. Молекулой этого общества является свободная творческая личность. Свобода не означает анархии и произвола, она ограничена Законом и личной ответственностью.

2. Все, что сегодня в России называют либерализмом, — это псевдолиберализм. Под этим брендом определенные политические круги проводили, по существу, антилиберальные проекты и программы. В результате сама либеральная идея оказалась в России дискредитированной. Задача подлинных либералов состоит прежде всего в том, чтобы вернуть этой идее ее настоящее значение, очистить ее от ложных представлений и позорных пятен, образовавшихся в результате псевдолиберальной политики российского руководства в 1991–2005 гг.

3. Политика Президента и Правительства РФ продолжает оставаться псевдолиберальной, т.е. либеральной на словах и антилиберальной на деле. В этой политике не просматривается ни долгосрочной стратегии развития, ни заявки на построение постиндустриального общества, ни признаков перехода к инновационной экономике, ни вообще перспективной модели сырьевой экономики. Обществу понятно, что это путь в никуда.

4. Инновационный тип развития предполагает наличие и постоянное совершенствование социальной постиндустриальной инфраструктуры, нацеленной на расширенное воспроизводство качественного креативного человеческого капитала и включающей в себя доступное и высококачественное жилье, медицинское обслуживание, рекреационную индустрию, образование, развитие культуры. И в этом смысле политика Правительства и Президента РФ является антилиберальной. Коммерциализация социальной инфраструктуры уводит в сторону от подлинного либерализма, ибо не делает человека свободным в полном смысле этого слова.

5. То же самое можно сказать о науке — как прикладной, так и фундаментальной.

6. В экономике либерализм предполагает прежде всего проведение осмысленной и долгосрочной стратегии технологической модернизации. Идеалом настоящего либерала должна быть Технологическая Республика — страна мастеров, инженеров, ученых и менеджеров.

7. Во внутренней политике либерализм предполагает формирование политической нации прежде всего внутри Российской Федерации. Такая нация, однако, должна

---

* Составитель — С. Кортунов.

строиться на понимании государствообразующей функции русского народа как основного субъекта национальной истории.

8. Современные либералы должны строить государство не с «чистого листа», или с 1991 г., а исходя из того, что нынешняя Российская Федерация — правопреемница и продолжательница тысячелетнего Российского государства, в том числе Российской империи и СССР, т.е. в области государственного строительства либералы исходят из доктрины непрерывного правопреемства и континуитета.

9. В области федеральных отношений либералы выступают за предоставление максимальной экономической самостоятельности регионам РФ при укреплении единого политического, экономического, правового и культурного пространства Федерации. Политическое кредо либералов — «цветущая сложность».

10. Либералы выступают за безусловное сохранение и укрепление конституционных принципов свободы совести и отделения церкви от государства, за утверждение многоконфессионального характера страны. Вместе с тем они признают исторические заслуги именно Русской православной церкви в создании и укреплении российской государственности.

11. Основой современного государства либералы считают гражданское общество, которое нанимает президента и правительство для выполнения задач, которые формулирует и вносит в национальную повестку дня само гражданское общество. Такое общество не может, однако, быть создано «сверху», например через Общественную палату; оно должно сложиться естественным, эволюционным путем в результате самоопределения свободных граждан и их объединения в негосударственные союзы и организации. Идеал либералов — государство-корпорация, обслуживающая интересы гражданского общества, которое формулирует стратегию развития и национальную повестку дня. Такая корпорация должна быть абсолютно прозрачна и подконтрольна обществу, которое ее нанимает. А потому никакой коррупции в ней не может быть по определению. И в этом смысле современное Российское государство, обслуживающее не общество, а бюрократию и олигархию, является антилиберальным.

Сильное государство не противоречит свободе, а скорее является ее гарантией, и сильное государство не противоречит экономической свободе и институтам рынка и не должно конфликтовать с ними, а должно быть защитником собственности. Это и есть либеральное государственничество, либеральный национализм в европейском понимании.

12. В вопросах внешней политики либералы ориентируются прежде всего на те страны, которые перешли на инновационный тип развития и построили постиндустриальное общество, а также на страны, находящиеся в едином с Россией культурном и ценностном поле. Это прежде всего страны Европы, составляющие колыбель и основу христианской цивилизации. Либералы настаивают на европейской идентичности России, утверждают, что Россия является неотъемлемой частью Большой Европы и потому считают европейский вектор движения страны наиглавнейшим. Одновременно они понимают, что в геополитическом плане Россия является евразийской, а следовательно, и глобальной державой, что делает неизбежным ее тесное взаимодействие с основными акторами мировой политики в АТР, прежде всего с Китаем и Индией, а также сотрудничество с США по вопросам глобальной безопасности.

Будучи сторонниками либеральной доктрины в вопросах внутренней политики, современные российские либералы не исключают элементов здорового консерватизма в вопросах политики внешней. Они будут жестко отстаивать российские национальные интересы — как геоэкономические, так и геополитические.

Продвигая Россию в Европу, либералы не будут препятствовать движению в этом же направлении соседей России. Однако они не допустят и того, чтобы Россия оплачивала такое движение. Россия не станет принуждать соседей к вступлению в какие бы

то ни было союзы с ее участием, но и дотировать их экономическое развитие за счет своего налогоплательщика тоже не станут. Россия будет иметь моральное право и практическую возможность создавать союзы на постсоветском пространстве только в том случае, если однажды окажется привлекательной для своих соседей. В этом смысле так называемая либеральная империя — это не более чем выдуманная обанкротившимися отечественными псевдолибералами химера, используемая исключительно в политических целях.

Приложение 4

Как русские осваивали Евразию (из выступления В. Махнач в Клубе мировой политической экономики)*

Давайте обратимся к истории вопроса нашего прихода на Дальний Восток. Сначала мы попали в Сибирь. За Урал, «за Камень», как тогда говорили русские, а это были новгородцы, они еще в XII веке пришли на Югорскую землю. Это низовья, нижнее течение Оби. Наш приход туда носил не колонистский, а скорее колониальный характер. Мы ходили туда за пушниной. Это самый высокий по стоимости продукт, который вывозила тогда Россия. Она вывозила и соль, и даже металлы, изделия, но все-таки ничего дороже пушнины Древняя Русь не вывозила, а европейцы к этому моменту своего пушного зверя просто выбили. Но мехов-то всем хочется. Если денег на бобровые и соболиные шкурки не хватает, то уж на беличьи хватает даже у крестьянина. А белки оказалось так много, что даже еще осталась и сейчас.

Потом начались некоторые ограничения. Они были связаны с возникновением Орды, нашим вассальным отношением к ней и тем, что Орда была все-таки великой Ордой. Правда, она распалась довольно быстро, уже в начале XIV в. Но некоторое единство ордынских народов продолжало иметь место, т.е. несколько орд — хуаргистской, чеготайской и т.д., в том числе и великой Орды с ханом в Каракоруме, наследником великого Чингисхана. Они основывали свои орды и свои ханства. И связь между ними была, и просто так обижать их было нельзя до тех пор, пока русские не решили, что время пришло. Во-первых, создания единой России хотели все русские. Во-вторых, церковь нас обязывала. Не стало Константинополя, нового Рима. Третьим Римом могла стать только Москва. Больше шансов ни у кого не было. После оккупации турками Константинополя, продолжающейся до сегодняшнего дня, кроме России, независимыми православными государствами остались несколько крошечных грузинских. Грузии никакой не было, а было, три царства и четыре не зависимых от них княжества. И все они по очереди добровольно вступили в состав Российской империи, т.е. вовсе не Грузия, а то, что было на ее месте.

Когда Православная церковь решила, что это наш долг, мы ликвидировали Орду за ненадобностью. Орда, конечно, сама на нас напала в 1480 г., но будем честными, мы ее спровоцировали, нанеся бедному Ахмед-хану все возможные оскорбления, какие только можно измыслить. Он не мог не получать русскую дань, потому что его тогда дагларбеги прикончили бы. Просто возраст Орде вышел.

Мы ликвидировали Орду, но заметьте, мы отнюдь не бросились на Восток. Наоборот, у нас тут же возникли дипломатические отношения с Казанью, мало кто об этом помнит, но у нас была дипломатическая миссия, страшно подумать, при дворе сибирского хана, предка знаменитого Кучума. Мы установили дипломатические отношения.

---

* <www.wpec.ru> 18 октября 2007 г.

По сути дела, мы осколкам Орды предлагали: будьте независимы, чеканьте монеты, имейте ханов, но будьте нам лояльны. Мы же были лояльны золотоордынским ханам. А теперь мы сильнее, будьте лояльны нам. Больше мы ни на что не претендуем, чтобы только пленных в Казань не угоняли.

И на протяжении 70 с лишним лет мы твердой рукой проводим дипломатию кнута и пряника в отношении казанцев. Мы не беспокоили сибирцев. Мы хотели, чтобы у нас в Казани, в Астрахани, в Нарыме были лояльные ханы. Когда в 1552 г. русские войска берут Казань, это происходит потому, что на казанском столе оказывается крымская династия. А крымцы — совершенно другие татары. Это совершенно другой этнос. Это случайно название одинаковое. Крымцы — вассалы султана в оккупированном Константинополе. На таком расстоянии от Москвы тогдашнее московское правительство позволить себе пребывать турецкому шпиону просто не могло. Вот почему была взята Казань.

Завыши Казань, укрепляешь на Урале. И тут происходит одна из величайших наших трагедий. Нам рано было «за Камень» расселяться, нам рано было в Сибирь. У нас народа не хватало. О том, что нам надо решать проблему народонаселения, писал Михаил Васильевич Ломоносов и многие после него, в том числе и Дмитрий Иванович Менделеев на рубеже XIX–XX вв. Но писали и думали о том, как заняться проблемой увеличения народонаселения. А о том, что народа не хватает, знали все. Каждый самостоятельный купец знал, что народа не хватает, потому что у него товару больше, чем покупателей. Каждый нормальный воевода или земский староста считал людей, подвластных или подчиненных хотя бы ему, загибая пальцы, потому что их чудовищно не хватает из века в век.

И если бы мы пошли за Урал, предварительно восстановив народонаселение, приобретя не белорусские, а хотя бы малороссийские земли, т.е. веком позже, в XVII в., а не в XVI, может быть, мы решили бы проблему. Собственно, почему было туда не пойти? Но сразу два толчка было. Во-первых, обнаглел сибирский хан Кучум, очень храбрый человек, хороший военный, но порядочный наглец. Ему тоже нужны были деньги, своим мурмам надо было давать что-то. И начал Кучум нападения на строгановские владения. Строгановых царствующая династия привлекала особенно. Они имели единственный на всей Руси титул именитых людей. Никого больше не было, только семья Строгановых. Но Строгановы были богаче любого боярина, хотя боярин по рангу был неизмеримо выше именитого человека. Они были богаче и могли содержать свои войска. И еще совсем молодой, еще не превратившийся в тирана царь Иван IV разрешил им содержать на службе своих казаков. Более того, в Соликамске и Сольвычегодске, в неофициальных столицах Строгановых, были даже еще и свои стрельцы, и своя артиллерия. В общем, возможность была. А Строгановы, конечно, хотели защитить, ведь они были не только соляными королями, но и пушными. И опять-таки им было выгодно поддерживать пушные экспедиции наших поморов и наших казаков. Кончилось это блестящим походом.

Отчаянная экспедиция Ермака — это спровоцированная Строгановыми экспедиция на защиту строгановских рубежей. А Ермак вел донских казаков преимущественно, а также всех, кто прибился, и у него были свои интересы, и тоже не очень хитрые интересы — получить пушной ясак, откупиться от царя и еще себе зипунов набрать, как говаривалось. Это было полбеды. Эта экспедиция могла быть, что называется, одноразовой, но побили Кучума и удалились. Но все равно понимали, что ходить за Камень пока опасно.

Но произошло другая беда. В 1558 г., становясь тираном, Иван IV навязал нам Ливонскую войну, которая продолжалась 25 лет, почти до его смерти. В 1583 г. подписали проигранный мир, слава богу, не капитуляцию, а в 1584-м Бог наконец избавил русских от первого тирана в русской истории. До того их не было.

А в 1564 г. новый гениальный поворот гениального человека, гениального тирана и мерзавца — начало опричнины. Это начало откровенного террора, осуществляемого тираном. А экспедиция Ермака была уже. И что происходит? Народ побежал. Я опира-

уюсь на исследования по писцовым книгам академика Веселовского, профессора Зимина, профессора Скрынникова. Хочу напомнить, что бежали так, что в центральных уездах Русского или Московского государства запашка, т.е. площадь под пахотой, сокращалась в 10–12 раз. А куда бежали? Бежали в Литву, вовсе не считая это непатриотичным. Там тоже большинство были русские люди, которым еще не объяснили, что они украинцы и белорусы. Бежали на Дон, естественно. С Дона выдачи нет. И бежали в Сибирь — самые отчаянные. И пошла волна, покати́лась. Кучум еще был жив после гибели Ермака, но серьезно упал в авторитете у своих азиатских соседей — у алтайцев, у Алтын-хана — сильно упал, его уже не так боялись, сибирского казанского ханства. А больше там никого не оказалось вообще, потому что старейшин коренных сибирских народов в первую очередь сразу подкупили. Им сказали, что московский царь изволит с них меньший пушной ясак брать, чем брал Кучум. Кто же не согласится? А что им эти татары? Почему, собственно, не под московского царя, если он даже ясак берет, но меньше берет. А для самих русских места было сколько угодно. Сибирь чудовищно мало населена сейчас, и неправдоподобно малонаселенной она была тогда.

Русские преждевременно пошли в Сибирь. На то, чтобы вернуть Западную Русь, т.е. Украину и Белоруссию, народа не хватало, а рванули на Восток. И пошли, все дальше и дальше.

После Урала можно было остановиться на Оби. Есть такая наука геополитика. Один из жесточайших ее постулатов, абсолютно верный, гласит, что границы всегда тяготеют к естественным рубежам. Остановиться можно было на Оби, тем более что мы до Оби уже в XII в. ходили — какие проблемы, знакомые земли. Дошли до Оби, а за Обью никого. Пошли дальше. Там свободнее. Там воевод нет, чиновников нет. Русский народ всегда не любил чиновников.

Следующий рубеж. На Иртыше еще кто-то был, это все-таки кучумовские земли. А ниже впадения Иртыша в Обь никого. Пошли дальше. Следующий естественный рубеж, хороший рубеж, удобный — это Енисей с Ангарой, естественно, с выходом на берега Байкала, естественно, с возможностью забайкальской торговли. Можно остановиться. Но вот в чем досада. Южнее Байкала есть буряты. В сущности, это северные монголы, северные лесные монголы, лесостепные. А севернее Байкала, на Ангаре и Енисее, никого нет. Поэтому покати́лись дальше.

Заметьте, на юг не шли. Почему? Для Евразии характерна устойчивая орография, т.е. окаймление горными массивами. Если вы посмотрите по границам преимущественно Советского Союза, конечно, потому что почти весь Советский Союз это и есть историческая Россия, то увидите, там везде горы. Это обширные равнины с достаточным количеством воды, в южной части с очень неплохим климатом, но там горные гряды. Идти за горы нам как-то непривычно было. Поэтому на юг не шли. Последний рубеж, который мог бы быть, — это Лена. Но за Леной-то тоже никого нет. Вот и получилось, что уже в конце XVI в. были основаны не только Тюмень, но и Томск, гораздо восточнее. Что уже в конце XVI в. попали на Дальний Восток совершенно отчаянные, правда, не казаки, а скорее вологодцы, такие как Семен Дежнев, Поярков, а потом казаки Москвитин, Ерофей Павлович Хабаров. Это, правда, уже XVII век. Главное, никто не мешает. Ходи — не хочу. Мы никого не убивали, не гнули в бараний рог. Приходили и говорили, мы вас защищать будем, обижать не будем ни в коем случае, но платите с чума, с юрты в год соболя и 20 белок. Очередной эвен думал, что, собственно, мне нетрудно и 100 белок добыть. Я умею. У меня двое сыновей. Дочка тоже умеет из лука стрелять. А русский, между прочим, редкие вещи привозит. Нож стальной мне атаман подарил. А тому царю, которого я никогда не увижу, как-нибудь я ему 20 белочек настреляю. Это абсолютно правдоподобно. Просто мы нигде не могли остановиться. Как вы понимаете, мы растягивались на чудовищное пространство с недостаточным населением.

Судьба эвенов — это мой любимый пример. В самом деле, как мы их завоевывали, это действительно интересно. Русские появились в так называемой Якутии, или в Республике Саха, в XVI в. Якуты, имя которых она носит, в XVII. Есть разница? Но пер-

вое коренное население — это эвены. Это субэтнос того же народа, что и эвенки, но они отличаются. Эвены — доблестные таежные охотники, знающие тайгу насковзь, но они были с луками и в шкурах. А якуты — все-таки в железных панцирях и с мушкетами. Если бы там еще не было с пушечками наших казачков, то эвенов бы не было. А так, между прочим, эвены есть. До сих пор существуют.

Что происходит дальше? Если в XVI–XVII вв. русские люди карты изучали очень хорошо, даже умели сами составлять превосходные карты, но читали больше исторические хроники, летописи и Священное Писание, то в XVIII в. начали читать ученых «европейцев». И какое только зло они нам принесли! Во времена Чингисхана, т.е. во времена Александра Невского, было известно русским людям понаслышке (они в Каракорум к великому хану вынуждены были ездить на поклон), что река Амур впадает в океан широким устьем. А еще знали совершенно поразительную вещь во времена Чингисхана и Александра Невского, что есть остров Сахалин. А в XVIII в., после Лаперуза, начисто забыли, что есть такой остров, и вся Европа, и послушная Россия убедились, что есть полуостров Сахалин. Это те же западноевропейские товарищи довели до сведения нашего малоцивилизованного и тупорылого населения, которое, как известно, лаптем щи хлебает. Еще сказали, что у Амуре вообще устья нет. Он исчезает в песках. Вы фотографии видели. Река Амур довольно-таки судоходная чуть ли не в верхнем течении. И ширины, и глубины хватает, фарватер хороший.

Есть одна бешеная река, которая не имеет устья. Бешеная великая река. Случай особый. Она действительно теряется в песках. Это Хуанхэ — Великая Желтая река. Больше таких рек на планете нет. Все остальные в моря впадают.

А куда нам было деваться? В XVII в. при царе Алексее Михайловиче мы ввязались в освобождение братьев наших, потомки которых сочтут себя не русскими людьми, а вовсе даже наоборот, украинцами. Дело домашнее, хозяйское. Брата всегда защищаешь, да к тому же еще брата во Христе, православные же. А в XVIII в. началась большая европейская политика. Была Семилетняя война при императрице Елизавете. Потом измена Родине, которую совершил император Петр III, правда лишившийся за это и трона, и жизни. Потом русская императрица-немка Екатерина II вела правильную внешнюю политику, но ей пришлось выдержать три раза военные действия по поводу раздела Польши. А это тоже освобождение своих. Две тяжелые русско-турецкие войны, еще между прочим русско-шведская была, о которой забывают. Напряженье было большое. Сибирью некогда было заниматься, хотя до Дальнего Востока доходили. Некогда! А за XVIII в. нас убедили, что там и делать нечего. Амур в болотах тонет. Сахалин — полуостров. И воспользовавшись еще к тому же тяжелым положением европейской России в 1689 г., тогда еще сильное маньчжурское правительство устроило нам хорошую головомойку и заставило подписать Нерчинский договор, позорный для России, на который сейчас любят ссылаться товарищи, хорошо знающие историю.

Дальше все произошло очень быстро. За несколько лет. Во второй половине 40-х — начале 50-х годов XIX в., в царствование императора Николая I, страшного ретрограда, реакционера и мракобеса. Когда, оказывается, у нас никого не было совсем, только мужик, который двух генералов кормил, и градоначальник города Глухова, как писал в 1846 г. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

А между тем в 1848 г. в Санкт-Петербурге от стрелки Васильевского острова, т.е. Биржи, ушел в плаванье упрямый, но довольный, пробивший инициативу такого плаванья, практически наполовину кругосветного, капитан-лейтенант Невельской. Тот, который составит карту и неоспоримо докажет, что Амурский лиман — это устье Амуре. Между ним и лиманом никаких болот, а Сахалин — остров. Он открыл нам наполовину дорогу на Дальний Восток, потому что до него добраться терпимо можно было до Байкала, а дальше до Охотска был тракт, но такой, что только зимой, и то тяжело.

А единственным городом, если только этот поселок можно вообще городом было считать даже тогда, был Охотск. В Охотске холодно. И Охотское море холодное. И Охотск замерзает. Ну где, какое развитие Дальнего Востока? Русские прыгали дальше. Русские добирались до Аляски не первый раз в русской истории. Дежнев видел Аляску. Добирались до Калифорнии. Имели владения в Калифорнии. И даже пытались основать колонию с некоторыми шансами на успех на тогда еще не оккупированных американцами Гавайях. Как это было бы прекрасно! И все без помощи, Строгановых там не было, без помощи правительства, без помощи государства. При полном равнодушии верхов. Мы там нашли бы население. Мы бы индейцев окрестили.

Итак, на Дальнем Востоке был промерзший насквозь Охотск. И тут все меняется. Невельской открывает устье Амура и демонстративно воздвигает русский флаг на южном берегу лимана, на азиатском. Другой достойнейший русский человек тогда, капитан второго ранга Завойко, строит и укрепляет Охотск, после чего, получив сведения Невельского, предпринимает экспедицию и основывает Владивосток. Прекрасный, замечательный, с бухтой Золотой Рог. И это не все.

В Иркутске появляется новый генерал-губернатор Николай Муравьев, будущий граф Муравьев-Амурский. Конечно, в России были одни воры, но почему-то были Кауфман-Туркестанский, Муравьев-Виленский, Муравьев-Амурский. И наводит Николай Муравьев порядок по всей Сибири. Тракты, ямскую гоньбу, школы в огромном количестве. В Нерчинске сначала возникает каторга, а потом два крупных учебных заведения — инженерное училище и гимназия. И народу там больше, чем на каторге, кстати сказать. Это три гиганта, открывшие дорогу на Дальний Восток.

Я немножко пользуюсь недавно опубликованной популярной, но хорошей статьей в православном журнале «Наследник». Я знал эти имена. Автор статьи назвал ее «Три богатыря и один святитель». Точно совершенно. Потому что был еще один человек, создавший русский Дальний Восток, — епископ Камчатский, Алеутский и Курильский, самый первый Иннокентий. Он святой, он почитается. Почему у нас в Свяцах нет Невельского вместе с Завойко, не знаю. Я думаю, что всех их надо туда включить, и Муравьева-Амурского тоже. Но Иннокентий есть. Только не ищите Иннокентия Камчатского, а ищите Иннокентия Московского. Последние почти 10 лет он пробыл Московским митрополитом за все заслуги и в Москве ничем не отличился. Если вы будете читать его житие, там будет про Дальний Восток все написано. Он отличился там. Начав свой путь юношей, только что постриженным иеромонахом, стал миссионером на Дальнем Востоке.

Собственно губернатор, архиерей и два настоящих моряка и морепроходца это все и сделали. Конечно, и другие были. У Гончарова можно прочитать. Он записки оставил. На фрегате «Паллада» он сплавал на Дальний Восток, а обратно-то он возвращался по суше. И он описывал этих людей — охотников, казаков, купцов, офицеров, чиновников — какие чудеса они совершали там ради России. Все по праву на Дальнем Востоке.

Но что происходит дальше? Теперь вернемся всерьез к упомянутой мной науке геополитике. Когда я учился в 1970-е годы в университете, она называлась в лучшем случае буржуазной лженаукой, в худшем — фашистской. Сейчас вроде геополитические работы выходят у нас. Уже можно читать в русском переводе величайших классиков Маккиндера, Хаусхофера.

Одна из норм геополитики — двухбереговая держава должна устойчиво держаться за оба берега и тяготеть к ним всей своей жизнью. Почему мы, в общем правильно, не всегда удачно, иногда преждевременно, слишком поспешно при Петре, однако почему мы рвались к берегам Черного и Балтийского морей? Что, для того, чтобы нам выйти в морские державы и торговать? Балтийское море запирается. Как вы понимаете, запирается Датскими проливами намертво. А при Иване IV оно запиралось даже до

Датских проливов просто вооруженными кораблями Ганзы. Черное море запирается еще надежнее. Это вам не Датские проливы. Можно запирать Керченский пролив, потом запирать Босфор, Пропонтиду, Дарданеллы. И даже если ты вылез в Средиземное море, то Суэцкого канала еще нет, а Средиземное море надежно запирается скалой Гибралтар. Нет, не для этого, и не для экспансии, в том числе торговой, нам были нужны берега Балтийского и Черного морей, а для того, чтобы мы как двухбереговая держава не мизинцами, как сейчас, а руками за них держались. И нам все равно надо возвращать свой статус-кво на этих морях.

Но когда мы докатились до Дальнего Востока, то характер двухбереговой, а фактически трехбереговой державы изменился. Нам надо было держаться за тихоокеанское побережье или оттуда соскальзывать при любой перемене конъюнктуры, вдруг крепкий император образуется в Пекине и погонит нас оттуда. И вылетим. А когда держимся за берег, двухбереговая держава все выдерживает.

Обращаю ваше внимание, вторая держава в мире по территории — почему-то профессор Вишневский неделю назад об этом не сказал — имеет еще более несообразное население, чем Российская Федерация. Это Канада. Порядка 30 млн населения. Где живут канадцы? Я думаю, многие это знают. Канадцы живут в южных частях атлантического и немножечко тихоокеанского побережья и, конечно, в районе Великих Озер. А вся остальная Канада — пустая. Там гуляют индейцы, иногда на вертолете пролетает полицейский, который должен охранять индейцев от чего-нибудь, или другой полицейский, который должен охранять лосей, например. Такие полицейские там тоже есть. Но они там не живут, они там летают. И ничего, неплохо живут, между прочим.

Давайте южнее возьмем. Там климат совсем хороший. Там климат, который нам почти что не снился, — Соединенные Штаты Америки. Сейчас, конечно, американцы живут по всей Америке. Но где они жили 100 с небольшим лет назад? Они жили, естественно, в районе Новой Голландии, Нью-Джерси, потом южнее по атлантическому побережью, потом переехали на тихоокеанское побережье. Так вот, когда еще трапперы и скваттеры охотились за индейцами, а власти штатов платили премию за скальп (причем очень расчетливо — за мужской скальп дороже, за женский дешевле, за детский еще дешевле) — это меньше 150 лет назад. Ни с какими неграми это вообще не сравнится. Негров, конечно, привезли сюда рабами, однако хоть кормили хорошо, чтобы работали. Индейцев просто перебили. Так вот, когда на Диком Западе (а Дикий Запад — это тихоокеанское побережье, это Невада, например) еще охотились за индейцами, из Сан-Франциско в Сиэтл уже бегал паровозик. Американцы сразу после атлантического побережья укреплялись на тихоокеанском. И мы никак не можем ни при каких обстоятельствах чувствовать себя спокойно, если мы не создадим Дальний Восток, сомасштабный европейской России демографически, в плане сельского хозяйства, промышленно, в военном и научно-культурном отношении. У нас там должны быть свои Сиэтл, Сан-Франциско и Лос-Анджелес, тогда Россия будет в порядке. А что делается внутри России, это никого не касается.

Между европейской частью России и Дальним Востоком есть Южная Сибирь. Это довольно широкая полоса великоленной плодородной земли, с великоленным климатом, кстати, гораздо лучшим, чем в Москве. А мы же живем. Там, правда, порезче и посурее зима, так там и лето длиннее. В Москве 3,5 месяца, а там 4,5. И воды там хватает. И все что угодно растет.

А дальше в некоторых местах довольно близко начинается мерзлотная зона. Русскому человеку там делать нечего. Полезные ископаемые следует, как это и делается, добывать вахтовым методом. Чем меньше народа там будет работать, тем лучше. Американцы тоже не стремятся все переселиться в Аляску. Если там любят жить ханты и манси, то надо их опекать так же, как канадцы опекают своих индейцев. Пусть на здоровье живут. Ханты и манси за много веков привыкли там жить, а русским там привыкать не-

зачем. Лента Южной Сибири, но Дальний Восток с хорошим климатом, цунами бывают правда, но только на побережье. А потом у нас таких цунами, какие обрушиваются на Японию, все-таки не бывает. Хотя какая-то польза есть от японцев. Острова японской гряды нас прикрывают от цунами. А вообще там хороший климат, достаточно теплый. А небольшой участок от Владивостока до нашей государственной границы — это вообще субтропики, субтропический климат. Живи — не хочу. На Южных Курилах, которые время от времени штатные патриоты хотят отдать японцам, субтропический климат. На крайнем южном Кунашире бамбуковые леса, птички только что не колибри щебечут. Кунашир — это, может быть, мирового класса курорт...

Мы занимались Дальним Востоком. Заниматься им до работ Муравьева, Невельского, Завойко и владыки Иннокентия было совсем трудно. После того как у нас появились знания, карта и город Владивосток — полегче. Там были найдены еще великолепные гавани. Например, Императорская гавань, ныне называется Советская гавань. Находка, например, хорошие бухты, хорошие гавани, хорошие условия кругом.

На Дальнем Востоке есть все. Мы теперь прекрасно знаем, что в Восточной Сибири есть нефть. Вокруг Сахалина шельфовая нефть уже известна. Я уверен, что нефтяные месторождения Центральной, Восточной Сибири и Дальнего Востока, включая шельфовые, не все разведаны. Я уверен, что их будут еще находить.

На отменях Сахалина и Курил столько рыбы и морепродуктов, и все съедают японцы. Там все есть. Колоссальная территория.

Теперь — что самое главное мы имеем и чем нам грозит нынешняя политика. Самое главное, чем мы обладаем и что будет беззащитно, покатысь мы назад на запад с Дальнего Востока. Вы заметьте, русские веками двигались на восток, сейчас отчетливо двигаются на запад. Если это будет допущено, во-первых, мы потеряем главное наше достояние, а оно дороже нефти, — это Транссибирская магистраль. Между бассейнами Атлантического и Тихого океанов самое быстрое сообщение — Транссиб. Да, это требует вложений в европейской части. Мы должны построить терминалы, шоссе, новые железнодорожные ветки, которые связывали бы с огромными грузовыми терминалами. Нам будут платить за перевоз грузов, причем в основном контейнерными перевозками, разумеется. При контейнерной транспортировке можно не выкатывать тележки, но нужны большие терминалы. Нам будут платить столько, сколько нам за нефть не платят. Это достижимо. Все окупит Транссибирская магистраль. Бешеные деньги. Дешевле железнодорожного транспорта есть только один — речной. Об этом тоже, кстати, стоит подумать применительно к Амуру. Морской немножко дороже.

А если мы всерьез покатымся на Запад, то мы потеряем, может быть, самое большое, бесценное наше достояние — озеро Байкал.

На планете безумно не хватает пресной воды. С каждым годом ситуация становится хуже. Одна десятая часть всей пресной воды приблизительно принадлежит нам. Примерно 5% всей пресной воды на планете — это озеро Байкал. Причем это возобновляемый ресурс. Его как питали 360 рек и ручьев, так и питают. Если чуть-чуть перебрать из Байкала воды, так у нас плотина на Ангаре, ее перекрыть на недельку, глядишь, и уровень поднялся. За этим можно следить. Без Байкала мы богатой страной не будем.

Нефть в конце концов ведь кончится. Правда, все время выясняется, что через 30 лет закончится нефть. По-моему, 60 лет назад в первый раз сказали, что через 30 лет закончится нефть. Но выясняется, что она еще есть. Я думаю, что через 30 лет выяснится, что все равно нефть еще есть. Но все равно когда-нибудь она кончится, она не возобновляема. Байкальская вода не денется никуда. И без пресной воды человек жить не может.

Русский путь*

Если обратиться к периодизации истории, предложенной Г. С. Квашой, то она основана на ритмах длительностью в 144 года — за меньший срок еще ни одному государству не удавалось решить какую-либо действительно серьезную историческую задачу. 144-летний период делится на четыре 36-летних. Первые 36 лет — это период планирования, набора энергии для предстоящих перемен. Вторые — силовое напряжение, приводящее к расцвету институтов власти, к появлению сильного лидера — Петра или Сталина (эволюционный рывок). Третье 36-летие — завершение, подведение итогов, апофеоз бюрократии (застой). Четвертое — отдых. «Золотое время: государство снимает узду с народа и отправляет его в свободный полет. При этом ничего страшного не происходит, так как вторая и третья фазы приучают людей к дисциплине и порядку. В это время люди, освобожденные от государственного прессинга, раскрепощаются и творят как боги. Города полнятся дворцами, поля — плодами. Здесь же начинается незаметный переход в первую фазу следующего цикла: идет постепенное накопление энергии».

144-летние циклы, разворачивающиеся в России, Г.С. Кваша называет **имперскими рывками**. «Первое 144-летие, характеризующее имперским типом развития, началось в 909 г. (рождение русской государственности, Киевская Русь). Второе началось в 1353 г. (падение монголо-татарского ига, Московское царство). Третье началось в 1653 г. (Петровская Россия). Четвертая 144-летка началась в 1881 г. и закончится в 2025 г.».

Вот расклад «петровского цикла» по 36-летиям: 1653–1689–1725–1761–1797 гг. Вот — нынешнего: 1881–1917–1953–1989–2025 гг. (аналогии очевидны). Главная же особенность цикла в том, что из него нельзя выйти раньше времени. Поэтому, вступив в четвертый имперский рывок больше века назад, Россия пройдет его до конца. А пока не пройдет, «ни демократии, ни рынка, ни жизни по писаному закону в стране не будет. На всем его протяжении правит закон силы, воля самой активной, но не самой многочисленной части населения, закон необходимости государственной, а не благополучия народного».

К концу «золотого времени» общество успевает подняться на третью эволюционную ступень, ступень гарантированного благополучия, когда основным внутренним содержанием социальной жизни является максимальное участие в системе управления обществом и ее совершенствование. И здесь, как считает Г. С. Кваша, история государства заканчивается. «Дело в том, что государство, прошедшее четыре имперских рывка, создает так называемый вечный народ... Имперский рывок — это апофеоз государственности, и потому народ, переживающий четыре рывка, абсолютно лишается государственного мышления... Такой народ продолжает существовать как народ, однако приходит к внегосударственному существованию. Ему становятся не нужны границы, армия и флот. Он всюду и нигде — он участвует в делах многих народов, но при этом не смешивается с ними. Эта судьба только ждет русский народ, **но предчувствие вечности уже накладывает на него отпечаток**».

Мысль об отмирании государства не нова. Об этом писали К. Маркс и Ф. Ницше. Без этого не мыслил будущего человечества Д. Андреев. Переход с третьей эволюционной ступени на четвертую, который рано или поздно предстоит обществу, закрепившемуся на стадии безусловно организованного благополучия, не может не сопровождаться сменой приоритетов, ценностей и методов. Общество четвертой эволюционной фазы живет по законам любви к миру и сотрудничеству с ним, а не по законам власти над ним, пусть самой гуманной и просвещенной. Власть на этом уровне теряет смысл,

* Кваша Г., Аккуратова Ж. Поиски империи. М., 1988. С. 5–47.

карьера — привлекательность, престиж — ценность. В системе четвертого эволюционного уровня просвечивает Божественный замысел, прежде всего этический. Вряд ли его можно найти в той вспомогательной, вторичной системе, которая называется государством. Этой структуре нет места на четвертой ступени. Во всяком случае, история таких примеров не знает.

Приложение 6

Территория исторической России*

Для понимания подлинной национальной идентичности России полезно помнить о принципиальном различии между категориями «страна» и «государство», которое проводится практически во всех языках мира. Об этом, в частности, пишет российский историк В. Махнач.

В русском языке государство связано с категорией «власть», так как происходит от понятия «государь», «правитель». Страна — это сторона, т.е. то, что как бы окружает государство, государя. Английское «state» исторически связано с городскими структурами, с категорией города. Страна — «country» — это в ином значении слово «деревня», т.е. то, что окружает город, государство и в какой-то степени находится даже за его пределами.

Государства создаются, формируются, иногда даже учреждаются, откуда и понятие «конституция» — в первоначальном значении «учреждение нового государства». Создание государств — это процесс дискретный, имеющий свои этапы и племенные границы. Вряд ли возможно установить подобные этапы и границы в процессе сложения стран. Страны складываются веками. Сложение страны включает в себя не только сознание ее целостности, целостности своей земли жителями этой страны, но и процесс осознания ее существования в определенных границах жителями других, прежде всего сопредельных стран.

Границы страны и государства в истории чаще всего не совпадают. Страна может состоять из нескольких государств. Обратное — когда государство включает в себя несколько стран — встречается гораздо реже. Многотысячелетняя история таких стран, как Египет, Китай, Индия, Иран (Персия), Турция и др., включает в себя и периоды распада на различные государства, и периоды существования внутри других государств, но эти страны продолжали существовать и воспринимались как таковые не только своими обитателями, но и соседями. США формально состоят из 50 государств-штатов (states), но Америка — это страна. Киевская Русь сложилась и в страну, и в государство. В XII в. на Руси государством являлось каждое княжество. Тем не менее для всех — и для славян, и для других народов — существовала Русская сторона, Русская земля. Русь как страна продолжала существовать и в последующие века, известные удельной княжеской (т.е. государственной) раздробленностью.

Процесс централизации привел к созданию двух государств — Великого княжества Владимирского и Великого княжества Литовского. Но страна оставалась одна. Что всеми и признавалось. Титул вильнюсских князей звучал так: «Великий князь литовский и русский». В XVIII в. практически вся русская земля оказалась в составе Российской империи, за исключением Галиции. Вся страна вошла в состав одного государства. Расчленение России после революции 1917 г. вновь привело к распаду страны на несколько государств. А в 1945 г. Советский Союз снова собрал в свой состав все

---

* См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: mahnach.by.ru/articles/samosozn.htm; см. также: мастер-класс В. Махнача. «Территория исторической России». 30 мая 2007 г. Сайт Клуба мировой политической экономики.

русские земли. Историческая Россия вошла в СССР, который по территории ее превосходил (например, Туркестан и Тува — не части исторической России).

Наконец, сейчас страна Россия вновь поделена между разными государствами, но страна от этого не исчезает. Никогда не было страны СССР — было государство СССР, а страной оставалась Россия. В. Махнач считает, что сейчас существуют государство Украина и государство Российская Федерация, которые вступают в межгосударственные отношения. Однако нет такой страны — Украина, и вряд ли она будет существовать, потому что ее название означает «окраина России». Нет и такой страны — Российская Федерация.

В состав исторической Украины (т.е. коренной, гетманской Украины, а точнее, Малороссии) входят лишь киевские, полтавские, житомирские и подольские земли. А Новороссия, Левобережье (т.е. Черниговская, Сумская и Харьковская области), Донбасс, Крым (Таврия) никогда Украине не принадлежали. Это части исторической России. Можно также обсуждать вопрос о принадлежности Подкарпатской Руси (где до сих пор проживают русины) и Галиции. В целом за период существования УССР в составе СССР она увеличила свои размеры примерно в пять (!) раз.

Территорией, вошедшей в состав Российской империи в начале XVIII в. и не имеющей никакого отношения к современной Молдавии, является Приднестровье. В 70-е годы XVIII в. по условиям Кючук-Кайнарджийского договора с Турцией (1774) Россия владела границей по Днестру. Впоследствии, по условиям Бухарестского мира (1811), она закрепила за собой владение территориями, которые сегодня занимает Молдавия. Тогда была создана Бессарабская губерния. Приднестровье никогда в нее не входило. Свой государственный статус и даже название Молдавия получила лишь в 1940 г. А до того Бессарабия была сельской провинцией королевской Румынии.

Не менее интересна с этой точки зрения и государственная история стран Балтии. Из трех новых членов Евросоюза собственное государство в исторической ретроспективе было лишь у Литвы — Великое княжество Литовское и Русское. Но оно было вторым русским государством — после Великого княжества Владимирского и Московского. С XIII в. в ВКЛ входила часть нынешней Латвии — Латгалия, которая, таким образом, не является исторической частью Латвии. Впоследствии Литва получила две губернии — Виленскую и Ковенскую (нынешняя Каунасская область). А Латгалия вошла в состав Витебской губернии. После революции 1917 г. В. И. Ленин подарил Латгалию Литве.

Что касается Латвии и Эстонии, то это — государства не исторические. Ни латыши, ни эстонцы никогда не создавали своей государственности. Эти территории были немецкими орденовыми землями. Сначала они принадлежали Тевтонскому ордену, затем — Ордену меченосцев, затем — Ливонскому ордену. В этом своем качестве они существовали вплоть до Ливонской войны при Иване Грозном, когда Ливония была упразднена. С поражением русской армии в результате Ливонской войны на этом месте при поддержке скандинавских держав, тогда вполне великих, возникли герцогства — соответственно Курляндское, Лифляндское и Эстляндское. Эстония и Латвия получили свою государственность так же, как украинским стал Донбасс, в зоне германской оккупации в 1918 г. Причем Эстония — это исторические и географические Эстляндия и половина Лифляндии, а Латвия — Курляндия и половина Лифляндии.

Курляндия попала в состав Российской империи в качестве приданого, так как вдовствующая и не имевшая потомства герцогиня Курляндская стала русской императрицей Анной Иоанновной в 1730 г. Полного признания своих прав на Курляндию Россия добилась после Семилетней войны. Лифляндию и Эстляндию же Россия **купила**. А по нормам международного права — и современным, и того времени — акт купли-продажи, совершенный между законными государственными властями, не имеет сроков давности.

Казахстан же вообще родился из «чрева» РСФСР, причем спустя почти три года после основания СССР. Соответственно Беловежский акт 1991 г. автоматически упразднил само существование Казахстана как такового. Казахстан не был субъектом

СССР, не участвовал в его учреждении. Казахи всегда были составной частью русского этноса, составляя в советское время лишь около 14% населения Казахстана — не намного больше, чем проживающие в республике немцы. До начала XX в. казахов в России именовали киргизами. Затем их стали называть казаками. И только с 1936 г. в русском языке было принято написание «казахи». Теперь жители Казахстана называют себя «казахстанцами». Нынешний Казахстан больше чем наполовину состоит из чисто русских областей. Это большая часть бывших территорий четырех казахских войск: оренбургского, уральского, сибирского и семиреченского (с центром Верный, превратившимся в последующем в Алма-Ату). Остальную территорию бывшей Казахской ССР можно, вероятно, считать историческим Казахстаном.

Несколько сложнее дело обстоит с Грузией. В нынешних границах Грузия не существовала ни в XVI, ни в XVII, ни в XVIII вв. До середины XVII в. мир знал три независимых царства: Каргли, Кахетию и Имеретию (Кутаис), а также четыре независимых от них владетельных княжества — Гурийское, Мингрельское, Самхе (т.е. нынешняя Аджария) и совершенно самостоятельную Абхазию со своей владетельной династией (Шервашидзе).

Если обратиться не к 75-летнему, в общем-то, мимолетному советскому опыту, а к тысячелетней истории края, то можно вспомнить лишь два очень коротких периода, когда некоторые княжества были объединены под эгидой Грузии — при Давиде-строителе (1089–1123 гг.) и царице Тамаре (1184–1212 гг.) — «от Никонсии до Дербента». Все остальное время — и до (а история закавказских государств уходит своими корнями в столетия до н.э.), и после этих кратких исторических моментов (в целом всего лишь 62 года) — эти народы существовали самостоятельно. Непреодолимый натиск могущественных мусульманских соседей — Ирана и Турции, поставивший их на грань полного исчезновения, — заставил лидеров этих народов уже в конце XVI в., в период царствования Федора Иоанновича, искать покровительства России. Россия тогда спасла и грузин, и абхазов, и другие народы края от физического уничтожения.

Просьбы о принятии в состав Российской империи продолжались в течение двухсот лет. В 1783 г. над Карглийско-Кахетинским царством установлен российский протекторат, а 18 лет спустя оно вошло в состав Империи по знаменитому Георгиевскому трактату. После него шесть самостоятельных образований (а вовсе не единая Грузия) в разные годы, независимо друг от друга, вошли в состав Российской империи. В результате русско-иранских (1804–1813, 1826–1828) и русско-турецких (1806–1812, 1828–1829) войн, в которых активно участвовали грузины, была освобождена большая часть занятых иранцами и турками в Закавказье территорий.

В состав России Имеретия вошла в 1810 г.; Гурия — в 1828 г.; Сванетия — в 1854 г.; Мингрелия — в 1857 г. (покровительство России в отношении независимого Мингрельского княжества было установлено еще в 1803 г. по просьбе тамошних князей из династии Дадзиани). Осетинские территории, напротив, включены в состав российских земель ранее, в 1774 г., на основе Кючук-Кайнарджийского мирного договора, заключенного с Турцией. Основанный в 1784 г. Владикавказ — первая российская крепость в регионе. Абхазские земли стали Сухумским округом в составе России в 1864 г. Никакого отношения к данному историческому факту грузины не имели. И в дальнейшем Абхазию ни в какое время нельзя было назвать частью Грузии, поскольку в соответствии с традициями Кавказа, чтимыми Россией, местное самоуправление всегда находилось в руках местной знати. Лишь во время Октябрьской революции меньшевистское правительство новой Грузии номинально заявило о своей власти над Абхазией. Реальную же власть оно не получило. А в 1921 г. в состав СССР вошла Закавказская Федерация, самостоятельным членом которой — наряду с Грузией, Азербайджаном и Арменией — являлась Абхазия. Она была частью Закавказской Федерации, а не Грузии!

Никогда до 1918 г. не существовало такого государства, как Азербайджан. Присоединение к России Каргли, Кахетии, Имеретии и Абхазии, что произошло против ее

воли (ни у Екатерины II, ни у Павла I, ни у Александра I не было даже планов переходить Кавказский хребет), привело Россию к столкновению с Ираном (Персией), под покровительством которого находились магометанские ханства, отрезавшие русские отряды от сообщения с империей, — Шемаханское, Нухинское, Бакинское, Эриван, Нахичеванское, Арцах и др. Большинство этих государств исторически входило в состав древней Армении (за исключением Бакинского), а никак не Азербайджана, который появился на карте только в советский период. Столкновение с Ираном вызвало две войны, закончившиеся присоединением всех этих территорий к России по Гюлистанскому (1813 г.) и Туркманчайскому (1828 г.) договорам. Таким образом, при выходе из СССР Азербайджан мог претендовать лишь на территорию Бакинского ханства.

Вероятно, у большевиков была своя логика, когда они «урезывали» территорию исторической России. Большевики, конечно, никогда не думали о том, что распад Советского Союза возможен. Но тело исторической России они кромсали вопреки интересам русского народа. И потому границы нынешней Российской Федерации никак нельзя назвать справедливыми.

Уточним нашу позицию по этому вопросу: никто не призывает сегодня требовать возврата русских земель. Понятно, что такая постановка вопроса немедленно привела бы к серьезному международному кризису, а возможно, и к крупным военным конфликтам. Но публично признать историческую несправедливость, заложенную в Беловежских соглашениях, на наш взгляд, не только можно, но и необходимо. В противном случае Россия согласилась бы с тем, что она является не тысячелетним государством, а всего лишь осколком (пусть и самым большим) бывшего СССР, и потеряла всякое право называть себя Россией.

В конце концов, ФРГ никогда не признавала справедливость отторжения от исторической Германии ГДР и добилась в конечном счете мирного воссоединения расчлененной нации.

Приложение 7

Внешнеполитические интересы России

Национальные интересы России в их внешнеполитическом измерении изложены в официальных документах по национальной безопасности и внешней политики РФ, принятых в 1993–2008 гг.

Важнейший национальный интерес Российской Федерации **на глобальном уровне** состоит в ее активном и полномочном участии в построении такой системы международных отношений, в которой ей отводилось бы место, в наибольшей степени соответствующее ее политическому, экономическому и интеллектуальному потенциалу, военно-политическим и внешнеэкономическим возможностям и потребностям.

Важнейшие национальные интересы Российской Федерации **на региональном уровне** сводятся к обеспечению стабильного и безопасного международного окружения, а также к продвижению и закреплению ее военно-политических и экономических позиций на мировой арене на основе использования механизмов регионального сотрудничества.

Важнейшие национальные интересы Российской Федерации **на субрегиональном уровне** (постсоветском пространстве) состоят в развитии всесторонних взаимовыгодных связей со странами СНГ и участии в развитии интеграционных процессов между ними на взаимной основе, что является важнейшей предпосылкой не только региональной, но и международной безопасности.

Основными приоритетами во внешней политике, как они определены в основополагающих государственных документах по национальной безопасности и внешней политике Российской Федерации, должны быть следующие:

- поддержание стабильности в мире и в отдельных регионах, прежде всего по границам России, в отношениях со странами ближнего зарубежья, а также Европы и Азии, сохранение и развитие с ними взаимовыгодных торгово-экономических связей;
- ликвидация межнациональных конфликтов, обеспечение гражданского мира;
- создание условий для интеграционных тенденций в рамках СНГ и распространение их на область политики, обороны и безопасности с перспективой формирования системы коллективной безопасности и оборонительного союза;
- локализация и урегулирование «тлеющих» конфликтов на Северном Кавказе, в Закавказье и Таджикистане;
- цивилизованная защита прав русскоязычного и российского населения в странах ближнего зарубежья и других странах;
- укрепление норм международного права, приверженность целям и принципам Устава ООН при их разумном обновлении;
- практическое продвижение в направлении формирования в Европе качественно новой системы коллективной безопасности, отвечающей интересам всех участников общеевропейского процесса;
- дальнейшее развитие стабильных партнерских отношений со странами и военно-политическими организациями Запада, в первую очередь с США.

Внешняя политика должна быть направлена на решение трех блоков проблем: экономических, социальных и военно-политических.

Применительно к экономическим проблемам внешнеполитическая деятельность должна стимулировать повышение благосостояния населения, создавать условия для национальной модернизации и перехода страны к инновационному типу развития, включая укрепление позиций России в системе международного разделения труда, содействовать привлечению иностранных инвестиций и продвижению интересов национального капитала за рубежом.

В социальной сфере внешняя политика должна быть направлена на обеспечение стабильности, формирование системы управления конфликтами и кризисами и разрешения возникающих противоречий мирными средствами, на нейтрализацию межнациональных противоречий на основе сглаживающих народы России общенациональных ценностей.

Задачи внешней политики в военно-политической сфере призваны обеспечить суверенитет и независимость России, безопасность живущих на ее территории народов, а также российских соотечественников за рубежом.

Политика национальной безопасности России во внешней сфере требует реформирования механизма практической деятельности как исполнительной, так и законодательной власти. Требуется создать такой механизм адекватной и эффективной реализации политики национальной безопасности, который позволял бы России выступать с единых позиций, добиваться достижения согласованных целей, последовательно обеспечивать защиту национальных интересов.

В краткосрочном (2–3 года) плане необходимы:

- ликвидация вооруженных межнациональных конфликтов в непосредственной близости от границ РФ;
- достижение договоренности о едином экономическом и оборонном пространстве с государствами Содружества;
- окончательное урегулирование проблем, связанных со статусом русскоязычного населения в странах Балтии и государствах СНГ.

В среднесрочном (5–10 лет) плане:

- укрепление отношений со странами Содружества, координация с ними действий внешнеполитического характера, содействие интеграционному процессу;

- стабилизация отношений с Литвой, Латвией и Эстонией;
- урегулирование со всеми сопредельными странами вопроса о государственных границах;
- нормализация отношений со странами Центральной и Восточной Европы, перевод их на уровень взаимовыгодного сотрудничества;
- устранение дискриминационных мер по отношению к России в области международной торговли;
- нормализация отношений со странами «исламского мира». Перекрытие каналов проникновения исламского фундаментализма на территорию Российской Федерации;
- сохранение нормальных отношений со всеми крупными государствами мира, и в первую очередь с США, доведение их до уровня реального (а не декларированного, т.е. вербального) партнерства;
- достижение приемлемого для России компромисса в отношениях с Японией.

В долгосрочном (15–20 лет) плане:

- содействие укреплению общей стабильности в мире путем создания региональных и глобальной систем коллективной безопасности, укрепления ООН, ОДКБ, ШОС и других международных организаций;
- выход в число передовых постиндустриально развитых государств мира и обеспечение соответствующего международного статуса одного из пяти мировых лидеров современного мира.

Что касается сферы внешней безопасности, то приоритетными направлениями для России являются:

- развитие системы двусторонних и многосторонних договоренностей между государствами об отказе от силовой политики, имея в виду исключение применения военной силы или угрозы ее применения;
- сдерживание конкретных военных угроз преимущественно в рамках систем коллективной безопасности на глобальном и региональном уровнях; создание системы коллективной безопасности и общего военно-стратегического пространства СНГ на основе имеющихся двусторонних соглашений и многосторонней Организации Договора о коллективной безопасности;
- противодействие попыткам перенести центр тяжести в вопросах обеспечения безопасности на организации, в которых Российская Федерация реально не представлена;
- совершенствование существующих и создание новых эффективных механизмов контроля за нераспространением оружия массового поражения и средств его доставки;
- продолжение процесса ядерного разоружения при приоритете национальных интересов в развитии ядерного комплекса, вовлечение в этот процесс третьих государств;
- недопущение подрыва стратегической стабильности и нанесения ущерба безопасности Российской Федерации за счет нарушения или одностороннего пересмотра международных соглашений в этой области.

Отдавая приоритет в решении проблем внешней безопасности политико-дипломатическим и иным мирным средствам, Российская Федерация в полной мере обладает правом на вооруженную защиту своих жизненно важных интересов, на индивидуальную и коллективную оборону, предусмотренную Уставом ООН, в случае агрессии против нее или ее союзников. В новых условиях военное строительство должно осуществляться не на основе «стационарной» военной доктрины, а с учетом динамичного

комплекса концепций (принципов), которые в случае необходимости можно было бы оперативно реформировать в соответствии с новыми условиями.

В Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 июня 2008 г. главные внешнеполитические усилия ориентированы на достижение следующих основных целей:

- обеспечение безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, в наибольшей мере отвечающих интересам Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира и необходимых для роста ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала;
- создание благоприятных внешних условий для модернизации России, перевода ее экономики на инновационный путь развития, повышения уровня жизни населения, консолидации общества, укрепления основ конституционного строя, правового государства и демократических институтов, реализации прав и свобод человека и, как следствие, обеспечение конкурентоспособности страны в глобализирующемся мире;
- воздействие на общемировые процессы в целях установления справедливого и демократического миропорядка, основанного на коллективных началах в решении международных проблем и на верховенстве международного права, прежде всего на положениях Устава ООН, а также на равноправных и партнерских отношениях между государствами при центральной и координирующей роли ООН как основной организации, регулирующей международные отношения и обладающей уникальной легитимностью;
- формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие устраниению имеющихся и предотвращению возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах и других районах мира;
- поиск согласия и совпадающих интересов с другими государствами и межгосударственными объединениями в процессе решения задач, определяемых национальными приоритетами России, создание на этой основе системы двусторонних и многосторонних партнерских отношений, призванной обеспечить устойчивость международного положения страны к колебаниям внешнеполитической конъюнктуры;
- всестороннюю защиту прав и законных интересов российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом;
- содействие объективному восприятию Российской Федерации в мире как демократического государства с социально ориентированной рыночной экономикой и независимой внешней политикой;
- поддержку и популяризацию в иностранных государствах русского языка и культуры народов России, вносящих уникальный вклад в культурно-цивилизационное многообразие современного мира и развитие партнерства цивилизаций.

Программа **«Межрегиональные исследования в общественных науках»** была инициирована Министерством образования Российской Федерации, АНО «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000 г.

Целями Программы являются расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральными элементами Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, г. Москва, почтаamt, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» — российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие институционализированному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана Центра Вудро Вильсона был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) — частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки.